Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

СЕНТЯБРЬ. 1906.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. 2-ую стр. обложки*).

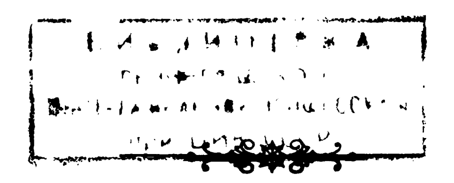
VE RI
TAS

СЕНТЯБРЬ. 1906.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1906.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже **15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

АРЕНДА.

(Разсказъ).

V.

На деревнѣ все было тихо. Всѣ спали, но спали тревожно и чутко, какъ на войнѣ передъ сраженіемъ. Угрюмо и тяжело глядѣли черные силуэты избъ, разсыпанныхъ по горѣ, неподвижно стояли кое-гдѣ черныя деревья, только изрѣдка шелестя чуть-чуть верхушками и опять умолкая.

Надъ большой старой избой повѣсившагося мельника— такой черной и осѣвшей, какъ будто она жила еще воспоминаньями о темной и таинственной драмѣ, разыгравшейся въ ней—чуть качался на длинномъ шестѣ соломенный кругъ съ привѣшенными къ нему кистями.

Скучно и медленно, позѣвывая и останавливаясь въ долгой молчаливой задумчивости, ходилъ около нея отъ угла къ углу часовой казакъ. А въ черныхъ сливающихся въ одно длинное пятно избахъ спали мужики, храпѣли, стонали во снѣ, бубнили что-то глухими, хриплыми голосами,— разбуженные невыносимымъ зудомъ паразитовъ, просыпались, чесались и, сидя на кроватяхъ, на сѣнѣ, на лавкахъ или просто на полу, долго и внимательно прислушивались къ чему-то. Потомъ опять падали и засыпали и опять храпѣли и бормотали что-то, чавкали губами и стонали, какъ будто на грудь имъ налегла большая тяжесть. А у кого была безсонница—у того зрѣли медленныя и темныя думы, рожденныя темнотою и уходившія въ темноту, оставляя въ душѣ смутную невѣдомую печаль.

И только на чердакѣ Феклистовой избы слабой и трепетной звѣздочкой горѣлъ одинокій огонекъ,— блестѣлъ и дрожалъ среди окружавшаго мрака, пугаясь и борясь съ нимъ, вспыхивалъ ярче и снова горѣлъ.

Старый Феклистовъ, крѣпкій и казавшійся сѣрымъ отъ

спутанныхъ, налѣзавшихъ на лобъ всклокоченныхъ волосъ, сидѣлъ надъ Екклесіастомъ, читалъ вѣчную книгу, поднималъ голову, упорно и подолгу смотрѣлъ въ сверкавшую струганнымъ тесомъ переборку и шепталъ:

...Ибо человѣку, который добръ предъ лицомъ Его, Онъ даетъ мудрость, знаніе и радость... А грѣшнику даетъ заботу собирать и копить, чтобы послѣ отдать добрымъ передъ лицомъ Божіимъ...

И прибавлялъ присловіе, которымъ заканчивалъ каждую рѣчь свою:—Не по-божьи стало...

И опять читалъ, подымалъ голову, долго думалъ и прислушивался къ сонной тишинѣ деревни. А когда, въ разбродъ и нестройно перекликаясь сиплыми голосами, пропѣли вторые пѣтухи—одинокій огонекъ потухъ: все стало темно и тихо и не слышно было даже часового, ходившаго внизу у избы мельника. И онъ, вѣрно, заснулъ...

Неожиданно громкимъ звукомъ ворвался въ тишину спящей деревни гулкій топотъ тяжелыхъ сапоговъ по высохшей дорогѣ и возбужденный крикъ многихъ растерянныхъ голосовъ.

Нельзя было различить криковъ отдѣльныхъ людей, но слышно было, что ихъ много, что они задыхаются отъ бѣга, что они возбуждены. Гулко и отрывисто топотали ноги по доскамъ моста, и сразу выдѣлился отдѣльный будящій крикъ:

— Нашихъ бьютъ! Выручай, робя, нашихъ бьютъ!!!

Хрипящая, шумная и торопливая волна вкатилась въ сонную улицу и, какъ пролитая вода, побѣжала по избамъ отдѣльными ручейками, съ тѣмъ же тревожнымъ, призывнымъ крикомъ:

— Нашихъ бьютъ!!!

И изъ темныхъ, молчаливыхъ до сихъ поръ избъ, громыхая подкованными сапогами и подстегивая на ходу шашки, торопливо посыпались темныя фигуры казаковъ и забѣгали по деревнѣ, мелькая темными крикливыми силуэтами, сталкиваясь въ темнотѣ другъ съ другомъ, отрывисто спрашивая и отвѣчая.

Въ воздухѣ повисли отдѣльные крики, вопросы и угрозы, кто-то злобно и грубо ругался:

— Я имъ покажу, мать ихъ такъ!—кричалъ онъ въ темнотѣ, возясь съ чѣмъ-то на дворѣ. Стой, дьяволъ! Я имъ покажу, какъ казаковъ бить!.. Убью и въ отвѣтѣ не буду, тпру-у-у-у ты, анафема!

Изъ воротъ вынесся всадникъ на пугливой, бѣшено вертѣвшейся лошади и, неистово хлопая ее по бокамъ нагайкой, понесся подъ гору къ мосту; оттуда неслись крики,

ругань, и—то свиваясь, то растягиваясь—кипѣла тамъ черная куча людей.

— Доньцы-ы-ы, сю-ды-ы-ы!!—оралъ всадникъ, колотя нагайкой ошалѣвшую лошадь,—я тѣ покажу, какъ съ казаками драться!..

Изъ воротъ за нимъ вырвались еще два-три всадника и понеслись къ мосту съ крикомъ, гиканьемъ и свистомъ. Кое-гдѣ замелькали бѣлыя фигуры мужиковъ — растерянныхъ и испуганныхъ, въ окнахъ вспыхнули и замелькали дрожащіе, торопливые огоньки.

Старый Феклистовъ тоже зажегъ огонь и высунулся въ окно, вырисовываясь на свѣтломъ квадратѣ плотнымъ, чернымъ силуэтомъ.

Гдѣ-то звякнуло и задребезжало посыпавшимися осколками разбитое стекло, кто-то закричалъ неистово и, какъ будто, обиженно, и этотъ крикъ долго висѣлъ въ всколыхнувшемся тревожномъ воздухѣ.

А внизу у моста шла драка—жестокая и страшная по своей злобѣ, висѣли колыхающимся облакомъ крики, и кругло и злобно-законченно выдавалась циничная брань, вперемежку съ твердыми ударами.

— Насѣдай, ребята, дай имъ встряску, зазнались чертовы дѣти!..—оралъ кто-то дикимъ, свирѣпымъ голосомъ:—тоже слуги царскіе—ворюги, разбойники!

— Кольемъ ихъ лупи!

— А-а а, на коня залѣзъ, вотъ тѣ!

— Убили-и-и!

— Бей, бей ихъ!!..

— Станишники, у шашки ихъ, руби треклятыхъ!

— А-а-а-о-о-у-у!!—какъ тревожный и частый набатъ, неслось надъ деревней рѣзкимъ, воющимъ звукомъ, и, казалось, черный, сырой воздухъ мечется и рвется отъ этого воя, стоновъ и крика.

Изъ избъ по прежнему выбѣгали казаки и мужики и, не зная въ чемъ дѣло, кто кого и за что бьетъ, тутъ же схватывались другъ съ другомъ, и драка росла и катилась по испуганной, взбудораженной деревнѣ. Казаки думали, что мужики хотѣли перерѣзать ихъ сонными, а мужики думали, что казаки устроили погромъ, и защищались, озлобленные безпомощностью и беззащитностью, освирѣпѣлые отъ всего того, что выносили они со дня прихода казаковъ. Все давнишнее, медленно, капля по каплѣ, копившееся недовольство, вся тяжесть голодной и безправной жизни вспыхнула теперь неукротимой злобой, и, чувствуя, что теперь имъ терять нечего, что нѣтъ уже ничего такого, чего бы у нихъ не могли отнять, что жизнь ихъ пришла къ тому предѣлу,

когда самый страхъ перешелъ стадію ужаса и растаялъ въ чувствѣ полной безнадежности и тупого равнодушія — они свирѣпо, какъ загнанный и затравленный звѣрь, мстили безпощадной дракой, вооружаясь кто чѣмъ могъ, не защищаясь отъ ударовъ, а стараясь только какъ можно больнѣе и безпощаднѣе нанести ихъ.

И когда казаки, тоже озвѣрѣвшіе и обезумѣвшіе, избивъ и прогнавъ парней, ринулись отъ моста наверхъ, — кто-то изъ нихъ пронзительно крикнулъ:

— Станишники, гляди, коней не перерѣзали-бъ! — и они разсыпались по стоянкамъ во дворы, гдѣ, перепуганныя всѣмъ хаосомъ, бабы и ребята выли и голосили; мужики бросились туда же, и драка закипѣла въ тѣсныхъ, заставленныхъ телѣгами и сохами дворахъ, подъ низкими повѣтями, гдѣ негдѣ было размахнуться и гдѣ схватывались грудь съ грудью, душили другъ двуга, кусали и катались по землѣ, натыкаясь на колеса, кадки, сошники...

Въ офицерской избѣ вспыхнулъ огонь, и зашаталась чья-то длинная черная тѣнь. Черезъ минуту оттуда вышелъ офицеръ и, смутно выдѣляясь въ темнотѣ бѣлымъ кителемъ, быстро сѣлъ на выведенную уже лошадь.

— Урядника Вереду позвать, куда чортъ дѣлся! - громко и сердито крикнулъ онъ, сдерживая топтавшуюся на мѣстѣ лошадь.

Драка перекинулась уже вверхъ по деревнѣ и сосредоточилась у прогона, что велъ къ мочиламъ. Тамъ, сжимаясь и растягиваясь, катался живой и быстрый комокъ людей, иногда неожиданно высокимъ силуэтомъ мелькалъ на мгновеніе всадникъ и тотчасъ же пропадалъ куда-то, и снова несся только разноголосый, озлобленный крикъ, трескъ ломаемаго дерева и чьи-то стоны.

Офицеръ не дождался пропавшаго урядника, быстро повернулъ лошадь и, поднявъ ее въ галопъ, поскакалъ въ гору, въ самую гущу драки.

— Стой, черти, по мѣстамъ, расходись, дьяволы! — еще издали кричалъ онъ, въ то время какъ лошадь, фыркая и все поддавая ходу, неслась въ гору. — Подъ арестъ поганцевъ, что такое затѣяли!!!..

Лошадь съ размаху врѣзалась въ толпу, ударила грудью большое черное пятно, и оно покатилось куда-то внизъ; другой силуэтъ появился у самаго сѣдла, и офицеръ схватилъ его за шиворотъ.

— Пусти! — неестественно-громкимъ и злобнымъ голосомъ заоралъ человѣкъ. — Пусти!.. Я ихъ, кацаповъ!..

— Назадъ, я тебѣ! - также громко кричалъ офицеръ, усиливаясь удержать казака.

— Пусти!—коротко рявкнулъ казакъ и, рванувшись въ сторону, высвободился и кинулся опять впередъ, въ драку.

— Бей ихъ, чертей некрещеныхъ!—гремѣлъ откуда-то глухой срывающійся голосъ Касьянова:—подбавляй имъ!

— Чего глядѣть — руби ихъ!—отвѣчалъ изъ каши прыгающихъ, мечущихся и болтающихъ руками тѣлъ урядникъ:— попомните, сиволапые!

Свѣтлымъ, мелькающимъ пятномъ вертѣлся бѣлый, распахнутый китель офицера въ черной, горячей толпѣ, и напряженный сердитый крикъ тонулъ въ общемъ гулѣ и казался слабымъ и охрипшимъ.

Кто-то, размахнувшись, ударилъ лошадь по мордѣ, она запрокинулась на дыбы и шарахнулась въ сторону, сбивая съ ногъ людей и давя ихъ. Офицеръ выхватилъ нагайку и, сжавъ зубы, съ остервенѣніемъ началъ осыпать ударами и лошадь, и всѣхъ, кто былъ близко.

— Расходись, проклятые, по мѣстамъ, сволочь!—кричалъ онъ.—Я вамъ, мерзавцы!..

Свѣтлое пятно рубахи неожиданно вынырнуло у самой морды лошади, и офицеръ съ размаху опустилъ на него плеть. На мгновеніе рубаха остановилась, и въ темнотѣ мелькнуло остановившееся тоже лицо, и офицеру показалось, что на него прямо уставились два острыхъ, напряженныхъ глаза. Онъ взмахнулъ опять плетью, но лицо откинулось, бѣлое пятно рубахи стремительно взмахнуло назадъ въ сторону длинными рукавами, и страшный ударъ чѣмъ-то тупымъ и твердымъ, какъ дерево, въ плечо и грудь свалили его съ лошади. И, падая, онъ замѣтилъ только одно: блѣдное съ стиснутыми губами лицо, окруженное безпорядочно вьющимися рыжими волосами, съ горящимъ напряженнымъ взглядомъ, описало полукругъ и исчезло, а черезъ моментъ черная, сырая земля, на которой, какъ въ странной пляскѣ, крутились копыты лошади, чьи-то сапоги и босыя мелькающія ноги крѣпко и больно ударили въ лицо, и все заволоклось и уплыло куда-то...

— Сотника убили, лови, держи!—загудѣло надъ толпой:—рыжаго, рыжаго держи, рыжій убилъ!..

Бѣлая рубаха вынырнула изъ толпы и, какъ маленькій, свѣтлый комочекъ, покатилась внизъ, подъ гору.

— Держ-и-и!!!—ревѣли сзади задыхающіеся казаки:—держи, офице-е-е-ера уби-и-илъ!!!

Навстрѣчу бѣжали бабы и дѣти съ воплями и стонами: по дворамъ шелъ погромъ, казаки ломали, били все, что попадалось подъ руку. Изъ Захаровой избы выползло большое пятно, все бѣлое, хрипящее и страшное отъ протянутыхъ впередъ безпомощныхъ рукъ.

— Пра...православные...правос...лавные!!—сипѣлъ старый Захаровъ и сѣменилъ толстыми опухшими ногами.—Пра... вослав...ные-е-е-е!..

Онъ стремился уйти, задыхался и, закинувъ назадъ лысую обрюзглую голову, вытянувъ прямо передъ собою руки, пыхтѣлъ, какъ старая, испорченная машина. Безсильныя ноги не слушались—дѣлали до смѣшного маленькіе дѣтскіе шаги, и отъ этого казалось, что онъ танцуетъ на одномъ мѣстѣ странный и непонятный танецъ.

— Православн...—прохрипѣлъ онъ въ послѣдній разъ и, видя что ему не уйти, что большое, опухшее тѣло отяжелѣло и обезсилѣло, а толстыя, какъ бревна, отекшія ноги не слушаются, опустилъ руки, остановился и заплакалъ безсильными, дѣтскими слезами.

— Аб...рамъ!—крикнулъ онъ еще разъ, когда человѣкъ въ бѣлой рубахѣ, шарикомъ катившійся сверху, мелькнулъ мимо него:—Абра-а-а-амъ!..

Абрамъ на мгновеніе пріостановился, но махнулъ рукой, свернулъ въ сторону и побѣжалъ еще быстрѣй. А мчавшіеся съ крикомъ и свистомъ за нимъ казаки сшибли съ ногъ стараго Захарова, и онъ упалъ, грузно ударившись о землю своимъ пухлымъ тѣломъ; по немъ бѣжали, объ него спотыкались, а онъ неподвижно лежалъ и стоналъ тихо и жалобно, и тѣ же безсильныя дѣтскія слезы текли изъ глазъ.

Абрамъ метнулся къ избѣ Феклистовыхъ, но и тамъ слышались крики и шумъ, и могучій голосъ старика гремѣлъ сверху. Онъ остановился, но тотчасъ же сообразилъ, что если пробѣжать Феклистовъ дворъ—онъ попадетъ въ огородъ и садъ, а оттуда въ поле. Онъ нырнулъ въ калитку и бросился къ повѣти, гдѣ былъ ходъ въ садъ.

Неожиданно и быстро отпахнулась дверь избы, яркій снопъ свѣта ударилъ оттуда, и чья-то маленькая сжавшаяся фигурка, скользнула по ступенькамъ крыльца.

И когда Абрамъ былъ уже въ огородѣ и, пригнувшись, бѣжалъ между высокими грядами, засаженными капустой разсадой,—онъ безсознательно, механически вспомнилъ эту фигуру и узналъ ее: это была Фиша, и ея испуганное, прозрачное лицо съ удивленно приподнятыми, полукруглыми бровями мгновенно мелькнуло въ лучѣ свѣта, вырвавшагося изъ двери.

Абрамъ добѣжалъ до изгороди, однимъ прыжкомъ перемахнулъ черезъ нее и побѣжалъ внизъ по паровому полю. Раза два мелькнула его бѣлая рубаха въ подымавшемся съ земли сѣромъ туманѣ, мелькнула еще разъ и исчезла, расплылась и растаяла, поглощенная этимъ туманомъ. И только вѣтви задѣтой у изгороди бузины долго еще качались и ше-

велили листьями, роняя крупныя, звонкія капли насѣвшей росы.

А въ это время Фиша бѣжала, прижавъ сцѣпленныя руки къ груди, широко открывъ испуганные, остановившіеся глаза и повторяя одно только слово:

— Господи, Господи, Господи...

И въ этомъ словѣ—пустомъ и незначущемъ звукѣ—слилось все отвращеніе, весь ужасъ и вся безпомощность ея маленькаго гибкаго тѣла, казавшагося такимъ хрупкимъ и слабымъ.

Она бросилась черезъ дворъ въ огородъ, рванула калитку подъ повѣтью—и та, стукнувшись объ стѣнку, захлопнулась сзади, громко звякнувъ щеколдой; и тотчасъ же шумъ и крики въ домѣ и на улицѣ внезапно и странно потухли и отошли, а въ лицо пахнулъ запахъ сырости, мокрой травы и свѣжихъ листьевъ.

— Господи,—шептала Фиша помертвѣлыми, трудно шевелившимися губами,—Господи, что же это?!

Она остановилась передохнуть у яблони, смутно бѣлѣвшей въ темнотѣ обмазаннымъ известкой стволомъ, подъ ея корявыми далеко протянувшимися вѣтвями. Яблоня была старая, верхушка ея уже умерла и сучья торчали голые и сухіе, и только на нижнихъ вѣткахъ кое-гдѣ между плотными пятнами листьевъ смутно и прозрачно выдѣлялись рѣдкіе цвѣты. А рядомъ, у колодца, стояла молоденькая яблонька—вся бѣлая отъ покрывавшихъ ее цвѣтовъ, скромная и радостная днемъ въ лучахъ солнца, будившая во всякомъ проходящемъ мимо отблескъ трогательной нѣжности и любви.

Фиша прислонилась къ старой яблонѣ, смотрѣла на знакомую и такую близкую молодую и прислушивалась. Сердце сильно билось, какъ будто въ груди кто-то громко и крѣпко стучалъ чѣмъ-то твердымъ и крѣпкимъ, ноги дрожали и подгибались, а въ ушахъ гудѣлъ ровный и тягучій звонъ, страшно мѣшавшійся съ наплывавшимъ на глаза туманомъ, въ которомъ колебалась и пряталась бѣлая яблонька, то подходя вплотную, то удаляясь, дѣлаясь меньше и исчезая.

Вдругъ посреди звона, плотной нотой гудѣвшаго въ ушахъ, отчетливымъ и рѣзкимъ звукомъ звякнула щеколда, зашуршала мокрая трава, хрустнули какія-то сучья. И тотчасъ же то, что крѣпко и больно стучало въ груди Фиши, вдругъ упало куда-то и замерло; легкое и незамѣтное прежде тѣло внезапно стало страшно тяжелымъ и безсильнымъ, а ноги ослабѣли, и чтобы не упасть—Фиша ухватилась за яблоню.

А когда въ затѣненномъ деревьями сѣромъ сумракѣ вы-

двинулось темное пятно, казавшееся огромнымъ, расплывчатое и живое—все внутри оборвалось, похолодѣло и смолкло, какъ внезапно остановившаяся машина. И осталась одна только мысль—бѣжать, уйти, но силъ не было, ноги сдѣлались мягкими и заплетались, а тѣло тяжелымъ и безвольнымъ, и это было похоже на тѣ сны, когда человѣкъ убѣгаетъ отъ какой-то невѣдомой, но страшной опасности, стремится сдвинуться съ мѣста, а ноги приросли къ землѣ, слѣпой ужасъ сковываетъ движенія, хочется крикнуть—и нѣтъ голоса, и липкій холодный потъ выступаетъ на тѣлѣ.

Такъ продолжалось съ секунду, а потомъ наступило странное безразличіе и тупое холодное равнодушіе, и уже не надо было бѣжать, а было все равно.

Большое черное пятно вплотную придвинулось къ Фишѣ и молча и сильно ударило ее въ грудь. Фиша качнулась, въ послѣднемъ усиліи хотѣла удержаться за яблоню, но руки разжались, и она мягко и неслышно упала на землю прямо въ мокрую отъ росы траву. Противная хрипящая масса навалилась на нее, и тогда въ послѣдній разъ—какъ сверкающая искра среди мрака—вспыхнула безумная ненависть, похожая на отчаяніе, и Фиша забилась, извиваясь и ерзая по травѣ, какъ маленькая, злобная змѣйка.

— И-и-и!!!—вдругъ пронзительно и рѣзко завизжала она и изо всей силы впилась въ большую потную руку своими мелкими острыми зубами.

Казакъ рявкнулъ, и на мгновеніе во миракѣ сверкнули свѣтлые выпученные глаза, но потомъ, хрипя и ругаясь, онъ повалился на нее еще крѣпче. Фиша уперлась руками ему въ грудь, и эти тонкія слабыя руки, какъ эластичныя стальныя пружины, гнулись и отталкивали тяжелое, горячее тѣло.

— И-и-и!—уже слабо и тихо визжала она.

Казакъ вырвалъ свою руку и съ размаху ударилъ дѣвушку по головѣ разъ и другой.

— Ты та-а-къ!—хрипѣлъ онъ:—ты та-а-къ, стерва!

Ему удалось обхватить ее по поясу, и онъ сразу и крѣпко прижалъ ее къ себѣ, такъ что въ груди у Фиши что-то хрустнуло и она сразу разбросила руки.

Быстро и близко передъ ея глазами замаячило мутное пятно большого лица съ свѣтлыми блестящими глазами, затрудненное торопливое дыханіе обдало ее горячей струей, гдѣ-то затрещала разрываемая матерія—и все это смѣшалось въ смутный, дрожащій туманъ...

А когда дѣвушка очнулась, казакъ стоялъ около нея, и весь онъ сталъ какъ-то меньше, ниже и опустился и смотрѣлъ на нее, какъ будто, съ отвращеніемъ.

— У-у-у, стерва! — равнодушно и тускло проговорилъ онъ, зажимая пальцами текущую изъ прокушенной лѣвой руки кровь.—Подберись хуть, что-ли...

И, переваливаясь, покачиваясь на кривыхъ, подгибающихся ногахъ, пошелъ назадъ во дворъ.

Фиша лежала, не двигаясь, прямо глядя передъ собою остановившимися потухшими глазами. Уже свѣтлѣло, и небо стало плотнымъ и приняло молочно-бѣлый оттѣнокъ, и между деревьями легко и призрачно шевелился туманъ, живой и цѣпкій, окутывающій кусты мягкой колеблющейся дымкой. Было холодно—и мелкая дрожь временами пробѣгала по холодному, измятому тѣлу, и это тѣло казалось не своимъ, привычнымъ и обыкновеннымъ, а новымъ, безжизненнымъ и странно-чужимъ.

VI.

Еще ночь не прошла, и тьма клубилась въ лѣсу и оврагахъ, а рѣка пряталась въ ней такъ, что ее нельзя было видѣть, и о томъ, что она бѣжитъ гдѣ-то по дну глубокой балки, можно было догадаться по холодной сырости и по немолчному всхлипыванью журчащихъ струй, пробиравшихся черезъ старую, разрушенную запруду. Чернымъ зловѣщимъ пятномъ—страннымъ отъ обнаженныхъ стропилъ крыши и покосившихся стѣнъ—торчала въ этой тьмѣ старая мельница, и теперь, когда ночь еще не прошла и утро еще не наступило, а только плотной молочной дымкой ушло вверхъ небо—можно было повѣрить, что въ ней водится всякая нечисть, и людямъ надо избѣгать ея.

Абрамъ остановился у моста и чутко и остро прислушался. Уже все давно успокоилось, только внизу подъ мостомъ плакали и жаловались и разсказывали что то захлебывающіяся струйки. Не было вѣтра—и вылѣзавшія изъподъ берега у самаго моста кусты тянули свои неподвижныя вѣтки, какъ чьи-то застывшія руки.

Оттого, что ночь онъ просидѣлъ въ лѣсу, зарывшись въ прошлогодніе сырые листья, и оттого, что со вчерашняго утра онъ ничего не ѣлъ, Абраму было холодно, и все тѣло дергалось рѣзкой и сильной дрожью, отъ которой лязгали челюсти и ихъ надо было крѣпко сжимать, чтобы не стучали зубы.

Слухъ и обоняніе сдѣлались страшно чувствительными, и теперь Абрамъ различалъ запахъ сырой травы, мокрой земли и затхлой гнили, которой несло изъ мельницы.

Онъ постоялъ еще немного, прислушался, склонивъ го-

лову на бокъ и выжидательно глядя исподлобья прищуренными напряженными глазами, и осторожно, согнувшись и затаивая дыханіе, пошелъ черезъ мостъ, потомъ вдоль улицы вверхъ по горѣ, держась около избъ и пригибаясь подъ окнами.

Было что-то загнанное, звѣриное въ этой согнувшейся въ напряженномъ вниманіи фигурѣ, какъ будто это шелъ не человѣкъ къ тому мосту, гдѣ онъ родился и выросъ, а загнанный хищный и голодный волкъ, опасавшійся, что вотъ-вотъ откуда нибудь грянетъ выстрѣлъ и придетъ смерть.

Впереди, избы за три отъ Абрама, въ тускло-бѣлесоватомъ небѣ замаячилъ высокій шестъ и на немъ соломенный кругъ съ длинными соломенными кистями. И въ то время, когда Абрамъ соображалъ, что это офицерская стоянка,— гдѣ-то совсѣмъ близко, въ тѣни у избы, брякнуло ружье и охрипшій голосъ зѣвнулъ сладко и протяжно:

— А-а-а-ха-ха-а-а!!!

И опять стало такъ тихо, что Абраму почудилось, будто онъ слышитъ дыханіе часового.

Онъ выждалъ минуты двѣ и, также согнувшись, не оборачиваясь, а упорно глядя въ ту сторону, гдѣ долженъ былъ стоять солдатъ, двинулся задомъ опять внизъ подъ гору. И такъ прошелъ избы три, до узенькаго прогона на задворки между избами Синельника и Феклистовыхъ. А когда свернулъ въ прогонъ, то, по прежнему согнувшись и затаивъ дыханіе, побѣжалъ мелкими шажками вдоль темной и мокрой отъ осѣвшаго тумана стѣны скотнаго двора, откуда несло терпкимъ запахомъ навоза и парного молока отъ коровъ.

На выгонѣ, уже позади деревни, онъ остановился и опять прислушался. Опять все было тихо, и даже плескъ рѣчки доносился сюда глухо и неразборчиво, какъ во снѣ. Внизу подъ горою лѣниво и скучно дергалъ коростель, и отрывистый, похожій на скрипъ, крикъ его каждый разъ долго звенѣлъ въ молочномъ сумракѣ, все больше и больше наполнявшемся бѣлымъ туманомъ.

Здѣсь нечего было опасаться, что его увидятъ, и Абрамъ свободно и легко пошелъ по мокрой росистой луговинѣ къ своей избѣ. А когда подошелъ, то остановился и долго озирался кругомъ.

Изба Абрама была старая, покосившаяся, Богъ вѣсть когда строенная. Мѣстами въ ней, также какъ и въ примыкавшихъ съ трехъ сторонъ хлѣвахъ, бревна повыгнили, стѣны осѣли и выгнулись крутыми загибами, и чтобы онѣ овсѣмъ не упали, Абрамъ подпиралъ ихъ время отъ вре

мени жердями. Отъ этого постройка похожа была на стараго чуть живого инвалида, всею тяжестью опиравшагося на костыли.

По зимамъ въ ней было холодно, и морозъ выступалъ на внутренней сторонѣ стѣнъ лучистыми свѣтлыми узорами, а лѣтомъ—въ жаркое время—онъ выходилъ изъ перегнившихъ бревенъ сплошной плѣсенью, похожей на плотную бѣлую паутину. И, начиная съ перваго тепла весною до крѣпкихъ заморозковъ—въ избѣ стоялъ прокислый, душный запахъ плѣсени и сырости, отъ котораго тяжело было дышать и который невозможно было вывести никакими провѣтриваніями. Когда зимой всѣ жили въ избѣ—въ ней распложалась масса вшей, отъ которыхъ не было спасенія. Они набивались въ тулупы, плотными бѣлыми нитями осѣдали въ швахъ рубахи; забивались въ подушки, и сонъ отъ нихъ былъ не отдыхомъ, а мученіемъ. Дѣти плакали и расчесывали тѣло до ссадинъ, а въ нихъ забиралась грязь и образовывались гнилые чесоточные струпья, и все тѣло зудѣло и чесалось, и нигдѣ нельзя было спастись отъ этого мученья...

Въ этой избѣ Абрамъ прожилъ со дня рожденія, и ему казалось, что всегда она была такая старая, сгнившая и темная, какъ казалось, что вся его жизнь была такая голодная, мучительная и безплодная. У всѣхъ людей онъ—зналъ и видѣлъ это—были дѣтство, молодость, смѣхъ, счастье, а его жизнь словно съ перваго дня началась цѣпью сумрачныхъ, темныхъ дней, полныхъ тоски, униженья, горя и голода, и никогда онъ не былъ молодымъ, смѣющимся, довольнымъ. Это было, онъ вспоминалъ это, но такъ давно и такъ далеко было это и такъ непохоже на теперешнюю жизнь, какъ будто и совсѣмъ не было...

Въ этой избѣ Абрамъ прожилъ тридцать семь лѣтъ, и эта жизнь была не жизнью, а непрестанной борьбой съ голодомъ, болѣзнью, темнотою... Это была не жизнь, а сплошная цѣпь всевозможныхъ огорченій, обидъ, боли... Были моменты, когда дѣти плакали отъ голода, и имъ нечего было дать, у взрослыхъ падали силы и наступало холодное отчаяніе, люди ходили, какъ лунатики,—полуживые по виду и мертвые внутри. И тогда являлось какое-то странное прозрѣніе, и вдругъ видно было, что это не жизнь, и что все это нелѣпо и дико, но почему-то существуетъ и считается обычнымъ и понятнымъ,—и тогда загорался гнѣвный протестъ—и гасъ, подъ смѣною долгихъ, голодныхъ часовъ...

Въ этой избѣ Абрамъ прожилъ всю жизнь—и теперь не могъ войти въ нее.

Гдѣ бы и какъ бы ни жилъ Абрамъ, какъ бы ни сжимала

свое таинственное желѣзное кольцо жизнь—у него всегда было такое мѣсто, куда онъ могъ уйти, скрыться отъ жизни, была своя изба. И какъ-бы ни тяжела была жизнь, мысль о томъ, что есть еще земля и есть еще домъ, сглаживала эту тяжесть и придавала тупымъ и безсмысленно-труднымъ днямъ какой-то особенный смыслъ и оправданіе, и жить было можно. Была семья, была земля, былъ домъ и, стало быть, была надежда выбиться изъ заколдованнаго круга нищеты и голода, было за что уцѣпиться слабой догорающей надеждѣ...

Теперь ничего этого не было.

Въ блѣдномъ предутреннемъ сумракѣ, полномъ неподвижно нависшей пелены тумана, старая—такая знакомая, извѣстная до мельчайшихъ подробностей—изба была странно чужда и таинственно-молчалива. Теперь тамъ жили иные люди, и все прежнее умерло и никогда не будетъ, а что будетъ—было неизвѣстно и темно, и мысль объ этомъ не будила никакого представленія: какъ будто не могло быть завтрашняго дня и жизнь кончилась уже, и въ будущемъ была одна черная пустота, которую сознаніе не знало чѣмъ наполнить.

Абрамъ смотрѣлъ на знакомыя и чуждыя очертанія старой избы и думалъ.

За стѣной коровника, ближе къ нему, помѣщался огородъ и маленькій садъ, гдѣ сиротливо торчали двѣ старыхъ корявыхъ яблони. Яблокъ на нихъ никогда не было и потому, что они были слишкомъ стары, чтобы выростить плоды, и потому, что едва только завязь принимала форму крохотныхъ зеленыхъ яблочекъ—дѣти срывали ихъ и съѣдали. Между яблонями низко присѣла старая пунька, куда выселилъ Абрама съ семьею пріѣздъ казаковъ.

Абрамъ зналъ, что теперь тамъ спятъ жена и дѣти, и осторожно, прямо по грядамъ, цѣпляясь босыми ногами за уцѣлѣвшія еще кое-гдѣ, твердыя, какъ дерево, кочерыжки прошлогодней капусты, пробрался къ ней.

Дверь была полуотворена, и изнутри доносилось нездоровое, простуженное сопѣнье спящихъ дѣтей и несло сырымъ, затхлымъ запахомъ. На дворѣ шумно вздохнула лошадь и брякнула желѣзомъ. Гдѣ-то совсѣмъ близко, казалось надъ самымъ ухомъ, сиплымъ и неожиданно-рѣзкимъ звукомъ закричалъ пѣтухъ и громко, отчетливо захлопалъ крыльями.

Абрамъ дрогнулъ и оглянулся.

Стало замѣтно свѣтлѣе. Тьма порѣдѣла, вобралась въ землю, въ деревья, въ зданія, а на смѣну ей неподвижно

повисъ бѣлый туманъ, осаждавшійся на травѣ и листьяхъ крупными свѣтлыми каплями.

Въ пунькѣ вдругъ слабо и плаксиво пискнулъ дѣтскій голосъ и вдругъ заговорилъ что то—длинно и незвязно—и также внезапно умолкъ, и опять слышно было только хриплое сонное сопѣнье.

Абрамъ просунулъ голову въ щель двери и, задерживая дыханіе, прошепталъ:

— Пашъ, а Пашъ?!

И помолчалъ, склонивъ голову на бокъ и прислушиваясь.

— Пашъ, а Пашъ?!—повторилъ онъ опять, чуть пріоткрывая скрипнувшую дверь.

— А? Что? Ой, Господи, что это, что это, что это!—испуганно и безсвязно забормоталъ женскій голосъ. — Ахъ, оставьте, охальники, Бога въ васъ нѣту, что это...

— Легче, это я, Абрамъ! — сжавъ зубы, зашепталъ Абрамъ:—чего ты...

На минуту въ темной пунькѣ стало тихо и казалось, будто даже дѣти перестали дышать. И въ этой тишинѣ нарождалось и росло что-то, чего Абрамъ еще не могъ охватить, но что пробѣжало по немъ смутно и съ ужасомъ.

И вдругъ тамъ дрогнулъ и замеръ страшный и безпомощный звукъ, такой легкій и слабый, что нельзя было понять, былъ ли онъ на самомъ дѣлѣ, или только послышался. Абрамъ вдвинулся плечами въ дверь и ждалъ. И еще, какъ чуть тронутая струна, затрепеталъ невѣдомый звукъ, нѣжный и гармоничный, и поплылъ тихимъ и безнадежнымъ плачемъ. И тотчасъ же Абрамъ различилъ странныя безсвязныя слова:

— Охальники... Мужъ мой миленькій!.. Лучше бы убили, ироды, насмѣялись, опозорили, жизни не рада... Убьютъ они тебя, убьютъ... дѣтушекъ малыхъ не пожалѣли, при нихъ надругались... Креста на нихъ нѣту...

Абрамъ слушалъ прерывающіяся, плачущія слова, полныя безмѣрной скорби и горькой обиды, а они падали рѣдкими, чуть звенящими каплями и сливались въ трепетную, журчащую струйку. И не было ни больно, ни обидно, ни жалко даже, какъ будто это давно ожидалось, а опять было все пусто и холодно, и все стало чужимъ и не нужнымъ, словно давно отболѣло и умерло.

Изъ черной, узкой щели полуоткрытой двери высунулось блѣдное, измученное лицо, по которому быстро бѣжали мелкія, частыя слезинки. Женскій всхлипывающій голосъ говорилъ о позорѣ и боли, о страданіи и безъисходной печали и молилъ о чемъ то, а Абрамъ молча слушалъ, и въ опустѣвшей, ставшей холодной и прозрачной, какъ хрусталь

душѣ не было ничего: ни боли, ни обиды, ни жалости даже.

Только одно чувствовалъ Абрамъ: голодъ прошелъ, и очень хотѣлось пить.

Потомъ онъ прищурился, посмотрѣлъ на совсѣмъ уже свѣтлое, полное густого тумана небо и процѣдилъ сквозь зубы:

— Ла-адно!!

И, какъ бы покончивъ съ этимъ, спросилъ:

— Хлѣба нѣту?

— Нѣту... Что давеча у дядюшки Семенъ Феклистыча взяли, то и было... Съѣли... О, Господи!

Она опять всхлипнула и стала причитывать тихо и жалобно, какъ надъ покойникомъ.

— Ладно, идти надо... Проснутся!—отрывисто бросилъ Абрамъ, опять прищурившись и сжавъ зубы, посмотрѣлъ въ даль, полную марева тумана, и пошелъ.

А Прасковья еще долго смотрѣла ему въ слѣдъ и молчала, изрѣдка утирая мелкія, частыя слезинки, торопливо бѣжавшія по лицу, прятавшіяся около губъ и снова появлявшіяся. И казалось—конца имъ не будетъ.

Абрамъ, прячась за старой мельницей, пробирался на мостъ, а съ другой стороны къ ней подходилъ молодой здоровый казакъ безъ шапки и мундира, въ розовой ситцевой рубахѣ и босикомъ. Онъ велъ къ рѣкѣ поить лошадь, унылую, низко опустившую длинную шею, медленно и скучно выступавшую шагъ за шагомъ за нимъ.

Когда они встрѣтились, Абрамъ остановился и сжался, плотно притиснувшись къ скользкой и мокрой отъ тумана стѣнѣ мельницы. На мостъ нельзя было попасть безъ того, чтобы казакъ не увидѣлъ его. Остаться на мѣстѣ тоже было нельзя, потому что казаку, чтобы пройти къ водопою, надо было идти мимо. Стоило только двинуться, чтобы вернуться назадъ—и казакъ его тотчасъ бы увидѣлъ.

Абрамъ прижимался къ мокрой стѣнѣ мельницы, а въ ушахъ звучали далекія и страшныя, недавно слышанныя слова:

— Держи, рыжаго держи: офицера убилъ!

И, какъ близкій и дикій сонъ, мелькнула темная улица, стремительный бѣгъ по ней и сзади топанье, крики и брань казаковъ. И едва только мгновенная и страшная своей безысходностью мысль о томъ, что все кончено, и онъ пойманъ, блеснула въ головѣ Абрама, какъ слѣпая, душная какъ отчаяніе, злость наростающей волной поднялась въ немъ и тяжело и тупо ударила въ голову. И, уже не соображая, какъ и гдѣ онъ его поднялъ,—онъ вдругъ почув-

ствовалъ въ рукахъ недлинный крѣпкій шестъ, съ желѣзнымъ крючкомъ на концѣ—очевидно, изъ тѣхъ, которыми достаютъ ведромъ воду изъ колодца, и въ этотъ шестъ крѣпко до боли вцѣпились его скрюченные пальцы.

Минуты двѣ онъ видѣлъ только темную стѣну покосившейся мельницы, смутныя очертанія моста и живую, колеблющуюся въ плотномъ бѣломъ туманѣ фигуру казака, сливающуюся съ идущей сзади лошадью въ одно маячащее, странное пятно. Потомъ пятно это неожиданно приблизилось и на Абрама взглянули два черныхъ заспанныхъ глаза, тускло свѣтившихся на красномъ измятомъ лицѣ. Лошадь фыркнула позади и остановилась, туго натянувъ поводъ и чутко насторoживъ острыя, чуть вздрагивающія уши.

— Тѣ что нужно? Ты что здѣсь?—проговорилъ казакъ и тоже остановился. И тотчасъ же въ глазахъ и во всемъ красномъ заспанномъ лицѣ его легкой судорогой пробѣжалъ отблескъ растеряннаго страха.

— Тѣ что надобно?—повторилъ онъ и посунулся назадъ, не сводя съ Абрама черныхъ, широко открытыхъ глазъ.

Абрамъ быстро шагнулъ къ нему и, плотно сжавъ челюсти, отчего губы посинѣли и чуть-чуть раздвинулись, открывъ рядъ бѣлыхъ хищно блеснувшихъ зубовъ, взмахнулъ коломъ надъ головой и секунду держалъ его въ воздухѣ надъ собою. И все въ немъ замерло и упало куда-то отъ ужаса и безповоротности того, что должно было произойти здѣсь.

— Что ты, что ты, что ты...—забормоталъ казакъ, отступая назадъ.

— К-хакъ!—отрывисто крякнулъ Абрамъ и съ страшной силой ударилъ его коломъ по головѣ сверху и справа, отчего большое и сильное тѣло казака толкнулось въ сторону и ударилось объ стѣну мельницы.

Испуганная взмахомъ лошадь захрапѣла, взметнулась на дыбы и хотѣла кинуться назадъ, но оборвалась съ узенькой тропинки, потомъ справилась, цѣпляясь передними ногами, и, выбравшись, храпя и фыркая, вскачь понеслась къ дорогѣ, коротко блеснувъ свѣтлыми стершимися подковами.

Казакъ продолжалъ стоять, прислонившись къ скользкой стѣнѣ, широко разставивъ руки съ растопыренными, быстро шевелившимися пальцами, и часто и торопливо мигалъ, словно стараясь смигнуть что-то, наплывавшее на мозгъ непроницаемой плотной пеленой.

Въ томъ же сжавшемся чувствѣ злобы, ужаса и отчаянности передъ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, Абрамъ опять взмахнулъ коломъ и опять ударилъ, почувствовавъ, какъ что-то хряснуло и проломилось отъ его удара. Кровь и розовато-сѣрая масса мозга брызнула на стѣну и на лицо казака и

попозла медленными тягучими струями, закрывая лицо и уползая подъ бровь въ еще открытый и по прежнему быстро и часто мигавшій глазъ. Большое обтянутое розовой рубахой тѣло медленно качнулось и, какъ тяжелый мѣшокъ, стало склоняться, словно низко кому-то кланяясь, вдоль по стѣнѣ, цѣпляясь за темныя мокрыя бревна скрюченными скользкими пальцами. Оно ткнулось въ землю головою, тяжело и неудобно,и задрожало мелкой, прыгающей дрожью. И тотчасъ же мгновенно и неуловимо измѣнилось что-то, отчего Абрамъ снова почувствовалъ себя одинокимъ на узенькой тропинкѣ у стѣны старой мельницы. Уже не было казака, а былъ только одинъ Абрамъ, и у его ногъ, далеко протянувъ босые розовые ноги, съ черными отъ сырой земли подошвами, лежала молчаливая, мертвая куча.

Абрамъ осторожно и стараясь не глядѣть на нее, обошелъ по краю дорожки и побѣжалъ къ мосту. Тамъ онъ остановился, замѣтилъ въ рукахъ недлинный колъ съ желѣзнымъ крючкомъ на концѣ, запачканный кровью и еще чѣмъ то, и, высоко взмахнувъ имъ надъ головою, швырнулъ его въ рѣку. Черная полоса мелькнула раза два, перевернувшись въ воздухѣ, и скрылась въ туманѣ. Потомъ слышно было, какъ всплеснула вода.

А на деревнѣ уже кто-то ругался, слышался топотъ копытъ, и кто-то кричалъ:

— Кой бѣсъ пустилъ коня, чуть не задавилъ треклятый! Не углядѣть за конемъ стало, бабы анафемскія!..

Абрамъ прислушался, тряхнулъ головой и, гулко шлепая босыми ногами по бревнамъ моста, побѣжалъ прочь.

Стало уже совсѣмъ свѣтло, и туманъ сталъ бѣлымъ, и видно было, какъ двигался и клубился онъ, цѣпляясь за траву и кусты, обвивая деревья и камни и оставляя на нихъ крупныя, свѣтлыя, какъ слезы, капли.

Когда же Абрамъ вплотную подошелъ къ лѣсу, и передъ нимъ вдругъ выросла темная и пахучая стѣна его,—вверху, въ небѣ что-то незамѣтно и странно измѣнилось. Туманъ внезапно сталъ розовымъ и легкимъ, задвигался мягкими круглыми клубами и, пронизанный золотымъ свѣтомъ, сталъ таять и раздѣляться большими разорванными клоками.

Абрамъ оглянулся. Странно близкимъ и огромнымъ, какъ будто оно медленно и упорно шло къ лѣсу, глянуло на него солнце; а надъ нимъ сквозь разорванную и таявшую пелену тумана, въ голубомъ, пропитанномъ утреннимъ холодомъ и чистотой небѣ—повисло большое, похожее на бѣлый клокъ неожиданно застывшаго пара, облако...

VII.

Утро встало надъ деревней яркое, солнечное и молчаливое, какъ будто оно не хотѣло и боялось вѣрить тому, что было ночью. Люди не выходили на улицу—и казаки, также какъ мужики, сидѣли по избамъ, не показываясь наружу. Короткое и быстрое смятеніе наступило только послѣ того, какъ нашли трупъ казака у мельницы. Но офицеръ лежалъ разбитый въ своей избѣ, доложить было некому, и трупъ стащили въ баню, а урядникъ отрядилъ двухъ казаковъ въ городъ съ донесеніемъ.

Медленно и осторожно, оглядываясь по сторонамъ, словно ожидая какой-нибудь засады, казаки выѣхали за околицу и тутъ только погнали лошадей. И скрылись за золотымъ, долго курившимся еще въ воздухѣ облачкомъ пыли, а деревня осталась ждать, примолкшая, пустая, какъ будто вымершая.

Вечеромъ, еще не опустилось солнце, полной рысью на большихъ взмыленныхъ лошадяхъ, какъ темная волна, въ деревню вкатился эскадронъ драгунъ. И сразу широкая пустая улица заполнилась большими гнѣдыми лошадьми и усталыми потными людьми въ черныхъ мундирахъ, и ярко и красиво запестрѣли голубые верхи безкозырныхъ фуражекъ солдатъ.

Офицеры тотчасъ же слѣзли съ коней и прошли въ мельникову избу, а минутъ черезъ десять солдатамъ былъ отданъ приказъ: разсѣдлывать и становиться тутъ же посреди улицы бивакомъ. А еще черезъ часъ деревенская улица представляла необычный и странный видъ. У длинныхъ, расположенныхъ вдоль избъ коновязей стояли ряды лошадей, кое гдѣ появились палатки, мѣстами курился костерокъ и кипятились чайники, и вездѣ—на улицѣ, по дворамъ, въ избахъ и на огородахъ—двигались мундиры, звенѣли шпоры и яркими пятнышками мелькали голубые фуражки.

На горѣ у околицы, также какъ внизу у моста, стали часовые. Они медленно прохаживались съ шашками на голо, молчаливые и угрюмые, и никого не пропускали.

А мужики, глядя на все это сквозь занавѣшенныя тряпицами окна, въ щели сараевъ, сквозь плотно притворенныя ворота, не показываясь сами, хмурились и молчали. Только одинъ Феклистовъ, совсѣмъ уже вечеромъ, когда лагерь былъ разбитъ, и часовые стояли по краямъ деревни, вышелъ изъ избы.

— Куда прешь!—окликнулъ его драгунъ, когда старикъ шелъ мимо коновязей:—видишь, лагерь воинскій...

— Ты бы еще у меня въ избѣ лагерь свой воинскій разбилъ да кричалъ—куда прешь!—огрызнулся Феклистовъ и, не обращая на него вниманія, пошелъ дальше.

Кое-гдѣ въ кучкахъ драгунъ виднѣлись казаки. Негромкій говоръ гудѣлъ около этихъ кучекъ: очевидно, казаки разсказывали о событіяхъ ночи.

— Чуть коней не перерѣзали гады! — говорилъ бородатый казакъ собравшимся драгунамъ въ то время, какъ Феклистовъ проходилъ мимо.—Ваше дѣло что—лошадь казенная, а у насъ свой конь... Драка-то что была—офицера мало-мало не убили, станишника одного такъ и кончили... Въ банѣ лежитъ!

Феклистовъ вплотную подошелъ къ казаку.

— Теперь не вы виноваты, озорники, а драку кто затѣялъ? Кто мужиковъ избилъ, половина почитай не отходится? Дѣвокъ кто портилъ? У-у-у, ироды! Будетъ вамъ ужо—погодите, бу-у-удетъ! Не по-божьи, не по-божьи это!—кричалъ онъ, махая руками и наступая на казака.—Въ раззоръ разорили деревню, дочекъ, внучекъ перепортили... Вонъ у меня лежитъ—не то жива, не то нѣтъ! Сына шашкой полоснули! Живъ ли будетъ! Не по-божьи! Свои, чать, деревни, семьи есть—то же будетъ!..

— Шелъ бы ты своимъ путемъ, старикъ, чего скулишь! отмахнулся казакъ.

— Скули-и-ишь?! Заскулишь, братъ! Одно говорю: не побожьи!—закончилъ Феклистовъ и пошелъ дальше къ мосту.

Въ то время, когда онъ подошелъ къ мосту, гдѣ стояли часовые, съ другой стороны къ тому же мосту подъѣхалъ небольшой шарабанъ, запряженный гнѣдой молоденькой лошадкой.

У часового шарабанъ остановился, и изъ-за лошади выглянула голова Лаптева. Онъ ѣхалъ пригласить къ себѣ въ Порѣчье офицеровъ и часть эскадрона, ссылаясь на то, что въ усадьбѣ имъ будетъ удобнѣе, чѣмъ въ деревнѣ, уже занятой казаками.

Когда онъ узналъ, что въ деревню вытребованы драгуны, въ первую минуту онъ испугался, такъ какъ не ждалъ ничего хорошаго отъ солдатъ. Опять будутъ шляться за водкой, заводить драки, и теперь некому его защитить, потому что Антипъ лежитъ избитый, и во всемъ имѣньѣ, кромѣ старухи-стряпки и ея внука-мальчишки, никого нѣтъ. Всѣ рабочіе, напащики, скотницы и пастухи какъ-то незамѣтно расползлись въ разныя стороны, словно повинуясь чьему-то тайному и могучему приказу. И усадьба

сразу изъ уютнаго и удобнаго гнѣзда, въ которомъ все дѣлалось порядкомъ и во время, превратилась во что-то безпорядочное и разброшенное. Скота некому было выпустить по утрамъ и некому задать ему корму, коровы жалобно ревѣли цѣлый день и наводили тоску. Лошади стояли непоенныя, не-кормленныя и, прямо на глазахъ, худѣли. Птица разбѣжалась, дохли молодые выводки цыплятъ и гусей, и ничѣмъ нельзя было помочь всему этому и возстановить прежній порядокъ. Каждый день приносилъ огромные убытки, и каждый день съ утра до вечера Лаптевъ метался изъ скотника въ конюшню, изъ конюшни въ птичникъ, въ огородъ, гдѣ сохла безъ поливки разсада и не были еще сажены огурцы — и изъ всѣхъ его хлопотъ ничего не выходило. И часто среди разбросанныхъ и безпорядочныхъ попытокъ углѣдить, поправить, сдѣлать все, за чѣмъ смотрѣла и что дѣлала масса людей--Лаптевъ внезапно останавливался, опускалъ руки и безпомощно оглядывался. Хозяйство рушилось — видимо, на глазахъ — и ничѣмъ уже нельзя было возстановить его прежнее правильное теченіе, потому что уходило самое дорогое — время, и совсѣмъ не было того, что прежде было такъ нецѣнно,— рабочихъ.

— Господи, что же это?—шепталъ Лаптевъ, оглядывая свое запущенное гнѣздо.—Разорили, по міру пустятъ, и жаловаться некому... Что же это?

Были минуты, когда хотѣлось бѣжать—все равно куда, бросить все, потому что все валилось и рушилось, и бѣжать. Но почему-то мысль о побѣгѣ рисовалась не яркой, опредѣленной и живой, а мертвой, тусклой, и Лаптевъ не могъ представить себѣ, что будетъ съ нимъ послѣ того, какъ онъ броситъ Порѣчье.

— Къ сестрицѣ, Афимьѣ Егоровнѣ, въ городъ...—думалъ онъ, но сама сестрица Афимья Егоровна представлялась ему не живымъ человѣкомъ, которую онъ давно зналъ, а тоже чѣмъ-то тусклымъ, смутнымъ, такимъ, какъ будто Лаптевъ самъ старался ее выдумать, а на самомъ дѣлѣ ея совсѣмъ и не было.

Все, что было внѣ Порѣчья, деревни, казаковъ, драгунъ и той жизни, которая его окружала—словно провалилось, исчезло, и вся жизнь ограничилась только этимъ мучительнымъ кругомъ, и внѣ его была смерть.

Мишутка, стряпкинъ внукъ, прибѣжалъ и сказалъ, что въ деревню пріѣхали еще солдаты, всѣ на лошадяхъ и въ синихъ шапкахъ. Лаптевъ испугался. А потомъ явилась коротенькая, хитрая мысль и назойливо, упорно завертѣлась въ пугливомъ мозгу.

„...— Пригласить офицеровъ и часть солдатъ... При начальствѣ буянить не будутъ... И мужики побоятся... А имъ удобнѣе все-таки въ домѣ, не въ избѣ... У помѣщика!“

Онъ самъ заложилъ Думку въ шарабанъ и отправился. И когда подъѣзжалъ къ мосту, то увидѣлъ на немъ часовыхъ, а на той сторонѣ у старой, готовой повалиться мельницы, высокаго, казавшагося сѣрымъ отъ полусѣдыхъ всклокоченныхъ волосъ и бороды, мужика.

— „Феклистовъ!“ мелькнула трусливая мысль, и онъ задержалъ лошадь.

А Феклистовъ уже гремѣлъ съ той стороны своимъ зычнымъ, какъ труба, басомъ.

— А-а-а, иродъ, ползешь, змѣя!—оралъ онъ, размахивая руками, наступая на загораживающаго ему дорогу солдата и не обращая вниманія на протянутую шашку.—Кровь почуялъ, гадъ ползучій, ползе-е-е-ешь, будь ты анафема проклятъ! Тридцать пять годовъ пилъ нашу кровь, все мало, еще хочешь, ползешь уже, аспидъ! Назвалъ воронья этого—пусти, дьяволъ, чего ныряешья шашкой своей,—неожиданно обрушился онъ на заступившаго дорогу солдата,—я самъ солдатъ, при царѣ Николаѣ первомъ двадцать пять лѣтъ служилъ, ты еще, пащенокъ, сопли вытирать не умѣлъ, а туда же пыряться!

— Ползешь, демоново сѣмя, ползешь уже!—снова накинулся онъ на Лаптева,—кто казаковъ вызвалъ? Кто соки съ мужиковъ тянулъ? Тридцать пять годовъ сохли на твоемъ Тимкиномъ Логу, провались ты съ нимъ вмѣстѣ! А-а-а, дьяволъ, черная кровь, пронюхалъ, подлизаться ползешь! Погоди, погоди, будетъ тебѣ! Сказано есть—родъ приходитъ и родъ уходитъ! Уйдешь, сдохнешь, собака! А земля пребываетъ во вѣки! Земля, братъ, мы, а ты клещъ! Песій клещъ, надулся и лопнешь! Время рождаться и время помирать! Дождешься, помрешь! У-у-у, мать твою, дьяволъ, анафема, черная кровь!..

Онъ поднялъ сжатыя кулаки вверхъ и въ безсильной злобѣ потрясалъ ими и въ сумракѣ вечера казался огромной и страшной птицей, дико метавшейся по темному берегу.

Лаптевъ кое-какъ обернулъ лошадь и погналъ ее.

— „Напишу, министру пошлю, ну его...“—мелькало у него въ головѣ, въ то время какъ въ ушахъ еще звенѣлъ полный непримиримой злобы голосъ Феклистова.

А старикъ еще долго стоялъ у моста передъ безмолвными солдатами и, потрясая въ воздухѣ кулаками, проклиналъ его. И въ его путающейся, страстной и гнѣвной рѣчи странно сплетались проклятія и изреченія Соломона, угро-

зы и жалобы, тексты и ругательства. И долго еще гудѣлъ зычный, могучій голосъ, раскатываясь по рѣкѣ и пугая молчаливыхъ часовыхъ, и долго еще металась по берегу огромная косматая фигура, взмахивавшая въ изступленной ярости руками, какъ птица крыльями, темная и большая, похожая на привидѣніе...

VIII.

Прибывшіе драгунскіе офицеры и большая часть солдатъ помѣстились въ Порѣчьѣ у Лаптева. Деревенская улица очистилась отъ лагеря, и не было видно уже палатокъ и коновязей, а опять все было пусто, только ходили казаки да стояли часовые драгуны—у моста и въ концѣ деревни на горѣ, по прежнему почти никого не пропускали ни въ деревню, ни изъ деревни.

Мужикамъ надо было работать, но ихъ не пускали, и они, молчаливые и озлобленные, возвращались назадъ. Скотину тоже почему-то не пропускали, и ее кормили по задворкамъ, по огородамъ и садамъ.

Откуда-то пріѣхала подвода съ фельдшеромъ и увезла подъ конвоемъ нѣсколькихъ казаковъ больного офицера.

Говорили про слѣдствіе, которое ведутъ пріѣзжіе офицеры, про то, что кого-то ищутъ, что Порѣцкій баринъ оговорилъ кого-то изъ мужиковъ, и потому теперь никого не выпускаютъ. Ждали суда.

Офицеры уѣхали въ Порѣчье въ понедѣльникъ утромъ, а во вторникъ ночью разъѣздъ изъ шести драгунъ привелъ въ деревню Абрама—связаннаго, избитаго, съ окровавленнымъ и опухшимъ лицомъ. Его заперли въ мельникову избу, гдѣ прежде стоялъ офицеръ, и около нея, какъ и прежде, отъ угла къ углу ходилъ часовой. Только теперь это былъ не скучающій, позѣвывающій казакъ, а сосредоточенный, серьезный драгунъ. Каждые четыре часа къ нему подходили три другихъ драгуна, одинъ изъ нихъ подмѣнялъ часового, а остальные уходили, и все это дѣлалось молча, отчетливо и серьезно.

Неизвѣстно какими путями въ деревнѣ узнали, что и стараго Феклистова тоже заберутъ. Ему самому сказалъ это больной Захаровъ, который лежалъ теперь неподвижно у себя въ гумнѣ на лавкѣ, хрипѣлъ и задыхался и, какъ будто, еще больше распухъ. Феклистовъ пришелъ навѣстить его. Онъ одинъ не обращалъ вниманія на казаковъ и солдатъ, ходилъ по улицѣ и грозилъ имъ.

— Гля...ди!—хрипѣлъ Захаровъ, скашивая на него мут-

ные заплывшіе глаза. Шеи онъ повернуть не могъ, а только косилъ глаза, когда хотѣлъ посмотрѣть въ сторону.

— Ладно!—односложно отвѣчалъ Феклистовъ.

— Гляди... какъ Абрама... Усадютъ!

— Ладно!—повторилъ старикъ.

— Били, говорятъ... Абрама-то... Весь въ крови... Избу заперли, кха-а-а... дѣться некуда... Вчетверомъ! Вопилъ гораздо... Матрешка бѣгала—слыхала...

Феклистовъ хмурился и молчалъ.

— Послѣ бросили...—прерываясь и останавливаясь, продолжалъ Захаровъ,—отлежался... Поползъ къ двери: испить бы, гритъ... Сапогомъ!

Онъ замолчалъ и задышалъ часто и трудно, и въ толстой опухлой груди что-то хлюпало и переливалось, какъ будто тамъ была налита вода, подступавшая къ горлу и мѣшавшая говорить. Наконецъ, онъ отхаркнулся и опять промолвилъ:

— Гляди, Семенъ... Феклистычъ!..

А старикъ по прежнему коротко и хмуро буркнулъ:

— Ладно!..

Потомъ всталъ и ушелъ домой, но не къ себѣ наверхъ въ свѣтелку, а въ темный чуланчикъ, гдѣ лежала Фиша.

Тамъ онъ сѣлъ въ ногахъ у нея молчаливо и тихо и долго сидѣлъ такъ. Чуланчикъ былъ темненькій, весь заставленный какими-то кадками и сундуками, и для Фиши было очищено узенькое мѣстечко. Съ протянутыхъ по потолку веревокъ свѣшивались пучки какихъ-то сухихъ травъ и отъ нихъ стоялъ крѣпкій и терпкій запахъ, странно мѣшавшійся съ запахомъ увядающихъ березовыхъ листьевъ, шедшимъ отъ приготовленныхъ для бани вѣниковъ, сваленныхъ кучей тутъ же.

Фиша лежала съ закрытыми глазами и не двигаясь, укрытая по шею большой, крытой чернымъ сукномъ шубой. Въ сумракѣ лицо ея выдѣлялось чуть свѣтлѣвшимъ пятномъ, и на немъ расплывчато и неясно намѣчались глаза, губы, застывшія въ нѣмомъ и тайномъ удивленіи брови. И надо было чутко прислушаться, чтобы уловить чуть замѣтное, рѣдкое дыханіе.

— Лежишь?—неопредѣленно спросилъ старикъ, и голосъ его, пониженный и какъ будто растерянный, прозвучалъ въ маленькомъ чуланчикѣ глухо и одиноко.

Фиша молчала и не открыла глазъ. И все было тихо и мертво, полно непонятной, молчаливой скорби.

Старикъ сидѣлъ, положивъ руки на колѣни и склонивъ свою сѣдую, косматую голову. Въ сумеркахъ онъ казался корявой и грязной кучей, неподвижно застывшей въ ту-

помъ недоумѣломъ вопросѣ. Гдѣ-то внизу кто-то ходилъ, стучалъ сапогами и говорилъ глухимъ гукающимъ голосомъ. Потомъ онъ умолкъ или вышелъ, и наступила полная тишина.

Въ маленькое, прорѣзанное у самаго потолка, оконце заглянула подымающаяся луна, и блѣдный, дрожащій лучъ протянулся по бревенчатой стѣнкѣ, трепетно и несмѣло освѣщая торчавшую изъ пазовъ длинными лохмотьями паклю. За огородомъ на болотинкѣ отрывисто и коротко дергалъ коростель, будто спрашивалъ что-то, прислушивался и опять дергалъ. А издали отъ рѣки ему глухо и уныло вторила выпь, и печальный, протяжный крикъ ея долго стоналъ въ примолкшемъ воздухѣ.

— „Лежитъ!—думалъ старый Феклистовъ, глядя на свои чуть мерещившіяся въ темнотѣ босыя корявыя ноги: — лежитъ и молчитъ!“

И въ этомъ молчаніи ему чудилось смутное и неясное осужденіе, какъ будто въ томъ, что случилось съ Фишей— былъ виноватъ и онъ.

Въ головѣ шевелились медленныя, неуклюжія мысли, такія же темныя и безформенныя, какъ копошившіяся въ крохотномъ чуланчикѣ тѣни, и казалось, что онѣ ползли изъ этихъ темныхъ угловъ, рождаясь во мракѣ и тайнѣ и заползая въ голову незамѣтно и безостановочно.

Все, что таилось въ прожитой запутанной и сложной жизни, медленно проползало въ темнотѣ и странно путалось съ нею, и моментами чудилось, будто эта темнота протянулась надъ всею жизнью зловѣщей и печальной тѣнью. И вся жизнь вдругъ представилась такъ, какъ будто кто-то горькій и безнадежный развернулъ длинный запутанный свитокъ: было худо, потомъ хуже, потомъ еще хуже—и скорбь росла, ширилась и давила безмѣрной тяжестью и тучей огромной поднялась надъ жизнью, и жизнь достигла той грани, когда стало казаться, будто это всегда такъ было и никогда не можетъ быть иначе.

И тогда изъ темныхъ угловъ погруженнаго въ мракъ чуланчика поползъ слѣпой и холодный ужасъ, и всталъ вопросъ:

— Что же дальше? Куда же дальше идти?

Но дальше ничего не было. Не было ничего, къ чему привыкъ человѣкъ: не было солнца, земли, неба, людей, звуковъ, красокъ.

Это было страшно—такъ страшно, что самый страхъ переставалъ волновать, и наступало равнодушіе.

— Фиша?!—прошепталъ старикъ и боязливо посмотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ чуть мерещилось лицо внучки.

— Фиша?..

Лунный лучъ передвинулся ниже и захватилъ въ свою молчаливую, холодную полосу пучки развѣшанныхъ травъ. Черныя тѣни отъ нихъ легли на стѣну рѣзкими, твердо очерченнными пятнами, и отъ этого казалось, что луна пристально и внимательно разсматриваетъ ихъ.

Старикъ смотрѣлъ на эти черныя тѣни и молчалъ. И все молчало.

Только за огородомъ на лугу по прежнему отдергивалъ коростель, да снизу, съ рѣки, ему уныло и тягуче откликалась выпь. И въ этой перекличкѣ невидимыхъ днемъ птицъ было не простое и обыкновенное, а новое и жуткое. Какъ будто онѣ звали куда-то или сговаривались о чемъ-то.

Старикъ молчалъ и слушалъ, а въ темнотѣ плыли странныя и необычныя мысли, не такія, какъ всегда, а новыя.

Наконецъ, онъ всталъ и, шурша сухими подошвами босыхъ ногъ по полу, осторожно вышелъ и поползъ къ себѣ наверхъ.

Онъ не зажегъ лампы, какъ всегда, и не сѣлъ за свою книгу, а крадучись, какъ воръ, сталъ шарить въ темнотѣ подъ постелью. И когда нашелъ то, что было ему нужно, долго ощупывалъ и смотрѣлъ на свѣтъ противъ окна.

И тогда въ немъ родилась далекая и тревожная мысль, такая неясная и колеблющаяся, которой онъ самъ вѣрилъ и не вѣрилъ, не зная, сама ли она пришла къ нему, или онъ гдѣ-то давно слышалъ ее, но забылъ гдѣ.

— Пуля не беретъ...—шепталъ онъ, копошась въ темнотѣ:—заговоренъ быдто... Гм?..

И долго думалъ надъ этимъ, стараясь рѣшить: слыхалъ ли онъ гдѣ это, или самъ выдумалъ?

Но не рѣшилъ и, по прежнему бормоча и съ сомнѣніемъ покачивая головою, полѣзъ опять подъ кровать и опять долго и упорно искалъ чего-то.

Онъ вытащилъ небольшой ящикъ и сталъ рыться въ немъ. Тамъ было много желѣзнаго хлама — старыхъ, ни къ чему негодныхъ гвоздей, обломанныхъ подковъ, какихъ-то гаекъ и крючковъ, петель отъ дверей. Все это для чего-то собиралось и копилось долгіе годы, хотя никому и ни для чего не было нужно, и въ этомъ хламѣ старикъ долго копался, пока не нашелъ длинный, слабо блеснувшій въ темнотѣ прутъ олова, какимъ его продаютъ въ лавкѣ: бѣлый и блестящій, слегка изогнутый, готовый для плавки.

Потомъ онъ нашелъ порохъ, кусокъ войлока и пистоны и принялся медленно и обдуманно заряжать ружье, которое въ началѣ досталъ изъ-подъ кровати и все время держалъ въ лѣвой рукѣ. Ружье было старое, одноствольное,

бывшее когда-то солдатскимъ и долго лежавшее безъ всякаго употребленія. Заряжалось онъ шомполомъ, и старикъ долго колотилъ имъ въ стволѣ, забивая войлокомъ порохъ. Потомъ согнулъ оловянный прутъ вдвое, попробовалъ толщину ствола, покрутилъ головой и подумалъ. Но махнулъ рукой, загналъ его въ стволъ и опять долго и крѣпко стучалъ шомполомъ. И послѣ этого уже надѣлъ пистонъ, прижавъ его зубами, чтобы не свалился, взялъ ружье прикладомъ подъ мышку и осторожно, быстро и боязливо оглядываясь по сторонамъ, вышелъ на дворъ, потомъ въ садъ, потомъ черезъ огородъ на зады деревни.

Луна уже поднялась высоко, и широкая, пологимъ скатомъ бѣжавшая внизъ къ рѣчкѣ, луговина вся курилась призрачнымъ колеблющимся свѣтомъ. Кое-гдѣ торчали ольховые кустики—жалкіе, объѣденные скотомъ, и отъ нихъ падали робкія тѣни, а на листьяхъ сверкали и искрились неожиданнымъ и быстрымъ блескомъ капли росы.

Задумчиво и тихо спала высокая, мѣстами помятая трава и неподвижно стояла недалекая опушка лѣса.

Пригнувшись, широко и быстро перебирая ногами, старикъ перебѣжалъ полянку, и длинная трепетная тѣнь бѣжала рядомъ съ нимъ, прыгая и извиваясь живымъ и причудливымъ пятномъ.

Въ лѣсу было сыро и холодно, и луна пробиралась сюда рѣдкими прямыми лучами, свѣтившимися во мракѣ таинственно и грустно. Густой запахъ гнили и прошлогоднихъ вялыхъ листьевъ подымался съ земли и мѣшался съ запахомъ мокрой травы.

Цѣпляясь за деревья, обрываясь и обдирая босыя ноги, весь мокрый отъ непрестанно падавшихъ съ листьевъ тяжелыхъ капель, Феклистовъ спустился по косогору къ рѣкѣ и, высоко поднявъ надъ головою ружье, бултыхнулъ въ нее. И сразу отъ всплеска на рѣкѣ стало тихо—словно она удивленно и сторожко прислушалась. Замолчалъ урчащій и крякающій хоръ невидимыхъ лягушекъ, плотной и непрерывной нотой висѣвшій надъ водой, коростель дернулъ въ послѣдній разъ и остановился. А изъ-подъ нависшаго надъ водой куста съ неожиданно-рѣзкимъ и громкимъ хлопаньемъ вырвалась пара утокъ и понеслась въ серебряный сумракъ, слабо посвистывая плотными, упругими крыльями.

Вода была холодная, застывшая и отъ мокрыхъ, плотно облегающихъ портовъ и рубахи Феклистовъ задрожалъ мелкой, знобной дрожью. Мѣстами было глубоко, и онъ чуть не захлебывался, мѣстами тонкія и длинныя водоросли, какъ живыя движущіяся змѣи, обвивали ноги и цѣплялись за

нихъ. Мѣстами попадалась тина — нога глубоко вязла въ противной холодной жижѣ, и тогда казалось, что сейчасъ за ногу схватитъ что-то холодное и страшное и утянетъ внизъ на дно, гдѣ переплетаются живые, извивающіеся водоросли, лежатъ старыя обомшѣлыя коряги, между которыми быстро и безшумно мелькаютъ темные силуэты рыбъ.

Вылѣзши на берегъ, Феклистовъ долго отряхивался и слушалъ.

Все было тихо, только гдѣ-то далеко рѣдко и негромко лаяла собака. Потомъ завыла, жалобно и тоскливо, словно предвѣщая смерть или пожаръ.

Старикъ отдышался, взялъ по прежнему ружье подмышку и пошелъ между полями ржи. Порой, когда онъ входилъ въ котловину, его внезапно охватывала холодная, свѣжая сырость, и тамъ пахло землей и травой, и ноги чувствовали холодную росу, а когда онъ выбирался опять на взгорокъ—навстрѣчу широко и свободно плылъ сухой, пахнувшій нагрѣтой за день рожью воздухъ, и отъ него грудь дышала глубоко и мѣрно, а въ душѣ просыпалось могучее и грустное чувство.

„...Баютъ, кажнюю ночь самъ замки глядѣть ходитъ,— думалъ Феклистовъ, шагая между дремотно неподвижныхъ въ лунномъ сумракѣ колосьевъ озими,—обида!“

И вся жизнь ему представлялась непрерывной цѣпью обидъ, горькихъ и мучительныхъ потому, что на нихъ нельзя было отвѣтить, падавшихъ на мужика, какъ тяжелые, размѣренные удары. Вся жизнь была въ томъ, что пріѣзжали въ деревню люди, брали деньги, людей, скотъ продавали за недоимки, деньги опять брали и оставляли деревню безъ денегъ, безъ людей, безъ скота. Мужики работали, тянули безконечно-длинную, полную труда, голода, лишеній, грязи и обиды, цѣпь дней и недѣль, изъ которыхъ складывались годы, а въ деревню опять пріѣзжали, опять брали, и опять тянулась обидная по своей безплодности цѣпь труда, голода и нищеты. Всѣ сознавали, что ими держится жизнь и тѣ, что пріѣзжаютъ брать—и всѣ молчали; помирали одни, на ихъ мѣсто нарождались другіе, а цѣпь все тянулась. И было похоже, будто они сами усиленно и съ такимъ трудомъ насаждали все то, что не давало имъ жить, и берегли это своимъ потомъ, горемъ и голодомъ и терпѣли. Было худо, потомъ хуже, стало уже совсѣмъ невозможно, а люди жили и умирали, а цѣпь все тянулась. И каждое звено ея было тяжелѣе предыдущаго, и отъ безконечной смѣны этихъ звеньевъ умножались кровавыя раны, раздиравшія живое тѣло — и, грязное,

обовшивѣвшее, оно загнивало и покрывалось смрадными струпьями...

— Время рождаться и время умирать,—шепталъ старый Феклистовъ,—время насаждать и время вырывать посаженное... Захаровъ, Абрамъ, Фиша... Испить хотѣлъ—сапогомъ! У-у-у, ироды!

Близкой и темной горой выросъ Порѣчскій домъ. Въ одномъ окнѣ еще былъ свѣтъ: очевидно, не всѣ еще спали, и этотъ огонь мерцалъ въ голубомъ лунномъ свѣтѣ, какъ одинокій желтый глазъ приникшаго къ землѣ огромнаго чудовища.

На выѣздѣ изъ усадьбы, ближе къ гумну, стоявшему на оплотѣ черезъ дорогу, прямымъ чернымъ квадратомъ виднѣлись сложенныя дрова. Дрова были заготовлены и привезены давно, когда у Лаптева подгорѣла Овсянкинская дача. Чтобъ они высохли, ихъ сложили правильными параллельными рядами, оставляя неширокія проулки, и въ этихъ проулкахъ между полѣнницами густо и буйно разросся бурьянъ и крапива.

Феклистовъ зорко оглянулся вокругъ и быстро шмыгнулъ въ первый проулокъ. У самаго конца его, гдѣ онъ примыкалъ къ бревенчатому частоколу, окружавшему весь дворъ, онъ остановился, приставилъ къ дровамъ ружье и сталъ медленно и неслышно выбирать изъ дровяной стѣны отдѣльныя полѣнья. И когда сдѣлалъ небольшое оконце, въ которое могъ видѣть ворота и изгибъ дороги, присѣлъ на вынутыя полѣнья и сталъ ждать.

Луна стала ярче и дорога была видна, какъ днемъ. Рѣзко и отчетливо вырисовывались пыльныя колеи и камни, черныя опредѣленныя тѣни лежали возлѣ нихъ, и отъ этого казалось, будто луна внимательно и чутко ждетъ чего-то.

Смутное и близкое воспоминаніе легкимъ облакомъ возникло въ головѣ Феклистова.

— Гдѣ это? Во снѣ-ль видалъ, али какъ... Быдто, такъ же вотъ ночь и тѣнь эти, мѣсяцъ стоитъ... Гдѣ это? Ровно было когда...

— Молчитъ... Быдто мертвая,—подумалъ онъ о Фишѣ и вспомнилъ, что такія же черныя, рѣзкія тѣни рисовалъ мѣсяцъ на стѣнѣ чуланчика.

Онъ потрогалъ ружье,—загрубѣлыми пальцами, съ оборванными, твердыми какъ кость ногтями, ощупалъ пистонъ и задумался.

IX.

Офицеры въ Порѣчьѣ заняли три свободныхъ комнаты дома, пили и ѣли, что имъ готовили денщики, и сторонились отъ Лаптева. Они были молодые и щеголеватые, красиво и ловко одѣтые, гордо-самоувѣренные и сильные, а Лаптевъ былъ старъ, неопрятенъ и надоѣдливъ. Когда ему приходилось встрѣчаться и говорить съ офицерами, онъ растерянно хихикалъ, заглядывалъ въ глаза и кланялся. На слѣдствіе по поводу убитаго казака и раненаго офицера, ведшій дѣло эскадронный командиръ — строгій, черноволосый и скуластый человѣкъ, похожій лицомъ на татарина — вызвалъ Лаптева къ себѣ. Онъ спрашивалъ коротко и сердито, а Лаптевъ пускался въ пространныя и не идущія къ дѣлу объясненія, и офицеръ рѣзко обрывалъ его. Тогда Лаптевъ сконфуженно умолкалъ, безпомощно улыбался дрожащей угодливой улыбкой и застѣнчиво потиралъ свои сухія, холодныя руки.

— Не можете-ли вы назвать зачинщиковъ, коноводовъ, такъ сказать?—спрашивалъ офицеръ, глядя въ упоръ черными раскосыми глазами.

— Вся деревня-съ!.. Кто ихъ знаетъ—всѣ, какъ одинъ... Они, изволите видѣть, Тимкинъ Логъ у меня брали въ аренду, какъ говорится... Тимкинъ Логъ—это обрѣзъ такой, къ имѣньишку моему надлежитъ, — сбивчиво объяснялъ Лаптевъ,—лѣтъ тридцать все брали, въ аренду, то есть!..

— Я васъ не по поводу аренды спрашиваю, а относительно главныхъ виновниковъ происшествія, — сухо замѣчалъ офицеръ, и въ спокойномъ, желто-блѣдномъ лицѣ, въ морщинкѣ у носа Лаптевъ ловилъ сдержанное презрѣніе къ себѣ и конфузился.

— Не знаю-съ... Есть, конечно, которые, только кто-жъ ихъ знаетъ...

— Не было ли такихъ, которые выдавались образомъ мыслей своихъ? Вы вотъ говорите, что они аренду брали тридцать лѣтъ — за это время можно бы замѣтить, мнѣ кажется?

Лаптевъ вспомнилъ угрозы Феклистова, слова Абрама, когда онъ говорилъ объ арендѣ Тимкина Лога, и обрадовался.

— Какъ же, есть, есть, такіе есть! Которые грозящіе и начальству непослушные... Абрамъ такой, Абрамъ Дементьевъ, послѣ—Феклистовъ... Семенъ Феклистовъ, упорный старикъ такой, дерзкій даже до невѣроятности...

Офицеръ записалъ имена и отпустилъ его.

Лаптевъ пошелъ къ себѣ, и маленькая злобная радость дрожала гдѣ-то глубоко около сердца.

— „Убьютъ? — думалъ онъ, сидя у себя въ кабинетѣ:— нѣтъ, погодите! Еще поглядимъ, кто кого! Пойдете по владимiркѣ, молодчики... Вы съ краснымъ пѣтухомъ, а васъ, рабовъ божiихъ, и того, пожалуйте“...

И такъ, въ этой злобной, коротенькой и глубоко копошащейся радости, прошелъ весь день. И ночь за нимъ пришла покойная, съ мирнымъ сномъ, безъ сновидѣнiй и тоски, такая, какихъ давно не было.

И только. когда черезъ день ночью Мишутка принесъ изъ деревни извѣстiе о томъ, что Абрамъ схваченъ и, избитый и окровавленный, посаженъ подъ стражу, — что-то знакомое, острое и холодное больно и неожиданно укололо сердце.

— А Феклистовъ?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Лаптевъ.

— Нѣту-ти... Сбѣгъ! Ходили солдаты, всю избу перерыли—сбѣгъ!

— „Убьетъ! ярко и мгновенно мелькнуло въ головѣ Лаптева,—убьетъ!“

И опять старый мучительный страхъ внезапно и властно охватилъ его злобной дрожью.

— Убьетъ!—назойливо и упорно, какъ тяжелый однообразный молотъ, колотилось въ мозгу, и казалось, что это не онъ думаетъ, а кто-то невидимый и насмѣшливый шепчетъ ему въ уши:

— Убьетъ!

Ему хотѣлось кричать, позвать кого-нибудь на помощь, но офицеры давно спали, и онъ боялся ихъ.

Представлялось, что Феклистовъ — огромный и сѣрый, такой, какимъ онъ видѣлъ его въ послѣднiй разъ у моста,— незамѣтно подберется гдѣ-нибудь сзади, размахнется и неожиданно крѣпко ударитъ топоромъ — непремѣнно топоромъ—въ голову. Брызнетъ кровь, пугливо, какъ пойманная. птица, рванется въ послѣднiй разъ сердце—и все кончится

— Меня не будетъ,—бормоталъ Лаптевъ, шагая изъ угла въ уголъ по кабинету,—меня не будетъ...

Онъ старался себѣ представить—какъ это случится такъ, что его не будетъ. Будетъ вотъ этотъ самый кабинетъ, свѣчка, домъ, Порѣчье, хозяйство, земля, солнце, а его не будетъ. Это будетъ все такъ же, но вмѣстѣ съ тѣмъ этого совсѣмъ не будетъ, потому что *его* не будетъ.

— Меня не будетъ, — говорилъ онъ, стоя посреди комнаты.—Вотъ я есть, думаю, говорю—и этого всего не будетъ! Было, есть и не будетъ. Какъ не было когда-то давно, когда

меня не было, а потомъ появилось, и я помню эту руку, только пальцы были маленькіе, и я самъ былъ маленькій,— какъ не было меня когда-то, потомъ я былъ, есть и опять не буду. Это я-то?! удивленно заканчивалъ онъ и оглядывался.

Было изумительно, что въ какой-то пустой черной темнотѣ яркой и быстрой линіей сверкнула маленькая, коротенькая жизнь человѣка, и потомъ опять наступитъ черная пустая темнота, въ которой ничего не будетъ. Это было ново и непонятно, и такъ непохоже на обычныя, знакомыя представленія, что не хотѣлось думать объ этомъ. Но мысль назойливо возвращалась къ этому, цѣплялась и вилась вокругъ странныхъ и новыхъ словъ, и это тоже было ново.

И только одно слово затемняло эту безконечную работу мысли паническимъ слѣпымъ страхомъ:

— Убьетъ!..

Это слово не связывалось со словами „меня не будетъ", а стояло отдѣльно и было страшнѣй ихъ. Когда, круглое и законченное, оно появлялось въ мозгу, Лаптевъ растерянно оглядывался кругомъ, и нижняя челюсть начинала быстро и безсильно прыгать. И тогда онъ чувствовалъ такую полную безпомощность, такую заброшенность и такое одиночество, какъ будто на всемъ земномъ шарѣ онъ былъ только однимъ живымъ человѣкомъ. Хотѣлось куда-нибудь броситься, пожаловаться, искать защиты — но офицеры давно спали, и онъ ихъ боялся.

— Антипъ! — слабо шепталъ Лаптевъ и шелъ къ двери:— Антипъ...

Но Антипъ лежалъ на ларѣ, огромный и избитый, и дышалъ рѣдко и трудно. И этотъ единственный человѣкъ, который остался съ нимъ, теперь былъ безсиленъ и тоже безпомощенъ.

Тогда Лаптевъ садился около него и начиналъ плакать. Скорчившись и подобравъ ноги, сидѣлъ онъ въ темнотѣ около избитаго, хрипящаго Антипа и плакалъ горько и безпомощно, какъ брошенный ребенокъ.

— Ан...типъ! — шепталъ онъ, всхлипывая и захлебываясь мутными старческими слезами:—Антипъ!..

Было ужасно, что онъ одинъ, что нѣтъ никого, кто могъ бы за него заступиться, пожалѣть, защитить.

Потомъ онъ ползъ опять въ кабинетъ и мотался изъ угла въ уголъ, останавливался и шепталъ. И опять страхъ нападалъ на него, тоскливо и жутко было въ пустой комнатѣ, и новыя странныя мысли незамѣтно ползли въ голову. И временами вспоминалась вся жизнь, такою, какою онъ ее прожилъ, глухая и темная жизнь...

Были живы когда-то родители, но это было такъ давно, какъ будто этого и совсѣмъ не было. Онъ плохо помнилъ ихъ, а старыя выцвѣтшія фотографіи мужчины и женщины въ старомодныхъ костюмахъ и съ напряженными лицами, сидящихъ въ натянутыхъ неестественныхъ позахъ — не будили въ душѣ отзвука любви и ласки, которые тоже когда то были... Потомъ была молодость — и шла она, какъ тогда думалось, вяло и скучно, а теперь казалось, что все въ ней было ярко, весело и интересно. Но и она была такъ давно, что трудно было вспомнить и представить себѣ живо и ясно, а когда Лаптевъ усиливался сдѣлать это, то получалось впечатлѣніе, будто это не онъ былъ молодымъ, здоровымъ и такъ весело смѣялся, а кто-то другой, кого онъ хорошо и близко, но очень давно зналъ. Трудно было вообразить себѣ, чтобы онъ любилъ женщинъ, пилъ вино, веселился, слѣдилъ за своей наружностью: все это несомнѣнно было, и онъ помнилъ это, но то знакомое и обычное, что было теперь, было такъ несхоже съ тѣмъ, такъ рознилось съ смѣхомъ, съ любовью и съ счастьемъ, что становилось странно и, какъ будто, стыдно чего-то...

Потомъ шелъ рядъ длинныхъ однообразныхъ лѣтъ, наполненныхъ коротенькими себялюбивыми мыслями, однообразной работой, скучными словами. То, что въ настоящемъ представлялось интереснымъ и важнымъ,—едва только уходило въ прошлое, тотчасъ же умирало и забывалось, оставляя впечатлѣніе странной пустоты. Были иногда волнующіе вопросы, но всѣ они, какъ въ заколдованномъ кругу, вертѣлись около самого себя и отъ этого, уйдя назадъ, переставали быть цѣнными и важными и тоже забывались, потому что сегодняшній день выдвигалъ сегодняшнюю работу и сегодняшній вопросъ. И жизнь вся свелась къ тому, чтобы прожить день или годъ, и было нелѣпо, что утромъ думалось о полднѣ, а въ полдень о вечерѣ, вечеромъ о слѣдующемъ днѣ; изъ-за этого не было ни утра, ни дня, ни вечера— хотя они и были — а завтрашній день рисовался чѣмъ-то неяснымъ, неизвѣстнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомымъ, какъ вчерашній.

Изъ всей жизни складывалось что-то очень странное: какъ будто на всей землѣ онъ былъ единственнымъ человѣкомъ. и больше никого не было. Это было тяжело и скучно и рождало чувство одиночества, отчужденности и огромной скорби, отъ которой хотѣлось безконечно тянуть одну жалобную ноту какой-то невѣдомой тоскливой пѣсни...

Но самое страшное было въ томъ, что, не смотря на то, что ему ничуть не жаль было ни одного дня своего прошлаго, и что онъ не хотѣлъ бы снова пережить ни одного мо-

мента изъ пережитаго имъ—ему было всетаки страшно. Вся настоящая жизнь превратилась въ этотъ дрожащій, растерянный страхъ, отъ котораго онъ не можетъ спать по ночамъ и вздрагиваетъ при каждомъ шорохѣ. Это было мучительно, потому что уже не походило на жизнь, а было только ожиданіе чего-то, что внезапно свалится на него и раздавитъ старое, больное тѣло. Отъ этого исчезалъ завтрашній день, будущая жизнь, исчезало то, что должно было быть, какъ должно взойти утромъ солнце, и все впереди представлялось темной и жуткой пустотой, въ которой не было ни солнца, ни земли, ни людей, ни жизни и—самое страшное—не было его, Лаптева. Онъ старался вообразить себѣ, что завтра онъ проснется, одѣнется, выйдетъ на крыльцо, будетъ ѣсть, пить, курить. Но онъ думалъ вслухъ, словами: „встану, одѣнусь, закурю",—а какой-нибудь картины представленіе это не вызывало, и слова звучали пусто и холодно, какъ мертвыя.

Было безсмысленно: жилъ человѣкъ и забылъ, что онъ былъ молодымъ, что есть жизнь, есть люди, земля, солнце. Жилъ и думалъ, что вотъ подходитъ осень, а тамъ будетъ зима, а потомъ будетъ весна и лѣто; и, думая такъ, не видѣлъ ни зимы, ни осени, ни лѣта—въ результатѣ шли года, и ихъ не было жалко. А когда встала мысль о скорой смерти — вдругъ стало мучительно-страшно, страшно до озноба, до холоднаго пота, хотя жалко всетаки ничего не было. И смерть эту онъ вызвалъ самъ, самъ ее подготовилъ такъ, какъ будто нарочно много и долго думалъ надъ этимъ—какъ лучше это устроить. Старшинѣ сказалъ про слухи и про Абрама—вызвалъ этимъ казаковъ, которые избили Антипа и которыхъ онъ самъ боялся больше, чѣмъ мужиковъ; казаки устроили погромъ—и вызвали этимъ драгунъ, а онъ еще больше испугался и помѣстилъ у себя ротмистра и выдалъ ему Абрама и Феклистова.

Точно нарочно сдѣлалъ все такъ, чтобы теперь его убили, какъ во всей прошлой жизни, точно нарочно, дѣлалъ все такъ, чтобы быть одинокимъ, заброшеннымъ, тосковать, и чтобы не о чемъ было даже пожалѣть.

Все это было такъ страшно, такъ нелѣпо и такъ жестоко, что вся жизнь всѣхъ людей казалась не огромнымъ, неоцѣнимымъ благомъ, а сплошнымъ, Богъ знаетъ кому нужнымъ, страданіемъ: было понятно, что мужики дошли до невозможной точки и ужаса въ своей жизни, что ему, Лаптеву, страшно и мучительно жить, что офицерамъ и солдатамъ тоже страшно и трудно,—но всѣ они, будто ослѣпнувъ отъ запутанной и безсмысленной жестокости жизни, дѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, употребляли огромныя усилія не для

того, чтобы устранить тяжесть и страданія жизни, а для того, чтобы сдѣлать ихъ еще большими.

Чего же стоитъ вся эта многострадальная жизнь, гдѣ всѣмъ безпокойно, мучительно и тоскливо? И какой еще ужасъ несетъ эта жизнь, какія страданія и какую жестокость, отъ которой люди не живутъ, а непрестанно, каждую секунду, въ напряженномъ мучительномъ страхѣ, ждутъ смерти? Страстно хотѣлось, чтобы все это разсыпалось и исчезло, чтобы ничего этого не было—ни страха, ни тоски, ни одиночества, ни безцѣльно прожитаго прошлаго, а было бы сильное, осмысленное и красивое, какъ молодость. И страстно хотѣлось освобожденія отъ всего того, что давило безмѣрной тяжестью, день за днемъ накопляясь все больше и больше, всю долгую сѣрую жизнь человѣка...

Вдругъ Лаптевъ остановился и прислушался. Было тихо, и только назойливо и тупо стучало въ лѣвой сторонѣ груди сердце. Луна свѣтила, и отъ ея свѣта знакомый, имъ самимъ саженный, садъ со школкой молодыхъ яблонекъ казался новымъ и таинственнымъ. Даль тонула въ бѣлесоватой дымкѣ свѣта, и временами чудилось, будто въ ней наростало что-то такое, чего не было видно днемъ и никогда не было.

— „Бѣжать... Къ сестрицѣ Афимьѣ Егоровнѣ, въ городъ...—думалъ Лаптевъ глядя въ окно.—Меня не будетъ... не было, былъ и не будетъ... Къ Афимьѣ Егоровнѣ, къ сестрицѣ“...

Но мысль была вялая и лѣнивая, и онъ не двигался.

— „...Не будетъ...—ползло въ головѣ скучной и безконечной нитью,—не будетъ... Убьетъ!“—вдругъ ярко вырѣзалось тупое, короткое слово.

И тогда Лаптевъ заметался по комнатѣ, схватилъ ключи и, неслышно ступая войлочными туфлями, побѣжалъ на дворъ.

— Кто идетъ, кто идетъ!—испуганно и неестественно громко вдругъ закричала внезапно выросшая у самой двери фигура.

Лаптевъ вздрогнулъ, присѣлъ и тотчасъ же успокоился. Окликалъ задремавшій дневальный, присѣвшій на крылечкѣ.

— Это вы, баринъ, а я думалъ, кто такой!—успокоительно, совсѣмъ другимъ голосомъ замѣтилъ онъ и опять присѣлъ на ступеньку.

— Я, я... проѣхать надо, коня запречь,—быстро и безпорядочно залепеталъ Лаптевъ,—съѣздить надо...

— Куда вы, на ночь глядя-то!—позѣвывая, замѣтилъ солдатъ, но Лаптевъ уже не слушалъ.

Невѣрными и торопливыми шагами онъ подошелъ къ конюшнѣ и долго возился съ большимъ и тяжелымъ ключемъ,

отпирая ее. Наконецъ, отворилъ—и сразу на него пахнуло запахомъ теплаго, слежавшагося навоза.

Ощупью онъ нашелъ узду и окликнулъ Думку. Въ стойлѣ зашуршала сухая солома, завозилось что-то большое и темное и тяжело вздохнуло. Потомъ копыта стукнули о помостъ, лязгнула подковка, и съ хрипѣніемъ и стономъ стала подыматься лежавшая лошадь. Она встала, застучала по полу и отряхнулась такъ, что задрожали полъ и переборка, и желѣзная цѣпь недоуздка зазвенѣла дробно и громко.

— Думка, Думка,—шепталъ Лаптевъ, путаясь трясущимися руками въ уздѣ и стараясь взнуздать лошадь, — стой, Думка!

Наконецъ, ему удалось надѣть узду, и онъ пошелъ изъ конюшни, а за нимъ, громко стуча копытами по помосту, вздыхая и фыркая, пошла на поводу лошадь.

Запрягая, Лаптевъ долго и неумѣло копался съ закладкой, какъ будто разучился запрягать, и когда затянулъ тугую супонь, то въ полномъ безсиліи, тяжело дыша и прижимая рукой колотившееся сердце, прислонился къ теплой и мягкой шеѣ Думки.

Лошадь оглянулась и долго нюхала сытыми и мягкими ноздрями его лицо. Потомъ вздохнула глубоко и сильно, пахнувъ на него струей горячаго воздуха, и отвела голову.

— „Убьетъ!“ Быстро и ярко скользнуло въ мозгу и, цѣпляясь за свалившіяся возжи, подбирая ихъ, Лаптевъ сѣлъ въ шарабанъ и тронулъ лошадь.

Думка осторожно, щупая проломившіяся и прыгающія доски пола, вышла изъ сарая и пошла къ воротамъ. И когда миновала ихъ, Лаптевъ поднялся въ шарабанѣ, натянулъ возжи и изо всей силы ударилъ лошадь кнутомъ.

Думка рванулась, сбилась на галопъ, потомъ справилась и пошла дробной и спорой рысью, высоко задравъ голову, фыркая и кидая землей въ козырекъ шарабана. Будя ночную тишину, отчетливо и громко загремѣли колеса по сухой, твердой дорогѣ, а рядомъ быстро и безвучно запрыгала длинная черная тѣнь. Лаптевъ ударилъ еще разъ, передернулъ возжами и сѣлъ. И тогда его сразу, страстнымъ и горячимъ порывомъ, охватило чувство такой безумной, животной радости, что онъ засмѣялся. Онъ оглянулся. Ворота были открыты и рѣзко бѣлѣли подъ луною своими штукатуренными столбами и чернымъ высокимъ столбикомъ: въ нихъ стоялъ удивленный дневальный солдатъ. Лаптевъ засмѣялся еще—долгимъ и мелкимъ смѣхомъ—и весь затрясся отъ этого смѣха, какъ человѣкъ, которому удалось ловко и тонко обмануть кого-то.

На повороте у гумна, где были сложены привезенныя зимою съ подгоревшей Овсянкиной дачи дрова онъ оглянулся еще разъ.

Домъ стоялъ темный и молчаливый, темной кучей его окружали надворныя постройки, и ворота по прежнему сверкали белыми столбами. Но солдата уже въ нихъ не было.

— Нно-о-о, Думочка, подбирайся!—радостно и звонко крикнулъ Лаптевъ и занесъ руку съ кнутомъ.

И въ то же самое мгновеніе налево отъ него, въ темной куче сложенныхъ у стены дровъ, блеснулъ короткій и странно-темный въ голубомъ лунномъ свете огонь, и раскатистымъ гулкимъ трескомъ прокатился выстрелъ.

Думка взметнулась на дыбы, рванулась въ сторону и, путая выпавшія изъ экипажа возжи въ колесо,—карьеромъ помчалась впередъ. Схватившись за бокъ, Лаптевъ хотелъ крикнуть что-то—и не могъ и въ последнемъ усиліи поднялся на ноги. Страшный толчекъ о камень выбросилъ его изъ шарабана, и, перевернувшись въ воздухе, онъ грузно ударился въ землю. Потомъ приподнялся на рукахъ, потянулся и застоналъ. Ему хотелось крикнуть, позвать кого, нибудь—и было одно слово, которое вертелось въ мозгу, и страшно нужно было произнести его, а оно все ускользало и это было мучительно.

— Ме...ня пуля... пуля не...—бормоталъ Лаптевъ искривленными, судорожно сжимающимися губами, морщась отъ усилія и боли и отъ того, что кругомъ не было никого, и только полная, светлая и загадочная луна холодно и любопытно глядела ему въ лицо.

— Пуля... меня... не...

Но слово все ускользало, и нельзя было поймать его, и тогда Лаптевъ понялъ, что это конецъ.

— Вву-у-у-у!..—вдругъ завылъ онъ не то отъ нестерпимой боли въ боку, где медленно вертелъ живое растерзанное тело какой-то раскаленный твердый буравъ, не то отъ того, что луна стала крохотной и уходила куда-то, а отовсюду наступала черная пустота.

Но тотчасъ же смолкъ, упалъ лицомъ въ землю и замеръ.

И такъ и остался лежать чернымъ и страннымъ комочкомъ въ неестественной подкорченной позе посреди широкой дороги, на которой резко и определенно чеканились камни и выбоины, следы копытъ и сапоговъ, и кое-где золотыми полосками сверкали разбросанныя соломинки.

По прежнему было тихо, и отъ полей шелъ сырой, плотный запахъ обросевшей озими, и по прежнему неподвижно,

чеканя черныя тѣни, съ напряженнымъ молчаливымъ вниманіемъ смотрѣла полная, блестящая и казавшаяся такой близкой луна на скорченное, маленькое пятно на дорогѣ, неудобно и тяжело откинувшееся въ черную, медленно всасывающуюся въ дорожную пыль, лужу.

И какъ будто ждала чего-то.

Викторъ Муйжель.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ.

Прочь съ пути, камни мертвые, сѣрые!
Не мѣшайте свободной волнѣ
Пѣсни пѣть молодыя и смѣлыя
На просторѣ о свѣтлой веснѣ...
Не мѣшайте, обломки отжившіе,
Новой силѣ дорогу найти,
Вы, такъ много отважныхъ разбившіе,
Уходите съ пути!..
Надвигаются полчища дружныя,
Приближается грозный прибой...
Погибайте-жъ, сѣдые, ненужные,
Подъ могучей девятой волной!..

Г. Галина.

Изъ записокъ М. Л. Михайлова.

V.

Дорога до Иркутска.

О тобольскихъ моихъ провожатыхъ не стоитъ говорить такъ много, какъ я говорилъ о петербургскихъ. Они, какъ я уже сказалъ, имѣли гораздо менѣе спеціально-жандармскаго характера. Мнѣ уже нечего было испытывать ихъ, насколько можно имъ довѣриться, и я могъ прямо поручать имъ то или другое, противное ихъ инструкціи, не опасаясь что они захотятъ меня выдать. Это были тоже два урядника, и тоже нисколько не похожіе одинъ на другого. Одинъ, Берниковъ, темнорусый съ рыжеватымъ отливомъ, красивый и ловкій, отличался аккуратностью и постоянно веселымъ нравомъ; другой, рябоватый и золотушно-кудрявый, Николаевъ, былъ малоnaходчивъ, хвастливъ, но вообще вялъ, любилъ выпить и быстро пьянѣлъ. Онъ былъ писаремъ, а Берниковъ берейторомъ. Это отчасти объясняетъ и разность ихъ характеровъ. Кромѣ своей жандармской обязанности, Берниковъ занимался отчасти торговлей, отчасти ремесломъ. Онъ шилъ оленьи перчатки. Оба они были женатые, но только у одного Берникова проявлялась хозяйственность и положительность. Николаевъ, напротивъ, способенъ былъ при первомъ удобномъ случаѣ замотаться и завихриться въ какой-нибудь кутежъ. Въ мѣстахъ, гдѣ мы останавливались нѣсколько подольше, надо было держать ухо востро, чтобы онъ не напился пьянъ. Это, однако, случилось таки съ нимъ раза три-четыре, и его приходилось садить на козлы для протрезвленія. Мы пускали его тогда въ возокъ, лишь убѣдившись, что онъ успѣлъ уже немного продрогнуть и протрезвиться.

Мнѣ еще разъ привелось видѣться съ Станиславомъ Крупскимъ. Видя крайнія нужды его, я подѣлился съ нимъ чѣмъ могъ, и сказалъ двумъ-тремъ моимъ тобольскимъ знакомымъ о его положеніи. Сочувствія къ нему ни у кого, правда, не было, но это не помѣшало, однако, сдѣлать для него подписку, по которой собрали пятьдесятъ рублей. Онъ, между тѣмъ, уже уѣхалъ. Мнѣ привезли почто-

вую росписку объ отправкѣ ему этихъ денегъ въ Томскъ, въ тамошнюю экспедицію о ссыльныхъ и просили передать ее Крупскому, если я увижу его въ дорогѣ. Онъ былъ назначенъ на поселеніе въ Красноярскъ, и долженъ былъ отправиться туда съ партіей.

Партія эта вышла изъ Тобольска 12-го января, а я выѣхалъ вечеромъ 27-го, то есть черезъ двѣ недѣли; но то, что партія сдѣлала пути въ эти двѣ недѣли, я могъ проѣхать въ сутки съ небольшимъ. По этапному маршруту я могъ разсчитать, что застану Крупскаго на ночлегѣ въ деревнѣ Ачитовѣ, кажется, или Ачиловѣ, верстахъ въ трехстахъ отъ Тобольска.

На станцію эту я пріѣхалъ на вторыя сутки, часовъ въ пять утра. Было еще совсѣмъ темно. Я заказалъ поставить себѣ самоваръ; чтобы не будить Крупскаго такъ рано, напился сначала чаю, и потомъ попросилъ хозяина станціи дать мнѣ сани, чтобы съѣздить въ этапъ, такъ-какъ онъ былъ совсѣмъ на другомъ концѣ деревни, именно на томъ, который мы уже проѣхали.

Часовъ около шести мы съ Берниковымъ усѣлись въ глубокую кошеву и отправились. Все еще было темно: морозило крѣпко.

Въ деревнѣ пахло уже дымомъ, но за сѣрымъ тыномъ этапа все еще спало крѣпкимъ сномъ. Берниковъ добился, что насъ впустили во дворъ, и мы пошли къ офицеру.

На стукъ нашъ въ дверь намъ скоро отворила полуодѣтая женщина, повидимому, только-что начинавшая подниматься съ постели. Она безъ всякаго опроса ввела насъ въ прихожую, бывшую въ то же время, кажется, и кухней. Въ большой русской печи, занимавшей значительную часть ея, тлѣлся огонекъ. Баба, впустившая насъ, накинула на него лучины, и свѣтъ облилъ и ее и насъ.

— Вамъ кого? поручика?

Я объяснилъ ей, что поручика, пожалуй, и не нужно, если можно безъ него увидѣться съ однимъ пересыльнымъ—«изъ дворянъ, полякомъ».

— Да это знать тотъ, что у барина ночуетъ. Я пойду, ихъ разбужу.

И она пошла. Почти тотчасъ же выбѣжалъ ко мнѣ Крупскій въ полушубкѣ своемъ и босикомъ.

Я вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ слѣдующую, маленькую комнатку, гдѣ засталъ еще въ постели молодого этапнаго офицера. Крупскій спалъ на диванѣ: тутъ лежала его подушка. Въ этой горенкѣ заключалась, кажется, и вся квартира офицера. Тутъ былъ кромѣ кровати, и его письменный столъ, и шкапчикъ въ углу съ посудой. Это была своего рода тюремная келейка. Офицеръ, вѣроятно, недавно былъ на мѣстѣ, не успѣлъ еще обжиться со своей должностью, и на немъ не лежало печати той грубости, которую я замѣчалъ на всѣхъ этапныхъ офицерахъ, встрѣчавшихся мнѣ.

Бѣдный Крупскій былъ полубольной, распростуженный. Онъ и похудѣлъ замѣтно, и сильно кашлялъ. Это былъ первый офицеръ по дорогѣ изъ Тобольска, пріютившій его у себя на квартирѣ.

Тобольскія предвѣстья оправдались. На каждомъ привалѣ ему дѣлали затрудненія относительно лошадей, говорили, что если-бъ въ его кибиткѣ можно еще было помѣщаться четверымъ, такъ лошадь бы, пожалуй, и дали. а то плати, да и не просто прогоны, а дороже. Рѣшившись отказывать себѣ въ чемъ-нибудь другомъ, Крупскій купилъ себѣ лошаденку. Тутъ пошли опять неудобства, какъ ее кормить, и опять расходы. Онъ продалъ лошадь, и опять на каждомъ привалѣ приходилось ему выслушивать недовольныя рѣчи и платить изъ своего скуднаго кошелька. Онъ жаловался на грубое обращеніе этапныхъ офицеровъ, на брань и даже на побои конвойныхъ солдатъ и казаковъ. Только ачитовскій офицеръ обѣщалъ снабдить его рекомендаціей къ начальнику слѣдующаго этапа, и это хоть отчасти могло успокоить Крупскаго.

Мнѣ было очень жаль его и досадно, что я не могъ ничѣмъ помочь ему. Еще въ Тобольскѣ думалъ я, нельзя ли бы мнѣ было довезти Крупскаго до мѣста назначенія въ моемъ возкѣ; но объ этомъ и думать было невозможно, какъ мнѣ сказали люди, отъ которыхъ это зависѣло.

Съ грустнымъ чувствомъ простился я съ Крупскимъ, и онъ часто приходилъ мнѣ на мысль, когда я начиналъ или досадывать на неудобство помѣщенія въ дорогѣ, или на холодъ и угаръ станціи, или на морозъ и вѣтеръ. Какой еще я былъ счастливецъ въ сравненіи съ нимъ!

Дорога отъ Тобольска шла такая же дурная, если не хуже, какъ и къ нему. Такія же станціи, то холодныя и полныя синяго чаду, то теплыя до чрезвычайности и довольно уютно прибранныя. Станціонные смотрители и писаря стали чаще попадаться изъ поляковъ. Найти чего-нибудь поѣсть было бы трудно, еслибъ меня въ Тобольскѣ не снабдили разными запасами—буракомъ, или по здѣшнему «туесомъ» и мороженными щами, пельменями, пирожками.

Разнообразіе дороги заключалось и здѣсь въ томъ, что гдѣ было больше ухабовъ, гдѣ меньше. Сваливаться на бокъ съ возкомъ, ломать оглобли, разбивать при этомъ стекла приходилось не разъ. Подъ конецъ я забилъ два окна наглухо войлокомъ.

Проѣхали мы нѣсколько жалчайшихъ городовъ: Тару, на половину татарскую, Каинскъ, Колывань. Наконецъ близко ужъ и Томскъ, половина пути.

Надо было хоть немножко отдохнуть отъ ухабовъ и холоду. На предпослѣднюю къ Томску станцію мы пріѣхали вечеромъ, и тутъ ночевали, отправившись на такъ называемую земскую квартиру.

На другой день въ десять часовъ утра я былъ въ Томскѣ.

Такъ-какъ мнѣ нужно было запастись какою-нибудь провизіей въ дальнѣйшій путь, то я остался въ Томскѣ часа на три, на четыре. Берниковъ, отправленный за покупками, считалъ неудобнымъ не явиться къ мѣстному штабъ-офицеру, будто бы для просьбы пробыть въ городѣ нужное намъ время. Иначе онъ могъ попасться ему на глаза и навлечь противъ себя какое-нибудь неудовольствіе. Я не имѣлъ, конечно, ничего противъ его намѣренія. Оставшись въ гостиницѣ Золотого Якоря, при которой находилась и станція, я принялся отъ скуки играть на бильярдѣ съ другимъ жандармомъ.

Явки Берникова къ штабъ-офицеру было достаточно, чтобы обо мнѣ узнали въ городѣ еще въ десяти мѣстахъ. Сначала пришелъ ко мнѣ одинъ молодой человѣкъ, котораго я не узналъ. Это былъ К., съ которымъ я познакомился въ Уфѣ, гдѣ онъ былъ тогда семинаристомъ, давалъ уроки въ одномъ знакомомъ мнѣ домѣ, и собирался ѣхать не то въ академію, не то въ университетъ. Этому ужъ лѣтъ шесть-семь. Теперь онъ учителемъ въ Томскѣ, въ гимназіи. Пришли еще два молодыхъ человѣка, которыхъ именъ помню. Заѣхалъ совершенно неожиданно *самъ* голубой штабъ-офицеръ, толстый, заплывшій господинъ, съ предложеніемъ, не хочу ли я оставаться въ Томскѣ подольше, день, два, не имѣю ли какихъ желаній. Я имѣлъ желаніе, чтобы онъ убирался поскорѣе, но его по деликатности не высказалъ. Онъ, впрочемъ, и самъ пробылъ не болѣе десяти минутъ. Болѣе всего былъ я доволенъ пріѣздомъ ко мнѣ управляющаго томской экспедиціей о ссыльныхъ. Я могъ попросить его о выдачѣ Крупскому на руки денегъ, присланныхъ въ Томскъ, и онъ любезнѣйшимъ образомъ обѣщалъ мнѣ это.

Позавтракавши или, пожалуй, пообѣдавши, въ гостиницѣ, мы двинулись далѣе. Черезъ двое сутокъ мы переѣхали границу Западной и Восточной Сибири, отмѣченную двумя кабаками по ту и по эту сторону.

Въ уныломъ городѣ Ачинскѣ, первомъ восточно-сибирскомъ, гдѣ я изъ возка не хотѣлъ вылѣзать, оказался почтмейстеромъ мой землякъ, и прислалъ просить меня войти на станцію. Я зашелъ и напился чаю въ его семействѣ, которое все провожало меня потомъ до экипажа и напутствовало самыми хорошими желаніями.

Та же дорога съ ухабами и метелями потянулась до Красноярска. Здѣсь я рѣшился пробыть подольше, чтобы видѣться съ Петрашевскимъ. Онъ попалъ въ немилость у Муравьева, за то, что говорилъ противъ скверной исторіи Беклемишева и — не помню, какъ зовутъ его жертву. Петрашевскаго выслали изъ Иркутска, а Беклемишевъ, вмѣсто того, чтобы попасть въ сосѣдство ко мнѣ, въ каторгу, назначенъ, какъ я видѣлъ въ послѣднихъ газетахъ, вице-губернаторомъ въ Саратовъ. Муравьевское

начало не умерло съ нимъ. Для замазки разныхъ щелей и трещинъ своего управленія, онъ посадилъ на свое мѣсто невѣжду и глупца Корсакова, своего родню и креатуру, быстро выскочившаго въ генералы развѣ по способности своей скакать тысячи верстъ на курьерскихъ для безгласнаго и точнаго исполненія самодержавныхъ повелѣній своего патрона.

Въ Красноярскъ пріѣхалъ я поутру 7 февраля. Станція находится тамъ при гостиницѣ. Толстый, улыбающійся нѣмецъ Иванъ Иванычъ вышелъ встрѣчать меня и объявилъ, что меня давно уже ожидаютъ, и многіе желали бы со мной видѣться. Первымъ вопросомъ моимъ было, здѣсь ли Петрашевскій. Нѣмецъ отвѣчалъ утвердительно, и обѣщалъ немедленно послать извѣстить его.

Не успѣлъ я вполнѣ разоблачиться отъ дорожныхъ шубъ и шарфовъ, какъ у меня оказалось уже четверо гостей. Одинъ былъ мѣстный казачій офицеръ, братъ извѣстнаго мнѣ по имени издателя какого-то маленькаго журнала, «Вазы» или «Сѣвернаго Цвѣтка»; трое остальныхъ были проѣзжіе въ Петербургъ офицеры же съ Амура. Изъ нихъ особенно заинтересовалъ меня морякъ, капитанъ-лейтенантъ С. Съ его парохода или фрегата бѣжалъ Бакунинъ. Корсаковъ, получившій сильную головомойку изъ Петербурга за этотъ побѣгъ, вздумалъ было задержать С. въ Иркутскѣ, пока не кончится слѣдствіе. Но С. ѣхалъ съ семьей, по требованію своего начальства, и не могъ терять ни времени, ни денегъ на праздное житье въ корсаковской столицѣ. Пришлось ограничиться вопросными пунктами и отпустить капитана дальше. Да и какое тутъ слѣдствіе, когда у Бакунина былъ открытый листъ для проѣзда, куда онъ хочетъ, за подписью того же Корсакова. Умѣренные прогрессисты въ Иркутскѣ находили, что Бакунинъ поступилъ нехорошо, измѣнивъ честному слову, которое онъ далъ Корсакову, что не бѣжитъ. Я въ этомъ случаѣ не совсѣмъ согласенъ съ умѣренными прогрессистами, и—если бы считалъ полезнымъ для себя—поступилъ бы на мѣстѣ Бакунина точь въ точь такъ.

Скоро пришелъ ко мнѣ и Петрашевскій. Не знаю, почему, я воображалъ его человѣкомъ совсѣмъ иной наружности, чѣмъ какимъ увидѣлъ. Портрета его мнѣ не случалось видѣть; говоря о немъ съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, кто были сосланы по его дѣлу, я какъ-то не спрашивалъ о его наружности,—и онъ представлялся мнѣ высокимъ, худымъ, съ рѣзкими и строгими чертами лица, да вдобавокъ еще блондиномъ. Я не могу понять, почему составилось у меня такое о немъ представленіе. Развѣ не на основаніи читанныхъ мною въ «Колоколѣ» оффиціальныхъ бумагъ его, наполненныхъ юридическими тонкостями, къ которымъ былъ я всегда такъ холоденъ, пока теперешнее мое дѣло не показало мнѣ, что я поступалъ неразсчетливо, пренебрегая знакомствомъ съ дичью, именуемаго законами Россійской имперіи. Впрочемъ, едва

ли мое представленіе о Петрашевскомъ составилось не раньше. Я увидѣлъ совершенную противоположность тому, что ожидалъ.

Петрашевскій не высокъ; онъ средняго роста, и не худой, а очень полный. Походка его напоминаетъ мнѣ отчасти походку Герцена, и въ самой фигурѣ его есть съ нимъ сходство. Черты лица его довольно правильны, мягки и пріятны. Большіе черные глаза, очень выпуклые, обличаютъ въ немъ сразу говоруна, и онъ дѣйствительно говоритъ много и хорошо; но, вѣроятно, именно потому что много и хорошо, рѣчь его полна противорѣчій. На головѣ у него осталось уже мало волось—передъ весь голый, и только сзади низко опускаются на воротникъ сюртука ихъ порѣдѣвшія черныя пряди. Большая, что называется, апостольская борода напротивъ еще очень густа; по ней длинными бѣлыми нитками прошла уже сѣдина. Одѣтъ онъ былъ во все черное. И сюртукъ, и жилетъ, и панталоны—все было очень потерто и замаслено, и обличало не совсѣмъ-то блестящія его обстоятельства. Оно такъ и было дѣйствительно, какъ я слышалъ впослѣдствіи.

Видѣвшись съ нимъ всего одинъ день, я не могу, разумѣется, сказать о немъ многаго; но общее впечатлѣніе было для меня пріятно. Я нашелъ только, что мѣстные интересы, въ которыхъ Петрашевскій принималъ участіе (разумѣется, только словомъ) въ послѣднее время своей ссылки, разныя иркутскія интриги и дѣла, какъ будто, заслонили отъ него интересы болѣе широкіе и общіе. То, что для человѣка новаго представляется не болѣе, какъ мѣстнымъ провинціальнымъ дрязгомъ, для него, при постоянномъ столкновеніи съ здѣшними властями, приняло слишкомъ большіе размѣры, и заставило, какъ будто, отчасти забыть о томъ, что сердиться слѣдуетъ на причины, производящія дурныя явленія, а не на самыя явленія. Слушая Петрашевскаго, я, признаюсь, не разъ подумалъ, что было бы очень грустно, если бы тѣсный кругъ мѣстныхъ интересовъ успѣлъ современемъ втянуть и меня въ свои границы. Повторяю, всѣ эти интересы входятъ лишь какъ ничтожная доля въ ту общую систему нашего управленія и нашей жизни, противъ которой одной борьба не безплодна. То же суженіе понятій отъ долгой жизни въ ограниченной и жалкой средѣ проявилъ и товарищъ Петрашевскаго, Львовъ, въ своихъ «Выдержкахъ изъ воспоминаній ссыльно-каторжнаго», вторая часть которыхъ дошла ко мнѣ лишь недавно. Меня просто возмутило то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о дѣйствіи ссылки на политическихъ преступниковъ. Надо слишкомъ поверхностно и мелко всматриваться въ окружающую жизнь, чтобы дойти до такихъ ограниченныхъ взглядовъ. На него нельзя не обратить особеннаго вниманія въ статьѣ именно бывшаго «политическаго преступника». Разсуждать объ исправленіи зла «послѣдовательными реформами *при помощи служебной или открытой общественной дѣятельности*», толковать о развитіи гражданскаго чувства, откладывая въ долгій

ящикъ «послѣдовательныхъ реформъ» (иначе «медленнаго прогресса») «благія ученія», которыя одни создаютъ гражданъ,— все это могъ бы говорить другой Львовъ, авторъ знаменитой комедіи съ добродѣтельнымъ становымъ, или не менѣе знаменитый герой соллогубовскаго «Чиновника»; но слышать эти рѣчи отъ «ссыльно-каторжнаго» Львова не только досадно, но и тяжело и грустно. Если бы еще онъ говорилъ объ этомъ измѣненіи во взглядахъ «политическихъ преступниковъ», какъ о развращающемъ вліяніи житья въ ссылкѣ,—а то вѣдь это, по его мнѣнію, хорошая сторона ея, хорошее и благое вліяніе. Кстати замѣчу, что вся вторая статья Львова (первой я не помню) показываетъ, что онъ совершенно не знакомъ даже съ общимъ характеромъ мѣстъ и людей, посреди которыхъ привелось ему прожить такъ долго, или не умѣлъ всмотрѣться въ смыслъ окружавшихъ его явленій и только наблюдалъ ихъ внѣшнюю сторону. Можно, пожалуй, было бы извинить жалкую ничтожность этой статьи недостаткомъ таланта, но вѣдь въ ней нѣтъ *дѣла*, а ужъ это не зависитъ отъ таланта. Я заговорилъ о статьѣ Львова именно потому, что нѣчто въ родѣ того не совсѣмъ веселаго чувства, которое испыталъ я, читая ее, проходило иногда по моимъ нервамъ и при разговорѣ съ Петрашевскимъ. Нѣтъ, что ни толкуй, а горе и лишенія ссылки взяли таки свое, печать ихъ осталась, и мнѣ кажется, первое, о чемъ долженъ постоянно думать и стараться всякій сосланный за политическія убѣжденія,—это вырваться отсюда и окунуться въ потокъ болѣе широкой жизни. Львовъ говоритъ объ умѣ «охлажденномъ и опытомъ, и зрѣлостью возраста», какъ о шагѣ впередъ отъ горячаго и страстнаго энтузіазма молодости. Да вѣдь это просто притупившіеся отъ слишкомъ слабыхъ потрясеній нервы. Не желалъ бы я себѣ такой зрѣлости, хотя, можетъ быть, ужъ и теперь для новаго подрастающаго племени—человѣкъ отживающій. Какъ на одно изъ важныхъ противоядій нашей провинціальной маляріи смотрю я на свою возможность уходить отъ пошлости нашихъ житейскихъ отношеній въ чисто умственную дѣятельность,—и я считаю себя счастливымъ, что могу заниматься литературнымъ трудомъ. Я никогда не работалъ такъ много, какъ теперь, въ эти два-три мѣсяца, какъ поселился въ Козановскомъ золотомъ промыслѣ, и какъ бы ни ничтожны были плоды этой работы, я увѣренъ—они полезнѣе и для общества, и для моего личнаго достоинства такъ называемой «борьбы» съ мѣстными обстоятельствами. Эта борьба сильно граничитъ съ тѣмъ, что на болѣе простомъ языкѣ называется дрязгами, кляузами, сплетнями—и мало ли еще чѣмъ. Вотъ почему я особенно доволенъ, что не остался въ Иркутскѣ, а попалъ сюда въ глушь. Замѣчательно, что только тѣ изъ политическихъ преступниковъ, бывшихъ здѣсь, оставили по себѣ дѣйствительно полезное вліяніе, которые дѣйствовали словомъ, брались за воспитаніе или вообще старались проводить въ

сознаніе молодыхъ людей основныя начала нравственности и гражданскихъ обязанностей человѣка. А тѣ, что вступали въ ряды мѣстныхъ «борцовъ», отъ пропаганды обращались къ дѣлу, только низводили и свои лучшія стремленія, и свое личное достоинство къ тому уровню, гдѣ они теряли всякое высшее значеніе, а потому и вліяніе, да и сами дѣятели мало по малу начинали мельчать и все болѣе суживать свои нравственные интересы. Да и какая тутъ борьба для человѣка, поставленнаго своимъ положеніемъ политическаго преступника внѣ всякой общепризнанной дѣятельности, когда и въ сферѣ-то болѣе широкой у насъ «удѣлъ разумной жизни», какъ выразился Добролюбовъ:

„Для блага родины страдать по пустякамъ".

То, что я говорилъ, было предметомъ нашего довольно продолжительнаго спора съ Петрашевскимъ. Я только изъ его словъ узналъ о всѣхъ непріятныхъ столкновеніяхъ, которыя рискую я испытать, оставаясь въ Иркутскѣ. Еслибъ я и не слыхалъ этого предупрежденія о тамошнихъ полицейскихъ надзорахъ, о шпіонахъ, распечатываніи писемъ и доносахъ, то достаточно было мнѣ пробыть въ Иркутсткѣ два-три дня, чтобы не хотѣть оставаться даже при согласіи на то мѣстнаго начальства. Только живя въ совершенной дали отъ общества (какъ теперь и дѣлаетъ Львовъ), можно еще тамъ сдѣлать сносною свою жизнь. То, что именуется на иркутскомъ нарѣчіи политическими непріятностями, есть не что иное, какъ мелкія сплетни, раздражающія человѣка хуже, чѣмъ «по пустякамъ».

Петрашевскій совѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Нерчинскій округъ, гдѣ менѣе будетъ для меня стѣсненій и, для подтвержденія его словъ, повидаться въ Иркутскѣ со Львовымъ. Я сдѣлалъ бы послѣднее и такъ, но чтобы увидѣться съ нимъ поскорѣе, взялъ у Петрашевскаго записку. Онъ обѣдалъ у меня въ этотъ день; вечеромъ располагалъ я уѣхать, но это не удалось. Одинъ изъ моихъ жандармовъ, Николаевъ, отпросился у меня къ какимъ-то своимъ знакомымъ и воротился домой пьянъ, какъ стелька. Я остался ночевать.

Послѣ обѣда Петрашевскій уходилъ на часъ домой, и потомъ опять пришелъ—и на этотъ разъ не одинъ, а съ тремя молодыми людьми, которыхъ отрекомендовалъ мнѣ, и при нихъ, и заочно, какъ *лучшихъ* изъ здѣшней молодежи. Признаюсь, грустно мнѣ было за Петрашевскаго, когда эти лучшіе представители молодого поколѣнія города Красноярска сидѣли у меня съ нимъ вечеромъ. Это были, можетъ быть, и даже вѣроятно, очень добрые молодые люди, но...

Тутъ я узналъ о существованіи секретнаго циркулярнаго предписанія министра внутреннихъ дѣлъ къ губернаторамъ, отъ 2-го декабря, не выдавать литератору Николаю Чернышевскому загра-

ничный паспортъ. Это извѣстіе поставило меня втупикъ; я рѣшительно не зналъ какъ объяснить его, и отчасти усомнился въ его вѣрности; но молодой человѣкъ, отъ котораго я слышалъ объ этомъ, прислалъ мнѣ на слѣдующее утро и номеръ, и дату предписанія, съ подтвержденіемъ, что дѣло идетъ именно о литераторѣ Николаѣ Чернышевскомъ.

Петрашевскій пришелъ проводить меня, и я отправился изъ Красноярска часовъ въ одиннадцать утра.

— До свиданья—въ парламентѣ! — сказалъ мнѣ на прощаньи Петрашевскій.

„Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ", думалъ я не разъ, когда припоминалъ объ этомъ прощаньѣ.

Николаевъ не успѣлъ протрезвиться, и былъ посаженъ на козлы. Дорога пошла получше и поглаже, и мы ѣхали очень хорошо почти до самаго Иркутска, уже нигдѣ не останавливаясь *). На послѣднюю станцію прибыли мы уже ночью, часу въ первомъ, на пятыя сутки по выѣздѣ изъ Красноярска. Надо было и тутъ, какъ передъ Тобольскомъ, обождать утра, и я прилегъ было въ станціонной комнатѣ. Но спать тутъ отъ холода было невозможно. На дворѣ стоялъ сильный морозъ, а дверь, выходящая прямо на крыльцо, безъ сѣней, безпрестанно отворялась. Пришлось поискать себѣ другого ночлега, и мы отправились въ такъ называемую земскую квартиру, довольно тѣсную, но за то теплую избу, гдѣ и расположились.

Только что начало свѣтать, горланъ пѣтухъ крикнулъ у меня подъ самымъ ухомъ, и я вскочилъ съ испуга. Онъ не умолкалъ, выглядывалъ изъ-подъ печки, и мы стали вставать.

Я забылъ сказать, что по распоряженію тобольскаго жандармскаго полковника, меня слѣдовало отправить изъ Тобольска опять-таки въ кандалахъ. Впрочемъ, онъ распорядился, чтобы они были на замочкахъ, и я могъ снять ихъ тотчасъ по выѣздѣ изъ города. Передъ выѣздомъ въ Иркутскъ слѣдовало ихъ опять надѣть на меня. Но я не исполнилъ ни того, ни другого,—и они ѣхали со мной вмѣстѣ съ другими арестантскими принадлежностями. Жандармы подтверждали меня въ убѣжденіи, что ихъ не слѣдуетъ надѣвать. Да и замочковъ-то у насъ не было.

Въ половинѣ двѣнадцатаго утра 13-го февраля я былъ въ Иркутскѣ передъ воротами исправляющаго должность военнаго губернатора.

VI.

Иркутская тюрьма.

Въ Иркутскѣ, какъ и въ Тобольскѣ, пришлось мнѣ немало поѣздить, прежде чѣмъ я попалъ въ свойственное мнѣ мѣсто, то-

*) Тутъ города Канскъ и Нижнеудинскъ.

есть въ острогъ. Меня привезли къ исправляющему должность военнаго губернатора, а не къ генераль-губернатору, согласно принятымъ правиламъ. Его уже не было дома. Онъ былъ въ губернаторской канцеляріи. Ко мнѣ вышелъ какой-то чиновникъ вродѣ писца и поѣхалъ вмѣстѣ въ канцелярію. Тамъ мнѣ тоже пришлось подождать, пока не пришелъ откуда-то господинъ Шелеховъ. Пока я дожидался въ пріемной, похожей на дрянную прихожую, я думаю, всѣ чиновники канцеляріи прошли мимо меня одинъ за однимъ, съ любопытствомъ оглядывая меня съ головы и до пятокъ.

Наконецъ явился и Шелеховъ, штатскій господинъ, полный и нѣсколько аляповатый съ виду, и попросилъ меня въ присутствіе. Тамъ никого еще не было, но когда мы входили, за нами слѣдомъ вступилъ какой-то трясучій старикъ въ генеральскомъ мундирѣ.

— Позвольте попросить ваше превосходительство повременить немножко, сказалъ ему Шелеховъ.—Мнѣ нужно поговорить одному.

Старикъ ретировался, и когда двери за нимъ затворились, Шелеховъ съ какимъ-то нѣсколько чичиковскимъ видомъ протянулъ мнѣ руку и началъ говорить нѣчто о томъ, что „понятно, что мы всѣ вамъ сочувствуемъ".

Онъ спросилъ меня, куда я желаю быть назначеннымъ, въ Нерчинскій ли округъ, или на ближайшій къ Иркутску, но глухой, не помню какъ называющійся, заводъ. Я, разумѣется, упомянулъ о томъ, что меня невѣрно причислили къ первому разряду, что по всей справедливости меня можно бы назначить въ одинъ изъ иркутскихъ заводовъ, и что я—ужъ если хотятъ мое желаніе—желалъ бы остаться въ соловаренномъ заводѣ Усолье, въ сорока верстахъ отъ Иркутска. Шелеховъ обѣщалъ просмотрѣть внимательнѣе мои бумаги, и поговорить съ Корсаковымъ.

Кстати замѣчу, что Шелеховъ занялъ временно должность военнаго губернатора послѣ Венцеля, того самаго Венцеля, который теперь сенаторомъ и былъ въ числѣ моихъ судей, а на мѣсто его назначается или уже назначенъ теперь—Щербацкій, тотъ самый Щербацкій, петербургскій полиціймейстеръ, который былъ у меня при второмъ моемъ обыскѣ. Вотъ и еще, пожалуй, въ этомъ родѣ сближеніе: бывшій у меня въ Томскѣ жандармскій полковникъ (кажется, Герасимовъ) сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что у него есть близкій родственникъ въ Третьемъ Отдѣленіи, а именно—Кранцъ, тотъ самый Кранцъ, который и проч. Не правда ли, какія все милыя и отрадныя напоминанія?

Но не въ томъ дѣло.

Шелеховъ сказалъ, что онъ послалъ уже за полиціймейстеромъ, который сейчасъ пріѣдетъ и свезетъ меня въ тюрьму, гдѣ отведутъ мнѣ возможно лучшее помѣщеніе; а между тѣмъ просилъ меня обождать въ одной изъ комнатъ канцеляріи, что-то въ родѣ бухгалтерской, куда и проводилъ меня.

Мнѣ точно пришлось недолго ждать. Пріѣхалъ полиціймейстеръ, высокій, нѣсколько худощавый офицеръ съ зарумянившимся лицомъ и нехорошими, не то наглыми, не то, какъ будто, пьяными глазами. Онъ расшаркался по-гвардейски, и сказалъ, чтобы я садился въ свой возокъ и велѣлъ ѣхать вслѣдъ за нимъ. Онъ поскакалъ впередъ на своей парѣ, съ горластымъ по-полицейски кучеромъ. Моя тройка не скоро догнала его. Мы выѣхали за городъ, и я увидѣлъ бѣлое зданіе классической постройки, напоминавшей мою тобольскую резиденцію. Пара полиціймейстера подкатила, впрочемъ, не къ этому зданію, а къ жалкому деревянному, тоже значительныхъ размѣровъ, строенію, и мы въѣхали за нею подъ ворота, гдѣ оказался тоже часовой при будкѣ. Это былъ старый острогъ, теперь упраздненный больше чѣмъ наполовину.

Шаткимъ деревяннымъ крыльцомъ и темными деревянными сѣнями вродѣ корридора прошелъ я въ квартиру жившаго еще тутъ смотрителя, куда вошелъ еще до моего пріѣзда полиціймейстеръ.

— Вотъ-съ, вы здѣсь и помѣститесь, въ этой комнатѣ, обратился ко мнѣ, такъ же ловко расшаркиваясь, полиціймейстеръ.— Извините, пожалуйста. Это лучшее помѣщеніе, какое мы можемъ предложить вамъ. Все, что вамъ угодно будетъ, вы можете получить отъ господина смотрителя. Вотъ-съ онъ. Это его квартира.

Я заикнулся было, что вѣдь это ему стѣсненіе, и что лучше отвели бы мнѣ просто номеръ въ секретномъ или въ дворянскомъ отдѣленіи; но такихъ номеровъ, годныхъ для житья, не оказывалось, — и полиціймейстеръ сказалъ, что этой комнатой смотритель почти не пользуется, и она существуетъ, собственно, на такіе случаи, какъ настоящій. Комната о трехъ окнахъ смотрѣла свѣтло и весело, и уже, конечно, въ острогѣ не найти мнѣ было другого такого помѣщенія.

Смотритель былъ маленькій, сухонькій человѣчекъ среднихъ лѣтъ, съ какою-то особенно серьезною, даже и при частыхъ своихъ улыбкахъ, физіономіей, въ застегнутомъ на всѣ пуговицы мундирномъ гражданскомъ сюртукѣ.

Полиціймейстеръ спросилъ меня, не желаю ли я передать чего-нибудь генералъ-губернатору, и послѣ отрицательнаго моего отвѣта удалился, обѣщая заѣзжать. Я сказалъ, что хочу пробыть здѣсь нѣсколько дней, какъ для того, чтобы отдохнуть отъ дороги, такъ и для справокъ по своему дѣлу.

Жандармы внесли мою поклажу и откланялись со мной, смотритель разспросилъ меня, чего я хочу къ обѣду и скоро ли, и тоже удалился.

Въ первый еще разъ послѣ отъѣзда отъ Аларчина моста былъ я въ такомъ опрятномъ и веселенькомъ помѣщеніи, хотя, какъ потомъ оказалось, оно было во многихъ отношеніяхъ далеко стѣснительнѣе для меня, чѣмъ моя тобольская конурка. Зато первое впечатлѣніе было пріятно. Ничто не напоминало мнѣ, что я въ

тюрьмѣ. Въ окна, драпированныя скромными, но чистыми бѣлыми кисейными занавѣсками, ярко свѣтило солнце; всѣ они были заставлены цвѣтами; въ сосѣдней комнатѣ распѣвала канарейка. Съ десятокъ стульевъ, три стола и диванъ составляли меблировку комнаты. Я былъ доволенъ и тѣмъ, что усну на диванѣ послѣ тюремныхъ коекъ, хотя онъ былъ и жестче ихъ соломенныхъ тюфяковъ. Я принялся раскладывать свои вещи, и только что успѣлъ кончить, мнѣ принесла заказанный мною обѣдъ (супъ, жареную баранину и гречневую кашу съ молокомъ) кухарка смотрителя Арина, лицо интересное. Это была небольшого роста баба лѣтъ за сорокъ, съ круглымъ, апатическимъ, нѣсколько обрюзгшимъ лицомъ, съ повязкой на головѣ и вѣчно растрепанная. Она постоянно услуживала мнѣ: подавала утромъ и вечеромъ чай, топила печь и мела комнату.

Въ первый приходъ ко мнѣ она была молчалива, но со второго же не дѣлала шагу ко мнѣ безъ того, чтобы не начать то вздыхать, то стонать, говоря, что вотъ ея какое горемычное житье, что здѣсь все не такъ, какъ «у насъ въ Россіи». И дрова тутъ не такія, и печка не такъ устроена, и хлѣба не умѣютъ такъ печь, и люди не такіе обходительные, и вѣники не такіе — полъ не столько вымететъ, сколько насоритъ.

— Ахъ, баринъ, баринъ! знали бы вы только мою-то долю, стонала она.—Вы вѣдь тоже россійскіе. Сами знаете, такая ли у насъ въ Россіи жизнь.

Я разспросилъ ее подробно, какъ она попала въ Сибирь.

— Да ты откуда?

— Изъ Ярославской губерніи, баринъ. Господскіе мы были, да я двѣнадцать лѣтъ скрывалась. Ушло насъ отъ помѣщика-то десять человѣкъ тогда. Управляющій больно былъ лютой. Ну и ушли. По разнымъ всѣ городамъ. Паспорты себѣ фальшивые выправили. Я вотъ, все по хорошимъ господамъ нанималась. Въ Нижнемъ жила, въ Казани, — гдѣ въ прачкахъ, гдѣ въ стряпкахъ. Двѣнадцать лѣтъ такъ-то скрывалась.

— Замужъ не вышла?

— То-то и глупа была, баринъ, что не вышла. Жила бы теперь по всей своей волѣ. И женихи были, да глупость все... Думала, дѣвка все вольнѣе бабы, а теперь вонъ куда попала, въ экую волюшку. Ахъ, ахъ! И тоже все отъ глупости своей.

— Да какъ же?

— А вотъ повѣрила, стали вездѣ говорить—воля всѣмъ господскимъ объявлена. Я и подумай пойти на село къ намъ. Что же, ужъ не молодой я человѣкъ. Помереть-то бы хоть любо дома-то. Ну, пришла, объявилась. Думала, примутъ меня; замѣсто того, меня сюды, съ арестантами на поселенье, значитъ. Больше году мы, баринъ, шли. Вотъ попала какъ сюда, смотритель и взялъ меня къ себѣ—на другой же день стряпать заставилъ. Скоро тре-

тій ужъ мѣсяцъ пойдетъ. И какъ у него этакія жонки живутъ, на какомъ-то есть положеніи, ничего этого мнѣ неизвѣстно. Жалованье, что ли, какое положитъ или какъ. А то отправятъ, что ли, куда. Здѣшніе-то вотъ тоже сказываютъ: такъ, говоритъ, тутъ и помрешь. Охъ, баринъ, жизнь мнѣ не мила стала. Ужъ и помирать-то, такъ скорѣе бы. И вся-то эта воля, сказываютъ теперь, однѣ сказки. Много тоже сюда господскихъ-то гонятъ. А я-то дура и повѣры! Гдѣ ужъ волѣ быть? Захотѣли отъ каменнаго попа желѣзной просвиры. Всѣхъ, слышь, опять на барщину посадили, да и пуще прежняго томятъ.

Если бы можно было изъ двухъ примѣровъ выводить общее правило, я сказалъ бы, что смотрители тюремныхъ замковъ отличаются формализмомъ. Иркутскій смотритель былъ не лучше въ этомъ отношеніи тобольскаго Захара Иваныча. Онъ исполнялъ строжайшимъ образомъ приказъ полиціймейстера, не допускать ко мнѣ никого безъ его записки. А записокъ онъ, какъ послѣ оказалось, никому не давалъ, кромѣ такихъ лицъ, которыя могли бы имѣть доступъ въ острогъ и безъ его позволенія.

Въ первый же день по пріѣздѣ были у меня вскорѣ послѣ моего ранняго обѣда К., а вечеромъ М., который такъ обрадовалъ меня письмомъ изъ Петербурга. Я ждалъ съ такимъ томительнымъ нетерпѣніемъ вѣсти обо всѣхъ близкихъ, что готовъ былъ и плакать и скакать отъ радости. Потомъ онъ привезъ мнѣ и еще письмо, недѣлю спустя.

Кромѣ этихъ двухъ гостей да еще Д. и молодого доктора, я не видалъ въ своей комнатѣ никого изъ людей, которые могли бы доставить мнѣ удовольствіе своимъ посѣщеніемъ. Зато самымъ безпрепятственнымъ входомъ пользовались ко мнѣ господа, съ которыми у меня не было ничего общаго, какъ, напримѣръ, временный губернаторъ Шелеховъ, инспекторъ врачебной управы, какой-то нелѣпый глухарь, да два старика, знакомыхъ моего отца. Можно, пожалуй, къ этому числу отнести и полиціймейстера, очень деликатнаго и развязно-глупаго, да жандармскаго штабъ-офицера, который тоже счелъ своимъ долгомъ навѣстить меня два раза. Мнѣ разсказывали, что онъ послѣ перваго же визита ко мнѣ отправился къ Корсакову съ просьбой позволить ему взять меня на поруки и отвести мнѣ частную квартиру. Я ужъ не знаю, что подвигло его къ такому поступку; но не думаю, чтобы у него былъ злой умыселъ. Мнѣ онъ ничего не говорилъ объ этомъ, и только находилъ, что у меня помѣщеніе не хорошо и что вообще не пріятно жить въ острогѣ. Корсаковъ отказалъ ему, не справившись, захочу ли еще я-то быть на порукахъ у жандарма.

Полиціймейстеръ, заѣхавъ ко мнѣ на другой день, сообщилъ мнѣ, что Корсаковъ поручилъ ему сказать мнѣ, чтобы я отдохнулъ пока: кстати же теперь масляница. А на первой недѣлѣ поста разсмотрятъ мои бумаги, и тогда можно будетъ рѣшить, куда меня

назначить. Заѣхавъ вскорѣ еще разъ, полицiймейстеръ сказалъ мнѣ, что его осаждаютъ просьбами о пропускѣ ко мнѣ, но что онъ, не желая, чтобы меня кто-нибудь безпокоилъ посѣщенiями (вѣроятно, кромѣ него), всѣмъ отказывалъ, такъ что ужъ и просить его перестали. «Знаете, все разные этакiе восторженные молодые люди». Я не поблагодарилъ его за эту заботу о моемъ спокойствiи. Время въ Иркутскѣ прошло для меня очень скучно. Читать было нечего, кромѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей» *), а писать цѣлый день я рѣшительно не могу. Мнѣ оставалось часто — мѣрять изъ угла въ уголъ мою комнату, какъ это я дѣлалъ въ третьемъ отдѣленiи и въ крѣпости, или развлекался разговорами съ шестилѣтнимъ сыномъ смотрителя, Кирей.

Я думалъ сначала, что его зовутъ Кирилой, но родитель его объяснилъ мнѣ какъ-то, что Киря есть уменьшительное не отъ Кирила, а отъ Кирика.

— У меня, видите ли, дѣти все не жили, добавилъ онъ: такъ знающiе люди посовѣтовали, если сынъ родится — Кирикомъ назвать, а дочь, такъ Улитой. Вотъ-съ и назвали его Кирикомъ. Слава Богу, до сихъ поръ мальчикъ здоровенькiй.

Только послѣ этого объясненiя обратилъ я вниманiе на одинъ изъ образовъ въ большомъ кiотѣ въ углу, гдѣ былъ изображенъ святой младенецъ Кирикъ съ матерью своей преподобной Улитой.

Киря приходилъ ко мнѣ довольно часто, разсказывалъ, какъ онъ ѣздилъ съ отцомъ кататься, приносилъ показывать свои игрушки. Разъ, забравшись на диванъ, ко мнѣ за спину, въ то время, какъ я сидѣлъ съ номеромъ «Вѣдомостей» въ рукахъ, онъ принялся заигрывать со мной, дергая меня слегка за волосы, и вдругъ воскликнулъ:

— Отчего это у тебя столько бѣлыхъ волосъ?

Это было для меня совершенно новостью. Я подошелъ къ зеркалу и, наклонившись къ нему поближе, увидалъ дѣйствительно значительную сѣдину въ вискахъ, гдѣ еще недавно не было ничего на нее похожаго.

Въ pendant къ святымъ Кирику и Улитѣ, я могу сообщить, что память святого Ѳедора Тирона празднуется православною церковью 15-го февраля. Это драгоцѣнное свѣдѣнiе получилъ я отъ моего тобольскаго спутника Берникова, который явился ко мнѣ утромъ этого числа, какъ именинникъ, съ огромнымъ кренделемъ.

Я былъ очень доволенъ его приходомъ не ради кренделя, а ради того, что могъ побранить его за неисполненiе моего порученiя—отнести записку Петрашевскаго къ Львову. Я предполагалъ, что она не доставлена потому, что отъ Львова не доходило ко мнѣ,

*) Съ удовольствiемъ прочелъ я здѣсь указъ о награжденiи сенатора Григорiя Митусова орденомъ св. Александра Невскаго и мысленно поздравилъ его съ монаршей милостью.

что называется, ни слуху, ни духу. Берниковъ увѣрялъ меня, что товарищъ его Николаевъ ходилъ къ Львову, но не засталъ его дома. О запискахъ же онъ ничего не зналъ, и обѣщалъ прямо отъ меня пойти къ нему еще разъ, и въ тотъ же день дать мнѣ знать.

Дѣйствительно, онъ былъ у Львова и въ этотъ же вечеръ принесъ мнѣ отъ него такую записку:

«Я порывался три раза къ вамъ, но меня не пускаютъ. Если можно будетъ, постараюсь на первой станціи съ вами свидѣться. Съ высшими властями я не въ ладахъ. Просить ихъ — это значитъ, отдать себя подъ присмотръ и помѣшать себѣ видѣться съ вами. Въ Нерчинскихъ заводахъ васъ ожидаютъ и вы будете назначены къ брату на промыселъ; это мнѣ извѣстно навѣрно. На первое время, я думаю, вамъ лучше будетъ тамъ, нежели въ Иркутскомъ соловаренномъ заводѣ, потому что здѣсь скорѣе могутъ повредить вамъ доносы».

Предостереженіе Львова было совершенно справедливо. Это я могъ понять и изъ разговоровъ съ другими, достойными вѣры лицами, посѣщавшими меня. Повидимому, поведеніе Петрашевскаго и Львова въ дѣлѣ знаменитой (для Иркутска) дуэли *), поведеніе совершенно справедливое, потомъ бѣгство Бакунина—возбудили въ глазахъ здѣшняго правительства недовѣріе вообще къ людямъ въ такомъ положеніи, какъ они, отразившееся и на мнѣ. Корсаковъ могъ оставить меня въ солеваренномъ заводѣ, но не хотѣлъ этого. Мнѣ сказывали, что за однимъ праздничнымъ обѣдомъ вліятельныя лица прямо толковали, что оставивъ меня въ Иркутскѣ (чего. собственно, я и самъ не хотѣлъ), наживешь только непріятности.

— Онъ-де будетъ драпироваться здѣсь въ свое политическое преступленіе, захочетъ играть роль въ обществѣ, составитъ себѣ партію, и проч. въ этомъ родѣ.—Гораздо вѣрнѣе было, по моему, тоже переданное мнѣ, мнѣніе здѣшняго архіерея или архимандрита, что меня покаралъ Богъ за то, что я «захотѣлъ снять узду съ женщинъ».

Надо было постараться увидѣться съ Львовымъ. На сухого и дряннаго смотрителя въ этомъ отношеніи нечего было возлагать надежду. Онъ берегъ меня, какъ цѣпная собака. Разъ онъ вздумалъ не пускать ко мнѣ даже такихъ посѣтителей, которые были уже у меня, и даже съ запиской полиціймейстера. Я услыхалъ громкіе и крупные переговоры въ сѣняхъ, и вышелъ туда. Тутъ смотрителю нечего ужъ было дѣлать, и онъ впустилъ гостей.

Я придумалъ поступить вотъ какъ. Поручилъ смотрителю спросить у полиціймейстера позволеніе погулять. Это позволеніе было мнѣ дано, хотя я могъ выйти не иначе, какъ въ сопровожденіи казака во всей формѣ, чтобы всякій могъ видѣть, что это прогу-

*) Въ комнатѣ, которую мнѣ отвели, содержались и лица, замѣшанныя въ это дѣло дуэли.

ливается арестантъ. Молодого доктора, который заѣзжалъ ко мнѣ каждое утро, я попросилъ побывать у Львова и передать ему, что если онъ хочетъ видѣться со мной, то выходилъ бы часа въ три навстрѣчу мнѣ. Далеко уйти отъ острога я не могъ, но мы могли поговорить на мосту по дорогѣ въ городъ.

Это удалось, какъ нельзя лучше. Я пошелъ въ сопровожденіи казака, и только что вступилъ на мостъ, увидалъ издали небольшого господина въ шинели и фуражкѣ, который держалъ въ рукѣ бѣлый носовой платокъ, видимо желая дать этимъ знать мнѣ, что онъ меня ожидаетъ. Не правда ли, это таинственное свиданіе въ Иркутскѣ больше чѣмъ смѣшно послѣ тѣхъ свиданій въ Петербургѣ, которыя были позволены мнѣ оффиціально.

Когда мы сошлись и раскланялись, казакъ оказался настолько деликатенъ, что перешелъ отъ насъ на другой тротуаръ моста. Мы пошли со Львовымъ дальше къ городу, потомъ назадъ.

Мнѣ приходится сдѣлать по поводу свиданія со Львовымъ такое же почти замѣчаніе, какъ и по поводу свиданія съ Петрашевскимъ. Прежде всего о наружности: я опять-таки воображалъ и его не такимъ. Мнѣ почему-то казалось, что онъ долженъ походить на Плещеева; но это оказался маленькій худенькій человѣкъ, не съ особенно пріятнымъ лицомъ, исчерченнымъ глубокими морщинами. Все это не обличаетъ во мнѣ лафатеровскихъ способностей. Представляя себѣ Петрашевскаго и Львова по тому, что было писано ими, я думалъ, что Львовъ долженъ быть для меня симпатичнѣе Петрашевскаго. Вышло совсѣмъ наоборотъ. Львовъ мнѣ вовсе не понравился. Я говорю, конечно, о первомъ впечатлѣніи, которое потомъ можетъ быть измѣнилось бы. Вѣдь я пробылъ съ нимъ не болѣе какъ полчаса. Мнѣ не понравилась въ немъ какая-то искусственность фразы, выраженія, въ которыхъ проглядывало что-то въ родѣ фатства. Я замѣтилъ и на немъ, что онъ придаетъ преувеличенные размѣры своимъ враждебнымъ отношеніямъ къ здѣшнимъ властямъ. Вообще мѣстные интересы и его вовлекли въ свой узкій кругъ, едва ли съ пользой для его общаго развитія. Я опять-таки скажу, что становясь въ оппозицію дѣйствіямъ Муравьева, они поступали честно и хорошо; но эта оппозиція принимаетъ въ ихъ глазахъ совсѣмъ не тѣ размѣры и не то значеніе, какіе представляетъ на самомъ дѣлѣ.

Львовъ передалъ мнѣ также нѣсколько свѣдѣній объ ожидающей меня въ Нерчинскихъ заводахъ жизни, и значительно уменьшилъ мои опасенія. Разговоръ у насъ шелъ довольно отрывочный; мы не могли въ такой короткій срокъ ни поспорить, ни поговорить о чемъ-нибудь серьезно.

Когда мы вернулись къ концу моста, бывшему какъ разъ противъ воротъ новаго тюремнаго замка, насъ увидалъ оттуда караульный офицеръ, и поспѣшно подошелъ. Къ счастью это былъ хорошій знакомый Львова и не сдѣлалъ никакой придирки.

Больше мнѣ уже не удалось видѣться со Львовымъ. И это свиданіе устроилось лишь за три дня до моего отъѣзда изъ Иркутска.

Конецъ масляницы и начало великаго поста были мнѣ возвѣщены довольно оригинально. Я сидѣлъ утромъ въ чистый понедѣльникъ за чаемъ, какъ ко мнѣ распахнулась дверь и буквально влетѣлъ толстый рыжеватый попъ. Онъ поспѣшно поклонился мнѣ и, не давши мнѣ даже спросить его, зачѣмъ онъ, подошелъ прямо къ переднему углу, выпулъ изъ-подъ своей епитрахили требникъ и принялся громогласно читать что-то объ изъятіи меня «изъ руки хищнаго Веліара» и о томъ, что я «въ безднѣ грѣховной валяяся», вопію къ Господу. Конечно, все это относилось ко мнѣ болѣе, чѣмъ къ кому-нибудь, потому что у меня стоялъ на столѣ молочникъ со сливками. Попъ, впрочемъ, замѣтилъ его, вѣроятно, ужъ потомъ, какъ отбарабанилъ свой урокъ и закончилъ его аминемъ.

— Это что же такое, батюшка? — спросилъ я его, когда онъ окончилъ.

— Молитва великопостная. Имѣю честь кланяться.

— Прощайте.

Эта великопостная молитва напомнила мнѣ, что и моимъ дѣломъ теперь, вѣроятно, займутся по случаю конца праздниковъ съ ихъ катаньями, вечерами и фоль-журнеями.

И точно, во вторникъ же пріѣхалъ ко мнѣ Шелеховъ съ извѣщеніемъ отъ Корсакова, что я остаться въ соловаренномъ Иркутскомъ заводѣ не могу, а долженъ по точному смыслу высочайшаго повелѣнія—отправиться въ Забайкалье, въ Нерчинскій горный округъ. Мнѣ дадутъ лишь одного казака въ провожатые, и извѣстятъ меня, когда всѣ формальности будутъ кончены, съ тѣмъ, чтобы я самъ назначилъ день отъѣзда.

Съ этимъ извѣщеніемъ, съ разсчетомъ денегъ и проч. заѣзжалъ ко мнѣ раза два совѣтникъ изъ экспедиціи о ссыльныхъ, и я назначилъ днемъ отъѣзда субботу, потому что хотѣлъ подождать еще письма изъ Петербурга. Разсчетъ мой былъ вѣренъ, и точно М. привезъ мнѣ наканунѣ отъѣзда еще письмо.

Я пока осмотрѣлъ свой возокъ, велѣлъ починить въ немъ коечто, запасся кое-чѣмъ изъ съѣстного на дорогу, и переписалъ для отсылки сцену «Прометея». Я отправилъ ее вмѣстѣ съ письмомъ со студентомъ Р., котораго привезъ ко мнѣ К.

Наканунѣ отъѣзда пріѣхалъ ко мнѣ полиціймейстеръ съ приглашеніемъ отъ Корсакова—пріѣхать къ нему. Я замѣтилъ было, что такъ какъ я уже не остаюсь здѣсь и не имѣю никакой просьбы къ генералъ-губернатору, то могу, кажется, обойтись и безъ этого визита. Но полиціймейстеръ сказалъ мнѣ на это, что кажется у Корсакова есть что-то сообщить мнѣ, — и я рѣшился отправиться съ нимъ. Кстати, посмотрю, что за звѣрь.

Корсаковъ принялъ меня очень вѣжливо, сказалъ, что не можетъ перемѣнить высочайшаго повелѣнія, что получилъ письмо отъ С. о дѣланіи мнѣ всякаго снисхожденія и напишетъ въ этомъ же смыслѣ въ Нерчинскій заводъ, къ горному начальнику.

До сихъ поръ шло ладно; но Корсаковъ не сумѣлъ удержаться во-время. Онъ началъ вдругъ говорить, какъ дурно зарекомендовали себя политическіе преступники, бывшіе въ Иркутскѣ, какъ-то Петрашевскій, Львовъ и Бакунинъ, и кончилъ дружелюбнымъ мнѣ совѣтомъ—не ссориться съ будущимъ моимъ начальствомъ и не жаловаться на него. И во всемъ, что онъ говорилъ, не было ничего умнаго, а тутъ ужъ онъ показался мнѣ совсѣмъ дуракомъ. Я сдержалъ улыбку, но сказалъ, что, кажется, онъ меня слишкомъ мало знаетъ, чтобы выводить какія-нибудь заключенія о моемъ характерѣ, а относительно будущихъ моихъ дѣйствій замѣтилъ, что они будутъ зависѣть отъ хода дѣла, а ужъ никакъ не отъ чьихъ-либо совѣтовъ.

Корсаковъ увидалъ, что лучше будетъ просто пожелать мнѣ счастливаго пути, и сдѣлалъ это. Затѣмъ проводилъ меня изъ кабинета въ залу, гдѣ на вытяжку дожидался полиціймейстеръ, и я съ нимъ же вернулся въ острогъ.

Въ Корсаковѣ я нашелъ сходство съ Шуваловымъ, не столько въ лицѣ, сколько въ манерѣ и въ голосѣ, и это конечно не произвело на меня особенно пріятнаго впечатлѣнія.

Въ субботу 24 февраля, съ утра былъ уже у меня казакъ; но мнѣ пришлось еще посылать мѣнять деньги, и я выѣхалъ только въ два часа пополудни. Меня пріѣхалъ проводить М.

VII.

Отъ Иркутска до Нерчинскаго завода.

Жандармы, провожавшіе меня изъ Петербурга и изъ Тобольска, показались бы Голіаѳами передъ казакомъ, отправленнымъ со мной изъ Иркутска. Не смотря на свою чисто казачью фамилію, Донской, онъ едва ли бы, впрочемъ, былъ способенъ выказать и давидовскую храбрость. Довольно будетъ сказать, что онъ чуть не головой былъ ниже меня и такъ жидокъ весь, что, кажется, я бы могъ свалить его однимъ щелчкомъ. Такого вялаго, кислаго, безсловеснаго и, надо полагать, безмозглаго существа не часто случалось мнѣ встрѣчать. Онъ мнѣ просто опротивѣлъ на другой же день. Я спросилъ его, постоянно ли онъ въ Иркутскѣ; онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, а только что пріѣхалъ съ Амура. Я думалъ было поразспросить его о тамошнемъ житьѣ, но онъ отвѣчалъ такъ глупо и такими общими фразами, какъ будто и не видалъ тамъ ничего.

Еще два-три вопроса, предложенные мной ему, убѣдили меня, что отъ него не добьешься никакого разумнаго отвѣта, и я уже не заводилъ съ нимъ и рѣчи во всю дорогу. Онъ сидѣлъ около меня словно мертвый, не шевелясь, не двигаясь; только маленькій носъ его выглядывалъ изъ-подъ огромной черной папахи, и нельзя было разобрать, спитъ онъ или нѣтъ. Единственный знакъ жизни, который онъ проявлялъ, это какое то полусонное, едва внятное восклицаніе къ ямщику, которое онъ повторялъ довольно часто.

— Попопуживай, братъ, попопуживай.

Шагомъ ли плелся ямщикъ, или гналъ, что называется, во всѣ лопатки, казакъ мой бормоталъ изъ-подъ своей папахи:

— Попопуживай, братъ, попопуживай.

— Да вѣдь онъ и безъ того ѣдетъ отлично,—замѣчалъ я.

Донской поправлялъ немного кверху свою папаху, взглядывалъ своими молочно-голубыми глазами, опушенными желтыми рѣсницами, впередъ; потомъ папаха опять надвигалась ему на брови и на глаза, опять глядѣлъ изъ-подъ ея черныхъ коемъ только одинъ глупый носъ,—и минутъ черезъ пять опять раздавалось:

— Попопуживай, братъ, попопуживай!

Послѣдній переѣздъ былъ самою непріятною и неудобною частью моего дальняго странствія. Постоянное присутствіе этого отвратительнаго кисляка еще болѣе отравляло мнѣ дорогу. Кто это только порадѣлъ мнѣ такъ въ Иркутскѣ!

Ужъ вечеромъ въ день выѣзда подъѣхали мы къ Байкалу. Переѣхать его было еще можно, хотя онъ и далъ ужъ много трещинъ. Напившись на станціи чаю, я тотчасъ отправился далѣе, и такъ хорошо заснулъ, что не слыхалъ, какъ мы переѣхали Байкалъ. Я проснулся, какъ было уже почти свѣтло и мы въѣзжали въ село на другомъ его берегу.

Меня стращали еще въ Иркутскѣ, что дальше этого села я въ своемъ возкѣ не доѣду, что тамъ пойдетъ ужъ колесная дорога. Я уговорился съ К. отослать ему отсюда свой возокъ обратно въ Иркутскъ, а тутъ взять оставленный кѣмъ-то тарантасъ. Но этого пока не понадобилось. Впереди было еще довольно снѣгу, и я могъ продолжать путь въ своемъ возкѣ весь этотъ день до самаго Верхнеудинска, куда пріѣхалъ вечеромъ. Здѣсь пришлось мнѣ бросить свой возокъ. Это затруднило бы меня порядкомъ, если бъ на станціи не случился какой-то господинъ, ѣхавшій въ Иркутскъ, которому я и передалъ его.

Смотритель станціи, полякъ, былъ пьянехонекъ; съ нимъ, не менѣе пьяный, бушевалъ тутъ какой-то его пріятель. Прочитавши мою подорожную, гдѣ я былъ прописанъ государственнымъ преступникомъ, онъ и его пріятель приступили ко мнѣ съ пьяными рѣчами, и начали разсказывать, что они тоже пострадали за правду. Изъ разсказа смотрителя оказывалось, что онъ хотѣлъ выслужиться и донесъ на своихъ пріятелей, а пріятели запутали

и его. По его мнѣнію выходило, что правительство честности не умѣетъ цѣнить. Потомъ онъ принесъ какія-то доказательства своего дворянскаго происхожденія и, неизвѣстно зачѣмъ, показывалъ мнѣ. Пріятель его сообщилъ тоже, что онъ государственный преступникъ: золото перевозилъ черезъ китайскую границу. Я насилу отдѣлался отъ этихъ надоѣдалъ.

Ночью ужъ не привелось мнѣ спать. Тряскія перекладныя кибитки отбивали и грудь, и спину. Въ продранную со всѣхъ сторонъ рогожу кузова свисталъ вѣтеръ. Тутъ ужъ «попопуживѣй» моего казака вывело бы меня окончательно изъ терпѣнія, если бы его слушался хоть одинъ ямщикъ.

Дальше, послѣ двухъ станцій на колесахъ, приходилось ѣхать двѣ станціи на полозьяхъ, потомъ опять на колесахъ, и такъ все въ перемежку. Ямщиками стали попадаться буряты съ косичками позади, и съ особенной граціей умѣющіе закладывать подъ мышку свой бичъ. На станціяхъ останавливались мы большею частью у такъ называемыхъ «семейскихъ», то есть переселенныхъ нѣкогда сюда семьями старообрядцевъ.

Слѣдующей ночи я уже не рискнулъ провести въ повозкѣ, и мы остановились ночевать въ тѣсномъ и грязномъ уголкѣ станціоннаго дома, потому что мѣста получше были уже заняты четырмя проѣзжими, прибывшими раньше меня. Между прочимъ тутъ былъ одинъ молоденькій, морской офицерикъ со спутникомъ въ обыкновенномъ платьѣ, молчаливымъ, суровымъ на видъ бѣлокурымъ молодымъ человѣкомъ. Оба ѣхали на Амуръ. Я познакомился съ нимъ, въ Нерчинскѣ; потомъ онъ былъ и здѣсь на промыслѣ, и возвратился въ Нерчинскъ, какъ будто только для того, чтобы быть тамъ звѣрски зарѣзаннымъ.

Я отдыхалъ и дальше. Только когда дорога шла по льду и можно еще было добираться отъ станціи къ станціи на саняхъ. Въ кибиткѣ же, кромѣ тряски, не малая непріятность—пыль, которая подымалась на дорогѣ столбомъ, не смотря на то, что вездѣ кругомъ еще лежалъ снѣгъ.

Наконецъ, на пятый день мы спустились съ Яблоннаго Хребта и часовъ въ шесть пріѣхали въ столицу Забайкалья, Читу. У меня было изъ Иркутска письмо къ одному изъ мѣстныхъ жителей и я послалъ его съ казакомъ. Этотъ господинъ скоро пріѣхалъ ко мнѣ на почтовый дворъ, и просидѣлъ у меня весь вечеръ, такъ какъ я рѣшилъ тутъ переночевать. Онъ предложилъ прислать мнѣ для дальнѣйшей дороги крытую кошеву, и говорилъ мнѣ, что я еще до самаго Нерчинскаго завода могу ѣхать на саняхъ.

Онъ же обѣщалъ мнѣ дать знать о моемъ пріѣздѣ Завалишину, и на слѣдующее утро Завалишинъ пришелъ ко мнѣ. Это еще чрезвычайно бодрый старикъ, живой и бойкій не хуже нашего пріятеля Цебрикова, но нисколько на него не похожій наружностью. Въ густыхъ, еще темно-русыхъ, довольно коротко остриженныхъ

волосахъ чуть замѣтна легкая сѣдина; роста онъ небольшого, худощавый; гладко выбритый подбородокъ выдался немного впередъ, въ тонкихъ губахъ замѣтна хитрая иронія, небольшіе, точно прищуренные глаза, живые и быстрые, носъ съ легкой горбинкой, немного пригнутый къ губамъ, лобъ невысокій и прямой, виски зачесаны къ глазамъ, какъ носили когда-то. Онъ вошелъ ко мнѣ въ длинной шубкѣ, надѣтой въ рукава и подвязанной и подпоясанной крестъ на крестъ вязанымъ шарфомъ, въ мѣховой шапкѣ съ ушами. Когда онъ снялъ все это, то остался въ какомъ-то казакинѣ со стоячимъ воротничкомъ, застегнутомъ сверху до низу на крючки и въ заправленныхъ въ мѣховые сапоги (или по здѣшнему унты) штанахъ. Вообще онъ имѣлъ видъ казака. Недаромъ онъ писалъ столько въ защиту несчастнаго здѣшняго, созданнаго Муравьевымъ, казачества. Онъ и мнѣ принялся разсказывать о положеніи казаковъ.

Когда я спросилъ его, отчего онъ не поѣдетъ въ Россію, онъ отвѣчалъ, что не хочетъ ѣхать до тѣхъ поръ, пока его не отвезутъ туда на казенный счетъ; а переписка, которую онъ завелъ по этому поводу, не привела, да и не приведетъ, вѣроятно, ни къ чему. Такого же рода переписку ведетъ онъ и съ цензурой о печатаніи своихъ статей о Сибири, и тутъ ничего не выходитъ. Вообще онъ, кажется, такого характера, что не можетъ оставаться ни минуты безъ какой-нибудь тревожной дѣятельности. Въ манерахъ, въ словахъ постоянно какая-то безпокойная торопливость. Во всемъ, что онъ ни говорилъ, проглядывало какъ будто совершенное довольство своимъ положеніемъ (т. е. лично за себя); участіе, которое онъ принимаетъ во всѣхъ мѣстныхъ интересахъ, достойно было бы лучшаго предмета,—и тогда, конечно, было бы и плодотворнѣе. Грустно, а между тѣмъ надо признаться, что правдивыя статьи Завалишина объ Амурѣ только озлобили противъ него мѣстныя власти, но никого здѣсь не просвѣтили и не улучшили положенія несчастныхъ переселенцевъ ни на волосъ. Не далѣе, какъ въ эту весну, отправилось туда противъ желанія пятьсотъ казачьихъ семей изъ здѣшнихъ окрестностей. Все это шло какъ на смерть, разоренное, несчастное, словно ихъ вели на казнь за какое-нибудь страшное преступленіе. Весна стояла суровая, безпрестанно грозившая возвратиться къ зимнимъ обычаямъ. Дули пронзительные студеные горные вѣтры, вѣяли снѣжныя пурги, смѣняясь по временамъ морозами,—и въ такую то пору жалкій обозъ потащился отсюда съ женщинами и еле прикрытыми отъ холода дѣтьми. Стонъ стоялъ въ этомъ уныломъ таборѣ. Хоть бы подождали лѣта-то и тепла. Но у здѣшнихъ администраторовъ дальновидныя соображенія. Они принялись за переселеніе такъ рано, чтобы это несчастное новое поселеніе успѣло, прибывши на Амуръ, воздѣлать нынѣ же землю для себя. А о томъ никто не подумалъ, что вѣдь до этого надо еще гдѣ-нибудь усѣсться, устроить себѣ

хоть какой кровъ отъ непогоды, хоть чѣмъ нибудь защитить семью и дѣтей отъ окончательной гибели. Вмѣсто отдыха послѣ этого каторжнаго пути надо было заняться рубкой лѣса, стройкою избъ, и ужъ потомъ развѣ думать о хлѣбопашествѣ. И весь этотъ народъ былъ оторванъ отъ устроеннаго уже своего хозяйства, отъ готоваго дома и поля. Привычка смотрѣть на народъ, какъ на какую-то глину, изъ которой можно мѣсить, что угодно, до того сильна, что теперь иркутскіе администраторы находятъ нелѣпыми притязанія (это притязанія по ихъ мнѣнію) сохранить на Амурѣ свои человѣческія и гражданскія права, свое самоуправленіе и самостоятельмый судъ. „Дать копѣекъ тридцать лишнихъ нашимъ", разсуждаютъ государственные люди Иркутска: «такъ и наши пойдутъ». А не пойдутъ—предполагается при этомъ—такъ на это есть нагайки. Страхъ, какъ бы что свѣжее не забралось въ страну и не уронило ихъ авторитета—вотъ единственный рычагъ всѣхъ дѣйствій здѣшней власти.

Говоря о предстоящей мнѣ жизни на Нерчинскихъ заводахъ, Завалишинъ отзывался ужъ черезчуръ снисходительно (даже панегирически) о томъ обществѣ, въ какое я попаду. Это сильно свидѣтельствовало о томъ, какъ успѣлъ онъ обжиться здѣсь и сжиться съ тѣмъ, что человѣку новому и свѣжему вовсе не можетъ казаться особенно привлекательнымъ. Судя по словамъ Завалишина, можно было подумать, что я попаду сразу въ общество такихъ прогрессистовъ, что и не замѣчу, что попалъ въ него изъ другого круга. „Если-бъ знали въ Петербургѣ" говорилъ Завалишинъ: «сюда бы не ссылали. Это все равно, что щуку въ морѣ утопить». Да, дѣйствительно, въ словахъ гуманности, прогресса, свободы здѣсь нѣтъ недостатка, но затѣмъ.. Впрочемъ, мнѣ совѣстно нападать на здѣшнее общество за его разладъ со словомъ и дѣломъ. А выше-то не то ли же самое... Гдѣ же наше-то «словопренье» перешло въ дѣло?

Мнѣ было интересно послушать Завалишина о томъ, какъ препровождали ихъ сюда; но онъ мало останавливался на подробностяхъ этого давняго для него прошедшаго, и больше говорилъ объ Амурѣ. Вотъ, однако-жъ, двѣ-три черты. Завалишинъ слѣдовалъ со второй партіей. Первая была закована въ кандалы какъ слѣдуетъ. Для второй была сдѣлана льгота, и позволено было запирать цѣпи на замочки такъ, чтобы можно было ихъ снимать по желанію. Замковъ въ крѣпости не оказалось, послали на рынокъ, и тамъ были пріобрѣтены маленькіе мѣдные замочки. Многіе были съ разными чувствительными девизами, напримѣръ: «мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь»; «кого люблю, того дарю». У Завалишина были замочки именно съ послѣднею надписью.

Въ Ярославлѣ ихъ помѣстили въ гостинницѣ. Они тамъ ужинали. Такъ какъ не велѣно было никого допускать къ нимъ, то разные мѣстные жители (въ томъ числѣ и власти, начиная съ гу-

бернатора) помѣстились въ корридорѣ со свѣчами въ рукахъ, вмѣсто прислуги, чтобы посмотрѣть, когда они выходили садиться въ экипажи.

Въ Тобольскѣ всю партію пріютилъ у себя въ домѣ губернаторъ. Ихъ свозили въ баню и дали хорошія постели. Но ночлегъ не удался. Вслѣдъ была отправлена третья партія. Съѣзжаться онѣ были не должны, и ночью прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что третья партія близко. Всѣхъ подняли съ постелей и повезли далѣе.

Вотъ и все, что разсказалъ мнѣ Завалишинъ собственно о себѣ.

Онъ остался у меня до тѣхъ поръ, пока въ мою новую повозку не запрягли лошадей, и я не двинулся со двора. Повозкѣ своей я былъ какъ нельзя болѣе благодаренъ; я не зябъ, сидѣть было хорошо. Да и дорога шла очень хорошая почти до самаго Нерчинска. Мы ѣхали все по льду, рѣками, и только на станціяхъ тяжело было подыматься на берегъ, уже совершенно обнаженный отъ снѣга.

Мнѣ кажется, съ самаго отъѣзда моего изъ Петербурга не сжималось у меня сердце такою болѣзненною грустью, какъ въ то время, когда я въѣзжалъ въ городъ Нерчинскъ. Это было часа въ четыре дня 2-го марта. Самое ли названіе это, или то, что печальная цѣль моего пути уже такъ близка, но я съ трудомъ удерживалъ наплывавшія на глаза слезы.

Писарь въ жаркой и угарной станціи сказалъ мнѣ, что братъ мой былъ здѣсь на масляницѣ, и что ему поручено дать знать о моемъ пріѣздѣ одному знакомому брата. Я расположился пить чай, и велѣлъ ему сходить.

Черезъ полчаса этотъ господинъ явился, и пригласилъ меня къ себѣ, съ тѣмъ, чтобы я переночевалъ у него. Онъ хотѣлъ сейчасъ отправить эстафету къ брату и извѣстить о моемъ пріѣздѣ, и попросить его выслать лошадей на первую станцію отъ Нерчинска, чтобы я могъ проѣхать къ нему на Козановскій золотой промыселъ. Тутъ я узналъ, что братъ боленъ; у него отнялись ноги отъ простуды. Я написалъ тотчасъ же письмо къ нему, съ тѣмъ, чтобы выѣхать изъ Нерчинска, когда онъ возвратится съ отвѣтомъ. Вялый казакъ мой, разумѣется, оставался пассивнымъ зрителемъ всего этого, и дѣлалъ, что я хочу.

Отвѣтъ пришелъ часовъ въ одиннадцать утра на другой день, и съ нимъ письма, которыхъ я ждалъ болѣе всего. Братъ, разумѣется, выѣхалъ бы самъ ко мнѣ на встрѣчу, еслибъ болѣзнь не удерживала его въ комнатѣ. Я поспѣшилъ въ дорогу.

На первой станціи, Бликинъ, куда я доѣхалъ еще довольно изрядно, меня уже ждала тройка лошадей и кучеръ изъ Козановскаго промысла. Дѣломъ нѣсколькихъ минутъ было перемѣнить лошадей; но не такъ-то скоро пошла дальнѣйшая дорога. Она была

отвратительна, шла горными хребтами, гдѣ изъ-подъ снѣгу торчали остроконечные камни, пни, мѣстами и снѣгъ былъ сдутъ вѣтромъ. Только часамъ къ семи вечера дотащился я эти безъ малаго сорокъ верстъ. Вотъ спустились мы въ темную падь, запахло дымомъ, заслышался лай собакъ; повозка моя миновала рядъ жалкихъ домишекъ, видныхъ въ потемкахъ только по блѣдному огоньку въ ихъ крошечныхъ оконцахъ, и, наконецъ, передъ нами распахнулись ворота бѣлаго приставскаго дома, въ которомъ всѣ окна ярко свѣтились. Братъ, ожидая меня, велѣлъ зажечь свѣчи по всѣмъ комнатамъ.

Какъ я былъ радъ свидѣться съ нимъ послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, какъ легче вздохнулось мнѣ въ этотъ вечеръ послѣ почти трехмѣсячнаго скитанья, мнѣ нечего разсказывать. Мы и поплакали, и проговорили потомъ за полночь.

Но вѣдь и тутъ все еще былъ не конецъ пути. Мнѣ оставалось ѣхать еще двѣсти пятьдесятъ верстъ; сдѣлать этотъ путь въ сутки нельзя было надѣяться при здѣшнихъ дорогахъ. Меня уже опять начали пугать, что до Нерчинскаго завода я не доѣду на полозьяхъ.

Слѣдующій день я весь пробылъ у брата, и только на третій послѣ обѣда, часа въ три поѣхалъ дальше. Братъ говорилъ мнѣ утвердительно, что я могу оставить все лишнее изъ моего хозяйства у него, потому что изъ Большого завода вернусь къ нему же. Тамъ уже рѣшили помѣстить меня въ Козановскомъ промыслѣ.

Мнѣ остается разсказать уже очень немного. Съ тѣми же почти неудобствами, то есть съ перекладками изъ саней въ телѣгу и обратно, отчасти такъ же съ холодомъ и голодомъ, добрался я по горамъ и доламъ до Нерчинскаго завода только часовъ около девяти вечера на другой день.

Чтобы соблюсти всѣ формальности, я отправился прямо къ дому горнаго начальника, и послалъ къ нему своего казака съ бумагами и съ просьбой — дозволить мнѣ остановиться въ гостинницѣ. Казакъ возвратился съ дозволеніемъ и съ провожатымъ. То, что называется въ Нерчинскомъ заводѣ гостинницей, есть пустой небольшой домъ, нанимаемый отъ казны для пріѣзжающихъ, и на гостинницу такъ же мало похожъ, какъ любой домъ *).

Я только что расположился около самовара въ довольно просторной, едва меблированной комнатѣ, какъ ко мнѣ пріѣхалъ самъ горный начальникъ, и подтвердилъ мнѣ то, что говорилъ братъ. Отъ меня зависѣло уѣхать изъ Большого завода, когда я хочу. Само собой разумѣется, я былъ этому чрезвычайно радъ, и сразу рѣшилъ не оставаться тутъ болѣе двухъ-трехъ дней.

Такъ я и сдѣлалъ. Я познакомился въ это время почти со

---

*) Тутъ слугой былъ дослужившій свой срокъ каторжный, изъ помѣщичьихъ крестьянъ Екатериносл. губ. Ихъ было сослано шесть человѣкъ за то, что они наказали (какъ говорилъ онъ мнѣ) помѣщика лозами.

всѣми оффиціальными лицами завода, и встрѣтилъ во всѣхъ большое къ себѣ вниманіе. Меня каждый день приглашали на обѣды и вечеромъ на чай. Я нашелъ тутъ людей вообще довольно просвѣщенныхъ, съ довольно здравыми взглядами на вещи, хотя, какъ уже замѣтилъ прежде, и не могу подтвердить преувеличеннаго мнѣнія о нихъ Завалишина. О томъ, что такое здѣшняя даль, и какъ скоро получаются здѣсь свѣдѣнія изъ метрополіи, можно лучше всего судить по тому, что въ бытность мою въ Нерчинскомъ заводѣ, стало быть около половины марта, здѣсь не получалось еще ни одной ни петербургской, ни московской газеты отъ перваго января.

Внѣшній видъ завода произвелъ на меня самое непріятное впечатлѣніе. Все такъ жалко, бѣдно, какъ-то полуразрушено, ничѣмъ не скрашена эта заброшенная, глухая жизнь. Горы кругомъ стоятъ голыя, непривѣтливыя, темныя лачужки раскиданы, какъ въ ямѣ, безъ всякаго порядка, безъ всякой, повидимому, мысли о какомъ-нибудь удобствѣ. Дома для горныхъ чиновниковъ получше другихъ, но и они построены кое-какъ, и не обѣщаютъ долго простоять. Кромѣ этихъ домовъ пріѣзжій можетъ пріютиться только въ этомъ ветхомъ сараѣ, который называется гостиницей. Частные дома— это избушки объ одной, много о двухъ тѣсныхъ горенкахъ. Квартиры побольше и такой, гдѣ бы можно было спастись отъ холоду зимой или, по крайней мѣрѣ, отъ простуды, нѣтъ. И все это имѣетъ видъ какихъ-то бивакъ, какой-то временной стоянки, перепутья. Вотъ-вотъ всѣ снимутся съ мѣста, совьютъ свои шатры, и откочуютъ дальше. А между тѣмъ вѣдь это главный пунктъ всего горнозаводскаго управленія въ Забайкальѣ. Остаться жить тутъ было бы очень уныло для меня,—и я радовался, что могу поѣхать обратно въ Козаново.

Обратная моя поѣздка къ брату была уже лишена всякой оффиціальности. Я поѣхалъ съ нерчинскимъ заводскимъ докторомъ, который отправлялся по округу. Я былъ при немъ, какъ «будущій».

Меня оффиціально вписали въ число работниковъ на какой-то, впрочемъ, другой рудникъ, названіе котораго я не узналъ и до сей поры. Поднимать дѣло о переводѣ меня на заводы мнѣ не посовѣтовали, потому что разсчетъ годовъ по третьему разряду (къ которому я причисляюсь) для меня гораздо выгоднѣе. Выходитъ не шесть, а четыре года, да изъ этого времени можно будетъ выкинуть еще полтора года, которые кладутся на путь сюда.

11-го марта, на закатѣ, я могъ бы воскликнуть: «берегъ» если бы и этотъ берегъ, не смотря на всѣ свои внѣшнія удобства, не былъ всетаки, если не тюрьмой, такъ землей изгнанья.

Я началъ писать этотъ длинный разсказъ, когда горы, обступившія со всѣхъ сторонъ нашъ золотой промыселъ, были еще со-

всѣмъ голы, а лощина, гдѣ онъ выстроился, покрыта снѣгомъ, и домъ, въ которомъ я живу съ братомъ, часто весь дрожалъ отъ порывистыхъ и холодныхъ вѣтровъ, предшествующихъ веснѣ. Оканчиваю его уже посреди лѣта. Съ томительнымъ нетерпѣніемъ ждалъ я весны, слѣдилъ каждый день за этими горами, за этимъ лугомъ, которые начинали зеленѣть такъ туго, напрасно поджидая дождя. Наконецъ-то, тучи надъ ними сжалились и стали поливать ихъ. Теперь такъ хорошо все кругомъ моего жилища; зеленая падь полна цвѣтовъ, горы тоже позеленѣли и стоятъ уже не сплошной темной грудой; ближайшія гряды ихъ отдѣляются отъ дальнѣйшихъ, которыя чѣмъ дальше, тѣмъ голубѣе. Хорошо кругомъ, а грустно. Я по цѣлымъ часамъ простаиваю иногда на деревянной террасѣ дома, глядя и направо, и налѣво, и меня не покидаетъ такое точно чувство, какое внушило прекрасную нѣмецкую пѣсню: «Wenn ich ein Vöglein wär». Изъ-за этихъ горъ идутъ нѣсколько дорогъ къ самому почти дому; но какъ рѣдко, какими урывками приходятъ по этимъ дорогамъ дорогія вѣсти. Кукушка не перестаетъ кричать надрывающимся голосомъ, и я теперь очень хорошо понимаю, почему ссыльные ждутъ весной ея зова, чтобы уйти, куда глаза глядятъ.

Дни мои скучны и однообразны. Отъ пера къ книгѣ, отъ книги къ перу. Но вмѣсто книгъ (и какія это книги, русскіе журналы въ каторгѣ, доходящіе ко мнѣ урывками, гдѣ мысль напрасно напрягается найти выраженіе), вмѣсто книгъ хочется живого слова, вмѣсто пера хочется живого дѣла, живыхъ заботъ. Я основалъ здѣсь школу, и каждое утро часа по два провожу здѣсь съ мальчиками,—и это лучшее мое развлеченіе. Какъ ходилъ я изъ угла въ уголъ въ своихъ тюрьмахъ, такъ брожу я часто и здѣсь по по саду и по террасѣ, и съ такими же почти мыслями. Не думаю, чтобы мнѣ было тяжелѣе, еслибъ я возился съ лопатой или погонялъ лошадей на такъ называемомъ разрѣзѣ, то есть на настоящей-то каторгѣ, откуда до дому нашего доносится грохотъ бочки, промывающей золото, и журчаніе запруженной рѣчки.

Съ грустнымъ чувствомъ дописываю я свой разсказъ. Когда же смѣнится онъ живою бесѣдою!

НА КУЗНЕЦКОМЪ ТРАКТУ.

Повѣсть изъ жизни петербургскихъ рабочихъ.

IV.

Миша стоялъ у станка и нарѣзалъ пушку. Работа была отвѣтственная и требовала большой точности, ибо ошибка на тысячную часть миллиметра могла испортить дорого стоющій стволъ. Валъ медленно вращался, увлекаемый приводнымъ ремнемъ, масло лилось струйкой изъ небольшого крана. Рѣзецъ входилъ въ пушку вмѣстѣ съ толстой стальной трубкой, изъ основанія которой, одна за другой, выскакивали скоробленныя стружки только что срѣзанной стали.

Рядомъ съ Мишинымъ станкомъ была другая пушка, съ готовой и отчищенной нарѣзкой, поставленная на свѣтъ противъ окна. Иногда, нагибаясь, Миша случайно заглядывалъ въ ея нутро, и черныя линіи винтовыхъ спиралей выступали, какъ параллельныя дорожки на твердомъ и блестящемъ фонѣ ствола.

Вся мастерская была занята токарными станками. Рѣзцы двигались горизонтально, но приводные ремни, протянутые сверху внизъ, тѣснились въ глубинѣ мастерской, какъ переплетъ какихъ-то странныхъ деревьевъ, какъ самодвижущіяся вѣтви сѣраго, геометрически расположеннаго лѣса.

Пушки въ мастерской были самой различной величины, маленькія трехлинейныя и двѣнадцати-дюймовыя чудовища, каждый снарядъ которыхъ вѣсилъ болѣе двадцати пудовъ. Онѣ были въ различныхъ стадіяхъ выдѣлки. Нѣкоторыя еще являлись сѣрыми цилиндрами грубо откованной стали; другія, совсѣмъ готовыя, блестѣли полировкой и точностью своего постепенно суживающагося дула. Вверху подъ потолкомъ катался грузный кранъ, служившій для подъема этихъ тысячепудовыхъ тяжестей.

Налѣво отъ Миши пріемщикъ повѣрялъ готовыя пушки при помощи длиннаго стального стержня, раздѣленнаго на

сантиметры, и остроумно приспособленной увеличительной трубки, дававшей возможность замѣтить малѣйшій изъянъ, пятно пленки или раковину излома, внутри ствола.

Въ мастерской было около четырехсотъ человѣкъ, все больше молодежи. Вмѣстѣ съ лафетно-снарядной пушечная мастерская была украшеніемъ и цвѣтомъ завода. Въ обѣихъ было много „школьниковъ", товарищей Миши. Здѣсь мастеровые получали больше платы и даже ихъ рабочія куртки и синія блузы были не похожи на затрапезныя лохмотья грузниковъ и чернорабочихъ и не смотря на масляныя пятна, производили впечатлѣніе зажиточности.

Эти рабочіе держались серьезно и независимо и не позволяли старшему мастеру наступать себѣ на ногу. Въ случаѣ необходимости вся мастерская выступала и говорила, какъ одинъ человѣкъ. Благодаря этому, они были застрѣльщиками въ заводской жизни и раньше другихъ добивались необходимыхъ измѣненій и льготъ.

Миша стоялъ и слѣдилъ за ходомъ своего станка. Дѣло это не требовало тѣлесныхъ усилій, если не считать короткаго движенія руки, чтобы повернуть рычагъ. Миша такъ привыкъ къ своему станку, что наблюдалъ за нимъ совершенно машинально и въ то же время думалъ о своихъ дѣлахъ. Въ это самое утро онъ получилъ отъ Палаши Ядренцовой письмо, написанное, очевидно, еще вчера вечеромъ. Письмо это принесла какая-то маленькая дѣвочка, и оно лежало у Миши въ карманѣ, смятое въ первомъ порывѣ безотчетнаго раздраженія.

Палаша писала:

— Милостивый Михайло Васильевичъ!

Слово *Государь* было пропущено и приписано сверху.

— Я давно хотѣла васъ спросить, отчего называется *распублика*, оттого что вся публика имѣетъ участіе въ законѣ или что законъ распубликуется въ гласности, а не сохраняется въ тайности, какъ у насъ.

— А вчера я хотѣла васъ спросить, что такое *непосредственно*, или что зеландскіе порядки намъ русскимъ, не по средствамъ.

— Я вчера долго не спала и все думала. Объ насъ, фабричныхъ дѣвушкахъ, понимаютъ, что намъ одна дорога,— либо околѣй съ голоду, либо замужъ пойти за пьяницу, а то на панель... А развѣ мы виноватыя? Если не нарядныя, такъ денегъ нѣтъ на наряды, а не интересныя, затѣмъ, что насъ ничему не учили. Должна сама себя обучать, если хочу. А къ кому приткнуться, не знаю. Глупый мнѣ не нуженъ, умному сама не нужна. А другія тѣмъ временемъ спятъ на лебяжьемъ пуху, жизнь ихъ утѣшаетъ, не какъ насъ, сиротъ.

— Извините за мои неученыя слова. Тяжело мнѣ очень. Лучше-бъ позднѣе родиться, или раньше умереть. Я жить не хочу. Нашъ вѣкъ желѣзный. Земля дрожитъ отъ нашего утѣсненія. Уважающая васъ до гроба Палагея Ядренцова.

Вмѣсто: *Уважающая* было написано: *Любящая*, но потомъ Палаша заботливо вычеркнула это слово.

Рѣзецъ дошелъ до конца ствола и остановился. Миша въ послѣдній разъ повернулъ рычагъ. Было половина двѣнадцатаго. Работа его на это утро была окончена. Онъ сходилъ къ инженеру за отпускнымъ квиткомъ, который требовался для преждевременнаго ухода, и вышелъ на дворъ. По дорогѣ къ воротамъ лежала литейная мастерская, и онъ думалъ зайти туда и поговорить съ однимъ изъ мастеровъ. Быть можетъ, въ концѣ концовъ и въ литейной удастся найти подходящее мѣстечко для Алеши. Въ формовочномъ отдѣленіи работа была потоньше и физической силы не требовалось. Туда принимали даже подростковъ, и черезъ годъ или два смышленный малый могъ зарабатывать не хуже стараго работника.

Одна половина воротъ литейной мастерской была полуоткрыта. Миша вошелъ внутрь и невольно остановился. Прямо навстрѣчу ему катился, вися въ воздухѣ и поддерживаемый цѣпью па блокѣ, огромный ковшъ, до краевъ наполненный свѣтлокрасной массой. Паровой приводъ быстро и дробно стучалъ вверху, передвигая воротъ. Нѣсколько закопченныхъ фигуръ съ желѣзными кочергами въ рукахъ суетились по обѣ стороны. Ковшъ плавно и тяжело катился впередъ, пока не остановился надъ круглой площадкой, гдѣ были утверждены въ пескѣ формы для литья.

— Пускай!—крикнулъ старшій.

Подручный выбилъ затычку, ослѣпительный потокъ стали полился внизъ густо и мягко, какъ медъ, и медленно сталъ наполнять первую форму.

Поодаль нѣсколько формъ, уже налитыхъ, свѣтились голубоватымъ пламенемъ газа, который пробивался сквозь щели. Рабочій обходилъ формы одну за другой и старательно очищалъ шлакъ въ отверстіяхъ, нарочно оставленныхъ для того, чтобы избѣжать разрыва формы.

Не смотря на близость обѣденнаго перерыва, работа въ литейной шла полнымъ ходомъ. Впрочемъ, ея основныя струи никогда не прерывались. Вечеромъ, въ шесть часовъ приходила ночная смѣна и замѣняла дневную у неостывающихъ печей. Сегодня былъ день большого литья и въ разныхъ концахъ обширнаго каменнаго барака, унаслѣдованнаго заводомъ еще отъ тридцатыхъ годовъ, раскаленный металлъ

переливался изъ печи въ жолобъ, а изъ ковша въ подставленный снизу пріемникъ.

Миша осторожно шелъ впередъ, направляясь къ формовочному отдѣленію. Ему приходилось поминутно останавливаться и давать дорогу группамъ литейщиковъ, перебѣгавшихъ съ одного конца мастерской на другой. Мимо него проходили тигельщики, поддерживая на желѣзныхъ обоймахъ неуклюжіе графитовые горшки, наполненные тяжелымъ темно-краснымъ варевомъ. Края у горшковъ были отбиты. Тигельщики извлекали ихъ изъ гнѣздообразныхъ печей, вырытыхъ въ землѣ и заваленныхъ раскаленнымъ углемъ, и одинъ за другимъ перетаскивали къ формамъ. Каждый горшокъ могъ служить только одинъ разъ. Его безжалостно разбивали передъ литьемъ и осколки потомъ перемалывали въ массу для новыхъ тиглей.

Съ лѣвой стороны барака тянулся рядъ грубымъ четыреугольныхъ Мартеновскихъ печей. Дверь крайней была полуоткрыта и въ глубинѣ ея клокотало жидкое бѣлое пламя. Старшій мастеръ стоялъ съ боку, но на приличномъ разстояніи, и внимательно разсматривалъ внутренность печи, прикрывая по временамъ глаза фіолетовымъ стекломъ для того, чтобы предохранить ихъ отъ невыносимаго блеска. Но передъ самой печью стояли двѣ черныя фигуры и соединенными усиліями ворочали въ ея нутрѣ желѣзную кочергу пятисаженной длины и такой тяжести, что можно было удивляться, какъ это человѣческія руки, безъ всякой помощи машинъ, сдвигаютъ съ мѣста этотъ желѣзный брусъ.

Головы рабочихъ были обнажены, и кожа лицъ какъ будто опалена нестерпимымъ зноемъ. Рубахи на плечахъ заскорузли отъ грязи и отъ сажи; на черномъ фонѣ сажи бѣлѣли полосы соли, скоробившіяся, какъ лубъ. Соль выдѣлялась изъ глубины собственнаго тѣла рабочихъ. Это былъ осадокъ человѣческаго пота, выступавшій изъ всѣхъ поръ кожи, какъ будто подъ дѣйствіемъ внутренняго кипѣнія. Онъ отлагался наружу тусклымъ и свѣтлымъ налетомъ.

Но рабочіе не обращали вниманія ни на потъ, ни на зной, и безстрашно подвигались къ самому жерлу клокочущаго стального ада, запуская поглубже свою кочергу.

Сосѣдняя печь была открыта и опорожнена. Устье ея широко зіяло и двое рабочихъ хлопотали у него, вооруженные совками и лопатами на длинныхъ рукоятяхъ. Они выравнивали дно печи для того, чтобы снова завалить ее металломъ. Эта работа была еще тяжелѣе, ибо жаръ изъ раскрытаго устья билъ прямо въ лицо, и то и дѣло приходилось заглядывать внутрь почти вплотную, чтобы разглядѣть изъяны пода.

Въ срединѣ мастерской стояли какія-то огромныя, грубо-отлитыя желѣзныя части, опрокинутыя кверху дномъ и похожія на кости допотопныхъ чудовищъ. Это были пушечные лафеты, основанія машинныхъ валовъ, тяжелыя колеса. На переднемъ лафетѣ копошился кузнецъ, сбивая неровности литья рѣзцомъ и молоткомъ. Стальныя брызги изъ-подъ рѣзца сыпались въ разныя стороны, и въ защиту отъ нихъ лицо кузнеца было покрыто кожаной полумаской, съ круглыми стеклами противъ глазъ.

Кузнецъ работалъ молча и съ сосредоточеннымъ видомъ, повидимому, совершенно равнодушный къ стуку собственнаго молотка и къ грохоту и гулу мастерской. Маска съ большими круглыми стеклами придавала ему какой-то загадочный и глухой видъ, какъ у водолаза, работающаго на морскомъ днѣ, среди холодныхъ и зеленыхъ волнъ.

Съ правой стороны барака были печи для спеціальнаго литья,—высокая, круглая вагранка для мѣди, уходившая днищемъ глубоко въ землю, а верхъ свой поднимавшая почти до потолка, и другая широкая, неуклюжая, передѣланная изъ Мартеновской печи и приспособленная для литья чугуна.

Когда Миша проходилъ мимо, литейщикъ ототкнулъ затычку жолоба и чугунъ полился красноватой струей, разбрасывая кругомъ фонтанъ искръ, крупныхъ, извилистыхъ, звѣздообразныхъ, взлетавшихъ кверху, какъ золотыя пчелы или небольшія огненныя змѣйки.

Миша невольно обратилъ вниманіе на рабочаго, хлопотавшаго у этой печи. Это былъ высокій мужикъ атлетическаго тѣлосложенія. Его открытая грудь и обнаженныя руки, выступавшія изъ-подъ засученныхъ рукавовъ, были такія крѣпкія и массивныя, какъ у бронзовой статуи. Но время отъ времени мужикъ останавливался, глухо кашлялъ и невольно хватался бронзовой рукой за массивную грудь, потомъ опять брался за желѣзный ломъ съ затычкой на концѣ.

Работа въ литейной мастерской, требовавшая огромной силы и здоровья, не давала возможности сохранить ихъ долго. Зимою раскаленный воздухъ литейной пронизывался ледяными сквозниками, тянувшими снаружи прямо съ мороза. Рабочіе выскакивали въ холодныя галлереи, чтобы освѣжиться, глотали ледъ, ибо онъ утоляетъ жажду лучше воды, и каждый годъ изъ тысячнаго состава мастерской пять или шесть человѣкъ заболѣвали воспаленіемъ легкихъ или чахоткой.

Помимо того, обращеніе съ тяжелыми глыбами желѣза и кусками раскаленной стали создавало постоянную опас-

ность для человѣческой жизни. Почти ежедневно бывали несчастные случаи.

То неловкій носильщикъ уронитъ себѣ на ноги тяжелую штуку чугуна, то огненная струя, перелившись изъ разбитаго тигля, попадетъ въ лужу воды и разорвется дѣйствіемъ образовавшихся паровъ, какъ гигантскій разрывной снарядъ. Мелкіе обжоги случались безъ счета. Къ нимъ привыкли и на нихъ не обращали вниманія.

Въ формовочномъ отдѣленіи работа шла тоже полнымъ ходомъ. У длинныхъ верстаковъ работали подростки, подчищая мелкія формы. Они осторожно разбирали внѣшнія части и вынимали деревянную модель, дававшую основаніе при формовкѣ, потомъ принимались сглаживать всѣ углы и извилины стѣнокъ, вытиснутыхъ изъ красной или черной земли, счищали неровности маленькимъ, стальнымъ гладиломъ и вынимали изъ глубины изгибовъ всѣ лишнія крупинки узкой лопаточкой съ загнутымъ концомъ.

Огладивъ неровности формы, они обдували ее ручными мѣхами и опыливали графитомъ. Потомъ скрѣпляли ея углы длинными гвоздями, осторожно втыкая ихъ въ мягкую землю и, наконецъ, смазывали краской, т. е. водой, разведенной съ небольшимъ количествомъ клея.

Подальше, нѣсколько мальчиковъ разбирали уже отлитыя формы, вынимали готовыя вещи, заботливо стряхивали песокъ и вытирали тряпкой.

Въ срединѣ мастерской четверо рабочихъ хлопотали около большой формы, утвержденной на четыреугольной *опокѣ*, похожей на огромное деревянное блюдо. Форма, судя по ея внутреннимъ очертаніямъ, была назначена для большого машиннаго колеса съ частыми изогнутыми спицами. Нѣсколько такихъ же, уже готовыхъ, колесъ лежали въ сторонѣ, какъ груда причудливыхъ морскихъ звѣздъ съ окостенѣвшими лучами, превращенными въ твердую мѣдь. Рабочіе отчищали форму, выравнивая ее по наугольнику. Они укрѣпляли узкія трубчатыя мѣста, назначенныя для лучей колеса, вставляя между ними мелкіе металлическіе жеребейки, поддерживавшіе земляную стѣнку.

Работа ихъ приближалась къ концу. Окончивъ ее, они могли уйти для завтрака, ибо формовочное отдѣленіе давало больше свободы, чѣмъ литейное, и скорѣе напоминало токарный или слесарный отдѣлъ. Работа здѣсь тоже была чистая, неторопливая, не требовавшая большого тѣлеснаго напряженія и не производившая шума.

Рядомъ съ огненнымъ адомъ литейной эта маленькая мастерская казалась средоточіемъ художественнаго генія, соз-

дававшаго форму для кипящаго, раскаленнаго, аморфнаго металла, выходившаго изъ печей.

Мастера не было въ мастерской. У него была особая каморка за перегородкой. Но черезъ минуту онъ открылъ свою дверь и перешагнулъ черезъ порогъ. Это былъ высокій костлявый человѣкъ въ кожаной курткѣ и круглой нѣмецкой фуражкѣ, съ привычно сердитымъ лицомъ и маленькими тусклыми глазками.

Миша сдѣлалъ шагъ по направленію къ мастеру, но формовщики, работавшіе у колеса, предупредили его. Они бросили работу и устремились по тому же направленію. Мишѣ показалось, будто они хотятъ привѣтствовать мастера.

Мастеръ, однако, былъ лучше освѣдомленъ насчетъ ихъ истинныхъ намѣреній. Онъ быстро попятился къ двери, но чья-то предательская рука захлопнула ее за его спиной.

— Не подходи!—крикнулъ мастеръ, останавливаясь по неволѣ у порога.—Убью!..

Рабочіе шарахнулись, но тотчасъ же вернулись обратно. Правая рука мастера, высоко поднятая вверхъ, сжимала какой-то предметъ.

Подростки у верстаковъ продолжали работать, какъ будто сцена у дверей не представляла ничего интереснаго, но нѣсколько мальчишекъ не выдержали и прибѣжали на шумъ.

— Гляди!—сказалъ одинъ изъ нихъ своему сосѣду,—у него ключъ.

Оружіе мастера состояло изъ большого стального ключа, съ массивнымъ стержнемъ, напоминавшимъ револьверный стволъ.

Въ переднемъ ряду послышался короткій смѣхъ.

Настроеніе у наступавшихъ было не буйное, а скорѣе озорное, вызванное желаніемъ посмѣяться надъ нелюбимымъ и надоѣвшимъ мастеромъ.

— Не убивай, Иванъ Федоровъ!—сказалъ одинъ изъ наступавшихъ формовщиковъ.

— А лучше не хочешь ли прокатиться?

— Караулъ! — крикнулъ мастеръ пронзительнымъ голосомъ.

Дверь за спиной мастера быстро открылась, изъ за нея выдвинулся огромный черный куль, поддерживаемый двумя жилистыми и столь же черными руками и быстро надвинулся на голову мастера, какъ полотняная сѣть на пойманную птицу.

Мастеръ затопалъ ногами, но вмѣсто крика изъ-подъ мѣшка послышалось ожесточенное чиханіе, ибо мѣшокъ былъ внутри посыпанъ мелкимъ графитомъ и нюхательнымъ табакомъ.

— Подавай!—сказалъ тотъ же насмѣшливый голосъ, какъ будто вызывая карету у театральнаго подъѣзда. Десять рукъ подкатили грязную тачку. Человѣкъ въ мѣшкѣ продолжалъ чихать, но не сопротивлялся. Черезъ минуту тачка уже направлялась къ боковому выходу. Все это произошло такъ быстро, что когда изъ литейной мастерской прибѣжалъ на крикъ инженеръ, все было кончено. Даже боковой выходъ былъ закрытъ и рабочіе опять хлопотали у верстаковъ и у колеса.

— Что вы дѣлаете? — крикнулъ инженеръ, отыскивая глазами причину безпорядка.

Но все въ мастерской было на своемъ мѣстѣ.

— Ничего!—отозвался пожилой формовщикъ, не принимавшій никакого участія въ недавней расправѣ.

— Ивану Федорову показали путь, вотъ что!

Фраза эта какъ будто была заимствована у новгородцевъ, выпроводившихъ нелюбимаго князя. Но формовщикъ былъ далекъ отъ того, чтобы сравнивать мастера съ княземъ. Тонъ у него былъ совершенно простой и спокойный, какъ будто дѣло шло о грудѣ мусора, вывезенной за дверь.

— За что?—растерянно спрашивалъ инженеръ.

— Есть за что!—столь же спокойно отозвался формовщикъ, констатируя новый фактъ.

— Господи, отчего вы не жаловались?

Слова инженера совершенно не соотвѣтствовали фактамъ. Въ послѣдніе полгода формовщики раза три или четыре жаловались начальнику мастерской на своего мастера, то за грубое обращеніе, то за слишкомъ натянутый разсчетъ. Жалобы эти по обыкновенію оставались безъ послѣдствій и привели къ самоуправству. Но душа русскаго начальства, большого и маленькаго, такъ ужъ устроена, что въ минуту развязки оно забываетъ о всѣхъ причинахъ и слѣдствіяхъ и начинаетъ свои разспросы съ первой главы.

Миша не сталъ дожидаться послѣдствій этого разговора и поспѣшно повернулъ назадъ кь выходу. Справляться о мѣстѣ для Алеши было не у кого, да у него и пропало желаніе помѣстить своего брата въ это безпокойное формовочное гнѣздо.

— Пусть лучше подождетъ, — рѣшилъ по прежнему Миша.—Опредѣлю его при себѣ въ нашу мастерскую. Въ случаѣ чего товарищи присмотрятъ.

Полдневный гудокъ громко и тягуче заскрипѣлъ надъ паровымъ отдѣленіемъ, заплывая въ каждый баракъ и мастерскую и переносясь съ одного двора на другой, во всю двухверстную длину огромнаго завода. Передній дворъ уже былъ запруженъ рабочими. Они шли другъ за другомъ пра-

вильными рядами и мѣрнымъ шагомъ, съ той безсознательной привычкой къ согласному дѣйствію, которая создается постояннымъ общеніемъ многихъ тысячъ и непрерывнымъ совмѣстнымъ движеніемъ. Они шли рядами, какъ солдаты, спаянные вмѣстѣ неразрывной дисциплиной. Быть можетъ, ихъ дисциплина была крѣпче, ибо она вырабатывалась силой вещей, а не приказомъ власти, и созидалась не въ четыре года, а въ теченіе непрерывной жизни ряда поколѣній.

Миша вышелъ изъ дверей, шагнулъ впередъ и слился съ этими проходившими мимо рядами, и пошелъ вслѣдъ за другими такимъ же привычнымъ мѣрнымъ шагомъ. Онъ шелъ, не думая объ этой непрерывно текущей толпѣ, ибо вмѣстѣ съ нею онъ ежедневно совершалъ четыре такихъ похода: два на заводъ и два съ завода.

Но въ то же самое время, выйдя изъ двери, онъ сталъ тотчасъ же частью этой толпы, атомомъ человѣческой волны, выливавшейся изъ завода, и если бы она остановилась или свернула бы по иному, необычному направленію, онъ свернулъ бы вмѣстѣ съ нею, и если бы отъ передняго конца пробѣжалъ порывъ внезапнаго чувства, онъ отдался бы ему вмѣстѣ съ другими.

Дорога шла впередъ по безконечно-длинному двору. На полдорогѣ среди двора былъ небольшой подъемъ и съ его вышины Миша машинально поглядѣлъ вокругъ себя и увидѣлъ глазами эту огромную толпу, среди которой онъ шелъ и частью которой онъ былъ. Она растянулась во всю длину и ширину двора. Передняя струя выливалась изъ воротъ, но изъ мастерскихъ въ глубинѣ двора вливались все новые и новые потоки. И казалось, что толпѣ нѣтъ конца и что она никогда не пройдетъ мимо и не истощится.

И вдругъ въ умѣ Миши, какъ молнія, вспыхнуло воспоминаніе. Та же многотысячная толпа шла впередъ такими же правильными рядами, но въ переднемъ ряду среди группы избранныхъ охранителей несли хоругви и иконы и всѣ сердца были наполнены торжественнымъ настроеніемъ и могучимъ стихійнымъ порывомъ къ добру и свободѣ, вѣрой, что есть на землѣ правда, и что вотъ она сейчасъ спустится къ людямъ съ своего высокаго дворца.

— Помните,—обратился онъ къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ.—Такъ мы шли всѣ вмѣстѣ.

Это было въ томъ же околоткѣ, быть можетъ, въ полуверстѣ отъ завода, и участники шествія были тѣ же, что и теперь. Немудрено, что сосѣди Миши поняли его съ полуслова.

— Я крестъ несъ,—сказалъ дюжій слесарь съ насмѣшливымъ лицомъ и просѣдью въ бѣлокурыхъ волосахъ. —

А потомъ, какъ люди легли на землю, я крестъ положилъ и легъ ко кресту лицомъ.

— У, жутко,—прибавилъ онъ.—Лежишь и чуешь: вотъ твоя смерть сейчасъ прилетитъ, свинцовая пчелка.

— Потомъ люди поползли на брюхѣ,—припоминалъ слесарь,—и я поползъ.

— Страшно и вспомнить. Волосы ежикомъ встали, тѣло все ослабѣло и распустилось, какъ вода. Проползли въ переулокъ, заползли въ канаву, и навалились другъ на друга, какъ палая изгородь. Кажется, топчи насъ лошадьми, мы бы не крикнули.

— А мы трое легли,—сказалъ маленькій человѣкъ съ безпокойнымъ взглядомъ и шрамомъ поперекъ лица. Я маленько назади, а Васильевъ попередъ, а батька въ середкахъ. Прижукнулись, ждемъ. А солдаты палятъ. Потомъ, какъ люди поползли, я взялъ батьку за ногу. „Что, батя, живъ?"—„Живъ",—говоритъ.—„Ну, ползи скорѣе!"—А Васильевъ не шевелится. Гляжу, а у него въ шеѣ дыра красная.

— Я не ложился,—сказалъ Миша тихо,—я стоялъ, да смотрѣлъ, да...

— Да чего еще?—переспросилъ бѣлокурый слесарь почти машинально.

— Да ненавидѣлъ!—выговорилъ Миша, стиснувъ зубы. Въ груди его вспыхнуло знакомое чувство, жгучее, какъ пламя, и даже горло сжалось острымъ ощущеніемъ горечи.

Въ многотысячной толпѣ, шедшей тогда вслѣдъ за хоругвями, Миша принадлежалъ къ наиболѣе сознательнымъ, но и въ немъ жила почти безъ его вѣдома та же романтическая вѣра въ правду, сходящую сверху. И въ ту минуту, когда кругомъ засвистѣли пули и толпа ложилась на землю, вѣра эта вспыхнула въ послѣдній разъ и сгорѣла до тла, сожженная ненавистью.

— Я тоже не ложился,—сказалъ молодой парень, шедшій рядомъ съ Мишей.—Мертвякъ на меня упалъ, меня съ ногъ сбилъ, потомъ я встать не посмѣлъ.

— Развѣ насъ разстрѣляли?—заговорилъ Миша, какъ будто про себя.—Надежду нашу глупую. Вѣру нашу втоптали въ грязь, вмѣстѣ съ хоругвями. Пусть лежитъ тамъ посередь мертвецовъ.

Толпа шла впередъ. Шаги гулко раздавались на твердой мостовой двора.

— Горе побѣжденнымъ,—сказалъ вдругъ Миша,—горе тѣмъ, кто лежитъ на землѣ.

— Такъ мы опять встали,—живо возразилъ бѣлокурый,—мы идемъ.

Шаги толпы гулко раздавались на каменной мостовой.

Миша опять поглядѣлъ сверху на толпу. Она была такая же густая, людная, безсчетная, какъ въ то морозное утро. Убыль затянулась, какъ исчезаетъ яма, вырытая въ мокромъ пескѣ на берегу моря.

И вдругъ Миша ощутилъ жуткое стихійное чувство непобѣждаемой силы этой многотысячной рабочей массы. Она была безсмертна, неуничтожаема, всесильна. Она несла въ себѣ связь трехъ поколѣній, старости прошедшаго, зрѣлости настоящаго и юности будущаго.

Она несла въ себѣ стремленіе и силу прогресса. И никакіе степные наѣздники, будь они свирѣпѣе кентавровъ и опричниковъ съ собачьими головами, не могли разстроить и разсѣять ея ряды.

Руки этой толпы приготовляли орудія жизни и смерти, плуги и пушки, паровозы и шрапнель, и ружья и свинцовые патроны. И неодухотворенная сила ея собственныхъ издѣлій не могла бы одержать побѣду надъ живою силой ея коллективной многотысячной души.

V.

Былъ солнечный воскресный день.

Миша и Елена шли объ руку по широкой и прямой аллеѣ большого подгороднаго кладбища. Была середина петербургской весны, когда днемъ цвѣтетъ сирень, а съ закатомъ солнца начинаются странныя, раздражающія, полупрозрачныя бѣлыя ночи.

Елена была въ легкомъ платьѣ съ широкими свѣтлыми полосами и въ соломенной шляпкѣ, обвитой зеленью, съ вѣткой пунцовыхъ цвѣтовъ. Это была уже не первая встрѣча молодыхъ людей послѣ публичной лекціи въ Кузнецкой школѣ, но сегодня въ первый разъ Миша увидѣлъ молодую дѣвушку въ весеннемъ нарядѣ. Ему казалось, какъ будто ее нарочно вымыли и расцвѣтили для этого полудня. Въ своемъ полосатомъ платьѣ она походила на молодую березку, распустившуюся на весеннемъ солнцѣ, и зеленые листочки на ея шляпѣ казались молодыми ростками, вызванными къ жизни свѣжимъ дыханіемъ весны.

Миша былъ въ мягкой шляпѣ и праздничной суконной парѣ, очень приличной и сравнительно дорогой. Изъ верхняго кармана выглядывали даже перчатки, небрежно скомканныя вмѣстѣ. Года четыре тому назадъ, когда Миша только начиналъ хорошо зарабатывать, онъ тратилъ всѣ свои излишки на покупку платья. Въ этомъ онъ повино-

вался общему стремленію рабочаго класса, согласно извѣстной поговоркѣ: „по платью встрѣчаютъ“.

Русская дѣйствительность на каждомъ шагу подтверждала справедливость этой поговорки и свидѣтельствовала о томъ, что отъ приличнаго платья зависитъ обращеніе на „вы“ и, „въ случаѣ чего“, нѣкоторая первоначальная безопасность отъ тѣлесной расправы.

Въ послѣдніе два года Миша пересталъ обращать вниманіе на свою внѣшность, но для его короткихъ досуговъ и праздничныхъ выходовъ хватало прежняго запаса.

Онъ былъ, кромѣ того, очень методиченъ въ своихъ привычкахъ и не было ничего удивительнаго, что даже перчатки, купленныя три года тому назадъ, сохранились, почти какъ новыя. Въ общемъ онъ былъ одѣтъ гораздо опрятнѣе, напримѣръ, средней интеллигентной молодежи и только какое-то особое выраженіе лица, утомленное и серьезное, и вмѣстѣ простодушное, свидѣтельствовало о томъ, что онъ принадлежитъ къ другому классу.

Быть можетъ, это было утомленіе физическаго труда, начатаго слишкомъ рано, спертый воздухъ мастерскихъ, съ запахомъ масла и машиннаго сала, усталость вечернихъ досуговъ, посвященныхъ торопливому чтенію, полуночныхъ часовъ, украденныхъ у сна для упорныхъ и безсистемныхъ занятій.

Всю свою юную жизнь Мишѣ приходилось торопиться, учиться и думать на ходу, отдавать изъ своей недѣли 60 часовъ на механическій трудъ. Не мудрено, что на его лицѣ запечатлѣлась суровая усталость.

Александровское кладбище служитъ мѣстомъ гулянья для всего Кузнецкаго тракта. Ибо на всемъ тракту нѣтъ никакого другого парка или сада, ничего кромѣ тощихъ загородокъ общества трезвости и пивныхъ скверовъ, подъ вывѣской „Парижъ“ или „Вѣна“, которые называются садами развѣ по недоразумѣнію.

Лѣтомъ рабочая молодежь Кузнецкаго околотка переплываетъ въ лодкахъ на другой берегъ рѣки, гдѣ версты двѣ пониже расположенъ монастырь съ большимъ садомъ, или направляется пѣшкомъ за четыре версты къ Александровскому кладбищу, чтобы погулять въ его печальныхъ, но тѣнистыхъ аллеяхъ, среди настоящей зелени.

Въ этотъ день на кладбищѣ было много народу, но люди разсѣялись по всѣмъ концамъ. Кладбище было такъ велико, что общая масса гуляющихъ казалась почти незамѣтной и какъ будто таяла въ его зелено-сумрачныхъ переходахъ. Молодежь соединялась парами и разсаживалась по скамейкамъ или тихо переходила изъ аллеи въ аллею.

Кладбище даже весною навѣваетъ меланхолическія мысли. И при блѣдномъ сѣверномъ солнцѣ, среди мраморныхъ памятниковъ и свѣтлой зелени, это былъ кладбищенскій флиртъ, достойный Петербурга, который весь похожъ на огромное каменное кладбище, и въ блѣдномъ свѣтѣ лѣтнихъ сумерекъ какъ будто дремлетъ прозрачной дремой и снится самъ себѣ подъ шелестъ свѣтлой рѣки, протекающей мимо.

Миша и Елена гуляли по аллеямъ, разсматривали памятники и перечитывали надписи на мраморныхъ памятникахъ и крестахъ. Большей частью тутъ лежали все зажиточные мертвецы: трактирщики, торговцы, домовладѣльцы, и иной неуклюжій пьедесталъ казался мраморнымъ олицетвореніемъ толстопузаго купца, погребеннаго внизу у его подножія.

Разговоръ обрывался, и снова завязывался, и снова гасъ. Миша больше молчалъ, но Елена не поддавалась меланхолическому настроенію кладбища. Ей было безпричинно весело. Въ это ясное, весеннее утро ей хотѣлось громко говорить и пѣть и даже прыгать.

Кровь Елены была южная, густая, пылкая, какъ крѣпкое вино, бродящее въ жилахъ виноградника, на южной сторонѣ утеса, обожженнаго солнцемъ, и собственная молодость въ девятнадцать лѣтъ свѣтила ей ярче этого туманнаго солнца сѣверной весны.

— Отчего вы такой серьезный, Миша?

Они встрѣчались въ послѣдніе два мѣсяца раза три или четыре. Въ одну изъ субботъ Миша посѣтилъ тетку Елены и просидѣлъ часа два за чайнымъ столомъ въ толпѣ молодыхъ людей, сбиравшихся на эти вечера, какъ мухи на медъ. Миша сидѣлъ тихо и говорилъ мало, даже не вставилъ своего слова, когда рѣчь зашла о задачахъ пролетаріата и молодые гости другъ за другомъ стали опредѣлять, чего именно хотятъ русскіе рабочіе. Теткѣ Елены даже понравилась степенность новаго гостя, и она мысленно противопоставила его безпутной молодежи, громко и дерзновенно произносившей самыя крѣпкія слова.

Черезъ недѣлю Елена отдала визитъ и храбро явилась на Мишину квартиру. Миша угостилъ ее чаемъ и малиновымъ вареньемъ, принесенномъ въ глиняномъ горшечкѣ изъ мелочной лавки. Елена просидѣла съ часъ и больше говорила съ Алешей, котораго она также жадно и поспѣшно засыпала вопросами о деревенской жизни и объ его новыхъ впечатлѣніяхъ въ городѣ.

Послѣ того Миша и Елена встрѣтились еще разъ на новой публичной лекціи и потомъ въ частномъ собраніи небольшого рабочаго кружка.

Не смотря на эти отрывочныя встрѣчи между ними возникло чувство близости. Ихъ тянуло другъ къ другу, быть можетъ, потому, что оба они были такіе молодые, одинаково свѣжіе и чистые, но непохожіе, происходившіе изъ различныхъ общественныхъ слоевъ.

Собраніе кружка было въ прошлое воскресенье и окончилось въ пять часовъ дня. Погода была такая же ясная, какъ и сегодня. Они пошли пѣшкомъ вдоль берега рѣки. Ихъ разговоръ шелъ легче и плавнѣе. Елена описывала парижскую жизнь, избирательныя собранія и уличные праздники, драки націоналистовъ и анархистовъ, веселье молодежи, прогулки въ предмѣстьяхъ и на валахъ укрѣпленій.

— Гдѣ у васъ гуляютъ по воскресеньямъ?—освѣдомилась она.

Миша сказалъ о кладбищѣ. Прощаясь, молодые люди условились въ слѣдующее воскресенье проѣхать по желѣзной дорогѣ до первой станціи и оттуда пройти пѣшкомъ до кладбища. Имъ не приходило даже въ голову, что въ сущности они условливаются о свиданіи, какъ множество другихъ паръ, которыя должны были встрѣтиться въ это воскресенье въ петербургскихъ садахъ.

— Отчего вы такой серьезный, Миша?

— Я всегда такой. Не знаю!—сказалъ юноша съ нѣкоторымъ напряженіемъ, какъ будто затрудняясь отвѣтомъ.

— Тоскливо жить,—прибавилъ онъ, подумавъ.

— Почему тоскливо?—живо возразила Елена.—Жить весело, хорошо.

Миша промолчалъ.

— Посмотрите, какая зелень!—быстро говорила Елена.— Солнце свѣтитъ, сирень цвѣтетъ, птицы поютъ... Развѣ все это не хорошо?

— Природа хороша,—сказалъ Миша,—но жизнь люди дѣлаютъ, а не природа.

— Дѣлаютъ и передѣлаютъ,—быстро возразила Елена.— Развѣ вы не вѣрите, что люди передѣлаютъ всю жизнь по своему разуму?

— Пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ,—сказалъ Миша.

— Взойдетъ солнце, взойдетъ!—пылко говорила Елена.— Люди выше природы. Люди все передѣлаютъ, и жизнь, и природу, и собственное тѣло, и душу. Будутъ такіе сильные, чистые, крылатые.

— И скажетъ себѣ человѣчество: „Я всесильно". И поклонится само себѣ, какъ Богу.

— Долго ждать!—возразилъ Миша.

— Полно вамъ,—воскликнула Елена.—Пойдемъ впередъ.

Аллея перешла въ тропинку, длинную, извилистую, которая протянулась мимо часовни и переходила на другую сторону кладбища, почти вплоть до задней стѣны. По обѣ стороны тропинки росла густая трава.

— Елена Борисьевна! — заговорилъ Миша, — короткая наша жизнь.

— Чья жизнь? —спросила Елена.

— Такъ, вообще, человѣческая. Мигнуть не успѣешь, а она прошла. Вотъ я бы хотѣлъ дожить и увидѣть, какіе будутъ крылатые люди.

— Вы жадный,—усмѣхнулась Елена.

— А наша рабочая жизнь того короче,—продолжалъ Миша.—Сорокъ лѣтъ—и крышка, уходи въ Могилевскую. У насъ по заводамъ даже и стариковъ не видно. Помираютъ до времени.

— Да будетъ вамъ ныть,—возмутилась Елена,—сегодня праздникъ.

— Я къ празднику и говорю,—сказалъ Миша.—Знаете, какъ сказалъ одинъ латинскій писатель: „Пользуйся днемъ текущимъ и не думай о завтрашнемъ“.

— Ну, вотъ хорошо!—сказала Елена.—Побѣжимъ, Миша,—вдругъ предложила она.

Они взялись, какъ дѣти, за руки и побѣжали по дорожкѣ.

На второмъ поворотѣ стоялъ большой памятникъ съ крестомъ и бѣлымъ ангеломъ.

Миша посмотрѣлъ на ангела, потомъ на Елену. Ангелъ былъ аляповатый, и дѣвушка была красивѣе, изящнѣе и нѣжнѣе бѣлой статуи.

— Какая вы свѣтлая,—выговорилъ онъ вслухъ свою мысль.—Какъ мечта. У насъ нѣтъ такихъ... А я темный.

— Ха-ха!—разсмѣялась дѣвушка.—Темный и свѣтлый, все равно, какъ трубочистъ и булочникъ...

Но ей видимо былъ пріятенъ этотъ неожиданный комплиментъ, и даже щеки ея залились румянцемъ, и смѣхъ звучалъ нервнымъ звукомъ

— Елена Борисьевна!—началъ опять Миша.—Вы какъ думаете: правда, что всѣ люди ровные?..

— Конечно, равны! — стремительно возразила Елена.— У каждаго такая же кровь и голова такая же.

— Голова такая, да наука не такая! Напримѣръ, если кто учился смолоду, а другой не учился, то можетъ ли онъ его догнать и стать ровнымъ?

— Да вѣдь вы догнали,—сказала Елена просто.

Миша покачалъ головой.

— Теперь такія времена,—увѣренно начала Елена,—ничего въ счетъ не идетъ. Пуля не разбираетъ богатыхъ, либо

ученыхъ. Пробьетъ дыру во лбу и готово. Передъ пулями всѣ равны.

Они опять двинулись впередъ и дошли до конца тропинки. Здѣсь у забора была широкая, общая могила, похожая на раскопанную грядку. На этой человѣческой грядѣ стояло три десятка деревянныхъ крестовъ и просто колышковъ, изъ которыхъ каждый соотвѣтствовалъ трупу, зарытому внизу. На колышкахъ были надписи: мужчина неизвѣстнаго званія, убитъ 9-го января. Слово *убитъ* впрочемъ было тщательно выскоблено и по-тому же мѣсту болѣе свѣжей краской написано: *умеръ*.

Это попечительная полиція старалась наводить свой лакъ всеобщаго благополучія даже на могильные кресты, не оставляя въ покоѣ мертвыхъ.

Одинъ крестъ былъ выше другихъ. На немъ стояла надпись: Павелъ Герасимовичъ Ежовъ, 13 лѣтъ. Верхушка креста была украшена бумажнымъ вѣнкомъ со скромной надписью: Отъ товарищей. Это была могила разсыльнаго мальчика изъ страхового общества „Надежда", который вмѣстѣ съ другими ребятишками прибѣжалъ посмотрѣть и котораго солдатская пуля уложила на панели, противъ адмиралтейства.

Больше на могилѣ не было ни вѣнковъ, ни какихъ-либо знаковъ посѣщенія, ибо въ то время полиція строго охраняла покой безымянной могилы 9-го января и разгоняла даже панихиды по усопшимъ.

Миша и Елена стояли рядомъ и смотрѣли на кресты.

— Вотъ эти тоже равны,—сказалъ Миша,—всѣ вмѣстѣ лежатъ, даже имени ихъ никто не знаетъ.

— Зачѣмъ имена?—возразила Елена,—мертвому все равно.

— Сколько ихъ перебили?—сказалъ Миша.—Тысячъ пять, да раненыхъ вдвое.

Благодаря оффиціальной скрытности, предполагаемое число жертвъ 9-го января разросталось до чрезвычайности въ устахъ уличной молвы и доходило до тысячъ и даже до десятковъ тысячъ.

— Сколько еще перебьютъ?.. Люди, какъ саранча. Ихъ бьютъ, а они все лѣзутъ, какъ остервенѣлые.

— Саранча рѣки запруживаетъ, сказала Елена.—А по моему лучше такой смерти на свѣтѣ нѣтъ. По крайней мѣрѣ, сразу и есть за что. А сколько людей каждую минуту умираетъ съ голоду и безъ всякой цѣли?..

— Смотрите, что это?—воскликнулъ Миша.

Въ низкой травѣ, за крестомъ Ежова, блестѣло нѣсколько маленькихъ красныхъ цвѣточковъ.

— Словно кровь,—сказалъ Миша.

Алые круглые цвѣточки дѣйствительно походили на капли кровавой росы, брошенной на стебли травы, или, быть можетъ, проступившей изъ-подъ земли тотчасъ же послѣ погребенія.

— Эта кровь купитъ свободу!—сказала Елена.

— Пойдемте отсюда!

Они обошли могилу и пошли вдоль стѣны, но настроеніе, витавшее надъ этими безымянными крестами, послѣдовало за ними и не хотѣло отстать.

На лицѣ ихъ легла строгая тѣнь и они даже говорили тише, какъ въ комнатѣ больного.

— Я тоже готова такъ умереть!—сказала Елена.

Миша взглянулъ на нее и она показалась ему похожей уже не на музу, а на призракъ. Сердце его сжалось.

— Не говорите такъ!—горячо возразилъ онъ.—Зачѣмъ вамъ умирать? Живите. Когда нужно будетъ, мы умремъ за васъ.

Елена посмотрѣла на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Въ душѣ его какъ будто что-то сорвалось или, долго сдерживаемое, вырвалось наружу. Глаза его блестѣли и голосъ звучалъ порывомъ и увлеченіемъ.

— Елена Борисьевна, не будемъ думать о смерти! Одинъ разъ намъ жить, одна молодость!..

Онъ крѣпко сжалъ руку дѣвушки своей черной мозолистой ладонью.

— Ой, больно!—крикнула Елена,—вырвала руку и затрясла ею въ воздухѣ.

— Леночка, я люблю васъ!

Вмѣсто отвѣта Елена поднесла свою сдавленную кисть близко къ лицу и стала дуть на нее, какъ дуютъ маленькія дѣти. Быть можетъ, она просто хотѣла этой рукой прикрыть свое пылающее лицо.

Миша подождалъ минуту, потомъ лицо его перекосилось, какъ въ судорогѣ.

— Или, можетъ, я вамъ не пара, Елена Борисьевна?..

Елена не отвѣчала.

— Зачѣмъ ты дразнила меня?—горько и яростно воскликнулъ Миша.—Зачѣмъ издѣвалась? Не смотрѣть бы мнѣ на твою красоту!..

Онъ быстро повернулся и хотѣлъ уйти по тропинкѣ назадъ къ воротамъ.

— Не сердись, Мишенька!—Елена слегка коснулась пальцами рукава Миши.

— Леночка!

Миша остановился и даже приложилъ руку къ сердцу.

Радость пришла слишкомъ неожиданно, какъ молнія, или ударъ.

Они опять пошли по тропинкѣ, рука съ рукой, и свернули вправо. Впереди, на нѣкоторомъ разстояніи, шла другая юная чета. Эти тоже шли подъ руку и повидимому, были совершенно поглощены другъ другомъ.

— Вотъ посмотрите, какіе дружные! — сказала Елена шутливо.—Идутъ рядышкомъ и не спрашиваютъ, пара или не пара?

— Леночка, я люблю васъ!

Онъ готовъ былъ встать на колѣни и поклониться своей спутницѣ, какъ новой богинѣ.

Сбоку тропинки стояла ветхая скамья, Богъ вѣсть откуда заброшенная въ эту пустынную часть кладбища.

— Сядемъ, Леночка!—предложилъ Миша.

— Какъ ты будешь любить меня? Я мужичьяго рода, черной кости, а ты вымыта въ семи дворянскихъ водахъ.

— Полно, — возразила Елена. — Въ дворянскомъ мытьѣ что хорошаго? А черная кость не хуже бѣлой кости.

— Но только знай, Елена: кровь свою пролью за тебя до послѣдней капли. Хочу быть твоимъ рабомъ, твоей вещью.

— Не надо быть рабомъ,—быстро возразила Елена.—Будь человѣкомъ. Иди за мной, куда я иду.

— Пойду до смерти!—стремительно воскликнулъ Миша,—а ты, Леночка, пойдешь за меня замужъ?

— Зачѣмъ замужъ?—возразила Елена просто.—Ты самъ сказалъ: короткая наша жизнь. У насъ нѣтъ времени быть мужемъ и женой.

Миша не отвѣчалъ.

— Повѣнчала насъ сабля вострая, уложила спать мать сыра земля,—тихо сказала Елена.

Это было брачное обѣщаніе, жуткое и зловѣщее, какъ окружавшее ихъ кладбище.

— Будь такъ!—сказалъ Миша.—Да будетъ наша любовь свободная.

Елена кивнула головой.

Миша посмотрѣлъ по сторонамъ. Другая пара прошла далеко впередъ и ея не было видно. Онъ обвилъ станъ Елены рукою и привлекъ ее къ себѣ. Голова Елены легла къ нему на плечо. Онъ нагнулся и губы ихъ встрѣтились, потомъ разошлись и снова встрѣтились.

Какъ многіе лучшіе юноши изъ интеллигентной и даже рабочей среды, Миша хранилъ цѣломудріе и цѣловалъ женщину въ первый разъ. Губы у Леночки были полныя, упругія. Они сидѣли на скамейкѣ, на старомъ кладбищѣ, чер-

жали другъ друга за руки и цѣловались, не думая о будущемъ, не заботясь о будущемъ, полные упоительнымъ ощущеніемъ минуты, молодые, счастливые и сильные, какъ боги.

VI.

Событія надвинулись неожиданнымъ вихремъ изъ наивной и увѣренной въ себѣ провинціи на умный и маловѣрный Петербургъ.

Московская забастовка захватила югъ Россіи, потомъ Волгу и Вислу, Двину и наконецъ Неву. Заводы встали, электричество погасло, газеты перестали выходить. Работа смѣнилась досугомъ и общее желаніе перемѣнъ снова охватило всю милліонную массу празднаго и возбужденнаго населенія, и погнало его на улицу съ неудержимой силой. Началось новое выступленіе петербургскаго населенія, столь же стихійное и массовое, какъ и въ минувшемъ январѣ.

Въ учебныхъ заведеніяхъ и на заводахъ каждый вечеръ собирались огромные митинги, привлекавшіе тысячи и тысячи людей. Днемъ на улицахъ происходило столпотвореніе, собирались толпы и завязывались манифестаціи. Казаки и конные городовые разгоняли ихъ и забирали „зачинщиковъ“ подъ арестъ. Нагайки свистѣли, шашки поднимались и опускались, револьверные и ружейные выстрѣлы трещали въ воздухѣ. Каждый день были убитые и раненые, по одному, по два. Кровь лилась въ розницу, исподволь: тамъ и здѣсь, на разныхъ перекресткахъ, ибо власти не имѣли общаго плана и никакъ не могли рѣшиться произвести второе оптовое кровопусканіе.

Появились красные флаги, тоже въ розницу и въ разбивку, маленькіе, безъ надписей, наскоро сдѣланные и вынесенные на улицу, какъ новыя вѣхи движенія толпы. Полиція отбирала ихъ и избивала знаменоносцевъ, но они появлялись снова и снова.

Желѣзныя дороги перестали ходить съ самаго начала забастовки. Телеграфъ оборвался и телеграммы замѣнились странными и смутными слухами, которые возникали неизвѣстно гдѣ и распространялись съ неожиданной быстротой. Передавали, что послѣдняя телеграмма изъ Москвы сообщала, что въ городской думѣ засѣдаетъ временное правительство и городъ находится во власти забастовщиковъ.

Двухмилліонная столица, отрѣзанная отъ всего міра и предоставленная самой себѣ, потеряла мѣру вещей и погрузилась въ фантастическую, пронизанную электриче-

ствомъ атмосферу. Странный и свѣтлый туманъ, багровый и розовый, окуталъ трезвый и сѣрый Петербургъ. Все казалось возможнымъ, легко достижимымъ, и будущее выступало въ преувеличенныхъ контурахъ, выпукло и близко. Знаменитый треповскій приказъ: „патроновъ не жалѣть" появился и только усилилъ возбужденіе.

Въ лихорадочномъ напряженіи великихъ ожиданій, въ человѣческой толпѣ развилось презрѣніе къ смерти, готовность лѣзть на рожонъ. Стоитъ ли цѣпляться за жизнь, если дѣло идетъ о чемъ-то огромномъ, объ общемъ счастьѣ родины, о дѣтяхъ и внукахъ, и правнукахъ. Все равно, разъ умирать. Всѣ умремъ. И люди учились смотрѣть смерти прямо въ лицо и часто сами лѣзли шли удары.

Поздно вечеромъ, въ четвергъ, распространилось извѣстіе: новый манифестъ, конституція, всѣ свободы, избирательное право. Всю ночь по городу ходили радостныя, возбужденныя, немного недоумѣвающія группы.

На другой день несмѣтныя толпы высыпали на улицу и запрудили ее. Это было стремленіе стихійное и неудержимое, какъ прибой океана въ бурю. Всѣ классы, возрасты и званія смѣшались воедино. Мужчины, женщины, подростки, старики, бѣдные рабочіе и щеголеватыя дамы, студенты, сидѣльцы изъ лавокъ, босяки, чиновники, юнкера, даже офицеры и солдаты забыли о различіяхъ и ощущали себя русскими гражданами, братьями и людьми. Теперь не было ни маловѣрныхъ, ни колеблющихся: всѣ были вѣрующіе, никто не думалъ о препятствіяхъ. Порывъ энтузіазма подхватилъ толпу и несъ ее впередъ, какъ на крыльяхъ. Многимъ, самымъ молодымъ, бѣднымъ и наивнымъ, уже мерещилось достиженіе общаго счастья, рай на землѣ.

Толпы ходили по улицамъ съ радостными кликами и пѣніемъ, торжественнымъ, какъ молитва, и радостнымъ, какъ побѣдный гимнъ. Красныя знамена появились десятками, потомъ сотнями. Полиція пробовала ихъ отнимать, но они умножались и выростали вновь, какъ будто рождаясь другъ отъ друга, и вѣяли въ воздухѣ, какъ призраки.

Полиція отнимала ихъ, ибо старое и новое существовали и двигались рядомъ на улицахъ столицы. Приказъ о патронахъ остался въ прежней силѣ. Перемиріе продолжалось только нѣсколько короткихъ часовъ, потомъ опять началось безцѣльное, никому не нужное и теперь уже беззаконное кровопролитіе.

Наемные провокаторы стрѣляли, стараясь вызвать столкновеніе, переодѣтые сыщики тамъ и сямъ нападали на студентовъ. Трехцвѣтныя манифестаціи, наскоро собранныя изъ дворниковъ, хулигановъ и переодѣтыхъ городовыхъ, пере-

ходили дорогу „краснымъ“ и старались завязать рукопашную, имѣя въ резервѣ казаковъ и гвардію.

Радость народная по поводу завоеванной свободы замутилась въ самомъ источникѣ своемъ и превратилась въ опасеніе и гнѣвъ. И вмѣсто ожидаемаго примиренія пропасть между властью и народомъ внезапно расширилась и стала глубже и чернѣе.

На другой день послѣ полудня многотысячная толпа народа шла по Кузнецкому проспекту, направляясь къ площади. Во главѣ манифестаціи несли большое знамя изъ краснаго шелка, на тонкомъ стальномъ створчатомъ древкѣ. На знамени стояла надпись: Учредительное Собраніе.

Знамя несла молодая дѣвушка, въ черномъ плащѣ, съ красной лентой въ волосахъ. Въ виду возможнаго нападенія, она была окружена дружиной. Дружины было немного, человѣкъ пятнадцать или двадцать. Рядомъ со знаменемъ шелъ молодой человѣкъ съ красной лентой черезъ плечо, очевидно предводитель отряда. Время отъ времени онъ протягивалъ руку и подхватывалъ знамя, какъ бы для того, чтобы облегчить его тяжесть прекрасному знаменоносцу.

Дѣвушка была Елена, а молодой предводитель отряда— Миша Васюковъ. За нѣсколько мѣсяцевъ они пережили столько, что иногда, оглядываясь назадъ, имъ казалось, что то первое свиданіе на кладбищѣ было годы и годы тому назадъ. Ззбастовки, митинги, манифестаціи, столкновенія съ полиціей, аресты, новыя забастовки, постоянная опасность, возбужденіе, агитація.

Любовь ихъ была какъ будто движущей силой и перевела ихъ изъ пассивнаго состоянія въ активное. До весны они были скромные молодые люди, которые только присматривались и даже не стояли въ рядахъ. Теперь они несли знамя и вели другихъ. Теперь Миша не зналъ колебаній, не думалъ о будущемъ, пренебрегалъ опасностью. Его муза шла впередъ и онъ готовъ былъ во имя ея и передъ ея глазами броситься съ голыми руками на вооруженные полки и добиться побѣды.

Процессія шла впередъ. Неожиданно изъ боковой улицы вышла другая манифестація съ трехцвѣтными флагами и стала переходить на другую сторону дороги.

Красное шествіе остановилось, выжидая пока проходъ очистится. Но трехцвѣтные двигались чрезвычайно медленно и все загораживали улицу, какъ живая плотина. Ихъ тоже было много и они были вооружены желѣзными палками и даже кольями. Многіе держали руку въ карманѣ, очевидно, ощупывая спрятанный револьверъ или кистень.

— Вставай, подымайся, рабочій народъ!

— Боже царя храни!

Два напѣва какъ будто боролись и старались вытѣснить другъ друга. Минута или двѣ прошли безъ инцидентовъ. Потомъ красные стали сердиться.

— Дайте пройти, вы, черти!

— Подите къ такой матери!..

— Черносотенцы!

— Бунтовщики!

— Молчи, жидовская харя!

— А ты, шпикъ!

Драка началась неожиданно, почти непроизвольно. Обѣ стороны пустили въ ходъ древки флаговъ, палки, кастеты. Черные дрались съ остервенѣніемъ. Дворники и городовые, привыкшіе избивать студентовъ на улицѣ и плѣнниковъ въ участкѣ, не хотѣли посрамить своей репутаціи и отступить въ рукопашной свалкѣ. Особенно неистовствовали шпики. Вмѣстѣ со всѣмъ охраннымъ отдѣленіемъ они отчетливо сознавали, что дѣло идетъ объ ихъ кускѣ хлѣба и что малѣйшій лучъ свободы долженъ положить предѣлъ ихъ дѣятельности и лишить ихъ казенной платы, и мѣсячной, и разовой. Этотъ вопросъ былъ для нихъ прежде всего экономическій и классовой, какъ и всѣ наиболѣе важные вопросы міра.

Но рабочіе и молодежь держались твердо. Недавняя побѣда свободы придавала имъ новыя силы. Они вѣрили, что эти дни принадлежатъ имъ, и старались доказать это на практикѣ, силой своихъ ударовъ.

Побоище разгорѣлось. Дюжій субъектъ, который несъ трехцвѣтный флагъ, дѣйствовалъ имъ на отмашь, какъ шестомъ или оглоблей. Онъ сбилъ съ ногъ нѣсколько человѣкъ, потомъ пошелъ на проломъ къ большому красному знамени.

Но Миша неожиданно и безшумно подскочилъ къ нему сзади, выхватилъ револьверъ и изо всей силы ударилъ его ручкой по головѣ.

Ударъ былъ такъ силенъ, что черносотенный витязь выпустилъ свой шестъ, потомъ зашатался, чуть не упалъ, справился и, сразу отрезвѣвъ отъ боевого пыла, бросился на утекъ.

Черные стали отступать по всей линіи. Улица была очищена. Но когда красные хотѣли побѣдоносно двинуться впередъ, раздался одинокій выстрѣлъ. Онъ былъ такъ неожиданъ, что нельзя было даже опредѣлить, откуда онъ раздался, но пуля угодила съ ужасной мѣткостью. Елена рухнула на землю, какъ подкошенная, и большое красное

знамя склонилось внизъ и закрыло ее своимъ широкимъ алымъ покровомъ.

Дружина выхватила револьверы и дала отвѣтный залпъ, потомъ бросилась въ догонку черной манифестаціи, пылая желаніемъ отомстить за убійство.

Миша отбросилъ револьверъ, нагнулся надъ своей подругой и посмотрѣлъ ей въ лицо. Пуля попала Еленѣ прямо въ сердце и смерть ея произошла мгновенно и безъ мученій. Лицо Елены было совершенно спокойно и даже глаза ея остались открытыми. Но жизнь потухла въ этихъ широкихъ черныхъ зрачкахъ и они подернулись какой-то неуловимой пленкой, какъ глаза мертвой птицы.

— Драгуны ѣдутъ!

Конный разъѣздъ ѣхалъ сзади трехцвѣтной манифестаціи въ видѣ почетнаго эскорта. Онъ нѣсколько отсталъ, но теперь поспѣшилъ на выстрѣлы и врѣзался въ красную толпу съ другого фланга.

Миша набросилъ красный покровъ на лицо Елены, потомъ хотѣлъ подобрать свой револьверъ. Но драгуны уже наѣзжали. Они врѣзались въ толпу и дѣйствовали шашками.

— Меня тоже убейте! — крикнулъ Миша, протягивая къ драгунамъ свои невооруженныя руки.

Передній драгунъ поднялъ саблю и погрозилъ ею Мишѣ, но не подъѣхалъ и не ударилъ.

Толпа быстро раздѣлилась на двое и отступила вправо и влѣво, очищая, въ свою очередь, дорогу для кавалеріи. Драгуны не продолжали нападенія и проѣхали впередъ, слѣдуя по своему пути за трехцвѣтнымъ шествіемъ.

Сзади толпа уже собралась снова. Миша по прежнему стоялъ на мѣстѣ. У ногъ его лежалъ трупъ Елены покрытый краснымъ знаменемъ.

Танъ.

РЕКВІЕМЪ.

Слава вамъ, доблестно павшіе
Въ тяжкомъ бою!
Слава вамъ, правды искавшіе,
Правды, какъ хлѣба алкавшіе...
Вѣчная слава и вѣчная память вамъ
Въ бѣдномъ родимомъ краю!

* * *

Сгибли вы, смѣлые, честные,
Ночью, во мглѣ...
Скорбны могилы безкрестныя,
Спятъ въ нихъ герои безвѣстные...
Вѣчная слава и вѣчная память имъ
Въ бѣдной родимой землѣ!

* * *

Встанутъ товарищи новые,
Мечъ вашъ возьмутъ.
Выйдутъ, безстрашно-суровые,
Выйдутъ, погибнуть готовые,
Будутъ бороться отважно и долго,—
На̀-смерть врага разобьютъ!

* * *

...Слава вамъ, доблестно павшіе
Въ тяжкомъ бою!
Слава вамъ, правды искавшіе,
Правды, какъ хлѣба алкавшіе...
Вѣчная слава и вѣчная память вамъ
Въ бѣдномъ родимомъ краю!..

Г. Вяткинъ.

ПОБѢГЪ.

Повѣсть.

ЧАСТЬ II.

I.

Тусклый свѣтъ дождливаго дня съ трудомъ разсѣевалъ мракъ юрты Александрова. Оголенная отъ всякой мебели и посуды, проданныхъ ради побѣга, она представлялась еще бѣднѣе и невзрачнѣе, чѣмъ раньше. Темныя бревенчатыя стѣны мрачно склонялись надъ низкими нарами, покрывая ихъ грязными тѣнями. Бумага, замѣнявшая въ окнахъ разбитыя стекла, глухо и назойливо хлопала подъ ударами вѣтра. Сѣдыя струйки дыма, выдуваемыя сквознякомъ изъ камина, вѣшались у закоптѣлаго потолка, точно проникшій снаружи осадокъ противныхъ ненастныхъ облаковъ.

Сссыльные молча ѣли обѣдъ. Мягко постукивали деревянныя ложки о дно чашекъ. Красусскій первый утеръ ротъ и всталъ, Александровъ вытащилъ кисетъ и трубочку.

— Зачѣмъ это вы мяса не ѣдите? Я тоже не стану... Довольно!.. Я здоровъ... Никакихъ привилегій!.. — сердито проговорилъ Негорскій.

Товарищи ничего ему не отвѣтили, но украдкой жалобно взглянули на его мертвенно-блѣдное лицо.

— Я ухожу. Скоро смеркается!..—неохотно пробормоталъ Красусскій.

— А чай?.. Ты сегодня оставилъ бы охоту... Непогода, все равно ничего не убьешь!.. - замѣтилъ Александровъ.

Юноша съ неудовольствіемъ мотнулъ головой, надвинулъ на уши мѣховую шапку и вышелъ. Грязный, сѣрый, скользкій отъ продолжительнаго дождя, городокъ приникъ къ буграмъ, окружающимъ озеро, точно стая мокрыхъ куропатокъ. Мутныя, густыя, какъ пиво, волны „Навознаго моря“ сонно набѣгали на размокшіе берега. Свинцовыя тучи низко плыли въ

даль, поливая окрестности мелкимъ дождемъ, а внизу, подъ сѣрыми облаками, колыхался и шумѣлъ черный спутанный лѣсъ, уже линявшій и лысѣвшій подъ вліяніемъ приближающейся осени.

— „Ничего не убьешь!..“—раздумывалъ съ досадой Красусскій.—Терпѣть не могу предсказаній!.. И глупо, и портитъ настроеніе. А разъ у человѣка нѣтъ настроенія, тогда ему, дѣйствительно, не везетъ. А что, если въ правду ничего не убью?.. Припасовъ нѣтъ... Опять просить Черевина или Аркановыхъ... Навѣрно, пошлютъ меня... Терпѣть не могу всего этого!.. Всѣ, въ сущности, голодаемъ... „Иностранныя державы“ притворяются еще, что у нихъ кой-что есть, но и у нихъ... носы завострились. Этотъ опять боленъ. Докторъ приказалъ кормить его мясомъ, а мяса-то во всемъ городѣ ни куска. Нужно бы корову или теленка купить на убой, да объ этомъ и мечтать нечего... Необходимо что-нибудь убить, хоть одну штуку... Мы, здоровые, кой-чѣмъ перебьемся, чаемъ да грибами... Не пойду къ Аркановымъ ни за какія сокровища... не пойду!..

Онъ поднялъ воротникъ своей куртки и углубился рѣшительно въ чащу, напитанную водою, какъ губка. Струи воды полились на него изъ тронутыхъ вѣтвей. Молодой охотникъ, преодолѣвши первое непріятное ощущеніе, уже равнодушно пробирался въ кустахъ, не обращая вниманія ни на сучья, ни на сырость, только ружье тщательно припряталъ подъ полу куртки, чтобы оно не замокло. Движеніе согрѣло его, охота увлекла исподволь и прогнала прочь мрачныя размышленія. Онъ обходилъ по очереди озера, подкрадывался осторожно къ новымъ мѣстамъ среди травъ, прыгалъ по кочкамъ болотъ, пробирался осторожно среди частяка и неоднократно простаивалъ долго съ вытянутой шеей подъ ливнемъ и вѣтромъ, слушая, не раздастся ли желанное кваканіе утокъ среди шума плещущей кругомъ воды и хлещущаго дождя.

Тщетно: только вѣтеръ уныло посвистывалъ въ гущѣ тайги. Мелкіе четвероногіе попрятались въ логовищахъ, прозябшія птицы забились въ траву. За то кругомъ, на желтомъ лѣсномъ листопадѣ и среди потемнѣвшихъ отъ влаги мховъ, блестѣла пропасть грибовъ. Никто не собиралъ ихъ здѣсь, не препятствовалъ имъ размножаться. Были среди нихъ и старые, съ трудомъ подымавшіе на тоненькихъ ножкахъ свои громадныя, почернѣвшія шляпы, были и молодые, едва пробившіеся сквозь слой земли. И всѣ они, видимо, чувствовали себя прекрасно: лбы ихъ блестѣли отъ здоровья и наслажденія холодными дождями, хранившими ихъ отъ червей.

Красусскій принялся собирать въ платокъ грибы. Хотя онъ

зналъ, что сегодня нечего разсчитывать на добычу въ лѣсу, хотя онъ промокъ и прозябъ, но не торопился обратно домой, избѣгая встрѣчи съ Евгеніей, которая въ сумерки обыкновенно посѣщала ихъ юрту. Въ началѣ, пока Негорскій опасно болѣлъ, товарищи приходили частенько и просиживали долго, но по мѣрѣ того, какъ миновала гроза смерти, а оставалась только тоска да нужда, отношенія, сильно охлажденныя побѣгомъ, дѣлались все натянутѣе и мало по малу свелись къ просто приличнымъ... Одна только Арканова не оставляла ихъ до конца и ежедневно вносила въ ихъ мрачную юрту частицу иной, лучшей жизни, скрытой, точно лучистая теплота, во всей ея милой фигурѣ, въ золотистыхъ волосахъ, въ голубыхъ глазахъ, въ пѣвучемъ и выразительномъ голосѣ, въ изяществѣ движеній и благородствѣ мыслей.

Когда Красусскій, мокрый и грязный, вошелъ въ юрту, она еще сидѣла тамъ и, склонившись къ столу, слушала разсказъ Негорскаго. Должно быть, они говорили о немъ, такъ какъ вдругъ прекратили разговоръ, и молодая женщина подняла на юношу глаза, полные особаго расположенія.

— Что же? Напрасно трудился!?.. Садись, самоваръ еще не остылъ!—обратился къ нему Негорскій.

Красусскій мрачно и холодно поклонился Евгеніи, положилъ платокъ съ грибами на полку и отправился въ другую комнату перемѣнить свое промокшее платье.

Негорскій подбросилъ углей въ самоваръ.

— Развѣ ты пойдешь сегодня въ мастерскую? Право, не стоитъ... Останься... Вѣтеръ, да и дождь льетъ, какъ изъ ведра.

— Необходимо. Я обѣщалъ на завтра окончить заказъ.

— Вы позволите мнѣ подождать, пока вы окончите вашъ чай? Ужасно одной скользко идти!..—сказала ему Евгенія.

Дѣйствительно, было скользко и темно, и вѣтеръ сбивалъ съ ногъ на болотистыхъ покатостяхъ улицъ. Но все это не было новостью для ловкой, сильной и смѣлой гостьи. Красусскій догадался, что приглашаетъ она его ради чего-то другого, и сердце его болѣзненно и вмѣстѣ радостно сжалось.

— Должно быть, принесла чего-нибудь и не смѣетъ отдать прямо Негорскому. Александрова нѣтъ, такъ хочетъ всунуть мнѣ... Или, возможно, хочетъ разспросить о чемъ-нибудь...—тщетно успокаивалъ себя юноша. Волненіе охватывало его все сильнѣе и сильнѣе. Въ склоненіи головы, какимъ онъ отвѣтилъ на предложеніе, Евгенія безъ труда подмѣтила затаенное неудовольствіе и непонятную по отношенію къ себѣ суровость и холодность. Когда они очути-

лись одни среди темной улицы подъ вѣтромъ и дождемъ, Евгенія, вмѣсто того, чтобы принять протянутую ей руку товарища, спросила его просто:

— Я съ удивленіемъ замѣчаю, что вы на меня сердитесь. Скажите мнѣ откровенно: чѣмъ и когда обидѣла я васъ, такъ какъ, могу васъ увѣрить, сдѣлала я это нечаянно.

— Вы, право, не обращайте вниманія на... мои странности... не стоитъ!—отвѣтилъ юноша измѣнившимся голосомъ.

Этотъ голосъ выдалъ бы его несомнѣнно, если-бъ не порывы вѣтра, мѣшавшіе говоритъ и слушать.

— Сознайтесь, что для васъ непріятна теперешняя прогулка со мной... Вы не любите насъ... филистеровъ. Мнѣ необходимо поговорить съ вами съ глазу на глазъ, чтобы вырѣшить нѣкоторые вопросы и чтобы избѣжать въ будущемъ недоразумѣній. Какъ вы помните, мужъ мой заявилъ, что онъ не принимаетъ лошади, которую вы предложили ему взять обратно. Деньги за эту лошадь были вычеркнуты изъ нашего бюджета, и мы не считали ее нашей собственностью. Но мѣстные обыватели, повидимому, другого мнѣнія. Кто-то имъ сказалъ, что лошадь принадлежитъ намъ...

— Это мы имъ сказали. Вчера приходилъ къ намъ якутъ и спрашивалъ, не продадимъ ли мы ему лошади. Мы его направили къ вамъ.

— Дѣйствительно, приходилъ якутъ и спрашивалъ, сколько мы хотимъ за лошадь. Должно быть, тотъ самый покупатель. Онъ очень хвалилъ лошадь и давалъ за нее шестьдесятъ рублей. Говорятъ, что это очень хорошая для Джурджуя цѣна. Такъ вотъ, если-бъ мы знали, что лошадь вамъ уже не нужна, мы бы продали ее, а деньги отдали бы вамъ. Кажется, вы нуждаетесь въ нихъ... Насъ удержало отъ продажи только соображеніе, что, можетъ быть, вы... у васъ есть новые планы... и что вновь купить лошадь будетъ много труднѣе въ виду возросшей бдительности полиціи...

— А вы справлялись объ этомъ у Негорскаго?

— Нѣтъ. Я съ нимъ не говорила. Я впередъ знаю, что онъ посовѣтуетъ лошадь продать и отъ денегъ откажется. Съ нимъ теперь чрезвычайно трудно объ этихъ дѣлахъ разговаривать. Онъ сталъ чрезмѣрно мнительнымъ и подозрительнымъ... Чуть что не такъ,—съеживается и уходитъ въ себя. Между тѣмъ, я увѣрена, что онъ мечтаетъ по прежнему. Онъ сегодня еще доказывалъ мнѣ, что побѣгъ возможенъ и что онъ не удался только по недостатку средствъ. Я хотѣла бы узнать, что думаетъ по этому вопросу Александровъ? По моему мнѣнію, онъ разсудительнѣйшій изъ васъ и, къ тому же, отличный товарищъ. У него нѣтъ вашей гордости и мелочности, которая такъ затрудняетъ съ вами всякія денежныя

и вообще... вещественныя отношенія... Онъ лишенъ совершенно закоренѣлыхъ собственническихъ предразсудковъ... Мое, твое, его... А въ сущности, все принадлежитъ тѣмъ кто больше въ данный моментъ въ этомъ нуждается. Развѣ не такъ? Развѣ вы не подѣлились бы съ товарищемъ, разъ у васъ было бы случайпо больше, чѣмъ у него? Ну, скажите мнѣ откровенно, какъ товарищу, какъ сестрѣ: нужна вамъ будетъ лошадь, или нѣтъ? Примете ли вы деньги, если мы продадимъ лошадь? Мнѣ отвѣтъ нуженъ немедленно, такъ какъ якутъ обѣщалъ придти завтра утромъ.

Смущенный Красусскій молчалъ.

— Вы не отвѣчаете...—продолжала робко Евгенія.—Вы, вѣрно не довѣряете мнѣ? А вы не знаете, что я очень часто думаю о васъ. Мнѣ жаль васъ, мнѣ страшно жалко васъ!.. Я уже узнала изгнаніе и поняла, сколько вы перестрадали здѣсь въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Чтобы вырвать васъ изъ этой могилы, я готова... мы съ мужемъ готовы—поправилась она—на всякія жертвы. Правда, мы немного можемъ помочь, но вѣдь... шестьдесятъ рублей... немного! Впрочемъ, суть здѣсь въ лошади. Сознайтесь: вы опять что-нибудь затѣваете? Негорскій сказалъ мнѣ вскользь, что одной лошади мало; что для успѣха побѣга нужна лошадь для каждаго изъ участниковъ. Значитъ, нужны четыре лошади. Нужно пытаться добыть ихъ именно столько... Въ крайнемъ случаѣ двѣ, три лошади... Всетаки это лучше чѣмъ одна. Говорятъ про васъ, Красусскій, и про Александрова, что вы прекрасные ходоки и справляетесь прекрасно въ лѣсу и безъ лошадей. Я скажу мужу, чтобы онъ лошади не продавалъ... на всякій случай. Мнѣ кажется, что вы ни въ какомъ уже случаѣ не сдадитесь!?

Она разсмѣялась.

— Еслибъ я была такъ сильна и вынослива, какъ вы, или еслибъ у меня были крылья, полетѣла бы я, повѣрьте мнѣ, и всѣхъ бы съ собою захватила!

— Вы... очень добры!—отвѣтилъ Красускій съ замѣтной грустью въ голосѣ.—Вы угадали: я долженъ бѣжать, и я убѣгу непремѣнно. Для меня нѣтъ другого исхода... Но я не могу воспользоваться этой лошадью!

— Почему же? Вотъ видите, какой вы нехорошій! Я удивляюсь: съ какихъ это поръ вы получили такое отвращеніе къ этому животному, вѣдь оно вамъ раньше нравилось. Лошадь, по справедливости, ничья. Она принадлежитъ желающимъ бѣжать. Что съ того, что мы за нее уплатили? Вѣдь мы уплатили за нее деньгами, пріобрѣтенными нами безъ всякаго труда. Вы вернетесь къ людямъ и сторицею вернете имъ эти деньги, работая для осво-

божденія всѣхъ... Господи, сколько великихъ словъ по такому ничтожному поводу! И такъ рѣшено! Я скажу мужу, чтобы онъ не продавалъ лошади. Онъ бы и такъ не сталъ ее продавать, еслибъ не то̀, что онъ хочетъ держаться внѣ малѣйшихъ подозрѣній и... приключеній. Онъ надѣется, что ему сократятъ срокъ...

Она вздохнула и задумалась. Они молча двигались нѣкоторое время.

— До свиданія! Благодарю васъ. Вотъ поворотъ здѣсь... Вотъ дорожка въ кузницу, да и къ намъ отсюда недалеко.

Она крѣпко и длительно пожала ему руку.

— Пусть Артемій Павловичъ поступитъ по своему. Пусть не стѣсняется сдѣланными намъ обѣщаніями. Я совѣтую лошадь продать, но... не сейчасъ. Пока еще лошадь нужна Яну. Онъ возитъ на ней сѣно. Покупатель на эту лошадь всегда найдется, лошадь хороша, и даже очень хороша. Худо только одно, что мы сказали, что она ваша: въ случаѣ чего—полиція можетъ придраться къ вамъ. Поэтому я рѣшительно совѣтую лошадь погодя продать...

Они разговаривали нѣкоторое время, стоя на перекресткѣ дорогъ; затѣмъ Красусскій попрощался съ Аркановой, и молодая женщина ушла по направленію къ своему дому, но вскорѣ Красусскій опять нагналъ ее.

— Пусть Артемій Павловичъ непремѣнно продастъ лошадь, пусть продастъ ее завтра же!.. Я раздумалъ... Пусть продастъ немедленно! Мы не возьмемъ ни денегъ, ни лошади!..

И раньше, чѣмъ она успѣла спросить, что все это значитъ, онъ поклонился и исчезъ въ темнотѣ. Евгенія задумчиво вошла на крыльцо своего дома. Отсырѣвшія двери беззвучно обернулись на петляхъ. Аркановъ сидѣлъ въ креслахъ у стола, гдѣ всегда занимался, писалъ и читалъ. Отекшая сальная свѣча отбрасывала слабый желтый свѣтъ на груды книгъ и бумагъ. Съ лѣвой его стороны, подъ стѣной, помѣщался Самуилъ, а съ правой—Черевинъ.

— Извините, я забылъ, что вы находитесь въ творческомъ періодѣ, и что васъ въ настоящее время интересуетъ исключительно... статистика.

Аркановъ сдвинулъ брови.

— Я васъ не понимаю. Когда же это я исповѣдывался вамъ, что̀ меня интересуетъ, а что нѣтъ? Могу васъ увѣрить, что мои убѣжденія не такъ легко мѣняются, какъ, повидимому, здѣсь къ этому привыкли, но... всякому овощу свое время!

— Именно. Обстоятельства складываются такъ, что теперь

изъ всѣхъ дѣйствій самое подходящее... умноженіе. И, кажется вы, Артемій Павловичъ, дѣлаете въ этомъ направленіи все возможное. Жена ваша сильно похудѣла...—разсмѣялся Черевинъ.

Аркановъ брезгливо улыбнулся, собираясь отвѣтить, но замѣтилъ жену, и разговоръ оборвался.

— Наконецъ-то! Что такъ долго?!

Молодая женщина, задѣтая шуткой доктора, не отвѣчала и, здороваясь, не взглянула на Черевина.

— Барыня чего-то сердита! А между тѣмъ, самоваръ кипитъ, все есть, все готово... Супругъ собственноручно его поставилъ. Осталось заварить чай и дать народамъ что-либо закусить...

Евгенія зажгла свѣчку и ушла внутрь дома. Самуилъ всталъ и пошелъ за ней.

— Позвольте, Евгенія Ивановна, помочь вамъ, дайте свѣчку!

— Благодарю. Не безпокойтесь!

— Я только что вернулся отъ исправника!—добавилъ тихо Самуилъ.

— И что же?.. Онъ спрашивалъ о лошади?

— Именно. Онъ спрашивалъ: правда ли, что вы уже продали лошадь якуту, такъ какъ онъ самъ желалъ пріобрѣсти ее... Вы только вникните, какая это хитрая штука!.. Удивительно тонко! Лошадь ему вѣдь совсѣмъ не нужна, ихъ у него двѣ... Я думаю, что и якутъ подставной, и все прочее... Тамъ что-то подозрѣваютъ, тамъ неспокойны и все это устроено съ цѣлью выпытать истину и отобрать лошадь...

— Что же на это Артемій? Вы ему говорили?..

— Я отвѣтилъ, что лошадь продана!..—крикнулъ изъ другой комнаты Аркановъ.

— Лошадь нужна еще Яну. Онъ возитъ теперь сѣно. Онъ почти годъ присматривалъ за лошадью, и я нахожу неудобнымъ отымать ее у него именно теперь. Пусть бы пользовался ею до весны!

— Предпочитаю дать ему нѣсколько рублей на наемъ другой, чѣмъ ждать, пока эту у насъ конфискуютъ и, вдобавокъ, придерутся еще къ намъ. Я увѣренъ, что полиція пронюхала истину, и вотъ-вотъ возбуждено будетъ слѣдствіе. Къ тому же, наши донкихоты оказались настолько остроумны, что объявили, что лошадь принадлежитъ намъ...

— Это дѣйствительно неосторожный поступокъ,—согласился Черевинъ.

Евгенія съ гнѣвомъ поставила чашку на столъ.

— Вы всегда стараетесь напугать моего мужа! Откуда

сейчасъ слѣдствіе? Всѣ поднадзорные на мѣстахъ, никто ихъ не видѣлъ въ горахъ... Все не больше какъ досужія догадки!.. На догадки и сплетни нѣтъ лѣкарства!.. Чѣмъ больше на нихъ обращаешь вниманія, тѣмъ онѣ становятся назойливѣе... Когда мы достигнемъ желательной для васъ степени осторожности и прозорливости, мы будемъ пугаться собственной тѣни... Все малодушно и неосновательно!.. Нервы и только...

— Не понимаю... Про какую такую „осторожность“ говоришь ты, Женя?! Никогда трусомъ я не былъ, и ты не вправѣ говорить мнѣ такія вещи!..—вспыхнулъ Аркановъ. — Я согласенъ рисковать, когда нужно, но не ради чьихъ-либо фантазій, не ради романтическихъ parties de plaisir... на это я не согласенъ. „Я здѣсь тоскую, я такъ тоскую по родинѣ, что, ахъ, не могу дольше выдержать и сдѣлаю глупость, а другіе пусть меня съ опасностью жизни выручаютъ... Это всетаки занятнѣе, чѣмъ здѣсь гнить въ бездѣйствіи...“—заговорилъ Аркановъ, забавно подражая голосу Негорскаго.

— Могу васъ увѣрить, господа, что солоно бы пришлось намъ, еслибъ ихъ поймали въ бѣгахъ или еслибъ они благополучно ушли. Судя по тому, до чего доходилъ наканунѣ ихъ возвращенія этотъ наглецъ Козловъ...

— Объ этомъ Козловѣ я разскажу вамъ, господа, удивительный анекдотъ...—вставилъ Самуилъ, видимо стремясь перевести разговоръ на другую тему.—Вхожу я какъ-то въ полицію и слышу невѣроятный крикъ. Что такое?! Вижу, стоитъ у дверей блѣдный, дрожащій Козловъ, а исправникъ ругаетъ его и грозитъ кулаками. Обычная сцена. Мимо проходитъ Денисовъ съ кипой бумагъ и книгъ. Одна изъ нихъ падаетъ на полъ у ногъ Козлова. Денисовъ наклоняется, чтобы поднять ее. Испуганный Козловъ, который, какъ вы знаете, „эмирячитъ“, моментально ударяетъ что есть мочи межъ лопатокъ Денисова, тотъ летитъ кубаремъ... Козловъ пугается окончательно, истерически корчится, бормочетъ „ду... ду... ду...“ и собирается драться съ самимъ исправникомъ... Тотъ хохочетъ, а съ нимъ вмѣстѣ вся полиція. „Берите его!.. Разстрѣлять!.. Повѣсить!..“—кричитъ помпадуръ, а Козловъ тѣмъ же голосомъ повторяетъ: „Берите его!.. Разстрѣлять!. Повѣсить!..“—„Кого?“ спрашиваетъ исправникъ.—„Кого?“ повторяетъ Козловъ. Словомъ, зрѣлище не хуже, чѣмъ у Таса въ кабакѣ...

— Верхъ комизма приключенія съ здѣшними „эмиряками“!..—заговорилъ Черевинъ.—Нужно наблюдать, напримѣръ, старика Виссаріона. Страстный охотникъ, но послѣ каждаго выстрѣла ружье бросаетъ на землю и въ продолженіе пяти, по крайней мѣрѣ, минутъ ходитъ кру-

гомъ него, вскрикиваетъ и кудахтаетъ, точно курица. Ребятишки толпами за нимъ бѣгаютъ и устраиваютъ кругомъ старика настоящія „тетеревиныя пляски“, а Виссаріонъ посрединѣ прыгаетъ и старается продѣлать то же, что и они...

Пошли разсказы объ „эмирякахъ“. Черевинъ закончилъ ихъ научнымъ объясненіемъ болѣзни и пересказомъ того, что о ней есть въ литературѣ. При этомъ намекнулъ, что и самъ собираетъ по этому вопросу матеріалы, которые надѣется со временемъ обработать.

Хотя нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ не лишены были дѣйствительнаго комизма, Аркановъ замѣтилъ, что грустное лицо жены не прояснилось, и что она ни разу не улыбнулась. Вопреки обычаю, онъ не останавливалъ гостей, когда тѣ собрались уходить, и какъ только они исчезли за дверями, быстро заложилъ крючекъ и, вернувшись, приникъ къ колѣнямъ жены.

— Что же... что же?.. Душа улетѣла?.. Все нѣтъ ея!.. Нѣтъ!.. Королева моя сердится, ненавидитъ меня?! И за что же? Развѣ мы не были паиньками?!. Она приписываетъ намъ разныя нехорошія побужденія, осуждаетъ насъ на долгіе часы одиночества, а мы... ревнивы!.. У насъ сердце щемитъ, когда мы не видимъ ея долго... Никто никогда такъ не будетъ любить ее, какъ мы, вѣрноподданные рабы ея... О, навѣрно, никто!..

Онъ пробовалъ схватить ее за руку и привлечь къ себѣ, но Евгенія отодвинулась въ сторону.

— Ты огорчаешь меня, Артемій, ты не всегда таковъ, какимъ я желала бы видѣть тебя...

Аркановъ поднялся.

— То есть, какимъ именно?

— Я знаю, что ты добръ и... не скупъ, но иногда изъ-за пустяка ты выходишь изъ себя и дѣлаешь больше шума, чѣмъ стоитъ. Ты самъ не замѣчаешь, какъ постепенно дѣлаешься все болѣе и болѣе... осторожнымъ, предусмотрительнымъ, подозрительнымъ... Часто ты теряешь въ этомъ всякую мѣру... Въ то же время ты становишься все болѣе и болѣе самоувѣреннымъ и не позволяешь сдѣлать себѣ малѣйшаго замѣчанія. Я все это вижу, и всякая пылинка на тебѣ заставляетъ меня страдать неимовѣрно. Почему, напримѣръ, ты настаиваешь на продажѣ лошади? Не думаю, чтобы ты придавалъ значеніе глупымъ слухамъ и угрозамъ полиціи. Ты для этого слишкомъ уменъ. Сознайся, что тебѣ просто... жаль шестидесяти рублей. Ты боишься, что намъ не хватитъ, что мы принуждены будемъ отказаться отъ кой-какихъ удобствъ... Конечно, ты тревожишься не изъ-за

себя; я знаю, что ты думаешь о моихъ удобствахъ... Для тебя это мелочи, вѣдь ты переносилъ по тюрьмамъ куда большія лишенія... Тебя мучаетъ мысль обо мнѣ, но... еслибъ ты видѣлъ какая тамъ... нужда?!. Прямо — нищета! Голодъ!..

— Опять просили тебя о чемъ-нибудь? Это, наконецъ, безсовѣстно! Если-бъ они были порядочные люди, то они съ бо̀льшимъ достоинствомъ переносили бы послѣдствія своихъ ошибокъ. А они что же?.. Обобрали Черевина, вогнали въ долги Самуила и Петрова... Дня не проходитъ, чтобы ты имъ чего-нибудь не понесла... Что это?

— Да, вѣдь, они не просятъ... Я сама заставляю ихъ чуть не насильно принимать эти пустяшныя товарищескія услуги.

— Э-э!.. Знаю я: не просятъ, но принимаютъ и... поѣдаютъ!.. Легко геройствовать на чужой счетъ! Весь этотъ побѣгъ не больше, какъ скверная ширма для отвода глазъ... Въ сущности... эксплуатація товарищескихъ чувствъ!..

— Артемій, что ты?.. Подумай! Ты безъ всякаго основанія обвиняешь людей, которыхъ, въ сущности, не знаешь, которыхъ ты даже не пытался узнать! Ты почти не бываешь у нихъ и осуждаешь ихъ такъ сурово... А между тѣмъ, это въ высшей степени благородные, честные люди, огненныя, чуткія души, чистыя сердца!..

— Словомъ—совершенства! Я не хожу туда и ходить не намѣренъ. Пора и тебѣ перестать туда шляться. Негорскій уже здоровъ. Просто неприлично! Дня безъ нихъ прожить не можешь. Хотѣлось бы мнѣ знать, который это изъ нихъ такой... благородный магнитъ?! Или всѣ вмѣстѣ?! Одинъ разлагающійся полумертвецъ, другой верзила молчитъ, куритъ трубку и сплевываетъ... Остается эта прилизанная кукла, полячекъ-подмастерье...

Евгенія встала, губы ея дрожали.

— Никогда я не думала...

— Не думала?.. Прекрасно... За то думалъ я! Прошу васъ съ завтрашняго дня туда безъ меня не ходить. Я предпочитаю, чтобъ вы теперь огорчились и даже рассердились на меня, чѣмъ чтобы дѣло зашло... неисправимо далеко. Да, я убью тогда васъ или себя, или...

Аркановъ возбужденно зашагалъ по комнатѣ. Евгенія отвернулась къ окну. Далеко въ темнотѣ, по ту сторону озера, мерцалъ огонекъ. Евгенія безъ труда узнала свѣтъ въ мастерской Красусскаго.

Благородное, энергичное лицо юноши, склонившееся надъ верстакомъ, невольно всплыло передъ ней.—„Прилизанная кукла, полячекъ-подматерье!..“ вспомнила съ горечью слова

мужа и вдругъ почувствовала, какъ между ея прошлымъ, настоящимъ и будущимъ разверзается какая-то ужасная, туманная бездна...

— Послушай, Артя!..—рванулась она въ испугѣ къ мужу.—Зачѣмъ ты сказалъ все это? Зачѣмъ? Зачѣмъ терзаешь себя и меня?! Кому это нужно? Развѣ я дала тебѣ для этого малѣйшій поводъ? Скажи, зачѣмъ это, зачѣмъ?!

— Не знаю!.. — отвѣтилъ Аркановъ съ подавленнымъ страданіемъ.

Она молча прошлась по комнатѣ; теперь онъ сталъ на ея мѣсто у окна.

— Артя!—проговорила, наконецъ, она тихо, приближаясь къ нему.—Мнѣ не страшно изгнаніе, холодъ, голодъ, нужда... Меня пугали всѣмъ этимъ, когда я собиралась ѣхать вслѣдъ за тобою... Я готова на все, на все... Я все раздѣлю съ тобою... только... будь добръ, будь чистъ, будь... какъ раньше!..

— Словомъ, не продавать лошадь?—прервалъ ее шутливо Аркановъ. — Ну, пусть останется, пусть останется, проклятая... Только ты успокойся, милая, золотая моя!..

Онъ сталъ передъ ней на колѣни, обнялъ ее, цѣловалъ и ласкалъ. Она противилась, пока не замѣтила страданія въ его взглядѣ, тогда она склонилась къ нему, и слезы ихъ смѣшались вмѣстѣ.

Когда мужъ уснулъ, и она осталась одна со своими мыслями, усталая и обезсилѣвшая, ее охватило неожиданно чувство глубокаго стыда и униженія.

— Это уже второй разъ! Я чувствую, что такимъ образомъ ничто не измѣнится. Что же дѣлать? Какъ быть?!. — спрашивала она сама себя, погружаясь въ тяжелый, безпокойный сонъ.

II.

Лошадь не была продана. Аркановъ объяснилъ покупателямъ, что они ошиблись, что лошадь принадлежитъ не ему, и отослалъ ихъ къ Александрову. Исправникъ не рѣшился послѣдовать этому совѣту, и все дѣло затихло.

Евгенія Ивановна перестала посѣщать товарищей. Въ замѣнъ явился у нихъ разъ и другой Артемій Павловичъ и любезно пригласилъ ихъ всѣхъ заходить кой-когда къ нимъ пить чай.

— У насъ удобнѣе собираться. У насъ квартира больше и самоваръ объемистѣе!—объяснялъ онъ.

Александровъ сходилъ нѣсколько разъ къ Аркановымъ;

Негорскій привыкъ къ этимъ вечеринкамъ и посѣщалъ ихъ довольно усердно; Самуилъ затащилъ туда даже Воронина, который послѣ побѣга вновь зачудилъ, пересталъ мыться, причесываться и, босой, полу-одѣтый, проводилъ время, лежа въ полутьмѣ на своей кровати, гдѣ онъ спалъ или читалъ въ перемежку. Чтобы пойти на вечеринку, ему пришлось одѣться, что онъ сдѣлалъ съ большой неохотой, подъ сильнымъ давленіемъ своего давнишняго друга. Но въ другой разъ онъ рѣшительно воспротивился всѣмъ покушеніямъ на свое одиночество:

— Зачѣмъ?.. Не пойду!.. Слова, слова, слова!.. Слышалъ я ихъ достаточно!

Не посѣщали Аркановыхъ совершенно Красусскій и Петровъ.

— Не выношу террористовъ!..—рѣзко отвѣтилъ послѣдній Самуилу, когда тотъ спросилъ о причинѣ такого бойкота.— Они толкнули Россію на опасный путь. Они закрыли возможность другой работы. Крикливой, эффектной, поверхностной агитаціей они увлекли людей на ложный путь и сдѣлали ихъ неспособными для серьезной революціонной работы. Они вызвали реакцію и преслѣдованія.. Они губятъ безплодно сотни золотыхъ сердецъ. Я ненавижу ихъ!.. Я не въ состояніи спокойно слушать ихъ доказательствъ... Ихъ теоріи—развратъ ума!..

И онъ долго не ходилъ къ Аркановымъ, но всякій разъ посылалъ Гликсберга и подробно разспрашивалъ его обо всемъ, что происходило на вечеринкахъ. Друзья опять жили вмѣстѣ у того-же казака Якушкина, которому патріотизма хватило едва на два мѣсяца; затѣмъ онъ сдалъ комнатку политическимъ ссыльнымъ, такъ какъ никто другой снять ее не пожелалъ.

Возможно, что подъ вліяніемъ происходившихъ у Аркановыхъ преній, Гликсбергъ незамѣтно сталъ эмансипироваться.

— Знаешь что, Петровъ, дружище, я прихожу къ заключенію, что умѣренная агитація... при умѣлой пропагандѣ... можетъ дать хорошіе результаты. Конечно, основа— пропаганда, но, вѣдь, крайне трудно провести рѣзко границу, гдѣ кончается одна, а гдѣ начинается другая... Скажи мнѣ, напримѣръ: расклейка прокламаціи будетъ ли агитаціей или пропагандой? Я думаю, что умѣренная, повторяю— умѣрен-ная...

— У-мѣ-рен-на-я... Думаешь?.. Ну и думай! — отрѣзалъ Петровъ, отвернулся отъ друга и весь день рта не раскрывалъ.

Въ тотъ вечеръ Гликсбергъ не пошелъ къ Аркановымъ,

но, такъ какъ твердый другъ его и на слѣдующій день не разговаривалъ съ нимъ, то на третій день мягкій Гликсбергъ поддался искушенію и въ сумерки исчезъ вмѣстѣ съ Самуиломъ.

— Ведемъ пропаганду и агитацію въ самомъ вражескомъ станѣ и, повидимому, съ хорошимъ результатомъ...—сообщалъ таинственно Самуилъ Негорскому.—Вотъ выйдетъ штука, когда Гликсбергъ проснется въ одно прекрасное утро вполнѣ опредѣлившимся террористомъ и скажетъ это Петрову, какъ подобаетъ честному товарищу. Зрѣлище достойное созерцанія! Къ тому идетъ! Бѣдняга Гликсбергъ принужденъ слушать Арканова, такъ какъ онъ влюбленъ въ его жену. Въ спорахъ по тому же поводу принужденъ уступать ему, соглашаться, а вслѣдъ за согласіемъ идетъ... убѣжденіе. Самъ я слышалъ, какъ онъ вчера сознавался прекрасной нашей Цирцеѣ, что даже у Маркса, Спенсера, Милля, Лассаля, Конта, Дюринга, Канта и многихъ прочихъ соціологовъ, экономистовъ и философовъ можно найти вѣрныя доказательства въ пользу... террора! Конечно... въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ...

— А онъ, безъ шутокъ, влюбленъ? Бѣдняга!... Откуда ты знаешь это?

— О, у меня на этотъ счетъ рысьи глаза! А ты развѣ не влюбленъ въ нее?

— Я?.. Нѣтъ!.. — отвѣтилъ серіозно Негорскій. — Всѣ вы рехнулись. И чѣмъ все это только кончится? Хотѣлъ бы я знать!..

— Для нѣкоторыхъ это окончится... нѣсколькими сонетами!—съ кривой усмѣшкой отвѣтилъ Самуилъ.—Но „Иностранныя Державы“ лопнутъ, и лопнутъ... многіе разсчеты и планы. Докторъ превратится въ еще болѣе умѣреннаго опортуниста... и такъ далѣе.. Вообще, намъ угрожаетъ революція. Я ничего противъ этого не имѣю. Такая скучища, что съ отчаянія и дебошъ учинить можно, и влюбиться можно. Женщина хороша собой, нѣжная, чуткая, поэтическая, какъ лунный свѣтъ, какъ запахъ цвѣтущаго жасмина... Я, не размышляя, отдалъ бы годъ жизни за маленькую вѣточку этого цвѣтка...

Негорскій не отвѣтилъ. Онъ глядѣлъ впередъ задумчиво, не замѣчая ничего кругомъ и всматриваясь въ нѣчто, невидимое другимъ.

— Я уже не... мечтаю. Я—живой мертвецъ и Воронинъ тоже...

Прошло нѣсколько дней. Не смотря на то, что Петровъ опять сталъ разговаривать съ другомъ, Гликсбергъ не разсказывалъ ему больше подробностей о вечерахъ у Арка-

новыхъ и возвращался оттуда съ особенно таинственнымъ и многозначительнымъ видомъ. Обезпокоенный этимъ, глава союза не выдержалъ, и однажды вечеромъ, когда собравшіеся у Аркановыхъ весело болтали, распивая чаекъ, двери неожиданно открылись, и на порогѣ появился высокій, тощій, по-мужицки въ скобку подстриженный Петровъ. Онъ поклонился присутствующимъ и снялъ запотѣвшіе отъ холода очки. Хозяинъ и хозяйка поднялись и подошли къ гостю.

— Наконецъ-то и вы удосужились!.. Здравствуйте! Милости просимъ сюда... Вы сегодня герой вечера!..

„Герой“ былъ немного смущенъ и нервно поглаживалъ свою козлиную бородку. Онъ не глядѣлъ ни на Самуила, ни на Гликсберга и все откашливался, какъ бы готовясь излить немедленно свое негодованіе, ради чего, собственно, и пришелъ.

Но оппозиціонное настроеніе его выразилось исключительно въ этомъ покашливаніи, такъ какъ Аркановъ мгновенно прозрѣлъ его намѣренія и все время помалкивалъ, глядя на гостя смѣющимися глазами. Петрова смущали и сердили эти пронизывающіе взгляды и онъ, по всей вѣроятности, не утерпѣлъ бы и вспылилъ по самому нелѣпому поводу, еслибъ не Арканова, которая, желая уничтожить общую неловкость и напряженность, обратилась умоляюще къ Самуилу:

— Скажите намъ что-нибудь, прочтите ваши послѣдніе стихи... Вѣдь вы обѣщали!

— Ничего я не обѣщалъ, я не помню своихъ обѣщаній...—защищался Самуилъ.

— Обѣщалъ, обѣщалъ... не увиливай!—вмѣшался Негорскій.

— Если такъ, то придется согласиться... Разъ всѣ противъ меня, значитъ—у васъ есть свидѣтели, а у меня ихъ нѣтъ!

Самуилъ отошелъ въ уголъ, оперся плечомъ о стѣнку, подумалъ и вдругъ, вмѣсто обѣщанныхъ стиховъ, запѣлъ мягкимъ, груднымъ голосомъ:

От Севильи до Гренады
Льются пѣсни, серенады...
Кровь струится и напѣвъ
Подъ окномъ у нѣжныхъ дѣвъ...
„Приходи ты день великій,
„Заря новыхъ, ясныхъ дней!
„Пусть польются для свободы,
„Какъ лилися для любви,

„Ваша пѣснь и кровь!
„Мы къ цѣпямъ уже привыкли.
„Побѣдила нась судьба,
„Жаль намъ пѣсенъ для любви,
„Жаль намъ жизни для свободы,
„Все вѣдь тлѣнъ и плѣсень!

Грустный напѣвъ давно оборвался, а слушатели продолжали сидѣть неподвижно въ глубокомъ раздумьи. Первымъ поднялся Аркановъ, прошелъ съ опущенной на грудь львиной головой и проговорилъ съ театральнымъ жестомъ:

— Нѣтъ! Не такъ ужъ все худо!.. Мы еще въ состояніи отдать за свободу жизнь!..

Никто ему не отвѣтилъ, но настроеніе было нарушено, и по угламъ поднялись шепотъ и разговоры. Петрова, который давно не слышалъ пѣнія и не находился въ столь многолюдномъ обществѣ, охватило сильное волненіе, у него щекотало въ горлѣ, и слезы то и дѣло навертывались на глаза. Онъ не въ силахъ былъ теперь ненавидѣть даже „разбойниковъ-террористовъ“, онъ привсталъ и, послѣ маленькой запинки, проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Господа, прошу минуту вниманія...

— Тише... Петровъ говоритъ... Слушайте..

— Господа, товарищи!.. Общій врагъ преслѣдуетъ насъ, объединяютъ насъ страданія... въ этомъ забытомъ Богомъ углу... Словомъ, мы люди, объединенные ужасами изгнанія и, къ тому же, лишенные родины, возможности полезно трудиться... находясь въ средѣ, съ которой ничто насъ не связываетъ, гдѣ не хватаетъ самыхъ необходимыхъ элементовъ души... и, наконецъ... того...

Ораторъ вдругъ умолкъ, растерявшись, тщетно стараясь поймать рвущуюся нить разсужденія... И, вмѣсто продолженія рѣчи, онъ сказалъ просто, съ присущей ему дѣтской, милой, застѣнчивой улыбкой.

— Господа, предлагаю, чтобы мы приступили къ выработкѣ такой программы, которая объединила бы всѣ партіи...

— Урра, Петровъ! Молодцы пропагандисты!—раздались апплодисменты, и громче всѣхъ рукоплескали хозяева.

Петровъ поморщился.

— Я предлагаю это, не шутя!

— Конечно, не шутя!—сказала Евгенія, приближаясь къ нему съ дружеской улыбкой.—Всѣмъ сердцемъ поддерживаю ваше предложеніе. Меня давно огорчаетъ странная и грустная рознь, какую я замѣчаю среди ссыльныхъ. Всѣ вѣдь мы братья по духу и страданіямъ...

— О, да!.. Жаль только, что въ... очень общихъ очертаніяхъ.

Поднялись споры, шумъ, среди которыхъ на мгновеніе возвысился голосъ Негорскаго.

— Во всякомъ случаѣ, насъ всѣхъ, несомнѣнно, объединяетъ стремленіе къ свободѣ...

— Настолько, насколько объединяютъ людей сонныя мечтанія! – вставилъ Аркановъ.

— Почему же сонныя мечтанія?

— Это не отвѣтъ... Такимъ образомъ мы ни къ чему не придемъ...

— Раньше всего необходимо выяснить основные принципы...—раздались голоса.

— Извините, господа, но я думалъ, что мы разсуждаемъ о самыхъ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ, общепринятыхъ и дозволяющихъ общаться даже съ Гаврилой Гаврилычемъ...—пытался перекричать другихъ Черевинъ.

— Даже... съ полиціей!—шепнулъ Негорскій.

— Этого я не сказалъ.

— Но... дѣлаю!..—замѣтилъ кто-то изъ угла.

Черевинъ покраснѣлъ.

— Позвольте, если мы начнемъ съ личныхъ нападокъ, то ни къ чему не придемъ. Лучше оставимъ. Неужели вы требуете, чтобы я изъ-за ничтожныхъ причинъ оставилъ практику, больныхъ и госпиталь?..

— Мы ничего не требуемъ. Вы можете продолжать играть въ карты и напиваться съ исправникомъ и другой полицейской шушерой. Прописывайте касторку и другія снадобья, кому вамъ вздумается, дѣйствительнымъ и мнимо-больнымъ... Только насъ вы тоже не осуждайте. Мы думаемъ, что дѣйствительно нуждающіеся въ вашей помощи сами пришли бы къ вамъ, даже если бы вы и не водились съ джурджуйскими ташкентцами. Во всякомъ случаѣ, тѣ непріятности, на которыя вы такъ часто жаловались намъ, ясно указываютъ, къ чему приводитъ всякая непослѣдовательность! — доказывалъ Негорскій.

— Вы ихъ совсѣмъ не знаете. Пальцемъ пошевелить мнѣ они не дадутъ, разъ я порву съ ними сношенія. Всякаго больного, который обратится ко мнѣ, исправникъ посадитъ въ кутузку... Вы разсуждаете, точно маленькія дѣти!

— Мы разсуждаемъ какъ люди, которые пошли въ ссылку, защищая свое человѣческое достоинство.

— Хорошо достоинство: уйти отъ всего, прекратить съ людьми сношенія и скрестить на груди въ бездѣйствіи руки... Легко оставаться безпорочнымъ въ пустынѣ...

— Что-жъ подѣлаешь?! Другой дороги нѣтъ!

Опять зашумѣло, какъ въ тронутомъ ульѣ.

— Позвольте, господа!

— Прошу слова...

— Что такое?!. Все это пустые звуки, безплодные, бездоказательные звуки...

Тщетно взывалъ громкимъ голосомъ Гликсбергъ:

— Господа, господа, потише! Я предлагаю парламентскій режимъ... Пусть каждый говоритъ по очереди, порознь.. Всѣ заразъ—толку не добьемся!

— Прошу слова...

Никто не повиновался. Каждый обращался къ своему ближайшему сосѣду и громко высказывалъ ему свои мнѣнія, а тотъ слушалъ въ это время другого или самъ говорилъ. Мысли, накопившіяся въ минуты продолжительныхъ одинокихъ размышленій, торопились вырваться наружу. Наконецъ, ораторы устали, затихли и принялись искать свои шапки. Программа, объединяющая всѣ партіи, не появилась и въ этотъ разъ. Въ комнатѣ послѣ сходки остался только большой безпорядокъ, много табачнаго дыма въ воздухѣ, много папиросныхъ окурковъ на полу да грязныя чашки отъ чая на столѣ.

Евгенія послѣ ухода гостей принялась немедленно за уборку комнатъ, раскрыла настежь двери въ сѣни, подмела соръ и принялась мыть посуду. Аркановъ ходилъ широкими шагами по комнатѣ.

— Вполнѣ приличный jour-fixe!—проговорилъ, наконецъ, онъ съ легкой усмѣшкой и зѣвнулъ.—Ничуть не хуже столичныхъ. Все налицо: пѣніе, споры, даже... флиртъ! Но все это крайне однообразно, все повторяется: тѣ же шутки, тѣ же словечки, тѣ же разсужденія... Тощая, безплодная фразеологія!.. Развѣ что Петровъ внесетъ на нѣкоторое время разнообразіе! Одна надежда на него. Всѣ уже были, не отъ кого ждать спасенія... Воронинъ больше не явится, онъ не проститъ намъ, что по нашей винѣ ему пришлось умыться...—Про Красусскаго Аркановъ умышленно не вспомнилъ и испытующе взглянулъ на жену. Лицо Евгеніи оставалось такъ же грустнымъ и спокойнымъ. Тогда онъ подошелъ къ ней, взялъ ее за талію и повелъ гулять по комнатѣ.

„Все вѣдь тлѣнъ и плѣсень...“

пропѣлъ онъ тихонько. — Знаешь, Женя, я одного теперь страшно желаю, — ребенка. И правду сказать не столько для себя, сколько для тебя. У меня есть трудъ, есть наука. Когда я погружаюсь въ мои книги, спокойствіе

нисходитъ на меня. Въ тюрьмѣ или въ ссылкѣ, вездѣ научныя изслѣдованія сохраняютъ свою силу, свою прелесть... Отъ нихъ вѣетъ чѣмъ-то чистымъ, возвышеннымъ, далекимъ отъ будничныхъ мелочей...

Евгенія мягко отвела его руку. Онъ былъ такъ занятъ своими разсужденіями, что не замѣтилъ ея движенія. Онъ остановился у стула, положилъ руку на его спинку и продолжалъ увѣренно:

— Негорскій подтруниваетъ, что я избралъ для моихъ изслѣдованій статистику. Между тѣмъ, убѣдительнѣе всего говорятъ цифры...

— Онъ подтруниваетъ не надъ статистикой, а надъ тѣмъ, что въ Джурджуѣ вообще ничѣмъ серьезно заниматься нельзя.

— Я отказываюсь понимать это!.. Почему же? Я выписалъ много сочиненій. Я намѣренъ учиться, намѣренъ ковать оружіе, чтобы современемъ пойти въ бой во всеоружіи. Возможно, что намъ придется здѣсь прожить годы, въ виду этого нужно подумать, чѣмъ бы полезно заполнить время. Тяжесть у меня свалилась бы съ сердца, если бы у насъ были дѣти. Я буду все время занятъ и боюсь, что ты будешь чувствовать себя одиноко...

— Я понимаю тебя, Артя...—отвѣтила со вздохомъ Евгенія,—но ребенокъ въ этихъ условіяхъ.. его появленіе угрожаетъ большой опасностью... Возможно, что я бы осталась здѣсь навсегда...

Она взглянула на него своими большими, синими глазами. Онъ не далъ ей окончить и закрылъ ротъ поцѣлуемъ.

— А я такъ страстно желаю... вернуться на родину... хотя бы современемъ, когда-нибудь... послѣ долгихъ лѣтъ...—добавила она шепотомъ, тихимъ, какъ вздохъ.

III.

Ненастье окончилось, и наступили сухіе, ясные, холодные дни второй половины осени. Болота покрылись тонкой пленкой льда, на озерахъ подмерзали берега. За ночь бѣлый иней выцвѣталъ на землѣ, точно первый отдаленный знакъ идущей зимы. Подъ холоднымъ ея дыханіемъ сочная, однообразная до сихъ поръ зелень тайги нарушилась и обнаружила все богатство своихъ оттѣнковъ, исподволь превращаясь въ золото, кораллъ и кровь осенняго листопада. Медовый запахъ заструился изъ вянущихъ луговъ, рощъ и лѣсовъ, въ тѣни деревьевъ запахло виномъ, спѣлыми ягодами и влажными лишайниками. Комары и мош-

кара исчезли, въ воздухѣ носились вездѣ длинныя, серебристыя нити паутинъ „бабьяго лѣта". Земля подсыхала, съежились порыжѣлыя травы, и тамъ и сямъ изъ-подъ нихъ проглянули узкія, твердыя тропиночки, точно жилы и мышцы, выступающія подъ засыхающей старческой кожей.

Пришло время прогулокъ по окрестностямъ, и джурджуйскіе обыватели спѣшили имъ воспользоваться. Красусскій ежедневно видѣлъ изъ окна своей мастерской джурджуйскихъ дамъ, въ сопровожденіи своихъ мужей или въ обществѣ подругъ идущихъ къ рѣкѣ—обычному мѣсту прогулокъ высшаго джурджуйскаго свѣта. Иногда онѣ направлялись туда однѣ, вмѣстѣ съ маленькими прислужницами, исполняющими роль испанскихъ „дуэній". Тогда любопытные сосѣди обязательно подсматривали за ними, надѣясь гдѣ-нибудь подмѣтить кавалера, направляющагося въ то же мѣсто по другой дорогѣ.

Красусскій тоскливо глядѣлъ въ голубую даль, гдѣ блестѣли синія озера. Но уйти туда ему нельзя было: приближался осенній перелетъ птицы, и держала его въ мастерской напряженная работа, починка вѣчно испорченныхъ джурджуйскихъ ружей. Приходилось работать усиленно, въ виду краткости срока работъ и необходимости заработать за это время возможно больше. Съ концомъ перелета изломанныя ружья прятались жителями въ амбары до будущаго года.

Въ томъ только случаѣ, когда Красусскій невзначай встрѣчался съ Евгеніей, онъ, не смотря на работу, на нѣкоторое время уходилъ съ ружьемъ въ тайгу. Онъ чувствовалъ тогда необоримую потребность утомленія, потребность подышать чистымъ воздухомъ лѣсовъ, освѣжиться новыми впечатлѣніями, чтобы удержать волненіе, угрожавшее вновь подняться въ его душѣ.

— Я былъ страшно неостороженъ, я былъ непростительно неостороженъ... Что же мнѣ теперь дѣлать!?—спрашивалъ онъ самъ себя, стараясь инстинктивно избѣгать всего, что могло бы ему напомнить дорогое лицо. Но онъ замѣчалъ его вездѣ: красные плоды шиповника напоминали ему губы, голубое небо—глаза, колеблемые вѣтромъ стволы стройныхъ березъ—гибкій станъ. Тѣмъ не менѣе, юношѣ было лучше въ лѣсу, чѣмъ среди людей. Часто ночью онъ по долгу просиживалъ надъ озеромъ съ ружьемъ на колѣняхъ, дожидаясь перелета утокъ. Красный отблескъ зари потухалъ медленно на черной поверхности воды, звѣзды зажигались въ ея глубинѣ, а кругомъ сторожили берега черные силуэты деревьевъ и кустовъ да черная лента чащи. Красусскій прислушивался къ замирающимъ голосамъ земли, къ сухому шуму ситниковъ которые шелестили въ порывахъ вѣтерка, точно

кто-то невидимый, читая старую, огромную книгу, вздыхалъ и перелистывалъ засохшія ея листы. Исподволь всѣ мятежныя думы и желанія замирали въ его душѣ, онъ погружался въ тихій, ровный полу-сонъ, полу-бдѣніе...

Мракъ густѣлъ, безслѣдно поглощая все кругомъ, и только разсыпанные въ безпредѣльномъ пространствѣ сонмы звѣздъ блѣдно мерцали въ высотѣ...

— Такъ пройдетъ вся моя жизнь... Затѣмъ превращусь въ старую, засохшую мумію!..—шепталъ юноша, очнувшись, и отправлялся, не торопясь, въ свою пустую юрту.

Однажды вечеромъ онъ повстрѣчался съ товарищами, которые вышли полюбоваться рѣкой въ лунномъ освѣщеніи. Онъ пробовалъ пройти не замѣченнымъ, но они обступили его и позвали съ собою.

— Не будь чудакомъ! Иди!.. Разведемъ костеръ, испечемъ картошки, приготовимъ шашлыкъ...

Красусскій уступилъ. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ во время побѣга переправлялись за рѣку, ссыльные сложили и зажгли большой костеръ. Мусья, Черевинъ, Самуилъ, Гликсбергъ, Петровъ, даже Аркановъ пробовали прыгать черезъ огонь, какъ это принято въ ночь на Ивана Купалу. Евгенія смѣялась и хлопала въ ладони, когда они при неудачномъ прыжкѣ попадали въ дымъ, чихали и обжигали себѣ бороды и усы. Красусскій не принималъ сначала участія въ играхъ; ему было непріятно хвастать передъ этими „горожанами" своей ловкостью и силой. Но „Иностранныя Державы" не отставали отъ него.

— Да прыгни же!.. Покажи, какъ это слѣдуетъ дѣлать!..

И юноша прыгнулъ, и ему было лестно, что Евгенія вдругъ перестала смѣяться.

Александровъ все время лежалъ, вытянувшись на пескѣ, жмурилъ глаза и тянулъ трубочку; Негорскій задумчиво глядѣлъ въ огонь и, казалось, не замѣчалъ, что происходило кругомъ.

— О чемъ же?.. Все о томъ же? Оставьте!.. Живите просто, какъ всѣ, какъ мы...—обратился къ нему Черевинъ.

Негорскій болѣзненно улыбнулся.

— Я могъ бы отвѣтить вамъ тѣмъ же: забудьте, ктò вы, и живите, какъ я...

— Опять споры! Кто сегодня осмѣлится серьезные поднимать вопросы, тотъ не получитъ картошки!

— Вполнѣ правильно!.. Не давать имъ картошки!..—шаловливо кричали присутствующіе.

— Вотъ вы, очевидно, не особенно занимаетесь теоріями... Вы крѣпки, дѣятельны и прыгаете, какъ олень. О вашей силѣ тоже разсказываютъ чудеса. Вы берете жизнь, какъ

она есть, и не смущаете себя разсужденіями. Счастливецъ!..— хитро восхвалялъ Красусскаго Аркановъ.—Почему же это вы никогда не заходите къ намъ? Заходите. На дняхъ я собираюсь прочесть мой рефератъ о законахъ параллелизма, проявляющихся въ соціологическихъ явленіяхъ, и о теоріи волнъ...

— Хорошо, приду,— пробурчалъ Красусскій и сталъ на колѣни рядомъ съ Евгеніей, чтобы пособить ей рѣзать на куски мясо для шашлыка.

До поздней ночи гуляли, веселились и пѣли пѣсни надъ рѣкой политическіе ссыльные. Голоса ихъ то порознь, то хоромъ долго смѣшивались съ плескомъ рѣки, съ потрескиваніемъ костра и шумомъ лѣсовъ... Долго неслись они въ даль, гдѣ на сонныхъ струяхъ обмелѣвшаго Джурджуя нѣжное сіяніе луны отбрасывало дрожащую серебристую дорожку, и холодные туманы нависали у темныхъ обрывистыхъ береговъ.

IV.

Нѣсколько дней спустя Аркановъ объявилъ товарищамъ, что вечеромъ будетъ читать рефератъ, и просилъ ихъ всѣхъ пожаловать пораньше.

Красусскій, хотя и обѣщалъ, что придетъ, не особенно торопился. Сумерки наполнили собой его комнатку и мастерскую; ярко сіялъ четырехъугольникъ окна, полный луннаго свѣта. Красусскій нарочно не зажегъ свѣчи, чтобы не привлечь кого-нибудь изъ проходящихъ мимо товарищей. Онъ тихонько лежалъ на кровати, подсмѣиваясь въ душѣ надъ своей выдумкой, увѣренный, что ему удастся обойти друзей и „не почтить своимъ присутствіемъ торжественнаго выхода авгура". Вдругъ двери стукнули, и загремѣлъ голосъ Негорскаго.

— Что же это, Красусскій? Ты не собираешься? Аркановъ готовъ подумать, что ты боишься его иностранныхъ словъ. Ты долженъ пойти! Сегодня не обычное собраніе какъ всегда, а особенное!.. Будетъ бой, будемъ воевать!.. Я бы очень желалъ, чтобы ты при этомъ присутствовалъ. Къ намъ, „крайнимъ", начинаютъ относиться пренебрежительно... А относительно тебя этотъ господинъ полагаетъ, что, разъ ты говоришь мало, то совсѣмъ не думаешь...

— Пусть полагаетъ!..

— Совсѣмъ нѣтъ! Если-бъ дѣло касалось исключительно твоего самолюбія, ты бы въ правѣ былъ поступить, какъ тебѣ угодно; но здѣсь разыгрывается куда болѣе крупная ставка...

Ты въ послѣднее время устранился совершенно отъ нашей жизни и ничего не знаешь о происшедшихъ въ ней измѣненіяхъ. Этотъ свѣже-пріѣзжій баринъ совмѣстно съ Черевинымъ образовали нѣчто въ родѣ дуумвирата, выработали программу „сохраненія силъ“ и, ради великаго будущаго, пропагандируютъ сближеніе съ джурджуйскими обывателями, т. е. съ полиціей, съ кулаками, взяточниками и прочими мерзавцами... со всѣми тѣми, съ кѣмъ мы до сихъ поръ боролись. Они толкуютъ о неизбѣжности формальныхъ уступокъ, объ „игрѣ въ карты“ ради... хорошихъ отношеній, о „выпивкахъ“ ради высшихъ идейныхъ соображеній, о „трудѣ“ ради проведенія своихъ взглядовъ въ жизнь, т. е. о торговлѣ съ туземцами, такъ какъ кромѣ огорода и мастерской, какіе у насъ уже есть, я никакъ не могу сообразить, чѣмъ больше мы здѣсь заняться можемъ. Если-бъ не сопротивленіе Аркановой они давнымъ, давно провели бы на практикѣ свои проекты. Такъ какъ прямо имъ сломить ее не удалось, то они хотятъ это сдѣлать косвенно,—оставить ее въ меньшинствѣ. Теперь подбираютъ себѣ сторонниковъ, пробуютъ вызвать пренія, разсчитывая побить насъ въ теоріи на голову и сдѣлать смѣшными въ глазахъ этой женщины... Все, въ сущности, изъ-за нея!.. Но все это вздоръ! До сихъ поръ я слегка съ ними спорилъ, присматриваясь къ ихъ игрѣ и стараясь угадать, что все это значитъ, сегодня я дамъ имъ рѣшительное сраженіе... Ты долженъ присутствовать! Зайдемъ за Воронинымъ. Какъ ни какъ, мнѣ будетъ пріятнѣе, и... и у меня будетъ много больше остроумія и задора, когда я буду чувствовать васъ рядомъ съ собою... Пойдемъ, дружище, къ Воронину. Можетъ быть и онъ расшевелится отъ этихъ преній... Можетъ быть, и для всей нашей колоніи это будетъ началомъ конца. Можетъ быть, опять заживемъ, зашевелимся, заволнуемся... Ахъ, какъ необходимо, какъ страшно необходимо намъ что-нибудь такое, что расшевелило бы насъ. Мы засыпаемъ, насъ давитъ кошмаръ будничныхъ и пошлыхъ чувствъ и дѣлишекъ. Мы погружаемся въ губительный, мертвящій, изсушающій сонъ. Мы живемъ жизнью мелкой, противной намъ всѣмъ, мы глупѣемъ... Нѣтъ, право, собирайся, идемъ!.. Развѣ ты не чувствуешь, что все, что мы дѣлаемъ здѣсь въ ссылкѣ, недостойно насъ, ниже насъ!..

Онъ чуть ли не за руку вывелъ на улицу Красусскаго и то же самое сдѣлалъ съ Воронинымъ.

Когда они втроемъ вошли въ квартиру Аркановыхъ, Аркадій Павловичъ уже читалъ свой рефератъ. Онъ пріостановилъ чтеніе и, не двигаясь съ мѣста, ждалъ терпѣливо, пока не утихли голоса, шорохъ платьевъ и движеніе стуль-

евъ. Прибывшіе оскорбили его своимъ опозданіемъ, и онъ неохотно вкратцѣ повторилъ начало доклада.

Читалъ Аркановъ хорошо, спокойно, внятно, немного однообразно, былъ очень чутокъ къ малѣйшему звуку или движенію своихъ слушателей, сейчасъ подымалъ вверхъ голову и ждалъ, молча. Когда Арканова вышла на цыпочкахъ въ сосѣднюю комнату, чтобы налить по стакану чаю вновь прибывшимъ, Аркановъ позвалъ ее безцеремонно:

— Женя, ты, вижу, совсѣмъ не слушаешь!..

— Да нѣтъ же!.. Я здѣсь слышу прекрасно...

Самуилъ взглянулъ насмѣшливо на сидѣвшаго рядомъ Негорскаго.

— Развѣ станешь возражать? По моему, его бы слѣдовало убить молчаніемъ. Преніями ты убьешь насъ всѣхъ, мы уснемъ вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ... — написалъ онъ ему на кусочкѣ бумаги. Негорскій кивнулъ головой и слушалъ дальше все съ тѣмъ же не ослабѣвающимъ вниманіемъ, слѣдилъ за цифрами, изреченіями, цитатами, разсужденіями, которыя лились обильной струей. Всего тамъ было понемногу: физики, химіи, даже геологіи и астрономіи. Теорія волнообразныхъ колебаній проплывала по извѣстной классификаціи наукъ черезъ всѣ отрасли знанія, чтобы въ концѣ концовъ черезъ біологію и психологію проникнуть въ соціологію... Путь былъ длиненъ, труденъ и... извилистъ. Самуилъ чертилъ на бумагѣ фигурки, Петровъ съ трудомъ подавлялъ зѣвки, Гликсбергъ смущенно игралъ часовой цѣпочкой, Черевинъ безпокойно поглаживалъ бороду, Мусья спалъ, склонившись на руку. Всѣ вздохнули и дружно поднялись когда Аркановъ перевернулъ послѣднюю страницу.

— Господа, прежде всего прошу васъ поужинать!..—обратилась къ нимъ Евгенія.

Гости окружили приготовленный въ сторонкѣ столъ и принялись молча ѣсть.

— Такъ... какъ же?—спросилъ послѣ нѣкотораго молчанія Аркановъ.

— Очень недурно. Я бы одно только лишь замѣтилъ: цитаты...—началъ было Глигсбергъ.

— Что... цитаты?

— Мало... разнообразны.

Присутствующіе громко разсмѣялись. Гликсбергъ обидѣлся.

— Чего смѣетесь?.. Именно были пропущены многіе серьезные авторы...

Аркановъ пренебрежительно повелъ плечами.

— Напримѣръ, кто?

— Хотя бы... Кантъ.

— Не безпокойтесь, товарищъ Гликсбергъ... не безпокойтесь!..—насмѣшливо вставилъ Самуилъ.—Хотя и нѣтъ Канта, цитатъ совершенно достаточно, и онѣ являются... лучшей частью реферата.

Аркановъ выпрямился. Въ воздухѣ запахло столкновеніемъ. Черевинъ и Евгенія приблизились къ Арканову, другіе ссыльные безсознательно собрались въ противуположномъ углу около Негорскаго. Тотъ, молча, доѣдалъ холодное мясо и допивалъ чай. Гликсбергъ переходилъ отъ одной группы къ другой, Мусья и Воронинъ стали совсѣмъ въ сторонѣ.

— Главный недостатокъ этой работы... — началъ, наконецъ, острымъ голосомъ Негорскій, — это совершенная ея ненужность, совершенная безплодность. Прежде всего, какая ея цѣль, и что въ ней стремится доказать авторъ?

— Какая цѣль?.. Очень просто: я пытался изслѣдовать научный законъ!—отвѣтилъ Аркановъ.

Негорскій криво усмѣхнулся.

— Странный научный законъ, опирающійся на усмотрѣніе своего изобрѣтателя. Что свѣтъ, теплота, звукъ, электричество расходятся волнами, изъ этого ничуть еще не слѣдуетъ, что вся вселенная дрожитъ и волнуется... Я не буду касаться основного понятія движенія, которое, быть можетъ, не болѣе реально, чѣмъ иныя „категоріи" человѣческаго мышленія, — повторилъ Негорскій одно изъ болѣе частыхъ выраженій Арканова... — какъ, напримѣръ, пространство и время... Можетъ быть, и движеніе—представленіе также субъективное и условное... Я рѣшать этого не берусь... Пусть этимъ занимаются спеціальные изслѣдователи и ученые... Намъ слѣдуетъ, полагаю, прежде всего обратиться къ вопросамъ болѣе простымъ и болѣе близко насъ касающимся. Вы доказываете, что всякое теченіе и всякое дѣйствіе въ человѣческихъ обществахъ принимаетъ волнообразный характеръ, что оно обязательно состоитъ изъ двухъ дугъ, обратно выгнутыхъ: изъ акціи и реакціи. Вы приводите цѣлый рядъ историческихъ доказательствъ, изъ которыхъ злостный слушатель могъ бы заключить, что, такъ какъ это непреоборимый міровой законъ, и мы уже находились въ акціи, то теперь мы, естественно, должны попасть въ... реакцію. А вѣдь это совсѣмъ не такъ!.. Та же исторія, которая доставила вамъ столько неопровержимыхъ доказательствъ, доставляла и всегда будетъ доставлять не меньшее число и не менѣе неопровержимыхъ доказательствъ и совершенно другимъ, часто какъ разъ обратнымъ теоріямъ. Я, напримѣръ, на основаніи той же исторіи совсѣмъ иначе

представляю себѣ процессъ развитія человѣчества. По моему, онъ является безконечной цѣпью неустанной борьбы, неодолимымъ и самодовлѣющимъ движеніемъ въ высь, безъ отдыха и отступленія... Послѣднее для него гибель... Движеніе это мѣняетъ внѣшнія формы, приспособляется, но ни остановиться, ни попятиться назадъ оно не можетъ, такъ какъ его закономъ является постоянное стремленіе къ полнотѣ жизни, къ счастію, наслажденію, къ совершенству... Но допустимъ, что я не больше, какъ странный, ребяческій мечтатель, незрѣлый умъ, на котораго въ сущности и вниманія-то обращать не стоитъ. Такъ возьмемъ другую теорію, которую исповѣдуетъ нашъ другъ Александровъ и которая прекрасно объясняетъ намъ, что приводимые примѣры легко истолковать и въ другомъ смыслѣ... Товарищъ Александровъ, какъ это мы многократно слышали, доказываетъ, что въ человѣческихъ обществахъ, отъ самаго ихъ первообразованія, всегда и вездѣ параллельно развивались два сосуществующія теченія: аналитическое и синтетическое. На эту нить превосходно нанизываются всѣ—и давно прошедшія, и современныя событія. Эпохи раздѣляются на созидательныя и разрушительныя, люди—на революціонеровъ и тружениковъ. У этой теоріи такія же универсальныя замашки, какъ у вашей теоріи, Артемій Павловичъ. Александровъ также охотно проводитъ свои параллели и въ другихъ областяхъ знанія, примѣняетъ ихъ въ физикѣ, химіи, геогнозіи и проч. Но что изъ этого? Какое намъ дѣло до всѣхъ этихъ законовъ? Я думаю, что наши законы мы носимъ въ самихъ себѣ. Мы несемъ ихъ, какъ орудія, и употребляемъ, какъ оружіе для завоеванія главной нашей цѣли, главной цѣли жизни, для завоеванія себѣ возможно полнаго счастія. А однимъ изъ первыхъ условій этого счастія есть самоуваженіе. И вотъ, я въ силу этого самоуваженія принужденъ отказаться отъ всей вашей теоріи—акціи и реакціи, которая, въ сущности, не болѣе какъ пустая и опасная шутка.—Нѣтъ, не туда наша дорога, милые товарищи! И вы, Артемій Павловичъ, лучше, чѣмъ открывать и выдумывать псевдо-научные законы, соединитесь съ нами и направьте свои способности и средства къ скорѣйшему открытію выхода для всѣхъ насъ изъ... египетскаго плѣненія, въ которомъ мы задыхаемся, въ которомъ мельчаемъ и гибнемъ!.. А выйдемъ ли мы оттуда по волнистому или спиральному пути—это не важно.—Не правда-ли?

Никто не отвѣтилъ ему. Всѣ были смущены рѣзкостью его тона и необычнымъ заключеніемъ.

— Вы, значитъ, предлагаете новый побѣгъ?

— Новый? Нѣтъ, я предлагаю все тотъ-же старый, такъ какъ я всегда предлагалъ его и вѣчно предлагать буду...

— Даже послѣ того, что случилось?.. Вы... вы!

— Да, я. Вообще, я требую, чтобы политическіе ссыльные прежде всего бѣжали, чтобы они мечтали о побѣгѣ, чтобы ихъ кровь, мозгъ, сердце, легкія пропитаны были жаждой побѣга, чтобы она была сутью ихъ жизни, какъ единственная форма борьбы за свободу, доступная имъ въ ихъ положеніи... Иначе имъ грозитъ позорная смерть заживо...—закончилъ Негорскій, слегка блѣднѣя.

— Вы смѣете говорить это?.. Вы, который своимъ легкомысліемъ уже разбили одинъ побѣгъ...—вскричалъ Аркановъ.

— Это васъ не касается!—вмѣшался рѣзко Красусскій.

— Какъ... „не касается?!“ Развѣ мы не подвергали себя опасности и отвѣтственности? Развѣ вы не пользовались нашей помощью?!—гремѣлъ Аркановъ.

— Артемій!!.. удерживала его жена.

Но Аркановъ уже сорвался и понесъ. Онъ облилъ неудачныхъ бѣглецовъ потоками укоровъ и порицаній, такъ что тѣ молча взялись за шапки. Тщетно останавливала ихъ Евгенія, они удалились и унесли съ собою ея мечты о дружбѣ и единеніи всѣхъ товарищей по несчастію.

— Ты черезчуръ рѣзко напалъ на него! — упрекалъ Александровъ Негорскаго.—Слѣдовало хоть немного щадить его самолюбіе...

— Тогда мнѣ пришлось бы все пощадить, такъ какъ тамъ нѣтъ ничего, кромѣ самолюбія. Ты не замѣчаешь всей его замысловатой и коварной политики. Онъ въ каждомъ дѣлѣ, въ каждомъ возникающемъ вопросѣ доводитъ свои требованія до такихъ крайностей, что предложенія падаютъ сами собою. Выходитъ очень благородно, очень революціонно и крайне... подло, такъ какъ, въ сущности, онъ нравственный банкротъ, и если-бъ слова его приняты были нами за чистую монету, онъ первый преспокойно отказался бы отъ нихъ подъ благовиднымъ предлогомъ. Разсужденія его приблизительно таковы: такъ какъ мы не можемъ добыть немедленно полную свободу и объявить въ Джурджуѣ конституцію, то мы должны помириться съ своей судьбой и со всѣмъ, что изъ сего истекаетъ.. То была акція, а это реакція—по закону волнъ въ соціологіи... Аркановъ эгоистъ, ревнивецъ; онъ тревожится за жену, онъ опасается, что она замѣтитъ, какой у нея мужъ молодчикъ, и броситъ его... Отсюда всѣ эти исторіи, лекціи, доклады, рефераты, желаніе съиграть ученую роль, отсюда и соціологическая теорія, оправдывающая отступленіе. Разсужденіе было и будетъ всегда лакеемъ нашихъ страстей!..

Красусскій шелъ позади. Слова „ревнивецъ"... „тревожится за жену"... ужалили его въ самое сердце.

— А а-а! Вотъ какъ?.. Хорошо же!..—повторялъ онъ несуразно, блуждая мыслью по какимъ-то темнымъ и противнымъ закоулкамъ собственной души.

IV.

Слѣдующіе нѣсколько дней Красусскій провелъ въ крайне удрученномъ состояніи духа. Осенній перелетъ окончился и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились работы въ мастерской. Вынужденная праздность увеличивала его тоску. Онъ не въ силахъ былъ ни читать, ни заниматься науками, такъ какъ малѣйшее напоминаніе о родинѣ, о женщинахъ, о любви, о другой, милой жизни въ милой средѣ — вызывало въ немъ жгучее страданіе, доводившее его до умопомраченія.

Къ счастію, пришелъ въ городъ панъ Янъ, заглянулъ въ юрту Александрова и напустился на пріунывшихъ и раскисшихъ друзей.

— Что случилось?! Чего носы повѣсили? Сидите грустные, точно курицы на яйцахъ... Приходите ко мнѣ. Такая тамъ красота... Всѣ горы кругомъ въ кораллахъ, въ золотѣ, въ шелку... Ягодъ пропасть! Гдѣ ляжешь, тамъ, не двигаясь съ мѣста, сытъ встанешь! На деревьяхъ рябчики, точно индюки, сидятъ и тетерева не хуже лошадей!.. Выпейте по рюмочкѣ и... айда!.. Право!..

Онъ постукивалъ по табакеркѣ и протягивалъ ее друзьямъ.

Негорскій, который мрачно погрузился въ чтеніе книгъ, на мгновеніе поднялъ склоненную голову, Александровъ пробормоталъ что-то невнятно; одинъ Красусскій далъ уговорить себя.

— А можетъ кто-нибудь еще? Можетъ быть, Петровъ или Самуилъ?

— Никого не приглашай больше, никого!.. Прошу тебя въ этотъ разъ, панъ Янъ!

Съ потерей мѣста больничнаго сторожа панъ Янъ рѣшилъ ради экономіи перебраться за рѣку. Тамъ, въ мѣстности Бурунукъ, въ семи верстахъ отъ города, одинъ изъ родственниковъ его жены уступилъ ему для жительства юрту. Тутъ же за юртой подымалась высокая, крутая гора, до половины заросшая лиственнымъ лѣсомъ и густымъ березнякомъ. Впереди юрты, между ней и рѣкой, разстилалась обширная луговая долина, отдѣленная, какъ и большинство сосѣднихъ

луговъ, отъ рѣки полосой спутаннаго и густого тальнику. На лугу въ разныхъ мѣстахъ блестѣли лужи и озерца замерзшей воды. Узкое, длинное, какъ рѣчная протока, озеро извивалось у подножья горы.

Когда охотники вышли на разсвѣтѣ изъ юрты, Красусскій не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія:

— Панъ Янъ, да вѣдь день-то будетъ для охоты—золото!

Плёнка тонкаго, молочнаго тумана покрывала весь лугъ. Деревья, кусты, стога сѣна поднимались изъ мглы, точно мелкіе острова, а вдали чернѣлъ лѣсъ, будто берегъ. Надъ туманомъ повисъ необъятый океанъ холоднаго воздуха, пропитаннаго серебристымъ свѣтомъ просыпающагося дня, а выше—бирюзовый сводъ неба съ меркнувшими звѣздами. На востокѣ исподволь разгоралась алая заря съ примѣсью золота. Но сіяніе ея еще было слабо. Въ горныхъ падяхъ, по низамъ и ущельямъ, таились еще сѣрые остатки уходящей ночи, предметы не отбрасывали еще тѣней, и окрестности, беззвучныя и неподвижныя, покоились во мглѣ, какъ человѣкъ, который только что проснулся и уже раскрылъ глаза, но котораго еще не оставили сонныя видѣнія.

По сухой, крѣпко подмерзшей тропинкѣ выбрались охотники на озеро и, скользя, побѣжали по прозрачному, тонкому льду. Со дна просвѣчивали длинныя, темныя водоросли. Оружіе и всѣ охотничьи доспѣхи были крѣпко и ловко подвязаны, чтобы не позвякивали, не гремѣли и не отлетали въ сторону при движеніяхъ. Поэтому люди скользили по озеру среди мглы безшумно, точно привидѣнія. Кой-когда, въ темной глубинѣ озера, подъ ними вспыхивали снопы золотыхъ искръ—это стаи испуганныхъ рыбъ быстро поворачивали въ пути, сверкая чешуей. Кой-гдѣ, у самыхъ ступней своихъ, охотники вдругъ замѣчали уродливыя головы водяныхъ великановъ, съ камневидными узкими лбами, съ разинутыми ртами... Ихъ жаберные щиты тихо двигались въ мѣрныхъ движеніяхъ, ихъ круглые, янтарные глаза безъ вѣкъ глядѣли на проходящихъ людей съ тупымъ удивленіемъ. Панъ Янъ шутливо грозилъ имъ кулакомъ, а они, лѣниво двигая плавниками, поворачивались къ нему хвостами и исчезали въ чащѣ водорослей. Долго затѣмъ дрожали и колыхались длинныя нити травъ и водяныхъ лилій, сомкнувшись позади.

Охотники направились въ горы, на склонахъ которыхъ все отчетливѣе вырисовывались лѣса, рощи, отдѣльные деревья, утесы и скалы.

— Я тутъ знаю одну падь, гдѣ всегда есть рябчики. Мы погонимъ ихъ сначала вверхъ, а послѣ внизъ. Весь табунъ

перебьемъ, если посчастливится... А только, смотрите: чуръ, не пуделять!.. Разъ мимо—стая убѣжитъ!..—поучалъ Янъ Красусскаго.

Густые, узловатые кусты горной ивы покрывали дно ущелья, а на бокахъ его росъ высокій лиственный лѣсъ. У входа въ ущелье охотники раздѣлились: Янъ пошелъ налѣво, Красусскій направо. Они принялись внимательно осматривать кусты. Солнце уже золотило верхушки растущихъ на склонахъ горъ деревьевъ, но на днѣ пади въ тѣни крутыхъ откосовъ еще держались пепельныя сумерки. Смѣсь мрака и сѣрыхъ осеннихъ кустовъ образовала тамъ такую дымчатую неопредѣленную ткань, что даже опытный глазъ Красусскаго блуждалъ въ ней безнадежно. Юноша уже предполагалъ, что ничего нѣтъ въ кустахъ, какъ вдругъ на условный свистокъ Яна, звавшаго къ дальнѣйшему движенію, одинъ изъ сучьевъ странно зашевелился. Красусскій замеръ безъ движенія и зорко принялся разглядывать. На сучкѣ сидѣлъ рябчикъ и смотрѣлъ на него караллловымъ глазомъ. Но выстрѣлить было чрезвычайно трудно, такъ такъ птицу едва видно было въ маленькое окошечко межъ причудливо спутанными сучьями и вѣтками. Охотникъ чуть наклонилъ голову, чтобы убѣдиться, нельзя ли подойти съ другой стороны, какъ вдругъ рядомъ другой рябчикъ побѣжалъ по нависшей надъ тропинкой вѣтви. Птица остановилась на самомъ ея кончикѣ съ тревожно вытянутой шеей. Въ то же мгновеніе Красусскій замѣтилъ третьяго, четвертаго рябчика—цѣлую стаю съ протянутыми сторожко шеями. Дольше ждать было нельзя, Красусскій быстро приложился и выстрѣлилъ. Пораженный рябчикъ взлетѣлъ на воздухъ и упалъ, какъ камень въ кусты. Остальные улетѣли, шумя крыльями и сверкая бѣлыми подбрюшниками. Пока Красусскій заряжалъ ружье и разыскивалъ въ чащѣ убитую птицу, загудѣлъ выстрѣлъ Яна и опять зашумѣли крылья и забѣлѣло въ кустахъ уже повыше въ пади. Красусскій, не сводя съ глазъ мѣста, гдѣ сѣли птицы, подкрадывался осторожно бокомъ оврага, въ то время какъ Янъ двигался параллельно по другую его сторону. Оба старались стрѣлять одновременно, давая знать о себѣ другъ другу условнымъ посвистываніемъ. Не доходя до конца оврага, Янъ крикнулъ Красусскому, чтобы тотъ взобрался на увалъ и обошелъ падь горою. Охотники сошлись на перевалѣ.

Панъ Янъ былъ видимо доволенъ, десятокъ рябковъ висѣли у его пояса.

— А что?. Молодцы мы, а? За то выпьемъ по рюмочкѣ? Хорошо?!.. А вы, вотъ, зачѣмъ птицу портите?.. Ге!.. Не слѣ-

дуетъ... Не ладно!.. Я видѣлъ, какъ вы одного подбили, и онъ улетѣлъ. Промахъ, такъ промахъ, а попадать, такъ надо, какъ слѣдуетъ, съ голку... А то „онъ“ теперь разскажетъ товарищамъ и уведетъ ихъ изъ оврага. Будьте увѣрены, что уведетъ... Вы смѣетесь... Напрасно! Это такъ, я не разъ наблюдалъ... Раненый, онъ дальше летитъ, а за нимъ и другіе... Обратно намъ придется идти много осторожнѣе и не дальше, какъ до полъ-пади... Подбитые ужасно пугливы: разъ не издохли сейчасъ же, первые затѣмъ срываются. Когда станемъ обходить оврагъ, помните, что нужно высоко взобраться и заложить издали... А то подъ гору летятъ рябчики много шибче и садятся много дальше... Если по три раза выстрѣлить позволятъ, то и то слава Богу!.. А когда покончимъ, то напьемся чаю вотъ здѣсь, на этой сѣдловинѣ. А что?.. Я вамъ не худо посовѣтовалъ, сразу у васъ глаза повеселѣли... Совсѣмъ бы вы у меня поселялись, мы бы ловушекъ на зайцевъ, да луковъ сотню поставили и зажили бы припѣваючи... Сѣти мы забросили подъ ледъ на этихъ дураковъ, что давеча на насъ глаза изъ озера пучили... Право!..

— Не позволятъ, не пустятъ изъ города!.. Намъ нельзя отлучаться, вы знаете! Мнѣ не хотѣлось бы пока ссориться изъ-за пустяковъ съ полиціей. А главное ты, панъ Янъ, нажилъ бы себѣ много непріятностей и придирокъ со стороны властей!..

— Что они мнѣ сдѣлаютъ? Вышлютъ, что ли? Не больно я ихъ боюсь... Развѣ я не вездѣ вольный казакъ?.. Только ребятишекъ и старуху жаль, за что ихъ мучить... а то...

Янъ дернулъ сердито повисшій усъ и вздохнулъ.

Лицо его чуть омрачилось.

— Ого!.. Было время!.. Боялся я до тѣхъ поръ, пока шапки не надѣлъ... А шапку надѣлъ—и страхъ вонъ!.. Пойдемъ уже, баринъ, пойдемъ, а то рябцы посовѣтуются, надумаютъ да и улетятъ...

Когда, гонимые обратно вверхъ, рябчики, израненные и испуганные, вспорхнули, поднялись выше зарослей и полетѣли за перевалъ, люди поспѣшили слѣдомъ за ними и взобрались на знакомую уже сѣдловину. Панъ Янъ осматривалъ мѣстность, выбирая мѣсто поудобнѣе для костра, какъ вдругъ лицо у него потемнѣло, и онъ, не запирая даже раскрытой табакерки, быстро прицѣлился. Красусскій, думая, что оказался поблизости медвѣдь, тоже приготовилъ ружье, но уже загремѣлъ выстрѣлъ, и, вслѣдъ затѣмъ, громче выстрѣла, чихнулъ весело панъ Янъ.

— Ну и фартъ!.. Впервые въ жизни съ табашницей въ горсти стрѣляю!.. Даже табаку высыпалось маненько...

На косогорѣ, по другую сторону скалистаго порога, трепыхался и катился внизъ красивый черный тетеревъ, а другой летѣлъ повыше лѣса надъ долиною, широко распростерши крылья. Это приключеніе еще лучше настроило охотниковъ. Янъ острилъ и сыпалъ прибаутками, точно изъ мѣшка, ловко въ то же время сооружая костеръ и приготовляя чай; Красусскій, улыбаясь, ощипывалъ перья съ рябчиковъ, предназначенныхъ на жаркое.

— Жизнь не сапогъ, не сошьешь по указанной колодкѣ. Хочешь такъ, а выходитъ совсѣмъ наоборотъ. Напримѣръ, теперь: меня выгнали изъ больницы... Казалось, совсѣмъ крышка! Куда дѣнусь съ ребятами?.. Пропадомъ пропаду... А между тѣмъ, вотъ живу себѣ, чиновникамъ въ городѣ сапоги починяю... Вчера полтора рубля отъ исправника за подметки взялъ... — „Смотри, — говоритъ,—чтобы были варшавскія!..“ — Варшавскія — отвѣчаю — особыя, требуютъ угощенія! — Налилъ рюмку изъ графинчика, что у него въ углу на столикѣ стоитъ, самъ выпилъ и мнѣ поднесъ...— „А что? — спрашиваетъ — лошадь Александрова у тебя?“— У меня, господинъ исправникъ! — „А скоро они возьмутъ ее въ городъ?“—Не знаю, господинъ исправникъ!—„Хорошо, Когда возьмутъ, то придешь и скажешь мнѣ!..“ — Молчу. смотрю на него. Весь покраснѣлъ. — Этого, ваше высокоблагородіе, я не сдѣлаю...—„Почему?“—Потому, что это не по... варшавски!.. Разсмѣялся, еще рюмку водки поднесъ мнѣ и говоритъ:—„Молодецъ! если убьешь что-нибудь, принеси мнѣ...“ — Понесу завтра тетерева. Онъ меня любитъ и хорошо платитъ. А прогнать изъ больничной службы долженъ былъ, на то онъ начальникъ, на то поставленъ, чтобы человѣка склонять въ свою сторону, а человѣкъ воленъ подлость сдѣлать, иль нѣтъ... Что вы такъ задумались?.. Вы не слушаете?

Красусскій глядѣлъ на долину,разстилавшуюся подъ ними въ лучахъ солнца. Густой, желтый березнякъ золотилъ ея приподнятые бока; выше поднимались порыжѣлыя лиственницы, а по самому дну шла темная полоса спутанныхъ тальниковъ и ольхъ. Тамъ и сямъ виднѣлись кровяно-красныя пятна шиповниковъ и дикой малины. Все запирала вдали синяя гладь замерзшаго озера, окаймленная темными изгибами лѣса. Дальше подымалась цѣпь сѣдыхъ горъ и синева небосклона.

— А что, панъ Янъ, еслибъ такъ вдругъ... ружье вскинуть за спину да пойти, куда глаза глядятъ... Что бы случилось?!

— Теперь?.. Зимою?..

— Допустимъ, теперь!

— Такъ вы сами знаете, что бы случилось... Расклевали бы галки да вороны, волки бы съѣли... Эй, эй!.. Вижу, что у васъ что-то нехорошее въ головѣ опять ходитъ! Опять хотите заварить кашу!?..

Старый охотникъ взглянулъ жалостливо изъ-подъ нависшихъ бровей на грустное, тоскующее лицо юноши.

— Послушайте лучше, разскажу я вамъ, какъ я однажды влюбился въ русскую; вѣдь и среди нихъ есть хорошія, сердечныя женщины...

— Нѣтъ, не надо!..

— Что такъ?

— Лучше что-нибудь другое...

— Тогда разскажу вамъ, какъ мы, поляки, уже тутъ, въ Якутской области, бунтовали. Видите, насъ сначала поселили на югѣ. Много насъ пришло, все молодежь, изъ солдатъ... не присягнувшихъ... Распредѣлили насъ власти по якутамъ, по одному, запретили видаться. А мы всѣ привычны были къ компаніи и страшно скучали. Къ тому же, насъ худо кормили. Богъ знаетъ чѣмъ, какими-то отбросами, гадостью... Ни купить чего другого, ни достать!.. Ружья ни у кого нѣтъ, охотиться нельзя, якуты караулятъ, за порогъ, почитай, съ трудомъ пускаютъ... Сейчасъ: куда? да какъ? да зачѣмъ? Обѣщало начальство выдавать „пособіе"—пудъ муки и три рубля деньгами ежемѣсячно. Жду я это одинъ мѣсяцъ, жду другой—все ничего нѣтъ. Между тѣмъ, мой хозяинъ, маленькій, знаете, якутскій князекъ, уже нѣсколько разъ побывалъ въ городѣ и сказывалъ, что въ полицію заходилъ и тамъ ему все отвѣчали: нѣтъ ассигновокъ! Только не поглянулось мнѣ, что въ глаза якутъ не глядитъ и слишкомъ ужъ распинается, что говоритъ правду. Говорю я ему: я самъ съ тобой въ городъ отправлюсь. „Въ городъ нельзя"—отвѣчаетъ. Ну, такъ къ товарищамъ веди меня! „Къ товарищамъ тоже нельзя". Я у тебя разрѣшенія не спрашиваю! „Такъ иди самъ, пусть тебя медвѣдь съѣстъ или утопись въ болотѣ..." Вѣрно: лѣсъ глухой, дорожекъ много, а я еще не привыкъ къ якутской тайгѣ и по новизнѣ опасался... Якуты дороги показать не хотятъ. Притворился я, что не думаю больше о путешествіи, а тѣмъ временемъ присматриваюсь, по какому направленію уѣзжаютъ якуты въ городъ. Замѣтилъ я, что на этомъ пути черезъ каждые нѣсколько десятковъ саженей зарубка на лѣсинѣ виднѣется. Смекнулъ все это и однажды, когда особенно шибко захандрилъ, выждалъ, чтобъ якуты ушли на работу, да и махнулъ прямехонько по этой дорогѣ. Прошелъ нѣсколько верстъ, вышелъ на такой же сѣнокосъ, съ такой же юртой посерединѣ, какъ и у моего якута. Соображаю, войти въ нее

или нѣтъ, вдругъ двери раскрываются и выходитъ мой другъ и товарищъ Франекъ Лознякъ. Я выругался даже съ досады, что былъ отъ него такъ близко, а ничего не зналъ. Онъ тоже шибко обрадовался. Разговорились мы. У него была та же бѣда, что у меня. „Пособія“ нѣтъ, якуты обижаютъ, кормятъ всякой дрянью, заниматься ничѣмъ не даютъ, ходить едва на край лѣса позволяютъ, а такъ какъ Франекъ былъ меня добрѣе, то даже ругаютъ его. Разсердился я: если такъ,—говорю,—то пойдемъ къ другимъ товарищамъ... Вѣрно, живутъ недалеко. И пошли мы; отъ слѣдующаго уже втроемъ направились дальше. Собралась насъ большая куча, человѣкъ пятнадцать. Отправились мы въ управу. Тамъ намъ сказали, что о нашемъ „пособіи“ имъ ничего не извѣстно. Кормить насъ было нечѣмъ. Выдали намъ управскіе неводы, наловили мы карасей въ озерѣ... Сами наѣлись, еще якутовъ накормили. Отправились на слѣдующій день въ городъ, прямо къ губернатору. Тотъ испугался, казаковъ позвалъ, насъ приказалъ окружить и только тогда вышелъ. И что же оказалось: деньги и муку давно намъ высылали изъ казны, да все забирала полиція. Съ князьями якутскими снюхалась, счета составляли вмѣстѣ, квитанціи за насъ подписывали... Такъ пропало много нашихъ денегъ. Губернаторъ обѣщалъ, что ихъ намъ уплатятъ, но вмѣсто того насъ увели въ тюрьму. Затѣмъ обратно разослали по одиночкѣ въ улусы. Сдержали-ль слово другимъ не знаю, такъ какъ меня, вмѣстѣ съ товарищемъ, съ которымъ мы, по общему порученію, разговаривали съ губернаторомъ, выслали за этотъ бунтъ сюда, на сѣверъ. Здѣсь товарищъ мой остался въ городѣ, потому что онъ былъ дворяниньъ, а меня, такъ какъ я изъ простого сословія, сослали въ улусъ. Вскорѣ товарищъ вернулся на родину и, уѣзжая, подарилъ мнѣ вотъ эту двустволку. Тогда-то я и принялся промышлять птицу и звѣря, а затѣмъ и женился, когда потерялъ надежду на скорый возвратъ... Хотя жена моя татарка, но всетаки есть развлеченіе, не въ примѣръ лучше, чѣмъ одинокому... Такова была моя участь. Еслибъ можно было, какъ вы сказали,—ружье на спину и... куда глаза глядятъ, то я бы давно ушелъ... Да ничего изъ этого выйти не можетъ, потому что это то же, что пустить себѣ пулю въ лобъ. А жизнь на свѣтѣ все еще мнѣ нравится!.. Вы вѣдь сами знаете, какъ это бываетъ... Все чего-то ждешь!.. Вотъ и я ждалъ все манифестовъ. Манифесты шли да шли, а меня не отпускали, забыли должно быть!.. Писалъ я прошенія и въ губернію, и къ министру подавалъ, все отписывали, что не знаютъ, кто я такой, что бумаги мои въ якутскомъ архивѣ сгорѣли... А теперь, какъ присягать, то припомнили—кто... Такіе всегда

москали. Извѣстно—чинуши! Манифесты, манифесты, а они просто мани-хвосты, вотъ они что!

Панъ Янъ задумался и вздохнулъ, но вскорѣ вскочилъ на ноги и весело загудѣлъ:

Погуляли часъ,
Ну и будетъ съ насъ...

И они немедленно принялись укладывать свои скромные охотничьи пожитки. На обратномъ пути наткнулись еще разъ на небольшую стаю рябчиковъ. Когда на закатѣ солнца они спускались съ горъ въ долину, отягченные добычей пояса рѣзали имъ бедра. Янъ шелъ, окруженный цѣлымъ вѣнкомъ птицъ. Онъ убилъ ихъ двадцать штукъ, Красусскій—дюжину. Охотники остановились передохнуть на небольшой горной плѣши, покрытой сплошь ковромъ каралловой спѣлой брусники. Кругомъ кудрявыя березки шумѣли золотыми листьями подъ порывами поднявшагося къ вечеру вѣтерка; съ вѣтвей колыхавшихся повыше лиственницъ сыпалась внизъ ржавая хвоя листопада; алая парча обожженныхъ морозомъ шиповниковъ ярко горѣла въ лучахъ заката. Высоко надъ ихъ головами у края скалистаго утеса, подымавшагося выше сосѣдняго лѣса, кружилась съ пронзительнымъ пискомъ пара пестрыхъ соколовъ.

— Успѣхъ ворожатъ! — проговорилъ панъ Янъ, кивая въ сторону хищниковъ. — Промышленники привѣтствуютъ промышленниковъ!..

V.

Вскорѣ упали снѣга и забушевали осеннія вьюги. Негорскій углубился въ книги и не выходилъ совсѣмъ изъ юрты. Разъ только пошелъ онъ вечеромъ къ Аркановымъ по настойчивому приглашенію Евгеніи. Засталъ онъ тамъ обычное общество, все тѣхъ же, исключая Петрова.

Царило примѣрное согласіе, не осталось и слѣда минувшей бури.

— „Пустыхъ звуковъ игра...“—подумалъ Негорскій.

— А, это вы?.. Что слышно у Яна? Говорятъ, Красусскій ходилъ къ нему на дняхъ? — радостно встрѣтила гостя Евгенія, усаживая его рядомъ съ собой у стола.

— И, слышно, много убилъ рябцовъ?—добавилъ дружелюбно Аркановъ.

— Онъ посылаетъ вамъ часть добычи.

— Почему самъ не принесъ?

Негорскій пожалъ плечами.

— Оставьте его, пусть себѣ сидитъ.

— Странный, невоспитанный молодой человѣкъ. Онъ совсѣмъ не въ силахъ владѣть собою!—сказалъ Черевинъ.— Кому изъ насъ легко и сладко, однако, никто такъ не носится со своей тоской и хандрой, какъ онъ...

— Вы такъ полагаете?—спросилъ небрежно Негорскій.

— Господа, прошу не говорить объ отсутствующихъ! — вмѣшалась Евгенія.—Не желаете-ли, докторъ, чаю?

— О чемъ же говорить? Объ отсутствующихъ нельзя, о присутствующихъ не подобаетъ, событій нѣтъ...

— Разсуждайте, господа,—проговорилъ мрачнымъ голосомъ Самуилъ, — о... субъективизмѣ и объективизмѣ въ искусствѣ...

Всѣ разсмѣялись, впрочемъ, довольно грустно.

— Вы не сказали намъ, однако, что новенькаго у Яна?

— Ничего особеннаго. „Джурджуй, а не Калужская губернія“! Горы и долы, снѣга и холода...

— Что холода?.. Холодъ пустое!..—вмѣшался неожиданно Мусья. — Отъ холода образуется кругомъ кожи горячій паръ, который не пропускаетъ простуды... Честное слово, нужно только привыкнуть!

Присутствующіе опять разсмѣялись.

— Ахъ, Мусья, Мусья!.. Мы узнали отъ васъ недавно, что солнце грѣетъ, потому что оно далеко, что цинкъ растворяется—и отсюда молнія и электричество, а теперь...

— Въ этихъ разсужденіяхъ есть зерно истины...

— Давайте, господа, споемъ лучше хоромъ,—предложилъ Черевинъ.

— Надоѣло. Каждый день то же самое!

— Такъ прочтемъ что-нибудь громко.

Проектъ былъ встрѣченъ молчаніемъ.

— А что подѣлываетъ Александровъ?

— Куритъ трубку и размышляетъ о подлости мірозданія!

— Въ Джурджуѣ, несомнѣнно, самая убійственная вещь скука... Невольно жаждешь, чтобы хоть исправникъ подрался съ помощникомъ, чтобы хоть кто-нибудь изъ обывателей проигрался въ пухъ, или чтобы Денисовъ... соблазнилъ, наконецъ, докторшу... Жаждетъ человѣкъ скандала, глупости, чего-нибудь самаго несуразнаго, лишь бы перемѣна...

— Знаете, господа, что мы сдѣлаемъ изъ рябцовъ?—заговорилъ вдругъ необыкновенно оживленно молчавшій все время хозяинъ. — Мы сдѣлаемъ изъ нихъ сыръ. Его такъ приготовляютъ: птицу сушатъ въ слабо протопленной печкѣ, затѣмъ мелютъ вмѣстѣ съ костями на мелкую муку и пере-

тираютъ со свѣжимъ масломъ... Помнишь, Женя, какой прелестный сыръ изъ дичи приготовляла твоя матушка. Пальчики оближешь!.. Итакъ, не забудьте, господа, въ воскресенье къ намъ обѣдать. Будетъ сыръ!..

Весь вечеръ прошелъ въ подобныхъ разговорахъ.

Негорскій вернулся домой, злой, крайне разстроенный и тоскующій.

— Къ чорту!.. Жаль времени и остроумія!.. Немного еще,— и мы скиснемъ и измельчаемъ въ конецъ... Сыръ изъ дичи! Тьфу!.. Придется вплотную засѣсть за книги, а около Рождества, можетъ быть, деньги придутъ, и положеніе выяснится...

„Положеніе" было новымъ, исправленнымъ планомъ побѣга семи всадниковъ черезъ лѣса и горы...

— Не тужи. Весною всѣ двинемъ. Это будетъ великолѣпная поѣздка, веселая и удобная!..—сказалъ какъ-то Негорскій Красусскому, входя въ юрту.

Красусскій, въ шапкѣ на головѣ и съ руками въ карманахъ, мѣрно кружился по комнатѣ.

— Какъ такъ, всѣ?

— Ну, кромѣ Аркановыхъ, Мусьи и Черевина.

— Развѣ случилось что-нибудь? — спросилъ Александровъ, высовываясь изъ угла.

— Нѣтъ, но... деньги придутъ!

— Ахъ! — вздохнулъ великанъ и спрятался опять въ тѣни.

— Зачѣмъ лишать людей иллюзій?—шепнулъ Негорскій съ комичнымъ упрекомъ.

— А зачѣмъ поддерживать ихъ?

— Жить легче!..

Красусскій остановился и сталъ прислушиваться къ разговору, но разговоръ вдругъ оборвался. Въ этотъ разъ, къ удивленію Красусскаго, вздохнулъ Александровъ. Впрочемъ, это случилось только разъ, а затѣмъ изъ угла, гдѣ лежалъ вытянувшись великанъ, долетало исключительно сопѣніе его маленькой трубочки, „неугомонной", какъ шутя прозвали ее товарищи. Красусскій возобновилъ кругообразную прогулку по юртѣ.

Такъ кружатся по клѣткамъ сильныя, неприрученныя животныя, да человѣкъ въ тюрьмѣ. Такъ любилъ ходить и Александровъ. Когда оба они, одинъ въ одной комнатѣ, другой въ другой, устраивали этотъ странный концертъ однообразныхъ, тихихъ, точно крадущихся шаговъ, похожихъ на шумъ капель, капающихъ въ сталактитовыхъ пещерахъ, Негорскій приходилъ въ бѣшенство.

— Палачи!.. Живодеры!.. Перестаньте, наконецъ, мучить

меня!—кричалъ онъ, подымая глаза отъ книги.—Убирайтесь къ чорту, уходите на всѣ четыре стороны, принимайтесь за какую-нибудь работу или... повѣсьтесь!.. А если всего этого не хотите сдѣлать, то поставьте самоваръ!

Въ концѣ концовъ, являлся самоваръ. Звонъ стакановъ, шипѣніе пара, бурленіе кипятку въ мѣдномъ желудкѣ самовара, самый, наконецъ, процессъ разливанія и распиванія чая, доставляли жителямъ юрты временное развлеченіе.

— „Сыръ изъ дичи", только болѣе подлаго сорта!..—вздыхалъ Негорскій.—Пришелъ бы, что ли, Самуилъ или лучше еще Муссья и принесъ какую-нибудь сплетню!.. Но на дворѣ такая погода, что и собаку не выгонишь!..

Если, не смотря на вьюгу, являлся Мусья, ссыльные принимали его, какъ принца:

— Садитесь, разсказывайте!.. Гдѣ вы пропадали, что такъ долго не показывались?..

— Былъ третьяго дня!?

— Вотъ видите! А мы думали, что годъ времени прошелъ съ тѣхъ поръ... Вы должны цѣнить наши къ вамъ чувства и разсказать намъ такую исторію, чтобы духъ захватило...

— Откуда возьму?.. Въ городѣ большая скука. Распространяется неудовольствіе. Даже въ карты мало играютъ!—разсказывалъ довольный Мусья, глотая прожорливо хлѣбъ съ масломъ.—Ждутъ всѣ съ нетерпѣніемъ клади съ водкой. Обозъ гдѣ-то задержанъ гололедицей, остановился среди озера... Нѣтъ свѣдѣній!.. Но какъ могутъ придти, если ледъ не имѣетъ снѣга, а копыта лошадей безъ подковъ катаются... Варлаамъ Варлаамовичъ даже похудѣлъ отъ ожиданія, а докторъ попалъ въ отчаянность... Онъ обвиняетъ полицію и послалъ меня къ вамъ, Красусскій, чтобы вы исправили ему шарманку... Она очень хороша, а главное—играетъ марсельезу, что необходимо теперь доктору, какъ протестъ... Тамъ не хватаетъ нѣсколько зубчикъ и одна колесо. Докторъ требовалъ, чтобы я поправилъ эти зубчикъ отъ марсельеза, какъ французъ, но я не могу этимъ дѣломъ заниматься, чтобы не портить „affaire" товарищу...

— Извѣстно намъ хорошо твое золотое сердце, Мусья!.. Но что еще слышно на свѣтѣ...

Мусья улыбался и, не глядя на товарищей, продолжалъ:

— Да вы не позволяете окончить... Если человѣкъ человѣку помогаетъ, уважаетъ гражданина, то отъ этого бываетъ всѣмъ полезно... Вы сами говорите, напримѣръ, что я имѣю хорошее основаніе для того, что мнѣ помогаетъ, а симпатія, я слышалъ, не разъ ведетъ къ соціалистическому устройству... Вотъ все!

— Чудесно!.. Вы умница, Мусья, но что еще слышно въ городѣ?

— Ничего. Я говорилъ уже: нѣтъ водки, гололедица на озерахъ, въ карты мало играютъ... Да, вотъ Черевинъ проигрался! Обыгралъ его помощникъ, играли они до бѣлаго утра у исправника... Сначала играли въ винтъ, а затѣмъ въ штосъ...

— А что еще?

Мусья задумался.

— Право, удивленіе!.. Вездѣ я былъ, а разсказать теперь нечего... Развѣ что попъ... уговариваетъ меня, чтобы я принялъ православіе...

— Что-о?!

— Ну, да! Онъ вѣрно говоритъ, что это единственный хорошій проектъ, чтобы отсюда выбраться... Потому что я, напримѣръ, могу въ рясѣ ходить за подаяніемъ отъ мужика до мужика... Деньги я могу имъ возвратить, когда заграницей заработаю...

Друзья взглянули другъ на друга значительно.

— Ты, во всякомъ случаѣ, подожди съ этимъ проектомъ, Мусья, совѣтуемъ тебѣ...

— Зачѣмъ ждать?.. Теперь зима, а затѣмъ будетъ весна. Нѣтъ другого средства. Рясу я имъ тоже обратно пошлю... А другой безнравственности я не вижу...

— Не въ томъ дѣло, но... тебя и въ рясѣ отсюда не пустятъ!

— Это мы будемъ посмотрѣть!

Онъ вытеръ свое вспотѣвшее лицо, попрощался и ушелъ.

— И этотъ тоже!..—сказалъ Негорскій.—Еще намъ помѣшаетъ... Ахъ, деньги... проклятыя деньги!

— А если ихъ... не пришлютъ? Тогда что?

— Что-о! Почемъ я знаю что?.. Скорѣе всего, что ты, Красусскій, возьмешь лошадь и убѣжишь... Ты самый ловкій изъ насъ.

— Одинъ я не поѣду. Предпочитаю раздѣлить вашу участь... Знаете, что тогда? Тогда мы бросимся на полицію, арестуемъ испраника, заберемъ казну, возьмемъ силою почтовыхъ лошадей... Я готовъ на все... Надоѣло мнѣ!..

— Все это въ твоемъ вкусѣ. Но для успѣха всякой борьбы необходимо, чтобы враги возбуждали въ насъ нѣчто большее, чѣмъ отчаяніе. Нужно, чтобы всякій нашъ планъ имѣлъ хоть нѣкоторую вѣроятность успѣха, чтобы не былъ очевиднымъ сумасбродствомъ!—доказывалъ Негорскій.

Дни проходили; появлялись все болѣе и болѣе толстые слои снѣга. Обозъ съ водкой пришелъ, наконецъ. Джурджуйцы устроили ему блестящую встрѣчу. Самуилъ, который

случайно былъ свидѣтелемъ этого происшествія, вечеромъ разсказывалъ Аркановымъ подробности.

— Вижу: на улицахъ необыкновенное движеніе, вездѣ кучки людей. Докторъ, живописно задрапированный въ дорогую шубу, стоитъ у воротъ своего дома, а позади него фельдшеръ Федоркинъ и господинъ Козловъ. Учитель и Денисовъ промчались мимо меня въ саняхъ. Всѣ глядѣли въ одну сторону и стремились въ одномъ направленіи. Нѣкоторые изъ болѣе любопытныхъ повлѣзали даже на крыши. Вдругъ слышу крики: „Калле!.. калле!.. Идетъ!“ Что идетъ? спрашиваю проходящаго мимо Виссаріона. „Она, голубушка! Благодареніе Господу Богу и Спасу нашему... пришла!“ Крестится со слезами на глазахъ: „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!“ И побѣжалъ старикъ за другими. Заинтересованный, я тоже прибавилъ шагу. Дѣйствительно, зрѣлище оказалось достойнымъ вниманія. Толстый, дюжій якутъ въ мѣховой шапкѣ и крылатомъ балахонѣ верхомъ на лошади открывалъ шествіе. Одной рукой онъ упирался въ бокъ, въ другой держалъ нагайку и помахивалъ ею. Онъ гордо посматривалъ на всѣхъ съ высоты, скуластое лицо его ширилось отъ самодовольной улыбки, такъ что глазъ не было замѣтно. За нимъ двигалась цѣпь лошадей, привязанныхъ другъ къ дружкѣ, мордами къ хвостамъ. На каждой съ обоихъ боковъ висѣли по круглому плоскому боченку, зашитому въ кожу... Джурджуйскіе граждане бѣгутъ по обѣимъ сторонамъ обоза, толкаются, указываютъ пальцами на эти боченки, а когда шествіе остановилось, какой-то старикъ съ рыданіями припалъ къ одному и облобызалъ его...

— Отвратительно!—вспыхнулъ Аркановъ.

— Почему-же? Очень просто: они боготворятъ силу, дающую имъ забвеніе... Мы вѣдь часто любимъ даже тѣхъ, кто насъ мучитъ, и никто этому не удивляется...

Евгенія поджала губы.

— Окончательное скотство, развратъ... возможный развѣ только въ Джурджуѣ!..—бушевалъ Аркановъ.

— Что такое скотство? Скотство—это жизнь безсознательная, полная заботъ исключительно о вкусной ѣдѣ, питьѣ и самоуслажденіи... Развѣ мыслимо удержаться на общечеловѣческомъ уровнѣ въ этомъ городишкѣ, гдѣ живутъ исключительно полицейскіе чиновники, ихъ приспѣшники и прислужники, въ этомъ громадномъ паразитномъ лишайникѣ, сосущемъ соки изъ разсѣянныхъ по окрестнымъ лѣсамъ инородцевъ. Каждый джурджуецъ обязательно чувствуетъ себя паразитомъ, угнетателемъ, и хотя громко въ этомъ не сознается, но въ душѣ чувствуетъ точащаго совѣсть червяка...

Я имъ ничуть не удивляюсь, что они пьютъ... Я самъ бы пилъ, если-бъ у меня хватало рѣшимости...

— Такъ въ чемъ же дѣло? Рѣшайтесь!..—съязвилъ Аркановъ.

— Те-ексъ! Если-бъ это случилось немного раньше, я бы, конечно, рѣшился. А теперь... не смѣю! У меня есть ангелъ...—вздохнулъ Самуилъ.

Аркановъ оглянулъ его проницательнымъ, чуть испуганнымъ взглядомъ. Евгенія покраснѣла и сдѣлала движеніе, какъ бы собираясь подняться. Самуилъ умышленно медлилъ съ окончаніемъ и исподлобья слѣдилъ за ними смѣющимися глазами.

— Зачѣмъ мнѣ водка, когда у меня есть... муза!—добавилъ онъ совершенно спокойно.

Аркановъ перевелъ духъ. Самуилъ частенько поддразнивалъ такимъ образомъ супруговъ, что сильно возмущало Евгенію. Иногда она послѣ того рѣшала не говорить съ нимъ и не замѣчать его нѣкоторое время, но онъ былъ тѣмъ единственнымъ ссыльнымъ, который посѣщалъ ихъ ежедневно и который не только умѣлъ говорить, но и слушать. Аркановъ высоко цѣнилъ послѣднее его качество.

Глухіе, сонные сѣрые зимніе дни быстро укорачивались. Едва-едва успѣвалъ разгорѣться блѣдный и чахлый солнечный дискъ, какъ уже ночь надвигалась изъ-за горъ и летѣла къ зарѣ—мутная, огромная, точно сказочный грифъ, котораго тѣло и расправленныя крылья терялись далеко за горизонтомъ.

Туманы струились изъ земли, морозный гулъ катился по ней, на темныхъ, низкихъ небесахъ горѣли нетухнущіе сонмы дрожащихъ звѣздъ. Изрѣдка ихъ золотой блескъ слабѣлъ въ яркомъ сіяніи сполоха, измѣнчивыя, быстрыя, неуловимыя мерцанія котораго отбрасывали странныя тѣни на молочные снѣга, а въ человѣческихъ сердцахъ будили безпокойство.

— Зима идетъ,—говорилъ Негорскій, кутаясь въ мѣховую куртку и усаживаясь въ укромномъ уголкѣ наръ.

Сальная свѣчка слабо освѣщала темную внутренность юрты. Александровъ дремалъ на другой нарѣ, Красусскій кружился по избѣ.

— Уже двѣ почты пришли, и ни писемъ, ни денегъ! А можетъ быть, Тазъ получилъ уже переводъ и утаилъ его. Проныра якутъ! Нужно будетъ еще разъ написать. Отчаяніе охватываетъ, когда подумаешь, что отвѣтъ полгода ждать приходится. Нынѣ октябрь, а отвѣтъ придетъ только въ мартѣ... Но и тогда еще успѣемъ убѣжать... Лишь бы пришли деньги!.. Да вотъ еще горе: оказіи нѣтъ! Не знаешь,

Красусскій, не собирается-ли обратно въ Якутскъ приказчикъ Варлаама Варлаамовича? Или Тазъ не поѣдетъ ли раньше на зимнюю ярмарку въ этомъ году? Знаешь что, Красусскій, присядь ты, ради Бога, на мгновенье... Ты понятія не имѣешь, до чего противно это твое звѣриное шаганіе!..

— Стараюсь сохранить... иллюзіи! Бѣгу отъ разочарованія!—улыбнулся въ отвѣтъ ему Красусскій.—Лежать по цѣлымъ днямъ, какъ ты, уткнувшись въ книжку, тоже не весело! Но я сѣлъ, уже сижу!.. Не сердись! Въ чемъ дѣло?

— Иллюзій и у меня осталось немного... Развѣ что... попросимъ Аркановыхъ?.. Они опять получили нѣсколько сотъ рублей, могли бы... одолжить намъ!..

Онъ взглянулъ незамѣтно на Красусскаго, тотъ насупился.

— Я предпочелъ бы мой способъ.

— Не удастся. Черезчуръ громко. Будетъ энергическая погоня. Да и здѣсь, на мѣстѣ, мы бы принуждены были прибѣгнуть къ убійствамъ. Хотя это и въ битвѣ, но тѣмъ не менѣе какъ-то щемитъ на душѣ... Слишкомъ личный и не такъ уже важный поводъ. Пришлось бы убить врасплохъ часового, простого, неповиннаго ни въ чемъ казака... Нѣтъ, это черезчуръ ужасно!..

— Чего же щадить ихъ!.. Развѣ они мало пролили нашей крови?

— Слышалъ я, слышалъ эти доводы, но, сознаюсь, они меня не убѣждаютъ. Для меня это не *тѣ же самые* люди. У Александрова, у Арканова и у тебя, вижу, странные на этотъ счетъ взгляды. Въ вашихъ разсужденіяхъ, какъ будто, исчезаетъ личность, а ея мѣсто занимаетъ типъ...

— Совсѣмъ нѣтъ! И для меня это, конечно, не *тѣ же самые* люди, но это *такіе же* люди!.. Благодаря имъ-то и держатся явные и несомнѣнные выразители и столпы существующаго порядка вещей!..—раздался изъ темноты голосъ Александрова.

Хотя друзья говорили по-польски, но Александровъ настолько привыкъ къ этому языку, постоянно живя съ ними, что безъ труда понималъ все, что говорилось. Тѣмъ не менѣе, они сейчасъ же, замѣтивши, что онъ интересуется разговоромъ, стали говорить по-русски.

— Личность и только личность отвѣчаетъ за все и имѣетъ рѣшающее значеніе... Общества всегда таковы, каковы составляющія ихъ личности. Кто молча переноситъ преступленія своей среды, тотъ участвуетъ въ нихъ... Пусть онъ уйдетъ, или противодѣйствуетъ...

— Я именно хочу уйти, но меня не пускаютъ!—шутилъ Негорскій.—Я сомнѣваюсь, впрочемъ, чтобы существовалъ

на землѣ такой уголокъ, гдѣ бы можно было спрятаться отъ подобной отвѣтственности... Помолчите, кто-то идетъ!..

Заскрипѣли шаги въ сѣняхъ, и стукнули двери.

— Господа, необыкновенное событіе! Только что былъ у исправника... Сейчасъ разскажу, но раньше сброшу платье... Я весь въ снѣгу... Тьфу, пропасть!.. Какая пурга!..—вскричалъ у порога Самуилъ.

Товарищи вскочили, окружили его и принялись стаскивать съ него обледенѣлый, набитый снѣгомъ тулупъ.

— Только-что пріѣхалъ „отъ моря“ нарочный отъ тамошняго частнаго командира. Онъ привезъ донесеніе мѣстныхъ властей и записочку по-англійски... Телеграмма адресована посланнику Соединенныхъ Штатовъ. Такая ерунда, которой я не въ силахъ разобрать по незнанію нѣкоторыхъ словъ и оборотовъ. Я взялъ ее и несу къ Аркановымъ, чтобы они помогли мнѣ... Къ вамъ я завернулъ по пути... Собирайтесь, пойдемъ всѣ вмѣстѣ...

— А донесеніе?..

— Донесенія я не захватилъ. Командиръ сообщаетъ, что на лодкахъ приплыло много иностранцевъ, и по этому поводу поретъ всякую чушь...

Ссыльные одѣлись поспѣшно и отправились —кто къ Петрову, кто къ Воронину, чтобы сообщить имъ новость и позвать на совѣщаніе. Черевина они нашли у Аркановыхъ.

— Гдѣ же записка?—спрашивала съ любопытствомъ Евгенія.

Самуилъ вынулъ осторожно записочку изъ бокового кармана.

— Несомнѣнно, шифръ... Какая-то безсмыслица!..

„Дорогой... Джонъ, когда получишь эту телеграмму, знай... что... предметъ... уложенный въ чемоданъ... былъ принятъ“... Дальше еще какое-то слово,—можетъ быть, имя собственное, котораго не понять...—читала Арканова.

— Не подлежитъ сомнѣнію, что это шифръ, но что это за люди?.. Нужно прочесть донесеніе... Можетъ быть, тамъ найдутся какія-нибудь подробности, на основаніи которыхъ удастся сообразить...

— Боюсь, что исправникъ не дастъ донесенія. Онъ очень напуганъ всѣмъ происшедшимъ и что-то подозрѣваетъ...

— Тогда объясните ему, что онъ не получитъ перевода записки...

Самуилъ немедленно отправился къ исправнику, а другіе возбужденно и сосредоточенно слѣдили за движеніемъ рукъ Аркановой, разыскивавшей слова въ словарѣ.

— А что, если они... явились за нами?!.. — прошепталъ неожиданно Воронинъ.

На лицахъ присутствующихъ мелькнула легкая судорога.

— Нѣтъ, это не возможно!

— Почему же? Если-бъ кто-нибудь изъ насъ вырвался отсюда, развѣ онъ не попытался бы освободить остальныхъ? Возможно, что политическій бѣглецъ изъ другой мѣстности организовалъ экспедицію. Такая экспедиція вполнѣ мыслима. По ошибкѣ она попала въ устья Лены... Она направлялась въ Джурджуй, но вѣдь устья обѣихъ рѣкъ лежатъ недалеко... Впрочемъ, можетъ быть, они собирались увезти ссыльныхъ, живущихъ въ Якутскѣ, и... опоздали!.. Все возможно...

Вернулся Самуилъ съ бумагой морского командира.

— Исправника съ трудомъ удалось уговорить. Онъ потребовалъ честное слово, что бумагу вернемъ немедленно...

— Слушайте: „Въ Туматскомъ наслегѣ у рыбака Трофима Чалкая появились неизвѣстные люди отъ моря, на обитомъ мѣдью, исправномъ каюкѣ съ вѣтрилами. А что они за люди— не извѣстно. Говорятъ маяками и крестятся не православнымъ крестнымъ знаменіемъ. Поэтому спрашиваю ваше высокоблагородіе, что сдѣлать съ ними прикажете, такъ какъ они могутъ оказаться контрабандистами, торгующими крѣпкими напитками или запрещеннымъ табакомъ... А такъ какъ у нихъ ничего нѣтъ, кромѣ хорошаго оружія и весьма оборваннаго платья, то я не знаю, однако, отдать ли ихъ подъ стражу или связать, такъ какъ людей у меня мало и требуется немедленная высылка въ помочь казаковъ. А муку и рыбу тоже они шибко ѣдятъ, что принужденъ былъ выдать изъ магазина, и не знаю, отъ кого взыскать денежную отвѣтственность, развѣ придется удержать эти ружья и каюки, которые, кромѣ мѣдной обшивки, мало стоятъ, такъ какъ они глубоко-морскіе, для здѣшняго плаванія непригодные... А пріѣзжіе эти тихіе суть и очень просили прилагаемую записку выслать по телеграфной проволокѣ...

Поступлю въ точности по приказанію и распоряженію вашего высокоблагородія, чего ожидаю и прошу.

Морской частный командиръ, вахмистръ
И. В. Харламовъ».

— Что-же исправникъ?

— Колеблется. Онъ тоже полагаетъ, что это могутъ быть контрабандисты или кто похуже... А кто похуже—не сказалъ.

— Во всякомъ случаѣ, одѣть и накормить ихъ онъ обязанъ. Телеграмму пусть немедленно пошлетъ губернатору. Онъ долженъ это сдѣлать: телеграмма адресована посланнику Соединенныхъ Штатовъ... Ты ему это объясни!

— А лучше всего пусть ихъ всѣхъ сюда привезетъ, тогда все узнаемъ...

— Ну, ихъ пріѣзда, мнѣ кажется, онъ пуще огня боится.

— Пусть боится, но пусть дѣлаетъ... — заволновались ссыльные. — Скажите ему, что мы усиленно совѣтуемъ ему перевезти сюда пріѣзжихъ.

Самуилъ взялъ записку съ донесеніемъ и унесъ къ исправнику. Ссыльные остались вмѣстѣ, продолжая совѣтоваться, какъ поступить, если полиція не пожелаетъ перевезти въ Джурджуй таинственныхъ незнакомцевъ, или рѣшитъ отправить ихъ въ Якутскъ прямымъ зимнимъ путемъ по льду Лены.

Вацлавъ Сѣрошевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жюль Валлэсъ.

(Литературно-біографическій очеркъ).

Въ біографіи Рошфора мнѣ пришлось изобразить сцену похоронъ Жюля Валлэса *). То было, дѣйствительно, парижское событіе. Но уже въ то время Валлэсъ, можно сказать, пережилъ себя, пережилъ, не смотря на сравнительно еще не старый возрастъ, лучшій расцвѣтъ своей индивидуальности. А теперь мало кто даже изъ образованныхъ французовъ,—не говоря уже объ иностранцахъ,—имѣетъ ясное представленіе о литературной физіономіи автора «Отщепенцевъ» (какъ можно перевести вслѣдъ за Н. В. Соколовымъ терминъ «Réfractaires»), «Улицы», автобіографической трилогіи «Жакъ Вэнтра».

Я попытаюсь на нижеслѣдующихъ страницахъ обрисовать личность Жюля Валлэса, по обыкновенію ставя въ тѣсную зависимость его писательскую карьеру и его жизнь. Да по отношенію къ изображаемой мною индивидуальности было бы почти не возможно поступить иначе: Жюль Валлэсъ не былъ чистымъ «литературщикомъ», и его писательская дѣятельность носитъ глубокій отпечатокъ его личнаго и общественнаго существованія.

Жюль Валлэсъ родился 10-го іюня 1832 г. въ Ле-Пюи, главномъ городѣ департамента Верхней Луары (умеръ, какъ уже было сказано, въ Парижѣ, 14-го февраля 1885 г., всего, значитъ, 52 лѣтъ отъ роду). Родители его вышли изъ народа. Про мать можно даже сказать, что, не смотря на замашки мелкой буржуазки, хотѣвшей играть роль «дамы», она осталась въ душѣ бѣдной крестьянкой Оверни, съ жесткостью, скупостью и сильной волей, характеризующими населеніе гористой центральной Франціи. Выходцы Оверни хорошо извѣстны въ этомъ смыслѣ населенію Парижа, гдѣ громадное

*) «Галлерея современныхъ французскихъ знаменитостей»; С.-Петербургъ, 1906, стр. 227.

большинство торговцевъ углемъ, соединяющихъ обыкновенно съ этимъ занятіемъ профессію мелкихъ кабатчиковъ, воспроизводятъ типичныя черты овернцевъ. Масса анекдотовъ ходитъ насчетъ этой приземистой, но очень крѣпко сложенной расы, съ большой круглой головой, смуглымъ цвѣтомъ лица, черными, какъ уголь, который она продаетъ, глазами, курьезнымъ, страшно рѣзкимъ и шипящимъ акцентомъ. Любовь къ деньгамъ умѣряется (а, можетъ, и подхлестывается) у овернцевъ развѣ любовью къ родинѣ: и въ Парижѣ они остаются вѣрны своему національному «супу изъ капусты»—родъ нашихъ щей,—своей шумной и тяжелой пляскѣ «bourrée». Какъ только овернецъ, благодаря своему удивительному трудолюбію и еще болѣе удивительной воздержности, успѣлъ сколотить капиталецъ, онъ сейчасъ же возвращается на свою нѣкогда вулканическую, нынѣ богатую лѣсами, пастбищами и минеральными источниками родину,—если только особо удачливый поворотъ колеса Фортуны не вознесетъ овернца на самый верхъ соціальной лѣстницы. И тогда онъ охотно остается въ Парижѣ, но не разрывая связи съ своей страной, а особенно со своими привычками...

Мать Жюля Валлэса, сказали мы, не только вышла изъ овернскаго крестьянства, но осталась наполовину въ немъ своею жестокостью и скаредностью, хотя и смотря сверху внизъ на родичей, продолжавшихъ жить жизнью мужиковъ. Отцу эта операція «выхожденія» удалась лучше, хотя бы уже въ силу образованія. Онъ былъ учителемъ въ низшихъ классахъ гимназіи. Но за то это мизерное существованіе педагогической ломовой клячи, старавшейся слѣдовать традиціямъ «хорошаго общества», отгораживавшей себя всѣми правдами и неправдами отъ среды, изъ которой вышла, смяло и истерзало лучшія качества этой не лишенной природной гордости натуры. Отецъ Жюля Валлэса воспитывался въ семинаріи, такъ какъ его семья питала честолюбивые замыслы сдѣлать изъ Антуана священника. Но юноша, выдержавъ экзаменъ на баккалавра (нашъ аттестатъ зрѣлости), вступилъ, вопреки желанію родныхъ, на поприще свѣтскаго преподаванія и получилъ мѣсто учителя въ элементарныхъ классахъ «коллежа» въ Ле-Пюи. Ему пришлось схватиться за первое представившееся занятіе, такъ какъ едва двадцати лѣтъ отъ роду онъ, опять таки вопреки желанію семьи, женился по любви на бѣдной крестьянской дѣвушкѣ, и 22 лѣтъ отъ роду былъ уже отцомъ Жюля: другихъ дѣтей въ этомъ бракѣ по склонности не было.

Притиснутые безжалостной рукой судьбы, родители будущаго «отщепенца» ожесточенно боролись за существованіе, усложняя эту борьбу страстнымъ желаніемъ соблюдать всѣ приличія, весь декорумъ того «хорошаго общества», на периферіи, если не въ центрѣ котораго ихъ поставила карьера маленькаго гимназическаго учителя. Приходилось отказывать себѣ въ существенномъ, чтобы сберегать гроши на какіе-нибудь вздорные расходы, требовавшіеся

положеніемъ преподавателя. Семья урѣзывала себя въ пищѣ, простыхъ удобствахъ жизни, но за то хотѣла внѣшнимъ видомъ, квартирой, одеждой, кругомъ знакомыхъ, подражать фешіонэбельному провинціальному обществу и проводить рѣзкую грань между собой и родичами земледѣльцами и мелкими фермерами.

Жюль Валлэсъ въ дѣтствѣ ужасно страдалъ отъ жестокости властолюбивой матери и вспышекъ гнѣва вѣчно раздраженнаго жалкими условіями жизни отца. Мать била его, что называется, походя, била за все, за малѣйшіе пустяки и при томъ била методически, во имя идеала хорошаго воспитанія, который засѣлъ въ ея узкую голову, и все время дѣлая видъ и даже искренно думая, что эти безконечные побои были проявленіемъ горячей, но раціональной материнской любви, чуть ли не самозакланіемъ нѣжной родительницы на алтарѣ искренней привязанности къ подроставшему сыну. Недаромъ большая часть автобіографіи Валлэса полна желчью, почти злобой по отношенію къ виновницѣ его пасмурныхъ дней дѣтства и юности. У него срывается даже однажды съ кончика ядовитаго въ данномъ случаѣ, какъ отравленный ножъ, пера фраза о томъ, что его мать могла быть прекрасно «замѣнена палкой»,—фраза, которая до глубины души возмущала одного моего знакомаго француза, не понимавшаго, что великій расколъ между «отцами» и «дѣтьми», столь извѣстный намъ, русскимъ, могъ оставлять навсегда чувство почти злобы между старымъ и молодымъ поколѣніями.

Но мать Жюля Валлэса не только била его, она мучила его физически и морально во всѣхъ отношеніяхъ: отнимала у него изо рта то, что ему нравилось; принуждала его поглощать въ неимовѣрномъ количествѣ вещи, которыя, наоборотъ, внушали ему органическое отвращеніе; лишала его всякаго удовольствія, игры съ сверстниками, даже простой бѣготни и, опять-таки, наоборотъ, усаживала его за такія занятія, которыя вызывали у него непреодолимую антипатію, и все это во имя того педагогическаго принципа, особенно характеризующаго мелкую французскую буржуазію, что надо «исправлять» (corriger) дѣтей. Замѣчу кстати, что этотъ глаголъ «corriger», который вы безпрестанно встрѣтите въ устахъ французскихъ отцовъ и матерей извѣстной категоріи, почти всегда обозначаетъ «колотить», совершенно во вкусѣ жестоковыйной премудрости Іисуса сына Сирахова: «любяй сына—учащаяй ему раны и сокращаяй ему ребра».

Билъ Валлэса и отецъ. Но это битье не имѣло того систематическаго характера, какъ «исправленіе», практиковавшееся матерью. И потому въ автобіографіи Валлэса меньше злобы и горечи противъ отца. У отца рука поднималась лишь подъ вліяніемъ охватывавшаго его гнѣва, который, къ сожалѣнію, загорался у него

на мальчика порою почти безъ всякой серьезной причины, просто подъ вліяніемъ раздраженія на тяжелую жизнь, дававшую мало радостей бѣдному гимназическому учителю. Отцовское битье стало повторяться чаще и приближаться нѣсколько по своей методичности къ материнскому лишь позже, когда маленькій Валлэсъ поступилъ въ лицей сосѣдняго города, Сэнтъ-Этьенна, одного изъ центровъ французской металлургіи, куда, благодаря хлопотамъ друзей, отецъ Жюля былъ переведенъ учителемъ «элементарнаго» класса. Чтобы не быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи къ сыну, педагогъ при малѣйшей шалости школьниковъ и не разбирая путемъ, кто былъ виновникомъ ея, жестоко билъ мальчика. Бѣднягѣ, сверхъ того, приходилось часто голодать, такъ какъ отецъ оставлялъ его при себѣ цѣлый день въ гимназіи, но не рѣшался кормить его казеннымъ ужиномъ, который полагался на долю учителей, помогавшихъ пансіонерамъ приготовлять уроки. А мать нарочно не посылала вовремя за сыномъ, желая, наоборотъ, чтобы отецъ выхлопоталъ для Жюля даровой столъ у начальства.

Не смотря на тяжелыя условія жизни и «воспитанія», Жюль Валлэсъ крѣпъ и росъ, здоровая крестьянская кровь брала свое, и къ 13—14 годамъ, когда его отецъ былъ переведенъ съ небольшимъ повышеніемъ на далекій западъ Франціи, въ Нантъ, на границу Бретани и Вандеи, нашъ герой былъ очень сильнымъ и храбрымъ подросткомъ, бросавшимся впереди всѣхъ, когда дѣло шло о дракѣ или какой-нибудь отчаянной дѣтской экспедиціи. Затаенная пока злоба противъ мучившихъ и оскорблявшихъ его родителей, а особенно матери, смягчалась у него развѣ чувствомъ искренней симпатіи къ родственникамъ, мужикамъ и ремесленникамъ,—образъ жизни которыхъ, съ ея трудомъ и ея простыми удовольствіями, онъ хотѣлъ постоянно раздѣлять,—и инстинктомъ солидарности ко всѣмъ бѣднымъ, слабымъ и угнетеннымъ. Въ унылой и ненавистной пустынѣ его дѣтской жизни оазисами у него были минуты и дни, которые онъ могъ проводить или въ бѣдныхъ кварталахъ городовъ, гдѣ ему приходилось жить, играя съ сверстниками, или гостя отъ времени до времени на каникулахъ у своихъ родственниковъ фермеровъ, у дяди сельскаго священника, и т. п.

Учился онъ, когда его подталкивало то или другое обстоятельство, хорошо, нерѣдко получалъ первыя награды, особенно за французскія сочиненія и писаніе латинскихъ стиховъ. Но въ общемъ онъ рано возненавидѣлъ схоластическую науку тогдашней средней школы,—остающейся, впрочемъ, и до сихъ поръ, надо отдать ей печальную справедливость, однимъ изъ самыхъ удачныхъ разсадниковъ рутины. Позже, когда онъ началъ глубже всматриваться въ жизнь, его ненависть къ традиціонному «классическому» образованію, дающему знаніе словъ, а не вещей, пріучающему къ фразѣ, а не мысли, реторикѣ, а не искреннему чувству, усугубилось еще пониманіемъ той каторги, которой окружилъ себя отецъ, стараясь

тянуться за людьми своего общества. Жюль Валлэсъ возненавидѣлъ рутинную школу,—фабриковавшую, такъ называемыхъ, образованныхъ людей, привилегированную интеллигенцію,—вдвойнѣ: за себя и за отца. Онъ понялъ, какую безпросвѣтную жизнь, полную лишеній и огорченій, семейной прозы возлѣ недалекой, но властной жены и оскорбленій человѣческаго достоинства со стороны всесильнаго гимназическаго начальства, велъ его родной отецъ, рано утратившій природную живость ума и свѣжесть сердца.

Немудрено, что нѣкоторая теплота къ отцу прорывается у автобіографа, лишь когда онъ разсказываетъ о двухъ любовныхъ исторіяхъ, приключившихся съ скромнымъ учителемъ и хоть отчасти скрасившихъ его унылое существованіе. Первая, сводившаяся къ банальной легкой интригѣ, возмутила временно семейный миръ Валлэсовъ, когда Жюль былъ еще мальчикомъ. Вторая, гораздо болѣе серьезная и поведшая къ разводу между супругами, произошла, когда молодой Валлэсъ былъ уже вдали отъ родныхъ, въ Парижѣ. Вдова одного изъ товарищей отца послѣдовала за нимъ въ одинъ изъ сѣверныхъ городовъ Франціи, куда цѣломудренное и высоконравственное начальство Второй имперіи сослало въ педагогическую ссылку стараго Валлэса въ наказаніе за «ужасный скандалъ». И здѣсь, лишь здѣсь «отщепенецъ» могъ поцѣловать въ лобъ трупъ умершаго отъ болѣзни сердца всего въ 48 лѣтъ отца, на похоронахъ котораго мать по закону оттѣснила отъ гроба любовницу - «чужую». Но мы нѣсколько забѣжали впередъ. Мы лишь у начала мрачной Одиссеи Жюля Валлэса, который будетъ принужденъ провести среди голода и всевозможныхъ лишеній цѣлыя 10 лѣтъ, пока его литературный талантъ не дастъ ему возможности, наконецъ, достигнуть обезпеченнаго, почти блестящаго положенія...

Занятія будущаго «отщепенца» въ нантскомъ лицеѣ, куда онъ послѣдовалъ за отцомъ, были прерваны въ одномъ изъ высшихъ классовъ тоже вслѣдствіе любовной исторіи, но уже самого Жюля, въ которой 16-тилѣтній мальчикъ сыгралъ скорѣе роль жертвы, чѣмъ соблазнителя. Имъ увлеклась зрѣлая провинціальная красавица, мать одного изъ его товарищей по классу. Скандалъ вышелъ на славу. И отецъ принужденъ былъ послать Донъ-Жуана поневолѣ въ одинъ изъ иногороднихъ пансіоновъ съ тѣмъ, чтобы, подготовившись тамъ, юноша могъ держать экзаменъ на баккалавра. Въ 1849 г. мы находимъ молодого Валлэса въ одномъ изъ парижкихъ интернатовъ, куда онъ былъ принятъ на очень подходящихъ условіяхъ и по уменьшенной цѣнѣ, такъ какъ родители его скрыли отъ директора заведенія значительно улучшившееся къ тому времени ихъ матеріальное положеніе: отецъ Валлэса сталъ вмѣстѣ съ частными уроками зарабатывать до восьми тысячъ франковъ въ годъ.

Молодой Валлэсъ даже въ этой педагогической темницѣ уже

успѣваетъ обнаружить свою индивидуальность. Онъ не любитъ фальшиваго классицизма. Но ему претитъ и тогдашній декламаціонный романтизмъ. Его не тянетъ смотрѣть на парижскіе монументы: ему нужны «люди», а не «камни»; его привлекаетъ не неподвижная исторія, а жизнь, все, что живетъ и дышетъ. Съ другой стороны, на конкурсномъ экзаменѣ онъ проваливается потому, что между его юношескимъ воображеніемъ и традиціоннымъ «сочиненіемъ», которое надо было написать александрійскими стихами, стоитъ шумный Парижъ. И его душу охватываетъ отвращеніе, когда онъ видитъ, какая масса получившихъ дипломы баккалавра и даже выше того умираютъ съ голоду или влачатъ сѣрое существованіе въ великой, нервно живущей столицѣ. А онъ успѣлъ уже вкусить во время прогулокъ хоть немного парижской жизни среди учащейся молодежи, гдѣ его храбрость, сила и давнишнее горячее чувство справедливости, толкающее его на защиту слабыхъ и обиженныхъ, создаютъ ему репутацію хорошаго товарища.

Эти качества не имѣютъ, однако, значенія въ глазахъ оффиціальныхъ педагоговъ; и автору неудачнаго «сочиненія» придется возвращаться къ родителямъ, въ Нантъ, и тамъ уже готовиться къ экзамену на бакалаавра. За нимъ пріѣзжаетъ мать.

Она сначала шокируетъ Валлэса своею вульгарностью, скаредностью, но потомъ, добившись откровеннаго объясненія съ сыномъ, видитъ, наконецъ, какую бездну огорченій она причинила ему въ теченіе всѣхъ предшествующихъ лѣтъ неуклоннымъ слѣдованіемъ «принципамъ воспитанія», и теперь желаетъ дать юношѣ возможность пожить свободною жизнью, не боясь на каждомъ шагу родительской узды или кнута. Такъ проходитъ мѣсяцъ, въ теченіе котораго молодой Валлэсъ впервые погружается съ жаромъ въ чтеніе Великой французской революціи, становится республиканцемъ и соціалистомъ, поскольку можно примѣнить эти выраженія къ семнадцатилѣтнему мальчику, только что пробуждающемуся къ настоящей сознательной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ знакомится съ мелкими журналистами, съ рабочими печатнаго дѣла, и его давнишнее затаенное желаніе заниматься физическимъ трудомъ принимаетъ болѣе опредѣленную форму: онъ хочетъ стать рабочимъ, чтобы жить жизнью трудящихся классовъ и вмѣстѣ съ ними, путемъ борьбы со старымъ міромъ, добывать довольство, счастіе и свободу для всего человѣчества.

Но нетерпѣливое письмо отца прерываетъ это счастливое существованіе молодого Валлэса. Надо отправляться въ Нантъ. И вдвойнѣ тусклымъ и ненавистнымъ кажется теперь юношѣ жизнь въ провинціальномъ городѣ, бокъ-о-бокъ съ отцомъ, котораго не коснулась перемѣна въ отношеніяхъ къ сыну матери,—снова, впрочемъ, вернувшейся, если не ко всѣмъ, то къ нѣкоторымъ проявленіямъ своей узко-тиранической натуры. Непріязнь между отцомъ и сыномъ усиливается особенно съ того времени, какъ

молодой Валлэсъ срѣзался на баккалаврскомъ экзаменѣ въ Реннѣ изъ-за нелѣпѣйшаго схоластическаго вопроса насчетъ того, какимъ числомъ «способностей» обладаетъ душа. Дѣло доходитъ до того, что отецъ хочетъ, пользуясь правомъ, которое ему даетъ законъ, посадить сына въ тюрьму на исправленіе. Но здѣсь въ будничную жизнь этихъ физически родныхъ, но по духу совершенно чуждыхъ другъ другу каторжниковъ, прикованныхъ къ одной семейной цѣпи, въ эту сѣрую и ужасную вмѣстѣ жизнь, врывается драматическое происшествіе. Оно, словно гроза, освѣжаетъ невыносимо душную атмосферу взаимнаго непониманія и чуть не взаимной ненависти. Одинъ изъ учениковъ отца, получившій пощечину отъ послѣдняго,—отецъ Валлэса дрался часто и жестоко, какъ полагалось педагогу старой школы,—пожаловался своимъ роднымъ. И вотъ отецъ и старшій братъ пострадавшаго являются къ невоздержному на руку учителю и, осыпая его всевозможными оскорбленіями, требуютъ, чтобы онъ извинился передъ ученикомъ. На шумъ сцены, на крики матери, молодой Валлэсъ врывается въ комнату, вышвыриваетъ за дверь посѣтителей и жестоко колотитъ на улицѣ младшаго. Въ результатѣ—дуэль, во время которой не искусившійся въ фехтовкѣ Жюль Валлэсъ получаетъ довольно серьезную рану въ ногу. Умиленный отецъ соглашается отпустить непокорнаго сына на свободу и независимую жизнь. И вотъ, по выздоровленіи, молодой Валлэсъ очутился снова въ Парижѣ съ 24 су въ карманѣ и порученіемъ отъ родителей получить сорокъ франковъ долгу съ одного изъ ихъ парижскихъ знакомыхъ... который временно отсутствуетъ, и обрекаетъ тѣмъ молодого «отщепенца» на мученія голода...

Послѣ всевозможныхъ шатаній и тщетныхъ попытокъ найти хоть кого-нибудь изъ своихъ парижскихъ друзей, истомленный, еле держащійся на ногахъ, Жюль Валлэсъ добирается, наконецъ, до грязнаго, населеннаго богемой отеля, въ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ падаетъ въ объятія стараго школьнаго пріятеля, которому онъ даетъ въ своей автобіографіи вымышленное имя Матуссэна. Такъ кончается жизнь «ребенка» и начинается жизнь «баккалавра». Родители высылаютъ ему сорокъ франковъ въ мѣсяцъ; десять-пятнадцать франковъ въ мѣсяцъ онъ зарабатываетъ нищенскими уроками, такъ приблизительно по двадцати копѣекъ за урокъ на наши деньги. А между тѣмъ молодой, здоровый организмъ хочетъ жить. Приходится помѣщаться какъ попало, въ ужасныхъ меблированныхъ комнатахъ, ѣсть гнилую рыбу и низкопробное мясо и запивать чернымъ кофе, который напоминаетъ настоящій напитокъ развѣ только своимъ цвѣтомъ. Эту мизерную жизнь скрашиваетъ нѣсколько Валлэсу любовь простой дѣвушки изъ народа, дочери хозяина дешеваго ресторана, который отъ времени до времени и матеріально поддерживаетъ хронически голодающаго молодого человѣка, открывая ему кредитъ въ нѣсколько франковъ.

А, главное, всѣ невзгоды этого существованія забываются, благодаря тому идейному энтузіазму, который охватываетъ въ сей разъ Валлэса въ Парижѣ. «Отщепенецъ» съ жадностью набрасывается на чтеніе соціалистическихъ книгъ и газетъ, тратя на это чуть не восьмую часть своего жалкаго мѣсячнаго бюджета. Съ другой стороны, онъ съ не меньшимъ жаромъ погружается въ юношескую политику, составляя вмѣстѣ съ своими сверстниками различныя тайныя общества, «комитеты» и вырабатывая планы спасенія демократической и республиканской Франціи изъ когтей реакціи. Второй республикѣ грозитъ, дѣйствительно, въ это время крайне серьезная опасность. Надъ буржуазной демократіей, залившей въ іюньскіе дни плиты Парижа горячей кровью рабочихъ, носится уже тѣнь хищнаго бонапартистскаго орла. Въ теченіе года, который Жюль Валлэсъ проводитъ въ столицѣ, республика успѣваетъ жестоко скомпрометтировать себя въ глазахъ массъ. Вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, зачастую въ первыхъ рядахъ ихъ, Валлэсъ бросается всюду, гдѣ дѣло идетъ о томъ, чтобы защищать свободу и соціализмъ отъ мутныхъ волнъ реакціи. «Отщепенецъ» принимаетъ дѣятельное участіе въ манифестаціи свободомыслящихъ республиканцевъ противъ закрытія курса Мишлэ во Французскомъ Коллежѣ. Онъ ищетъ даже побѣды или смерти на баррикадахъ во время декабрьскаго переворота, когда парижскій пролетаріатъ не безъ злорадства наблюдаетъ, какъ цезаризмъ разноситъ республиканскую буржуазію и гонитъ ея представителей въ изгнаніе и ссылку. Самому Валлэсу, звавшему рабочихъ стать на кое-какъ воздвигнутую молодежью баррикаду, пришлось выслушать изъ устъ одного пролетарія, который окинулъ презрительнымъ взглядомъ «интеллигентный» костюмъ инсургента: «буржуазный юнецъ! а что это твой отецъ или дядя разстрѣливалъ насъ и ссылалъ въ іюнѣ 1848 г.?..»

Имперія декабрьской ночи восторжествовала: 2 декабря 1851 г. отбрасываетъ Францію въ политическомъ отношеніи на полвѣка назадъ, и повсюду торжествующая реакція поднимаетъ голову. Избѣжавшій чудомъ смерти, Валлэсъ получаетъ всего черезъ нѣсколько дней послѣ бонапартистскаго переворота встревоженное письмо отъ отца, который требуетъ отъ своего сына немедленно же возвратиться въ Нантъ къ родителямъ. Дѣло въ томъ, что досужіе провинціальные сплетники повсюду разносятъ слухи, будто молодой Валлэсъ попался въ числѣ мятежниковъ. Достаточно одного такого подозрѣнія, чтобы педагогическая карьера отца была навсегда прервана: торжествующій режимъ сабли и Кайенны шутить не любитъ. И вотъ, еще пылающій жаромъ борьбы, 19-лѣтній революціонеръ покидаетъ Парижъ и ѣдетъ въ Нантъ, чтобы своимъ присутствіемъ подкрѣпить шатающееся положеніе отца. Можно себѣ представить, съ какою ненавистью молодой Валлэсъ, вкусившій

шумной жизни и политической дѣятельности, погружается въ сонную атмосферу провинціи. А въ семьѣ царитъ настоящій адъ. Какъ запертые въ банку пауки, отецъ и сынъ смотрятъ другъ на друга. Попытка молодого Валлэса найти себѣ хоть самые дешевые уроки приводитъ педагога въ новое бѣшенство: оказывается, что сынъ сбиваетъ цѣну отцовскимъ урокамъ. Въ головѣ Жюля Валлэса роятся самые отчаянные планы. Ему хочется сбѣжать изъ дома куда-нибудь далеко, далеко, въ колоніи, выполняя, наконецъ, давнишнее еще дѣтское намѣреніе скрыться изъ родительской каторги за море, хоть самымъ послѣднимъ юнгой на кораблѣ. Встрѣча съ однимъ старымъ извѣстнымъ республиканцемъ, который нынѣ забился ради семьи въ провинціальную щель и отказался отъ прежнихъ свободолюбивыхъ идей, наполняетъ душу Жюля Валлэса новой горечью. Съ отчаянія онъ бросается въ среду нантскихъ моряковъ, и здѣсь, въ этомъ портовомъ городѣ, проводитъ время въ самыхъ грязныхъ вертепахъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ такой жизни избавленіе отъ этого ада приходитъ неожиданно въ видѣ завѣщанія старой доброй дѣвы, которая питала чувство сострацанія и искренней симпатіи къ Жюлю Валлэсу съ самаго его дѣтства и которая, умирая, оставляетъ юношѣ тринадцать тысячъ франковъ. Но нашъ герой еще несовершеннолѣтній, онъ еще не можетъ располагать своимъ имуществомъ. И вотъ отецъ предлагаетъ ему слѣдующую сдѣлку: сынъ уступаетъ родителямъ весь небольшой капиталъ, а взамѣнъ получаетъ разрѣшеніе отправляться куда ему угодно, хоть въ Парижъ, вести на этотъ разъ уже совершенно свободную и независимую жизнь. Отецъ даетъ формальное обѣщаніе высылать сыну ежемѣсячно сорокъ франковъ и немедленно же вручаетъ ему 500 франковъ на первое обзаведеніе и устройство. И вотъ, Жюль Валлэсъ снова въ столицѣ, съ нищенской получкой отъ родителей и при томъ вынужденный еще кормить умирающаго съ голоду школьнаго пріятеля, съ которымъ онъ встрѣтился послѣдній разъ въ Нантѣ и которому онъ предложилъ теперь поселиться въ его жалкой мансардѣ.

Приходится снова изощряться на всѣ лады, искать всевозможной работы, чтобы поддерживать нищенское существованіе себя самого и своего друга. «Баккалавръ» проявляетъ чудеса настойчивости и дипломатіи, чтобы найти уроки, переписку, какую-нибудь литературную работу. Сегодня онъ въ роли не то учителя, не то гувернера при какомъ-то подозрительномъ пансіонѣ, хозяинъ котораго живетъ мошенничествомъ, убѣгаетъ постоянно отъ кредиторовъ, держитъ впроголодь Жюля Валлэса и, наконецъ, ухитряется со скандаломъ въ полиціи отдѣлаться отъ него, не заплатя ни копѣйки. Но завтра, здоровенный и ловкій физически юноша даетъ

уроки французскаго бокса, которому онъ выучился у одного гимнаста. Еще нѣкоторое время спустя, «отщепенецъ» пишетъ сатирическіе стихи по заказу одного состоятельнаго господина, который хочетъ донять этимъ литературнымъ оружіемъ своихъ враговъ. И этотъ родъ писанія создаетъ даже нашему герою извѣстную популярность среди столичныхъ и провинціальныхъ пріятелей заказчика и даетъ ему въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ кой-какой заработокъ. Наоборотъ, попытки пробиться въ настоящую литературу увѣнчиваются пока полнѣйшимъ фіаско. Если ему и удается помѣстить нѣсколько статей, то лишь въ жалкихъ газеткахъ, издаваемыхъ его пріятелями, принадлежащими къ типичной парижской богемѣ, которые не только не могутъ платить своему собрату, но сами прибѣгаютъ къ самымъ курьезнымъ уловкамъ, чтобы заполучить одного, двухъ подписчиковъ. Лучше дѣла идутъ у Валлэса съ частными уроками, когда соединенными усиліями пріятелей и при помощи всевозможныхъ портняжныхъ фокусовъ и невѣроятнаго количества булавокъ нашему «баккалавру» удается смастерить костюмъ, или, вѣрнѣе сказать, рядъ сносныхъ на внѣшній видъ костюмовъ, чтобы получить возможность являться въ состоятельныя семьи.

Такъ проходитъ нѣсколько лѣтъ, нѣсколько ужасныхъ годовъ цѣликомъ заполненныхъ голодовкой, горькой борьбой за существованіе, однообразная вереница которыхъ прерывается время отъ времени ребяческими планами похищенія всесильнаго императора и кратковременнымъ арестомъ, отчаянной дуэлью съ пріятелемъ, осточертѣвшимъ вслѣдствіе постоянной жизни вмѣстѣ, комичными романами съ свѣтскими дамами, бѣгущими въ ужасѣ отъ jeune premier'a, какъ только узнавали нищенскую обстановку его жизни. Написанная Жюлемъ Валлэсомъ въ промежуткахъ между вѣчными исканіями работы, книга «Деньги» (L'Argent, 1856) не имѣетъ никакого успѣха. Не смотря на эффектное заглавіе и эффектную обложку, изображающую серебряный пятифранковикъ, къ которому тянется отовсюду цѣлый лѣсъ рукъ, не смотря на оригинальный, свирѣпый, хотя и не вездѣ выдержанный тонъ книги, представляющей сатирическій панегирикъ «Денегъ», у этого юношескаго произведенія Валлэса нашлось очень мало читателей. Нѣкоторое подспорье доставили, наоборотъ, начинающему писателю занятія въ качествѣ домашняго секретаря у критика Гюстава Планша, смѣяться надъ которымъ вошло въ моду у молодыхъ литераторовъ Второй имперіи, прошедшихъ черезъ школу Сэнтъ-Бева и Тэна, но у котораго были кой-какія идеи, заимствованныя у него самими же насмѣшниками. Такъ, Гюставу Планшу принадлежитъ, если не ошибаюсь, мысль и чуть ли даже не сама формулировка мысли— о взаимодѣйствіи между расой, средой, моментомъ, съ одной стороны, и личностью писателя—съ другой,—словомъ, ставшая впослѣдствіи знаменитой подъ энергичнымъ перомъ Тэна тройственная

формула литературнаго произведенія. Какъ бы то ни было, Жюль Валлэсъ сохранилъ чувство личной симпатіи къ критику, надъ посредственностью котораго любили подсмѣиваться писатели, претендовавшіе на оригинальность, и по смерти Планша, въ 1857 г., написалъ о немъ этюдъ, который можно назвать почти трогательнымъ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ умираетъ отецъ «отщепенца», всего 48 лѣтъ отъ роду, какъ уже было сказано нами выше. На похоронахъ отца молодой Валлэсъ узнаетъ отъ матери, что мѣстный провизоръ (по нашему директоръ) лицея былъ бы очень склоненъ дать сыну умершаго мѣсто надзирателя-репетитора въ своемъ учебномъ заведеніи. Сначала Валлэсъ съ ожесточеніемъ отвергаетъ самую мысль заняться оффиціальной педагогикой, въ которой онъ видитъ убійцу своего отца и мучительницу самого себя. Но въ одну изъ парижскихъ голодовокъ, когда десятилѣтняя борьба за существованіе временно до-нельзя истомила его, онъ рѣшается взять предлагавшееся ему мѣсто. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ живетъ на сѣверѣ Франціи, въ глубинѣ провинціи, исключительно растительной жизнію, снисходительно смотря на шалости ввѣренныхъ ему мальчиковъ и стараясь «отъѣсться» и «отпиться» (сидромъ). Но его непосѣдливая натура, а главное—отвращеніе къ роли надзирателя скоро погнали его снова въ Парижъ. Замѣтивъ, что присяжные педагоги съ неудовольствіемъ смотрѣли на воспитательные пріемы давнишняго врага оффиціальной науки и даже старались устроить заговоръ противъ него среди школьниковъ, Валлэсъ нарочно устроилъ гимназическій скандалъ. При первой же возможности онъ прочиталъ ученикамъ цѣлую лекцію на счетъ того, что они не должны заниматься ничѣмъ, ровно ничѣмъ изъ преподаваемаго имъ въ школѣ, какъ вещами, совершенно безполезными. И снова баккалавръ-отщепенецъ гранитъ мостовую въ Парижѣ.

Измѣнить своимъ идеаламъ молодости, своему революціонному міровоззрѣнію онъ не можетъ: лучше голодная или насильственная смерть, чѣмъ отступничество. Онъ доказалъ это еще нѣсколько времени тому назадъ, когда отвергъ сердце и руку влюбившейся въ него богатой дѣвицы, и отвергъ потому, что замѣтилъ глубокое презрѣніе у этой привилегированной особы къ нищетѣ и физическому труду. Но, съ другой стороны, онъ слишкомъ усталъ, годы свирѣпой борьбы за кусокъ хлѣба слишкомъ надломили его, чтобы онъ снова рѣшился бѣгать по урокамъ или искать случайной литературной работы. Ему хотѣлось бы занять какое-нибудь постоянное мѣсто. И вотъ, подобно молодому Рошфору, подобно столькимъ французскимъ писателямъ и дѣятелямъ, онъ поступаетъ мелкимъ служащимъ въ одну изъ мэрій Парижа: за 100 франковъ въ мѣсяцъ онъ цѣлый день проводитъ въ мэріи Вожирарскаго

квартала, ведя метрическіе списки рождающихся. Вечера принадлежатъ ему, и съ удвоенной энергіей онъ старается теперь пробиться въ литературномъ мірѣ.

Сначала эти попытки увѣнчиваются лишь половиннымъ успѣхомъ. То, что онъ пишетъ, врядъ ли принадлежитъ къ отдѣлу собственно, такъ называемой, литературы. Ибо какая же литература финансовая хроника въ тогда еще лишь еженедѣльномъ «Фигаро». Но его, написанная сильнымъ нервнымъ языкомъ и проникнутая искренней злобой къ современному обществу, статья «Воскресенье бѣднаго молодого человѣка» («Le dimanche d'un j'eune homme pauvre», 1860) производитъ сенсацію и открываетъ ему двери въ различные газеты и журналы. Эмиль-де-Жирардэнъ отказывается принять въ число своихъ постоянныхъ сотрудниковъ этого, какъ онъ называетъ, «бульдога», который бѣшено показываетъ настоящему строю свои страшные зубы и только ждетъ удобнаго случая, чтобы вцѣпиться въ него мертвой хваткой, со всей накопившейся на современное общество злобой, злобой не только лично за себя, но за всѣхъ своихъ товарищей по труду, борьбѣ и страданіямъ,—словомъ, за весь міръ работы и нищеты. Лишь одинъ разъ, взбѣшенный преслѣдованіями правительства, Жирардэнъ выпускаетъ противъ наполеоновскаго режима литературнаго «бульдога». Но, добившись своего, давъ почувствовать людямъ Второй имперіи, что съ нимъ, Жирардэномъ, шутить не годится, онъ прерываетъ сношенія съ нераскаяннымъ отщепенцемъ. За то его успѣваетъ пріютить у себя обладающій большимъ дѣлецкимъ чутьемъ Виллъмессанъ, издающій теперь «L'Evenement», а вскорѣ ежедневное «Фигаро». И это спасаетъ Жюля Валлэса отъ серьезной матеріальной невзгоды, такъ какъ начальство приказываетъ ему подать въ отставку изъ мэріи, возмутившись крайне революціонной публичной лекціей, которую отщепенецъ прочиталъ на вечерѣ, устроенномъ республиканской оппозиціей въ честь славнаго изгнанника Виктора Гюго. Субботнія хроники Жюля Валлэса хорошо оплачиваются шустрымъ газетчикомъ; а когда ставшій знаменитымъ въ то время Рошфоръ былъ перехваченъ издателемъ «Le Soleil», то, оставшійся на бобахъ, фигаристъ предлагаетъ Валлэсу еще лучшія условія, а именно: восемнадцать тысячъ франковъ въ годъ. Дѣло въ томъ, что появившійся въ то время и составленный изъ различныхъ статей романъ Жюля Валлэса «Отщепенцы» («Les Refractanes», 1856), изображающій жизнь общественныхъ парій и вообще людей, которые не могутъ войти въ рамки правильнаго буржуазнаго общества,—это горячо и зло написанное произведеніе сильно подняло шансы Валлэса на литературномъ рынкѣ. Эта вещь, кстати сказать, легла въ основу «Отщепенцевъ» Н. В. Соколова, который черпалъ полными пригоршнями въ книгѣ Валлэса, а мѣстами, особенно во введеніи, буквально воспроизводилъ ее...

Перо Валлэса не ограничивается нанесеніемъ жестокихъ ударовъ императорскому деспотизму и всему режиму произвола. Оно бередитъ больныя мѣста современнаго общества, основаннаго на «поляризаціи» богатства и бѣдности, голодающаго труда и сибаритствующаго капитала. Оно жестоко бичуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ буржуазныхъ либераловъ и буржуазныхъ республиканцевъ, которые стараются теперь всячески кокетничать съ народомъ, чтобы при помощи его свалить цезаристскій режимъ и самимъ стать у власти. Изъ своихъ колючихъ хроникъ, которыя, въ концѣ концовъ, заставляютъ Виллъмессана временно разстаться съ Жюлемъ Валлэсомъ, отщепенецъ составляетъ цѣлую книгу, представляющую въ извѣстномъ смыслѣ продолженіе предшествующей. Уже самое названіе ея «Улица» (*«La Rue»*, 1867) показываетъ, что героями ея избраны всѣ типы кишащей въ Парижѣ бѣдноты, кое-какъ и чѣмъ попало зарабатывающей себѣ хлѣбъ на улицахъ великаго города. Одинъ за другимъ передъ взорами взволнованнаго читателя проходятъ акробаты, геркулесы, уличные пѣвцы, бродячіе торговцы. И единственнымъ отдохновеніемъ отъ этого пандемоніума, отъ этого міра нищеты и страданій служатъ заключительныя страницы книги, гдѣ авторъ развертываетъ нить своихъ раннихъ сельскихъ воспоминаній, проникнутыхъ запахомъ полей и идилліей деревенскаго труда, которому такъ завидовалъ юный Жюль, смотря на своихъ родственниковъ-мужиковъ.

Названіе этой книги внушило даже Валлэсу идею издавать самому подъ такимъ заглавіемъ газету, гдѣ онъ могъ бы, не стѣсняясь требованіями какого-нибудь торговца печатнымъ словомъ, въ родѣ Виллъмессана, отзываться на всѣ интересующія его явленія жизни и откровенно высказывать свои мысли. Послѣ всевозможныхъ, порою комическихъ, а зачастую горестныхъ приключеній, связанныхъ съ отыскиваніемъ денегъ для новаго органа. Валлэсу удается, наконецъ, устроить матеріальную сторону дѣла. И вотъ, подобравъ штабъ подходящихъ сотрудниковъ, такихъ же непримиримыхъ, какъ самъ, Жюль Валлэсъ съ 1867 г. начинаетъ издавать газету «La Rue» («Улица»), на которую съ первыхъ же номеровъ обрушивается гнѣвъ людей Второй имперіи, ставшей къ тому времени лицемѣрно величать себя «либеральной». Послѣ всевозможныхъ предостереженій, конфискацій и т. п. судебно-административныхъ перуновъ, которые чуть не ежедневно разражались надъ «Улицей», злополучная газета была, наконецъ, закрыта попечительнымъ начальствомъ, конечно, высказывавшимъ полное сочувствіе «разумной свободѣ» печати, но не терпѣвшимъ, чтобы эта «свобода вырождалась въ распущенность». Валлэсъ и его сотрудники могли говорить съ своей трибуны сочувствующимъ читателямъ лишь въ теченіе полгода. Но и то, что они успѣли высказать за эти шесть мѣсяцевъ, носитъ печать горячаго убѣжденія и искренней общественно-политической страсти. Подбирая матеріалы для

политическихъ памфлетовъ Франціи *), я даже колебался, не пустить ли въ первую голову выдержки изъ «Улицы», такъ мало извѣстной русскому читателю. И лишь скорѣе соціальный, чѣмъ политическій характеръ этой газеты, да отрывочность ея статей и необходимость снабжать частыми примѣчаніями ихъ переполненное намеками или прямыми указаніями на современныхъ людей и событія содержаніе заставили меня отложить ихъ воспроизведеніе на русскомъ языкѣ. Во всякомъ случаѣ, сильная индивидуальность Валлэса со всѣми ея шероховатостями, но и съ могучимъ крикомъ сочувствія къ трудящимся и ненависти къ празднымъ паразитамъ ярко выражается въ «Улицѣ», которую можно считать въ значительной части личнымъ произведеніемъ отщепенца.

Между тѣмъ, извѣстность Валлэса расла не только среди единомышленниковъ, но и въ широкихъ литературныхъ кругахъ и даже во «всемъ Парижѣ». Онъ становился львомъ періодической печати. И если его репутація уступала колоссальной репутаціи Рошфора, созданной столько же симпатіями читателей-друзей, сколько лютой злобой идейныхъ враговъ, то все же его писательская физіономія выдѣлялась ярко и рельефно изъ рядовъ оппозиціонной арміи, ведшей все болѣе и болѣе ожесточенную войну противъ Имперіи. Благодаря этому, Валлэсу было нетрудно находить работу, и при томъ очень хорошо оплачиваемую работу, у промышленниковъ. Имъ вѣдь, въ сущности, было все равно, какія идеи развивалъ нанимаемый ими работникъ пера, лишь бы онъ умѣлъ интересовать читателей и усиливать сбытъ органа, хотя бы путемъ «скандала», т. е. проведенія такихъ взглядовъ, что могли шокировать и возмущать, но въ то же время привлекать своей пикатностью обычныхъ потребителей газеты. Такъ, по закрытіи «Улицы», Валлэсъ переходитъ въ 1868 г. въ ставшее большимъ ежедневнымъ изданіемъ «Фигаро» и здѣсь продолжаетъ свои хроники, больно ущемляющія предразсудки привилегированныхъ классовъ, но порою раздражающія смѣлостью своихъ сужденій о людяхъ и вещахъ идейныхъ товарищей Валлэса, особенно изъ категоріи ригористовъ. Они, дѣйствительно, не могли допустить, чтобы «отщепенецъ», въ теоретическомъ отношеніи находившійся все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ Прудона и его школы, смѣлъ такъ рѣзко отзываться о якобинцахъ Великой революціи, начиная съ Робеспьера. Возбуждали неудовольствіе этихъ товарищей и насмѣшки Валлэса надъ тѣми прямолинейными послѣдователями крайняго міровоззрѣнія, которые на все хотѣли смотрѣть глазами доктрины и требовали

*) См. мое предисловіе къ „Французскимъ памфлетистамъ XIX вѣка“, составляющимъ серію I „Политическихъ памфлетовъ“. С.-Петербургъ, 1906. „Библіотека Общественной Пользы“.

неуклоннаго проведенія ея въ жизни и мысли. Ихъ онъ любилъ называть «чистыми», «монахами революціи» и «попами соціализма». И нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ сужденіяхъ и насмѣшкахъ онъ иногда переходилъ границу, что отчасти объясняется его личнымъ положеніемъ высоко талантливаго и, можно сказать, моднаго писателя, которому приходилось черезчуръ часто вращаться среди людей привилегированнаго общества или торгашей печатнымъ словомъ, видѣвшихъ въ литературѣ лишь средство наживы. Присоединялась тутъ, конечно, и та естественная реакція могучаго и цѣлыми годами голодавшаго организма Валлэса, которая толкала его пользоваться комфортомъ и нѣкоторыми благами жизни съ большимъ, можетъ быть, увлеченіемъ, чѣмъ то хотѣлось бы видѣть убѣжденнымъ единомышленникамъ въ проповѣдникѣ евангелія труда. Ходили слухи и даже порою раздавались громкія обвиненія товарищей противъ блестящаго сотрудника бульварной печати, что онъ наполовину уже примирился съ буржуазіей, и что не сегодня-завтра онъ перейдетъ въ лагерь сытыхъ и привилегированныхъ.

Съ другой стороны, буржуазные республиканцы обвиняли Валлэса въ томъ, что онъ готовъ вступить въ сдѣлку съ Имперіей и стать послушнымъ орудіемъ въ рукахъ отживающаго режима, лишь бы насолить свободолюбивой, но отнюдь не соціалистической буржуазіи. Нѣкоторые доходили даже до того, что прямо обвинили Валлэса въ продажности, когда на выборахъ 1869 г. онъ выступилъ въ одномъ изъ кварталовъ Парижа, какъ «кандидатъ нищеты», противъ медоточиваго, но глубоко буржуазнаго Жюля Симона. Валлэсъ получилъ всего нѣсколько сотенъ голосовъ, и его противникъ прошелъ громаднымъ большинствомъ. Но и въ пылу избирательной кампаніи, и неоднократно позже довольно широкіе круги обвиняли Валлэса въ сознательномъ или безсознательномъ служеніи интересамъ бонапартизма, бросая ему въ лицо его избирательный «маневръ», его «неумѣстную диверсію» предъ лицомъ общаго, пока еще сильнаго врага. Между тѣмъ, справедливость заставляетъ сказать, что именно въ этомъ дѣлѣ Валлэсъ стоялъ на точкѣ зрѣнія тогдашняго послѣдовательнаго соціализма, представители котораго считали долгомъ обособляться на выборахъ отъ всѣхъ буржуазныхъ партій и выставлять то, что принято теперь называть «кандидатурой класса». Вспомните хотя бы полемику, которая завязалась въ половинѣ 60-хъ годовъ по поводу знаменитаго «Манифеста шестидесяти» парижскихъ рабочихъ между соціалистами и буржуазными республиканцами и въ которой на сторону пролетаріата, выступавшаго отдѣльнымъ классомъ, сталъ самъ аполитическій Прудонъ, вдохновившійся отчасти этимъ обстоятельствомъ и въ своемъ посмертномъ трудѣ «О политической правоспособности рабочаго класса».

Но событія несутся во Франціи съ поразительной быстротой. Имѣлъ ли намѣреніе или нѣтъ Валлэсъ примириться съ буржуазіей и даже позволить себѣ вступить въ избирательную сдѣлку съ Имперіей,—этотъ вопросъ, дѣлившій тогда людей, знавшихъ Валлэса, на два лагеря, скоро сталъ празднымъ въ виду національной катастрофы. Она разразилась надъ Франціей и увлекала всѣ классы и всѣхъ гражданъ въ сторону болѣе или менѣе искренней ликвидаціи прошлаго и сопротивленія завоевателю при новомъ, республиканскомъ правительствѣ. Валлэсъ раздѣляетъ со всѣми французами, или лучше сказать въ первыхъ рядахъ сознательныхъ политическихъ дѣятелей, перипетіи «страшнаго года». Издатель «Народа» (Le Peuple) въ 1869 г., временный жилецъ политической тюрьмы «Святой Пелагеи», за двѣ рѣзкихъ статьи, написанныхъ въ «чужихъ» органахъ, Валлэсъ бросается съ особеннымъ жаромъ въ политику съ самаго начала 1870 г., когда издыхающая Имперія чувствуетъ свою близкую гибель и хватается за всякія средства, лишь бы отсрочить часъ своего неизбѣжнаго паденія. На похоронахъ Виктора Нуара, предательски убитаго Пьеромъ Бонапартомъ 10 января 1870 г., Жюль Валлэсъ совѣтуетъ друзьямъ тактику, которую ему подсказываетъ его боевой темпераментъ: двинуться съ погребальной процессіей, во главѣ дышащей негодованіемъ двухсотъ-тысячной толпы, прямо на Парижъ, вызвать уличную революцію и силою низвергнуть съ трона рыцаря декабрьской ночи. Но болѣе робкіе или болѣе дальновидные вожаки крайнихъ партій разстраиваютъ этотъ планъ. Да и самъ Валлэсъ съ яростью въ душѣ убѣждается, что и народъ въ концѣ концовъ не рѣшается еще броситься въ открытое столкновеніе съ полиціей и войсками.

Въ день объявленія войны Пруссіи, въ іюлѣ 1870 г., взбѣшенный Валлэсъ ходитъ по бульварамъ впереди мирныхъ контръ-манифестацій, которыя организованы соціалистами, объединенными теперь подъ знаменемъ интернаціонала, и вообще убѣжденными демократами и республиканцами, чтобы противоставить голосъ истиннаго рабочаго народа воплямъ воинственныхъ манифестацій и крикамъ «въ Берлинъ! Въ Берлинъ!», наполовину одураченныхъ, наполовину состоящихъ изъ шпіоновъ шовинствующихъ толпъ. Валлэса жестоко избиваютъ партизаны войны; правительство сажаетъ его въ тюрьму, какъ измѣнника отечеству, но вскорѣ, подъ вліяніемъ пораженій, наносящихъ все новые и новые удары императорскому трону, выпускаетъ его на свободу. А черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, 4 сентября, рушится и весь режимъ восемнадцатилѣтняго гнета и произвола, уступая мѣсто республикѣ, которую Валлэсъ и его единомышленники желали бы тутъ же превратить въ соціальную, но которая останется анонимнымъ правленіемъ, многоголовой диктатурой буржуазнаго класса, не останавливающагося, какъ то вскорѣ увидитъ исторія, передъ потоками

рабочей крови. когда дѣло пойдетъ объ охраненіи привилегій капитала и владѣнія.

Не проходитъ, дѣйствительно, и двухъ мѣсяцевъ, какъ народъ, искренно желающій отстоять отъ нѣмцевъ осажденный Парижъ, видитъ, что правительство «національной обороны», состоящее изъ крупныхъ вожаковъ буржуазіи, ведетъ дѣло защиты такъ вяло, будто оно боится гораздо больше вооруженнаго столичнаго населенія, чѣмъ враговъ, охватившихъ желѣзнымъ кольцомъ великій городъ. Соціалисты и революціонеры школы Бланки дѣлаютъ попытку 31 октября захватить ратушу и на мѣсто буржуазнаго поставить истинно народное правительство. Уже произносится и идетъ изъ устъ въ уста слово «Коммуна», которою секціи вооруженныхъ «федералистовъ», выбирающихъ своихъ вождей, надѣются замѣнить вялыхъ и трусливыхъ людей 4 сентября. Валлэсъ во время этой попытки назначенъ народомъ мэромъ XIX-го округа.

Но народное движеніе, послѣ нѣсколькихъ часовъ торжества, подавлено пришедшимъ въ себя правительствомъ, которое, однако, рѣшается преслѣдовать мятежниковъ военнымъ судомъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Буржуазія мститъ народу только послѣ капитуляціи, только послѣ постыдной сдачи Парижа правительствомъ торжествующему врагу, не смотря на слезы ярости и героизмъ населенія (январь 1871 г.). Лишь въ началѣ марта буржуазная юстиція приговариваетъ заочно Бланки и Флуранса къ смертной казни, Валлэса, успѣвшаго тѣмъ временемъ скрыться и пріютиться у друзей, къ шестимѣсячному заключенію. За то газета «Крикъ народа» (Le Cri du Peuple), которую Валлэсъ началъ издавать при республикѣ и которая сильно расходилась между рабочими и революціонной буржуазіей въ Парижѣ, была пріостановлена правительствомъ «національной обороны» на 18-мъ номерѣ въ числѣ шести соціалистическихъ органовъ...

Но въ воздухѣ пахнетъ уже настоящей Коммуной. Валлэсъ, вступившій незадолго передъ тѣмъ въ одну изъ секцій Интернаціонала и могущій теперь ближе познакомиться съ настроеніемъ наиболѣе сознательныхъ рабочихъ, чувствуетъ, что готовится нѣчто огромное не только по внѣшнимъ размѣрамъ, но и по своему историческому смыслу. Самое событіе застаетъ всетаки Валлэса врасплохъ: Коммуна провозглашена если не неожиданно, то внезапно, какъ результатъ народнаго движенія 18-го марта. Появившаяся вновь газета Валлэса привѣтствуетъ ее слѣдующей передовой статьей, которая производитъ сильную сенсацію среди наэлектризованныхъ массъ, идущихъ, какъ имъ кажется, на окончательное завоеваніе новаго міра:

«Что за день!

«Это теплое и ясное солнце, которое золотитъ жерла пушекъ, этотъ запахъ букетовъ, это трепетаніе знаменъ, рокотъ этой революціи, которая развертывается, спокойная и прекрасная, словно голубая рѣка; эта дрожь, пробѣгающая по толпѣ, этотъ свѣтъ, эти мѣдныя трубы, этотъ блескъ бронзы, эти горячіе взрывы надежды, этотъ запахъ честности въ воздухѣ,—да, тутъ есть чѣмъ опьянить гордостью и радостью побѣдоносную армію республиканцевъ.

«О, великій Парижъ!

«Мы были жалкими трусами, мы говорили уже о томъ, чтобы покинуть тебя и удалиться изъ твоихъ предмѣстій, которыя, намъ думалось, оставило дыханіе жизни!

«Прости! Отечество чести, городъ спасенія, бивуакъ революціи!

«Что бы ни случилось, и пусть намъ суждено снова быть побѣжденными и умереть завтра, наше поколѣніе нашло утѣшеніе! Намъ заплачено за двадцать лѣтъ пораженій и томительной скорби.

«Трубы! Бросайте далеко по вѣтру ваши звуки! Барабаны, бейте лагерный сборъ!

«Обними меня, товарищъ, у котораго, какъ и у меня, уже показалась сѣдина въ волосахъ! А ты, мальчикъ, играющій въ шарики позади баррикады, подойди и ты, чтобы я расцѣловалъ тебя!

«День 18-го марта спасъ тебя отъ великой бѣды, малютка! Ты могъ бы, какъ мы, расти въ туманѣ, шлепать въ грязи, утопать въ крови, издыхать отъ стыда, испытывать несказанное горе обезчещенныхъ!

«Теперь этому конецъ!

«Мы проливали кровь и слезы за тебя. Ты получишь наше наслѣдство.

«Сынъ отчаявшихся, ты будешь отнынѣ свободнымъ человѣкомъ!»

На выборахъ въ Коммуну Валлэсъ проходитъ однимъ изъ трехъ представителей Гренельскаго квартала. Въ этомъ импровизированномъ правительствѣ четвертаго сословія отщепенецъ вотируетъ по большей части съ соціалистическимъ меньшинствомъ, которое тщетно борется съ якобинскими и террористическими тенденціями большинства, состоящаго изъ крайнихъ буржуазныхъ республиканцевъ и изъ учениковъ Бланки. Нѣкоторые взгляды Валлэса встрѣчаютъ суровое осужденіе не только среди его коллегъ, но со стороны самихъ, доведенныхъ до отчаянія, массъ, которыя, видя, съ какою свирѣпостью, съ какимъ презрѣніемъ законовъ войны версальцы разстрѣливаютъ плѣнныхъ и безоружныхъ, сами начинаютъ думать о репрессіяхъ. Такъ, Валлэсъ сталъ было настаивать—во имя принциповъ свободы печати, столько разъ попиравшейся въ его лицѣ, на разрѣшеніи выходить всѣмъ, самымъ клеветническимъ органамъ буржуазіи въ осажденномъ арміей Тьера Парижѣ. Въ этомъ случаѣ онъ стоялъ на точкѣ

зрѣнія Рошфора, газета котораго неоднократно вызывала неудовольствіе Коммуны. Но вступившіе въ отчаянную борьбу съ версальцами, вожаки инсуррекціи рѣзко отвергли это предложеніе, указавъ, — не безъ основанія, впрочемъ,—что всѣ эти газеты буржуазіи были, въ сущности, органами формальнаго военнаго шпіонства, доносившими версальцамъ о всѣхъ планахъ федералистовъ.

Разгромъ Коммуны прекратилъ передъ лицомъ неумолимаго врага эти распри большинства и меньшинства. И свободолюбивые, и якобинствующіе члены Коммуны исполнили, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, свой долгъ передъ возставшимъ и выдвинувшимъ ихъ впередъ народомъ. Они бились, какъ львы, на баррикадахъ среди ужасовъ майской «кровавой недѣли». И одни полегли въ первыхъ рядахъ инсургентовъ; другіе, когда всякая надежда на побѣду была потеряна, спаслись, лишь благодаря счастливой случайности и собственной находчивости и хладнокровію. Боевая натура Валлэса кидала его всюду, гдѣ подъ краснымъ знаменемъ пролетаріата народъ оказывалъ отчаянное сопротивленіе генераламъ арміи порядка, тѣмъ самымъ генераламъ, которые—какъ это всегда бываетъ,—чѣмъ трусливѣе вели себя на полѣ битвы съ внѣшнимъ врагомъ, тѣмъ болѣе неистовствовали на улицахъ родного Парижа, проливая кровь соотечественниковъ. Не было, кажется, ни одной крупной баррикады въ V-мъ и XIII-мъ парижскихъ округахъ, на которой въ тотъ или другой моментъ «кровавой недѣли» не появлялась бы всѣмъ знакомая въ то время фигура Валлэса, обрекшаго себя, что называется, на смерть. А въ послѣдніе дни съ высотъ Люксембурга и Пантеона, залитыхъ кровью послѣднихъ защитниковъ Коммуны на лѣвомъ берегу, онъ удаляется на высоты рабочаго Белльвиля, этого «Авентинскаго холма» французскаго пролетаріата. Когда и этотъ оплотъ народа разгромленъ митральезами, постыдно молчавшими передъ нѣмцами, и наводненъ героями Седана и Меца, Валлэсъ оставляетъ проигранное окончательно поле сраженія. Ему удается сойти за санитара; вѣрные друзья даютъ ему въ теченіе нѣсколькихъ недѣль пріютъ. И, наконецъ, Валлэсъ переступаетъ французскую границу и удаляется въ Англію въ то самое время, какъ версальцы гордятся чуть не каждый день разстрѣломъ новаго лже-Валлэса, и органы буржуазіи съ наслажденіемъ описываютъ, какъ подло и трусливо умиралъ авторъ «Отщепенцевъ» и главный редакторъ «Le Cri du Peuple».

Отнынѣ драматическій періодъ жизни Валлэса конченъ. Потянутся унылые дни и годы изгнанія, когда эмигрантъ, прислушиваясь къ тому, что дѣлается на родинѣ, будетъ переходить отъ надежды къ негодованію и почти отчаянію, и отъ этихъ чувствъ снова къ надеждѣ въ ожиданіи торжества своихъ идеаловъ. Участь Валлэса была еще завиднѣе участи многихъ и многихъ его товарищей, благодаря его изъ ряду вонъ выходящему литературному

таланту, который даетъ ему и изъ-за границы возможность писать въ родной печати. Изъ Лондона онъ посылаетъ въ «L'Evénement» анонимныя письма, изображая въ нихъ своимъ могучимъ, хотя и утрированнымъ языкомъ, сцены и типы столичной англійской жизни. Изъ нихъ составится въ 70-хъ годахъ цѣлая книга, которой онъ дастъ характерное заглавіе «Улицы въ Лондонѣ» (La Rue à Londres), въ pendant къ своей прежней парижской «Улицѣ», которую онъ описывалъ съ такою энергіею и рельефностью. Изъ Лондона же онъ посылаетъ въ республиканскій «Voltaire» «Хроники человѣка въ маскѣ» (Chroniques de l'homme masqué). Наконецъ, въ изгнаніи онъ начинаетъ въ газетѣ «Le Siecle»— свою автобіографическую трилогію, героемъ которой является самъ онъ, Жюль Валлэсъ, подъ прозрачнымъ псевдонимомъ Жака Вэнтра (Jacques Vingtras). Первая часть, «Ребенокъ» (*L'Enfant*), выходитъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1879; вторая, «Баккалавръ», (*Le Bachelier*), въ 1881; третью—Инсургента» (*L'Insurgé*) онъ пишетъ уже на родинѣ, куда возвращается послѣ общей амнистіи 10-го іюля 1880 г., а отдѣльное изданіе ея появляется уже послѣ его смерти, въ 1885 г.

Во Франціи же Жюль Валлэсъ воскрешаетъ съ 1883 свою прежнюю газету «Le Cri du Peuple», стараясь придать ей особую физіономію, подчеркнуть ея индивидуальность, противоставляя ея безпартійно соціалистическое міровоззрѣніе радикально-соціалистическому революціонизму рошфоровскаго «L'Intransigeant» и радикально-соціалистическому эволюціонизму клемансовской «La Justice». Валлэсъ группируетъ вокругъ себя сотрудниковъ, принадлежащихъ къ различнымъ, довольно часто враждующимъ между собою фракціямъ французскаго соціализма, что вредитъ цѣльности направленія органа, которому не особенно много цвѣта и блеска сообщаетъ и самъ значительно потускнѣвшій теперь и ослабѣвшій редакторъ. Однако, и въ послѣдніе годы своей жизни Валлэсъ настолько еще пользуется литературной репутаціей, отчасти оставшейся ему отъ времени наибольшаго расцвѣта его таланта, что только что возникшая тогда и понынѣ здравствующая шустрая газета «Le Matin» включила Валлэса въ число четырехъ передовиковъ совершенно различныхъ направленій, которые, по предложенію издателя, пресловутаго Эдвардса, должны были знакомить читателей органа каждый съ взглядами своей партіи, не стѣсняясь мнѣніями пишущаго тутъ же рядомъ сосѣда. Въ то время, какъ Польде-Кассаньякъ представлялъ въ «Le Matin» бонапартизмъ, Корнели—орлеанизмъ, Эммануэль Арэнъ оппортунизмъ, Валлэсъ считался выражающимъ въ газетѣ міросозерцаніе соціализма.

Умеръ Жюль Валлэсъ, какъ уже было сказано, сравнительно очень нестарымъ, особенно по французскимъ понятіямъ, недостигнувъ и 53 лѣтъ отъ роду. Его могучій, но надорванный лишеніями молодости и треволненіями зрѣлаго возраста организмъ рано

былъ подточенъ порывами бунтующей и вѣчно мятущейся души, которая износила крѣпкую оболочку, какъ острый клинокъ, находящійся часто въ движеніи, изнашиваетъ самыя прочныя ножны.

Валлэсъ принадлежитъ къ людямъ, надлежащая оцѣнка которыхъ можетъ быть сдѣлана только подъ условіемъ разсматривать ихъ личность въ цѣломъ, не разрывая ея на части, не абстрагируя различныхъ сторонъ ихъ индивидуальности. Такъ, человѣкъ и писатель настолько сливаются въ немъ, что его литературныя произведенія даютъ ключъ къ нѣкоторымъ его личнымъ свойствамъ, и, наоборотъ, его жизнь и дѣятельность уясняютъ намъ порою лучше всего, почему онъ писалъ такъ, а не иначе. Скажутъ, эта зависимость существуетъ всегда. Да, но въ какой степени? Есть писатели, которые въ личной жизни обнаруживали жажду пользоваться и, дѣйствительно, пользовались всѣми благами существованія, а въ теоретическомъ отношеніи выражали самый отчаянный пессимизмъ: таковъ Шопенгауэръ. Извѣстны, наоборотъ, такіе писатели, вся жизнь которыхъ была омрачена страданіями, физическимъ уродствомъ, и произведенія которыхъ брызжутъ весельемъ и довольствомъ судьбой: вспомните калѣку Скаррона, пишущаго свои комедіи въ колясочкѣ, гдѣ онъ скрывалъ свой горбъ и свою вѣчную подагру. Валлэсъ же жилъ, какъ писалъ, и писалъ, какъ жилъ. Говоря вообще,—т. е. всматриваясь въ среднее теченіе его жизни и объясняя нѣкоторыми особенностями самой натуры «отщепенца» иногда довольно длительныя противорѣчія между характеромъ его существованія и тономъ его писаній въ данный моментъ.

Валлэсъ былъ сыномъ народа, потомкомъ длиннаго ряда мужиковъ съ могучимъ организмомъ и неизношенными нервами, не боящимися ни боли, ни лишеній. Его всю жизнь тянуло къ физическому труду, и особенно сельскому труду, такъ что даже его соціализмъ проникался чувствительной струей,—вообще-то противвшей его сильной и грубой натурѣ,—когда онъ говорилъ о деревнѣ и ея надрывающемся надъ работой населеніи. И этотъ сынъ народа былъ богато одаренъ природою, при чемъ его честолюбіе подсказывало ему, подсказывало настойчиво и громко, что онъ достоинъ лучшей участи. Между тѣмъ, судьба обрекала его на жалкое прозябаніе въ рамкахъ педагогической карьеры, и при томъ на низшихъ и среднихъ ступеняхъ учительской лѣстницы, на манеръ его отца, пасмурная жизнь котораго показывала ему, словно въ магическомъ зеркалѣ, его собственное сѣрое и мизерное существованіе. Отсюда та ненависть, которая рано созрѣла въ душѣ Жюля Валлэса по отношенію къ счастливымъ міра сего, ко всѣмъ этимъ празднымъ тунеядцамъ, которымъ стоило лишь родиться, чтобы уже въ своей колыбели быть окруженными всѣми удобствами жизни. А съ са-

михъ представителей капитала и владѣнія эта ненависть переходила и на весь современный строй, основанный на противоположности интересовъ привилегированнаго меньшинства и трудящихся массъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Валлэсъ въ теченіе десяти лѣтъ, проведенныхъ имъ въ голодовкѣ, лишеніяхъ и оскорбленіяхъ достоинства, могъ не разъ встрѣтить среди богемъ, въ кругу которыхъ онъ вращался, болѣе или менѣе такихъ же, какъ самъ онъ, высокоталантливыхъ парій и пасынковъ современнаго общества, задавленныхъ неудачами и общимъ гнетомъ глубоко несправедливаго строя. Его злоба противъ этого склада вещей изъ личной превращалась поэтому, если можно такъ выразиться, въ альтруистическую, укрѣплялась и обострялась сознаніемъ солидарности со всѣми отщепенцами.

Политическія условія тогдашней Франціи оттачивали въ свою очередь еще болѣе жало злобы, которой Валлэсъ пламенѣлъ къ окружавшему обществу. Особенно тяжелыми годами его существованія было первое десятилѣтіе Второй имперіи, когда торжествующій цезаризмъ нахально издѣвался надъ всѣмъ, что было честнаго, великаго и благороднаго въ націи, когда реакція повсюду справляла свои оргіи, и когда просто честному и независимому человѣку, не говоря уже о принципіальныхъ врагахъ Имперіи, не было житья среди запуганной и развращенной націи. Сколько низостей надо было сдѣлать, сколько расточить лести, въ какія сдѣлки съ совѣстью надо было вступать, чтобы не только составить себѣ положеніе, но отстоять голое право на существованіе! Отсюда у Валлэса, рядомъ съ ненавистью соціальнаго характера, обращенною на весь современный строй, лютая политическая злоба противъ императорскаго деспотизма и вообще такъ называемыхъ «сильныхъ правительствъ», подавляющихъ свободу личности и иниціативу общества.

Болѣе десяти лѣтъ Валлэсъ провелъ, страдая этою, какъ выражаются французы, «вогнанною внутрь» (rentré) болѣзнью, этою двоякою соціально-политическою злобою. И вотъ, когда въ началѣ 60-хъ годовъ ему удалось, наконецъ, благодаря мощному литературному таланту, найти себѣ трибуну въ буржуазной прессѣ, его желтый пузырь прорвался, и изъ-подъ его пера стали выходить статьи, проникнутыя такою силою и искренностью, что сразу же заинтересованные ими читатели не могли себѣ отдать отчетъ, чѣмъ они больше увлечены: искусствомъ ли писателя, или выстраданной убѣжденностью стоявшаго за нимъ человѣка. Литературный талантъ, несомнѣнно, трепеталъ въ каждой строкѣ этихъ писаній, и талантъ большой. Самая утрированность нѣкоторыхъ сравненій, которою бичуемый Валлэсомъ романтизмъ à la Hugo словно мстилъ своему отрицателю, равно какъ обиліе чисто народныхъ и даже вульгарныхъ выраженій не портили общаго впечатлѣнія отъ этой живой, яркой, необыкновенно просто построенной, но, главное,

страстной и желчной рѣчи. Желчь—выдающаяся черта произведеній Валлэса, у котораго она нерѣдко доходитъ до степени тяжелой злобы, а порою до положительнаго бѣшенства, но бѣшенства, не отнимающаго у писателя чувства самообладанія, а, наоборотъ, придающаго выпадамъ его пера особенно колючій, свистящій характеръ. Самый юморъ Валлэса,—а юморъ чувствуется на каждой страницѣ писаній отщепенца,—основанъ на безпощадномъ изобличеніи, на жгучемъ издѣвательствѣ надъ пошлыми, порою даже просто смѣшными сторонами людей и явленій.

Это всего лучше ощущается, когда сравниваешь Валлэса съ родственнымъ ему въ извѣстномъ отношеніи Рошфоромъ. И у Рошфора (я говорю, главнымъ образомъ, о прежнемъ Рошфорѣ) юморъ кипитъ зачастую сатирическимъ негодованіемъ, порождающимъ свирѣпую «блягу» или колючій каламбуръ. Но у этого «принца-каламбура» всплываетъ сплошь и рядомъ простая безобидная острота, которая срывается у него съ кончика пера помимо всякой тенденціи, безъ всякой цѣли, а просто потому, что памфлетисту она показалась смѣшною сама по себѣ, и у него возникло почти дѣтское желаніе стряхнуть ее на бумагу. Рошфоръ, выражаясь фигурально, когда выступаетъ на путь сатиры, можетъ тутъ нерѣдко оставлять свой обличительный бичъ, чтобы тутъ же наклониться и сорвать на краю дороги цвѣтокъ невиннаго юмора, а порою сдѣлать нѣсколько шаговъ и совсѣмъ въ сторону.

Валлэсъ и такой цвѣтокъ готовъ сейчасъ же превратить въ бичъ. Безобидный каламбуръ не по душѣ его годами озлоблявшейся личности, самая невинная шутка вызываетъ у него черезчуръ богатую ассоціацію тяжелыхъ идей и чувствъ, чтобы онъ могъ заниматься «искусствомъ для искусства» каламбура. Въ такихъ случаяхъ онъ, говоря любимымъ выраженіемъ французовъ, отступаетъ лишь для того, чтобы лучше прыгнуть. Начавъ, повидимому, съ простой шутки, онъ скоро вскипаетъ гнѣвомъ или презрѣніемъ и быстро, быстро гонитъ впередъ и развиваетъ внезапно родившуюся въ его головѣ смѣшную мысль и доводитъ ее до такой крайности, до такой однобокой выпуклости, что весь юморъ его начинаетъ отливать горькой-прегорькой желчью.

Не надо, конечно, думать, что этой горечью и озлобленіемъ и исчерпывается весь Валлэсъ. Когда онъ говоритъ о страдающихъ, объ угнетенныхъ, о простомъ народѣ, о героическомъ революціонерѣ, объ оскорбляемой женщинѣ, объ истязаемомъ ребенкѣ, перо его проникнуто неподдѣльнымъ чувствомъ, въ которомъ развѣ слегка мелькнетъ риторика,—дочь его «классическаго» воспитанія. Въ этомъ смыслѣ онъ, несомнѣнно, превосходитъ Рошфора, который гораздо суше его, когда дѣло идетъ объ аффективномъ отношеніи къ людямъ и событіямъ. Здѣсь, какъ это ни странно можетъ показаться на первый взглядъ иному читателю, Валлэсъ обнаруживаетъ даже извѣстную сентиментальность, совершенно чуждую

«красному маркизу», Анри-де-Рошфору-Люсэ. Не слѣдуетъ забывать, что народъ далеко не лишенъ своеобразной сентиментальности. И какъ истый сынъ народа, Валлэсъ обладаетъ этой чертой, тогда какъ Рошфоръ напоминаетъ неспособностью къ сильной эмоціи привилегированныхъ остроумцевъ XVIII-го вѣка, вплоть до геніальныхъ умовъ этой категоріи, въ родѣ Вольтера.

Разъ уже рѣчь зашла о сравненіи Валлэса и Рошфора, то придется замѣтить, что Валлэсъ, не написавшій и половины «романовъ», написанныхъ знаменитымъ памфлетистомъ, на самомъ-то дѣлѣ въ гораздо большей степени обладаетъ собственно беллетристическимъ талантомъ, чѣмъ Рошфоръ. По силѣ художественнаго изображенія физическихъ и умственныхъ свойствъ той или другой личности Валлэса приходится поставить очень высоко. Нѣкоторые изъ нарисованныхъ имъ въ автобіографіи портретовъ отличаются такою рельефностью, что положительно выступаютъ со страницъ книги, какъ живые, передъ читателемъ. И если восторженные поклонники Бальзака восхищаются тѣлесною рельефностью героевъ великаго автора «Человѣческой комедіи», то Валлэсъ умѣлъ воспроизвести характерныя черты нѣкоторыхъ знакомыхъ ему личностей съ выпуклостью, приближающей ихъ къ настоящимъ художественнымъ типамъ.

Теперь мнѣ хотѣлось бы подкрѣпить однимъ-двумя конкретными примѣрами, цитируя самого Валлэса, тѣ нѣсколько общія разсужденія, которыя я высказалъ о немъ выше.

Вотъ образчики его свирѣпаго, подхлестывающаго самого себя юмора. Жакъ Вэнтра описываетъ въ «Ребенкѣ», какъ мать поощряла его поведеніе при помощи копилки:

— «Мама! Мнѣ больно.

— Это глисты, дитя мое!

— Я чувствую, что мнѣ больно.

— Нѣженка, одно слово! Вотъ если бы у тебя было десять тысячъ ренты!.. А болитъ животъ, сдѣлай, какъ дѣлывалъ мой отецъ: перекувырнись черезъ голову на полу!

Деньги! рента!

Мнѣ обѣщаютъ, какъ и всѣмъ мальчикамъ, награды, большое мѣдное су, если я буду умникомъ, а всякій разъ, когда я первымъ въ классѣ, серебряную монетку. Ну, и что же, даютъ мнѣ ее? О, нѣтъ, моя мать слишкомъ для этого любитъ меня.

Но она не лишила меня денегъ, чтобы обогатить себя.

О, нѣтъ! десять су отнюдь не возвращались въ семейный обиходъ,—они ложились на дно копилки, горлышко которой смѣялось мнѣ прямо въ лицо.

— Это вѣдь для тебя,—говорила мать, показывая мнѣ монету прежде, чѣмъ пропихнуть ее въ щель.

Я никогда не видалъ ея больше.

— Это,—прибавляла она,—для того, чтобы нанять за тебя рекрута.

И вотъ этотъ-то замѣститель, спрятанный въ копилкѣ, и поглощаетъ всѣ серебряныя монетки и большія мѣдныя су, которыя другіе, мои товарищи, тратятъ по воскреснымъ и ярмарочнымъ днямъ на балаганы, конфектныя сигары и мѣдныя пушечки.

Всегда благоразумная, давая мнѣ уроки безъ всякаго педантизма, моя мать, которая шла за вѣкомъ, сообщала мнѣ, такимъ образомъ, ненависть къ *постояннымъ арміямъ* и заставляла меня задумываться насчетъ «налога кровью». Иногда я возражалъ и указывалъ на товарищей, издерживавшихъ свои деньги вмѣсто того, чтобы сберегать ихъ для рекрута.

— Вотъ видишь ли, они, безъ сомнѣнія, калѣки!

Она даже произносила грустныя и сочувственныя слова по адресу этихъ бѣдныхъ дѣтей, которыя хорошо дѣлали, что утѣшали себя, тратя деньги,—они, несчастненькія, искривленныя и сгорбленныя небомъ такъ искусно, что и не замѣтишь этого...

А я, неблагодарный и недовѣрчивый, сгорая желаніемъ покататься на карусели, я часто сожалѣлъ, что не былъ горбатымъ, и молилъ Бога наградить меня какимъ-нибудь недугомъ, который я скрою подъ рубашкой и который, спасая меня отъ рекрутчины, дастъ мнѣ право брать то, что откладываютъ, и не совать ничего больше въ эту проклятую копилку» *).

А вотъ уже прямо жестокія страницы, которыя авторъ посвящаетъ своей матери; и бичъ этого юмора обрушивается на нее какъ разъ въ ту изображаемую Валлэсомъ минуту ея жизни, когда мать, привыкшая къ битью мальчика, вдругъ прерываетъ эту привычку, начавъ подстерегать своего мужа, ухаживающаго за красивой дамой:

«Вдругъ жизнь сразу перемѣняется.

До сихъ поръ я былъ барабаномъ, на которомъ мать выбивала *тра-та-та*! Она испробовала на мнѣ всевозможнаго сорта лупки и примѣряла ко мнѣ всякаго рода орудія, она обрабатывала меня во всѣхъ смыслахъ, и щипала, и царапала, и нахлопывала, и насаживала, и била по щекамъ, и чесала, и дубила, не успѣвъ сдѣлать меня ни идіотомъ, ни калѣкой, ни горбуномъ, ни кривоножкой и не выростивъ ни луку въ моемъ желудкѣ, ни овечьей шерсти на спинѣ—и это послѣ столькихъ проглоченныхъ мною съ отвращеніемъ бараньихъ ногъ!

Но вотъ въ извѣстный моментъ ея нѣжность удаляется отъ меня. Ея заботливость слабѣетъ.

Прежде у насъ только и слышно было, что *бацъ! трахъ! вотъ тебѣ!* Меня называли бандитомъ, «преклятымъ» негодяемъ. Мать

---

*) Jules Vallès, *Jacques Vingtras. L'Enfant;* Парижъ, изд. 1902, стр. 29—131.

говорила «преклятый» вмѣсто «проклятый». Она говорила такъ же «идётъ» вмѣсто «идіотъ» (Я приблизительно воспроизвожу по-русски непереводимыя искаженія французскаго языка въ устахъ матери героя. Н. К.).

Цѣлыхъ тринадцать лѣтъ я не могъ остаться пяти минутъ съ ней, да, всего пяти минутъ, чтобы не довести ея нѣжной любви ко мнѣ до крайности, до пароксизма.

Что же сталось съ этимъ движеніемъ, этимъ шумомъ, этой постоянной раздачей пощечинъ?

Я не особенно возмущался, когда меня называли бандитомъ, негодяемъ: я привыкъ къ этому — мнѣ даже это льстило нѣсколько.

Бандитъ!—да вѣдь это какъ въ романѣ съ картинками. А потомъ я хорошо чувствовалъ, что моей матери доставляло удовольствіе дѣлать мнѣ больно; что она нуждалась въ движеніи и могла предаваться даровой гимнастикѣ, не ходя въ спеціальныя залы...

... И вотъ, я живу въ теченіе нѣкотораго времени, не получая ничего освѣжительнаго или горячительнаго, живу, какъ снопъ, который гніетъ въ углу, вмѣсто того, чтобы танцовать подъ ударами цѣпа, живу, какъ гусь, котораго прибили лапами къ доскѣ и который пухнетъ передъ печью.

Мнѣ не зачѣмъ больше подниматься и идти, какъ обреченная на удары цѣль, къ матери; я могу сидѣть все время.

Эта забастовка безпокоитъ меня.

Конечно, сидѣть спокойно—это не дурно. Но когда возвратятся снова къ старымъ привычкамъ, когда снова пробьетъ часъ кнута, какъ мнѣ быть тогда? О, меня погубятъ сладости Капуи: я потеряю панцырь привычки, ловкость гимнаста, прочность битой и перебитой кожи!

Но что же, наконецъ, происходитъ?

Я врядъ ли что понимаю, но мнѣ кажется, что г-жа Бриньолэнъ кой при чемъ въ этой мрачной печали нашего дома, въ блѣдномъ гнѣвѣ матери.

Моя мать проводитъ длинные вечера, не говоря ни слова, съ устремленными въ одну точку глазами и сжатыми губами. Она прячется за стеклами окна и поднимаетъ занавѣску, она словно стережетъ добычу» *).

Я могъ бы продолжать цитаты этого рода, дать нѣсколько образчиковъ менѣе свирѣпаго юмора. Я могъ бы, напримѣръ, передать исторію житья-бытья одного пріятеля Валлэса въ его гостепріимной мансардѣ, которая была такъ мала, что длинный-предлинный гость принужденъ былъ, ложась на ночь спать, или высовывать голову черезъ форточку на крышу, или же протягивать ноги въ отворенную дверь на лѣстницу. Или я могъ бы разсказать со словъ Валлэса препирательства между педагогами въ дешевомъ ресто-

*) Ibid., стр. 189—191.

ранѣ, по поводу красоты цитатъ изъ знаменитыхъ писателей въ начавшей выходить энциклопедіи, между тѣмъ какъ присутствующій при этихъ диспутахъ «баккалавръ», Валлэсъ, внутренно помираетъ со смѣху, ибо онъ самъ какъ разъ и сочиняетъ эти цитаты и лишь приписываетъ ихъ классикамъ французскаго языка, чтобы поскорѣе написать большее число строкъ для упомянутаго энциклопедическаго словаря и получить нѣсколько лишнихъ су съ жаднаго издателя. Надо сказать, что произведенія Валлэса всѣ брызжутъ остроуміемъ, и въ частностяхъ и въ общемъ ансамблѣ, такъ что испытываешь лишь затрудненіе въ выборѣ изъ этого богатаго запаса ѣдкихъ каламбуровъ и жестокихъ выпадовъ саркастическаго пера. Придется ограничиться въ этомъ смыслѣ вышеприведеннымъ. За то я тороплюсь дать читателю цитату изъ Валлэса, гдѣ онъ является не только желчнымъ юмористомъ и свирѣпымъ остроумцемъ, но и недюжиннымъ художникомъ, перо котораго надѣляетъ изображаемыя имъ лица интенсивною жизнью и иллюзіей рельефной тѣлесности.

Дѣло идетъ о политическомъ свиданіи Валлэса, тогда уже виднаго дѣятеля крайняго лагеря, съ депутатами буржуазной оппозиціи, чтобы добиться отъ нихъ рѣшительнаго шага. Делегація идетъ отъ одного парижскаго депутата къ другому и повсюду наталкивается на отказъ. Вотъ,—съ нѣкоторыми сокращеніями,—разсказъ объ этой Одиссеѣ, позволяющей Валлэсу нарисовать типы лидеровъ буржуазіи.

— «Къ Ферри! Вы изъ его округа, Вэнтра. Вы и будете говорить съ нимъ.

Обширный парадный ходъ, торжественныя площадки, молчаливый и серьезный домъ.

Я поднимаюсь этажъ за этажомъ, волнуясь, словно бы всходилъ по ступенькамъ эшафота.

— Здѣсь...

На звонокъ выходитъ горничная.

— Г. Жюль Ферри?

— Дома...

...Хозяинъ появляется, въ пиджачкѣ и съ длиннымъ-длиннымъ носомъ.

— Что вамъ угодно, господа?—говоритъ онъ, обращая на насъ мутный, поистинѣ мутный взоръ.

Его голосъ слегка дрожитъ, дрожатъ и пальцы.

Минута молчанія. Говорить—такъ говорить!

— Вы знаете, м. г., письмо г. де-Кератри, который предлагаетъ отвѣчать на декретъ отсрочки палаты массовымъ появленіемъ депутатовъ передъ Бурбонскимъ дворцомъ въ день и часъ, когда, по закону, должна была бы открыться сессія. Народное собраніе рѣшило заставить представителей Парижа высказаться категорически по этому поводу и поручило намъ требовать ихъ

присутствія на собраніи, гдѣ народъ выразитъ свою волю... Вы придете?

Руки все дрожатъ; человѣкъ, осанка и лицо котораго выражаютъ, однако, рѣшительность, повидимому сбитъ съ толку.

— Я не отказываюсь собственно. Но я долженъ посовѣтоваться со своими коллегами. Я сдѣлаю, что сдѣлаютъ они.

— Мы передадимъ ваши слова кому слѣдуетъ,—заявляю я тономъ революціоннаго секретаря въ дни сентябрьскихъ избіеній.

Поклонились и вышли.

А теперь на площадь Св. Магдалины.

— Г. Жюль Симонъ?

— Войдите, господа.

Вотъ онъ, знаменитый чердакъ.

Ну, о жилищѣ нельзя сказать ничего особеннаго. Конечно, это не крысоловка, но и не дворецъ подъ крышей.

Ласковый-ласковый, вкрадчивый, съ кошачьими манерами патера, съ глазами горѣ, на подобіе Св. Терезы въ истерическомъ припадкѣ, съ маслянымъ языкомъ и лоснящейся кожей, со ртомъ въ родѣ гузки рождественнаго гуся, онъ узнаетъ меня и подходитъ ко мнѣ, протягивая свои пухлые и влажные пальцы.

— Мой дорогой недавній соперникъ...

Я заложилъ руки за спину и отодвинулся, предоставляя другимъ ставить вопросы господину...

Какъ и Ферри, онъ отвѣчаетъ въ томъ родѣ, что, молъ, придетъ, если таково рѣшеніе депутатской группы.»

Делегаты идутъ къ Тьеру. Здѣсь перо Валлэса становится прямо неподражаемымъ:

«...Не возможно отказать въ рукопожатіи веселому толстяку, съ бакенбардами изъ краснаго дерева, съ широкимъ животомъ и широкимъ смѣхомъ, который уже успѣлъ прежде, чѣмъ я могъ разжать свои клыки, просвистать мнѣ въ уши тонкимъ голосомъ:

— Ну, разноситель, какъ дѣла? А вы можете похвастаться, что ловко разскатали насъ въ «Улицѣ». Говорить нечего!

И давай хлопать меня по тому, что у меня могло быть животомъ, спрашивая, что насъ занесло къ нему.

— Словомъ, чего же хочетъ, господа, народъ? Посылаетъ онъ васъ по мою голову? Вѣдь у меня есть слабость держаться за нее! Знаете... старая привычка носить ее на плечахъ.

Хорошее расположеніе духа, веселье... Ротъ и сюртукъ на распашку.

У этого пальцы не дрожатъ, а барабанятъ по столу оставшійся въ памяти обрывокъ «Mére Godichon», и его голова вертится на жирномъ тѣлѣ пингвина съ лихорадочной быстротой птицы-мухи.

— Такъ пойду-ли я на манифестацію 26-го числа? Э?

— Да, двое изъ вашихъ коллегъ уже обѣщали.

— О, насчетъ этого мнѣ... наплевать!

— Значитъ, вы не придете?

— Ни за что въ жизни! Идти подвергаться опасности Тьерику, не зная, что еще за это нагоритъ? Вотъ такъ вздумали, милый мой!

Онъ смѣется, и нельзя не смѣяться вмѣстѣ съ нимъ, потому что этотъ, по крайней мѣрѣ, не виляетъ.

— А если Белльвилль восторжествуетъ, сейчасъ же прибѣгу! Но чтобы самому поднимать его, самому играть въ Бруты, нѣтъ, дѣтки, на это я не иду! Ни къ чему не обязываюсь, ничего не обѣщаю. Ни съ эстолько!

И онъ щелкаетъ пальцами по зубамъ.

— Вы, какъ видно, всѣ славные ребята, и достаточно убѣжденный народъ, чтобы идти расколотить себѣ головушки. Передъ головушками этого рода я отвѣшиваю поклонъ, но свою прячу подальше!.. Да, кстати, разноситель! Вы мнѣ приписали фразу: «Манюэль былъ герой, да только не былъ снова выбранъ». Я ея не сказалъ, но думать такъ думаю... Ну, до свиданія! Честное слово, можно подумать, что вы только о томъ и помышляете, какъ бы умереть. Ну, а я держусь за жизнь,—таковы ужъ мои вкусы. Чортъ возьми, да это и понятно: вы изъ худыхъ, а я жирный!.. Осторожнѣй, здѣсь ступенька!.. Постойте, если только вы влетите въ тюрьму, я принесу вамъ туда сигаръ и бургонскаго! И какого еще!..

Онъ наклоняется надъ нами съ лѣстницы и аппетитно чмокаетъ, приближая всѣ пять пальцевъ ко рту» *).

Я думаю этой сцены достаточно, чтобы читатель могъ самъ убѣдиться, болѣе того—ощутить, съ какой живостью, съ какимъ чувствомъ реальности Валлэсъ изображалъ людей и событія. Достигая этой степени, описательный талантъ превращается въ истинное творчество. И Валлэсъ, котораго вкусы и чутье литературной правды гнали всегда въ сторону реализма, даже когда еще не выработалось теченія, извѣстнаго подъ именемъ «натурализма»,— Валлэсъ, говорю я, обнаруживалъ на иныхъ изъ своихъ страницъ огромное художественное дарованіе.

Я упомянулъ раньше еще объ одной чертѣ Валлэса: его чувствительности, или, если хотите, его сентиментальности, но сентиментальности во вкусѣ народа, выражающей серьезную аффективную сторону человѣка. Я приведу лишь слѣдующую страницу изъ исторіи страданій нѣкой маленькой дѣвочки, которую забилъ до смерти ея отецъ, злой и бездушный тиранъ, примѣнявшій, какъ онъ говорилъ, «принципы холоднаго разума»—онъ былъ учителемъ логики въ гимназіи—къ воспитанію своихъ дѣтей.

«...О, эта маленькая Луизетта, которую били и которая просила прощенія, складывая свои рученки, падая на колѣни, катаясь по

---

*) L'Insurgé; Парижъ, изд. 1904, стр. 121—126, passim.

полу отъ ужаса передъ своимъ отцомъ, который наносилъ ей удары... еще и еще.

— Больно, ой, больно! Папа, папочка!

— ... Прости, прости...

До меня донесся еще ударъ; и, наконецъ, я не слышалъ ничего болѣе, кромѣ подавленнаго шума, ничего, кромѣ хрипа.

Однажды я подумалъ, что ея горлышко порвалось, что ея бѣдная маленькая грудь треснула, и я вошелъ въ ихъ домъ.

Она лежала на полу, съ безкровнымъ личикомъ и рыданіемъ, перехваченнымъ на дорогѣ конвульсіями ужаса, передъ своимъ холоднымъ, поблѣднѣвшимъ отцомъ, который только потому и остановился, что побоялся на этотъ разъ совсѣмъ прикончить ее...

—... И ее всетаки убили. Она умерла отъ горя въ десять лѣтъ...

Отъ горя!.. Какъ взрослый человѣкъ, котораго убиваетъ скорбь.

А также отъ боли, которую ей причиняли удары.

О, какъ ей дѣлали больно! А она тщетно молила о пощадѣ.

Какъ только ея отецъ приближался къ ней, ея маленькій умъ начиналъ трепетать въ ея ангельской головкѣ...

И его не гильотинировали, этого отца! Къ нему не приложили закона криваваго возмездія, къ этому убійцѣ своего ребенка, и его не казнили, этого подлаго негодяя, его не зарыли живьемъ рядомъ съ трупомъ маленькой дѣвочки!

— Перестанешь ты у меня плакать,—кричалъ онъ ей, потому что боялся, какъ бы не услышали сосѣди, и онъ билъ ее головой о стѣну, что удваивало ея ужасъ и заставляло ее плакать еще больше.

Она была миленькая, розовая, веселая, счастливая, когда она пріѣхала въ семью, протягивая свои маленькія ручки, даря всѣхъ своей дѣтской улыбкой.

Нѣсколько времени спустя румянецъ уже сбѣжалъ съ ея щекъ, и когда она слышала шаги возвращающагося отца, она начинала дрожать, какъ дрожитъ собака, которую бьютъ.

Какъ я цѣловалъ ее, гладя ея полныя и тепленькія щечки на станціи дилижансовъ, куда мы провожали ея отца, г. Бергуньяра, чтобы принять ее на руки, какъ букетъ цвѣтовъ!

Въ послѣднее время (къ счастью, она не долго дожидалась его!) она была словно восковая; она знала,—я видѣлъ это,—что хоть она и маленькая, но должна скоро умереть,—ея улыбка напоминала теперь гримаску. Она казалась такой старой, Луизетта, когда умерла десяти лѣтъ,—умерла отъ горя, говорю вамъ это.

Моя мать замѣтила мою скорбь въ день похоронъ.

— Небось, ты не плакалъ бы столько, еслибъ я умерла?

...А я и не слушаю, что они мнѣ говорятъ, я думаю о мерт-

вой дѣвочкѣ, которую они видѣли, подобно мнѣ, какъ ее истязали, и которую они допустили бить, вмѣсто того, чтобы помѣшать Бергуньяру мучить ее; и они же говорили ей, что она не должна быть злой, не должна причинять огорченій своему папѣ!

Луизетта, злая? Эта крошка съ ея улыбкой, ея рученками...

Словно вода заливаетъ мои глаза, и я цѣлую самъ не знаю что, кажется, кончикъ платка, который я взялъ съ шеи убитой малютки» *).

Познакомивши читателей съ жизнью и съ литературными особенностями Валлэса, я въ заключеніе попытаюсь охарактеризовать міровоззрѣніе этого революціонера. Валлэсъ не былъ теоретикомъ; его умъ былъ далекъ отъ абстрактнаго мышленія; да его и не влекло въ сторону отвлеченностей, — вотъ что придется прежде всего сказать, говоря о міровоззрѣніи отщепенца. Поэтому прилагать къ нему мѣрку мыслителя или вообще логическаго ума значитъ совершать крупную ошибку, обнаруживать непониманіе типа этой личности. Валлэсъ обладалъ живымъ, практическимъ умомъ, опять-таки нѣсколько во вкусѣ народа, который еще Прудономъ былъ названъ «по преимуществу практикомъ» (éminemment pratique). Этотъ любящій конкретное умъ былъ, къ сожалѣнію, испорченъ претившимъ ему «классическимъ» воспитаніемъ, мертвенныя и риторскія начала котораго вошли противъ воли Валлэса въ его сознаніе, благодаря воспріимчивости, памяти и вообще даровитости этой богатой, хотя и неуравновѣшенной натуры.

Вотъ какимъ инструментомъ пришлось вырабатывать Валлэсу свое міровоззрѣніе. То былъ отнюдь не теоретизирующій, но практическій умъ, который, однако, былъ перегнутъ не въ сторону своего естественнаго уклона схоластической *фразеоманіей* традиціонной средней школы. Не мудрено, что общіе взгляды «отщепенца» слагались изъ элементовъ, доставляемыхъ ему непосредственными конкретными впечатлѣніями отъ внѣшняго міра и живыхъ людей, но искаженныхъ привносомъ фразъ и готовыхъ формулъ схоластической литературщины. Недостатокъ обобщающей способности заставлялъ Валлэса, при переработкѣ и осмысливаніи жизненныхъ впечатлѣній, прибѣгать, къ сожалѣнію черезчуръ часто, къ памяти и внѣшней ассимиляціи чужихъ, обращавшихся въ обществѣ готовыхъ взглядовъ. Онъ могъ бы при этомъ остановиться на реакціонной доктринѣ, какъ могъ остановиться на буржуазномъ либерализмѣ, какъ могъ остановиться на соціалистическомъ міровоззрѣніи, на міровоззрѣніи труда. Перевѣсъ послѣднему въ сознаніи Валлэса дали личныя условія существованія «отщепенца», которыя въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ снабдили его мятущуюся душу громаднымъ запасомъ конкретныхъ впечатлѣній

*) *L'Enfant*, стр. 280—283, *passim*.

страданія и нищеты. Валлэсъ рано сталъ соціалистомъ. И если въ его соціализмѣ вдумывающійся человѣкъ найдетъ не мало упомянутыхъ выше элементовъ риторики и школьничества, то отъ голой декламаціи на соціальныя темы Валлэса спасъ горькій опытъ его личной жизни и не менѣе горькое наблюденіе жизни его травимыхъ судьбою и правительствомъ пріятелей и вообще существованія трудящихся и голодающихъ массъ.

Наиболѣе глубокое впечатлѣніе на Валлэса произвелъ соціализмъ Прудона. Объ этомъ говоритъ и самъ Валлэсъ. Къ такому же выводу необходимо придетъ и всякій знакомый съ соціалистическими доктринами читатель. Сильная сторона Прудона заключалась въ его критикѣ: какъ создатель положительной доктрины, знаменитый самоучка часто самъ противорѣчитъ себѣ, или же вырождается въ наивнаго прожектера и соціальнаго утописта средней руки. Критическая сторона ученія Прудона наиболѣе рельефно отражается и на произведеніяхъ Валлэса: въ отрицаніи современнаго общества «отщепенецъ» стоитъ на сравнительно твердой почвѣ, и его горькій конкретный опытъ въ связи съ его искренней ненавистью къ настоящему, глубоко несправедливому строю придаетъ прочность и мѣткость его ударамъ противъ соціально-экономической и политической организаціи нашихъ дней. Во имя этого отрицанія онъ придаетъ такое значеніе революціонной самодѣятельности массъ: къ вожакамъ онъ сохраняетъ почти инстинктивное недовѣріе народа,—когда послѣдній не увлеченъ, конечно, какимъ-нибудь массовымъ аффектомъ. Во имя этого же отрицанія онъ рѣзко относится къ буржуазной, организаторской сторонѣ Великой революціи, сторонѣ, которая воплощалась въ дѣятельности авторитетныхъ якобинцевъ и должна была вести къ упроченію основъ современнаго капиталистическаго общества. Тутъ сказывается не только вліяніе Прудона, жестоко нападавшаго, какъ извѣстно, на Робеспьера и другихъ служителей централизованнаго государства. Валлэсъ искренно, кровно ненавидитъ игру той гигантской махины нашихъ дней, которая называется современнымъ правительствомъ, и защищаетъ интересы имущихъ, противъ революціонныхъ попытокъ неимущихъ. Въ дни юности онъ призывалъ рабочихъ на баррикады для защиты республики противъ императорскаго цезаризма. Зрѣлымъ человѣкомъ Валлэсъ не отдѣлялъ политической борьбы противъ Имперіи отъ соціальной борьбы противъ привилегированныхъ классовъ, и въ лучшіе моменты своей жизни вмѣстѣ съ соціалистами Интернаціонала толкалъ рабочихъ обособляться отъ буржуазныхъ республиканцевъ и развертывать свое общественное знамя, знамя эксплуатируемыхъ и угнетаемыхъ.

Если вы перейдете теперь къ положительной сторонѣ міровоззрѣнія Валлэса, то вы поразитесь бѣдностью и неясностью его взглядовъ. Основная идея у него здѣсь, повидимому, такая: дайте

совершиться народной революціи; дайте установиться «демократической и соціальной республикѣ»—и все «образуется». Но начните вы немного углублять эти взгляды, и вы сейчасъ же наткнетесь на рядъ серьезныхъ недоразумѣній, какъ по отношенію къ движущимъ силамъ соціальнаго переворота, такъ и по отношенію къ формамъ, которыя долженъ принять этотъ переворотъ. Въ качествѣ ученика Прудона онъ не разъ говоритъ, что онъ «соціалистъ-индивидуалистъ», а не «коммунистъ». Но что скрывается за этими словами, понять довольно трудно. Повидимому, Валлэсу этотъ индивидуалистическій соціализмъ представлялся, нѣсколько на манеръ Прудона, въ видѣ перехода орудій производства въ руки трудящихся, но преимущественно на началахъ частнаго пользованія, недостатки котораго умѣрялись бы лишь добровольной ассоціаціей и «мутуализмомъ» интересовъ производителей.

Всего темнѣе у Валлэса отношеніе между двумя великими отдѣлами трудящагося большинства: рабочими и крестьянами. Иногда у него вырываются фразы, на основаніи которыхъ можно заключить, что крестьяне будутъ продолжать свой образъ жизни мелкаго собственника, только очищенный отъ тѣхъ шлаковъ, что налипли на него при режимѣ крупнаго привилегированнаго владѣнія; а рабочіе—свой, сдѣлавшись членами всевозможныхъ ассоціацій. Иногда, наоборотъ, Валлэсъ представляетъ себѣ, повидимому, планъ гораздо болѣе кореннаго переворота въ духѣ наиболѣе лѣвыхъ элементовъ Интернаціонала, проповѣдовавшихъ коммунистическій или, какъ вскорѣ стало принято выражаться, коллективистическій строй. Повторяю, у Валлэса можно найти мѣста и въ томъ, и въ другомъ родѣ. Въ общемъ, стройное соціалистическое міровоззрѣніе было, если можно такъ сказать, одной изъ послѣднихъ заботъ «отщепенца».

Была, впрочемъ, одна сторона его взглядовъ, которая по своей опредѣленности не оставляла желать многаго: это энергичное подчеркиванье возможно полной свободы въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку и отрицаніе всякаго авторитета въ этой сферѣ. Лучшія страницы, то трогательныя, то негодующія, написаны Валлэсомъ въ защиту свободной любви, угнетаемой женщины, истязуемаго ребенка. Здѣсь все мучительное личное прошлое возставало передъ Валлэсомъ и подталкивало могучее перо «отщепенца» на безпощадную борьбу съ семейнымъ и общественнымъ гнетомъ.

Наконецъ, въ тѣсной связи съ этимъ отрицаніемъ земныхъ авторитетовъ народилось у Валлэса отрицаніе авторитета заоблачнаго. Валлэсъ былъ заклятымъ атеистомъ, и его бунтующая природа видѣла въ «реабилитаціи плоти» (выраженіе, принадлежащее еще Сэнъ-Симону) одно изъ условій раскрѣпощенія человѣка отъ ига спиритуалистическихъ предразсудковъ и согласованія жизни человѣка съ матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ. Валлэсъ всю жизнь свою боролся съ религіей, особенно съ ея католической

формой. И его похороны, которые согласно волѣ покойнаго, неоднократно выраженной въ разговорахъ съ друзьями, обошлись безъ символовъ какой бы то ни было религіи, были торжествомъ свободной, и при томъ не буржуазной, а соціалистической свободной мысли.

Н. Е. Кудринъ.

ВСТРѢЧА.

Шумной птицей, черной птицей
Черный поѣздъ мчался вдаль,
Убивая бодрымъ шумомъ
Нашу старую печаль.
Гулко спорили колеса,
Чутко вздрагивалъ вагонъ.
Въ сердцѣ плакалъ и смѣялся
Золотой весенній звонъ...
Словно въ сказкѣ... Словно крылья
Выростали за спиной...
Изъ далекаго изгнанья
Мы летѣли въ край родной.
Быстрой птицей мчался поѣздъ,
А въ сверкающей дали
Ужъ, казалось, улыбались
Небеса родной земли.
Ближе, ближе... Что же это?
Словно умерли поля,
Словно въ саванѣ холодномъ
Спитъ родимая земля.
Рядъ безлюдныхъ, бѣдныхъ пашенъ,
Рядъ голодныхъ деревень...
Сколько слезъ, тоски и горя
Затаилъ ненастный день!
Ночью встрѣтились съ своими...
Подъ охраною штыковъ

Ихъ везли, какъ насъ когда-то,
Въ край мятелей и снѣговъ.
Спали плѣнники... Быть можетъ,
Изнывали отъ тоски...
А вокругъ бряцали шашки,
Смертью вѣяли штыки.

. . . .

Шумной птицей, черной птицей
Черный поѣздъ мчался въ даль.
— Клятвой гнѣва, клятвой мщенья
Умертвили мы печаль!

Г. Вяткинъ.

ЯШКА.

(Изъ воспоминаній врача о карійской каторгѣ).

Когда я познакомился съ Яшкой Рубанковымъ, ему было семь или восемь лѣтъ отъ роду.

Яшка былъ костистый, сухощавый, блѣдно-желтый ребенокъ, съ морщинисто-старческой кожей, какъ бы насильственно натянутой на его хрупкій скелетъ постороннею, далеко не дружескою рукою, съ бѣлобрысой, курчавой, круглой головой и карими, огромными, печальными глазами. Небольшой, слегка приплюснутый носъ съ расширенными ноздрями, тонкія, безкровныя губы, бѣлые, ровные зубы и какой-то неопредѣленный „каторжный" отпечатокъ на всей тщедушной фигурѣ,—вотъ общій обликъ ребенка.

При первыхъ встрѣчахъ въ усть-карійской женской каторжной тюрьмѣ, въ которой ребенокъ, едва не съ перваго дня своего рожденія, былъ постояннымъ обитателемъ, — Яшка удивленно таращилъ на меня свои печальные каріе глаза, обязательно заталкивая въ свою правую ноздрю указательный палецъ лѣвой руки, оставляя его тамъ въ неподвижномъ положеніи и вдумчиво - боязливо, исподлобья, оглядывая мою фигуру. При посѣщеніи камеры, въ которой содержалась его мать съ тридцатью товарками по заключенію, и первыхъ попыткахъ завязать съ ребенкомъ бесѣду—знакомство, лицо его сморщивалось, какъ говорится, „собиралось въ кулачекъ" и казалось еще болѣе стариковскимъ, еще болѣе сухощавымъ и землистымъ. Круглыя уши оттопыривались кпереди, ротъ широко раскрывался для громкаго плача, а нерѣдко и для сквернаго, ругательнаго слова, когда его били по шеѣ, поощряя этимъ къ бесѣдѣ съ „его благородіемъ".

— Извините, ваше благородіе,—говорила въ защиту ребенка иная изъ каторжанокъ:—волченкомъ онъ каторжнымъ растетъ, за нашими желѣзными рѣшетками... Свѣта Божьяго не видитъ съ материнскаго порожденія: на каторжномъ по-

ложенiи невинное дитё выростаетъ... Только будто что отъ плетей избавленъ, а всему прочему покоряется...

— Какъ поживаешь, Яша? Какъ твое здоровье?—передавая пряникъ или калачъ, спрашивалъ я ребенка, стараясь погладить по головѣ „тюремную звѣрушку“.—Не хочешь ли прогуляться со мной за тюремную ограду?

Хотя и съ большимъ трудомъ, наше знакомство въ концѣ концовъ завязалось, а потомъ установились и дружескiя отношенiя.

— Ча-во-о говоришь? — тягуче-хриповатымъ голосомъ переспрашивалъ Яша, торопливо схватывая передаваемый ему подарокъ. — Наше каторжное житье извѣстное! Вчера опять били: бабы поссорились, кажная къ себѣ тянула на постель для согрѣвы... Меня побили, а потомъ другъ другу въ волосы вцѣпились... раскровянились... Большой выросту, всѣхъ бабъ безпремѣнно перерѣжу, ножъ наточу, — я имъ задамъ! Покоя не даютъ; я одинъ въ камерѣ, а ихъ три десятка... По шеѣ меня кулакомъ, другая противъ сердца; ремень схватила съ пряжкой, какъ вы-тя-я-ну-ла-а! „Не ходи, говоритъ, куда не велятъ“. Силы-моченьки не хватаетъ: кажную ночь безобразничаютъ... Матка, случается, бьетъ, такъ вѣдь это мое порожденiе... Жизнь, бѣ-ѣ-да-а худая! Ни тебѣ на нарахъ, ни тебѣ подъ нарами: клопы, вши ѣдятъ поѣдомъ, а тутъ еще бабы навязываются... Третьей ночи,—заговорилъ мальчикъ оживленно, съ злыми искорками въ глазахъ, — удралъ я штуку съ мокроносыми: не бей за всякiй разъ. Свѣчка въ фонарѣ пиликаетъ, темно въ камерѣ, парашка у печи поставлена, а бабъ три десятка! Разметались всѣ, дрыхнутъ... Вотъ я подкрался къ имъ, да всѣхъ и обмазалъ изъ парашки... Били меня утромъ, а мнѣ наплевать! Большой выросту—изъ тюрьмы уйду, потому я къ тюрьмѣ не причащенъ...

Подобные разговоры велись между нами не въ камерѣ, при свидѣтеляхъ, а въ тюремной оградѣ или за палями, „на волѣ“, куда Яшка нерѣдко выходилъ со мною „посмотрѣть на вольныхъ“.

Ознакомившись, Яшка, не конфузясь и не дичась, вступалъ со мной въ разговоры, охотно бралъ булки, сахаръ, осматривалъ со всѣхъ сторонъ даваемое и,—если находился въ тюремной оградѣ, — приговаривалъ озабоченнымъ полушепотомъ:

— Поѣсть поскорѣе; увидятъ, отнимутъ... Наша бабья команда жадная!—И онъ торопливо принимался за булку, набивалъ полонъ ротъ, глоталъ, не прожевывая, оглядывался по сторонамъ, безпокойно топчась на мѣстѣ, переступая грязными, босыми ногами.

— Не торопись, Яша, — останавливалъ я его жадный аппетитъ,—при мнѣ, если и увидятъ, не отнимутъ...

— Отнять не отнимутъ, извѣстно, а послѣ укорятъ, жаднымъ обзовутъ,—имъ бы придраться! У насъ въ камерахъ бѣда — весело, — договаривалъ онъ повеселѣвшимъ голосомъ,—ссорятся, грызутся, сутками ругаются, въ волосья вцѣпятся, все больше изъ-за кузнеца Ивана... Я все знаю, да молчу, потому бабы—бабы, а свой братъ каторжный, къ тому же мать съ ними... И куда эти облаки идутъ по небушку? — вдругъ вдумчиво говорилъ онъ вопросительнымъ голосомъ, загибая голову кверху, всматриваясь въ небесную лазурь, — и какъ же скоро бѣгутъ! Вотъ съ ними бы въ тайгу, бродяжить, куда бѣгутъ наши изъ Кары! — При взглядѣ на облака, на голубое, прозрачное, далекое небо, лицо ребенка прояснялось, оживлялось, щеки покрывались румянцемъ, стариковское выраженіе сглаживалось. Онъ больше и больше загибалъ голову, шевеля губами, какъ бы разговаривая съ быстро несущимися облаками, потомъ тяжело вздыхалъ и приговаривалъ печально, какъ большой:

— Э-эхъ, жизнь наша тюремная, подневольная!

Ребенокъ, сравнительно, рѣдко выходилъ за тюремную ограду (это зависѣло отъ доброты или настроенія старшаго по караулу урядника, обязаннаго „слѣдить за проносомъ водки“, вообще запрещенныхъ для тюрьмы предметовъ). Всего чаще, раннимъ утромъ, ребенокъ пристраивался къ женской партіи, выходившей подъ конвоемъ изъ тюрьмы къ „складочнымъ магазинамъ“, для полученія матеріала на шитье арестантскихъ рубахъ, портокъ, юбокъ и т. д., т. е. обязательной для женской каторги ежедневной, урочной работы. Ребенокъ съ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ этихъ выходовъ, происходившихъ не болѣе двухъ разъ въ недѣлю, и, несмотря на ранній выходъ, рѣдко когда просыпалъ начинавшуюся суету женщинъ, при приходѣ въ камеру тюремнаго приставника для провѣрки оконченныхъ по шитью уроковъ. Выходя изъ тюрьмы съ десяткомъ-двумя женщинъ, окруженныхъ конвоемъ, съ заряженными ружьями, босой Яшка, въ бѣлой, рваной, грязной рубашкѣ и такихъ же штанишкахъ, съ открытой нечесаной головой, весело выступалъ въ переднемъ ряду партіи, стараясь изо всѣхъ силъ идти въ ногу съ передними конвойными. Усердствуя въ маршировкѣ, Яшка сѣменилъ ногами, подпрыгивалъ, спотыкался, наступалъ на босыя же ноги своихъ товарищей по походу, вызывая неодобрительныя, часто злобныя замѣчанія.

— Запрыгала сорока, пучеглазый чортъ! На ногу наступилъ,—вотъ я тебя, паршиваго, по шеѣ!..

Между тѣмъ, съ размѣренныхъ, ровныхъ шаговъ конвой-

ныхъ, мальчикъ переносилъ вниманіе на высокое, голубое или хмурое небо, на блескъ виднѣвшейся вдали рѣки Шилки, на проходившихъ въ кандалахъ арестантовъ, на мелькнувшую въ воздухѣ птицу...

По временамъ Яшка выскакивалъ изъ цѣпи конвойныхъ въ сторону, что „мальцу“ не особенно возбранялось; онъ жадно подмѣчалъ встрѣчавшихся людей, присматривался ко всему, стараясь въ то же время не отставать отъ партіи. Камень ли близь дороги валялся, оброненное съ воза полѣно дровъ, брошенная палка, истасканный арестантскій „чирокъ“ безъ подошвы, пробѣжавшая стороной собака съ костью въ зубахъ, лежавшая по близости дороги корова—все вызывало въ душѣ ребенка вопросы и отвѣты на нихъ. „Камень... Вотъ хорошо бы Степаниду по башкѣ „звиздануть“ за ремень съ пряжкой, не стала бы драться... Запищала бы по-поросячьи...“ На бѣжавшую собаку съ костью Яшка кричалъ во все свое дѣтское горло: „Убѣгай, Шарикъ, убѣгай! Кость отнимутъ. Держи его, держи! В-а-а-жно-о-о!“

Услыхавъ этотъ крикъ, конвойные машинально пріостанавливались, и въ партіи происходило замѣшательство...

— Ты чему, малецъ, обрадовался? Смотри-и-и у меня! Экая бестія, какъ напугалъ!—грозилъ ему урядникъ, а среди женщинъ слышались возгласы: „Сволочь! Дайте ему по шеѣ!“ „За что по шеѣ? Не видишь развѣ: дите обрадовалось! Мы по причинамъ сидимъ, а онъ за что мучается?“ „Бери его себѣ, безпричиннаго,—не велика фря...“ „Молчи, сволочь супоросая...“

— Тише... Чего закудахтали? Приклада захотѣли?—слышался громкій голосъ урядника.—Сми-и-рр-но-о!

Въ возбужденной выходомъ изъ тюрьмы головѣ ребенка путевыя впечатлѣнія полуверстнаго перехода до склада, смѣшиваясь, перепутывались, сливались въ безформенную, неопредѣленную массу. Но въ общемъ ему было весело, безконечно весело! Въ его душѣ звенѣла музыка радости дѣтскаго, незадумывающагося бытія данной минуты, даннаго впечатлѣнія... Утреннее раннее солнце освѣщало окрестность, заливая свѣтомъ все видимое пространство, согрѣвало его тощее тѣло. Всей исхудалой грудью вдыхалъ онъ утренній влажно-прохладный воздухъ и радовался, бойко сѣменя ногами, размахивая руками, а голова его, не переставая, работала, мысли тянулись одна за другой...

„А вдругъ конвойный выстрѣлитъ? Убьетъ, чего съ него возьмешь? Шагаютъ-то ка-а-а-къ! Безъ обученья ни почему за ними не ушагаешь... по особому ихъ кормятъ, подъ рожокъ да барабанъ... Палку занапрасно на дорогѣ бросили: важная палка, березо-о-ва-а-я! Экая высь надъ головой!

Голова заболитъ смотрѣть долго... Кто живетъ тамъ? Забраться не возможно,—какая лѣстница достанетъ? Врутъ бабы, на колесахъ будто Богъ ѣздитъ: сами не бывали, почему онѣ знаютъ?.. Эвона складъ завидѣлся... Шилка, вонъ, блеститъ на солнышкѣ... Говорятъ, по водѣ машина ходитъ, гуу-ди-итъ, какъ оглашенная... Брешутъ, небось, бабы: какъ по водѣ пойдешь?"

Семь или восемь лѣтъ назадъ, къ послѣднему этапу передъ областнымъ городомъ подошла для ночлега каторжнопересыльная партія въ триста двадцать человѣкъ, въ числѣ которыхъ находилось семнадцать женщинъ-каторжанокъ и десять по волѣ слѣдовавшихъ за мужьями въ карійскую каторгу. Въ числѣ семнадцати шла въ вѣчную каторгу, за убійство мужа и свекра, Елена Рубанкова,мать будущаго Яшки. Дорога была долгая и трудная; партія передвигалась вѣковѣчнымъ пѣшимъ порядкомъ, по проторенной дорогѣ, которая въ народномъ представленіи слыла „владимiркой", „сибирской столбовой дорогой", „трактомъ слезъ и страданій". Послѣ обычныхъ брани, крика, драки, ударовъ по спинамъ ружейными прикладами, партія была втиснута въ четыре небольшихъ камеры Черновскаго этапа. Промокшіе до нитки подъ безпрерывнымъ ненастнымъ дождемъ тридцативерстнаго перехода, уставшіе и голодные, невольные путешественники, въ концѣ концовъ, угомонились. Спали тамъ, кто куда попалъ; кто съ бою успѣлъ занять получше мѣсто на нарахъ, кто подъ нарами, около параши, поставленной на ночь; двое забрались и ухитрились помѣститься на квадратномъ аршинѣ пространства печки-голландки, не доходившей до потолка на три четверти. Въ лѣвомъ концѣ входнаго корридора, огибавшаго глаголемъ зданіе съ наружной стороны, тамъ, гдѣ онъ упирался въ общее для мужчинъ и женщинъ отхожее мѣсто, помѣщены были женщины.

На счастье ночлежницъ, ни у одной изъ нихъ не было ребенка. Елена Рубанкова, мать будущаго Яшки, женщина лѣтъ двадцати восьми, круглолицая, плотная и румяная, съ карими глазами и черными бровями, къ утру почувствовала наступленіе женскихъ страданій, которыя давнымъ давно опредѣлены грозными словами: „въ болѣзняхъ родиши чада своя". При начальныхъ рѣдкихъ приступахъ болей, Елена кусала до крови губы, хваталась руками за болѣвшій животъ, стараясь во что бы то ни стало заглушить вырывавшіеся стоны; какъ она ни крѣпилась, какъ ни сдерживалась, стоны ея разбудили, однако, ближайшую со-

сѣдку Василису. Проснувшись, послѣдняя усѣлась на полу, боязливо окинула глазами спавшихъ товарокъ, любовно, ласково погладила по головѣ стонавшую, торопливо спрашивая полушепотомъ:

— Что, дѣвонька, должно—время подошло? Эхъ ты, горе-горькая моя! Угораздило тебя понести въ непоказанное время... Что мы съ тобою будемъ дѣлать? Вывертывайся теперь, какъ знаешь. До города, до больницы, двадцать пять верстъ перехода; здѣсь, на этапѣ, тебя не оставятъ... Знаю я порядки! Не въ первый разъ иду... Городъ, главное, близко!

И она ласково, осторожно и непрерывно начала гладить ладонью по спинѣ и поясницѣ стонавшую, приговаривая шепотомъ:

— Потерпи, дѣвонька! Потерпи, милая, не натужайся... спокой себѣ давай, вольготнѣе будетъ... Не натужайся, главное, не натужайся...

Время шло, какъ и всегда оно идетъ, своимъ заведеннымъ порядкомъ, своимъ обычнымъ ходомъ... Засѣрѣлъ востокъ горизонта бѣловатой полоской наступающаго дня; дождь моросилъ безпрерывно, проливаясь на землю, какъ изъ громаднаго сита, отгибаясь, отклоняясь по временамъ въ разныя стороны налетомъ вѣтра, обливая, какъ слезами, почернѣвшее отъ времени этапное зданіе. Проигралъ рожокъ конвойнаго сигналиста: „вставать! готовиться!“ Поднялась суматоха, движеніе, торопливые шаги, громкіе выкрики человѣческихъ голосовъ, перемѣшиваемые съ бранью, оханьями стариковъ, общей зѣвотой только что проснувшихся заключенныхъ. Конвойные торопились закончить послѣдній переходъ до областного города.

— Эй вы, дырявая команда, вставай! вылазь на дворъ, выходи живѣе, поворачивайся...—громкими, повелительными голосами выкрикивали солдаты, съ ружьями въ рукахъ входя черезъ единственную этапную дверь въ корридорное помѣщеніе.—Вставайте, телки комолыя, поживѣе...

— Здѣсь баба опрастывается,—какъ она пойдетъ? Посмотрите сами, если не вѣрите!—злымъ, громкимъ голосомъ проговорила сосѣдка Елены, указывая солдатамъ на стонавшую.

— О, чтобъ васъ... Опростается, гдѣ чортъ приведетъ,—не издохнетъ... Не въ первый разъ случается съ вашей сестрой. Сама виновата,—не смогла протерпѣть до города... Некогда намъ возиться; вылѣзай, знай, усаживайся на подводу—и весь разговоръ...

Партія, высыпавши изъ этапа, построилась въ ряды вдоль по улицѣ: хмурыя, злыя, заспанныя лица, всклокоченные

волосы, оханья, громкій, удушливый кашель, громкія отхаркиванія; всѣ ежились отъ сырости ливнаго дождя и холоднаго сѣверо-западнаго вѣтра. Солдаты торопились съ повѣркой, громко ругались матерными словами за „нарушеніе рядовъ въ ранжирѣ“, сбивались въ счетѣ арестантовъ; нерѣдко слышался громкій, трескучій окрикъ: „Смирно о-о!“ „Ты куда, сволочь, вылѣзаешь? Рыжая твоя образина жидовская! Петро, дай ему въ шею..“ Партія тронулась, въ тактъ позвякивая кандалами...

На послѣдней изъ шести одноконныхъ „буторныхъ“ подводъ, нагруженныхъ арестантскими мѣшками, дряхлыми стариками, старухами и слабосильными, лежала Елена Рубанкова, кусая до крови свои губы, съ блѣднымъ, страдальческимъ лицомъ, передергиваемымъ судорогами, извиваясь на мѣшкахъ отъ нестерпимой боли, перевертываясь съ боку на бокъ отъ толчковъ двигавшейся телѣги, хватаясь за животъ обѣими руками...

— Ма-а-мо-о-нь-ки-и мои, голубо-о-о-нь-ки-и! Смерть моя пришла, смертонька... О, о, о, о! Господи! Царица Небесная, Мамушка, Заступница... О, о! Ма-а-мо-о-нь-к-и-и!—надрывающимся голосомъ, жалобно выкрикивала роженица, встряхиваемая, перебрасываемая изъ стороны въ сторону при каждомъ новомъ оборотѣ колеса.

Партія двигалась ускореннымъ шагомъ, подгоняемая ливнимъ дождемъ, холоднымъ вѣтромъ, а главное—послѣднимъ переходомъ до города, въ которомъ предстояла дневка, можетъ быть, баня, развлеченія въ большой, многолюдной областной тюрьмѣ, манившія кандальныхъ въ давно намѣченную ими обѣтованную землю. Запряженныя въ одиночку и нагруженныя доверху телѣги отставали отъ торопившейся партіи; четверо солдатъ,—охрана обоза,—сложивъ ружья въ телѣги, сидѣли на подводахъ, свѣсивъ наружу ноги и поклевывая носомъ въ утренней дремотѣ, не торопя возчиковъ, двухъ пожилыхъ бурятъ, въ рваныхъ дабовыхъ халатахъ, пѣшкомъ мѣсившихъ грязь по дорогѣ „большого сибирскаго тракта“. Отставаніе отъ партіи буторныхъ подводъ, — даже часа на два, — не считалось по „инструкціи“ нарушеніемъ порядка.

Въ одной телѣгѣ съ роженицей сидѣла Василиса. Это была уже пожилая женщина, съ исковерканнымъ оспой лицомъ, съ сухими, тонкими губами и острымъ выдавшимся впередъ подбородкомъ. Она сидѣла „бочкомъ“, едва-едва примостившись на краю телѣги, ежась отъ проливного дождя и отъ рѣзкаго вѣтра, подбирая подъ себя ноги, чтобы освободить возможно больше мѣста изгибавшейся отъ боли женщинѣ. При каждомъ особенно громкомъ крикѣ и воплѣ ро-

женицы, Василиса брала ее руками за плечи, нагибала впередъ, терла ей ладонями спину, поясницу, гладила стонавшую женщину по мокрой головѣ, приговаривая ласковымъ, трескучимъ голосомъ:

— Потерпи, дѣвонька, потерпи, умоленная, потерпи, родная! Господь разрѣшитъ... велика милость Господня къ намъ, грѣшнымъ... Судьба наша такая женская злосчастная, проклятая, забытая... Потерпи! немного остается: городъ видится... Больница тамъ для нашего брата, дохтуръ, фельдшеръ... Для бабъ особливо устроено, тепломъ такъ и отдаетъ... Для такихъ причинныхъ случаевъ, какъ съ тобою, особое положеніе...

При этихъ ласковыхъ увѣщаніяхъ лицо самой Василисы дѣлалось злымъ, безпощадно-жестокимъ; лицевыя ея морщины и углубленія оспинъ какъ бы расширялись въ объемахъ, губы часто раскрывались, и она харкала и плевала за край телѣги, выбрасывая слюну на грязную дорогу.

— Потерпи, дѣвонька, потерпи, умоленная... Не натужайся, главное... Недалеко... скоро доѣдемъ...

На двадцатой верстѣ отъ оставленнаго позади этапа, при одной изъ встрясокъ телѣги о попавшій подъ колесо камень, появился на свѣтъ Божій ребенокъ. Новорожденный жалобно пискнулъ, раскрылъ было ротъ какъ бы для привѣтствія, но... раздумалъ и молчалъ всю дорогу, до пріѣзда въ тюремную больницу, какъ молчала и его мать, лежавшая въ безсознательномъ состояніи, поддерживаемая Василисой за голову. Эта же Василиса завернула въ полу своего мокраго суконнаго халата ослизлаго, издававшаго паръ ребенка, вмѣстѣ съ не обрѣзанной пуповиной и дѣтскимъ мѣстомъ. Прекратившіеся отчаянные крики и наступившая вдругъ тишина въ телѣгѣ заставили конвойнаго солдата соскочить съ задней телѣги на землю и подойти къ Василисѣ.

— Кого далъ Господь?—тихимъ, вопросительнымъ голосомъ проговорилъ онъ:—опросталась болѣзная?

— Посмотри, коли любопытствуешь! — и старуха развернула полу своего халата. Какъ ужаленный, солдатъ отскочилъ отъ телѣги, взбросилъ было ко лбу правую руку, быстро отнялъ ее и остановился на дорогѣ, повернувшись въ противоположную сторону отъ хлеставшаго дождя. Постоявъ такъ въ раздумьи съ минуту, онъ перебросилъ ружье съ лѣваго плеча на правое, опасливо оглянулся кругомъ, загнувъ голову вверхъ, оглядѣлъ низко нависшее облако, почесалъ лѣвой рукой затылокъ, раза два плюнулъ на землю, ловко брызнувъ слюною между зубами („цыркнувъ“, какъ говорится), осмотрѣлъ внимательно на дорогѣ мѣсто, куда упала слюна,

затѣмъ быстро запустилъ лѣвую руку въ карманъ шароваръ, оглядѣлъ на ладони вынутые два мѣдныхъ пятака, подбросилъ ихъ въ воздухѣ, зажалъ въ кулакъ, подумалъ еще минуту и бѣгомъ пустился догонять отъѣхавшія телѣги. Торопливо, на ходу, не заглядывая въ лицо Василисы, онъ подалъ ей два мѣдныхъ пятака и проговорилъ скороговоркой:

— Возьми для болѣзной... Нѣтъ у меня, матка, больше... Радъ бы душой, да нечего... послѣдняя гривна... на табакъ сберегалъ... Видишь ты, какой случай приключился: въ телѣгѣ... на мѣшкахъ... при тряскѣ... Тоже, братъ, на охотника!—и онъ быстро зашагалъ прочь отъ телѣги, „поцыркивая“ слюной на грязную дорогу; лицо у него было недовольное, озабоченное, и онъ до городской тюрьмы не оглянулся больше назадъ, не проговорилъ ни единаго слова.

Въ областной острожной больницѣ, куда помѣстили Елену Рубанкову, — еле дышавшаго ребенка окрестили, давъ имя Якова, въ честь крестнаго отца, которымъ вызвался быть сердобольный солдатикъ, подавшій родильницѣ два пятака; крестной матерью была поставлена Василиса.

— Крестника нежданно-негаданно Богъ сподобилъ нажить,—разсказывалъ солдатикъ, возвратившись въ караульный домъ изъ тюремной больницы, — да жидковатъ мой крестный сынъ... Батя въ воду его окунаетъ, а онъ тебѣ хотя бы гукнулъ! А мать въ безпамятствѣ, околесицу бормочетъ... Тоже, братъ, на охотника родить подъ дождемъ, на ходу въ телѣгѣ... Задерешь ноги кверху!..

Появился Яша на бѣлый свѣтъ помимо своей воли и желанія, при такихъ же обстоятельствахъ потянулась и его дальнѣйшая жизнь. Его мать восемь мѣсяцевъ вылежала въ тюремной больницѣ; первыя шесть недѣль, не сознавая своего положенія и окружающей обстановки, она находилась въ безсознательномъ состояніи. Яшку кормили жеванымъ мякишемъ ржаного хлѣба, вливали съ ложки въ ротъ сырое молоко, больничныя щи съ капустой, набивали ему ротъ гречневой кашей, заправленной прогорклымъ саломъ. Сердобольныя женскія души, на попеченіи которыхъ, за безпамятствомъ матери, очутился Яшка, разжевывая кусочки варенаго мяса, ржаныхъ сухарей, соленаго омуля, толкали ему все это въ ротъ, приговаривая:

— Кушай, младенчикъ, кушай на здоровье! Матка твоя безъ памяти, а тебѣ пить, ѣсть надо...

Яшка безропотно глоталъ всякое даяніе, чмокалъ губами, таращилъ неразумные глаза и, какъ подъ ножомъ, кричалъ дни и ночи, брыкаясь ноженками, безсознательно пригибая ихъ къ вздувшемуся животу...

— Прорва! Аспидъ! Выброшецъ поганый, погибели на тебя нѣтъ! — со злобой въ голосѣ и въ глазахъ, перекликивались находившіяся въ палатѣ женщины: — надоѣлъ всѣмъ до смерти! Околѣвалъ бы скорѣе, матери своей руки развязалъ, да и насъ избавилъ! Ни днемъ, ни ночью покоя не видимъ... Придушить его, что ли?

Кричавшаго днемъ и ночью Яшку душить никто не рѣшался, а кормить „жвачкой“ старались наперебой. Всѣ поочереди брали кричавшую, посинѣвшую, со вздутымъ животомъ „жабу“ и... байковали, байковали, раскачивая на рукахъ...

Спи, усни, наше дитятко,
Спи, усни, наше золото!

— Чтобъ тебя холера задавила, каторжная твоя душа! Чтобы тебя черти позабрали, пострѣленка, аспидную породу! угомону тебѣ нѣтъ, проклятому...

Спи, усни, нашъ Яшенька,
Спи, усни, наше дитятко!

— Ну, ну... будетъ, будетъ... Бай, бай! О, о, о, нашъ Яшенька, нашъ умоленный, золотой ясный соколикъ...

Спи, усни, наше дитятко,
Спи, усни, наше золото!

Яркіе солнечные лучи Божьяго свѣта, какъ бы крадучись, пробирались черезъ больничныя окна съ желѣзными рѣшетками въ непривѣтливую палату: лаской, миромъ, утѣшеніемъ вѣяло отъ блеска ихъ по выбѣленнымъ стѣнамъ, отражавшимся на полу и потолкѣ, на больничныхъ кроватяхъ, на лицахъ больныхъ, придавая праздничную картину убогой обстановкѣ... Злое, сморщенное, корявое лицо Василисы, державшей ребенка на вытянутыхъ жилистыхъ рукахъ, вся ея раскачивающаяся фигура съ монотоннымъ напѣвомъ гнусаваго голоса, казалось, преображалась, становилась привлекательнѣе, красивѣе...

Спи, усни, наше дитятко,
Спи, усни, наше золото!

Дни тянулись за днями, мѣсяцы за мѣсяцами; Яшкина мать оправилась отъ тяжкой болѣзни, и ребенокъ почти всецѣло перешелъ на ея попеченіе. Съ самаго начала сознательнаго отношенія къ окружающему, въ ея душѣ, помимо воли и разума, создавалось какое-то двойственное чувство къ ребенку. Лежитъ Яшка на кровати въ красной, ситцевой, поношенной рубашкѣ, пожертвованной женою тюремнаго смотрителя, завернутый съ ногъ до головы въ посконную

пеленку изъ заношеннаго, негоднаго къ употребленію арестантскаго мѣшка, выданнаго смотрителемъ „не въ зачетъ“, для ребенка“; лежитъ Яшка тихо, не шевелясь, посапывая носомъ, серьезно сжавъ губы, съ осунувшимся продолговатымъ, сине-морщинистымъ личикомъ, и мать смотритъ на него, не мигая, не отводя полныхъ любви глазъ отъ спокойно спящаго ребенка, отъ его тихо и ровно колышущейся груди, съ жадностью вдыхая въ себя дѣтскія испаренія, „дѣтскій запахъ“, и вся женская, материнская ласка, любовь къ „ненаглядному“ лучезарнымъ свѣтомъ блеститъ въ ея глазахъ, позѣ, движеніи головы, въ движеніи губъ и рукъ... Захватываетъ, колышетъ ея сердце сознаніе материнства: она на смерть, на страданія пойдетъ за эту безформенную, съ большой головой и вздутымъ животомъ, фигурку!.. Все пережитое и переживаемое горе жизни блѣднѣетъ, тускнѣетъ, испаряется при взглядѣ на закрытые глаза мирно спящаго сына...

Шестимѣсячный Яшка проснулся. Открывъ глаза, онъ безсознательно поворачиваетъ ими въ направленіи солнечнаго свѣта, пробравшагося черезъ окно палаты. Спокойное сейчасъ, личико ребенка начинаетъ морщиться, принимать обезьяно-старообразый обликъ, голова ворочается въ разныя стороны; онъ энергично подергиваетъ связанными руками и ногами, ротъ раскрывается широко, и начинается громкій плачъ съ присвистомъ, захлебываніями, съ хриплыми, отрывистыми дыхательными звуками. Подбѣжавшая мать торопливо суетъ ему въ ротъ тряпку съ жеванымъ хлѣбомъ, или вливаетъ въ ротъ съ ложки воду, опивки оставшагося кирпичнаго чая... Тягучими всхлипываніями, усиленный крикъ продолжается, между тѣмъ, непрерывно: отъ напряженія лицо ребенка посинѣло, передергивается судорогами... Мать схватываетъ ребенка на руки, качаетъ его, равномѣрно опуская руки книзу, поднимая кверху, широкими шагами расхаживая по палатѣ, цѣлуя его въ губы, въ глаза, въ щеки...

Баю, баюшки-баю,
Баю Яшеньку мою!
Спи, усни, дитя, усни,
Угомонъ тебя возьми!

— Ну, полно! Ну, полно! Сынко мой, дорогой мой, упрошенный, умоленный...

Баю, баюшки-баю,
Баю Яшеньку мою!

Яшка не внимаетъ ласкамъ, уговорамъ матери: зажмуривъ крѣпко глаза, изгибаясь всѣмъ тѣломъ, насколько

это возможно въ туго охватывающихъ его пеленкахъ, съ надувшимися пузыремъ щеками, Яшка кричитъ во все свое дѣтское горло, кричитъ непрерывно, неустанно, захлебываясь, съ частыми, дребезжащими вздохами, выталкивая изо рта языкомъ вложенную жвачку.

— Усмири ты его, усмири! Заткни ему кулакомъ глотку! Надоѣлъ проклятый выброшникъ, крикомъ душу всѣмъ вымоталъ! Безъ него, проклятаго, тошно, а онъ ни днемъ, ни ночью покоя не даетъ, какъ озвѣрѣлый какой! — перебивая другъ друга, кричатъ на Елену десятокъ товарокъ по больничному сидѣнью. Лица кричащихъ злыя, остервенѣлыя, и скверныя ругательства висятъ надъ головой неумолкающаго Яшки...

— Удуши ты его, поганца, каторжное отродье! Себѣ руки развяжешь и намъ покой дашь...

Въ сердцѣ матери, гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ души, помимо ея материнскаго чувства, появляется скребущее, тоскливое чувство, досадливое, непріязненное къ сыну, къ его плачу и крику, къ окружающимъ сквернословящимъ товаркамъ, къ бездушнымъ предметамъ опостылѣвшей тюремной обстановки, чувство безсмысленное по существу, но... оно растетъ, постепенно усиливаясь до физической боли подъ ложечкой, переходя въ чувство обиды, безпомощности, тяжелаго состоянія, одиночества, горечи жизни, заброшенности, сдавливая грудь, щемя сердце, ударяя, какъ молотомъ, въ голову... Только что лаской блестѣвшіе глаза матери утрачиваютъ любовное выраженіе: зрачки сузились, глаза потеряли прозрачность, потускнѣли, сдѣлались злыми, безпощадными... Въ выраженіи лица, въ каждой преждевременной морщинѣ, въ раздувшихся крыльяхъ носа, въ плотно сжатыхъ, втянутыхъ губахъ, появились признаки разсвирѣпѣвшаго животнаго; со злостью и ненавистью вырываются у матери слова:

— Будь ты проклятъ отъ меня, постылый, окаянная твоя душа! Пропадай ты пропадомъ, каторжное отродье!—И мать со всего размаха бросила Яшку на кровать, съ злобнымъ выраженіемъ лица и съ нескрываемой ненавистью отошла отъ брошеннаго ребенка. Ударившись о казенный жесткій тюфякъ, брошенный Яшка только крякнулъ,— какъ бы про себя—и моментально умолкъ... Въ палатѣ наступила мертвая тишина: всѣ отвели глаза въ сторону отъ Яшкиной постели прекратились работы, разговоры, перебранка; у стоявшей у печи матери, на лбу, на щекахъ выступили крупныя капли пота; она тяжело дышала и вздрагивала...

— Звѣрь ты, Еленка! Лютый звѣрь лѣсной,—хуже бешеной собаки... Развѣ можно безвинную дитю бросать,

какъ дохлую собаку?! Звѣ-ѣ-ри-и-на-а! право, звѣрина поганая, а не человѣкъ... Побоялась бы Бога, если людей не стыдно!—громко, на всю палату выкрикнула, наконецъ, одна изъ товарокъ, только сейчасъ совѣтовавшая „удушить варнацкое отродье“. Сердобольная женщина торопливо подбѣгаетъ къ лежащему Яшкѣ, осторожно беретъ его на руки и, раскачивая, широкими шагами ходитъ по палатѣ. Очнувшійся Яшка издаетъ тихій, хрипящій звукъ, открываетъ на мгновеніе глаза, закрываетъ ихъ снова и начинаетъ торопливо чмокать губами...

— Младенецъ ѣсть хочетъ, надрывается съ голоду, а мать бросаетъ ребенка, какъ собаку! Такъ, дѣвонька, дѣлать не надо... Тоже нашлась родимая матушка...

— Такимъ-то манеромъ добрые люди съ собаками справляются, а не съ кровными дѣтями! — подаетъ голосъ другая изъ женщинъ:—дите твое, родное, не въ нужникѣ найдено...

— Нравится вамъ, берите его себѣ на здоровье! Въ парашу головой, или въ печь бросьте, мнѣ все одно,—опостылѣлъ!—злобно говоритъ мать, укладываясь на кровать, лицомъ къ подушкѣ.

— Звѣ-ѣ-ри-и-на-а ты, звѣ-ѣ-ри-и-на-а-а, Еленка! Бога не боишься, а не только добрыхъ людей!—продолжаютъ укорять ее товарки.

Елена, не измѣняя положенія, лежала на кровати: ея душу постепенно начало охватывать еще болѣе тяжелое, злое чувство къ ребенку, къ товаркамъ по заключенію, каторжной жизни, ночной парашкѣ, постоянной брани, ссорамъ, ненавистному далекому прошлому, которое въ короткое время превратило ее, молодую, жизнерадостную, работящую женщину, въ вѣчную каторжанку.

— Пропадай всѣ пропадомъ,—со злобой думала она,—какъ пропала я сама, пропали мужъ и свекоръ. Пусть околѣваетъ и Яшка; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше для него и для меня: руки мнѣ развяжетъ... Что я съ нимъ буду дѣлать въ каторгѣ?! Воришку выкармливать...

Яшкинъ отецъ приходитъ ей на память. Знакомство съ нимъ подъ тюремной крышей произошло какъ-то невзначай, мимоходомъ, какъ машинально съ голодухи проглатывается кусокъ хлѣба, о которомъ память забываетъ, какъ только утолился голодъ... Елена не могла возстановить въ памяти лицо Яшкинаго отца—русый онъ былъ, или черноволосый, молодой или старый?

— Вся эта сволочь мужиковская на одну колодку подѣлана! Нажрался и въ сторону, а наша сестра и валандайся съ богоданнымъ дѣтищемъ... А онъ другіе куски для жранья

подыскиваетъ!—закончила она воспоминанія о случившемся, на мгновеніе пронесшіяся въ ея возбужденной головѣ.

Потянулись вереницами другія воспоминанія... Далекая, глухая деревня средней Россіи, застроенная въ большинствѣ полуразвалившимися домишками, съ соломенными, почернѣвшими отъ времени крышами; стаи воробьевъ по крышамъ, огородамъ, на черемухѣ, въ огородѣ. Стаи галокъ и голубей на пашняхъ и поляхъ, мычанье возвращающихся въ деревню коровъ, кудахтанье куръ, собачій лай за проѣзжающей по улицѣ телѣгой. Невылазная грязь отъ непрерывнаго многодневнаго дождя, съ пріостановкой по этому случаю полевыхъ работъ. Съ какой охотой, съ какимъ добрымъ духомъ и весельемъ въ душѣ мѣсила, бывало, Елена босыми ногами уличную, осклизлую, холодную грязь, въ компаніи такихъ же товарокъ-дѣвушекъ и ребятишекъ-подростковъ, съ корзинками въ рукахъ веселой гурьбой отправлявшихся въ дальній лѣсъ за грибами! Влажный, прохладный воздухъ охватывалъ со всѣхъ сторонъ быстро шагавшую по дорогѣ толпу; холодная грязь тягуче обклеивала ноги по колѣна, насѣдая тяжеловѣсными пластами на голыя ступни, выдавливаясь наружу между пальцами... Милліоны капель дождевой воды сыпались съ листьевъ встрѣчныхъ березокъ, кустовъ, черемухи; пахуче возбуждающій ароматъ скошенной травы, влажная, туманная, непроглядная даль горизонта... Рѣдкіе лучи солнца, пробиваясь сквозь тучи, облегшія небо, освѣщали на мгновеніе долину, отражаясь особенно яркимъ блескомъ въ протекающей поблизости рѣчкѣ, съ переброшеннымъ черезъ нее бревномъ-переходомъ...

— Ау, аа-уу! Матре-е-ешка-а-а! Чортъ! Дьяволъ! Куда ты запропастилась, подлая? Чего отстаешь? Матре-е-е-ешка-а! Матре-е-е-шка-а а...

— Здѣ-ѣ-ся-я я, Митревна! Въ колдчкѣ, грибы собираю-ю-ю!—слышится издалека протяжный, пискливо-звенящій дѣтскій голосъ.

И въ памяти Елены, какъ живая, встаетъ худощавая, простоволосая, съ бѣлесоватыми волосами, съ круглымъ личикомъ и боязливыми, сѣрыми глазами, дѣвочка-подростокъ, въ посконной, дырявой и грязной по колѣни рубашкѣ, босая, загнанная, голодная и холодная, круглая деревенская сирота, неизвѣстно чѣмъ питавшаяся и гдѣ ночевавшая. Воспоминаніе объ этой дѣвочкѣ-замарашкѣ болью сжало ея сердце: ей вспомнилась затрещина, данная однажды по Матрешкиной шеѣ ея собственной рукой,—такъ, ни за что, ни про что, здорово живешь! Вспомнился удивленный, оторопѣлый взглядъ сѣрыхъ, широко раскрытыхъ глазъ, брошенный на обидчицу; торопливый, отчаянный прыжокъ въ сто-

рону, съ искривленными, быстро подогнувшимися колѣнами, мокрые волосы, прилипшіе ко лбу и затылку...

У лежавшей ничкомъ Елены защемило подъ ложечкой,— появилось вдругъ чувство глубокой жалости къ безвинно побитому ребенку... Она порывисто вскочила съ кровати, взяла сына на руки и поглядѣла на него любовнымъ, материнскимъ взглядомъ...

Баю, баюшки-баю,
Баю, Яшеньку мою!

— Давно бы такъ, дѣвка! Чѣмъ убивать невиннаго младенца, ты лучше обласкай его, — одобряли Елену каторжанки:—всѣ мы одинаковы, на одну колодку шиты, не то звѣри, не то человѣки... Жизнь-то, видишь, дѣвка, загребаетъ насъ по своему!..

Яшка подросталъ наперекоръ всякой логикѣ человѣческой. Его худое, морщинистое тѣло, со старческимъ лицомъ и постоянно вздутымъ животомъ, съ тонкими, исхудалыми руками и ногами,—съ каждой ложкой влитой въ него „баланды", съ каждой проглоченной „жвачкой", увеличивалось въ ростѣ, объемѣ; онъ подросталъ, пожалуй, даже укрѣплялся, не смотря на не сходившія съ его головы язвы и струпья болячекъ и коросты. Изрѣдка мать или кто-либо изъ ея сердобольныхъ сожительницъ осматривали Яшкину голову, перебирая между пальцевъ, по прядямъ, его густые волосы, не обращая ни малѣйшаго вниманія на его отчаяные вопли и крики, выбирая изъ головы паразитовъ и безпощадно казня ихъ на подоконникѣ.

— Заѣстъ вошь младенца, безпремѣнно заѣстъ подлая!— бормотала вполголоса мать:—какъ ни старайся, ни обхаживай, ничегошеньки съ гнусомъ не подѣлать...

— Попроси у доктора мази, съ одного раза сгибнутъ,— совѣтовали товарки,—самая пользительная мазь отъ гнуса; не одинъ разъ пробовали...

— Какая мазь поможетъ, дѣвонька! Съ насъ самихъ, какъ горохъ, сыпятся! — И Елена съ новымъ рвеніемъ принималась повертывать голову безъ умолку кричавшаго Яшки.

Во всѣхъ складкахъ постоянно влажныхъ, издававшихъ запахъ разлагающейся мочи, посконныхъ пеленокъ, въ прѣлыхъ пахахъ, бровяхъ и волосахъ ребенка, въ складкахъ и язвахъ морщинистаго тѣла копошились миріады паразитовъ, вызывая нестерпимый зудъ, отчаянные вопли и безсонницу. Но Яшка, повторяю, вопреки всему росъ и развивался.

На седьмомъ мѣсяцѣ отъ рожденія,—за мѣсяцъ до отъѣзда изъ больницы въ карійскую каторгу, — у него сразу прорѣзалось два зуба. Первая замѣтила новое приращеніе корявая, рыжая Лизавета, всѣхъ чаще, громче и „паскуднѣе“ ругавшая и проклинавшая плачущаго Яшку, совѣтовавшая постоянно „удушить выброшенка“, но—странное дѣло!—въ то же время всѣхъ чаще, усерднѣе и любовнѣе качавшая и успокаивавшая ребенка. Всовывая въ Яшкинъ ротъ жвачку, Лизавета задѣла пальцемъ прорѣзавшіеся зубы, торопливо вынула жвачку, надавила на обѣ щеки ребенка пальцами, насильно раскрывая ему ротъ, и лицо ея приняло серьезное, озабоченное выраженіе. Она снова осмотрѣла полость рта, раза два провела своимъ указательнымъ пальцемъ по верхней и нижней деснѣ ребенка, посмотрѣла на свой палецъ, снова заглянула Яшкѣ въ ротъ и... вдругъ, ея собственный ротъ растянулся въ широчайшую улыбку, оскаливъ круглыя, бѣлыя зубы...

— Дѣвки, глядите-ка сюда: парень обзавелся зубами,— ей-Богу, правда! Ай, Яшка, ай молодчина зубастая! — И на растопыренной ладони она начала подбрасывать ребенка къ потолку, возбужденно приговаривая скороговоркой: – Ай да Яшка! ай да Яшка! Съ зубами не пропадешь въ тюрьмѣ! Съ зубами и тюремныя крысы не пропадаютъ... Можетъ, время придетъ--бѣлый свѣтъ увидишь; насъ тогда, грѣшныхъ, вспомянешь добрымъ словомъ!

Спустя еще недѣлю, когда на зубастаго Яшку, подбрасываемаго къ потолку руками Лизаветы, упали лучи іюньскаго солнца, скользнувъ по его глазамъ свѣтовыми впечатлѣніями,—лицо ребенка, свернувшись въ кулачекъ, сморщилось, губы и крылья носа задрожали, превратившись въ дѣтскую улыбку, и изъ его открытаго рта вырвались звуки: „мма! мма!“ Тогда мать порывисто вскочила съ кровати, выхватила ребенка изъ Лизаветиныхъ рукъ и начала судорожно, порывисто цѣловать его въ губы, щеки, голову...

— Дорогой мой, желанный мой Яшенька! Маму родную свою призналъ!

Яшка таращилъ глаза, кривилъ губы, морщилъ лобъ и собирался плакать.

Съ „зубастымъ“, смѣющимся Яшкой мать была отправлена изъ областного города въ страшную невѣдомую „каторгу“. Въ „пути слѣдованія“ Яшка сидѣлъ на подводѣ съ арестантскимъ „буторомъ“ подъ наблюденіемъ старика или старухи „изъ слабосилыхъ“ и, по мѣрѣ возможности, дѣ-

лалъ свои наблюденія. Усиленно раскрывая глаза, онъ изучалъ горную дорогу нерчинскаго тракта, придорожныя селенія, этапныя зданія, лица каторжныхъ товарищей по партіи, сердитыхъ и добрыхъ солдатъ конвойныхъ. Яшкина мать, какъ здоровая и полносильная, шла пѣшкомъ въ хвостѣ мужской партіи, съ двумя десятками другихъ каторжанокъ, какъ разъ передъ подводами съ арестантскими мѣшками и „слабосильными" членами партіи. Еленѣ не возбранялось нести на рукахъ сына, передавать его рядомъ шедшей товаркѣ или старухѣ, сидѣвшей на подводѣ. Яшка не особенно отличалъ постороннія руки отъ материнскихъ, нерѣдко награждавшихъ его шлепками. Съ появленіемъ зубовъ онъ смѣлѣе сталъ обращаться съ подаваемыми ему кусками хлѣба или варенаго мяса: рвалъ и грызъ ихъ безъ всякой опаски и нерѣдко давился отъ своей поспѣшности, кряхтѣлъ, задыхался, при чемъ лицо его дѣлалось синебагровымъ, но при помощи дружескихъ ударовъ по спинѣ, „противъ сердца", застрявшій въ горлѣ кусокъ обыкновенно благополучно проскакивалъ въ Яшкино „брюхо"...

Первыя начала сознательнаго раздѣленія звуковыхъ и свѣтовыхъ впечатлѣній обнаружились въ немъ уже на мѣстѣ постояннаго жительства, въ усть-карійской каторжной женской тюрьмѣ, въ одну изъ камеръ которой была водворена его мать съ тридцатью другими женщинами. Товарки Елены, ради ребенка, уступили ей мѣсто на нарахъ въ переднемъ углу камеры, въ которомъ нары обѣихъ сторонъ сходились подъ угломъ. Тюремная камера представляла правильный квадратъ въ четыре сажени, съ четырьмя же рѣшетчатыми окнами, выходившими въ тюремную ограду, саженяхъ въ пяти отъ паль (деревянной стѣны) рядомъ стоявшей мужской тюрьмы. Кругомъ трехъ стѣнъ камеры тянулись покатыя нары, возвышавшіяся надъ поломъ четверти на двѣ; свободнаго отъ наръ пространства оставалось не болѣе пяти аршинъ. Въ силу необходимости, вседневная жизнь камерныхъ обитателей проходила на нарахъ: здѣсь спали, обѣдали, плясали, ругались, производили урочную работу, т. е. шитье арестантской одежды. Казенныхъ тюфяковъ, одѣялъ, подушекъ не полагалось; не выдавались отъ казны даже деревянныя ложки для ѣды: арестантки должны были обходиться „своими средствами". Большинство спало, поэтому, не раздѣваясь.

При наличности въ тюрьмѣ шести камеръ, число постоянныхъ обитательницъ колебалось отъ 200 до 250, не считая 3—4 десятковъ дѣтей обоего пола, начиная съ грудныхъ. Въ камерѣ стоялъ постоянный, невыносимый смрадъ отъ загаженныхъ пеленокъ, — въ особенности въ зимнее время,

когда онѣ развѣшивались, немытыя, для просушки около печи...

Раннее утро іюньскаго дня. Солнце только что показалось изъ-за сопки, огораживавшей женскую тюрьму съ восточной стороны, и яркими, свѣтло-розовыми лучами освѣтило тюремныя окна, рѣшетки и спящихъ на нарахъ женщинъ. Плотно прилегая одна къ другой и забывшись крѣпкимъ предъутреннимъ сномъ, молодыя и старыя женщины лежали въ повалку, согнувшись калачомъ, на голыхъ доскахъ наръ, съ подложенной подъ голову юбкой или старымъ капоромъ вмѣсто подушки. Грязная, вонючая „парашка“ наполняла камеру нестерпимымъ зловоніемъ; около нея, на полу, стояла лужа вонючей жидкоски, протекавшей широкимъ ручьемъ къ переднему углу, въ которомъ висѣла небольшая, съ потемнѣвшимъ ликомъ, икона, съ воткнутой за нею сухой вѣткой какого-то растенія. Три десятка женщинъ спали не раздѣтыми, въ тѣхъ самыхъ одеждахъ, какія носились ими ежедневно, мѣсяцами, годами; на ночь снимались лишь одни „чирки“ (туфли), которые клались въ изголовье, образуя вмѣстѣ съ разнымъ другимъ хламомъ подушку. Многія изъ спящихъ лежали, разметавшись и совершенно оголившись, благодаря невыносимой камерной духотѣ и укусамъ миріадъ вшей и клоповъ, наполнявшихъ тюрьму несмѣтными легіонами. Спокойно-суровыя, истомленно-блѣдныя лица, съ открытыми ртами, наполняли камеру храпомъ и свистомъ; слышались тяжелые вздохи и бормотанье. Яшка спалъ, свернувшись калачикомъ, между двумя крѣпкими молодыми женщинами, вдали отъ матери; спалъ ребенокъ съ насупленными бровями, крѣпко сжатыми губами, какъ бы думая во снѣ какую-то крѣпкую думу...

За тюремной оградой проигралъ рожокъ,—сигналъ начинающагося каторжнаго дня. Рѣзкіе звуки его уже доносились до камеры, но на спящихъ не оказали никакого дѣйствія: храпъ, свистъ и сопѣнье не прерывались... Два раза еще повторились рѣзкіе, призывные звуки, и затѣмъ въ камеру ворвались четверо конвойныхъ съ ружьями, съ Маюрычемъ во главѣ. Каторжный день начался.

— Вставай, дырявая команда! Ишь, заголились, какъ коровы... Ну, ну, ты, Мокроносиха,—чего развалилась? Задрала юбку на мокрый хвостъ... Смотрѣть муторно... Подымайтесь! Подымайтесь! Эй, ты, Хавронья Ивановна! поцѣлуй казака удалого, — не бойся, не кусается... Всякое удовольствіе съ съ нашимъ почтеніемъ... Соблаговолите для перваго знакомства,—въ долгу не останемся...—Слышались громкіе шлепки по голому тѣлу, постукиваніе прикладовъ объ нары, топанье торопливо двигавшихся по камерѣ ногъ... Какъ очумѣлыя,

вскакивали женщины, ничего не понимая, ничего не соображая, съ заспанными, оторопѣлыми лицами, всклокоченными волосами.

— Куда лѣзешь, чортъ, дьяволъ? Откупилъ, что ли? Есть много вашего брата, охотниковъ...

— Не сердись, мамочка, по дружески...

— Много вашего брата, желторотыхъ...

— А ты не ругайся, сволочь,—приклада хочешь?

— Чего не ругайся! Не лѣзь, куда не слѣдуетъ.

— Вылазь на повѣрку, вылазь!

Маюрычъ суетился по камерѣ, какъ сорока, сѣменя своими старческими ногами; заглядывалъ подъ нары, подбѣгалъ къ окнамъ, барабанилъ пальцами по рамамъ, рѣшеткамъ, стекламъ, заглядывалъ въ печку, заглянулъ раза два и въ наполненную до краевъ „парашку".

— Экъ васъ угораздило, съ казенныхъ-то хлѣбовъ! Самой большой парашки не хватило... Торопись, дѣвки, торопись, поворачивайтесь, дѣвоньки! Забирай урки съ собою, забирай! У тебя, Домна, сколько нитокъ осталось отъ урка? Говори правду: сколько осталось?

— Ничегошеньки, господинъ приставникъ, не осталось, ничегошеньки! Разрази меня Богъ!

— Врешь, врешь, старая вѣдьма, — разражался бранью старикъ, какъ бы обрадованный случаемъ прочистить глотку, — врешь, анаѳемская порода, тараканьи твои глаза! Казну обкрадывать?! Казну?! Я вамъ задамъ! Доберусь до васъ, доберусь до мокротѣлыхъ... Погодите! Дайте срокъ! Загляну подъ ваши хвосты, загляну, не безпокойтесь! На „нюни" свои надѣетесь? Я вамъ покажу нюни распускать подъ розгами, покажу... покажу.... Сказано выходить на работы за получкой матеріала,—и выходи... выходи... выходи...

Опомнившіяся отъ сна, „мягкотѣлыя" быстро исправляли свои туалеты, приводили въ порядокъ сбившіеся волосы, съ визгомъ отъ казачьихъ ласкъ и пинковъ, и, нагруженныя „урками", юбками, рубахами, штанами,—выходили изъ камеры; а Маюрычъ громкимъ голосомъ отдавалъ приказаніе камерной старостихѣ

— Ты у меня смотри, Блаженная, поглядывай въ оба! Чтобы камера чиста была,—слышишь? Запо-о-рю-ю при случаѣ! За Яшкой-то наблюди, - ребенокъ онъ брошенный... Я тебѣ въ счетъ поставлю доброе дѣло, за мной не пропадетъ... Вотъ ему отъ меня, — и Маюрычъ подавалъ „Блаженной" круглый пшеничный калачъ, а самъ быстро выходилъ изъ камеры. По уходѣ Маюрыча, Блаженная долго вертѣла калачъ въ рукѣ, повертывая его въ разныя стороны; раза два подносила даже къ своему рту, но потомъ, какъ бы

опомнившись, клала его къ „изголовью“ еще спавшаго Яшки.

Но вотъ въ камеру входила другая пожилая женщина, съ длинной, толстой палкой въ рукахъ, и, продѣвъ ее въ деревянныя „уши“ парашки, арестантки выносили вонъ камерное „золото“.

Мертвымъ сномъ спавшій ребенокъ, не слыхавшій шума и гама, происходившаго на утренней повѣркѣ, проснулся, когда яркіе, солнечные лучи упрямо и назойливо ударили въ его крѣпко закрытые глаза. Открывъ на мгновеніе глаза, онъ снова закрылъ ихъ, повернулся было на лѣвый бокъ, но потомъ быстро сѣлъ на нары и окинулъ глазами опустѣвшую камеру. Сидя, онъ долго царапалъ обѣими руками волосы, грудь, спину; потомъ обратилъ вниманіе на свои босыя, грязныя ноги и сталъ выковыривать засѣвшую въ пальцы грязь. Лицо Яшки было блѣдно-сѣрое, съ синевами подъ глазами, утомленное, старообразное; оно сильно напоминало морщинистое и мѣшковатое лицо старой обезьяны. Мальчикъ и сидѣлъ по обезьяньи, низко опустивъ на грудь голову.—„Наши ушли за урками, никого нѣтъ, мамка тоже ушла“...—вяло проносилось въ его головѣ. Но вдругъ онъ что-то вспомнилъ, вскочилъ на ноги и, озираясь во всѣ стороны, сразу замѣтилъ лежавшій въ изголовьи калачъ.

— Маюрычъ, навѣрное, оставилъ; добрый онъ старикъ для меня... Какъ она не съѣла?! Ночь со мной спала, а то бы съѣла!—Онъ взялъ калачъ въ руку и торопливо перебрался по нарамъ въ уголъ, гдѣ обыкновенно спала его мать. Пошаривъ у изголовья матери, онъ вытащилъ изъ-подъ какого-то тряпья отломанное горлышко бутылки, штукъ десятокъ камушковъ разныхъ цвѣтовъ, вытащилъ „свистулку“, подаренную ему конвойнымъ казакомъ, и нѣсколько стеклышекъ синяго цвѣта; все это онъ внимательно осмотрѣлъ и—успокоился.—Цѣло все, слава Богу,—радостно подумалъ онъ.—Никто не тронулъ.—Затѣмъ, усѣвшись на нарахъ, онъ принялся жадно ѣсть калачъ, который придерживалъ обѣими руками. Вошла старостиха, Ненила Блаженная, съ мокрой шваброй въ рукахъ, и, быстрыми сѣрыми глазами окинувъ камеру, начала, не торопясь, подметать грязный, затоптанный полъ, съ размазанной вонючей лужей. Ненила была крѣпкая, кряжистая женщина, лѣтъ тридцати семи, съ широкими плечами и бедрами, съ курчавыми русыми волосами и низкимъ лбомъ; въ небольшихъ торчащихъ наружу ушахъ висѣли серьги „съ тремя составами“, красноватаго цвѣта камушками въ каждомъ. Выраженіе ея глазъ мѣнялось ежеминутно: то они тупѣли, суживались, тускнѣли; то расширя-

лись и сверкали злостью, хитростью, желаніемъ, то, наконецъ, казались печальными, животно-покорными.

— Чайку тебѣ сейчасъ принесу, Яшенька,—заговорила она, пріостанавливая работу,—котелокъ грѣть поставила; скипитъ скоро—мы и попьемъ.

Яшка мелькомъ взглянулъ на нее и снова принялся за калачъ и игрушки.

— Чего сердитъ таковъ? Аль объ Акулькѣ соскучился? Я ей шары ея поганые расшибу, рожу растворожу, шельмѣ анаѳемской!—нервно заговорила она, принимаясь снова за работу.—Ты у меня и самъ оглядывайся,—не больно-то загарживайся! Ты мнѣ,—что муженекъ дорогой, дороже, чѣмъ ты своей маткѣ... Слышишь, что я говорю?

— Слыха-а-а-ли-и!—протянулъ Яшка:—не твой я, а мамкинъ... Спина болитъ, къ доктору пойду, пожалуюсь...

— Ты у меня гляди, сволочь! Руками задушу и въ парашку выкину... Утоплю тебя... Въ тюрьмѣ особые порядки, самъ знаешь, не маленькій, слава Богу, каторжное порожденіе...

Яшка понималъ серьезное значеніе этой угрозы; онъ тяготился ролью взрослаго мужчины въ женской тюрьмѣ, но, съ другой стороны, и гордился этою ролью, дававшей ему возможность поломаться надъ своими сожительницами. Вѣчно голодный, заброшенный, онъ, какъ ребенокъ, поддавался скоро и ласкѣ, а главное—подаренному куску сахара или лишней порціи мяса, которую оставляли для него тоже полуголодныя женщины, — какая-нибудь Ненила или Акулька.

— Ишь ты какая вострая да сердитая нашлась! Чаю обѣщала, а грызешь? Чайку-то я бы попилъ, а ты прохлаждаешься...—проговорилъ Яшка, стараясь басить, какъ взрослый человѣкъ.

— Сейчасъ, Яшенька, сейчасъ, давно бы такъ!—и старостиха, бросивъ швабру, вышла изъ камеры...

Съ самаго начала открытія карійскаго золота, въ 1832 г., и перевода каторжныхъ работъ изъ нерчинскихъ рудниковъ въ Кару, въ весенніе мѣсяцы, послѣ зимней „закупорки“ арестантовъ, ежегодно разливалась по тюрьмамъ цынга, уносившая сотни жертвъ. Тѣснота лазаретнаго помѣщенія (всего 280 кроватей) вынудила администрацію выстроить въ Усть-Карѣ, на р. Шилкѣ, спеціальные цынготные бараки на 240 человѣкъ, функціонировавшіе съ 1-го мая до 1-го сентября.

Надзоръ въ хозяйственномъ отношеніи за этими бара-

ками поручался, обыкновенно, тюремному приставнику Маюрычу, который разъ по пятнадцати въ сутки заходилъ въ помѣщеніе больныхъ, въ аптеку, къ фельдшеру, ссорясь съ служителями и съ больными, большею частью безпомощно лежавшими на нарахъ или прямо на пескѣ, которымъ посыпался барачный дворъ.

— Зачѣмъ снялъ туфли? Зачѣмъ снялъ туфли, скажи ты мнѣ, пожалуйста?—грозно кричалъ раскраснѣвшійся отъ натуги Маюрычъ, онъ же Пурга (какъ прозвала его каторга), на какого-нибудь старика, сидѣвшаго на дворѣ съ вытянутыми по песку опухшими, какъ обрубки, ногами:— Зачѣмъ ты снялъ, спрашиваю я тебя? А? Животина ты, животина стоеросовая! На слабую порцію захотѣлъ?! Жирѣть началъ?! Хорошо! хорошо! На слабую, такъ на слабую! Доктору пожалуюсь, пусть только пріѣдетъ! Онъ тебя подберетъ, онъ тебя подберетъ... Мыла на васъ не напасешься, прачекъ не хватаетъ... Маюрычъ одинъ, а васъ... а васъ...

— Да у меня, ваше благородіе,—заглушеннымъ, цынготнымъ голосомъ вставлялъ, наконецъ, слово больной,—у меня ноги дюже отекли... Туфли не налазятъ... смерть моя...

— Ноги отекли?! Дуракъ! Давно бы такъ сказалъ! Заставляешь только напрасно время терять, а работы по горло!..

И старческой, сѣменящей походкой старикъ бѣжалъ къ слѣдующему бараку или въ аптеку.

Въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Усть-Кару для осмотра барачныхъ больныхъ, этотъ Маюрычъ обратился ко мнѣ, странно конфузясь и запинаясь, съ цѣлой рѣчью:

— Не обезсудьте, г-нъ докторъ, ваше благородіе, знаете, надобность такая... Фельдшеръ Трофимычъ знаетъ, не изъ интереса какого, а просто изъ жалости... Ребятъ, видите ли, у меня нѣтъ, вдвоемъ со старухой живу, домишко имѣю, корову... Главное — пустота въ домѣ, да и мальчишку жаль... Жаль мальчишку, изводится парень, сохнетъ, худѣетъ; харчи плохіе, да и разное тамъ творится... Куда его выдѣлить отъ матери? Мучаютъ ребенка, охальничаютъ, а чѣмъ поможешь? Трофимычъ говоритъ, что дѣло возможное...

— Въ чемъ дѣло, Алексѣй Трофимовичъ? Объясните, пожалуйста,—обратился я къ фельдшеру.

— Яшку Рубанкова изъ тюрьмы проситъ выдѣлить, записать въ больные въ бараки. А жилъ пока чтобы со мной въ фельдшерской комнатѣ.

— Да, да, да,—заторопился снова старикъ,—возьмите вы ради Христа Яшку на лѣто въ бараки, на больное поло-

женіе... Отдохнетъ здѣсь мальченко, свѣтъ Божій увидитъ, въ Шилкѣ покупается, лишняя вошь, короста съ него слѣзутъ. Мальченко шустрый, толковый, только его опаскудили... опаскудили... Креста на нихъ нѣтъ, на этихъ бабахъ... все больше старостиха... Попадетъ она мнѣ въ руки, попадетъ... Только бы предписаніе, только бы предписаніе... Ждать отъ нихъ всего можно, всего... народъ извѣстный: голодный народъ! Какъ ни какъ, а и ихъ положеніе аховое: молоды, въ насильствіи содержатся, на всякаго мужика глаза таращатъ, объ одномъ только и думаютъ... На все готовы, на все, увѣряю васъ... Давно я служу по женскимъ тюрьмамъ... Опаснѣе нѣтъ народа! И не разберешь потомъ, которая удавитъ изъ ревности!

Въ тотъ же день я пошелъ въ женскую тюрьму повидать Яшку, чтобы съ его собственнаго согласія взять его на „лазаретное довольствіе". Я встрѣтилъ Яшку въ тюремной оградѣ, въ уголку подъ палями. Онъ сидѣлъ на корточкахъ и старательно рылъ руками землю.

— Здравствуй, Яша, что подѣлываешь?

— Могилку рою, птаху закопать надо, воробышка... Летала въ камеру пташка, не боялась, прикормилась... Окно подымутъ, она тутъ, какъ тутъ...: прыгъ, прыгъ по оконцу... Крошку съ рукъ брала, ничего не боялась!.. А Ненила взяла и убила сегодня: „ты, говоритъ, все съ птахой да съ камушками..." Уби-и-ла-а, проклятая!..

И лицо мальчика приняло недѣтски - злобное выраженіе.

На мое предложеніе выйти изъ тюрьмы и помѣститься въ комнатѣ фельдшера Трофимыча, Яшка согласился съ радостью: видимо, его страшно обрадовала перспектива внѣтюремной вольной жизни. Онъ быстро покончилъ похороны воробья и запрыгалъ на одной ногѣ.

— Пойдемъ, коли такъ, коли правду говоришь... Мамки нѣту, мамка въ прачешной... Ненилы тоже нѣту... Пойдемъ поскорѣе!.. Какъ она вдаритъ воробышка, такъ изъ птахи бѣдной и духъ вонъ! Вотъ злющая-то вѣдьма!

Черезъ недѣлю Трофимычъ докладывалъ мнѣ:

— Мальченко эзоповый: не то змѣенышъ, не то волченокъ—многое произошелъ... Всѣ ребята по тюрьмамъ таковы; никто ихъ не опасается, все у нихъ на виду, значитъ... Прямо Гоморра и Содомъ! Сотни мальчишекъ и дѣвченокъ, тысячи! Го-то-вые изъ тюрьмы выходятъ, го-то-вые! Въ этомъ-то и каторга настоящая, а не въ чемъ другомъ. Плети, розги,—особая статья: по тѣлу бьютъ, а сердца не захватываютъ. То полукаторга, а вотъ въ ребятахъ каторга настоящая,—крышка! Спрашиваю Яшку:—Богу молишься?—

„Которому?..—говоритъ,—я, дяденька, много боговъ по камерамъ видѣлъ...“ Смѣшно и досада беретъ, а кого винить? Пошли мы съ нимъ въ первый разъ купаться. Церемонія извѣстная: вся цынготная халудора изъ бараковъ двинулась подъ конвоемъ; кто на рукахъ ползетъ, брюхо по землѣ волочитъ, кто на костыляхъ подвигается; человѣкъ сорокъ на бычьихъ подводахъ... Голова каторжныхъ угодниковъ въ водѣ ужъ булькается, а хвостъ, почитай, только изъ бараковъ выходитъ; растянулись, какъ богомольцы за исцѣленіемъ. Идемъ это мы съ Яшкой сторонкой, я за руку его веду,—вдругъ Шилка изъ-за пригорка увидѣлась... Блеститъ вода на солнышкѣ, ровно золотомъ переливается... Больные мои заторопились: кряхтятъ, стонутъ, а ползутъ, подвигаются. Конвой для формы только идетъ— куда калѣчь побѣжитъ? Боишься одного, какъ бы иной мореходъ на трехъ вершкахъ не утонулъ... Увидѣлъ мой Яшка Шилку—сразу остановился, какъ вкопанный, столбомъ стоитъ...—„Ты чего, Яшка?“ Стоитъ, молчитъ: глаза, какъ у совы ночью, круглые, большіе... Стоитъ и вздрагиваетъ, свободной рукой за вихоръ себя теребитъ—опѣ-ѣш-илъ малецъ! Иди, иди, шулыга! Чего ты?! Ошалѣлъ, что ли?—„Боюсь, дяденька, не видывалъ!“ Ахъ ты, горе-богатырь! Потащилъ я его къ берегу силкомъ, реветъ во всю глотку, брыкается ..—„Утопну, дяденька!“—Вре-е-е-шь! Зачѣмъ тонуть? Пусть черти тонутъ, а не мы съ тобой! Раздѣлъ я его, самъ раздѣлся,—Господи благослови! въ воду и бултыхнули... Замеръ сначала мальченко, одурѣлъ отъ воды совсѣмъ, притихъ, какъ ягненокъ... Потомъ я его у берега посадилъ: „сиди, говорю, Климова голова, а я тебя поштукатурю!“ Пескомъ ему голову вытеръ съ водой, всего обмылъ. Сиди, говорю, руками, ногами болтай, сколько хочешь, а въ глубину не ходи, плавать не умѣешь. Камушки, вотъ, собирай — годятся для игры. Пока самъ я купался, пока калѣкъ своихъ всѣхъ выкупалъ, сдуру-то и забылъ, что солнце печетъ по карійскому, огнемъ палитъ сверху. Сидѣлъ мой Яшка голый, камешками игралъ, ему всю спину-то и скоробило... Домой на рукахъ пришлось нести, всю дорогу мальчишка плакалъ. Шкура съ него лоскутьями сходила, да оно и къ лучшему: тюремная кожа сошла, новая наростаетъ, вольная, водяная кожа, и мальченко такъ перемѣнится, что къ сентябрю и узнать нельзя будетъ! Тогда и къ Маюрычу можно будетъ въ гости. Вѣдь на ушко вамъ сказать: старикъ-то нашъ въ прокормленыши собирается взять Яшку!..

Да, для Яшки, казалось, начиналась заря новой жизни. Воздухъ свободы охватилъ мальчика съ ногъ до головы

своей свѣжей, привольной струей. Съ ранняго утра до поздняго вечера Яшка удилъ рыбу на Шилкѣ и прибѣгалъ только „перекусить“, а затѣмъ снова пропадалъ, захвативъ съ собой кусокъ хлѣба или варенаго мяса. Яшка повеселѣлъ, поздоровѣлъ, и съ лица его безслѣдно исчезло грустное „стариковское“ выраженіе...

Но счастливые лѣтніе мѣсяцы промелькнули, какъ радужный сонъ... 1-го сентября цынготные бараки закрылись. Между тѣмъ, Маюрычъ со своей старухой все, должно быть, колебался въ планѣ усыновить Яшку—и послѣдній, вмѣстѣ съ цынготными каторжными, принужденъ былъ вернуться къ матери въ тюрьму... Заинтересовавшееся ребенкомъ начальство обѣщало, правда, при первой же освободившейся вакансіи помѣстить его въ дѣтскій каторжный пріютъ.

Я не знаю, какое душевное состояніе переживалъ мальчикъ при этомъ неожиданномъ возвращеніи въ тюремныя стѣны, но врядъ ли оно было изъ веселыхъ...

Новая и послѣдняя перемѣна въ его жизни пришла скоро,—раньше, чѣмъ открылась вакансія въ пріютъ.

Въ послѣднихъ числахъ сентября въ управленіе каторгой получилось изъ Усть-Кары экстренное донесеніе: „Во 2-й камерѣ женской тюрьмы, при утренней повѣркѣ, найденъ удавленнымъ малолѣтній сынъ ссыльно-каторжной, содержавшейся въ той же камерѣ, Елены Рубанковой, Яковъ Рубанковъ“. Мы съ Трофимычемъ поѣхали немедленно для осмотра трупа. Яшка лежалъ посреди камеры съ синебагровымъ, вздувшимся лицомъ, съ ремнемъ, затянутымъ туго на шеѣ, съ высунутымъ къ правой сторонѣ рта языкомъ, прикушеннымъ зубами. Вся его дѣтская, снова похудѣвшая фигурка, съ приподнятыми къ шеѣ сжатыми кулаками, въ изорванной, грязной рубашкѣ, съ босыми ногами и кровавой пѣной на губахъ, представляла какъ бы живой образъ всей его недолгой, горемычной жизни. Въ камерѣ царила мертвая тишина. Яшкина мать стояла на нарахъ въ числѣ другихъ каторжанокъ и, повидимому, тупо и безучастно осматривала собравшееся начальство.

— Какому ироду, какому злодѣю понадобилась жизнь невиннаго ребенка?—громко проговорилъ старикъ Маюрычъ.—За что вы сгубили мальца, окаянныя?!

Каторга по прежнему безмолвствовала.

В. Кокосовъ.

ИНСУРГЕНТЪ.

1871 г.

Романъ *Жюля Валлэса.*

Переводъ съ французскаго. Я. А. Глотова.

Посвящаю эту книгу *мертвецамъ 1871-го года.*

Всѣмъ тѣмъ жертвамъ соціальной несправедливости, которыя возстали съ оружіемъ въ рукахъ противъ несовершеннаго строя и создали, подъ знаменемъ Коммуны, великую федерацію героевъ-мучениковъ.

Парижъ, 1885. *Жюль Валлэсъ.*

VIII.

Вилльмессанъ продолжаетъ кричать по бульварамъ:

— Венгра?.. Ахъ, дѣти мои, вотъ дурень!

Смѣшной человѣкъ!

Это Жирарденъ съ большими круглыми глазами, съ блѣдными щеками толстой свиньи и усами стараго картежника; у него пузо и манеры торговца живымъ товаромъ, но онъ влюбленъ въ свое ремесло и осыпаетъ золотомъ своихъ *«проданныхъ свинокъ»*.

Онъ способенъ совершенно уничтожить своими жестокими шутками сотрудника, потерпѣвшаго у него неудачу, а черезъ двѣ минуты онъ уже „распускаетъ нюни“,—его любимое выраженіе,—надъ разсказомъ о безвыходномъ положеніи какой-нибудь семьи, о болѣзни ребенка, или о несчастіяхъ старика. Одинаково лихо высыпаетъ онъ изъ своего кармана золото и мелочь въ фартукъ плачущей вдовы, и наноситъ смертельный ударъ гордости дебютанта или даже своего стараго сотрудника. Это животное попираетъ своими лапами

всякую деликатность, но всетаки въ его душѣ бьется человѣческое сердце!

Ему нужно, чтобы его слуги привлекали толпу. Если одинъ изъ его наемниковъ не дѣлаетъ своего дѣла, онъ публично, при всѣхъ, швыряетъ ему въ лицо разсчетъ и спускаетъ съ редакціонной лѣстницы внизъ головой. Онъ заставляетъ своихъ подданныхъ прыгать до потолка съ опасностью свихнуть шею, чтобы трещалъ либо потолокъ, либо голова.

Я не могу сердиться на него за грубости, которыми онъ угощаетъ, смягчая ихъ шутками.

— Ей, вы тамъ, гробокопатель, я хочу васъ спросить кой о чемъ! Правду говорятъ, что когда ваши родственники пріѣхали въ Парижъ повеселиться, то вы ихъ повели въ Моргъ и на Шанъ-де-Наветъ? Да?.. Ну, тогда! А я-то ищу шутниковъ! А вы знаете, вы не стоите и мѣднаго гроша! Нѣтъ, какой вы шутникъ! А! я прекрасно знаю, что вызоветъ улыбку на вашихъ губахъ, милостивый государь... одна хорошая революція? Если бы это зависѣло только отъ меня... а что скажетъ „нашъ король"?... А ну-ка, отвѣтьте прямо, безъ уловокъ, разстрѣляютъ папу, когда настанетъ царство святой гильотины? *).

Какъ ни какъ, а онъ устроилъ циркъ для цѣлаго поколѣнія, которое въ полумракѣ грызло себѣ руки. На ту самую почву, на которую Имперія сѣяла библейскую соль проклятій, онъ полными горстями разбрасывалъ гальскую соль, ту соль, что придаетъ жизнь землѣ, оздоровляетъ раны и, удаляя матерію и гной, возвращаетъ имъ пурпуровый цвѣтъ. Этотъ пузанъ вернулъ Парижу его веселіе и иронію. Кто онъ? Легитимистъ, ройялистъ? Вотъ еще! Онъ простъ остроумный враль высшей школы, первый инсургентъ Имперіи со своимъ журналомъ, который постоянно наведенъ на Тюильри.

Тоже и Жирарденъ. Мумія изъ „Liberté" и толстая безхвостая обезьяна изъ „Figaro" имѣютъ кое-что общее. Если разбить ледъ, въ которомъ онъ заморозилъ свою маску, то можно разсмотрѣть, что въ углу его губъ притаилась доброта, а на холодныхъ глазахъ застыли слезы.

У этого блѣднаго человѣка совершенно нѣтъ времени быть сентиментальнымъ. Ему некогда объяснять, почему онъ презираетъ человѣчество и почему онъ имѣетъ право третировать, какъ лакеевъ, тѣхъ трусовъ, которые ему это поз-

*) Во время Великой Революціи народъ въ пѣсняхъ и гимнахъ обращался къ защитѣ Гильотины. „Св. Гильотина, защити насъ!". См. книгу Lenotre: „Гильотина во время франц. революціи". *Пр. пер.*

зволяютъ. Не бойтесь, онъ не оскорбляетъ тѣхъ, кого уважаетъ.

Онъ нанесъ ударъ ножемъ цѣлому вороху моихъ илюзій, но этотъ ударъ былъ прямо въ грудь.

— Я это сдѣлалъ потому, что видѣлъ, что вы храбры,— сказалъ онъ мнѣ на-дняхъ на вечерѣ и, взявъ меня при всѣхъ подъ руку, долго гулялъ со мной. Вдругъ остановился и, пристально глядя на меня, сказалъ:

— Вы думаете, что я презираю бѣдняковъ? Правда? Нѣтъ! Но я считаю дуракомъ всякаго человѣка съ хорошей головой, который начинаетъ разыгрывать изъ себя пуританина раньше, чѣмъ обезпечитъ себѣ свободу, добывъ золота на свою долю. Оно необходимо. А потомъ,—прибавилъ онъ, понижая голосъ,—можно, пожалуй, дѣлать добро... тайкомъ... Иначе голодный людъ отравитъ вамъ жизнь.

Кажется, на самомъ дѣлѣ, этотъ циникъ не лишенъ теплаго чувства.

Я даже знаю, что человѣкъ, сраженный его пулей, можетъ спать спокойно на кладбищѣ Сенъ-Мандэ. Мнѣ извѣстно, что вдова убитаго питается хлѣбомъ, который ей подаетъ окровавленная рука дуэлиста, и что таинственный опекунъ сына убійца его отца *).

Эти два журналиста нашего вѣка имѣютъ кое-что общее съ типами Шекспира: одинъ, обладая животомъ Фальстафа, другой, предлагая Гамлету для размышленій голову Іорика.

— Обзаводитесь своимъ хозяйствомъ, дорогой мой, устраивайте свой журналъ!—мычитъ мнѣ безпрестанно толстый Виллльмессанъ.

Да! Это легко сказать! Однако, я всетаки хочу попытаться!

Я посвятилъ этому шесть мѣсяцевъ. Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ я шлялся по роскошнымъ ресторанамъ и кафе, тратилъ безумныя цѣны и торчалъ тамъ часами, подстерегая богачей, а когда-то я точно такъ же дожидался семи су на кофе съ ромомъ, поглядывая съ завистью на стаканы сосѣдей, пока мой сотрудникъ по отыскиванію кредита отправлялся на поиски.

---

*) Жюль Валлэсъ узналъ это отъ Г. Лалу, одного изъ редакторовъ „France“. Онъ продолжалъ выдавать особѣ, о которой идетъ рѣчь, пенсію, назначенную ей Жирарденомъ. Съ другой стороны, Г. Бонъ племянникъ дѣйствительной и преданной подруги Армана Карреля, отыскалъ Валлэса послѣ того, какъ «Инсургентъ» появился въ „Nouvelle Revue“, и просилъ его опровергнуть этотъ фактъ. Онъ утверждалъ, что его тетка вовсе не въ такомъ затруднительномъ положеніи, чтобы нуждаться въ какой бы то ни было пенсіи, что у нея никогда не было сына, а главное, что она совершенно не имѣетъ ничего общаго съ женщиной, которой помогалъ Жирарденъ. Послѣдній, по его словамъ, былъ жестоко обманутъ.

Сколько маленькихъ подлостей, сколько комическихъ неловкостей!

Я смѣялся каламбурамъ сынковъ почтенныхъ семей, которые бывали глупѣй ословъ; я весело улыбался, когда они разсказывали глупѣйшіе и избитые анекдоты, и все потому, что они изъявляли желаніе вложить въ дѣло какую-нибудь сотню луидоровъ. Я полоскалъ глотки разнымъ проходимцамъ, которые обѣщали свести меня съ какимъ-нибудь богатымъ наслѣдникомъ или ростовщикомъ... и насмѣхались надо мной.

Ахъ! какъ хорошо, что я родился оверицемъ!

Другой давно бы измучился и сталъ просить прощенія у врага. А я не уступилъ ни пяди, ни отъ чего не отказался, за то сапоги мои отказались служить.

Вѣдь за это прогульное время я истранжирилъ почти всѣ деньги, оставшіяся у меня отъ Figaro; у меня даже есть долги. Вотъ, наконецъ, я добрался и до послѣдняго сто-франковаго билета.

Я берегу его. Я ѣмъ хлѣбъ и пью воду дома, чтобы имѣть возможность съѣсть котлетку и выпить чашку чаю въ кафе, которое посѣщаютъ капиталисты.

Наконецъ, мнѣ удалось схватиться желѣзной лапой за плюшевый воротникъ, и я защемилъ своей дверью полы одного еврея.

Я вцѣпился въ него.

Его имя будетъ стоять въ заголовкѣ, онъ будетъ считаться отвѣтственнымъ редакторомъ и получать половину доходовъ. За это онъ вноситъ двѣ тысячи франковъ.

Да, далеко уйдешь съ двумя тысячами франковъ!

Ну, далеко или близко, а я тороплюсь кончать.

— Вы говорите, что обладаете административными способностями? А я увѣренъ въ себѣ. Ну что же—афиши на стѣны!

Расклѣили франковъ на пятьдесятъ.

Какъ они ни рѣдки, эти несчастныя афиши, однако одна изъ нихъ попалась на глаза редактору-издателю одного журнала. Онъ началъ увѣрять, что принялъ бы меня съ распростертыми объятіями, если бы я только догадался побывать у него. Вретъ.

— Бросьте вашу утку, она все равно издохнетъ, едва вылупившись изъ яйца, и поступайте ко мнѣ! хотите?

— Нѣтъ!

Я собираюсь посмѣяться въ лицо обществу, на которое не могу броситься съ кулаками, хотя бы это стоило мнѣ жизни.

Иронія рвется изъ ума и изъ сердца.

Я знаю, что борьба безполезна, я заранѣе признаю себя побѣжденнымъ, но я хочу посмѣяться надъ самимъ собой, высмѣять другихъ, облить своимъ презрѣніемъ живыхъ и мертвыхъ.

И я сдѣлаю это! Я дорого заплатилъ за право быть искреннимъ и относиться къ людямъ съ презрѣніемъ.

Я въ сотрудники къ себѣ пригласилъ первыхъ встрѣчныхъ.

Явился молодой человѣкъ, лѣтъ шестнадцати, съ болѣненнымъ лицомъ и дѣвичьей наружностью. Строеніе его черепа говорило о томъ, что онъ умѣетъ мыслить и обладаетъ нѣкоторымъ талантомъ. Точно потемнѣвшая на воздухѣ гипсовая фигура, внутри которой гнѣздится ядовитый паукъ чахотки! Мнѣ прислалъ его Ранкъ *).

Битыхъ два часа онъ бродилъ передъ домомъ, не рѣшаясь войти. Кончилось тѣмъ, что его мать сама позвонила у дверей и, какъ милостыни, попросила литературной аускультаціи для своего сына, Густава Марото.

За нимъ пришелъ Жоржъ Кавалье, Донъ-Кихотъ по безобразію, длинный, сухой, нескладный и смѣшной. Два года тому назадъ въ кафе Вольтера я окрестилъ его Pipe en boie (деревянная дудка), потому что онъ удивительно похожъ на ту ясеневую дудочку, которую такъ искусно вырѣзаютъ пастухи. Подъ этимъ именемъ онъ былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ свистуновъ галерки со времени появленія на сцѣнѣ французской комедіи „Henriete Maréchal“ **), надѣлавшей столько шуму. Высохшій плодъ Пи-по, но далеко не дуракъ; причудливый, веселый и мужественный, съ узкой грудью, но съ широкимъ сердцемъ.

Другой съ краснымъ лицомъ, коренастый, съ лысымъ черепомъ, мѣстами отливающемъ синевою, какъ пулярка подъ трюфелями; внѣшность крестьянина, уши проколоты, подъ губой нѣсколько волосковъ. Онъ остался у меня, сообщилъ, что ему покровительствуютъ Гонкуры, и повелъ меня къ нимъ.

Есть у него еще крестный отецъ Леперъ, его землякъ адвокатъ, депутатъ въ будущемъ, поэтъ въ прошломъ, авторъ пѣсни „стараго латинскаго квартала“, который вотъ уже десять лѣтъ знаетъ этого малаго съ пятнистымъ черепомъ и любитъ его, какъ и всѣ.

---

*) Полит. дѣятель; впослѣдствіи былъ сосланъ Наполеономъ въ Алжиръ, затѣмъ былъ начал. полиціи при Гамбеттѣ, былъ членомъ Коммуны, приговоренъ заочно къ смерт. казни.

**) Драма Гонкуровъ, вызвавшая ожесточенную полемику и сразу пріобрѣвшая себѣ ярыхъ поклонниковъ и смертельныхъ враговъ. *Пр. Пер.*

— Вы можете на него положиться,—замѣтилъ онъ, хлопая его по плечу.—Тяжеловатъ, но надеженъ!

И Густавъ Пюиссанъ превратился у меня въ Рожера Бонтана. Онъ пишетъ поразительныя статьи, достоинства которыхъ растутъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается надзоръ надъ ними и осложняются цензурныя придирки. Онъ подсматриваетъ за природой, шпіонитъ за своими героями и представляетъ цѣлые документы захватывающаго содержанія.

Есть у меня и ученикъ нормальной школы, который на нее плюетъ.

Они всѣ готовы разбить себѣ морду о препятствія и зажечь пожаръ парадоксовъ подъ носомъ у мраморныхъ сипаевъ, которые стоятъ на стражѣ по музеямъ, а такъ какъ шутка всегда имѣетъ серьезную цѣль, то почти безпрестанно приходится причинять нѣкоторый ущербъ носу Бадингэ *) въ Тюильри!

Однако намъ не мѣшало бы обладать нѣкоторой запасной суммой, чтобы имѣть возможность свободно болтать о политикѣ и даже смѣяться надъ ней. И то каждый мѣсяцъ конфискуютъ нашу бѣдную „Rue“, запрещаютъ розничную продажу и вообще дѣлаютъ намъ тысячу гадостей.

Въ одинъ прекрасный день я написалъ рѣзкую до грубости страничку подъ заглавіемъ „Проданныя свиньи“, гдѣ, давая пощечину повидимому только сводникамъ, я награждалъ оплеухами чиновниковъ и министровъ, законность и традиціи.

Явился судебный приставъ.

Съ нами скоро покончатъ. Но мое имя тутъ не при чемъ. Законъ имѣетъ дѣло только съ издателемъ и совсѣмъ не обнаруживаетъ желанія казнить виновнаго, лишь бы было сломано оружіе.

Бѣдный издатель! Кто-то мнѣ указалъ его, и онъ въ двухъ словахъ сообщилъ мнѣ свое имя и званіе. Они разбудили во мнѣ одно изъ тѣхъ страданій, которое таилось съ дѣтства въ одномъ изъ самыхъ изстрадавшихся уголковъ моего сердца.

Мнѣ было десять лѣтъ; мой отецъ, бывшій надзирателемъ въ лицеѣ, добился разрѣшенія, чтобы его сынъ могъ заниматься вмѣстѣ съ нимъ въ залѣ для взрослыхъ учениковъ. Разъ одинъ изъ школьниковъ разсердилъ г. Венгра, онъ поднялъ руку и слегка смазалъ дерзкаго мальчишку по физіономіи.

Братъ этого школьника, крѣпкій, сильный, уже съ усами, готовившійся въ сельско-хозяйственный институтъ, пере-

---

*) Ироническое имя Наполеона III. *Пр. пер.*

прыгнулъ черезъ столъ и, въ свою очередь, ударилъ преподавателя, оттолкнулъ его и побилъ.

Я хотѣлъ убить этого рослаго парня. Я слышалъ, какъ экономъ говорилъ, что у него въ шкафу есть пистолетъ. Какъ воръ, я прокрался къ шкафу, шарилъ въ его ящикахъ, но ничего не нашелъ. Если бы оружіе попалось мнѣ въ руки, то, очень можетъ быть, пришлось бы предстать передъ судомъ присяжныхъ.

Директоръ лицея былъ очень возмущенъ.

Торжественно, предъ полной столовой было принесено извиненіе.—Отецъ мой плакалъ.

Когда въ моей памяти случайно воскресала эта сцена, я старался ее гнать, торопился сосредоточиться на другихъ мысляхъ, перейти въ другую область, потому что мнѣ начинало казаться, что мозги мои затягиваются липкой и вонючей грязью.

И вотъ, младшій братъ оскорбителя моего отца предложилъ мнѣ подставить свои щеки подъ пощечины правосудія!

Одну минуту у меня явилось желаніе вымѣстить на невинномъ всю злобу. Не будь у него сѣдыхъ волосъ, я возвратилъ бы ему пощечину, ставшую тяжелѣе свинца послѣ двадцати пяти лѣтъ затаеннаго бѣшенства, я избилъ бы его безъ милосердія.

Но этотъ кандидатъ въ издатели имѣетъ очень добродушный видъ. Кромѣ того, онъ не требуетъ почти ничего. И вотъ, вслѣдствіе того, что братъ давшаго пощечину предлагаетъ себя по дешевой цѣнѣ, сынъ получившаго ее забываетъ оскорбленіе и нанимаетъ его.

Я не взялъ бы милліона за тѣ страданія, какія причинилъ мнѣ скандалъ: чтобы платить на 20 франковъ меньше, мнѣ пришлось ударить по рукамъ съ этимъ индивидуумомъ.

А онъ вопитъ, въ свою очередь, хотя впереди ему предстоитъ совсѣмъ не униженіе, а скорѣй почетъ. Онъ сталъ „политическимъ“, и тѣ, кто не услышатъ его жалобъ и воя передъ судьями, будутъ относиться къ нему съ уваженіемъ.

Повѣренный журнала, указывая на его несчастный видъ, старался возбудить къ нему веселое сожалѣніе и просилъ оправдать бѣднаго человѣка, котораго, однако, закатали на шесть мѣсяцевъ. Онъ вышелъ, вытирая свой лысый черепъ и не замѣчая, что, благодаря потокамъ слезъ, съ его клѣтчатаго платка уже течетъ.

— Постарайтесь устроить, чтобы мнѣ не отсиживать въ тюрьмѣ, — взывалъ онъ, между двумя всхлипываніями, къ защитнику, который обѣщалъ заняться этимъ.—Шесть мѣсяцевъ! Шесть мѣсяцевъ!..

Онъ выжимаетъ свой платокъ, а Лоріе смѣется за его спиной.

Этотъ Лоріе можетъ засмѣяться за спиной всякаго страданія! Совсѣмъ не потому, что онъ жестокъ, о нѣтъ! Но въ его венахъ бьется презрѣніе ко всему человѣчеству, и это презрѣніе кривитъ и морщитъ его ротикъ. У него мордочка совсѣмъ грызуна и напоминаетъ крысу, которую взяли за хвостъ и окунули въ бочку мальвазіи. Лицо у него цвѣта вина: онъ сангвиникъ!

Въ этой хрупкой оболочкѣ таится сила, и изъ-за его мелкихъ зубовъ, которые могутъ грызть дерево, раздается свистящій голосъ, рѣзкій и мощный. Этотъ голосъ, какъ буравъ, сверлитъ уши судей.

Онъ веселъ, язвителенъ, даже дерзокъ. У него на языкѣ не только соль, но и порохъ. Онъ заставляетъ смѣяться и внушаетъ страхъ своей ироніей, которая то веселитъ, то обдаетъ кровью, то колетъ, то раздираетъ живое мясо, какъ вздумается ему, и при этомъ страсть не играетъ никакой роли.

Это воплощенный скептицизмъ. Онъ стрѣлокъ изъ любви стрѣлять и ранить, и онъ играетъ своимъ оружіемъ и своими убѣжденіями.

Этотъ маленькій человѣчекъ безъ подбородка, безъ губъ, съ головкой ласточки или коноплянки, одинъ изъ самыхъ сильныхъ умовъ своего времени, Маккіавелли своей эпохи...

Маккіавелли невзрачнаго вида, враль, всюду сующій свой носъ, страстный любитель пожить, такъ какъ онъ идетъ вслѣдъ за Тортилляромъ, Жаномъ Хиру, Калхасомъ и Жибуйеромъ.

Онъ не будетъ трогать „государя“—этого нечего бояться, но создастъ „трибуна“.

Онъ встрѣтилъ въ судѣ одного молодца, родомъ съ юга, съ черной гривой, кривого, въ костюмѣ, умышленно небрежномъ. Все это дѣлало его существомъ исключительнымъ, клало на него какъ бы фабричное клеймо, значекъ, по которому его можно легко узнать. Если бы у него было два глаза, Лоріе не обратилъ бы на него никакого вниманія. Человѣкъ, какъ всѣ—безъ горба, безъ бѣльма, который даже не коситъ, не подходилъ бы ему совсѣмъ.

. . . .

Лоріе не колеблется и тянетъ руку за этимъ феноменомъ. Онъ выдрессируетъ этого барана и заставитъ его пробить своими рогами отверстія, а черезъ нихъ найдетъ себѣ выходъ его жажда милліоновъ и его лихорадочное любопытство.

Онъ могъ бы самъ своими зубками прогрызть себѣ до-

рогу и пролѣзть, но онъ предпочитаетъ, чтобы за него потрудился другой.

. . . .

Онъ прекрасно разнюхалъ свое время.

Теперь жаждутъ грубаго голоса, народныхъ жестовъ, манеръ площаднаго оратора, Терезу мужского рода, отъ Шнейдера и Морни *), отъ Кошонетта и Кадерусса уже порядкомъ устали. Имперія навязла въ зубахъ буржуазіи, и немудрено, что она хочетъ выказать свою храбрость противъ нея, послѣ того, какъ сама создала ее своей низостью, убійствами рабочихъ и ссылками безъ суда.

Расовая гордость, а также и личная выгода заставляютъ ее дѣлать Бонапарту страшные глаза.

Зрачки Гамбетты, даже затуманенный,—и онъ въ особенности! — бросаютъ взглядъ, сверкающій гнѣвомъ, горящій смертью, и въ немъ власть должна прочесть свой приговоръ!

Это манера Лорія смѣяться на форумѣ; онъ любитъ жестокія мистификаціи и находитъ наслажденіе въ роли Барнума **), съ наклееннымъ носомъ, которымъ онъ чуетъ, что вѣтеръ подулъ въ сторону паясничающаго краснорѣчія.

Вѣдь даже сама вульгарность Дантона помогаетъ ему становиться извѣстнымъ, а талантъ его питается идеями, глубоко банальными въ своей сущности. Комедіантъ до мозга костей, онъ не отдыхаетъ ни минуты. Онъ еще не принесъ въ жертву львиную шкуру, въ которую кутается, ни на одинъ изъ алтарей буржуазныхъ салоновъ, веселыхъ кафе, или подозрительныхъ кабачковъ, подражая Дантону всегда, даже за столомъ и въ постели.

Онъ читалъ, что Дантонъ, прежде чѣмъ отойти въ вѣчность, заявилъ, что не жалѣетъ о томъ, какъ жилъ, такъ какъ славно попировалъ съ пьяницами и хорошо погулялъ съ дѣвицами. И вотъ онъ пьетъ и гуляетъ, изображая Гаргантюа и Рокелора.

Вокругъ его дебошей и оргій создается легенда, Лоріе раздуваетъ ее.

. . . .

Эта смѣсь пьяной распущенности и трибунскаго краснорѣчія приводитъ въ восторгъ малышей съ конференціи Моле или неудачниковъ мадридскаго кафе, и они кричатъ толпѣ:

---

*) Морни молочный братъ Напол. III, полит. дѣятель, президентъ законодательнаго корпуса. Шнейдеръ членъ законод. корпуса, а потомъ вице-президентъ. Остальные полит. дѣятели.

**) Извѣстный американскій антрепренеръ, собственникъ музея, аферистъ.

— А! Вотъ это мужчина! Комедіантъ! Комедіантъ!

. . . .

IX.

Статья въ „Rue“ вырвала у меня изо рта послѣдній кусокъ хлѣба. Я отдѣлалъ въ ней парижскихъ депутатовъ, какъ будущихъ гаеровъ и палачей.

Отнынѣ всѣ оппозиціонные журналы закрыты для меня. Я дерзновенно поднялъ руку на ихъ кумиры: бонапартисты готовятъ для меня тюрьму, а носители трехцвѣтнаго знамени рады уморить меня голодомъ.

На каждой перекладинкѣ парламентской лѣсенки стоитъ одинъ изъ пяти лѣвыхъ пѣтуховъ, которыхъ я пообщипалъ и высѣкъ до крови. Они покаялись въ отместку расклевать мнѣ желудокъ и сердце.

Мнѣ уже больше не позволятъ заливаться соловьемъ въ литературѣ, какъ и не дадутъ злобно лаять въ политикѣ. Я вступилъ въ борьбу, съ оскаленными отъ смѣха зубами. Необходимо, чтобы они у меня выросли и стали острыми, а не то придется позволить ихъ вырвать, начать просить пощады и пойти лизать сапоги.

У меня была, дѣйствительно, блестящая идея, когда я писалъ эти двѣсти строкъ!.. А онѣ бросаютъ меня навстрѣчу клеветѣ и обрекаютъ на смерть!

— За то онѣ указываютъ на васъ народу! — сказалъ одинъ старый бунтарь, пожимая мнѣ руку, съ сверкающими глазами. — Держитесь, ради Бога! и въ дни революціи предмѣстія призовутъ васъ и враговъ пригвоздятъ къ позорному столбу! Запомните, гражданинъ мои слова!

Держаться! Ахъ, если бы только у меня былъ вѣрный кусокъ хлѣба, чистая рубаха, какая-нибудь коморка на чердакѣ, 100 су въ день!

Ничего этого у меня нѣтъ!

Придется зарабатывать хлѣбъ, стряпая новыя книги путемъ компиляціи старыхъ. Придется тужиться надъ статьями для составителей словарей, которые за десять сантимовъ за строчку получаютъ право унижать меня, сколько вздумается; заставятъ часами торчать въ передней и будутъ неодобрительно качать головой, какъ старьевщикъ, понижающій стоимость принесеннаго къ нему товара... особенно, когда тотъ, кто попался къ нимъ въ лапы, имѣетъ счастье быть неудачникомъ.

О! Я предпочелъ бы бить щебень подъ жгучими лучами солнца!

— Я прислушиваюсь къ твоимъ словамъ! — крикнулъ мнѣ Ландріо, порвавшій съ нормальной школой, чтобы стать секретаремъ у одной важной особы изъ Сорбонны. Но особа сошла со сцены, и онъ остался на бобахъ.

Онъ сталъ было правой рукой, костылемъ Густава Планшъ,—лопнулъ и дядя Планшъ.

И Ландріо вотъ уже нѣсколько лѣтъ харкаетъ кровью. Кашляя, онъ подгоняетъ мое честолюбіе разбитымъ голосомъ и конвульсивнымъ смѣхомъ умирающаго гавриша.

Чего онъ только не переиспыталъ — даже милостыню просилъ.

Онъ не скрываетъ этого. Онъ швыряетъ свое признаніе вмѣстѣ съ лоскутьями своихъ легкихъ прямо въ лицо обществу, которое допустило голодъ источить его грудь и кровавой ржавчиной запятнать его честь...

Онъ даже причина того, что меня считаютъ совсѣмъ отпѣтымъ тѣ люди, которые отдѣлываются выраженіемъ ему своего сожалѣнія, да забавляются его разсказомъ въ лицахъ о самой сценѣ милостыни.

— А я,—воскликнулъ я, — я предпочелъ бы остановить прохожаго и сказать ему: „Дай мнѣ на хлѣбъ, или я тебя задушу".

Лица ихъ затуманились.

— А вѣдь онъ способенъ сдѣлать, какъ говоритъ!

— Да! Я скорѣй предпочелъ бы напасть на кого-нибудь у опушки лѣса, чѣмъ попрошайничать съ протянутой рукой у уличнаго фонаря. За то я, точно также, предпочелъ бы размозжить себѣ голову объ стѣну, или кинуться въ рѣку, чѣмъ набросить хоть малѣйшую тѣнь на свою честность.

Вотъ инструментъ, который мнѣ нужно сохранить блестящимъ и острымъ, какъ новый клинокъ!

Ландріо снова начинаетъ издѣваться:

— Твоя честность? Ты отъ нее издохнешь, какъ я—отъ чахотки, хотя тебя имъ придется укокошить: ужъ очень ты крѣпко сбитъ... Но если ты воображаешь, что твои словари накормятъ тебя до отвалу, и надѣешься потягивать ораншадъ и попивать винцо за счетъ Лашатра или Ларусса, то тебѣ, мой другъ, придется сыграть назадъ!.. На это теперь гораздо меньше надежды, чѣмъ прежде... я тебѣ говорю! Эти либералишки растопырились, какъ пальцы на ногахъ, а ты наступаешь своими сабо на ихъ изящные ботинки. Въ карантинъ тебя!.. Впрочемъ, у тебя есть еще, во всякомъ случаѣ, исходъ: ты можешь сдѣлаться такимъ же чахоточнымъ, какъ я. Тогда они, можетъ быть, проявятъ свое милосердіе, позволивъ тебѣ писать о томъ, что имѣетъ отношеніе къ твоей

болѣзни. А накануне твоей агоніи, они даже сдѣлаютъ тебѣ прибавку, потому что тебѣ стоитъ только приложить свой окровавленный платокъ къ бѣлой страницѣ, чтобы получилось великолѣпное описаніе чахотки, на манѣръ того, что далъ старый хрычъ, Апелль, описывая бѣшенство... Знаешь? Когда не вѣришь ни въ Бога, ни въ чорта—надо идти въ попы! По крайней мѣрѣ, можно ѣсть просфоры! А ты, дурень, самъ изображаешь просфору, которую жрутъ!

Къ счастію, у меня есть кредитъ у Лавера, этого кормильца нѣсколькихъ молодыхъ безпутниковъ, вродѣ меня и нѣсколькихъ почтенныхъ старцевъ, какъ Туссенель и Консидеранъ.

„Ахъ, что вы! Мы совсѣмъ объ этомъ не безпокоимся! Вы намъ можете платить, какъ Курбэ у Хандлера... когда угодно. И не стѣсняйтесь, если понадобится что-нибудь extra. Вѣдь когда вы станете чѣмъ-нибудь, вы насъ вспомните?! Неправда ли?“

Всѣ, кто попроще, кажется, все еще вѣрятъ, что я въ одинъ прекрасный день стану „чѣмъ-нибудь“, а кто съ головой, тѣ только пожимаютъ плечами, слыша мое имя.

— Какого чорта, вы занимаетесь политикой! Если бы вы, съ вашимъ талантомъ, отдались только литературѣ, будущее улыбалось бы вамъ... А теперь у васъ впереди нищета, тюрьма... Нѣтъ, у васъ просто не хватаетъ одной клепки въ головѣ!

— Мнѣ въ первый разъ приходится обрѣзать полы! – замѣтилъ съ многозначительной миной портной одного изъ лучшихъ кварталовъ, который уже давно шилъ на меня и которому я не мало переплачивалъ... когда у меня бывали деньги.—Какъ! Вы могли стать депутатомъ, а вмѣсто того принялись нападать на нашу пятерку. Я не работаю на баррикадчиковъ, я не шью сюртуковъ, которые могутъ запачкаться о блузы!

А мнѣ, какъ на грѣхъ, былъ нуженъ демисезонный костюмъ.

Къ счастію, одинъ еврей, одѣвающій товарищей, предложилъ мнѣ, по какому-то вдохновенію, снять мѣрку и предоставилъ въ мое распоряженіе весь свой магазинъ. Но ему какъ разъ нужно было сплавить костюмъ изъ рубчатаго плиса, какой носятъ рабочіе, и мнѣ приходится наряжаться плотникомъ.

Я колеблюсь, вздыхаю. Еврей взываетъ къ моимъ убѣжденіямъ. Еще немного и онъ будетъ смотрѣть на меня, какъ на ренегата.

— Какъ вы, защитникъ интересовъ рабочихъ... Да, что вы! Вы стыдитесь быть одѣтымъ, какъ они! Не надо быть

неблагодарнымъ, молодой человѣкъ: кто знаетъ, что они могутъ сдѣлать для васъ!

И этотъ туда же!

На кого же положиться: на моего инсургента, на содержателя табльдота, или на этого Шейлока?

Кому вѣрить?

Мнѣ не надо вѣрить ни одному изъ нихъ. Мнѣ приходится, несмотря на всю мою извѣстность, снова лѣзть въ знакомое ярмо прежнихъ бѣдствій.

Но на этотъ разъ, если раздастся кличъ „къ оружію", меня узнаютъ, когда я появлюсь, и если я буду одѣтъ въ лохмотья—преклонятся предъ моей нищетой.

Только нужно имѣть возможность выждать моментъ, когда можно будетъ славно умереть... Ахъ, очень тяжело носить костюмъ отъ старьевщика, когда уже побывалъ на пути къ счастію и славѣ!

Но я самъ хотѣлъ этого. Почему не спустилъ я своего знамени? Зачѣмъ защищалъ бѣдныхъ?

Но въ чемъ бы тогда была заслуга, если бы я жилъ ихъ соками, какъ паразитъ?!

X.

Тюрьма Сентъ-Пелажи.

Вчера вечеромъ мы нѣсколько кутнули съ товарищами передъ моимъ отправленіемъ въ тюрьму. Послѣ того, какъ „Rue" прекратила свое бренное существованіе, я написалъ еще двѣ статьи въ другихъ газетахъ. Эти двѣ тартинки стоили мнѣ тюрьмы. Я вошелъ въ нее немного не въ себѣ.

Подумали, что я нездоровъ, и прислали ко мнѣ фельдшера. Я возмутился. Бунтовщику — прибѣгать къ помощи медикаментовъ!

— Но, милостивый государь, — замѣтилъ Діафуаріусъ,— тутъ всѣ пичкаются лѣкарствами. Въ настоящую минуту павильонъ принцевъ находится въ моемъ вѣдѣніи.

Фельдшеръ большой насмѣшникъ. Онъ сообщилъ мнѣ много интересныхъ деталей.

— Политическіе заключенные дѣлятся на два лагеря: на годныхъ и негодныхъ. Вы меня понимаете? 1789-ый годъ сойдетъ, 1793-ій никуда не годенъ, 1830 находится по серединѣ. Есть, напримѣръ, даже старый ученикъ Пьера Леру—чего же больше!

Однако, фельдшеръ подмѣтилъ совершенно вѣрно и попалъ въ самую точку.

— Нѣтъ, 1793-ій не годится!

Каждое утро я вижу, какъ проходитъ мимо меня человѣкъ, пронося бѣлую чѣмъ-то закрытую урну. точно чашу подъ пеленой, Можно подумать, что онъ идетъ служить глухую обѣдню; но онъ пріотворяетъ полускрытую дверь, и она плотно за нимъ запирается.

Когда онъ выходитъ, то дѣлаетъ это такъ стремительно, что я совершенно теряюсь и едва успѣваю кинуть подъ покрышку взглядъ, который силится проникнуть внутрь. Я не узнаю знакомыхъ очертаній сосуда, обычной пузатости.

Я кончилъ тѣмъ, что поднялъ завѣсу.

Таинственная урна есть ничто иное, какъ сосудъ для пользованія имъ на единѣ. Онъ только былъ загримированъ, чтобы приводить всѣхъ въ заблужденіе. Но кончикъ уха всетаки высунулся въ видѣ кусочка красной гуттаперчивой трубки. Кромѣ того, человѣкъ раскрылся совершенно, показалъ и сказалъ мнѣ все:

— Я употребляю это *разъ* въ день, вотъ уже 30 лѣтъ и, какъ видите, чувствую себя прекрасно.

— Да? Только почему вы не поручаете служителю выносить за вами?

Онъ выпрямился и, гнѣвно уставившись на меня, изрекъ:

— Гражданинъ! въ той республикѣ, которую хочу я, каждый убираетъ за собой самъ. Существуютъ работы непріятныя, какъ существуютъ обязанности.

— Но вѣдь вы же обладаете кружкой человѣка, не привыкшаго къ повиновенію, кропильницей добраго стараго времени, вы поступаете предательски!

— Нѣтъ! Я—централизаторъ по существу и индивидуалистъ по формѣ. Пусть у каждаго будетъ патронташъ, но круглый или овальный, это по его выбору.

— А что, упражненія съ этой трубочкой будутъ обязательны?

— Не зубоскальте. молодой человѣкъ: я—ветеранъ! А вы еще слишкомъ новичекъ и недостаточно зрѣлы, чтобы имѣть право судить мои дѣйствія.

— Я и не собираюсь ихъ судить.

Слишкомъ новичекъ? Не достаточно зрѣлъ?.. Недостаточно зрѣлъ для такого сорта кальяна,—совершенно вѣрно! Я еще не помѣшался, милый старичекъ, на клестирныхъ трубкахъ

Не желаетъ ли онъ, чтобы и я тоже обзавелся подобнымъ инструментомъ и каждое утро производилъ надъ собой экзекуцію по командѣ согласно приказанію комитета общества попеченія о народномъ здравіи: артиллеристы, къ орудіямъ!..

— Я вполнѣ чистъ,—повторяетъ онъ постоянно.

Ну еще бы! кого не очиститъ послѣ такого накачиванія.

— Я всегда твердо стою на своихъ принципахъ...

Ну, разъ то въ день ему всетаки приходится присаживаться.

— Наши отцы, это—гиганты...

Мой отецъ былъ средняго роста, даже скорѣй маленькаго; моего дѣда, въ родной деревнѣ, прозвали коротышкой. Мои предки не были гигантами.

— Безсмертный Конвентъ...

— Куча католиковъ навыворотъ!

— Не кощунствуйте!

— А почему бы и нѣтъ? Развѣ я не имѣю права принять участіе въ игрѣ вашихъ боговъ? Я думалъ, что вы стоите за свободу мыслить, говорить и даже святотатствовать, разъ мнѣ этого хочется... Что же, вы прижжете мнѣ языкъ раскаленнымъ желѣзомъ? Или казните меня водой, вливая ее въ ротъ тѣмъ маленькимъ инструментомъ... если я не раскаюсь? Ну, нѣтъ! Скажите на милость!

Пейра отвѣчаетъ горькой улыбкой и нахлобучиваетъ на уши свою вязанную шерстяную горную шапочку, въ родѣ тѣхъ, въ какихъ поднимаются на Монбланъ—это онъ-то, рожденный на Авентинскомъ холмѣ! Вѣдь онъ оттуда. Это истинный Гракхъ, этотъ человѣкъ съ клестирной трубкой и въ шапочкѣ съ завязками.

Ученику Пьера Леру *) приходится за это расплачиваться.

О немъ ходитъ легенда. Гдѣ-то, въ захолустномъ уголкѣ Франціи, Кантагрель **) былъ членомъ кружка Circulus. Каждый членъ былъ обязанъ, для общаго благосостоянія, представлять свою долю удобренія, чего бы это ни стоило... Его погубило человѣколюбіе. Онъ хотѣлъ проявить свое усердіе и принялъ какого-то настоя. Его такъ пробрало, что пришлось поѣхать въ Парижъ для излѣченія.

— Если бы это еще принесло хотя кому-нибудь пользу!— меланхолически замѣчаетъ онъ иногда.

Говорятъ, онъ написалъ Гюго письмо по поводу главы о Комброннѣ въ „Несчастныхъ“. Гюго отвѣтилъ ему:

---

*) Надо помнить, что Пьеръ Леру въ полемикѣ съ Мальтусомъ отрицалъ даже возможность перенаселенія, утверждая, что въ мірѣ существуетъ постоянный круговоротъ матеріи, неизсякающей и вѣчной. Уже однимъ своимъ удобреніемъ человѣкъ въ достаточной мѣрѣ обезпечиваетъ себѣ пропитаніе. *Пр. пер.*

**) Основалъ вмѣстѣ съ Консидераномъ „Democratie Pacifique“, журналъ фурьеристовъ, и занимался въ немъ только соціально-политическими вопросами. Принималъ участіе въ возстаніи 13 іюня 1849 г. Въ 1876 году былъ выбранъ депутатовъ и оставался въ палатѣ до самой смерти (87 г.), принадлежа къ крайней лѣвой. *Пр. пер.*

„Братъ, есть два идеала: идеалъ духовный, идеалъ матеріальный; стремленіе души къ вершинѣ, паденіе въ пропасть; нѣжное трепетаніе на высотѣ, бурчаніе внизу—всюду величіе! Ваша плодовитость подобна моей. Братъ, довольно... поднимитесь!“

— Это я подписался за Гюго и выдумалъ всю эту ерунду,— признался мнѣ другой товарищъ по заключенію.

Чудаки они всетаки!

Этотъ Сиркилютенъ осужденъ за издательство мятежной газетки: я такъ и предполагалъ.

Другой—отвѣтственный редакторъ единственной республиканской газеты, которая смогла явиться на свѣтъ Божій, получить право на жизнь и даже заслужить расположеніе императора! И не то, чтобы этотъ человѣкъ былъ куртизаномъ или пошелъ на какую-нибудь подлость,—наоборотъ: онъ твердъ и не преклоненъ.

Онъ только подходитъ по духу къ якобинцамъ, а Наполеонъ хорошо понимаетъ, что Робеспьеръ—старшій братъ Бонапарта, и если кто-нибудь защищаетъ Республику во имя власти, то онъ—Грибуйлль Имперіи.

Къ счастію, я могу уединиться.

Въ Пти-Томбо.

Я обитаю въ Пти-Томбо.

Это узкая и печальная камера, въ верхнемъ этажѣ тюрьмы. Вскарабкавшись на столъ, можно добраться до окна, а въ это окно видны верхушки деревьевъ и большая полоса неба. Я провожу цѣлые часы, прижавшись головой къ рѣшеткѣ, вдыхаю въ себя свѣжесть вѣтра и подставляю лобъ подъ солнечные лучи, приходящіеся на мою долю.

Это одиночество меня не пугаетъ. Не рѣдко даже я покидаю 1789-ый и 1793-ій годы, чтобы просто остаться наединѣ съ самимъ собой и слѣдить за полетомъ своей мысли, забившись въ одинъ изъ угловъ камеры, или купаясь въ свободномъ воздухѣ, который вѣетъ за рѣшеткой.

Неволя эта совсѣмъ не рабство для меня, это—свобода.

Я принадлежу всецѣло себѣ самому въ этой атмосферѣ спокойствія и уединенія.

Клубъ.

Это спокойствіе было нарушено, потому что освободилось нѣсколько мѣстъ. Я приглашенъ въ почетную камеру, которая переполнена народомъ, и которую я съ легкимъ сердцемъ допустилъ набить биткомъ. Мой уголъ сталъ салономъ, столовой, фехтовальной залой и клубомъ тюрьмы.

Ну, и шумѣли же тамъ!

Первымъ по части крика, ругни и суматохи былъ, безъ

всякаго сомнѣнія, прежній сотрудникъ Прудона, дядя Ланглуа *).

— Дьяволъ! Чортъ возьми!

— А, это вы! Какая сегодня погода?..

— Какая погода?

Онъ стучитъ кулакомъ по столу, свирѣпо вращаетъ глазами и раздраженно отбрасываетъ ногой туфли, мирно валявшіяся у кровати.

— Какая погода?.. Очень хорошая!

Это сообщается съ яростью, угрожающимъ тономъ. Кажется, что рукой онъ ищетъ саблю. Онъ сморкается съ такимъ видомъ, какъ будто заряжаетъ ружье; а когда онъ уходитъ, со старой газетой въ судорожно сжатыхъ пальцахъ, и нѣсколько разъ возвращается рѣзкими движеніями съ искривленнымъ лицомъ,—можно подумать, что онъ спѣшитъ къ генералу съ депешей.

— Въ чемъ дѣло?

— Какъ въ чемъ!

Черезъ десять минутъ его пребыванія, кавардакъ достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ.

Влѣзаютъ на стулья, онъ взбирается на ночной столикъ. Начинается пантомима и истерическія вскрикиванія.

— Мы всѣ ни на что не годимся!

— Какъ, я, Венгра, колеблюсь повѣсить директора банка?

— Развѣ поднятъ вопросъ о томъ, что его надо повѣсить?

— Да, да! А вы кривляетесь, чортъ возьми!

Сегодня онъ имѣетъ намѣреніе воздвигнуть висѣлицу обладателю звонкой монеты. Это грязное животное живетъ лишь своимъ бумажникомъ!

Онъ изображаетъ казнь. Онъ скручиваетъ свой носовой платокъ, подвѣшивается на нѣсколько мгновеній самъ, въ торжественный моментъ издаетъ какой-то трагическій звукъ, рискуя проглотить собственный языкъ, наконецъ, рѣшается слѣзть и стремительно прыгаетъ внизъ съ неистовствомъ щенка, у котораго рѣжутся зубы.

— Да онъ немножко спятилъ, этотъ субъектъ! — заявляетъ Курбэ, который куритъ въ углу.—Онъ говоритъ что-то о Прудонѣ? Я одинъ зналъ его. Только мы двое были готовы въ 1848 году! Эй! Что вы такъ орете? Анаѳема!

— Я не ору! Я гораздо спокойнѣе васъ! Чортъ! Чортъ возьми!

---

*) Сотрудничалъ въ прудоновскомъ „Peuple". Принималъ участіе въ 13 іюня 1849 года. *Пр. пер.*

Эти горластые визитеры, комичные и надоѣдливые, эти заключенные, которые „сойдутъ“ или „совсѣмъ не годятся“,— все это люди, прошедшіе извѣстную школу, буржуи, получившіе воспитаніе.

Иногда является рабочій, чтобы попристыдить ихъ за глупости и поохладить ихъ пылъ. Онъ сильнѣй ихъ, представитель физическаго труда.

Это Толэнъ *). Онъ завоевалъ себѣ имя въ публичныхъ собраніяхъ. Его можно считать духовнымъ вождемъ рабочаго класса.

Узкое лицо, которое кажется еще длиннѣй и уже, благодаря длинной бородѣ, низко подстриженной на щекахъ; живые глаза, тонко очерченный ротъ и красивый лобъ.

Онъ немножко присюсюкиваетъ, какъ и Верморель. Всѣ, у кого во рту точно камешки Демосѳена, отличаются громаднымъ честолюбіемъ. За неправильнымъ говоромъ ребенка у нихъ скрывается желѣзная энергія людей дѣла.

У Толэна простой, народный костюмъ и благородная осанка.

Я уже видѣлъ одну знаменитость съ такими же манерами: бѣлокураго проповѣдника іюньскаго св. Варфоломея— Фаллу **), который съ кроткими жестами и съ медомъ на устахъ устроилъ колоссальную бойню.

Лица ихъ, можетъ быть, и не совсѣмъ одинаковы; но я сближаю ихъ силуэты въ моемъ зеркалѣ. Ихъ внѣшность мнѣ кажется очень схожей. Они обладаютъ однимъ и тѣмъ же тонкимъ изяществомъ, почти одинаково нѣжнымъ голосомъ и тѣмъ же блескомъ сверкаютъ ихъ взгляды: одинъ дворянинъ, а другой изъ народа!

У него нѣсколько раскачивающаяся походка плебея. А можетъ быть, это даже нарочно. Если бы онъ захотѣлъ, она могла бы обратиться въ гибкость джентльмэна. Со своимъ сдержаннымъ смѣхомъ, проницательнымъ взглядомъ, съ заостреннымъ профилемъ, со своей бородкой, которую всегда покручиваетъ, онъ производитъ на меня такое впечатлѣніе, точно онъ только о томъ и думаетъ, какъ бы ему выбиться изъ народной массы, изъ той темноты, въ которой онъ живетъ. Этотъ бывшій чеканщикъ, давно забросившій инстру-

*) Одинъ изъ представителей интернаціонала. Въ 1871 году былъ выбранъ представителемъ столицы въ палату депутатовъ, а въ 1876 г. избранъ сенаторомъ отъ Парижа. *Прим. пер.*

**) Политическій дѣятель и историкъ. Депутатъ съ 1846 г. Въ палатѣ былъ представителемъ легитимистской и клерикальной оппозиціи. 29 мая 1848 г., какъ докладчикъ по вопросу о національныхъ мастерскихъ, настаивалъ на необходимости ихъ закрыть. Какъ извѣстно, это закрытіе дало рѣшительный толчекъ іюньскому возстанію. *Прим. пер.*

менты своего ремесла, терпѣливо чеканитъ орудія своего честолюбія.

— Даже поднимался вопросъ, не открыть ли подписку для того, чтобы снова наточить инструменты: такъ они позаржавѣли!—замѣтилъ одинъ шутникъ въ мастерской.

Но если онъ боится работы, которая грязнитъ руки, то не боится одинокихъ занятій, долгихъ вечеровъ, проведенныхъ съ глаза на глазъ съ отцами экономической церкви и съ отцами соціальной революціи. Онъ купилъ на набережной „Адама Смита“ и „Жана-Баптиста Сэя“, проданныхъ букинисту какимъ-нибудь раззорившимся буржуа, какимъ-нибудь выбитымъ изъ жизненныхъ рядовъ, сошедшимъ со сцены. Теперь они лежатъ на столѣ ремесленника, который идетъ въ гору.

Еще тома четыре или пять Прудона, и дѣло будетъ кончено. У него есть пробный камень для всякихъ цѣнностей, денежныхъ и идейныхъ, онъ станетъ ученымъ—онъ уже теперь ученый. Онъ старшій мастеръ въ мастерской, гдѣ создается рабочая революція.

Онъ зарабатываетъ себѣ хлѣбъ, какъ приказчикъ у торговца желѣзными товарами; тотъ очень гордится, что у него за прилавкомъ стоитъ такой ученый мужъ.

У этого эмансипированнаго плебея уже есть приверженцы. Въ нашемъ царствѣ отвлеченныхъ идей и принциповъ есть одинъ представитель ручного труда — столяръ Перрашонъ, который еще не разстался съ своимъ верстакомъ.

Онъ почитаетъ, какъ Бога, того, кто сталъ собственникомъ ученыхъ книгъ и весь ушелъ въ эту премудрость. Онъ страшно ему подражаетъ, копируетъ его прическу, форму бороды, такъ же застегиваетъ свое пальто и носитъ шляпу, какъ онъ, нахлобучивая ее на лобъ или надвигая на ухо.

А мнѣ даже кажется, что этотъ Зози продуктъ хитрости моего Фаллу изъ предмѣстья! Завязками своего рабочаго фартука Перашонъ связываетъ своего патрона съ народомъ, иначе послѣдній, пожалуй, съ недовѣріемъ посматривалъ бы на этотъ пиджачекъ, готовый, того гляди, обратиться въ сюртукъ.

Только бы онъ не порвалъ въ одинъ прекрасный день этой связи и не бросилъ бы блузниковъ, какъ уже бросилъ свою блузу.

XI.

Я собираюсь написать исторію побѣжденныхъ въ іюньскіе дни. Я встрѣтилъ многихъ изъ нихъ: всѣ бѣдны, но почти

всѣ, несмотря на нищету, сохранили свое достоинство. Только нѣкоторые, заразившись бездѣліемъ въ тюрьмахъ, наваливаютъ на женъ все бремя труда и заботъ о прокормленіи семьи.

Многія изъ этихъ женщинъ проявили себя истыми героинями. Пока отцы были въ тюрьмахъ или на каторгѣ, онѣ ростили ребятъ, нерѣдко лишая себя всего, лишь бы у молодыхъ гражданъ не было ни въ чемъ недостатка. Онѣ обнаруживали геніальную изобрѣтательность и проявляли необычайное мужество, добывая прямо изъ земли какое-нибудь ремесло, промыселъ, способъ заработать кусокъ хлѣба. И малютки росли, инсургенты будущаго!

Правда, нѣсколько дѣвушекъ исчезли въ томъ возрастѣ, когда голубая лента кружитъ голову, а нищета заставляетъ дурнѣть. Великая скорбь царитъ въ мансардѣ, когда изгнанникъ, возвратившись, находитъ затасканнымъ и грязнымъ образъ ребенка, котораго онъ когда-то въ одно изъ воскресеній фотографировалъ за 10 су на ярмаркѣ въ окрестностяхъ Парижа. Не было никакихъ силъ заставить дѣвочку сидѣть спокойно. Папѣ пришлось поцѣловать ее десять разъ и попросить быть умницей.

И она была умницей.

Давно уже она больше не умница, и не знаютъ, гдѣ ее искать. Она не смѣетъ навѣстить мать. Она боится, что старикъ бросится на нее.

— Нѣтъ!—сказала мнѣ, рыдая, одна изъ нихъ,—я слишкомъ боюсь его слезъ!

Я живу въ этомъ мірѣ рабочихъ фартуковъ и блузъ и растроганъ гораздо больше, чѣмъ въ тѣ дни, когда подъ взорами толкователей Conciones сходилъ въ міръ античныхъ героевъ. Ихъ каски, туники и котурны быстро надоѣли.

И вотъ, въ сосѣдствѣ съ моими новыми товарищами, часто заглядывая къ простымъ людямъ, я вдругъ почувствовалъ полное презрѣніе къ якобинскому старью.

И вся эта легенда о 1893 годѣ произвела на меня впечатлѣніе кучи выцвѣтшихъ и безпорядочно сваленныхъ лохмотьевъ, какія приносятъ тряпичнику дядѣ Гра въ его открытую всѣмъ вѣтрамъ лавченку на улицѣ Муфтаръ.

Время отъ времени онъ дѣлаетъ мнѣ честь, приглашая къ себѣ обѣдать. Я счастливъ, чувствуя, что меня, не имѣющаго никакого соціальнаго положенія, уважаетъ и любитъ этотъ человѣкъ регулярнаго труда съ корзинкой за спиной, который велитъ прибавить для гражданина Венгра кусокъ сала въ котелокъ, и онъ дымится и такъ вкусно пахнетъ!

Онъ говоритъ женѣ:

— Нечего экономничать, старуха, лишь бы было мѣсиво на каждый день...

Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, продолжаетъ:

— Жизнь теперь тяжела, это вѣрно. Но насъ, рабочихъ, утѣшаетъ то, что ученые, какъ вы, переходятъ на сторону пролетаріевъ. Кстати, дайте-ка обѣщаніе, что если когда-нибудь мнѣ придется пойти за моимъ ружьемъ, которое я закопалъ вечеромъ 24 іюня у Гобеленовъ, вы придете ужинать на баррикаду, какъ сюда. Вѣрно?

И жена его отвѣчаетъ, съ серьезной улыбкой:

— Да, отецъ, я увѣрена, что баринъ будетъ на сторонѣ несчастныхъ.

Я замѣтилъ кусокъ красной фланели, который, какъ языкъ, высовывался изъ мѣшка.

— Мы привяжемъ его къ штыку.

— Ахъ, молодой человѣкъ! Вся суть не въ Marianne, а въ Sociale *). Когда она будетъ у насъ, изъ знаменъ можно будетъ щипать корпію!

Sociale и Marianne—два врага!

Эти старики іюньскихъ дней 1848 г. разсказывали мнѣ, что когда въ тюрьмы явились участники 13 іюня 1849 года, то вновь прибывшихъ встрѣтили грозными взглядами и жестами, и съ перваго же дня между ними встала стѣна. Между головами, въ одинаковыхъ тюремныхъ колпакахъ, происходили страшныя столкновенія. Но на совмѣстныхъ церемоніяхъ, при похоронахъ или въ дни разныхъ годовщинъ, у всѣхъ бывали бутоньерки безсмертнаго алаго цвѣта.

Между партіями существовала непримиримая ненависть, она цѣплялась за каждый предлогъ, чтобы вырваться наружу. Изъ-за плохо огороженнаго садика, изъ-за вѣточки клубники, очутившейся за линіей камней, образующихъ границу, изъ-за настурціи, выросшей между двумя грядами,— въ лицо другъ другу бросались несчастія и ошибки революціи.

Я многое узналъ въ кабачкѣ, который содержитъ одинъ изъ прежнихъ обитателей Дулановской тюрьмы. Туда собирались эти обломки возстанія, спасаясь отъ удручающей тишины вечера или отъ затягивающаго бездѣлія утра. Каждый приходилъ туда, чтобы подѣлиться своими свѣдѣніями, разсказать свои личныя впечатлѣнія трагичныхъ часовъ, резюмировать свои воспоминанія неудачной борьбы.

*) Marianne это прозвище республики вообще и въ частности третьей республики, а Social это республика соціальная. *Прим. пер.*

Лучшій говорунъ этой компаніи—парень, съ сѣрыми стальными глазами, блестящими и острыми. У него какъ будто накрашены щеки, а лобъ слишкомъ широкъ, какъ у нѣкоторыхъ бродячихъ актеровъ, которые подбриваютъ его, чтобы придать себѣ болѣе благородный видъ. Длинные, падающіе волнами, волосы, какъ у скомороховъ и поэтовъ.

Ему не хватаетъ только кожаной полоски на лбу, которая держитъ парикъ акробатовъ, или вѣнка изъ весеннихъ цвѣтовъ.

Никогда нельзя было бы угадать, что это бывшій столяръ, осужденный на вѣчную каторгу за то, что, съ своимъ зеленымъ фартукомъ на животѣ, онъ очень искусно возвелъ, на углу Чернаго рынка, громадную баррикаду изъ камней разобранной мостовой.

Теперь ремесло его не въ ходу, и онъ сталъ маклеромъ и, если вѣрить ему, зарабатываетъ немного себѣ на хлѣбъ. Его синій пиджакъ совсѣмъ безъ пятенъ; тѣмъ не менѣе, онъ носитъ фуражку.

— Это сохраняетъ мою шляпу, когда я не хожу къ кліентамъ,—говоритъ онъ.—Да и кромѣ того, товарищи, я всетаки остаюсь рабочимъ: странствующій рабочій, вмѣсто того, чтобы быть прикрѣпленнымъ къ мѣсту, вотъ и все.

— А какъ поживаетъ Рюольтъ? Давно ты его видѣлъ?

— Нѣтъ. А что?

— Да ты, на самомъ дѣлѣ, ничего не знаешь: говорятъ, что онъ былъ шпіономъ.

— Давайте поговоримъ, друзья, о чемъ-нибудь другомъ,—перебилъ ихъ старый Мабилль.—Всѣ мы оказались бы шпіонами, если бы слушать все, что разсказываютъ. Не надо только забывать пускать кровь тѣмъ, о которыхъ это доказано окончательно... Это отбиваетъ охоту у другихъ.

Старый Мабилль былъ прежде чеканщикомъ, но, среди удручающаго бездѣлья тюрьмы, онъ утратилъ всю сноровку своего ремесла и сдѣлался уличнымъ торговцемъ.

Но въ долгіе годы тюрьмы онъ учился по книгамъ, которыми его ссужали сосѣди по заключенію. Онъ обдумывалъ, разсуждалъ, выводилъ заключенія. Его высокій, обнаженный лобъ, изборожденный морщинами, говоритъ о его размышленіяхъ. У этого продавца вѣеровъ или абажуровъ,—смотря по сезону,—лицо философа-бойца. Если бы на немъ былъ черный сюртукъ, то предъ этимъ величественнымъ старикомъ всѣ останавливались бы и воздавали бы почтеніе его мощной головѣ.

— Что онъ преподаетъ?—спрашивали бы люди изъ Сорбонны или изъ Нормальной школы.

Что онъ преподаетъ?... Его каѳедра не имѣетъ опредѣленнаго мѣста, какъ и онъ самъ. То она является столомъ въ бѣдномъ кабачкѣ, облокотившись на который, онъ призываетъ молодежь къ возстанію; то это бочка съ баррикады, поставленная стоймя, чтобы онъ могъ взобраться на нее и говорить передъ инсургентами.

Многіе изъ тѣхъ, кого я вижу въ лохмотьяхъ, которые почти умираютъ съ голоду, читали Прудона, штудировали Луи-Блана... Ужасная вещь! Въ концѣ всѣхъ ихъ разсчетовъ, на границѣ всѣхъ ихъ теорій, какъ недремлющій часовой, стоитъ возстаніе!

Видите ли, еще нужно крови!

А зачѣмъ?

Зачѣмъ эти люди, которые живутъ неизвѣстно чѣмъ, которымъ надо такъ мало, зачѣмъ они, похожіе на старыхъ святыхъ, съ длинными бородами и кроткими глазами, которые любятъ маленькихъ дѣтей и великія идеи, зачѣмъ подражаютъ они пророкамъ Израиля и вѣрятъ въ необходимость жертвы, въ неизбѣжность гекатомбы?

Какъ-то на дняхъ, восьмилѣтняя дѣвчурка обрѣзала себѣ пальчикъ—одинъ дикарь съ мохнатой грудью упалъ въ обморокъ.

Нужно было видѣть, какъ всѣ эти завсегдатаи государственной тюрьмы принялись утѣшать и цѣловать дѣвочку. Одинъ сдѣлалъ ей куклу изъ тряпки, другой купилъ куклу за су. Это су было припасено на табакъ: онъ не курилъ весь вечеръ. Палецъ замотали тряпкой съ гораздо большимъ волненіемъ, чѣмъ при перевязкѣ раны страшно искалѣченнаго борца на перевязачномъ пунктѣ гдѣ-нибудь на перекресткѣ.

Малый со стальными глазами хочетъ написать книгу. Онъ *пишетъ*; я это подозрѣвалъ.

— Да, я набросалъ замѣтки о томъ, что я видѣлъ въ Тулонѣ. У меня двѣ тетради, вотъ какихъ толстыхъ! Я покажу ихъ вамъ, если вы зайдете ко мнѣ.

Мы условились о днѣ и часѣ.

— Вы увидите мою жену, она дочь Порнена, по прозванію Деревянная нога.

Хрупкое, тонкое созданіе, граціозное и печальное, смертельно печальное! Благородная осанка и безконечная меланхолія, которой нѣтъ имени, и причина которой—тайна,—выдаютъ страданіе, неизлѣчимое, скрытое глубоко.

Ея сѣдые волосы свидѣтельствуютъ о пережитомъ горѣ. Какое то ужасное, неожиданное открытіе осыпало однажды вечеромъ пепломъ эту юнную голову, заставило поблекнуть

это нѣжное лицо, и затянуло его морщинами, тонкими, какъ шелковыя нити.

Она едва отвѣтила на банальное привѣтствіе мужа, а меня приняла почти со скорбью.

Я говорилъ съ ней объ ея отцѣ, объ этой знаменитой „Деревянной ногѣ“, который оставилъ о себѣ замѣтный слѣдъ во внутренней исторіи февральскихъ событій.

— Да, я дочь Парнена. Отецъ мой былъ честный человѣкъ.

Она повторила это нѣсколько разъ: „честный человѣкъ“, опустивъ глаза, прижимая къ груди свои маленькія ручки и отодвигая свой стулъ, какъ мнѣ показалось, изъ боязни, чтобы мужъ не задѣлъ ея, отыскивая свою рукопись по всей комнатѣ.

Наконецъ, онъ хлопнулъ себя по лбу и сказалъ:

— Вспомнилъ теперь, она внизу!

Онъ пошелъ крадущимися шагами, горбясь, волоча ногу, но глаза его все время сверкали и пронизывали полумракъ комнаты.

Жалюзи оставались закрытыми, она даже не приподняла ихъ, когда мы вошли; можно было подумать, что она не хочетъ допустить даже тѣни своихъ словъ.

Пока мы оставались наединѣ, она произнесла только одну фразу:

— Вы въ одномъ обществѣ съ моимъ мужемъ?

— Я не принадлежу ни къ какому обществу.

Она ничего не отвѣтила, и мы молча сидѣли въ темнотѣ.

Онъ вернулся съ тетрадями.

— Это не такъ обработано, какъ у писателя по профессіи, но здѣсь много воспоминаній. Воспользуйтесь этимъ для вашей работы. Только напечатайте и мое имя, дабы видѣли, что приговоренные къ каторгѣ за іюньскіе дни вовсе не были ни такими невѣждами, ни такими преступниками, какъ о нихъ говорятъ.

Она подняла вѣки, и ея глаза, устремленные на мужа, блестѣли такимъ ледянымъ свѣтомъ, что у меня, когда я уходилъ, кровь застыла въ жилахъ. Провожая меня, онъ ослаблялъ звукъ своихъ шаговъ и понижалъ голосъ, какъ въ домѣ, гдѣ лежитъ умирающій или покойникъ, и гдѣ нельзя говорить громко.

Я спустился въ Парижъ черными и молчаливыми улицами, съ головой, полной смутныхъ мыслей, спрашивая себя, какая драма разыгралась между этими двумя существами?

— А! Вы ходили туда,—сказалъ мнѣ одинъ старикъ, бѣжавшій изъ Дулана.—Его жена была дома? Ну и храбрая женщина! Я видѣлъ ее въ дѣлѣ, когда она была еще совсѣмъ молоденькой... миніатюрная, какъ мушка, и веселая, какъ жаворонокъ! Ему повезло больше, чѣмъ онъ стоитъ.

— Несомнѣнно. Развѣ ты не слышалъ о немъ того же, что и о Рюольтѣ: что онъ изъ шпиковъ?

— Не можетъ быть! Она взяла бы его за усы и притащила къ намъ, несмотря на свою миніатюрность, и наградила бы его предварительно пощечиной. Она выдала бы его Мабиллю, чтобы онъ пустилъ ему кровь! Не правда ли, Мабилль?

— Да! Если бы только ей не было слишкомъ стыдно; можетъ быть, она его любитъ... это бываетъ!

Въ это время кто-то вошелъ.

— О комъ вы говорите?

— О Ларжильерѣ.

XII.

Ко мнѣ явилось нѣсколько человѣкъ и, во имя революціонныхъ идей, потребовали, чтобы я выставилъ свою кандидатуру въ депутаты противъ Жюля Симона *).

Я не отказался.

Несчастный безумецъ!

Но тѣ, которые думаютъ, что я принялъ это предложеніе изъ гордости, изъ желанія выдвинуться, совсѣмъ не знаютъ, какъ я блѣднѣлъ и какая дрожь охватывала меня при мысли, что я начинаю борьбу.

Но разъ меня зовутъ, я не отступлю!

Но что скажу я этому предмѣстію св. Антонія? Какъ я буду говорить съ этими людьми съ Шароны, съ этими блузниками изъ Пюто?—я, только что собиравшійся кинуть на вѣсы едва созрѣвшія теоріи, которыя мнѣ даже не было времени взвѣсить въ своей непослушной рукѣ.

У меня никогда не было достаточно денегъ, чтобы купить сочиненія Прудона. Мнѣ приходилось брать на подержаніе разрозненные тома и читать по ночамъ.

По счастью, къ моимъ услугамъ была національная библіотека, и я, время отъ времени, могъ зарываться носомъ, а

*) Сначала былъ профессоромъ философіи въ Нормальной школѣ, затѣмъ въ Сорбонѣ. Въ 1848 году членъ національнаго собранія. Въ 1863 году былъ избранъ въ законодательный корпусъ, гдѣ былъ вождемъ оппозиціи. *Пр. пер.*.

то и уходить съ головой въ первоисточники. Но мнѣ приходилось пить залпомъ и захлебываться, потому что на улицѣ Ришелье *) у меня были и другія дѣла, кромѣ изученія соціальной справедливости.

Я долженъ былъ добывать изъ нѣдръ книгъ зерна для своихъ страстей; они кормили меня, и издатель словаря не хотѣлъ принимать, если отъ нихъ пахло демократизмомъ или протестующей философіей. Иногда случалось, когда я успѣвалъ перехватить немного изъ Прудона, что на моей бумагѣ выступали кровавыя капли.

Итакъ, я знаю едва лишь половину того, что надо знать!

Мнѣ угрожаетъ опасность смѣшно и съ трескомъ провалиться: развѣ кто хочетъ разбить свой лобъ о старый міръ? Я—ученикъ, готовый возстать на учителя, рекрутъ, осмѣливающійся протянуть руку за знаменемъ!

Въ пору отступить и скатиться внизъ по лѣстницѣ... какъ беременныя дѣвушки, которыя не хотятъ, чтобы ихъ слабость была обнаружена.

У меня являлось такое намѣреніе, несмотря на рискъ изуродоваться и стать какѣкой: вѣдь иначе я буду совсѣмъ раздавленъ, если заслужу свистки аудиторіи. Быть раненымъ ничего не значитъ, но быть освистаннымъ—это крушеніе всей молодости, правда, чреватой страданіями, но за то и полной надеждъ!

Сегодня вечеромъ первое собраніе.

Я пытаюсь подготовить рѣчь... Но какъ?.. Для этого мнѣ нужно много часовъ!.. Довольствуюсь тѣмъ, что намѣчаю для своего выхода нѣсколько основныхъ пунктовъ, какъ путеводную нить, разсѣивая идеи, какъ разбрасалъ камешки Мальчикъ-съ пальчикъ. Я буду держаться намѣченныхъ пунктовъ собирать эти камешки по дорогѣ, когда пойду къ людоѣду.

Хорошо бы было имѣть съ собой хоть нѣсколько преданныхъ людей! Но ни Пасседуэ, ни іюньскихъ уже нѣтъ. Они скрылись, когда я согласился пойти навстрѣчу опасности, исчезли въ своихъ кварталахъ, въ поискахъ за другими Венгра.

По жестокой случайности, никто изъ знакомыхъ не живетъ въ томъ округѣ, куда мнѣ приказали идти на смерть, подобно Наполеону, приказывавшему своимъ лейтенантамъ расположиться поперекъ моста и умереть тамъ.

И вотъ, взобравшись на имперіалъ, я одинъ отправляюсь въ дорогу, ѣду въ залъ клуба.

---

*) Національная Библіотека находится на улицѣ Ришелье.

На омнибусѣ я слышу, какъ восхваляются достоинства того, съ кѣмъ я буду сражаться.

— О! Онъ далеко пойдетъ! Онъ раздавитъ Ляшо, какъ муху.

— Нѣтъ другихъ конкуррентовъ?

— Конечно, нѣтъ! Кто же рискнетъ изъ республиканцевъ?

Ахъ, несчастный! Рядомъ съ тобой сидитъ субъектъ, который, передавая кондуктору свои три су, вмѣстѣ съ твоими, уронилъ на полъ бумажку, гдѣ записаны двѣ первыя фразы для начала рѣчи противъ твоего фаворита, да еще четыре или пять „эффектовъ", кричащихъ, какъ изображенія Эпиналя, чтобы придать ей колоритъ. Можетъ быть, ты даже сидишь на моихъ замѣткахъ, подъ твоимъ задомъ мое краснорѣчіе!..

— Номеръ 105?

— Здѣсь.

Я кубаремъ скатываюсь внизъ.

Мой комитетъ бѣденъ, какъ Іовъ. Мы собрались въ заброшенной конюшнѣ. Съ трудомъ можетъ помѣститься человѣкъ триста.

Они уже здѣсь.

— Граждане!..

Откуда я взялъ то, что говорилъ имъ? Я не знаю самъ, какъ я перешелъ къ нападенію. Я началъ говорить о запахѣ навоза, о необычайности помѣщенія, о нищетѣ, которая насъ дѣлаетъ смѣшными. Я срывалъ свои слова со стѣнъ, откуда сочилась какая-то гадость и гдѣ торчали ввернутыя кольца, къ которымъ республиканская дисциплина съ удовольствіемъ привязала бы и насъ, какъ вьючныхъ животныхъ.

Ну, нѣтъ!

И я брыкался, и становился на дыбы, находя по дорогѣ иронію и гнѣвъ!

Раздалось нѣсколько словъ одобренія, что еще больше разожгло меня. Когда я кончилъ, меня обступили со всѣхъ сторонъ.

Предсѣдатель всталъ:

— Граждане, голосуется предложеніе выставить кандидатуру Жака Венгра.

Руки поднялись.

— Гражданинъ Жакъ Венгра избранъ кандидатомъ революціонной соціалъ-демократіи округа.

Одобрительныя восклицанія трехсотъ бѣдняковъ подтвердили торжественно провозглашенное заявленіе.

У меня по спинѣ пробѣжалъ морозъ: вѣдь этотъ успѣхъ ничего не доказываетъ.

Эта горсточка привѣтствовавшихъ меня восклицаніями была собрана почти на порогѣ ихъ нищенскихъ логовищъ. А сколько тутъ тѣхъ, которые апплодировали мнѣ, потому что у меня зычный голосъ, или потому, что они не хотѣли разбить голоса,—сколько изъ нихъ покинетъ меня завтра, чтобы присоединиться къ кортежу Симона побѣдителя!

Побѣда досталось мнѣ слишкомъ легко. Я стоялъ къ своимъ противникамъ вплотную, мое дыханіе жгло имъ лицо, а я знаю прекрасно, что у меня въ жестахъ и тонѣ есть что-то повелительное для тѣхъ, кто стоитъ такъ близко ко мнѣ. Но когда я буду передъ непріятелемъ въ громадной и набитой биткомъ залѣ...

Зала Генія.

И вотъ я здѣсь. Громадная зала набита биткомъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется. Противники мои подготовились къ встрѣчѣ. А у меня совсѣмъ не было времени, и я ничего не подготовилъ, ровно ничего! Ни любезной мины вступленія, ни хвостика заключенія.

Горячія головы моего комитета заставили меня, изъ-подъ кнута, отправиться по общинамъ на охоту за вліятельными лицами. Я мотался туда и сюда, исколесилъ весь округъ пѣшкомъ, въ телѣгѣ, по желѣзной дорогѣ,—едва живой отъ того количества рюмокъ, которыя приходилось выпить передъ цинковой стойкой плохенькихъ трактировъ, чтобы чокнуться съ честными людьми.

Я только мочилъ губы, но меня все же тошнило отъ вина. Я долженъ былъ показаться очень холоднымъ или очень гордымъ тѣмъ, кто видѣлъ, какъ хмуро я согласился на этотъ объѣзъ, предложенный мнѣ отъ чистаго сердца. Единомышленники, къ которымъ мы заходили, были разбросаны по всему городу, на громадныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Приходилось то пробираться куда-нибудь на конецъ огорода, то спрашивать въ мастерской, отнимая у нихъ время и даже не рѣдко компрометтируя ихъ передъ хозяиномъ. Случалось иногда и ошибаться на ихъ счетъ.

Въ этомъ случаѣ они окидывали меня съ ногъ до головы негодующимъ взглядомъ и возмущались, какъ ихъ могли считать способными помочь мнѣ сѣять раздоръ въ партіи.

Ничтожныя волненія, убивавшія цвѣты мысли въ моей головѣ! Изнурительныя экскурсіи, въ которыхъ по пути гибли мои идеи!

Ну, и дуракъ я!

Я представлялъ себѣ, что мое несчастное пораженіе про-

изойдетъ отъ того, что я не запасся цѣлымъ пукомъ доктринъ.

Какъ бы не такъ!

На мою долю два или три раза уже выпадалъ денекъ, когда приходилось ясно и въ стройномъ порядкѣ излагать мысли предъ толпой... Но нашли, что я говорю слишкомъ холодно. Отъ меня ждали словъ, которыя жгутъ и зажигаютъ. Даже мои сторонники дергали меня за фалды и шипѣли въ уши, что передъ такой публикой нужно заводить старую волынку съ громкими фразами.

Да, когда-то у меня въ рукахъ была бычачья жила краснорѣчія трибуна, но у меня больше нѣтъ охоты размахивать ею надъ головой и ломать хребты рѣчей другихъ ораторовъ! Я презираю безполезные жесты, метафоры безъ содержанія, я стыжусь ремесла декламатора!

Да, чортъ возьми! Я сумѣлъ бы, если бы захотѣлъ, вызвать мощные образы, которые захватили бы этихъ людей. Но я не чувствую больше мужества желать этого. Вмѣстѣ съ пыломъ якобинской вѣры, я утратилъ и ядовитый романтизмъ прежнихъ дней... Народъ едва слушаетъ меня. У меня еще нѣтъ пьедестала знающаго и убѣжденнаго соціалиста, а я уже лишился способностей площаднаго оратора, Дантона изъ предмѣстія: я самъ съ этимъ покончилъ! Это не паденіе, а обращеніе, это результатъ не слабости, а презрѣнія! Разъ, въ Булонскомъ лѣсу, меня чуть не отправили на тотъ свѣтъ.

— Это вы стоите поперекъ дороги Симона!

Меня окружили, толкали, били.

Я былъ одинъ, совсѣмъ одинъ.

Прежде всего, мнѣ пришла на умъ для защиты только старая классическая формула:

— Въ моемъ лицѣ вы убиваете свободу слова!

— Ну, да! Убиваемъ! Прямо кулакомъ въ рыло!—заревѣлъ прачешникъ съ бычачьей шеей.

Бюро испугалось, какъ бы мое избіеніе не легло грязнымъ пятномъ на торжество конкуррента.

Потомъ я немного погорячился. Мнѣ было чѣмъ отвѣчать на подобные аргументы: я могъ попридержать прачешника за поясъ. Между тѣмъ, во время всей кампаніи этотъ угорь Симонъ скользилъ у меня между пальцами; клейкій и гибкій, притворно вѣжливый до приторности, онъ подставлялъ мнѣ ножку при всякомъ удобномъ случаѣ.

Это была великая минута! Одинъ! Я осмѣлился придти одинъ! Никогда я не былъ такъ гордъ собой, какъ въ этотъ день безконечнаго униженія.

Положимъ, еще одинъ разъ я почувствовалъ приливъ гордости, при выходѣ изъ собранія, гдѣ побѣдитель и я говорили толпѣ одинъ послѣ другого.

Я слышалъ, какъ одинъ изъ членовъ комитета произнесъ, указывая на меня:

— Этотъ сумѣетъ заставить чернь слушать себя.

Наконецъ, барщина моя кончилась, прошла избирательная горячка! Я свободенъ!

Тамъ, въ сторонѣ Шавиля, есть ферма, гдѣ я проводилъ счастливые и спокойные дни, глядя, какъ молотятъ пшеницу, какъ тянутся утки къ лужѣ, потягивалъ легкое бѣлое винцо гдѣ-нибудь подъ развѣсистымъ дубомъ, или валялся на скошеной травѣ подъ яблонями, разукрашенными янтарными плодами.

Я жаждалъ тишины и спокойствія. Я отправился туда, забывъ подачу голосовъ парижскихъ секцій, валялся на сѣнѣ, слушалъ, какъ заливаются лягушки въ зеленыхъ тростникахъ. А по вечерамъ я засыпалъ на холщевыхъ простыняхъ, сѣрыхъ и грубыхъ, какъ тѣ, на которыя меня укладывали мои деревенскія кузины.

Деревня!

Я скорѣй созданъ быть крестьяниномъ, чѣмъ политическимъ дѣятелемъ, которому не приходится переживать всѣ прелести неурожайнаго года, съ зимней голодовкой.

7 часовъ утра. Человѣкъ, одѣтый зажиточнымъ подрядчикомъ, съ толстой золотой цѣпочкой, въ короткихъ сѣрыхъ штанахъ, изъ подъ которыхъ торчали грубые сапоги, явился ко мнѣ, назвалъ себя моимъ единомышленникомъ и попросилъ его выслушать.

— Если бы вы захотѣли при вашихъ связахъ и съ вашимъ талантомъ...

. . . .

— Тарди! Тарди!

Тарди, мой старый школьный товарищъ, бѣдный, бѣдный, еще бѣднѣе меня! Я нанялъ ему меблированную каморку рядомъ съ моей комнатой, и онъ окупаетъ свое пропитаніе перепиской моихъ статей. Я зову его на помощь. Онъ выскакиваетъ на площадку лѣстницы въ одной рубашкѣ.

— Смотри! Смотри на него хорошенько! Онъ явился покупать меня... Этотъ мерзавецъ вообразилъ, что я способенъ его выслушать!

— Нѣтъ! Нѣтъ! Милостивый государь...—бормочетъ этотъ субъектъ, блѣдный, какъ смерть, спотыкаясь при спускѣ по лѣстницѣ.

— Скорѣй! Живо! А не то я сверну вамъ шею!

— Милостивый государь! Нѣтъ! Нѣтъ!—повторяетъ онъ, скатываясь кубаремъ.

— Но какъ они посмѣли!

— Кто его подослалъ?

— Разберемся!.. Издержки принялъ на себя мой комитетъ. Ему на помощь пришелъ одинъ человѣкъ, увѣрявшій, что хочетъ послужить дѣлу, и предложилъ денегъ на афиши и бюллетени.

— Нужно его отыскать и вывести на свѣжую воду!

Я разсказалъ все это товарищамъ. Они что-то долго тянули дѣло...

Кончилось тѣмъ, что они сказали мнѣ, пожимая плечами:

— Вы выше всего этого.

Я продолжалъ настаивать.

— Оставьте же насъ въ покоѣ!

Тѣмъ не менѣе, меня пробираетъ дрожь, и я боюсь, что за этимъ скрывается какая-то опасность, когти которой еще дадутъ себя знать.

XIII.

Я одинъ изъ десяти выбранныхъ народнымъ собраніемъ, чтобы отправиться съ запросомъ, почти съ требованіемъ, къ депутатамъ города Парижа.

Милліеръ, Тренкэ, Гумбертъ, Курнэ тоже находятся въ числѣ десяти.

Къ кому идти прежде всего? Кого изъ представителей народа осадить первымъ?

Въ справочной книжкѣ маленькаго кафэ, гдѣ сошлись члены коммиссіи, попался адресъ Ферри *).

— Къ Ферри!.. Вы, Венгра, изъ его округа. Вамъ съ нимъ и говорить.

Молчаливый и степенный домъ, большая парадная дверь, торжественная лѣстница.

Я поднимаюсь съ такимъ волненіемъ, какъ если бы взбирался по ступенькамъ эшафота.

— Здѣсь.

---

*) Былъ избранъ депутатомъ въ 1869 г. противъ оффиціальнаго кандидата. Видный ораторъ республиканской партіи. Извѣстный политическій дѣятель. Съ 15 ноября 1870 г. былъ парижскимъ мэромъ, а 18 января 1871 г. предсѣдательствовалъ въ собраніи парижскихъ мэровъ, постановившемъ выдавать населенію хлѣбъ по порціямъ. *Прим. пер.*

На нашъ звонокъ выходитъ горничная.

— Г-нъ Жюль Ферри?

— Дома.

У меня подкашиваются ноги. Я бѣлѣе фартука служанки, который не блещетъ чистотой.

— Какъ прикажете доложить?

Мы переглядываемся.

Никто изъ насъ не является лично отъ себя. Въ то же время мы вовсе не представители какого-нибудь признаннаго комитета или какого-нибудь республиканскаго общества, уже обладающаго своимъ собственнымъ домомъ.

— Скажите, что пришли люди изъ VI и имѣютъ нѣчто сообщить.

— Изъ шестого? У насъ нѣтъ шестого этажа!

Мы ей объясняемъ... не безъ труда. Дѣвушка пугается.

— Наплевать! Мы пришли и не уйдемъ! — заявляетъ Тренкэ и прислоняется къ стѣнѣ, какъ часовой.

Появляется буржуа въ коротенькомъ пиджачкѣ, съ вытянутой физіономіей.

— Что вамъ угодно, господа?—произноситъ онъ, глядя на насъ съ тоской, именно съ тоской!

Его голосъ немного дрожитъ, руки тоже.

Минута молчанія. Надо начать.

— Вамъ, милостивый государь, конечно, извѣстно письмо Кератри, въ которомъ онъ предлагаетъ депутатамъ, въ отвѣтъ на декретъ объ отсрочкѣ открытія палаты, явиться толпой ко дворцу Бурбоновъ въ тотъ день и часъ, когда по закону должна открыться сессія. Народное собраніе постановило потребовать отъ представителей Парижа высказаться категорически по этому вопросу и поручило намъ требовать ихъ присутствія на собраніи, гдѣ народъ выскажетъ свою волю... Явитесь ли вы?

Руки продолжаютъ дрожать. Самъ онъ, кажется, въ большомъ смущеніи, несмотря на свои широкія плечи и рѣшительный видъ.

— Я не отказываюсь. Но я долженъ посовѣтоваться съ своими коллегами. Я поступлю такъ, какъ и они.

Мы поклонились и вышли.

Теперь на площадь Мадленъ.

— Г-нъ Жюль Симонъ?

— Войдите, господа.

Вотъ этотъ знаменитый чердакъ!

Ничего не скажешь! Это, конечно, не крысиная нора; но далеко и не дворецъ, запрятанный подъ самую крышу.

Симонъ такъ и ходитъ ходуномъ, съ ужимками кошки,

съ жестами священника, глаза закатываются, какъ у святой Терезы въ истерикѣ, елейныя рѣчи и сальная кожа, губы, какъ гузка рождественскаго гуся. Онъ узнаетъ меня и двигается навстрѣчу протягивая свою жирную и мокрую лапу.

— Мой бывшій и дорогой конкуррентъ...

Я закладываю руки за спину и отступаю, предоставляя другимъ задавать вопросы этой личности.

Какъ и Ферри, онъ что-то говоритъ въ отвѣтъ, что тоже явится, если такъ рѣшитъ его группа.

На лѣстницѣ начинаютъ обсуждать мой отказъ отъ рукопожатія.

Милліеръ выходитъ изъ себя, напоминаетъ, что, какъ старшина, онъ обвиняетъ меня въ томъ, будто я наношу оскорбленія изъ эгоизма, и заявляетъ, что не потерпитъ, чтобы слѣдующія посѣщенія нарушались подобными инцидентами.

— Теперь мы направляемся къ Тьеру *), и онъ будетъ почтителенъ,—прибавляетъ онъ, глядя на меня.

— Вы будьте, чѣмъ вамъ угодно, но я желаю сохранить за собой свободу не дотрогиваться до рукъ врага.

— Вы прекрасно поступили!—одобряетъ меня молодежь.

Я поступилъ такъ, какъ мнѣ нравилось. Я ни за кѣмъ не признаю права распоряжаться моими рукопожатіями, будь человѣкъ хоть два раза „старшиной".

Но совершенно не возможно не пожать лапы этому толстому весельчаку, съ бакенбардами цвѣта краснаго дерева, съ огромнымъ животомъ и громкимъ смѣхомъ, который хрипитъ мнѣ прямо въ уши, прежде чѣмъ я успѣлъ оскалить клыки:

— А! разноситель, какъ поживаете? Вы можете гордиться тѣмъ, какъ расчесали насъ въ вашей „Rue"! Да, здорово!

И похлопывая меня по тому мѣсту, гдѣ полагается имѣть животъ, спрашиваетъ, что насъ привело къ нему.

— Ну, господа, чего же, наконецъ, желаетъ народъ? Ужъ не прислалъ ли онъ васъ за моей головой? Видите ли, у меня есть маленькая слабость—дорожить ею. Знаете... старая привычка...

Его слова и его фигура дышатъ добродушіемъ.

У этого пальцы не дрожатъ, а выбиваютъ на столѣ мо-

---

*) Извѣстный политическій дѣятель и историкъ. Съ 1863 года былъ въ законодательномъ корпусѣ, занимая видное мѣсто въ рядахъ оппозиціи, и все время боролся противъ имперіи. Въ 1869 году былъ переизбранъ. *Прим. перев.*

тивъ веселой шансонетки, а голова вертится на туловищѣ пингвина, какъ вертлявая колибри.

— Пойду ли я на манифестацію двадцать шестого?..

— Двое изъ вашихъ коллегъ уже согласились.

— Ну, на это мнѣ наплевать!

— Такъ вы не придете?

— Ни за что на свѣтѣ! Идти подставлять свою голову, не зная, чѣмъ все это кончится? Вы и не мечтайте объ этомъ, мой милый!

Онъ смѣется, и нельзя удержаться, чтобы не смѣяться съ нимъ вмѣстѣ, потому что этотъ, по крайней мѣрѣ, хоть не виляетъ.

— Если Белльвилль возьметъ верхъ, я прибѣгу! Но тащить его силкомъ, разыгрывать Брута... Нѣтъ, дѣти мои, это не по мнѣ! Я ни во что не въ путываюсь и ничего не обѣщаю! Нѣтъ!

И онъ щелкаетъ пальцами по зубамъ.

— По моему, вы всѣ славные ребята и достаточно убѣжденные, чтобы разбить свои башки объ стѣну. Я преклоняюсь предъ такими башками, но берегу свою... Да! разноситель, кстати. Словъ-то, что вы мнѣ приписали: „Манюель былъ героемъ, только онъ не былъ переизбранъ", я не говорилъ, но собирался... Ну, до свиданія! Честное слово, можно подумать, что у васъ всѣхъ только и заботы, какъ бы поскорѣй отправиться на тотъ свѣтъ! А я держусь за жизнь обѣими руками: такой ужъ у меня испорченный вкусъ! Чортъ возьми, это и понятно: вонъ вы всѣ какіе кащеи безсмертные, а у меня сколько жиру!.. Осторожнѣй, здѣсь ступенька! Постойте: если васъ засадятъ, я притащу вамъ сигаръ и бургонскаго. И какого еще!

Онъ наклоняется съ лѣстницы и посылаетъ намъ всей пятерней сочный и звучный, многообѣщающій поцѣлуй.

Пеллетанъ. Голова апостола.

И онъ, на самомъ дѣлѣ, пророчествовалъ. Это—бородатый миссіонеръ-проповѣдникъ республиканской вѣры, онъ носитъ въ себѣ библію революціи; у него волосы, взгляды и жесты капуцина, приверженца лиги.

Онъ заклиналъ, съ кропильницей Шабо *) въ рукахъ,

---

*) Дѣятель великой революціи. Въ молодости былъ капуциномъ, сложилъ съ себя монашество и сталъ очень популярнымъ. Горячо поддерживалъ всѣ крайнія предложенія. Въ мартѣ 1794 г. комитетъ общественнаго спасенія обвинилъ его въ составленіи заговора, стремившагося „обезславить и учинить народное представительство и разрушить путемъ продажности республиканское правительство"; 5 апрѣля 94 г. онъ былъ казненъ. *Пр. пер.*

іюньскихъ инсургентовъ и отлучилъ ихъ черезъ рѣшетку погреба Тюильри.

Онъ вполнѣ искренно—о, проницательный!—принялъ ихъ за нечестивцевъ и подкупленныхъ!

Что-то скажетъ онъ?..

Сказалъ не особенно много... онъ посовѣтуется съ коллегами, и простеръ къ намъ свои мохнатыя руки, какъ бы благословляя.

— Аминь! протянулъ, гнусавя, Гумбертъ.

Нашъ обходъ конченъ.

А Гамбетта?

Гамбетта изобрѣлъ жабу, къ которой прибѣгаетъ каждый разъ, когда кажется опаснымъ высказывать свое мнѣніе.

Но это уловка не для меня, я вижу этого кривляку насквозь... И смертельно рискуютъ тѣ, кто насмѣхается надъ народомъ. Сначала у нихъ жаба такъ, въ шутку, а настанетъ день, когда имъ перерѣжутъ глотку въ серьезъ.

Жюль Фавръ *) разорвалъ наши требованія, не читая, и высокомѣрно скривилъ свои толстыя губы въ гримасу полнаго пренебреженія.

Видѣлъ ли Милліеръ Тьера? Не знаю. Во всякомъ случаѣ, если онъ его и встрѣтилъ, то околпачить ему его не удалось, уже это навѣрно!

Бансель **) былъ въ провинціи.

Явятся ли они?

Залъ Бьетъ, бульваръ Клиши.

Они явились.

По дрожавшей лѣстницѣ они поднялись въ залу, освѣщенную коптившими лампами, уставленную вмѣсто стульевъ старыми школьными скамьями.

Въ глубинѣ на эстрадѣ изъ выбѣленныхъ дубовыхъ досокъ стоялъ столъ и нѣсколько соломенныхъ табуретокъ.

Представители народа будутъ сидѣть тамъ, какъ на скамьѣ подсудимыхъ. Съ этой трибуны, сколоченной на скорую руку, совѣсть предмѣстій произнесетъ свое обвине-

---

*) Извѣстный адвокатъ и политическій дѣятель. Выступалъ защитникомъ Орсини, покушавшагося на Наполеона. Въ этомъ же 1858 г. былъ избранъ въ законодательный корпусъ, гдѣ былъ однимъ изъ „пяти" членовъ оппозиціи. *Пр. пер.*

**) Въ 1848 г. былъ избранъ въ законодательное собраніе и тамъ высказалъ себя ярымъ противникомъ Наполеоновской политики. Послѣ 1852 г. бѣжалъ. Въ 1869 г. былъ выбранъ 10.000 голосами въ депутаты отъ департ. Роны. Въ Палатѣ примкнулъ къ крайне лѣвой, выражая собой „непримиримую оппозицію и вѣчное возмездіе". *Пр. пер.*

ніе голосомъ нѣсколькихъ выбитыхъ изъ строя, одѣтыхъ въ пиджаки или кофты, и будетъ поддерживать его передъ судомъ въ пятьсотъ или шестьсотъ человѣкъ. Приговоръ этого суда не будетъ имѣть законной силы, но отъ этого онъ не будетъ менѣе грозенъ для тѣхъ, кого онъ покараетъ: народъ заклеймитъ ихъ.

Я стою въ группѣ, гдѣ страстно говорятъ и жестикулируютъ.

Обсуждаютъ, кого бы предложить аудиторіи въ предсѣдатели.

Жерменъ Кассъ интригуетъ, умоляетъ, бѣгаетъ взадъ и впередъ: ему очень хочется быть на виду.

Милліеръ надѣлъ свою самую широкополую шляпу, видъ у него квакера. Съ напряженнымъ, горящимъ подъ очками взоромъ, съ сжатыми губами, съ лихорадочными жестами, онъ требуетъ себѣ отличія изъ уваженія къ его прошлому и къ его возрасту, и обѣщаетъ, давясь словами, быть Фукье *) Тенвилемъ вечера.

Рѣшено бросить въ толпу его имя. Объ этомъ сообщаютъ сидящимъ на крайнихъ скамьяхъ.

Одинъ только Кассъ недоволенъ и ворчитъ: онъ охотно бы вцѣпился зубами въ икры Милліера, если бы только посмѣлъ!

Одинъ кузнецъ, услышавъ, какъ онъ рычитъ, пообѣщалъ погладить его противъ шерстки, и онъ стихъ и забился въ уголъ, съ злобно оскаленной пастью, но съ поджатымъ хвостомъ.

Вотъ они!

Ферри, Симонъ, Бансель, Пеллетанъ.

По рядамъ пробѣгаетъ злобный шепотъ. Они должны были сразу догадаться, что находятся въ самомъ центрѣ вражескаго лагеря. Еле-еле сторонятся, чтобы пропустить ихъ.

Какъ далеки теперь отъ нихъ трубачи и офицеры, которые съ музыкой идутъ впереди предсѣдателя палаты, какое пространство отдѣляетъ ихъ отъ судебныхъ приставовъ въ черныхъ костюмахъ съ серебряной цѣпью!

Здѣсь только плохо одѣтые люди.

Депутаты Парижа могутъ замѣтить въ толпѣ тѣхъ соціалистовъ, которые уже начали борьбу на публичныхъ собраніяхъ. Блѣдные и рѣшительные, они обдумываютъ обви-

---

*) Дѣятель великой революціи, безпринципный и мелочный, бывшій, по его собственнымъ словамъ, „топоромъ“, всегда находившимся къ услугамъ сильныхъ людей. Проявлялъ необычайную жестокость.

Пр. пер.

нительные пункты, которые сейчасъ произнесутъ отъ имени суверeннаго народа.

— Милльеръ! Милльеръ!

Онъ готовъ и ему остается сдѣлать только одинъ шагъ, чтобы занять мѣсто за зеленымъ столомъ.

— Вы будете говорить, Венгра?

— Нѣтъ!

Я не совсѣмъ увѣренъ въ себѣ. Да, кромѣ того, я не такъ хорошо знакомъ съ психологiей этого трибунала въ блузахъ, какъ тѣ, которые чуть ли не каждый вечеръ отправляются болтать съ нимъ въ новые клубы.

Если не скажутъ всего, что надо, я, можетъ быть, и рѣшусь. Но, вѣроятно, все будетъ сказано.

Я вижу это по блеску нѣкоторыхъ глазъ; чувствую по трепету, который пробѣгаетъ по залѣ; читаю это даже на лицахъ самихъ обвиняемыхъ. Они серьезны и шепотомъ обмѣниваются тревожными замѣчанiями.

— Граждане, собранiе открыто!

Экзекуцiя сейчасъ начнется. Сгущай свой гнѣвъ, Брiознъ! Вооружись своимъ презрѣнiемъ, Лефрансэ! Дюкасъ, пропитай ядомъ свой языкъ!

XIV.

Брiознъ—Христосъ, только косой,—въ шляпѣ Варравы. Но онъ не покоряется, нѣтъ! Онъ вырываетъ копье изъ своего бока и, расцарапывая руки, ломаетъ терновыя вѣтви, что остались на его головѣ давнишняго мученика отъ той головы, которая носитъ имя Центральной тюрьмы. Онъ былъ приговоренъ на пять лѣтъ за принадлежность къ тайному обществу; его выпустили на нѣсколько мѣсяцевъ раньше, такъ какъ онъ сталъ харкать кровью. Безъ гроша въ карманѣ, вернулся онъ въ Парижъ и не могъ починить своихъ легкихъ, но революцiонная душа крѣпко сидитъ въ его хрупкомъ тѣлѣ.

Проникновенный голосъ, звучащiй изъ разбитаго сердца, какъ изъ надтреснутой вiолончели. Трагическiй жестъ: рука протянута къ небу точно для клятвы. Дрожь античной Пифiи, иногда потрясающая его тѣло съ ногъ до головы. Глаза—дыры, просверленныя ножомъ. Предъ ними разверзаются закоптѣлые потолки клубныхъ залъ, рушатся своды каѳедральныхъ соборовъ предъ восхищеннымъ взоромъ христiанскаго проповѣдника, и онъ устремляется прямо къ ясному небу.

Среди своихъ болѣзней и тюремныхъ заключеній, онъ нашелъ время для изученія великихъ книгъ, выжалъ изъ нихъ весь сокъ и впиталъ въ себя самую эссенцію.

Это укрѣпило его силы, какъ горячая кровь быка. Онъ живетъ своей страстью, сердце служитъ поддержкой его груди. Изъ своей болѣзни онъ вынесъ даже цѣлую теорію; она дочь его страданій, хотя онъ того не сознаетъ, и въ его устахъ она наводитъ ужасъ: „Капиталъ умеръ бы, если бы каждое утро колеса его машинъ не подмазывались масломъ изъ человѣческой крови и пота. Эти желѣзныя и стальныя животныя нуждаются въ уходѣ и наблюденіи рабочаго“.

Ему самому нуженъ уходъ за его бронхами, истекающими кровавымъ потомъ; а въ его разстроенный организмъ очень не мѣшало бы впустить нѣсколько капель масла, называемаго виномъ.

Но объ этомъ нечего и думать! Онъ едва-едва питается и пьетъ воду. Онъ брошюровщикъ, а это не даетъ много. Работа въ типографіи доканчиваетъ дѣло разрушенія: ядъ идетъ на помощь голоду.

Но другой ядъ—дыханіе массы людей и тяжелыя испаренія, которыя поднимаются надъ толпой, сбитой въ слишкомъ тѣсномъ помѣщеніи, побѣждаетъ первый: клинъ выбивается клиномъ. Онъ схватываетъ тамъ лихорадку, а лихорадка его электризуетъ, поднимаетъ и уноситъ высоко.

Во всякомъ случаѣ, онъ возьметъ свое отъ жизни. Каждый вечеръ за три часа онъ переживаетъ больше, чѣмъ иные за цѣлые годы: его краснорѣчіе раздвигаетъ границы настоящаго. Въ своихъ мечтахъ онъ становится господиномъ будущаго. Едва живой, онъ бросаетъ здравое слово арміи рабочихъ съ косой саженью въ плечахъ, съ желѣзной грудью, совершенно растроганныхъ при видѣ этого пролетарія, защищающаго ихъ права цѣной собственной жизни.

Бріозна всегда сопровождаетъ товарищъ, ниже его ростомъ, въ чистенькомъ пиджачкѣ, съ медленной походкой, съ головой, немного наклоненной набокъ, и съ зонтикомъ подъ мышкой.

Онъ очень похожъ на одного человѣка, который въ 1848 году, въ Нантѣ, глубоко поразилъ меня и привелъ въ восхищеніе отвагой своихъ рѣчей. За эту отвагу ему пришлось поплатиться своимъ скромнымъ заработкомъ. Его хозяева были оскорблены и напуганы вліяніемъ, какимъ онъ пользовался. Ему только что выдали разсчетъ, и онъ просто и величественно прощался съ народомъ:

— Я не могу больше оставаться среди васъ. Я несу крестъ всѣхъ голодныхъ. Я отправляюсь въ Парижъ, гдѣ,

можетъ быть, мнѣ удастся продать свое время и трудъ за кусокъ хлѣба... Тамъ мнѣ, бѣдняку, также можетъ представиться случай отдать свою жизнь, если понадобится въ день возстанія заткнуть собой какую-нибудь брешь.

Черезъ нѣсколько времени стало извѣстно, что онъ принесъ свой обѣщанный даръ. Его трупъ, пронизанный пулями, былъ поднятъ у подножья баррикады, ставшей трибуной этого соціалиста, тѣснимаго голодомъ и нашедшаго исходъ въ смерти.

Желтое и задумчивое лицо Лефрансэ, съ глубокими и кроткими глазами, напоминаетъ этого человѣка. На первый взглядъ кажется, что это олицетворенная покорность, настоящій христіанинъ. Но поддергиваніе губъ выдаетъ въ немъ пылкость глубоко убѣжденнаго человѣка, а голосъ, захватывающій и все покоряющій, говоритъ о возвышенной душѣ этого обладателя стараго дождевого зонтика.

Горячая и вибрирующая рѣчь бьетъ ключемъ въ порывѣ гнѣва. Но жесты у него просты и скромны, какъ костюмъ и шляпа, которые ничѣмъ не выдѣляютъ его изъ толпы. Его слова не горятъ, хотя и жгутъ.

Его голова мечтателя почти неподвижна на хиломъ туловищѣ, его старый кулакъ не потрясаетъ деревянной трибуны, и своимъ жестомъ онъ не пронзаетъ груди врага.

Онъ опирается на книгу, какъ въ то время, когда былъ надзирателемъ и наблюдалъ за классомъ.

Иногда даже, въ началѣ его рѣчи, можно подумать, что онъ даетъ урокъ съ линейкой въ рукахъ. Но вотъ онъ дошелъ до самой сути вопроса, забылъ свой магистерскій тонъ и начинаетъ вколачивать идеи, дымящіяся подъ ударами высоко взлетающаго молота. Онъ вбиваетъ глубоко и прямо. Это самый грозный изъ трибуновъ, потому что онъ скроменъ, разсудителенъ и желченъ. Желчь народа, громадной толпы съ землистымъ лицомъ, вошла въ его кровь. Она окрашиваетъ въ желтый оттѣнокъ его округленныя фразы и придаетъ его импровизаціямъ звучность медалей изъ стараго золота.

Страдая революціонной желтухой, этотъ адвокатъ истекающихъ кровью обладаетъ такой чувствительностью, точно съ тѣла его содрана кожа. Самъ раненый, онъ ранитъ другихъ, самъ того не желая. Онъ честенъ и мужественъ, и его жизнь такъ же громко говоритъ о его убѣжденіяхъ, какъ и его краснорѣчіе. Этотъ Лефрансэ лучшій ораторъ соціалистовъ.

Дюкассъ точно разъѣзжается весь въ разныя стороны. Онъ таращитъ свои круглые глаза; откидываетъ въ сто-

роны острые локти; разставляетъ заплетающіяся ноги и широко разѣваетъ свой ротъ, прорѣзанный, какъ щель въ кружкѣ для сбора денегъ. Изъ этой щели выходитъ рѣзкій и простуженный голосъ, который вамъ царапаетъ не только барабанную перепонку, но даже кожу.

— Ты похожъ на желтую кошку, которая с..... на горячіе угли,—сказалъ ему Дакоста.

Онъ напоминаетъ также кошку, которая царапается когтями въ стекла комнаты, гдѣ, забытая, она просидѣла три дня и похудѣла отъ голода и бѣшенства.

У него лицо мальчика съ волосами морковнаго цвѣта, разыгрывающаго Марата, который съ миной ошеломленнаго Лассуша проповѣдуетъ гильотину, жестикулируетъ, какъ маріонетка, подражаетъ тону Грассо, говоря о „безсмертныхъ принципахъ", и повторяетъ: Gnouf! Gnouf! между двумя тирадами о конвентѣ.

Сухъ, какъ палка; руки, какъ спички; бедра, какъ веретена,—все какъ будто держится на тонкой желѣзной проволокѣ, а кривляется и трещитъ, какъ цѣлая связка деревянныхъ паяцовъ у входа на базаръ. Можно было умереть со смѣху, глядя, какъ онъ, съ шутовской важностью, возсѣдалъ за столикомъ кафэ, уставленнымъ пустыми стаканами изъ-подъ пива, которые онъ со смѣхомъ и угрозами успѣлъ отвоевать у буфетчика.

— Если ты надѣнешь крахмальный воротничекъ, я повяжу тебѣ пеньковый галстухъ. А если ты не принесешь еще двухъ полныхъ стакановъ для меня и для гражданина, то тебѣ въ ближайшемъ будущемъ перерѣжутъ глотку. Утоляй народную жажду, живо!

И бѣдный хозяинъ кофейни побѣжалъ со всѣхъ ногъ, инстинктивно прикрывая затылокъ рукой.

— Gnouf! Gnouf!

Но когда Gnouf-Gnouf появляется передъ народомъ, его голова напоминаетъ только-что отрубленную, говорящую голову. Онъ торжественно подымается по ступенькамъ эстрады, вращая зрачками и хмуря брови. Три клочка его шафранной бороденки воинственно торчатъ впередъ. На немъ узенькій пиджачишка, который, того гляди, продерутъ его острыя кости; панталоны, цвѣта жженаго трута, съ бахромками, треплются надъ женскими ботинками изъ сѣраго тика. Но его ножки-зародыши болтаются, и въ нихъ—такъ малы и сухи его пальцы!

Онъ прижимаетъ къ боку портфель, напоминающій портфель судебнаго пристава или учителя сельской школы. Черная кожа его отъ ветхости покрылась бѣлыми пятнами, но

народъ, тѣмъ не менѣе, относится къ этому портфелю съ большимъ уваженіемъ.

Такъ и кажется, что тамъ, внутри, лежатъ наказы революціи, постановленіе отдѣлаться отъ богачей, смертный приговоръ ростовщикамъ и афиша для наклейки на дверяхъ комитета общественнаго спасенія.

Изъ-за этого портфеля онъ прослылъ суровымъ труженикомъ, поглощеннымъ своей работой соціалистическаго бендиктинца или методичнаго террориста. Поэтому, когда его маленькая фигурка появляется на трибунѣ, и онъ медленно, медленно раскрываетъ свой портфель, чтобы достать оттуда какую-нибудь замѣтку, и читаетъ ее такъ же, какъ ксендзъ стихъ изъ Евангелія, на который онъ собирается говорить поученіе,—тогда въ собраніи раздается: тс-ш-ш! Сморкаются, какъ передъ началомъ проповѣди, и люди, тяжелые на подъемъ, убѣжденные, „что все должно быть такъ же, какъ въ 1893 г.“, набожно слушаютъ его, косо поглядывая на сосѣдей, которыхъ они подозрѣваютъ въ приверженности къ новшествамъ.

— Этотъ не поколебался бы отдать приказъ рубить головы!..

Это сказано для меня, а я, повидимому, еще призадумался бы надъ этимъ. Въ залѣ Деснуайеръ за мной установилась репутація человѣка, который не поступалъ бы, какъ „наши отцы“, отступилъ бы передъ великими средствами и послѣ третьей головы отправилъ бы палача закусить и выпить.

А Дюкассъ сдѣлалъ бы, „какъ наши отцы“, и, чтобы время не пропадало даромъ, онъ самъ бы принесъ завтракъ на эшафотъ.

— Да, граждане, я, на самомъ дѣлѣ, исполню свой гражданскій долгъ и сочту себя достойнымъ великаго званія революціонера только въ тотъ день, когда собственной рукой заставлю какого-нибудь аристократа сдѣлать „куикъ!“

И онъ издаетъ это „куикъ“ сначала съ жестомъ насмѣшника-полишинеля: народу нравятся дерзкія и смѣшныя гримасы; затѣмъ повторяетъ то же движеніе, съ величіемъ убійцы Стюарта или Капета, который обнажаетъ свою шпагу и опускаетъ ее на королевскую шею... и голова, дотолѣ неприкосновенная и священная, падаетъ на землю.

Его рѣчи лижутъ остріе гильотины, и онъ точитъ ея ножъ оселкомъ своего кроваваго и смѣлаго краснорѣчія. Какъ обезьяна, цѣпляющаяся хвостомъ за веревку колокола, онъ хватается, смѣясь, за веревку палача.

11 часовъ вечера. Да, конечно,—сказано все, что нужно

было сказать! Я почувствовалъ, что существуетъ цѣлая партія, еще неизвѣстная,—подкопъ подъ буржуазную республику. Подъ закоптѣлымъ потолкомъ вспыхнули неизгладимыя слова, какъ изломы молніи въ небесахъ, готовыхъ распасться.

Депутаты города Парижа вышли изъ залы подавленными и униженными, блѣднѣя передъ агоніей своей популярности.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Очерки быта и нуждъ желѣзнодорожныхъ служащихъ.

„Прямо дороженька: насыпи узкія,
Столбики, рельсы, мосты,
А по бокамъ-то все косточки русскія.
Сколько ихъ! Ваничка, знаешь ли ты?"

V.

На станціи главная работа лежитъ на «дежурномъ по станціи», являющемся душою всего дѣла. Въ помощь ему даются агенты различныхъ наименованій и службъ, работающіе подъ его надзоромъ, руководствомъ и отвѣтственностью. Дежурный по станціи долженъ по минутамъ разсчитать работу всей своей команды, онъ долженъ побывать во всѣхъ концахъ и паркахъ станціи, наблюсти за точнымъ и своевременнымъ исполненіемъ его распоряженій и помочь каждому неуспѣвающему въ работѣ, ибо онъ является отвѣтственнымъ за благополучный и успѣшный ходъ дѣла.

Дежурный долженъ быть у всѣхъ прибывающихъ и отправляющихся поѣздовъ, онъ долженъ вести различные техническіе и телеграфные журналы, продавать билеты, вести кассовые отчеты, вести переписку съ управленіемъ и другими службами. Трудно сказать, гдѣ легче живется служащимъ, на маленькихъ или большихъ станціяхъ. На маленькихъ станціяхъ дежурный по станціи работаетъ на аппаратѣ за телеграфиста. Случается, особенно помощникамъ, подъ рядъ дежурить всѣ ночи. Приходится самому и поѣзда принимать, и давать прибытіе, дѣлать запросъ о томъ, можно ли отправить поѣздъ на сосѣднюю станцію. Есть свободная минута, нужно коммерческій отчетъ составить. Потомъ нужно провѣрить стрѣлочниковъ, посмотрѣть, не спятъ ли, и это ночью во всякую погоду. На большихъ станціяхъ больше народу, больше шума, но и больше постоянной спѣшной, нервной работы. Дежурному подчасъ приходится самому и на маневрахъ работать, самому и грузы караулить, и ловить воровъ товаровъ.

И при такихъ-то условіяхъ работы имъ назначалось 24-часовое дежурство.

По отношенію къ продолжительности времени дежурствъ начальниковъ станцій и ихъ помощниковъ существуетъ полное разнообразіе. Можно составить 12 типовыхъ группъ, гдѣ, въ зависимости отъ числа служащихъ лицъ на станціи и отъ интенсивности ея работы, складывается та или иная форма дежурства. I-й типъ (телеграфъ отдѣленъ). Штатъ состоитъ изъ начальника станціи и 3 помощниковъ. Начальникъ станціи по движенію не дежуритъ, помощники дежурятъ по 12 часовъ, съ 24-час. отдыхомъ послѣ дежурства. II типъ (телеграфъ отдѣленъ). Штатъ — начальникъ станціи и два помощника. Начальникъ станціи дежуритъ по движенію ежедневно 4 часа, отъ 6 до 10 час. вечера. Помощники дежурятъ поочередно, по 24 часа, съ перерывомъ въ 4 час. III типъ (телеграфъ отдѣленъ). Штатъ—начальникъ станціи и одинъ помощникъ. Начальникъ станціи и помощникъ дежурятъ посуточно, при чемъ ежедневно на 4 часа, отъ 6 до 10 час. вечера, дежурный агентъ смѣняется недежурнымъ. IV типъ. Штатъ—начальникъ станціи и один помощникъ. Начальникъ станціи и помощникъ дежурятъ поочередно, по 12 час., одинъ отъ 9 ч. утра до 9 ч. вечера (т. е. всегда днемъ), другой отъ 9 вечера до 9 час. утра (т. е. всегда ночью), причемъ одинъ разъ въ двѣ недѣли помощникъ освобождается отъ очередного дежурства, получая 24-часовой отдыхъ и замѣняется начальникомъ станціи, который въ этомъ случаѣ дежуритъ 24 часа. слѣдующее же очередное дежурство начальника станціи замѣняется дежурствомъ запасного агента. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ группъ, когда телеграфъ соединенъ съ движеніемъ. Въ зависимости отъ числа служащихъ лицъ создается тотъ или иной порядокъ дежурствъ. Приводить ихъ всѣхъ не будемъ—первыя 4 группы даютъ достаточное представленіе о продолжительности работы.

Наиболѣе совершенный и желательный для служащихъ типъ дежурствъ это трехсмѣнный; напримѣръ, на ст. Авдѣевка (Екатерининской желѣзной дороги) съ вступленіемъ каждаго очередного дежурнаго по станціи на дежурство съ нимъ же вступаетъ весь штатъ, т. е. конторщики, стрѣлочники, составители и т. д. и, проработавъ 12 часовъ, отдыхаютъ 24 часа и, тѣмъ не менѣе, люди послѣ дежурства уходятъ страшно усталые, разбитые—совершенно безъ ногъ. Тяжелѣе всего составителямъ и сцѣпщикамъ. Помощники начальниковъ станцій на большихъ техническихъ станціяхъ (т. е. такихъ станціяхъ, гдѣ производится сортировка поѣздовъ, но нѣтъ отправки мѣстныхъ грузовъ), кромѣ своего жалованья, 50 р. въ мѣсяцъ, и квартиры, ничего не получаютъ. Рядомъ же съ этимъ, даже на маленькихъ станціяхъ, гдѣ работы по существу меньше, но гдѣ есть отправка мѣстныхъ грузовъ, движенцы получаютъ премію и сравнительно значительную; такъ, напримѣръ, помощникъ начальника станціи при 50 руб. жалованья получаетъ около 10 руб. въ мѣсяцъ преміи. Что касается жалованья

начальника станціи, то оно очень неравномѣрно сравнительно съ жалованьемъ даже старшаго помощника, который по существу работаетъ больше самого начальника станціи и несетъ такую же отвѣтственность, какъ и послѣдній. Такъ, напримѣръ, на той же Авдѣевкѣ начальникъ станціи получалъ 2100 рубл. и квартиру, старшій же помощникъ—онъ же и замѣститель, только 900 руб. и квартиру. Конторщики, техническіе и коммерческіе, получаютъ отъ 25 рубл. до 40 рубл. и квартиру. Особенно тяжело техническимъ конторщикамъ при большомъ товарномъ движеніи: имъ приходится списывать съ натуры всѣ номера вагоновъ. Длина товарнаго поѣзда около 150 саж., значитъ обойдя съ двухъ сторонъ, нужно сдѣлать 300 саж., т. е. больше полуверсты. Номера вагоновъ всегда шестизначные. Первыя три цифры обозначаютъ опредѣленную дорогу-собственницу, остальные же—порядковый номеръ вагона. Казалось бы, проще ужъ присвоить опредѣленный знакъ каждой дорогѣ, чтобы, такимъ образомъ, уменьшить число цифръ, что очень бы облегчило трудъ ихъ списыванія и затѣмъ свѣрки.

Отъ составителей и сцѣпщиковъ вагоновъ, въ виду ихъ, въ большинствѣ случаевъ, торопливой, недопускающей полной осторожности работы, при которой единственная гарантія за безопасность личную - быстрота тѣлодвиженій, а передвигаемаго подвижного состава—зоркій глазъ, нельзя требовать болѣе 8 часовъ непрерывной работы. Зимой въ гололедицу, особенно ночью, работа сцѣпщика, одѣтаго въ длинный кожухъ, становится еще болѣе опасной. Недостаточное освѣщеніе путей во время маневровъ, въ свою очередь, увеличиваетъ опасность.

Составители и сцѣпщики на станціяхъ, наиболѣе дѣятельныхъ въ отношеніи количества маневровъ, дежурятъ въ 3 смѣны по 12 часовъ, съ отдыхомъ въ 24 часа послѣ дежурствъ. Фактическая работа составителей и сцѣпщиковъ зависитъ отъ передвиженія маневрирующихъ паровозовъ. Фактическій часъ передвиженія ихъ, т. е. пробѣгъ, говоритъ инженеръ Н. С. Островскій, не долженъ превосходить 5 верстъ. Отсюда, при восьмичасовой работѣ, на каждую бригаду составителей и сцѣпщиковъ не должно падать больше 40 верстъ. Въ дѣйствительности же приходится большее число часовъ работы и въ большемъ количествѣ верстъ пробѣга маневроваго паровоза. На станціяхъ съ малымъ количествомъ маневровъ дежурятъ по 16 часовъ. Сцѣпщики получаютъ отъ 25 до 30 рубл. и обязательно квартиру. Составители—35, 40 и старшіе составители—50 рубл. при казенной квартирѣ.

Каждому стрѣлочнику поручается отъ 2 до 7 стрѣлокъ, въ зависимости отъ важности работы; надъ группами въ 6 человѣкъ стрѣлочниковъ назначается старшій стрѣлочникъ, который слѣдитъ за правильностью дѣла. Работа стрѣлочника требуетъ вниманія и бодрости. Размѣръ квартиры стрѣлочника—около 6 кв. саж. Въ такомъ помѣщеніи ютится часто семья въ 6 человѣкъ. Какъ

однако, ни тѣсна казенная квартира, всетаки стрѣлочники съ нетерпѣніемъ ждутъ возможности пользоваться ею, чтобы избавиться отъ утомительныхъ передвиженій. Разъ стрѣлочникъ не живетъ на станціи, это лишаетъ его возможности питаться горячею пищею. Если деревушка расположена не дальше версты, тогда еще кто-нибудь изъ домашнихъ можетъ приносить пищу, если, конечно, нѣтъ распутицы—иначе приходится питаться въ сухомятку. Старшіе стрѣлочники дежурятъ на болѣе дѣятельныхъ станціяхъ въ 3 смѣны по 12 часовъ съ 24-часовымъ отдыхомъ, а на малодѣятельныхъ—въ 2 смѣны по 24 часа съ такимъ же отдыхомъ послѣ дежурства. Стрѣлочники при централизованныхъ стрѣлкахъ дежурятъ въ 3 смѣны по 8 и 12 часовъ съ отдыхомъ послѣ дежурства 16 и 24 часовъ. Рядовые стрѣлочники дежурятъ, смотря по дѣятельности обслуживаемыхъ ими стрѣлокъ, или въ 3, или въ 2 смѣны.

Всѣ вышеуказанныя нормы дежурствъ еще ухудшаются тѣмъ, что большинство агентовъ не живетъ на станціяхъ и, значитъ, тратитъ время и силу на ходьбу. Стрѣлочники, сторожа, кромѣ своихъ служебныхъ обязанностей, исполняютъ дѣла, ничего общаго со службою не имѣющія, при чемъ родъ этихъ занятій зависитъ отъ склонностей и темперамента начальства. Есть у начальства задатки къ огородничеству, раздаются крики: «Эй, Иванъ, не видишь, куры въ палисадникѣ?» Любитъ начальникъ станціи лошадей—Иванъ въ свободное отъ занятій время превращается въ конюха. Жалованье стрѣлочники получаютъ 18 р. и 20 рубл. при казенной квартирѣ, проводникъ паровозовъ—$22^1/_2$ рубл.

Служба телеграфа обставлена еще хуже движенія. Ученикъ телеграфа, правда, мальчикъ, получаетъ 10 рубл. и квартиру—общую комнату для нѣсколькихъ такихъ же, какъ и онъ. Въ виду полнаго отсутствія надзора, комната и вся обстановка — верхъ неряшливости. По мѣсяцамъ не мѣняется бѣлье на постеляхъ, по недѣлямъ не метутъ комнаты, съ трудомъ можно добиться, чтобы какой-нибудь сторожъ принесъ ведро воды для умыванья. Часто телеграфисты не имѣютъ даже собственной постели, а спятъ на постеляхъ тѣхъ, кто дежуритъ.

Тѣмъ не менѣе ихъ заставляютъ работать и работать напряженно.

Особенно трудно работать зимой въ ночное время, когда лампы даютъ одностороннее нагрѣваніе. Въ такихъ случаяхъ всегда телеграфисты жалуются на головныя боли, которыя объясняются тѣмъ, что приходится не только дышать испорченнымъ воздухомъ, но и все время напряженно слѣдить за оттисками точекъ и черточекъ на лентѣ. Кромѣ того, нельзя упускать изъ виду и утомляющаго дѣйствія, которое должно производить на нервную систему однообразное постукиваніе аппарата.

Типы дежурствъ и отдыха телеграфистовъ также разнообразны, какъ и типы дежурствъ движенцевъ, что зависитъ и отъ того,

что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ функціи движенца слиты съ функціями телеграфиста. Наиболѣе характерное и, пожалуй, наиболѣе желательное—трехсмѣнное—примѣняется: а) на большихъ станціяхъ, гдѣ нѣтъ достаточнаго числа квартиръ, и телеграфисты часть свободнаго времени отъ дежурства употребляютъ на проходъ отъ станціи и обратно; б) на всѣхъ малыхъ станціяхъ, гдѣ имѣется раздѣленіе круговъ дѣйствія и гдѣ одинъ телеграфистъ обслуживаетъ два поѣздныхъ аппарата. На большихъ станціяхъ, гдѣ, кромѣ поѣздныхъ аппаратовъ, имѣются аппараты на прямыхъ и циркулярныхъ проводахъ, принято дежурство между двухсмѣннымъ и трехсмѣннымъ, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы на поѣздномъ аппаратѣ дежурилъ телеграфистъ, имѣвшій 24-часовой отдыхъ, что необходимо для безопасности движенія поѣздовъ.

На небольшихъ станціяхъ, или на боковыхъ вѣтвяхъ, гдѣ телеграфъ обслуживается агентомъ движенія, принято двухсмѣнное 12-часовое дежурство, но для облегченія такого дежурства съ ближайшей большой станціи, гдѣ имѣются кандидаты (ученики) телеграфистовъ, высылается на третьи или четвертыя сутки кандидатъ, который, вступая въ дежурство на 12 часовъ, даетъ возможность черезъ каждые 3—4 дня каждому телеграфисту имѣть 24-часовой отдыхъ, а телеграфисту, который дежурилъ 3 или 4 ночи подъ рядъ, перейти на дневное дежурство. Смѣна дежурныхъ телеграфистовъ производится большею частью въ 9 час. утра и въ 9 час. вечера и, какъ исключеніе, тамъ гдѣ имѣются общественныя квартиры, смѣна происходитъ въ 3 часа дня и въ 3 часа ночи, въ городахъ же въ 7 час. утра и въ 7 часовъ вечера.

Оклады телеграфистовъ колеблятся отъ 30 до 60 р. въ зависимости отъ различныхъ условій. Даже на казенныхъ дорогахъ нѣтъ однообразныхъ установленій, а многое зависитъ отъ усмотрѣнія или же отъ того, какіе кредиты отпущены на данную дорогу.

Обязанности кондукторовъ чрезвычайно хлопотливы и сложны. Кондуктора пассажирскихъ поѣздовъ обставлены значительно лучше. Что же касается до работы кондукторовъ товарныхъ поѣздовъ, то имъ гораздо тяжелѣе.

До отхода поѣзда главный кондукторъ долженъ списать номера всѣхъ вагоновъ и указать каждому изъ своихъ подчиненныхъ мѣсто. Затѣмъ онъ получаетъ документы и свѣряетъ ихъ съ поѣзднымъ журналомъ. Кондукторъ осматриваетъ пломбы, принимаетъ документы отъ конторщика для передачи ихъ главному кондуктору. Смазчики получаютъ смазочный матеріалъ; одинъ изъ нихъ смазываетъ всѣ оси въ поѣздѣ, другой получаетъ поѣздные сигналы и несетъ ихъ въ конецъ поѣзда, гдѣ вѣшаютъ ихъ и, если вечеръ, то зажигаютъ. Тормазильщики при составленіи поѣздовъ сцѣпляютъ вагоны. Для исполненія всѣхъ этихъ работъ бригада должна придти за часъ до отхода поѣзда, а при большихъ составахъ, свыше 100 осей, и этого времени не достаточно.

Если поѣздъ такъ называемый «транзитный», т. е. въ цѣломъ составѣ проходитъ всю дорогу, дѣло проще, но чаще бываетъ, что на различныхъ станціяхъ приходится оставлять два, три вагона, значитъ нужно ихъ «выбрасывать» изъ состава поѣзда, при чемъ нужно подобрать и сдать соотвѣтственные документы. На нѣкоторыхъ же станціяхъ нужно, наоборотъ, взять вагоны и указать мѣсто ихъ въ поѣздѣ, въ зависимости отъ станціи назначенія, при чемъ кондукторъ, какъ и на станціи отправленія, списываетъ номера прицѣпленныхъ вагоновъ, получаетъ дорожные документы въ товарной конторѣ и провѣряетъ ихъ вмѣстѣ съ главнымъ кондукторомъ. Смазчикъ осматриваетъ буксы и приготовляетъ къ пути вновь поставленные вагоны; къ его же обязанности относится провѣрка во время стоянки цѣлости поѣзда, и онъ же долженъ особенно слѣдить за тѣмъ. не грѣется ли какая-нибудь изъ осей. Хвостовой смазчикъ въ концѣ поѣзда неотлучно находится при тормазѣ. Вагоны прицѣпляются обыкновенно въ головѣ поѣзда и отъ сильныхъ толчковъ послѣдніе вагоны могли бы уйти со станціи. Кромѣ того, тормазильщики на промежуточныхъ станціяхъ обходятъ свои вагоны и смотрятъ, цѣлы ли пломбы, упряжные и сцѣпные приборы.

По прибытіи поѣзда на конечную станцію, главный кондукторъ докладываетъ дежурному по станціи о благополучномъ прибытіи поѣзда, сдаетъ поѣздной журналъ и ждетъ провѣрки поѣзда конторщиками. Если обнаруживается неисправность, то объясняетъ происхожденіе ея. Въ то же время кондукторъ сдаетъ документы товарной конторѣ; одинъ смазчикъ и тормазильщики ожидаютъ конца фактическаго осмотра поѣзда; второй снимаетъ сигналы и сдаетъ ихъ станціи. Это занимаетъ $1^1/_2$—2 часа. Бригады обыкновенно циркулируютъ между двумя станціями съ продолжительностью хода около 15 часовъ; если къ этому времени прибавить три часа, нужные на пріемъ и сдачу поѣзда, то окажется, что въ идеальномъ случаѣ, т. е. когда нѣтъ опаздыванія товарнаго поѣзда, работа бригады—18 часовъ. Но много ли есть такихъ дорогъ, гдѣ товарные поѣзда не опаздывали бы? По прибытіи на конечную станцію бригадѣ полагается, по министерскимъ правиламъ, 8 часовъ отдыха. Въ дѣйствительности же бригада имѣетъ 3—2 часа отдыха, а бываетъ и такъ, что, сдавъ одинъ поѣздъ, бригада принимаетъ другой и отправляется въ обратный путь и только послѣ 40 часовъ напряженной работы получаетъ 12 и рѣдко 24 часа отдыха. Поѣздная прислуга пассажирскихъ поѣздовъ находится въ гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ—слѣдованіе пассажирскихъ поѣздовъ болѣе правильно, хотя, конечно, постоянная ходьба по вагонамъ, размѣщеніе пассажировъ, исполненіе различныхъ обязанностей по сопровожденію поѣзда, особенно въ ночное время, сильно утомляетъ людей. Время отдыха для поѣздныхъ пассажирскихъ бригадъ слѣдуетъ также считать недостаточнымъ,

вслѣдствіе чего жизнь этихъ людей проходитъ въ постоянномъ безпокойствѣ, въ постоянной торопливости; постоянное выбѣганіе изъ вагоновъ сильно вредитъ здоровью. Въ товарныхъ поѣздахъ только въ послѣднее время начали ставить теплушки для людей, чтобы хоть немного дать поочереди отогрѣться людямъ. Въ тормазныхъ будкахъ или на тормазныхъ площадкахъ отъ дождя и снѣга тѣло костенѣетъ и очень часто замерзаетъ одежда. За то въ служебномъ помѣщеніи жара отъ желѣзной печи, иногда невозможная, а сквозь стѣнки вагона дуетъ холодный вѣтеръ. Лѣтомъ въ служебномъ помѣщеніи тѣсно, грязно, душно, а откроешь окно — пыль, искры. Поѣзднымъ бригадамъ трудно даже толкомъ поѣсть. Разъ большая стоянка — много и работы; выкидка или прицѣпка вагоновъ, вообще люди заняты, а тамъ, смотришь, застряли на маленькой станціи, гдѣ и купить-то ничего нельзя. Нѣкоторыя казенныя дороги, вообще болѣе отзывчивыя къ нуждамъ служащихъ, чѣмъ частныя, открыли рядъ столовыхъ для низшихъ служащихъ на большихъ узловыхъ станціяхъ, но это встрѣчается только на немногихъ линіяхъ. По большей части бригады берутъ съ собою въ дорогу съѣстные припасы, чтобы въ свободную минуту, часто во время хода поѣзда, какъ-нибудь поѣсть, ибо хотя въ желѣзнодорожныхъ буфетахъ и готовятъ пищу для бригадъ, но она стоитъ дороже и всегда хуже домашней. Затѣмъ, такъ какъ бригады прибываютъ на одну и ту же станцію въ различное время, то вопросъ о буфетной пищѣ очень усложняется.

На Западѣ давно уже додумались до того простого положенія, что сытый и сильный рабочій болѣе полезенъ, нежели голодный и слабый и, благодаря этому, тамъ дѣло снабженія пищей и питьемъ служащихъ широко развито. Докторъ Рыбницкій говоритъ, что, на основаніи собранныхъ имъ статистическихъ свѣдѣній, у насъ иногда въ теченіе года, по болѣзни или вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, отсутствуетъ до 70% служебнаго персонала. «Если не говорить о человѣколюбіи, а даже взглянуть на дѣло съ финансовой стороны, то и въ этомъ отношеніи наличіе 70% больныхъ изъ поѣздного персонала въ теченіе круглаго года должно было бы обратить вниманіе, насколько большой % отсутствующихъ по болѣзни вліяетъ на уменьшеніе дохода дороги.»

Нельзя не признать, говоритъ далѣе докторъ Рыбницкій, что и дѣло устройства служебныхъ помѣщеній для поѣздныхъ бригадъ поставлено гораздо хуже на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, чѣмъ на Западѣ Европы, хотя климатическія условія наши гораздо хуже, что естественно отражается на % отношеніи заболѣваній поѣздной прислуги.

3-й совѣщательный съѣздъ желѣзнодорожныхъ врачей, по докладу доктора Рыбницкаго, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Кондукторскія бригады работаютъ фактически гораздо больше, чѣмъ назначено графиками, такъ какъ онѣ обязаны являться къ

пріему поѣзда за 1½ часа и столько же времени должны тратить на сдачу поѣзда, въ зависимости отъ чего время безпрерывной работы занимаетъ у нихъ отъ 19 до 22 час. въ сутки, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и еще больше.

2) Принимая во вниманіе, что поѣздная прислуга проводитъ въ служебныхъ помѣщеніяхъ и тормазныхъ будкахъ около половины своей жизни, помѣщенія для нея въ поѣздахъ должны быть разсматриваемы не какъ случайныя пристанища, а, скорѣе, какъ служебныя квартиры, а потому они должны быть снабжены всѣмъ тѣмъ, чего требуютъ основныя правила гигіены, и должны въ то же время гарантировать безопасность поѣздной прислуги.

3) Всякія помѣщенія въ вагонахъ, предназначенныхъ для поѣздной прислуги, должны быть одинаковы, какъ въ пассажирскихъ, такъ и товарныхъ поѣздахъ, и устройство ихъ должно обезпечивать поѣздной прислугѣ возможность удовлетворять всѣмъ необходимымъ потребностямъ, что особенно важно для бригадъ товарныхъ поѣздовъ, такъ какъ эти послѣднія проводятъ значительно больше времени въ пути, подвергаясь всѣмъ неблагопріятнымъ внѣшнимъ атмосфернымъ вліяніямъ.

4) Ни въ какомъ случаѣ нельзя одобрить наблюдающуюся въ послѣднее время наклонность устранять съ тормазныхъ площадокъ скамейки для сидѣнья и будки для защиты отъ непогоды, такъ какъ лишеніе этихъ приспособленій приведетъ къ усиленію заболѣваемости и къ еще большему переутомленію поѣздной прислуги, не достигая въ то же время желаемыхъ результатовъ, ибо продолжительное, постоянное пребываніе на ногахъ безъ возможности хотя бы кратковременнаго отдыха, физически неисполнимо.

VI.

Третій классъ служащихъ это — машинисты, слесаря, мастеровые. При одномъ упоминаніи о нихъ нерѣдко раздаются лицемѣрные возгласы: «Помилуйте, сколько они зарабатываютъ! Да это не житье, а рай! Какъ о нихъ заботятся! У нихъ есть комнаты дежурныя, гдѣ можно всегда отдохнуть. Нормы труда урегулированы. Разъ машинистъ чувствуетъ себя усталымъ, онъ можетъ отказаться отъ поѣздки!»

Присмотримся же поближе къ работѣ машиниста и къ тому, какъ урегулированы нормы его труда.

Каждая поѣздка на паровозѣ причиняетъ новичку ускореніе пульса и дыханія, боль въ колѣняхъ и икрахъ и уже черезъ 1—2 часа ѣзды—общее утомленіе и сильнѣйшую жажду. Паровозъ,— эта огромная движущаяся масса, — работаетъ совсѣмъ не такъ плавно, какъ кажется: онъ буквально бросается изъ стороны въ сторону, галопируетъ, весь дрожитъ, и непривычному человѣку нужно

за что-нибудь крѣпко держаться. А тутъ во время самой ѣзды приходится все время постоянно работать. Нужно не только работать по обслуживанію самаго паровоза, топить его, снабжать водой, но нужно также внимательно слѣдить за профилью пути и вести работу такъ, чтобы при подходѣ къ большому подъему имѣлось достаточное количество паровъ, иначе нельзя будетъ въѣхать на подъемъ. Конечно, люди скоро привыкаютъ къ условіямъ ѣзды и современемъ только слабо ощущаютъ описанныя явленія или даже совсѣмъ перестаютъ ощущать ихъ. Однако, докторъ Дюшенъ утверждаетъ, что машинисты и кочегары, кромѣ легочныхъ и ревматическихъ заболѣваній, послѣ 15—20 лѣтней службы страдаютъ сильнымъ разстройствомъ центральной нервной системы, особенно спинного мозга, вызываемымъ постояннымъ стояніемъ и сотрясеніемъ во время ѣзды.

Въ былое время, при всѣхъ законодательныхъ работахъ въ вопросахъ регулированія условія труда, перевозочныя предпріятія обыкновенно были изъяты изъ запрещеній и ограниченій отдыха. Капиталисты, всегда протестуя противъ мѣропріятій, вводимыхъ государствомъ въ интересахъ рабочихъ, выставляли такое положеніе, что увеличеніе издержекъ производства ослабитъ конкуррирующую силу отечественной промышленности на міровомъ рынкѣ. Естественно, что у передовыхъ экономистовъ явились идеи о созданіи международныхъ законовъ по охранѣ труда, имѣющихъ цѣлью, независимо отъ подданства и территоріи, отстаивать интересы рабочихъ.

Починъ въ этомъ дѣлѣ былъ сдѣланъ Германіей, созвавшей въ февралѣ 1890 года международную конференцію для изученія рабочаго вопроса. Конференція не выработала какого нибудь опредѣленнаго международнаго акта. Тѣмъ не менѣе, значеніе этой конференціи весьма важно и можетъ быть охарактеризовано двумя положеніями:

1) Берлинская конференція открыто признала банкротство господствовавшей до того въ Европѣ почти весь XIX вѣкъ системы свободной конкурренціи и необходимость болѣе энергичнаго, чѣмъ было до сихъ поръ, вмѣшательства государства въ борьбу между капиталомъ и трудомъ въ интересахъ послѣдняго.

2) Берлинской конференціей положенъ починъ новой отрасли законодательства: международному рабочему законодательству. Предположенное конференціей международное соглашеніе и регулированіе охраны труда рабочихъ поведетъ къ новому устройству хозяйственнаго организма европейскихъ государствъ.

Когда нѣсколько лѣтъ спустя въ рейхстагѣ обсуждались законы объ отдыхѣ, нормировка рабочаго дня была распространена и на желѣзнодорожниковъ и даже была сдѣлана попытка урегулировать воскресный отдыхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ для всѣхъ германскихъ дорогъ. Именно, въ своей резолюціи рейхстагъ просилъ

имперскаго канцлера: 1) вступить въ переговоры съ союзными правительствами о томъ, нельзя ли предоставить желѣзнодорожнымъ служащимъ необходимый воскресный отдыхъ, и 2) въ особенности повліять на то, чтобы товарное желѣзнодорожное движеніе по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ было по возможности ограничено.

Нужно сказать, что съ 1893 года въ товарномъ движеніи на прусскихъ государственныхъ желѣзныхъ дорогахъ былъ введенъ воскресный отдыхъ.

Вслѣдствіе пожеланія, высказаннаго рейхстагомъ, имперское управленіе желѣзнодорожныхъ дѣлъ вступило въ переговоры съ представителями союзныхъ правительствъ о введеніи воскреснаго отдыха при товарномъ движеніи на всѣхъ германскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Результаты этихъ совѣщаній представлены въ выработанныхъ на Берлинской конференціи 8 мая 1894 года «Основныхъ положеніяхъ для введенія воскреснаго отдыха въ товарномъ движеніи на германскихъ желѣзныхъ дорогахъ».

Сообразно съ этими положеніями, въ томъ же году состоялось соглашеніе между Баварскимъ, Вюртембергскимъ, Баденскимъ, Эльзасъ-Лотарингскимъ и другими управленіями дорогъ о введеніи воскреснаго отдыха.

Главныя положенія этого соглашенія слѣдующія: желѣзнодорожное товарное движеніе по воскресеньямъ слѣдуетъ сокращать, поскольку это возможно. Дозволяется пускать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ отдѣльные товарные поѣзда, если это потребуется особыми нуждами движеніями или конкурренціею съ заграничными государствами. Товары, которые по особымъ хозяйственнымъ соображеніямъ не допускаютъ промедленія въ отправкѣ (легко портящіеся), должны правильно отправляться и по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ. Воскреснымъ и праздничнымъ днемъ считается время отъ полуночи до полуночи; однако, признается достаточнымъ и такой порядокъ, при которомъ соблюдается полный покой съ 4 часовъ утра до 8 часовъ вечера; первые же утренніе и послѣдніе вечерніе часы назначаются для перехода отъ службы къ отдыху и обратно. Чтобы дать возможность поѣздной прислугѣ провести свой отдыхъ дома, ее обязаны довезти до мѣста жительства.

Чрезвычайно интересна постановка вопроса объ отдыхѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ въ Англіи, въ этой классической странѣ частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства, странѣ экономической свободы, странѣ, создавшей ученіе манчестерской школы о полномъ невмѣшательствѣ государства въ условія договора найма между предпринимателями и ищущими труда.

При рѣшеніи этого вопроса пришлось имѣть дѣло съ крупными желѣзнодорожными компаніями и предпріятіями; поэтому въ своемъ предложеніи парламентская коммиссія не требовала ограниченія

рабочаго дня ни для всѣхъ служащихъ, ни для извѣстныхъ категорій; она установила лишь слѣдующій порядокъ: министерство торговли (Board of Trade) имѣетъ право принимать жалобы отъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и разбирать ихъ. Если министерство найдетъ, что рабочій день слишкомъ продолжителенъ, либо перерывы для отдыха слишкомъ коротки, или неудобно расположены, оно должно заставить желѣзнодорожное общество установить такое росписаніе службы, въ которомъ были бы устранены основанія къ жалобамъ, безъ ущерба для интересовъ движенія и рабочихъ. Если желѣзнодорожное общество не исполнитъ этого требованія, или если одобренное министерствомъ росписаніе не станетъ соблюдаться, то министерство должно заявить объ этомъ административному суду (Raillway and Canal Commissioners), рѣшеніе котораго должно быть исполнено обществомъ подъ страхомъ штрафа въ 100 фунт. стерлинговъ за каждый просроченный день.

Имѣющіеся за нѣсколько лѣтъ отчеты объ исполненіи этого закона свидѣтельствуютъ о большомъ его успѣхѣ. Министерство старалось по возможности обойтись безъ суда. Случаи непомѣрной продолжительности рабочаго дня, встрѣчавшіеся въ первый годъ, уже ко второму году были устранены; максимальный рабочій день, гдѣ либо встрѣчающійся—12-часовой.

Въ Швейцаріи товарное движеніе по воскресеньямъ не только воспрещено, но законъ требуетъ, чтобы графики оборотовъ были такъ распредѣлены, чтобы служащіе во время дней отдыха были бы непремѣнно дома.

У насъ пока только на нѣкоторыхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, напримѣръ, на Екатерининской и Юго-Западныхъ, проводится въ жизнь пріостановка товарнаго движенія на время рождественскихъ праздниковъ и Пасхи; на частныхъ же дорогахъ и этого не дѣлаютъ или издаютъ такой іезуитскій приказъ по дорогѣ который по существу не облегчаетъ движенія, а вмѣстѣ, какъ будто, показываетъ, что есть желаніе создать возможность отдыха служащимъ на время праздниковъ. Общій вопросъ о воскресномъ отдыхѣ пока остается у насъ всепѣло открытымъ.

Что касается обычнаго теченія работъ, то у насъ существуютъ, правда утвержденныя нормы работъ паровозныхъ бригадъ, но насколько онѣ несовершенны, можно видѣть уже изъ представленнаго на одномъ изъ съѣздовъ инженеровъ службы тяги и подвижного состава главнымъ инспекторомъ доклада «объ уменьшеніи переутомленія паровозныхъ бригадъ».

«Въ послѣднее время—говорится въ этомъ докладѣ, исходящемъ изъ высоко компетентныхъ сферъ,—все чаще и чаще стали повторяться случаи проѣзда поѣздами станцій, столкновенія и т. п. происшествія, вслѣдствіе сна на паровозѣ паровозной бригады, а иногда и всей прислуги поѣзда...

«Есть основаніе предполагать, что правила, обусловливающія

службу и отдыхъ служащихъ, не вполнѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію.

«Чтобы подтвердить это положеніе, разсмотримъ самое основаніе существующихъ правилъ: во-первыхъ, правилами требуется, чтобы паровозная прислуга имѣла въ сутки восьми-часовой отдыхъ послѣ двѣнадцати-часовой работы на паровозѣ; во-вторыхъ, чтобы сумма часовъ отдыха въ десять дней, раздѣленная на 10, давала не менѣе 10 часовъ, и въ-третьихъ, по дополнительному правилу, поѣздной прислугѣ разрѣшено сопровождать поѣздъ 18 часовъ подъ рядъ при непремѣнномъ условіи 12-часового отдыха послѣ такой поѣздки, при чемъ среднее число часовъ отдыха за 10 дней не было бы меньше 9.

«Перваго положенія, т. е. чтобы послѣ 12-часовой работы паровозная прислуга имѣла 8-часовой отдыхъ, большинство желѣзныхъ дорогъ не придерживается, такъ какъ, примѣняя второе правило, болѣе подходящее къ дѣйствительнымъ требованіемъ поѣздной службы, желѣзныя дороги, съ одной стороны, пользуются большей работой бригадъ, а съ другой – остаются, относительно правилъ, на законной почвѣ, а потому можно съ достовѣрностью сказать, что первое правило исполняется только на дорогахъ, на которыхъ, вслѣдствіе достаточнаго количества бригадъ и малаго движенія, обходить его нѣтъ никакой цѣли.

«Примѣняя къ дѣйствительности второе положеніе правилъ о среднемъ отдыхѣ и желая несоотвѣтствіе оттѣнить рельефнѣе, предположимъ, что паровозъ 24 часа стоялъ на промывкѣ, послѣ чего паровозная бригада совершала поѣздки такимъ образомъ: проѣхала ночью 10 часовъ до оборотнаго депо (время проѣзда считается съ поставкой паровоза въ депо), отдохнула 4 часа и выѣхала обратно въ свое депо. Спустя 8 часовъ, бригаду опять послали съ поѣздомъ, одинаковымъ первому, до оборотнаго депо и обратно. Такихъ одинаковыхъ поѣздокъ было сдѣлано двѣ, а на третьей поѣздкѣ, черезъ 6 часовъ, случился проѣздъ станціи.

«Начиная учетъ службы паровозной прислуги со дня постановки паровоза въ промывку и считая отдыхъ при промывкѣ въ 20 часовъ, получимъ въ 5 сутокъ часовъ:

Отдыха.	Въ пути.
$20 + 4 + 8 + 4 + 8 = 44$	$10 + 10 + 10 + 10 + 6 = 46.$

«Отсюда слѣдуетъ, что число часовъ отдыха было 44 и число часовъ службы въ поѣздѣ 46, т. е. отношеніе числа часовъ отдыха къ числу часовъ работы $\frac{44}{46} = \frac{22}{23}$. По правиламъ же это отношеніе можетъ быть $\frac{10}{14} = \frac{40}{56}$ т. е. менѣе показаннаго, а потому можно, какъ будто, заключить, что паровозная прислуга утомлена не была.

«Но спрашивается, могла ли въ дѣствительности отдохнуть бригада, при такомъ распредѣленіи часовъ отдыха и поѣздокъ?

Конечно, нѣтъ, ибо 4 часа сна едва ли можно считать отдыхомъ, съ другой же стороны и 8 часовъ дневного отдыха не все равно, что 8 часовъ ночного.

«Нужно замѣтить слѣдующее: большинство инженеровъ, не говоря уже о публикѣ, не вполнѣ ясно отдаетъ себѣ отчетъ, что значитъ безпрерывная работа, требующая физическаго труда, осложненнаго тщательной внимательностью, повторяющаяся изо дня въ день, при отдыхѣ разнообразномъ по часамъ и качеству.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что человѣкъ можетъ работать сплошныя сутки, но такой работы онъ можетъ вынести только однѣ сутки и никакъ не больше двухъ. Точно такъ же человѣкъ можетъ работать 18 часовъ, но тоже немного болѣе, какъ и при 24-часовой непрерывной работѣ, послѣ которой требуется отдыхъ, въ суммѣ равный отдыху регулярному.

«Очень часто приходится слышать, что товарные машинисты могутъ отдохнуть и даже спать на стоянкахъ, но, во-первыхъ, спать запрещается, а, во-вторыхъ, вводить въ систему подобный отдыхъ могутъ только лица, не испытавшія такой жизни. Безспорно, товарный машинистъ можетъ уснуть урывками—тутъ полчаса, на другой станціи—20 минутъ и догнать сумму часовъ сна до нормальнаго. Но это не сонъ, а полудремота, полубодрствованіе. Сномъ это бываетъ только тогда, когда бригады сильно утомлены, т. е. при томъ условіи, для избѣжанія котораго направлены всѣ правила, трактующія о дѣйствительномъ отдыхѣ паровозной прислуги.

«Принявъ въ соображеніе все вышесказанное, легко понять, что на третью или четвертую поѣздку, сопряженную съ такимъ отдыхомъ, бригада является переутомленной и можетъ заснуть въ пути. Поэтому обвинять поѣздную прислугу, а особенно паровозную, за сонъ, случившійся при вышесказанныхъ условіяхъ—нельзя. Такой фактъ проѣзда машинистомъ станціи нужно всецѣло отнести къ несоотвѣтствію дѣйствительнымъ требованіямъ существующихъ правилъ. Разслѣдованіями обнаружено, что большинство случаевъ сна паровозныхъ и другихъ бригадъ является именно при вышесказанныхъ условіяхъ, на основаніи чего и причину таковыхъ явленій нужно искать не въ небрежности прислуги, а въ тѣхъ правилахъ, которыя изданы на предметъ устраненія подобныхъ явленій.»

На каждой дорогѣ существуетъ свое особое росписаніе работъ бригадъ по особому утвержденному плану. Движеніе бригадъ обыкновенно совершается между двумя депо, и на бумагѣ обыкновенно разсчитано такъ, что въ теченіе опредѣленнаго цикла дней,—скажемъ, десяти—число часовъ отдыха должно быть не менѣе 120, при чемъ наименьшій непрерывный отдыхъ въ коренномъ депо долженъ быть не менѣе 8 часовъ. Конечно, это очень хорошо на

бумагѣ. Но вспомните, какая масса всякихъ случайностей существуетъ въ дѣйствительной жизни!

Снѣжный заносъ или только сильное запаздываніе поѣзда, благодаря большому снѣгу, сильный боковой вѣтеръ, какая-нибудь неисправность въ паровозѣ, закрытіе перегона вслѣдствіе работъ службы пути, или только рядъ предупрежденій о соблюденіи тихаго хода въ мѣстахъ, гдѣ производится смѣна шпалъ или рельсовъ, или же перестройка искусственныхъ сооруженій—вотъ совершенно достаточныя причины, и при томъ причины, всегда имѣющіяся въ наличности въ дѣйствительной жизни, чтобы росписаніе хода поѣздовъ было не выдержано. Въ работѣ, значитъ, бригадѣ придется пробыть больше, и этотъ излишекъ часовъ берется изъ того времени, которое предназначено бригадѣ для отдыха.

Во всѣхъ правилахъ обыкновенно пишутъ, что по прибытіи въ оборотное депо паровозная бригада, въ случаѣ утомленія, обязана немедленно заявить о томъ начальнику депо и въ такихъ случаяхъ бригадѣ долженъ быть данъ отдыхъ, смотря по степени утомленія, но не менѣе 8 часовъ. При отсутствіи подобнаго заявленія бригада можетъ быть отправлена изъ оборотнаго депо, хотя бы безъ отдыха, или съ малымъ отдыхомъ, съ любымъ поѣздомъ, при условіи, однако, если поѣздъ этотъ прибываетъ на конечную станцію (въ главное депо) не позднѣе 16 часовъ, считая съ момента отправленія бригады съ поѣздомъ изъ главнаго же депо.

Но бригады, кромѣ своего прямого жалованья, получаютъ поверстныя деньги. Благодаря этому, всѣ онѣ стремятся, по причинамъ всѣмъ понятнымъ, выѣзжать какъ можно больше верстъ. Это желаніе заработать лишнюю копѣйку и заставляетъ подчасъ скрывать утомленіе, напрягая до невозможности свои силы. Кромѣ того, на частныхъ дорогахъ всегда недостатокъ личнаго состава, и на людей, говорящихъ правду, косо смотрятъ.

Работа машинистовъ маневровыхъ паровозовъ, станціонныхъ водоливовъ, деповскихъ кочегаровъ, машинистовъ водокачекъ и т. д. также урегулирована на бумагѣ и также остается не урегулированной на дѣлѣ.

Работа смазчиковъ пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ и станціонныхъ осмотрщиковъ, на большихъ узловыхъ и промежуточныхъ станціяхъ, совершается по росписанію, съ посмѣннымъ дежурствомъ черезъ 12 часовъ, съ передежурствомъ одинъ разъ въ недѣлю по 18 часовъ, послѣ чего работавшіе днемъ заступаютъ на ночное дежурство, а работавшіе ночью—на денное. Въ виду недостаточности личнаго состава на частныхъ дорогахъ, въ дѣйствительности, людямъ приходится работать гораздо больше.

Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ большинствѣ случаевъ существуетъ оплата по сдѣльной работѣ. При этомъ расцѣнки такъ понижены, что приходится кусокъ хлѣба выколачивать, что называется «горбомъ». Такимъ образомъ и здѣсь острый вопросъ о чи-

слѣ рабочихъ часовъ устраняется желаніемъ (вѣрнѣе необходимостью) заработать лишнюю копѣйку.

И здѣсь желѣзнодорожные служащіе поставлены на частныхъ дорогахъ хуже, чѣмъ обыкновенные фабричные. Хотя и на фабрикахъ интересы рабочаго люда остаются на второмъ планѣ, но у фабричныхъ, какая тамъ ни есть, а все таки есть инспекція; у фабричныхъ существуетъ цѣлый рядъ постановленій, направленныхъ къ тому, чтобы обезопасить рабочаго хотя бы во время самаго производства; наконецъ, у фабричныхъ больше возможности добиться вознагражденія за смертные случаи, за увѣчья, за профессіональныя болѣзни. Желѣзнодорожные рабочіе, требуя вознагражденія за увѣчья, обыкновенно ссылаются на ст. 683 тома X, которая, собственно, имѣла въ виду пассажировъ, рабочіе же и служащіе были подведены подъ ея дѣйствіе въ порядкѣ толкованія закона. Такимъ образомъ вопросъ о профессіональномъ заболѣваніи желѣзнодорожника подлежитъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ судебному размотрѣнію, спеціальнымъ же закономъ, какъ это имѣетъ мѣсто, напримѣръ, для горныхъ рабочихъ, правъ на вознагражденіе при профессіональныхъ заболѣваніяхъ для желѣзнодорожниковъ не предусмотрѣно. Между тѣмъ условія желѣзнодорожной службы таковы, что при нихъ и несчастные случаи, и профессіональныя заболѣванія являются очень частыми.

Машинисты почти всегда черезъ 15—20 лѣтъ страдаютъ расширеніемъ венъ нижнихъ конечностей и ревматизмомъ, и эти болѣзни могутъ быть разсматриваемы, какъ болѣзни профессіональныя. Не смотря на то, что паровозы на рессорахъ, тряска даже при небольшой скорости очень сильна. При большихъ же скоростяхъ получаются сильныя качанія, что вмѣстѣ съ грохотомъ и тряскою паровоза, даже при привычкѣ, вызываетъ очень непріятное, напряженное состояніе духа. Новичку первые проѣзды причиняютъ ускореніе пульса и дыханія, боль въ колѣняхъ и икрахъ, общее утомленіе и сильную жажду. Говорятъ, что человѣкъ и собака могутъ ко всему привыкнуть, а потому и люди съ теченіемъ времени не только перестаютъ ощущать эти явленія, но даже спокойно работаютъ при такихъ условіяхъ, которыя для новичковъ кажутся невозможными. Вдобавокъ, работа машиниста утомительна и физически, особенно работа на такъ называемомъ маневровомъ паровозѣ, гдѣ, кромѣ неослабнаго вниманія, нужно еще значительное напряженіе физическихъ силъ, такъ какъ почти безпрерывно приходится дѣйствовать рычагомъ. Работа же помощника машиниста, наоборотъ, труднѣе на поѣздномъ паровозѣ, гдѣ примѣрно на протяженіи каждыхъ 120 верстъ нужно подбросить въ топку около 150 пуд. угля, прочищать колосники тяжелымъ рѣзакомъ, тормазить, смазывать паровозъ, часто даже на ходу. Помощникъ, по характеру работы, долженъ быть легко одѣтъ. Какъ бы хорошо ни была устроена паровозная будка, всетаки вѣтеръ

всегда проникаетъ въ нее и охлаждаетъ одну половину тѣла, а другая, ближайшая къ котлу, наоборотъ согрѣвается лучистой теплотой. Питаются паровозныя бригады въ пути тѣмъ, что взято изъ дому, а сколько-нибудь сносно отдохнуть въ пути, особенно на частныхъ дорогахъ, почти не имѣютъ возможности, благодаря отсутствію благоустроенныхъ помѣщеній и недостатку времени.

На частныхъ дорогахъ, вслѣдствіе всегдашняго недостатка личнаго состава, съ одной стороны и старанія машинистовъ по возможности больше заработать на поверстныхъ — съ другой, часто случается, что машинисты отправляются въ путь послѣ отдыха, значительно меньшаго 8 часовъ. Во время сильнаго движенія бываютъ случаи, когда машинисты отдыхаютъ столько времени, сколько уходитъ на чистку топки и заправку паровоза, т. е. около 3 часовъ; помощникъ же въ такихъ случаяхъ совсѣмъ не имѣетъ отдыха; тогда въ пути и машинистъ, и помощникъ умудряются попеременно вздремнуть сидя. Каждый паровозъ послѣ пробѣга примѣрно 1000 верстъ идетъ въ «промывку», на что требуется около 30 часовъ, это-то и является дѣйствительнымъ отдыхомъ бригады, такъ какъ промежутки между поѣздками уходятъ исключительно на сонъ.

Какъ ни тяжела работа бригады пассажирскихъ поѣздовъ, ее всетаки нельзя сравнить съ работою бригадъ товарныхъ поѣздовъ. Пассажирскіе поѣзда лучше выдерживаютъ росписаніе движенія; опаздыванія, если и бываютъ, то они всетаки незначительны. При движеніяхъ же товарныхъ поѣздовъ опаздываніе — это общее правило, а приходъ поѣзда во время—исключеніе; время опозданія берется за счетъ часовъ отдыха, да и работа на товарномъ паровозѣ тяжелѣе. Какъ образчикъ того, какъ велико можетъ быть переутомленіе служащихъ вслѣдствіе большой продолжительности работы и малаго отдыха, можно привести слѣдующій случай: на Юго-Западныхъ дорогахъ 28 сентября 1894 г. въ 12 час. 25 мин. пополуночи поѣздъ № 63 проѣхалъ ст. Голобы безостановочно со скоростью 20 верстъ. Оказалось, что машинистъ, помощникъ его, кочегаръ, поѣздной смазчикъ и кондукторъ спали на своихъ постахъ. Первые трое были разбужены сигналами, подаваемыми со станціи при проходѣ поѣзда, а остальные были найдены спящими даже при возвращеніи поѣзда обратно на станцію. Нужно замѣтить, что при подходѣ этого поѣзда къ зеленому диску съ паровоза былъ данъ протяжный свистокъ, слѣдовательно, прислуга не спала, а заснула въ короткій промежутокъ времени прохода поѣзда отъ зеленаго диска до станціоннаго зданія.

Въ томъ же 1894 году департаментомъ желѣзныхъ дорогъ былъ изданъ слѣдующій циркуляръ: «Произведенныя инспекціей ж. д. разслѣдованія по поводу столкновенія поѣздовъ, проѣзда машинистами закрытыхъ дисковъ семафортовъ и даже станцій, показали, что во многихъ такихъ случаяхъ вызвавшій ихъ недостатокъ бди-

тельности машиниста къ обстоятельствамъ слѣдовавшаго поѣзда, положенію сигналовъ и пр. является прямымъ послѣдствіемъ переутомленія машинистовъ по причинѣ невыполненія установленныхъ для дорогъ правилъ о наибольшей продолжительности непрерывной службы паровозныхъ бригадъ». Мы видѣли уже однако, что и соблюденіе этихъ правилъ не обезпечиваетъ отдыха бригадъ.

Если сравнить данныя фабричнаго инспектора Аксенова о числѣ пострадавшихъ рабочихъ на механическихъ и желѣзодѣлательныхъ заводахъ за 1899 годъ съ числомъ пострадавшихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, то, окажется, что первое относится ко второму, какъ единица къ двумъ, при чемъ на частныхъ дорогахъ число пострадавшихъ значительно превышаетъ число пострадавшихъ на казенныхъ дорогахъ.

Несчастія съ цѣлой массой людей не могутъ, конечно, исчезнуть въ одинъ день и надѣяться на устраненіе сразу всѣхъ недостатковъ и недочетовъ желѣзнодорожнаго дѣла — значитъ увлекаться утопіей. Но можно стремиться къ непрерывному исправленію этихъ недочетовъ путемъ обязательнаго введенія различныхъ техническихъ усовершенствованій, обезпечивающихъ безопасность работы желѣзнодорожныхъ служащихъ. Можно уничтожить многіе изъ существующихъ недостатковъ и во всякомъ случаѣ необходимо устранить тѣ бѣдствія, которыя вытекаютъ изъ несовершенствъ законодательства, неудовлетворительности техническихъ оборудованій, управленія и т. д.

По недостатку статистическаго матеріала и малой обработкѣ его трудно сказать въ настоящее время, сколько человѣческихъ жизней могло бы быть сохранено при разумномъ надзорѣ за эксплуатаціей и желаніи не скупиться на введеніе механическихъ оборудованій (въ видѣ централизаціи стрѣлокъ, автоматической сцѣпки вагоновъ и т. д.). Отчеты желѣзнодорожныхъ правленій этого не выясняютъ, ибо причины, фигурирующія въ рубрикахъ «по собственной неосторожности», «непредвидѣнныя или непредотвратимыя случайности», при ближайшемъ и болѣе тщательномъ изслѣдованіи въ большинствѣ случаевъ сводятся къ дурному оборудованію эксплуатаціи, чрезвычайно затрудняющему дѣятельность персонала служащихъ.

Почти 90% всѣхъ несчастій съ желѣзнодорожными служащими случается на станціяхъ и только 10%—на перегонахъ. Огромный процентъ несчастій съ сцѣпщиками во время сцѣпокъ и расцѣпокъ въ Англіи, напримѣръ, уничтоженъ, благодаря введенію автоматическихъ сцѣпокъ. Правда, людямъ, ставящимъ жизнь человѣческую выше дивиденда, приходилось доходить до парламента, но теперь автоматическія сцѣпки введены въ Англіи законодательнымъ путемъ и давить буферами людей больше не будутъ. Въ прошломъ году въ Россіи при работахъ по нагрузкѣ и выгрузкѣ товаровъ изъ вагоновъ и въ вагоны убито 35 человѣкъ и ранено около

3 тысячъ. Такого рода несчастья не представляютъ изъ себя несчастій неизбѣжныхъ и могутъ быть предотвращены путемъ введенія различныхъ техническихъ усовершенствованій. Правда, у насъ рабочая сила еще такъ дешева, что введеніе механическихъ приспособленій выгодно въ рѣдкихъ только случаяхъ, но здѣсь должно помочь законодательство, ибо у государства должны быть побужденія, основанныя не только на финансовыхъ соображеніяхъ.

Чтобы имѣть хотя небольшое представленіе о количествѣ пострадавшихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, приведемъ цифры за періодъ 1880—1896 г.г.

	убито.	ранено.
оберъ-кондукторовъ и кондукторовъ	437	1744
путевыхъ сторожей	1085	746
составителей и сцѣпщиковъ	236	1192
машинистовъ и сцѣпщиковъ	198	1098
стрѣлочниковъ	322	945
остальныхъ служащихъ	1418	3487

Нужно замѣтить, что количество служащихъ на дорогѣ колеблется приблизительно въ слѣдующихъ отношеніяхъ: если принять количество сцѣпщиковъ и составителей равнымъ 1, то число стрѣлочниковъ будетъ 4, поѣздной прислуги—4, путевой стражи—10.

Послѣдній классъ желѣзнодорожныхъ служащихъ: конторскихъ служащихъ и рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ—также не можетъ похвалиться хорошимъ положеніемъ. Регламентація труда и главнымъ образомъ обстановки представляется по отношенію къ нимъ тѣмъ болѣе необходимой, что въ настоящее время забота объ этихъ служащихъ въ сущности блистаетъ своимъ отсутствіемъ. «Въ теченіе многолѣтней службы на жел. дор., говоритъ докторъ Вырубовъ, мы не встрѣчали еще случая, чтобы желѣзнодорожные служащіе управленій и разныхъ правленій совершенно справедливо не жаловались на тѣсноту, духоту, жаръ или холодъ, сырыя стѣны, дурное освѣщеніе, естественное и искусственное, неудобное сидѣнье и столы, дурное устройство отхожихъ мѣстъ въ управленскихъ помѣщеніяхъ. Попытки со стороны врачей сдѣлать что-нибудь въ направленіи устраненія санитарныхъ безпорядковъ, пока не будутъ установлены обязательныя нормы и правила, на которыя можно бы было ссылаться, не приводили и не приведутъ ни къ чему. Регламентація и улучшеніе обстановки труда безусловно необходимы въ виду продолжительныхъ сидячихъ занятій и въ въ виду того, что занятія эти идутъ большую часть года въ закрытыхъ пространствахъ. Такія условія труда могутъ оказывать не меньшее вліяніе на здоровье, на болѣе или менѣе быстрое переутомленіе служащихъ конторъ и управленій, чѣмъ напряженный трудъ и неблагопріятныя условія температуры, влажности и дви-

женія воздуха на служащихъ внѣшней службы, работающихъ на открытыхъ пространствахъ».

Докторъ Гурвичъ, въ своемъ докладѣ «объ урегулированіи дежурствъ желѣзнодорожныхъ служащихъ», указываетъ на подмѣченный имъ общій типъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, создающійся благодаря неблагопріятнымъ уловіямъ организаціи желѣзнодорожнаго труда. «Изъ молодыхъ людей, вполнѣ здоровыхъ, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица и обычною молодою бодростью, они уже черезъ 2—3 года совершенно измѣнялись и сливались съ тѣмъ общимъ типомъ желѣзнодорожнаго служащаго, который я привыкъ постоянно видѣть около себя. Типъ этотъ знакомъ всѣмъ служащимъ на бойкихъ желѣзныхъ дорогахъ. Неопредѣленный, какой-то землистый цвѣтъ лица, не то блѣдный, не то съ оттѣнкомъ желтизны, вялая походка, автоматическое исполненіе службы—таковъ общій видъ этого типа, являющаго собою несомнѣнные признаки *постояннаго переутомленія*. Мало-помалу, апатія эта становится какъ бы привычкой, переходя постепенно съ лѣтами въ *настоящую неврастенію*».

По словамъ доктора Гурвича, «громадное большинство старыхъ служащихъ представляетъ собою или алкоголиковъ, или неврастениковъ». Не рѣшая вопроса о томъ, «вырабатываются ли первые исключительно подъ вліяніемъ желѣзнодорожной жизни», такъ какъ «они составляютъ наше общегосударственное достояніе, или это слѣдствіе общей среды и общихъ условій», докторъ Гурвичъ, вторыхъ, т. е. неврастениковъ, считаетъ несомнѣннымъ порожденіемъ желѣзнодорожной службы съ ея сутолокой, никогда не прекращающеюся, ни днемъ, ни ночью, ни въ большіе праздники, ни въ высокоторжественные дни. Кто хорошо знакомъ съ этою службою, тотъ непремѣнно придетъ къ заключенію, что едва ли какая-нибудь другая отрасль труда, или какой-нибудь другой строй жизни способны создать болѣе плодотворную почву для неврастеніи, чѣмъ желѣзнодорожная жизнь.

Главнымъ факторомъ такого явленія, по мнѣнію доктора Гурвича, является отсутствіе правильнаго распредѣленія труда и отдыха служащихъ, отсутствіе въ существующихъ планахъ дежурствъ вообще и ночныхъ въ особенности, такъ сказать, нормальнаго начала, т. е. такого начала, при которомъ здоровье служащихъ не подвергалось бы, хотя и медленному, но вѣрному и постоянному разстройству.

VII.

Этотъ очеркъ условій труда желѣзнодорожныхъ работниковъ различныхъ спеціальностей представляетъ собою далеко не законченную и не претендующую на полноту всѣхъ данныхъ картину,

но и тѣ небольшія данныя, какія приведены въ немъ, заставляютъ согласиться съ инженеромъ Рихтеромъ, что «корпорація желѣзнодорожныхъ служащихъ въ Россіи, взятая въ цѣломъ своемъ составѣ, характеризуется всѣми признаками организма, пораженнаго тяжкимъ недугомъ... Самымъ главнымъ изъ указанныхъ признаковъ является неустойчивость желѣзнодорожной службы, которая опредѣляется съ внѣшней стороны значительномъ % ежегодной убыли служащихъ, въ связи съ которою наблюдается также незначительная продолжительность службы наличнаго состава».

Чрезвычайно характерна табличка, помѣщенная въ № 6 «Вѣстника Путей Сообщенія» за 1904 годъ, въ статьѣ «Устойчивость службы на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ»; въ табличкѣ этой сравнивается уходъ служащихъ по собственному желанію и вслѣдствіе проступковъ на русскихъ и германскихъ желѣзныхъ дорогахъ; результатъ такого сравненія представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	% на русск. ж. д.	% на герм. ж. д.
1) стрѣлочниковъ	24,1	1,4
2) сторожей и рабочихъ по охранѣ и содержанію пути	24,2	1,9
3) телеграфистовъ	14,4	3,2
4) паровозной прислуги	15,0	1,7
5) поѣздной прислуги	11,8	1,5

Среднее число лѣтъ желѣзнодорожной службы составляло къ 1 января 1900 года для всѣхъ категорій служащихъ около 5 лѣтъ, а почти 20% всего состава служащихъ на всѣхъ русскихъ желѣзныхъ дорогахъ служитъ меньше года

Цифры эти сами за себя говорятъ. Главная причина неустойчивости служащихъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ это, конечно, тяжелыя условія жизни, масса работы и плохое вознагражденіе. Любопытнымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить примѣръ Варшаво-Вѣнской дороги, на которой процентъ увольняющихся въ четыре раза ниже средней увольняемости на прочихъ дорогахъ. Такую сравнительно большую устойчивость службы на Варшаво-Вѣнской желѣзной дорогѣ можно объяснить только болѣе удовлетворительными, по сравненію съ другими дорогами, экономическими условіями. Именно, практика германскихъ желѣзныхъ дорогъ (откуда и былъ перенесенъ этотъ порядокъ на Варшаво-Вѣнскую ж. д.) указываетъ, что порядокъ, при которомъ низшій желѣзнодорожный агентъ, оставаясь на одномъ и томъ же мѣстѣ, при исполненіи однѣхъ и тѣхъ же, хорошо ему знакомыхъ обязанностей, достигаетъ, при исправной службѣ, постепеннаго улучшенія въ матеріальномъ своемъ положеніи, помощью періодическихъ 5% прибавокъ къ содержанію, способствуетъ къ обезпеченію желѣзныхъ дорогъ надежнымъ служебнымъ персоналомъ.

По дѣйствующему на Варшаво-Вѣнской желѣзной дорогѣ положенію, служащіе, съ окладомъ до 3,000 р. въ годъ, черезъ каждые три года службы въ однѣхъ и тѣхъ же должностяхъ, при тщательномъ исполненіи своихъ обязанностей, получаютъ 5% прибавки. При назначеніи служащаго на высшую должность, съ большимъ содержаніемъ, выслуженныя въ низшей должности лично присвоенныя прибавки прекращаются, если размѣръ этихъ прибавокъ не превышаетъ разности между прежнимъ и новымъ окладомъ. Въ противномъ случаѣ лично присвоенная прибавка сохраняется въ размѣрѣ излишка противъ разницы окладовъ и дальнѣйшее увеличеніе лично присвоенныхъ прибавокъ производится согласно новому окладу и выслугѣ лѣтъ. Нужно прибавить, что вслѣдствіе высокаго качества личнаго состава на Варшаво-Вѣнской желѣзной дорогѣ, тамъ, какъ будто, начинаетъ все болѣе и болѣе прививаться принципъ отвѣтственности и полнаго довѣрія, даже въ отношеніи къ низшимъ служащимъ, вслѣдствіе чего инструкціи отличаются большою краткостью, во избѣжаніе стѣсненія свободы иниціативы отдѣльныхъ служащихъ.

Къ числу величайшихъ недочетовъ желѣзнодорожной службы, подрывающихъ ея устойчивость, слѣдуетъ отнести увольненіе безъ дисциплинарнаго или судебнаго разслѣдованія, особенно часто практикуемое на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ.

Никто, конечно, не можетъ обязывать администрацію терпѣть на своей службѣ людей недостойныхъ, не исполняющихъ своихъ прямыхъ обязанностей или совершающихъ грубые проступки противъ общихъ законовъ. Но никто также не можетъ и не долженъ отказывать человѣку въ правѣ публично отвѣтить на возводимыя на него обвиненія или требовать передачи обсужденія проступка, если таковой дѣйствительно существовалъ, безпристрастнымъ лицамъ.

Лѣтописи частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ полны примѣрами того, какъ людей выбрасывали за бортъ даже безъ всякаго объясненія причинъ, а прямо говоря: «вы не нравитесь правленію».

На Западѣ ни одно увольненіе служащаго казенныхъ дорогъ не можетъ состояться безъ судебнаго разбирательства. Что же касается служащихъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, то, конечно, проступки уголовнаго характера также подлежатъ вѣдѣнію судебныхъ инстанцій, разъ же дѣло идетъ о проступкахъ противъ служебной этики, то служащій всегда имѣетъ право требовать разсмотрѣнія своего проступка особымъ дисциплинарнымъ судомъ, состоящимъ изъ пяти членовъ: двухъ по назначенію правленія дороги, двухъ по выбору обвиняемаго; пятымъ постояннымъ членомъ—онъ же и предсѣдатель коммиссіи, утверждаемый министромъ,—назначается кто-нибудь изъ мѣстныхъ юристовъ, по большей части мѣстный судебный слѣдователь.

У насъ, къ сожалѣнію, ничего подобнаго нѣтъ.

М. А. Рейтлеръ, авторъ изслѣдованія по вопросу объ организаціи личнаго состава на желѣзныхъ дорогахъ, говоритъ слѣдующее:

«Въ большинствѣ случаевъ, желѣзнодорожныя правила, устанавливая обязанность предупрежденія за *три мѣсяца для обѣихъ договаривающихся сторонъ*, предоставляютъ тѣмъ самымъ служащему отказаться отъ должности, предупредивъ о томъ управленіе за три мѣсяца. Этимъ какъ бы мотивируется справедливость такого соглашенія. Въ оправданіе его приводится и то, что такого рода условія существуетъ повсюду между нанимагелемъ и нанимаемымъ и что, наконецъ, желѣзнодорожное управленіе есть такое же коммерческое дѣло, какъ и всякое другое.

«Сверхъ того ссылаются на то, что нельзя обязывать управленіе держать на службѣ лицо, которое почему-нибудь не нравится или оказывается неудобнымъ и что, наконецъ, увольненіе иныхъ служащихъ можетъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, между прочимъ, при необходимости сокращенія штатовъ, оказаться неизбѣжнымъ. При этомъ приводятся также соображенія человѣколюбія: предоставленіе человѣку найти себѣ другую службу въ теченіе трехъ мѣсяцевъ можетъ иногда имѣть мѣсто изъ состраданія, чтобы не подвергать его лишенію должности вслѣдствіе дисциплинарнаго преслѣдованія, что могло бы имѣть для него болѣе тяжелыя послѣдствія.

«Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что «обоюдное предупрежденіе» хотя и предоставляетъ обѣимъ договаривающимся сторонамъ равныя права, но *эта равноправность только кажущаяся, вытекающая изъ буквальнаго смысла соглашенія, но не подтверждающаяся въ существѣ дѣла*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на практическія послѣдствія такой равноправности. Если служащій воспользуется предоставленнымъ ему правомъ, въ большинствѣ случаевъ отъ такой убыли правленію не бываетъ почти никакого ущерба; если же правленіе увольняетъ отъ должности служащаго, то для него это обстоятельство бываетъ почти всегда сопряжено съ самыми печальными, чтобы не сказать гибельными, послѣдствіями. Такимъ образомъ, осуществленіе этого права почти ничего не стоитъ одной изъ договаривающихся сторонъ—желѣзнодорожному управленію, которое всегда должно разсчитывать на извѣстную убыль въ личномъ составѣ какъ временную, по болѣзни, такъ и окончательную, вслѣдствіе увѣчій или смерти; между тѣмъ, другой сторонѣ примѣненіе этого права приноситъ почти всегда *горе, нужду и несчастье*. Такое противоположное значеніе этого права въ примѣненіи его къ договаривающимся сторонамъ ясно обнаруживаетъ несостоятельность его съ точки зрѣнія справедливости и дѣлаетъ ненужнымъ разборъ какихъ бы то ни было хитросплетеній, которыя могли бы быть приводимы въ его оправданіе.

«Взглядъ на желѣзную дорогу, какъ на большое торгово-про-

мышленное предпріятіе, находитъ. къ сожалѣнію, многочисленныхъ сторонниковъ. Такой ошибочный взглядъ можетъ исходить только отъ лицъ, которыя хотя и прикосновенны къ желѣзнодорожной администраціи, но не усвоили себѣ сущности желѣзнодорожной работы».

Какъ ни убого, въ смыслѣ дѣйствительной помощи рабочему люду, наше общее фабричное законодательство, но всетаки тамъ идеи манчестерской школы начинаютъ отходить въ вѣчность и защитниковъ ихъ можно встрѣтить только изрѣдка.

Въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, какъ это ни странно, тезисы ея, особенно по отношенію къ частнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ считаются непреложными, и на человѣка, осмѣливающагося не соглашаться съ ними, смотрятъ, какъ на субъекта. прилетѣвшаго съ луны.

Единственно, что сдѣлано, это учреждена пенсіонная касса.

Денежныя средства пенсіонныхъ кассъ составляются изъ ежемѣсячныхъ 6% вычетовъ изъ жалованья служащихъ и заработка рабочихъ (съ добавленіемъ 3% отъ дорогъ), а также изъ удержанія со служащихъ трехъ прибавокъ къ жалованью при повышеніи оклада, 10% вычета изъ наградныхъ и, наконецъ, штрафныхъ денегъ.

Можно считать, что дороги участвуютъ въ образованіи обезпечивающаго капитала одною третью, а служащіе—двумя третями. На эти средства содержится администрація кассъ, поглощающая на каждой дорогѣ около 30 — 40 тысячъ рублей въ годъ, что составляетъ на всѣ русскія желѣзныя дороги ежегодный расходъ въ одинъ милліонъ рублей. Кромѣ того, производится расходъ около 60 тысячъ на содержаніе личнаго состава желѣзнодорожнаго пенсіоннаго комитета, состоящаго при министерствѣ путей сообщенія для общаго наблюденія за кассами. Покотиловъ на съѣздѣ желѣзнодорожныхъ делегатовъ въ Петербургѣ, докладывая о пенсіонныхъ кассахъ, указывалъ, что существующая пенсіонная касса не достигла главной цѣли своего учрежденія—обезпеченія въ надлежащей мѣрѣ участниковъ и ихъ семей, такъ какъ главная забота была направлена на устойчивость кассы. Кромѣ того «трудовыя, кровныя деньги желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ, добытыя цѣною тяжкихъ усилій, съ потерею здоровья, находятся въ завѣдываніи доморощенныхъ финансистовъ. Неумѣлымъ же финансированіемъ капиталовъ желѣзнодорожныхъ кассъ, послѣдніе превращаются въ процентныя бумаги, облигаціи, закладные листы, нынѣ потерявшіе значительную часть своей цѣнности и принесшіе на разницѣ лишь курса бумагъ убытокъ въ нѣсколько милліоновъ рублей» (Желѣзнодорожникъ № 123).

И въ этомъ готовы были видѣть разрѣшеніе чуть не всѣхъ вопросовъ желѣзнодорожниковъ.

Изо всѣхъ областей труда желѣзнодорожный трудъ—одинъ изъ

самыхъ тяжелыхъ и отвѣтственныхъ. Если сравнить количество психическихъ заболѣваній въ различныхъ профессіяхъ, то увидимъ, что максимальное количество приходится на долю желѣзнодорожниковъ. Кромѣ того, даже при помощи неполныхъ статистическихъ данныхъ можно установить тотъ фактъ, что число психическихъ заболѣваній увеличивается. Наибольшее количество больныхъ приходится на дороги съ наиболѣе интенсивнымъ движеніемъ, и это можетъ служить прямымъ и вѣрнымъ указаніемъ на трудность службы. Нужно помнить слова Кетлэ, что психическія заболѣванія являются продуктомъ нашей соціальной жизни, умственныхъ усилій и нравственныхъ потрясеній.

Трудъ желѣзнодорожниковъ не только одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ но и одинъ изъ наиболѣе опасныхъ. Помимо чисто профессіональныхъ условій труда, которыя сами по себѣ представляютъ много опасныхъ моментовъ, желѣзнодорожники подвергаются опасности отъ злого умысла. Въ виду этого желѣзнодорожники по справедливости могутъ требовать вниманія къ невозможнымъ условіямъ своей жизни.

Е. А. Соховичъ.

Передъ зарей въ Англіи.

VII.

Новая Гармонія, какъ коммунистическая колонія, перестала существовать въ іюнѣ 1828 г. Оффиціальная газета коммуны, переименованная въ *Свободнаго Изслѣдователя* (полный титулъ: «The New Harmony and Nashoba Gazette or Free Inquirer»),— отмѣчаетъ распаденіе коллективнаго хозяйства на индивидуалистическія. Одна изъ открывшихся маленькихъ коммунъ, Фейба Певели, продержалась, впрочемъ, нѣсколько лѣтъ; затѣмъ члены ея разбрелись, а хозяйство было скуплено двумя колонистами.

На опытѣ въ *Новой Гармоніи* Робертъ Оуэнъ потерялъ 40 тысячъ ф. ст., что составляло $^4/_5$ всего его состоянія. Семья Оуэна осталась въ Индіанѣ. Сыновья его натурализовались въ Соединенныхъ Штатахъ и впослѣдствіи выдвинулись тамъ на различныхъ поприщахъ. Младшій сынъ Дэвидъ Дэйлъ Оуэнъ былъ въ 1853 г. посланникомъ Соединенныхъ Штатахъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Онъ умеръ въ 1877 г. и оставилъ замѣчательную автобіографію, представляющую драгоцѣнный источникъ для

изученія дѣятельности Роберта Оуэна. Изъ другихъ сыновей реформатора въ Англіи особенно извѣстенъ Робертъ Дэйлъ Оуэнъ, проповѣдникъ агностицизма.

Роберту Оуэну не удалось создать въ дикой тогда части Америки коммунистическое общество, но *Новая Гармонія* стала центромъ умственной жизни Индіаны, когда штатъ заселился. Теперь—это одинъ изъ наиболѣе культурныхъ городовъ западныхъ штатовъ. По живописному выраженію американскаго автора, «прахъ разрушенныхъ надеждъ утучнилъ тамъ почву и не далъ городу превратиться въ шаблонное, прозаическое поселеніе, какъ сосѣдніе города не имѣющіе исторіи». *Новая Гармонія* теперь имѣетъ громадную городскую библіотеку, завѣдующимъ которой состоитъ внукъ Роберта Оуэна. Многіе жители—потомки первыхъ колонистовъ, явившихся въ дикую тогда Индіану, чтобы тамъ создать новый міръ. Въ *Новой Гармоніи*, поэтому, совершенно иное настроеніе, чѣмъ въ обычныхъ провинціальныхъ американскихъ городахъ.

Коммуна въ Индіанѣ не была единственнымъ опытомъ въ этомъ родѣ на американскомъ континентѣ. Лекціи Роберта Оуэна нашли восторженныхъ слушателей, которые въ періодъ 1825—1828 г.г. сдѣлали рядъ опытовъ созданія новаго общества на справедливыхъ началахъ. Такова колонія Нашоба, основанная Фрэнсисъ Райтъ, восторженной сторонницей эмансипаціи негровъ-невольниковъ. Она посѣтила *Новую Гармонію* въ 1825 г., присмотрѣлась къ тому, какъ поставлена колонія, и въ томъ же году пріобрѣла на свои деньги двѣ тысячи акровъ земли въ Западномъ Теннесси. Райтъ купила также нѣсколько семействъ невольниковъ, которыхъ освободила немедленно и поселила на пріобрѣтенной землѣ. Райтъ вскорѣ заболѣла и умерла. Передъ смертью она поручила завѣдываніе колоніей комитету, членами котораго были Хафохтъ, Робертъ Оуэнъ, старшій сынъ его Робертъ Дэйлъ и Маклюръ. По завѣщанію колонія должна была всегда принадлежать неграмъ. Какъ коммунистическое общество, Нашоба просуществовала почти двадцать пять лѣтъ, покуда край кругомъ не заселился густо. Затѣмъ община распалась на индивидуальныя хозяйства. Колонія въ такомъ видѣ существуетъ до сихъ поръ. Населена она по прежнему неграми. Читатели, вѣроятно, знаютъ, что приблизительно около того же времени (собственно, въ 1821 г.) сдѣлана была попытка устроить колонію для освобожденныхъ невольниковъ на ихъ родинѣ, на Перечномъ берегу въ Африкѣ. Филантропы, задумавшіе этотъ планъ, мечтали о первобытной христіанской общинѣ, состоящей изъ людей, съ ногъ которыхъ только что сбиты цѣпи неволи. Этотъ планъ не удался; но за то на Перечномъ берегу Африки мы находимъ теперь цвѣтущую негритянскую республику (Либерія), единственное независимое туземное культурное государство на всемъ африканскомъ континентѣ.

Другая замѣчательная коммунистическая колонія, порожденная

проповѣдью Оуэна, возникла въ Охайо и называлась Общиной Желтыхъ Источниковъ. Основателемъ ея былъ сведенборгіанецъ Рое, купившій въ іюлѣ 1825 г. 800 акровъ земли. Въ сентябрѣ того же года въ общинѣ было уже сто человѣкъ. Она просуществовала нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ члены ея разбрелись. Оставшіеся стали вести индивидуальное хозяйство. Другія общины, возникшія въ подражаніе *Новой Гармоніи* (Кэндэлъ—въ Охайо, Форествиль—въ Индіанѣ, Коксаки и Хаверство въ Нью-Іоркѣ, Блуспрингъ—въ Индіанѣ, Тевтонія—въ Охайо), просуществовали отъ 2 до 7 лѣтъ. Въ сороковыхъ годахъ оуэнисты соединились съ фурьеристами. Ими были основаны въ глубинѣ Америкѣ многочисленныя фаланстеріи, изъ которыхъ нѣкоторыя просуществовали около десяти лѣтъ (Brook Farm, Wisconsin Phalanx, North American Phalanx и пр.). Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ община держалась, покуда край не заселялся. Фаланстерію смывала волна городской жизни. Оуэнисты и фурьеристы, поэтому, искали нетронутаго края, отдаленнаго отъ современнаго капиталистическаго міра. Послѣдней попыткой, если не ошибаюсь, является община Косма, основанная въ Парагваѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, оуэнистами австралійцами. Два года тому назадъ община не только существовала еще, но процвѣтала.

Неудачи въ *Новой Гармоніи* не обезкуражили Оуэна; напротивъ, онъ задумалъ продѣлать опытъ въ грандіозныхъ размѣрахъ. Теперь уже шло дѣло не объ одной маленькой колоніи, а о громадной территоріи. Оуэнъ ходатайствовалъ у мексиканскаго правительства объ уступкѣ двухъ штатовъ Коауила и Техаса для превращенія ихъ въ коммунистическія общины. «Я знаю, что на моемъ пути страшныя препятствія,—писалъ Робертъ Оуэнъ мексиканскому посланнику,—но я привыкъ бороться съ человѣческими предразсудками и побѣждать ихъ. Мой удачный опытъ въ Нью-Лэнеркѣ даетъ мнѣ право надѣяться на осуществленіе проекта въ въ широкихъ размѣрахъ. Мексика, отдаленная отъ предразсудковъ старой Европы и окруженная республиками, кажется мнѣ наиболѣе удачной почвой для опыта. Здѣсь предразсудки стараго міра еще не успѣли отравить умъ населенія. Міръ созрѣлъ для великой реформы, которую, какъ мнѣ кажется, нужно начать на почвѣ Новаго Свѣта». Начавшаяся война и безпорядки въ Мексикѣ положили конецъ переговорамъ, которые пошли было успѣшно. Мексиканское правительство было не прочь уступить въ распоряженіе Оуэна одинъ штатъ.

VIII.

Робертъ Оуэнъ возвратился въ Англію. Здѣсь, задолго до опыта въ *Новой Гармоніи*, Оуэнъ имѣлъ многочисленныхъ сторонниковъ, которые горѣли нетерпѣніемъ примѣнить на практикѣ въ Англіи его идеалы. Тогда рѣчь шла не объ общинѣ въ широкихъ

размѣрахъ, а о производительныхъ кооперацiяхъ, члены которыхъ имѣли бы все сообща. Восторженные поклонники реформатора въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ основали еженедѣльную газету *Экономистъ*, съ цѣлью, какъ значилось на обложкѣ каждаго нумера, «выяснять систему новаго общества, задуманную Р. Оуэномъ». Обновленіе общества,—читаемъ мы въ первомъ нумерѣ, — должно произойти, когда улучшится положеніе работниковъ». *Экономистъ* проповѣдывалъ немедленную организацію производительныхъ обществъ. Газета вообще соглашалась во всемъ съ Робертомъ Оуэномъ, но только радикально расходилась съ нимъ во взглядѣ на религію. Оуэнъ признавалъ, какъ мы видѣли, что «предразсудки», отъ которыхъ такъ страдаетъ человѣчество, созданы, въ значительной степени, догматомъ; *Экономистъ* же былъ органъ христіанскихъ прогрессистовъ. Газета эта крайне важна для изученія настроеній въ Англіи «предъ зарей». *Экономистъ*— органъ крайне искренній и издавался онъ людьми дѣйствительно преданными интересамъ массъ. Газета имѣла широкій кругъ читателей среди рабочихъ. Въ первыхъ же нумерахъ *Экономиста* мы находимъ сообщеніе о возникновеніи «Кооперативнаго и экономическаго общества». Цѣлями его,—читаемъ мы,—является основаніе общины, занимающейся земледѣліемъ, фабричнымъ производствомъ и торговлей на началахъ, изложенныхъ Робертомъ Оуэномъ. Идеаломъ будетъ кооперативная деревня. Покуда же—всѣ члены займутъ одну какую-нибудь улицу или скверъ въ предмѣстьяхъ Лондона. Свои занятія (большинство членовъ организаторовъ были наборщики) они будутъ продолжать по прежнему, но вести хозяйство и смотрѣть за дѣтьми станутъ сообща. Пятый параграфъ устава говоритъ объ организаціи спеціальной кассы, изъ которой будутъ получать пособія больные и безработные. Въ десятомъ параграфѣ говорится о похоронахъ на счетъ общества его сочленовъ. Организаторъ высчитали, что 250 семействъ, живущихъ сообща и вмѣстѣ закупающихъ все оптомъ, сберегутъ въ годъ не меньше 7780 ф. ст.

Все это въ началѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка было страшной новостью. Общія кассы и покупки оптомъ для всѣхъ казались чѣмъ-то необыкновеннымъ. Мы видимъ, что идеи, поражающія смѣлостью своею одно поколѣніе, кажутся азбучной истиной слѣдующему поколѣнію. Трэдъ-юніоны имѣютъ теперь милліонныя средства для помощи больнымъ, потерявшимъ работу и стачечникамъ. Современный англійскій работникъ не можетъ себѣ даже представить, что всего только восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ рабочіе союзы были тайными организаціями, и объ общихъ кассахъ мечтали только самые смѣлые. Кооперативныя общества насчитываютъ теперь милліоны сочленовъ. Мы имѣемъ цѣлыя кооперативные города, какъ, напр., Кетерингъ. Коопераціи имѣютъ свои фабрики, мастерскія, земледѣльческія фермы и цѣлыя улицы домовъ. На послѣдней выставкѣ, устроенной надняхъ кооператорами

въ Хрустальномъ дворцѣ, можно было видѣть модели этихъ изящныхъ домиковъ въ два этажа. Объясненія давалъ... громадный фонографъ. Машина объясняла, на какихъ началахъ кооператоры пріобрѣтаютъ эти домики. Она же разъясняла новый планъ, осуществленный только что въ новомъ кооперативномъ городѣ. Планъ этотъ имѣетъ цѣлью эмансипировать жену работника и маленькаго клэрка отъ непріятной и грязной работы въ кухнѣ. Обѣдъ и ужинъ со стряпней, перемываніемъ грязныхъ тарелокъ и кипяченіемъ котловъ отнимаетъ не одинъ часъ. И вотъ кооператоры завели совмѣстные обѣды для каждыхъ двадцати семействъ. Такимъ образомъ и продукты лучше, и столъ разнообразнѣе, и ѣда дешевле, и запаха кухни нѣтъ и, самое важное, у женщины больше свободнаго времени, чтобы читать. Теперь эти совмѣстные обѣды никого не удивляютъ, а между тѣмъ во времена Роберта Оуэна до нихъ додумывались только самые независимые и передовые люди. Черезъ пять лѣтъ у насъ подросшее поколѣніе не будетъ вѣрить, что было время въ Россіи, когда цензоръ не только безжалостно вычеркивалъ каждую замѣтку о такихъ кооперацiяхъ, но отправлялъ корректуру къ жандармскому полковнику. Было это въ началѣ девяностыхъ годовъ въ Одессѣ. Цензоръ, дѣлавшій это, здравствуетъ и понынѣ, только переименованъ въ инспектора по дѣламъ печати. Такъ какъ «леопардъ не можетъ отдѣлаться отъ своихъ пятенъ», а постельный клопъ отъ свойственнаго ему запаха, то «инспекторъ» и теперь, вѣроятно, занимается донесеніями на печать. Вернемся, однако, къ первой англійской потребительной кооперацiи.

Изъ *Экономиста* мы узнаемъ, что оуэнисты сняли въ ноябрѣ 1826 г. нѣсколько домовъ на Гилдфордъ-стритъ. На общемъ собраніи рѣшено было, что кооперація не будетъ пока носить чисто коммунистическаго характера. Вотъ почему собраніе постановило, что каждая семья будетъ вносить еженедѣльно въ общую кассу опредѣленную сумму за квартиру, столъ и воспитаніе дѣтей. Каждый мужчина, все равно, одинокій или глава семейства, платилъ еженедѣльно по 14 ш. 5 п., за каждаго ребенка вносилась добавочная сумма. Содержаніе семьи, состоявшей изъ мужа, жены и пяти дѣтей обходилось въ 22 ш. 6 пенс. Женщины платили не деньгами, а своимъ трудомъ. Онѣ выполняли всѣ домашнія работы, а также, если могли, брали работу со стороны. Заработная плата ихъ поступала въ общую кассу и шла на воспитаніе дѣтей. Согласно уставу, когда дѣти подростали, они должны были сами поддерживать себя своимъ трудомъ. О маленькихъ же дѣтяхъ заботилась вся община. Воспитаніе являлось первой задачей кооперацiи. Члены ея имѣли общія кухни и дѣтскія.

Община выпустила циркуляры, въ которыхъ заявляла, что выполняетъ всякіе заказы, а именно: «вырѣзываетъ, золотитъ, точаетъ башмаки, шьетъ платье, мужское и женское, дѣлаетъ шляпки

и зонтики, лудитъ котлы, чинитъ печи, переплетаетъ, рисуетъ по бархату и по стеклу и краситъ ткани». Община открыла также школу, «куда за небольшую плату принимаютъ постороннихъ дѣтей». Въ скоромъ времени «откроется также аптека, въ которой будетъ въ извѣстные часы дежурить врачъ». Такимъ образомъ, община, повидимому, состояла главнымъ образомъ изъ технически обученныхъ работниковъ. Черезъ двѣ недѣли *Экономистъ* сообщаетъ, что совмѣстная жизнь оказывается гораздо болѣе выгодной и комфортабельной. Любопытной особенностью общины являются «увѣщатели» (monitors), которыхъ долженъ былъ выбрать каждый сочленъ изъ среды общины. Такимъ образомъ всѣ являлись одновременно и послушниками и «увѣщателями». «Monitor» обращалъ вниманіе своего послушника на каждую ошибку, неправильный шагъ или на проявленное раздраженіе. Въ особенности «увѣщатель» подчеркивалъ каждую ошибку по отношенію къ остальнымъ членамъ общины, которая могла бы повести къ зарожденію взаимнаго раздраженія. Если кто-нибудь жаловался на поведеніе сочлена, то жалобу разбиралъ «увѣщатель» обвиняемаго и, въ случаѣ надобности дѣлалъ выговоръ *). Въ уставѣ точно оговорено, что «увѣщатель» не имѣетъ права вмѣшиваться въ личную жизнь послушника. Съ другой стороны, послушникъ не можетъ отдѣлаться отъ «суда» обвиненіемъ, возведеннымъ на увѣщателя. Эту надоѣдливую форму взаимнаго надзора составители устава, конечно, заимствовали изъ монастырей. Нужно прибавить, что въ другихъ аналогичныхъ общинахъ, основанныхъ въ началѣ прошлаго вѣка, взаимный надзоръ проявлялся въ еще болѣе рѣзкой формѣ. Въ общинѣ «Онейда» практиковалась «критика», состоявшая въ томъ, что на еженедѣльныхъ собраніяхъ каждый долженъ былъ открыто осудить своего сосѣда, или находилъ поступокъ его неправильнымъ.

Въ общинѣ на Гилдфордъ-стритъ были не только работники, но также «интеллигентные люди». Въ продолженіе двухъ лѣтъ,— говоритъ одинъ изъ нихъ въ своихъ запискахъ,—я и моя семья прожили счастливо въ обществѣ 22 рабочихъ семействъ». *Экономистъ* прекратился въ 1824 г., а затѣмъ перестала существовать и община на Гилдфордъ-стритъ. Никакихъ указаній на то, что послужило причиной распаденія общины не сохранилось. Послѣдователи Оуэна вдохновлялись фактомъ *возникновенія* общинъ; распаденіе ихъ объяснялось причинами, не наносящими удара основному ученію. Къ концу двадцатыхъ годовъ мы видимъ снова попытку основать въ Англіи коммунистическое общество *Орбистонъ*. Однимъ изъ главныхъ организаторовъ явился богатый пивоваръ Авраамъ Комбъ. Личность его крайне своеобразна. Предъ нами практическій дѣлецъ, очень честный въ коммерческомъ смыслѣ, глубоко преданный семьѣ и необыкновенно религіозный. О

*) „Economist“, vol. II, p. 379.

попыткахъ Оуэна онъ только слышалъ и, какъ дѣлецъ, смѣялся надъ «пустымъ фантазеромъ», котораго осмѣивалъ въ каррикатурахъ (Комбъ очень хорошо рисовалъ). И вотъ, когда холодному практику, какимъ всѣ считали Комба, было уже тридцать пять лѣтъ, ему пришлось въ октябрѣ 1820 г. посѣтить Нью-Лэнеркъ. Здѣсь онъ познакомился съ Оуэномъ и увидавъ, что тотъ сдѣлалъ — превратился въ восторженнаго послѣдователя реформатора. Комбъ былъ глубоко религіозный человѣкъ, а Оуэнъ — атеистъ; но оба сошлись въ любви къ человѣчеству. Искренняя вѣра, какъ проявленіе независимаго духа, всегда являлась протестомъ противъ насилія государства надъ личностью. Римъ видѣлъ въ первыхъ христіанахъ государственныхъ преступниковъ, обличавшихъ Вавилонскую блудницу за насиліе надъ личностью. Всѣ отверженные, съ одной стороны, и протестующіе — съ другой, становились адептами новаго ученія, проповѣдывавшаго всеобщее равенство и братство. Когда государство увидало, что не можетъ справиться съ новымъ ученіемъ, оно вошло въ союзъ съ вождями его. И ученіе замѣнилось обрядами и манипуляціями, которыя государство стало охранять всею своею властью.

Христіанство изъ ученія, разрушающаго «Вавилонскую блудницу», превратилось въ вѣрнаго союзника ея. Тогда начался протестъ дѣйствительно вѣрующихъ противъ церкви: появился рядъ ересей. У Прудона мы находимъ нѣсколько яркихъ страницъ, иллюстрирующихъ это явленіе. «Намъ обѣщали, что не будетъ ни рабства, ни лихоимства»,—говорили люди и обвиняли церковь въ подлогѣ и въ ереси. Двѣнадцать вѣковъ, одинъ за другимъ, безостановочно поднимались эти протесты, всегда кроваво подавляемые, но возвращавшіеся постоянно снова съ удивительнымъ однообразіемъ во внутреннемъ смыслѣ и значеніи. Что же касается внѣшней формы ихъ, — продолжаетъ Прудонъ, — то, конечно, споръ шелъ о такихъ туманныхъ тонкостяхъ, что ожесточеніе, съ которымъ одни преслѣдовали, а другіе упорствовали, будетъ совершенно непонятно, если за этой внѣшностью не видѣть серьезнаго соціальнаго содержанія... Когда послѣ упорной борьбы съ язычествомъ, христіанство восторжествовало, надо было ожидать полнаго преобразованія общества въ идеѣ равенства, любви и свободы,—продолжаетъ Прудонъ. — Но крестъ побѣдилъ, а все осталось по старому. Христіанство не принесло рабамъ свободы, угнетеннымъ спасенія, ограбленнымъ избавленія, голодающимъ хлѣба. «Горе богатымъ и сытымъ!» — говорила религія. Но вотъ она побѣдила, а богатые по прежнему лихоимствуютъ, сытые по прежнему отнимаютъ послѣдній кусокъ у голодающихъ. Тѣ, которые ждали себѣ спасенія въ новой религіи, почувствовали это противорѣчіе и разладъ словъ съ дѣлами. Это вызвало страшное негодованіе, увлекло многихъ въ странныя крайности. Всѣ, кому было плохо, видѣли себя обманутыми и обвиняли господствующіе

классы въ фальсификаціи христіанства, въ извращеніи его, въ богоотступничествѣ. «Новая вѣра обѣщала спасеніе, но спасеніе не пришло. Неужели виновата вѣра? Нѣтъ, евангеліе свято и божественно, а виноваты лицемѣры, которые вмѣсто евангельскаго христіанства дали прежнее язычество въ новыхъ формахъ, старое вино въ новыхъ мѣхахъ. Вѣдь язычество было религіей рабства: оно освящало, узаконяло и поддерживало насиліе и лихоимство. Христіанство—благая вѣсть, потому что возвѣщало свободу и братство, осуждало грабежъ, сулило царство униженнымъ, кару деспотамъ *). Но та религія, которую выдаютъ за побѣдившее христіанство, подобно язычеству, проповѣдуетъ насиліе и грабежъ; слѣдовательно, религія эта не заповѣдь Христа; слѣдовательно, члены ея лицемѣры, переодѣтые язычники, преступники, уличенные въ искаженіи божественнаго слова». Такъ, по гипотетическому предположенію Прудона, должны были разсуждать основатели и послѣдователи сектъ. Въ самомъ дѣлѣ, ученіе циркумцелліоновъ, несторіанъ, аполлинаристовъ, аріанъ будетъ не то что не понятно, а непостижимо уму,—невозможно понять какъ тысячи людей отдавали свою жизнь за неуловимую казуистическую тонкость, если мы не примемъ во вниманіе той соціальной подкладки ересей, о которой говоритъ Прудонъ. Въ 1904 г., возвращаясь изъ Бискры въ Сахарѣ, я посѣтилъ развалины римскаго города Тимгада. Въ окрестностяхъ его, въ горахъ, живетъ упрямое, суровое племя кабилловъ (берберовъ). Если вы справитесь у историковъ въ Алжирѣ, они вамъ скажутъ, что племя въ окрестностяхъ Тимгада двѣнадцать разъ мѣняло свою вѣру въ продолженіе девяти вѣковъ. Они были когда-то послѣдователями карѳагенской Астарты, затѣмъ перешли въ іудаизмъ, когда среди нихъ появилась воинственная пророчица, поднявшая ихъ противъ римскаго владычества. Затѣмъ кабиллы восторженно приняли ученіе Галилеянина и принимали дѣятельное участіе въ кровавыхъ бояхъ африканскихъ ересей. Кабиллы искали такую вѣру, которая дала бы имъ свободу и землю. Въ туманныхъ тонкостяхъ іересіарховъ они уже сами находили, что искали. И чѣмъ ученіе было непонятнѣе, тѣмъ легче было вложить въ него свое содержаніе: свободу отъ рабства и право на землю. Когда же кабиллы убѣдились, что и ереси не дали желаемаго, они сожгли Тимгадъ и ушли въ горы. Потомъ явились проповѣдники ислама, обѣщавшіе каждому новообращенному свободу и право на землю. И кабиллы стали мусульманами, такими же фанатическими и ревностными, какъ прежде были христіанами, іудеями или послѣдова-

---

*) О заговорахъ противъ деспотовъ говорится, какъ извѣстно, много въ Ветхомъ завѣтѣ. „И послѣ того времени, какъ Амасія отступилъ отъ Господа, составили противъ него заговоръ въ Іерусалимѣ. и онъ убѣжалъ въ Лахисъ. И послали за нимъ въ Лахисъ, и умертвили его тамъ.“ Вторая книга Паралипоменонъ, гл. XXV, 27.

телями Астарты. Классическимъ типомъ религіознаго реформатора, сознательно выступающаго также борцомъ противъ соціальной неправды является Ѳома Мюнцеръ. «Наши князья и господа, — писалъ онъ,—разсолъ лихоимства, воровства и разбоя. Они все забираютъ себѣ въ собственность: рыбъ въ водѣ, птицъ въ воздухѣ, растенія на землѣ; все принадлежитъ имъ. И для оправданія своего явнаго грабежа, они толкуютъ бѣднякамъ о заповѣди Божіей, говоря: Богъ повелѣлъ не красть! Но до нихъ эта заповѣдь не касается. Они обираютъ и грабятъ бѣдныхъ поселянъ, работниковъ, словомъ, всякаго живого человѣка. А другихъ за малѣйшую провинность вѣшаютъ, и докторъ Лгунъ (т. е. Лютеръ) приговариваетъ: «Аминь»... Встаньте, встаньте, встаньте!—писалъ Мюнцеръ мансфельдскимъ рудокопамъ. Пора! насильники оробѣли теперь, какъ псы. Зовите братьевъ, собирайте всѣхъ, потому что мѣра переполнилась! Поднимайтесь! Не склоняйтесь на милосердіе, если Исавъ будетъ задабривать васъ сладкими словами.»

Въ странѣ, гдѣ есть живая вѣра, гдѣ она не закостенѣла въ обрядахъ, охраняемыхъ полиціей,—тамъ глубоко религіозные люди идутъ вмѣстѣ не съ господствующей церковью, заключившей оборонительный и наступательный союзъ противъ народа съ государствомъ, а съ политическими и соціальными реформаторами. Такъ дѣло обстоитъ въ Англіи. Здѣсь мы видимъ теперь искренно вѣрующихъ людей, какъ диссентеръ Клифордъ или священникъ Скотъ-Холландъ, идущихъ объ руку не съ епископами, а съ свободнымъ мыслителемъ Бернсомъ. Такимъ же образомъ глубоко религіозный Авраамъ Комбъ сталъ восторженнымъ послѣдователемъ атеиста Роберта Оуэна.

IX.

Комбъ всю свою жизнь и всѣ свои средства отдалъ на осуществленіе идеаловъ Роберта Оуэна. Проникновеніе новыми идеями носило у Комба чисто религіозный характеръ. «Онъ пересталъ рисовать каррикатуры,—говоритъ Подморъ, — въ отношеніяхъ къ роднымъ и знакомымъ Комбъ сталъ настолько же кротокъ и мягокъ, насколько прежде былъ раздражителенъ и суровъ.» Въ 1815 г., вмѣстѣ съ другимъ богатымъ фабрикантомъ Гамильтономъ, котораго Оуэнъ обратилъ въ соціалиста, — Комбъ пріобрѣлъ имѣніе Орбистонъ, въ девяти миляхъ отъ Глазго. Покупка обошлась почти въ 50 тысячъ ф. ст. Здѣсь Комбъ рѣшилъ основать колонію, которая послужитъ ядромъ для новаго общества. Поспѣшно были начаты постройки и, когда онѣ были наполовину кончены, навербовали около тысячи колонистовъ. Составители плана задумали постройки въ широкихъ размѣрахъ. Для каждаго колониста полагалась отдѣльная, большая комната. Общими были кухни, столовыя, громадныя залы для митинговъ, баловъ, библіотекъ и ре-

креацій и дортуары для дѣтей. Какъ во всѣхъ оуэновскихъ общинахъ, въ Орбистонѣ главное вниманіе должно было быть обращено на воспитаніе дѣтей.

Комбъ не подбиралъ спеціально колонистовъ. «Мы дѣлаемъ нашъ опытъ, чтобы побѣдить невѣжество, бѣдность, преступленіе и порокъ, поэтому, нельзя оправдываться, если попытка не удастся, тѣмъ, что колонисты были невѣжественны, преступны и порочны.» Такъ отвѣчалъ Комбъ людямъ, совѣтовавшимъ ему сдѣлать тщательный подборъ колонистовъ для Орбистона.

Постройки далеко еще не были кончены, когда колонисты прибыли. Въ подавляющемъ большинствѣ къ нимъ подходило опредѣленіе, даваемое оуэнистами современному обществу: колонисты были «очень невѣжественны, бѣдны и порочны». Не мало также было людей, совершенно непривыкшихъ къ правильной работѣ. По уставу колоніи надсмотрщиковъ не полагалось. Колонисты должны были работать, побуждаемые общественными интересами; но у людей, явившихся въ Орбистонъ, соціальныхъ инстинктовъ совершенно не было. «Трудно себѣ даже представить худшій подборъ индивидуумовъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, — говоритъ современникъ; колонисты, большею частью, представляли собою отбросы общества. Взрослые всю свою жизнь провели въ отчаянной бѣдности. То былъ народъ лѣнивый, нечистоплотный и совершенно беззаботный. Запахъ сквернаго табаку доносился изъ каждой квартиры, а подъ окнами начинали уже образовываться сорныя кучи. Дѣти и подростки немногимъ отличались отъ взрослыхъ. Съ утра до поздней ночи ребятишки дрались или вели грубыя игры» *). Колонистамъ необходимо было вскопать немедленно поле подъ картофель. На работы вышло не больше пятнадцати человѣкъ. Они поковыряли часъ лопатами, затѣмъ принялись курить, надѣли сюртуки и отправились домой. Скептики совѣтовали Комбу измѣнить уставъ, ввести принципъ обязательности урочнаго труда и назначить надсмотрщиковъ: но основатель колоніи отказался наотрѣзъ. Община должна быть самоуправляющейся,—объяснялъ Комбъ. Только въ такомъ случаѣ можно разсчитывать на пробужденіе общественныхъ инстинктовъ. До тѣхъ поръ, покуда будутъ надсмотрщики, каждый изъ членовъ колоніи станетъ смотрѣть на свой трудъ, какъ на подневольный и каторжный, хотя бы всѣ результаты его шли въ пользу производителя. Только при полной свободѣ колонистъ оцѣнитъ значеніе общественныхъ добродѣтелей.

Комбъ былъ правъ. Черезъ пять мѣсяцевъ, въ августѣ, организація колоніи приняла стройный характеръ. Прежде всего образовалась артель литейщиковъ, устроившихъ маленькій заводъ. Весною 1827 г. артель эта не только обслуживала уже всю колонію, но изготовляла также на продажу каминныя рѣшетки, котлы, печи,

*) Orbiston Register, vol. p. 125.

и др. вещи. Доходы отъ продажи фабрикатовъ значительно поправили дѣла колоніи. Маленькій заводъ до такой степени расширился, что понадобилась новая плавильная печь и паровой кранъ. Затѣмъ наладилась молочная ферма. Корреспондентъ изъ Орбистона сообщаетъ въ *Nottingham Mercury*, что молочная артель имѣетъ уже десять коровъ, а скоро надѣется имѣть сорокъ. Мало-по-малу примѣръ работавшихъ товарищей подѣйствовалъ на другихъ, сидѣвшихъ до того времени праздно. Люди устыдились сидѣть у окна съ трубкой въ зубахъ, когда сосѣди идутъ на работу. Образовалась строительная артель, занявшаяся полузаконченными постройками. Еще черезъ четыре мѣсяца корреспондентъ *Nottingham Mercury* подробно описываетъ канатный заводъ, устроенный въ одномъ изъ законченныхъ зданій. На канатномъ заводѣ, между прочимъ, изготовлены были бичевки, изъ которыхъ дѣти связали сѣти. Въ колоніи появилась уже артель рыбаковъ, снабжавшая всю общину. Лодку тоже смастерили сами колонисты. Черезъ два мѣсяца возникла маленькая ткацкая фабрика. Колонія начала изготовлять матеріалъ для платья членовъ общины. Появилась артель шапочниковъ, обслуживавшая колонію и посылавшая шляпы на продажу въ Глазго; почти одновременно образовались артели сапожниковъ и колесниковъ. Подоспѣла жатва. Всѣ работники оставили на это время свои мастерскія и отправились въ поле.

Общественные инстинкты пробуждались не сразу и не у всѣхъ колонистовъ въ одинаковой степени. Въ первые мѣсяцы существованія Орбистона бывали непріятные случаи, вполнѣ понятные, если принять во вниманіе составъ колоніи. Такъ, *Orbiston Register* отъ 9 мая 1827 г. съ грустью констатируетъ, что нѣкоторые колонисты обманываютъ общественнаго счетчика и говорятъ ему, что работали большее количество часовъ, чѣмъ въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, эти колонисты сильно увеличили свой активъ. Черезъ мѣсяцъ, въ іюнѣ, оффиціальная газета говоритъ, что нѣкоторые члены взяли изъ общественныхъ магазиновъ продуктовъ втрое больше, чѣмъ могутъ съѣсть. Эти продукты проданы колонистами жителямъ сосѣднихъ деревень. Но мало-по-малу факты подобнаго рода совершенно исчезаютъ.

Нужно сказать, что Комбъ основывая Орбистонъ, имѣлъ въ виду полную коммуну; но потомъ рѣшилъ предоставить самимъ колонистамъ сдѣлать послѣдній шагъ. Въ сентябрѣ 1826 г. собрался сходъ всѣхъ членовъ общины. Послѣ обсужденій, продолжавшихся много часовъ, колонисты приняли такую резолюцію. «Всѣ члены сообща производятъ капиталъ, необходимый для покрытія всѣхъ расходовъ колоніи, Что же касается остатка, то онъ будетъ распредѣленъ между всѣми членами общины пропорціонально рабочему времени, затраченному каждымъ». На этой почвѣ, какъ мы видѣли, возникали первое время нѣкоторыя злоупотребленія.

Колонія мало-по-малу становилась на ноги и прогрессировала. Съ каждымъ мѣсяцемъ улучшался также внѣшній видъ ея. Постройки были закончены, колонисты разбили грядки съ цвѣтами, проложили дорожки, обсаженныя кустами и фруктовыми деревьями. Исчезла та грязь и та атмосфера вѣчной ругани, которыя такъ поражали первыхъ посѣтителей Орбистона. Люди стали чище въ своихъ привычкахъ, прекратились ссоры и ругань. Особенно поразительна была перемѣна, происшедшая въ дѣтяхъ. Въ большинствѣ они выросли въ трущобахъ. Первое время они нагоняли ужасъ на жителей всѣхъ окрестныхъ деревень и слава про нихъ доходила даже до Глазго. Ребятишки эти то воевали другъ съ другомъ, то отправлялись на экспедицію въ сосѣдніе огороды и сады. Слѣдуетъ помнить, что въ Англіи, да и за границей вообще, къ такимъ походамъ относятся гораздо строже, чѣмъ въ Россіи. У насъ даже культурные люди считаютъ невинной шалостью оборвать цвѣты въ общественномъ саду, если никто не видитъ, или сломать перевѣсившуюся изъ чужого сада черезъ заборъ вѣтку, чтобы лучше общипать вишни. За границей не склонны смотрѣть на это, какъ на невинную шалость, даже если сдѣлана она дѣтьми. Въ Англіи же въ двадцатыхъ годахъ обобраніе чужого сада составляло тяжкое преступленіе, которое могло быть наказано даже ссылкой въ Австралію. Вотъ почему «орбистонская шайка», какъ называли дѣтей, гремѣла на всю округу. Но вотъ товарищъ Комба — Кэмбэль принялся за воспитаніе дѣтей. Онъ собралъ ихъ и занялъ интересными физическими опытами. Затѣмъ сумѣлъ имъ внушить, почему чистота такъ желательна. Къ слѣдующему уроку мальчишки явились умытые, съ вычищенными башмаками. Кэмбель опять показалъ имъ физическіе опыты и, незамѣтно, указалъ на рядъ нежелательныхъ явленій въ поведеніи дѣтей. Въ то время въ школахъ, и въ особенности, въ народныхъ, практиковалась отчаянная трепка. Въ Орбистонѣ тѣлесныя наказанія были совершенно изгнаны. И, не смотря на это, черезъ шесть мѣсяцевъ дѣтей нельзя было совершенно узнать. Исчезли драки, походы въ чужіе сады, грубая ругань, перенятая у взрослыхъ и куренье табаку. Кэмбель пробудилъ въ дѣтяхъ чувство корпоративнаго сознанія и самоуваженія, Черезъ пять мѣсяцевъ какой-то мальчикъ, Джонъ Пэйнъ, обругалъ товарища и поколотилъ его. Другіе мальчики сейчасъ же выбрали присяжныхъ, судей и разобрали дѣло. Вина Джона Пэйна выяснилась, и товарищи выразили ему строгое порицаніе. Исходя изъ пониманія, что дѣти больше всего любятъ игры, основанныя на подражаніи взрослымъ, Кэмбель пріучилъ мальчиковъ къ полевымъ работамъ, обучилъ ихъ столярному, плотничьему и другимъ ремесламъ, Обученіе носило характеръ игръ, а между тѣмъ дѣти начали приносить существенную помощь колоніи. Черезъ годъ окрестныя деревни съ удивленіемъ узнали, что «орбистонская шайка», которая не такъ давно еще нагоняла ужасъ

на всѣхъ, въ свободное время учится музыкѣ. Вскорѣ изъ дѣтей составился порядочный оркестръ, который игралъ въ театрѣ въ Орбистонѣ. Актерами были колонисты.

Лѣтомъ 1827 г. колонію посѣтилъ Робертъ Оуэнъ и нашелъ, что все идетъ великолѣпно, какъ нельзя лучше. Дѣла Орбистона находились въ цвѣтущемъ состояніи. Предвидѣлся очень хорошій урожай. Колонисты развели много свиней. Литейный заводъ и фабрики работали очень хорошо. Колонисты прокладывали всюду новый дренажъ, что должно было увеличить цѣнность и продуктивность полей. Помимо матеріальнаго успѣха, соціальная жизнь колоніи не оставляла желать ничего лучшаго. Грубое, лѣнивое, ожесточенное населеніе, совершенно преобразилось. «Я попала совершенно въ иной міръ,—пишетъ одна дама, посѣтившая Орбистонъ... Я была вчера на вечерѣ, устроенномъ колонистами и подобнаго заразительнаго веселья никогда еще не видала. Колонисты танцовали до утра». Повидимому, все предвѣщало, что опытъ въ Орбистонѣ также удастся, какъ и въ Нью-Лэнеркѣ; но колонія пришла къ неожиданному концу. Въ концѣ 1827 г. Комбъ скоропостижно скончался. Послѣдними словами его было: «счастливъ, что опытъ въ Орбистонѣ удался». Предъ смертью Комбъ самъ продиктовалъ эпитафію, которая вырѣзана теперь на его могильной плитѣ: «Разумъ его въ предсмертный часъ одобрилъ, что онъ дѣлалъ въ жизни». Комбъ, однако, свершилъ одну невольную ошибку. По духовному завѣщанію наслѣдникомъ и душеприказчикомъ остался братъ Авраама—Вильямъ. Комбъ юридически считался собственникомъ Орбистона, потому что на свой счетъ и на свое имя купилъ землю. И вотъ, основываясь на этомъ правѣ, осенью 1827 г. Вильямъ Комбъ назначилъ помѣстье въ продажу и велѣлъ выбраться всѣмъ колонистамъ. Робертъ Оуэнъ былъ тогда всецѣло поглощенъ въ Америкѣ опытомъ въ Новой Гармоніи, а безъ него нельзя было найти сочувствующихъ капиталистовъ, которые снабдили бы колонистовъ громадной суммой на покупку. Землю продали, а колонія разбрелась. Неожиданная продажа разорила нѣкоторыхъ восторженныхъ поклонниковъ Оуэна, снабдившихъ колонистовъ деньгами на устройство литейнаго завода и фабрикъ. Два ученика Оуэна—Вильямъ Шадденъ и Кэмбель (организаторъ школъ въ Орбистонѣ)—не только потеряли рѣшительно все, но попали даже въ долговую тюрьму, такъ какъ они были матеріально отвѣтственны за долги, заключенные производительными артелями. Катастрофа нисколько не уменьшила ихъ вѣры въ ученіе Оуэна. «Я глубоко убѣжденъ, что только ваше ученіе, осуществленное въ жизни, можетъ спасти человѣчество, — писалъ изъ тюрьмы Оуэну Кэмбель въ октябрѣ 1828 г. Какъ только меня освободятъ, я снова стану проповѣдывать систему, въ осуществимость которой твердо вѣрю. Эта система настолько совершеннѣе современнаго общества, насколько знаніе выше невѣже-

ства». Дѣйствительно, Кэмбель до самой смерти былъ однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ апостоловъ ученія Оуэна.

X.

Робертъ Оуэнъ, между тѣмъ, успѣшно проповѣдывалъ устройство производительныхъ коопераціи. Въ началѣ 1830 г. въ Англіи насчитывалось уже не меньше трехсотъ обществъ подобнаго рода, а въ 1831 г. число ихъ достигло 500. Возникло спеціальное общество для пропаганды идей коопераціи и для помощи имъ (British Association for promoting Co-operative Knowledge). Возникли первыя потребительныя кооперативныя общества и стали появляться при нихъ спеціальныя изданія, какъ «Лондонскій Вѣстникъ коопераціи». То были первые неувѣренные шаги; черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ движеніе въ другой формѣ, чѣмъ проповѣдывалъ Оуэнъ, охватило всю Англію. Теперь англійскія кооперативныя общества на первый планъ выставляютъ мотивы практическіе; въ то время коопераціи усиленно подчеркивали идеалистическія стремленія. «Мы стремимся къ всеобщему братству,— читаемъ мы въ первомъ нумерѣ кооперативнаго журнала. — Все человѣчество должно пользоваться одинаковыми привилегіями. Всюду должны наступить миръ и благоволеніе. Равное распредѣленіе труда, богатства и знанія должны осуществить счастье человѣческаго рода».

Цѣли и стремленія первыхъ англійскихъ кооперативныхъ обществъ хорошо опредѣлены въ книгѣ Вильяма Томсона «Практическое руководство для быстрой и дешевой организаціи коммунъ», вышедшей въ 1830 г. *). Авторъ опредѣляетъ методъ коопераціи, какъ «добровольный союзъ промышленныхъ или производительныхъ классовъ, соединившихся въ такомъ числѣ, что представляютъ готовые рынки другъ для друга». «Коопераціи производятъ одна для другой всѣ продукты первой необходимости». Производительныя коопераціи немыслимы безъ земли. Союзъ кооператоровъ, занятый какой-нибудь другой отраслью промышленности, а не земледѣліемъ, напр., литейнымъ или ткацкимъ дѣломъ, откладываетъ чистую прибыль на покупку или на аренду земли. Томсонъ намѣчаетъ, такъ сказать, концентрическій планъ коопераціи, т. е., какимъ путемъ, въ концѣ концовъ, дойти до земли. Авторъ выясняетъ «два базиса идеальной коммуны»: 1) Равное распредѣленіе и 2) общность всѣхъ орудій производства. «Равное распредѣленіе», по разъясненію Томсона,—означаетъ, что каждый сочленъ отдаетъ общинѣ свои способности и получаетъ пропорціонально своимъ потребностямъ.

---

*) *William Thompson*, „Practical Direction for the Speedy and Economical Establishment of Communities", London, 1830.

«Общность орудій производства» означаетъ, что каждый взрослый сочленъ кооперацін имѣетъ одинаковыя со всѣми права на земли, постройки, машины, орудія и живой инвентарь общины.

Мы видимъ, что Томсонъ въ существенныхъ чертахъ намѣчаетъ соціалистическую программу. Въ 1831 г. въ Манчестрѣ собрался первый конгрессъ кооператоровъ, который единогласно принялъ программу Томсона.

Для кооперацін необходимъ былъ рынокъ. И вотъ эта потребность повела къ созданію «Биржи взаимнаго обмѣна», которая основалась по проекту Роберта Оуэна. Реформаторъ преслѣдовалъ двѣ цѣли: во-первыхъ — правильный обмѣнъ продуктами между различными производителями; во-вторыхъ — устраненіе посредниковъ между производителемъ и потребителемъ, т. е. купцовъ съ ихъ прибылью. На биржѣ взаимнаго обмѣна расцѣнка фабриката должна производиться не на деньги, а соотвѣтственно количеству рабочихъ часовъ, разумно затраченныхъ на него производителемъ. Если такая расцѣнка будетъ принята, — доказывалъ Оуэнъ,—то устранится одно изъ самыхъ страшныхъ бѣдствій современнаго общества – безработица. «Тысячи работниковъ пробуждаются утромъ, не зная, гдѣ они сегодня найдутъ работу, — говоритъ Оуэнъ въ передовой статьѣ своей газеты *Crisis*, которую сталъ издавать въ 1832 г. Каждый изъ этихъ работниковъ можетъ производить больше, чѣмъ ему нужно для собственныхъ потребностей и каждый изъ нихъ нуждается въ продуктахъ, производимыхъ другими работниками. Обычно, чтобы добыть эти продукты, производитель предварительно обмѣниваетъ свой фабрикатъ у «торговца деньгами» (money holder) на ходячую монету, а затѣмъ уже обмѣниваетъ деньги на необходимую вещь. Производитель мѣняется, такимъ образомъ, или съ другимъ производителемъ, или, что гораздо чаще, съ посредникомъ, купцомъ. И если существуетъ недостатокъ въ деньгахъ, или если посредникъ не желаетъ купить предложенный ему продуктъ,—производитель, чтобы пріобрѣсть необходимую ему вещь, долженъ сильно потерпѣть матеріально. Производитель всегда зависитъ отъ посредника, удерживающаго въ свою пользу, въ видѣ прибыли, значительную часть труда, затраченнаго на каждую вещь, проходящую черезъ его руки. Это крайне убыточно для производителя, который съ невыгодой для себя разстается съ своимъ продуктомъ и съ такою же невыгодой пріобрѣтаетъ необходимую вещь. Теперь нѣтъ болѣе надобности въ посредникѣ; производитель можетъ обойтись безъ него—продолжаетъ Робетъ Оуэнъ.—Для этого производители должны вступить въ взаимныя сношенія и обмѣниваться своими издѣліями, что будетъ выгодно, какъ для нихъ, такъ и вообще для потребителя». Необходимы биржи взаимнаго обмѣна. Но для этого нужно предварительно установить общую систему расцѣнки, для чего слѣдуетъ имѣть въ виду нѣсколько основныхъ принциповъ.

«Богатства (т. е. накопленіе фабрикатовъ и орудій производства) являются результатомъ труда и знаній, — говоритъ Робертъ Оуэнъ. — Трудъ и знаніе вознаграждаются соотвѣтственно производительно затраченному для опредѣленной цѣли времени. Вотъ почему рабочее время должно служить шкалой или мѣрой богатства» *).

Робертъ Оуэнъ извѣстилъ о томъ, что онъ устраиваетъ въ Лондонѣ на Гризинъ-роадъ биржу взаимнаго обмѣна, на которой производители будутъ получать, въ обмѣнъ за доставленные туда издѣлія, билеты, съ указаніемъ числа затраченныхъ рабочихъ часовъ. Каждый рабочій часъ будетъ представлять цѣнность въ шесть пенсовъ. Съ обычнымъ своимъ организаторскимъ и практическимъ талантомъ Робертъ Оуэнъ детально выработалъ планъ исчисленія стоимости издѣлій, приносимыхъ на биржу. Предположимъ, столяръ, рабочій часъ котораго на трудовомъ рынкѣ оплачивается однимъ шиллингомъ, приноситъ на биржу взаимнаго обмѣна комодъ. Рабочіе часы исчисляются такимъ образомъ. Прежде всего опредѣляется въ деньгахъ стоимость матеріала, а затѣмъ въ деньгахъ же стоимость труда. Вся сумма потомъ превращается въ пенсы и дѣлится на 6. Частное—составитъ число рабочихъ часовъ, на которое производитель получаетъ соотвѣтственный чекъ.

Національная биржа взаимнаго обмѣна (National Equitable Labour Exchange) была открыта 17-го сентября 1832 г. и первое время имѣла колоссальный успѣхъ. Производители доставили такую массу издѣлій, что заполнили не только всѣ помѣщенія, но заставили даже тротуары. Черезъ четыре дня пришлось временно закрыть на три дня биржу, чтобы разставить доставленныя издѣлія и оцѣнить ихъ. Чеки биржи съ указаніемъ на нихъ числа рабочихъ часовъ **) принимались не только въ складахъ ея въ обмѣнъ на издѣлія. Театры и нѣкоторые магазины заявили, что принимаютъ чеки вмѣсто денегъ. Въ большихъ провинціальныхъ городахъ, какъ въ Бирмингэмѣ, напр., чеки биржи охотно принимались. Успѣхъ биржи въ первые дни былъ такъ великъ, что 24-го сентября, т. е. черезъ недѣлю послѣ открытія, Робертъ Оуэнъ на митингѣ заявилъ: «промышленно непроизводительные классы, т. е. торговцы и посредники должны скорѣе выучиться какому-нибудь дѣлу. Биржа взаимнаго обмѣна послужитъ тѣмъ мостомъ, по кото-

---

*) *Crisis*, vol. I, p. 59.

**) Вотъ текстъ такого чека: „Биржа взаимнаго обмѣна. Завѣдующему складомъ биржи. Такого-то числа и года. Вручите предъявителю изъ товаровъ, находящихся въ складахъ, эквивалентъ столькихъ-то часовъ рабочаго времени. Главный распорядитель Робертъ Оуэнъ. Директоръ Остинъ“. Чекъ украшенъ виньетками съ символическими изображеніями девиза биржи: „Трудолюбіе“ (улей) и „Справедливость“ (вѣсы). На чекѣ помѣщенъ адресъ биржи и прибавлено: „открыта отъ десяти до шести“. Фотографическій снимокъ чека приложенъ къ книгѣ Подмора (vol. II, p. 418).

рому современное общество перейдетъ въ новый міръ производства и справедливаго распредѣленія». Черезъ два дня Робертъ Дэйлъ Оуэнъ (старшій сынъ) созвалъ митингъ торговцевъ и посовѣтовалъ имъ переселиться въ Новую Гармонію, чтобы тамъ выучиться какому-нибудь полезному дѣлу. Лекторъ предсказывалъ, что биржа взаимнаго обмѣна гибельно отразится на интересахъ продавцовъ.

До конца 1832 г. дѣла биржи взаимнаго обмѣна шли блистательно. Главнымъ образомъ доставляли туда свои издѣлія портные, столяры и сапожники. Въ этой сферѣ труда до сихъ поръ чаще всего наблюдается такъ называемая система выжиманія пота. Въ концѣ декабря 1832 г. издѣлія, доставленныя на биржу взаимнаго обмѣна оцѣнивались въ 445,500 рабочихъ часовъ, обмѣнено было товаровъ на 376,166 рабочихъ часовъ. Такимъ образомъ, на складѣ имѣлся товаръ, оцѣненный въ 69,335 раб. час., или въ 1733 ф. ст. 7 шил. 6 пенсовъ. Дѣла шли такъ хорошо, что понадобилось открытіе новаго отдѣленія биржи въ другой части города. Ослѣпленный успѣхомъ биржи, владѣлецъ зданія повысилъ арендную плату на 100% (1400 ф. ст. въ годъ вмѣсто 700). Существованіе биржи породило у работниковъ планъ, какъ помочь безработнымъ товарищамъ, и въ началѣ 1833 г. образовался союзъ промышленныхъ ассоціацій, въ который вошли портные, сапожники, столяры, маляры, стекольщики, плотники, шапочники, щеточники, литейщики и машинисты. Каждый изъ членовъ союза вносилъ еженедѣльно по одному шиллингу. На эти средства были наняты помѣщенія и пріобрѣтены матеріалы для безработныхъ, которые получали на биржѣ взаимнаго обмѣна за свои издѣлія часть чеками, а часть—наличными деньгами. Изъ отчетовъ союза промышленныхъ ассоціацій мы видимъ, что покуда биржа представляла готовый рынокъ, всѣ безработные, умѣющіе и желающіе что-нибудь дѣлать, находили занятія.

Съ 1834 г. дѣла биржи сильно пошатнулись. Мы видимъ, что она имѣетъ на складѣ много товаровъ, тогда какъ обмѣнъ страшно сократился. Съ каждымъ мѣсяцемъ дѣла ухудшаются. Бакалейные товары, которые выдавались прежде изъ складовъ биржи въ обмѣнъ за чеки, въ маѣ 1834 г. отпускаются уже частью за наличныя деньги. Еще черезъ мѣсяцъ покупатели должны дать 75% стоимости наличными и только 25%—чеками. Въ концѣ іюня дѣла ухудшаются такъ, что директоръ Остинъ пишетъ Оуэну о необходимости ликвидаціи. Черезъ три недѣли биржа взаимнаго обмѣна обанкротилась. Чѣмъ объяснить это явленіе? Главнымъ образомъ, виною явилась недобросовѣстность многихъ кліентовъ биржи, которые доставили туда много негоднаго товара. Получивъ чеки, они поспѣшили забрать изъ складовъ все лучшее и цѣнное. Такимъ образомъ, на рукахъ у директоровъ остался никуда не годный хламъ. Робертъ Оуэнъ придумалъ замѣчательный планъ устраненія

посредника; но онъ упустилъ изъ вида существованіе «человѣческихъ устрицъ», о которыхъ говоритъ Герценъ.

XI.

Начало тридцатыхъ годовъ въ Англіи—время отчаянной борьбы демократіи за политическія реформы. Въ Англіи былъ парламентъ, но имъ могли пользоваться только очень богатые люди, которые и использовали его для своихъ личныхъ цѣлей. Съ конца XVII Англія имѣла свободу печати; но опять же привилегіей этой фактически пользовались только богатые классы, которые приняли всѣ мѣры, чтобы массы не имѣли газетъ. Съ этой цѣлью существовалъ налогъ на бумагу и штемпельный налогъ; послѣдствіемъ было, что нумеръ газеты стоилъ семь пенсовъ, т. е. 28 коп. Теперь нумеръ англійской газеты въ 12 страницъ громаднаго формата стоитъ только полъ-пенни (2 коп.). Въ Англіи была свобода совѣсти. Еще въ началѣ XVII в. здѣсь появилась смѣлая и остроумная критика Болингброка, у котораго Вольтеръ заимствовалъ такъ много. Болингброкъ открыто выступалъ противъ библіи, когда во Франціи возможны были еще казни Калласа и шевалье Барра. Но тотъ же Болингброкъ допускаетъ скептицизмъ только для знатныхъ людей. Массы нужно изъ политическихъ соображеній держать въ темнотѣ. Пусть господствующая религія,—говоритъ Болингброкъ,—будетъ, быть можетъ, совершенно груба и суевѣрна,—все равно! Ее нужно всетаки сохранить во всемъ объемѣ, со всѣми догматами и обрядами, потому что она полезна для обузданія народа. Религія это—instrumentum regni, по выраженію Тацита. Въ письмѣ къ Свифту Болингброкъ называетъ свободныхъ мыслителей, пишущихъ для массъ,—язвой общества. И, руководствуясь, должно быть, завѣтомъ Болингброка, правительство въ 1840 г. арестовало и отправило въ тюрьму «за кощунство» неизвѣстнаго тогда молодого человѣка, проповѣдывавшаго въ деревенской тавернѣ крестьянамъ раціонализмъ (процессъ Голіоака). Въ Англіи существовала свобода союзовъ, но опять только для богатыхъ людей. Они могли устраивать лиги, ассоціаціи, политическіе клубы. Союзы же работниковъ преслѣдовались, какъ тяжкое преступленіе, какъ «conspiracy», и карались сперва смертной казнью, а потомъ, когда нравы смягчились, ссылкой въ Австралію. Богатые классы забрали въ свои руки политическую власть, привилегіи гражданъ, словомъ все, и зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы массы не выходили изъ состоянія животныхъ. Путемъ захвата общинныхъ земель, богатые классы выгнали изъ деревень крестьянъ, которые принимали такое видное участіе въ борьбѣ съ короной въ XIV и въ XVII вв. Сельское населеніе скучилось въ грязныхъ, нездоровыхъ городахъ того времени. Черезъ два поколѣнія, вслѣдствіе отчаянной нищеты и глубокаго

невѣжества, потомки свободныхъ іоменовъ совершенно одичали въ городахъ. Достаточно прочитать реалистическіе романы Фильдинга (напр. Джонатанъ Уайлдъ) или Смоллета (*Родерикъ Рэндомъ* или *Приключенія Перегрина* Пикла); достаточно просмотрѣть серіи каррикатуръ Хогарта (напр. «Четыре стадіи жестокости» или «Прогрессъ потаскушки»), чтобы убѣдиться въ этомъ. Все это—точныя показанія современниковъ, которые рисовали съ натуры. Русскимъ читателямъ, вѣроятно, болѣе доступенъ Диккенсовскій *Барнаби Реджъ* (я не знаю, переведены ли упомянутые выше романы). Пусть они вспомнятъ участниковъ Гордоновскаго мятежа въ 1780 г., выведенныхъ въ романѣ, хотя передъ нами не историческій документъ, какъ, напр., романы Смоллета. Диккенсъ описывалъ Гордоновскій мятежъ черезъ 65 лѣтъ.

Богатые классы съ безпощадной жестокостью расправлялись тогда съ бѣдными. Читатели, вѣроятно, помнятъ мать конюха Хью (Барнаби Реджъ), повѣшенную за ничтожный проступокъ. Диккенсъ взялъ историческій фактъ, дѣло нѣкоей Мэри Джонесъ, казненной въ 1777 г. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ смертная казнь полагалась за воровство, за поддѣлку монеты, за подлогъ и пр. Съ начала тридцатыхъ годовъ начинается пробужденіе англійской демократіи. Билль о реформахъ 1832 г. освободилъ средніе классы и далъ мощный толчекъ рабочимъ классамъ. Началась отчаянная борьба ихъ за политическія права, за участіе въ выборахъ, за право союзовъ, за дешевую демократическую печать. Возникли партіи, признававшія только мирныя средства борьбы и такія организаціи, которыя говорили, что только силой можно вырвать права. Какъ все это кажется легендарнымъ современному среднему англичанину! Борьба за политическія права демократіи выдвинула такихъ бойцовъ, какъ Ловетъ, Коллинсъ, Атвудъ, Солтъ, О'Конноръ, Ричардъ Карлайль и др. Борьба за народную печать дала Хетерингтона, издателя самой замѣчательной въ XIX вѣкѣ демократической газеты *Poor Man's Guardian* (*Стражъ Бѣдняка*). Съ поразительной смѣлостью Хетерингтонъ печаталъ свою газету, не смотря на всѣ преслѣдованія. Самое замѣчательное то, что новая пресса создала новыхъ распространителей. Въ заговорѣ противъ правительства были всѣ печатники и разносчики. Не обращая вниманія на возможность попасть въ тюрьму, разносчики выносили изъ типографіи газету, «подъ носомъ» у полиціи, являвшейся разбросать наборъ. Черезъ часъ газета продавалась уже на всѣхъ перекресткахъ. Полицейскіе агенты караулили, чтобы газета не пошла въ провинцію. Но въ заговорѣ противъ сыщиковъ и полицейскихъ были почталіоны, кондукторы, и контрабанда проникала всюду, въ самые глухіе углы. Движеніе выработало смѣлыхъ бойцовъ; но обостренность борьбы дѣлала ихъ нетерпѣливыми и подозрительными. «Кто не съ нами, тѣ противъ насъ»,—говорили, вожди массъ. «Ловетъ былъ замѣчательный политическій дѣятель,

преданный, смѣлый, очень наблюдательный, отлично знавшій работниковъ. Его недостаткомъ была страшная подозрительность къ мотивамъ другихъ дѣятелей, не раздѣлявшихъ во всемъ его взглядовъ»,—такъ характеризуетъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ участниковъ чартистскаго движенія человѣкъ, хорошо знавшій Ловета и работавшій вмѣстѣ съ нимъ *).

Робертъ Оуэнъ относился совершенно равнодушно къ тому политическому движенію, которое происходило при немъ. Во всей громадной перепискѣ его можно найти едва одну или двѣ безразличныя фразы о борьбѣ за всеобщее избирательное право. Чѣмъ объяснить это равнодушіе? Вожди демократіи того времени, легко заподозривавшіе мотивы человѣка, не слѣдующаго за ними, объясняли причину явленія тѣмъ, что Оуэнъ не желаетъ ссориться со своими вліятельными и знатными союзниками. Среди послѣдователей Оуэна мы, дѣйствительно, находимъ богатыхъ людей; но утвержденіе, что реформаторъ считался съ ихъ ненавистью къ демократіи совершенно неосновательно. Напротивъ, богатые послѣдователи Оуэна шли за нимъ и отдавали ему на опыты состояніе по тѣмъ же мотивамъ, по которымъ у насъ въ семидесятыхъ годахъ къ революціонному движенію приставали люди обезпеченные, съ хорошимъ общественнымъ положеніемъ. Робертъ Оуэнъ относился равнодушно къ борьбѣ за политическія реформы не потому, что не хотѣлъ ссориться съ вліятельными людьми, а потому, что считалъ совершенно безполезнымъ дѣломъ накладывать новыя заклепки на старую, негодную общественную машину, которую къ тому же, какъ глубоко вѣрилъ реформаторъ, очень скоро сдадутъ на сломъ. Робертъ Оуэнъ былъ твердо убѣжденъ, что стоитъ сдѣлать нѣсколько удачныхъ опытовъ, т. е. стоитъ показать на дѣлѣ, какъ успѣшно идутъ колоніи, созданныя по его идеалу,—и человѣчество пойметъ нелѣпость, несправедливость и невыгодность стараго соціальнаго строя и замѣнитъ его новымъ. Зачѣмъ же тогда думать палліативахъ, о какомъ-то всеобщемъ избирательномъ правѣ? Не похоже ли это на попытку бѣлить потолки въ полуразвалившемся, негодномъ, нездоровомъ домѣ, изъ котораго все равно люди завтра выберутся въ новое красивое помѣщеніе, при чемъ старое разрушатъ совершенно, не оставивъ камня на камнѣ?

Poor Man's Guardian выяснялъ постоянно, что нечего думать о радикальныхъ соціальныхъ реформахъ, если народъ раньше не добьется широкихъ политическихъ реформъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательны статьи Бронтера О'Брайана, доказывавшаго, что богатые классы не допустятъ соціальныхъ преобразованій, не выгодныхъ для нихъ, если массы не будутъ имѣть политическихъ правъ. «Мистеръ Оуэнъ можетъ быть увѣренъ,—писалъ Бронтеръ О'Брайанъ,—что правительство не станетъ вмѣшиваться въ его

---

*) *G. Holyoake*, „Sixty Years of an Agitators Life“, vol. I, p. 269.

планы, покуда они совершенно невинны. Но пусть счастье хоть разъ улыбнется ему; пусть проектъ, который теперь всѣмъ кажется химерой, осуществится къ выгодѣ работниковъ и невыгодѣ правящихъ классовъ. Тогда Оуэнъ и ученики его быстро убѣдятся, какъ сильно страдаютъ массы отъ отсутствія дѣйствительно народнаго парламента». Лично къ Оуэну авторъ статьи въ *Poor Man's Guardian* относится съ глубокимъ уваженіемъ. Какъ извѣстно, въ теченіе долгаго времени англійскіе работники интересовались только своими узко-профессіональными вопросами. Работники на своихъ съѣздахъ обсуждали восьмичасовой рабочій день, пенсіонъ для престарѣлыхъ и пр.; но оставались совершенно равнодушны къ вопросу о непосредственномъ участіи пролетаріата въ политической жизни Англіи. Цѣлый рядъ фактовъ, какъ походъ при помощи судебныхъ приговоровъ противъ трэдъ-юніоновъ, заставилъ англійскихъ работниковъ пойти по тому пути, который семьдесятъ лѣтъ тому назадъ указывалъ имъ *Poor Man's Guardian*, т. е. они рѣшили послать въ парламентъ свою собственную партію.

XII.

Робертъ Оуэнъ, относившійся совершенно равнодушно къ вопросу о политическихъ реформахъ, горячо поддерживалъ всякое стремленіе рабочихъ улучшить свое положеніе. По своему обыкновенію, Оуэнъ при этомъ ставилъ вопросъ всегда ребромъ, въ гораздо болѣе рѣшительной формѣ, чѣмъ дѣлали сами рабочіе. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Ричардъ Оастлеръ, Джонъ Доэрти и Джорджъ Буллъ организовали движеніе въ пользу проведенія закона о десятичасовомъ рабочемъ днѣ на фабрикахъ и заручились въ парламентѣ содѣйствіемъ коммонеровъ Садлера и Фильдена. Послѣ трехлѣтней агитаціи, парламентъ все таки отказался выслушать во второмъ чтеніи билль Садлера какъ «непрактичный» и революціонный. Вмѣсто этого, парламентъ принялъ билль Гобгауза, устанавливавшій на фабрикахъ двѣнадцатичасовой рабочій день для подростковъ. Оуэнъ сочувствовалъ движенію, поднятому Оастлеромъ, Доэрти и Булломъ, но только находилъ, что требованія слишкомъ скромны. Нужно агитировать въ пользу не десятичасового, а восьмичасового дня,—писалъ Оуэнъ; но организаторы движенія отказались работать вмѣстѣ съ нимъ, утверждая, что его «чрезмѣрныя» требованія погубятъ хорошее и полезное дѣло. Оуэнъ тогда самъ сталъ группировать рабочихъ и доказывать имъ необходимость добиваться восьмичасового дня; въ отвѣтъ на это Оастлеръ, Доэрти и Буллъ направили всѣ усилія на то, чтобы возстановить работниковъ противъ реформатора. Общество, добивающееся десятичасового дня, поручило видному агитатору того времени Эбенезеру Эллиоту изложить въ меморіалѣ, адресованномъ

Оуэну, причины, почему оно не можетъ присоединиться къ нему. Эллiотъ принималъ дѣятельное участіе въ агитаціи за отмѣну хлѣбныхъ налоговъ. Ему принадлежатъ прокламаціи, въ которыхъ доводы фритрэдеровъ изложены въ стихахъ, въ наиболѣе доступной для массъ формѣ. Эти стихи распѣвались потомъ на мотивы народныхъ пѣсенъ. Въ этой сжатой формѣ доводы противъ хлѣбныхъ налоговъ врѣзывались въ память. Самый скромный «ходжъ» (т. е. сельскій работникъ) могъ такимъ образомъ, въ случаѣ надобности, выставить рядъ аргументовъ противъ протекціонизма. Эти рифмованныя прокламаціи, ведущія свое начало отъ писемъ Джона Болла, товарища Уота Тэйлора, сыграли почетную роль въ исторіи всѣхъ важныхъ политическихъ движеній въ Англіи. У насъ теперь такая масса людей, хорошо владѣющихъ стихомъ, что удивительно, какъ это до сихъ не воспользовались англійской системой пропаганды среди народа. Вопросъ о землѣ крестьянину нечего выяснять; но почему, напр., не изложить въ стихахъ основныя права гражданина, т. е. въ сжатой, яркой формѣ изложить что такое «воля?» Я имѣю въ виду, конечно, не абстрактныя стихотворенія на тему «свобода», какихъ теперь много; не призывы въ родѣ слѣдующихъ:

„Ненавистны мнѣ враги
Но друзья отвратны вдвое,
Если крикнувъ „Помоги",
Если крикнувъ: „здѣсь враги",—
Я вижу ликъ ихъ соннымъ, въ преждевременномъ покоѣ".

Чувство, выраженное въ этихъ стихахъ очень почтенно; но ничего больше нельзя сказать о нихъ. Ни интеллигенціи, ни народу эти стихи ничего не даютъ. Необходимы *аргументы*, которые «прилипали» бы къ памяти крестьянина или чернорабочаго. Говорятъ, освободительное движеніе настолько всколыхнуло Россію, что даже поэты, воспѣвавшіе недавно ассирійскаго царя Ассаргадона, тѣни не созданныхъ созданій, Большую Медвѣдицу и свойства металловъ,—теперь принялись за гражданскія темы. Вотъ бы этимъ поэтамъ послѣдовать примѣру Эбенезера Эллiота! Это было бы amende honorable предъ всей Россіей за стихи вродѣ слѣдующихъ:

„Люблю дома, не скалы, ахъ,
Книги краше розъ!
Но милы мнѣ кристаллы
И жалы тонкихъ осъ".

Но я нѣсколько уклонился. Эллiоту поручили составить меморіалъ, и вотъ что говорилось тамъ по адресу Роберта Оуэна отъ имени работниковъ. «Вы увѣряете насъ, что имѣете цѣлью заставить праздныхъ потребителей богатства платить намъ болѣе высокую плату, чѣмъ теперь за наши издѣлія. Но вы не говорите,

какимъ образомъ можно заставить потребителей платить намъ высокія цѣны за наши продукты, когда есть возможность у покупателей пріобрѣтать тѣ же товары дешевле, обратившись къ заграничному рынку». Дальше въ меморіалѣ говорится, что рабочимъ, прежде всего, необходимъ дешевый хлѣбъ, т. е. отмѣна всѣхъ налоговъ на него. Короткій рабочій день не возможенъ, такъ какъ это поведетъ къ пониженію заработной платы. «Не ограбивъ кого нибудь, невозможно получить за восемь часовъ работы ту же плату, что и за двѣнадцать». И это былъ «меморіалъ» отъ имени рабочихъ! Дѣйствительность показала теперь дальновидность Роберта Оуэна. Восьмичасовой рабочій день не только сталъ лозунгомъ всего пролетаріата, но осуществленъ уже давно, какъ въ британскихъ колоніяхъ, такъ и во многихъ отрасляхъ промышленности въ Англіи. Въ 1895 г. консерваторы выставили на выборахъ въ своей программѣ пунктъ, который семьдесятъ лѣтъ тому назадъ многимъ работникамъ казался безумнымъ и неосуществимымъ требованіемъ. Нѣтъ спеціальныхъ добродѣтелей или пороковъ, присущихъ опредѣленному классу. До настоящаго момента англійскимъ работникамъ, отстаивавшимъ восьмичасовой рабочій день, приходилось бороться не только съ нѣкоторыми консерваторами и либералами, но и со своими товарищами. Извѣстно, что самый богатый и мощный трэдъ-юніонъ, — союзъ дерхэмскихъ углекоповъ,—возставалъ противъ восьмичасоваго дня. Углекопы работаютъ семь часовъ. Затѣмъ въ шахту спускаются юноши, дѣти угкекоповъ, которые девять часовъ заняты нагруженіемъ въ тачки нарубленнаго угля. И вотъ дерхэмскіе углекопы были противъ восьмичасового дня, потому что это сократило бы трудъ ихъ дѣтей на часъ, но увеличило бы рабочій день взрослыхъ. Только въ настоящій моментъ дерхэмскіе углекопы присоединились къ остальнымъ товарищамъ. Такую же прозорливость, какъ и при обсужденіи вопроса о рабочемъ днѣ, Оуэнъ проявилъ по отношенію къ трэдъ-юніонамъ. 1832 г. сильно разочаровалъ англійскихъ работниковъ, которые ожидали, что великій билль о реформахъ значительно улучшитъ положеніе пролетаріата. Билль эмансипировалъ только средніе классы. И вотъ періодъ 1832—34 г.г. ознаменованъ въ Англіи сильнымъ броженіемъ среди работниковъ. Оуэнъ занялся организаціей работниковъ, которымъ проповѣдывалъ, что имъ принадлежитъ будущее, такъ какъ за нихъ справедливость: единственнымъ мѣриломъ и единственнымъ источникомъ богатства является трудъ. Организуйтесь, соединяйтесь въ союзы по ремесламъ и потомъ—въ союзы союзовъ»,—говорилъ рабочимъ Робертъ Оуэнъ. Онъ выработалъ планъ Великаго Національнаго Совѣта всѣхъ англійскихъ работниковъ, который осуществился потомъ, послѣ смерти реформатора подъ другимъ названіемъ. Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ трэдъ-юніонизмъ представлялъ собою слабый ростокъ, который во всякій моментъ можетъ быть вырванъ и раз-

давленъ. Теперь—трэдъ-юніоны громадная и признанная сила, отлично организованная и располагающая очень большими средствами. На годичный конгрессъ, открывшійся въ Ливерпулѣ, когда я заканчиваю эту статью, собралось 459 делегатовъ отъ различныхъ рабочихъ союзовъ, насчитывающихъ 1.600,000 сочленовъ. Въ этомъ году делегаты проникнуты оптимизмомъ, какъ никогда еще. Въ самомъ дѣлѣ трэдъ-юніоны рѣшили, что имъ необходима рабочая партія въ парламентѣ и на выборахъ въ январѣ этого года блестяще осуществили это. Въ первую же сессію партія эта провела въ нижней палатѣ свой билль, охраняющій неприкосновенность фондовъ трэдъ-юніоновъ и узаконяющій мирное «пикетированіе» (т. е. «сниманіе») во время стачекъ. Конгрессъ выставилъ рядъ требованій, надъ которыми вѣетъ тѣнь Роберта Оуэна.

Діонео.

Національный вопросъ и австрійскіе соціалисты.

(*Письмо изъ Австріи*).

На долю австрійскихъ соціалъ-демократовъ выпала очень трудная задача, неизвѣстная ихъ западно-европейскимъ товарищамъ или, по крайней мѣрѣ, не представляющая для послѣднихъ никакихъ практическихъ затрудненій. Я имѣю въ виду національный вопросъ, налагающій также специфическую печать на всѣ австрійскія отношенія - политическія, соціальныя и культурныя. Пока главнымъ центромъ рабочаго движенія была Вѣна вмѣстѣ съ нѣсколькими промышленными центрами сѣверной, чисто нѣмецкой, части Богеміи, національный вопросъ и въ австрійской соціалъ-демократіи не игралъ никакой роли. Однако, уже довольно скоро рядомъ съ нѣмецкимъ соціалистическимъ движеніемъ возникаетъ чешское. Мало того, въ тѣ промышленные пункты, которые обладали сплошнымъ нѣмецкимъ рабочимъ населеніемъ, хлынулъ чешскій пролетаріатъ, совершенно не склонный ассимилироваться съ нѣмецкимъ и требующій удовлетворенія своихъ организаціонныхъ и агитаціонныхъ нуждъ на чешскомъ языкѣ. Подъ вліяніемъ движенія въ Царствѣ Польскомъ возникаетъ аналогичное движеніе и въ Галиціи, и австрійской соціалъ-демократіи приходится считаться съ третьимъ національнымъ элементомъ—польскимъ, который, немного спустя, начинаетъ играть серьезную роль въ Силезіи и даже въ восточной

Моравіи, гдѣ прежде поляковъ вовсе не было, и гдѣ впослѣдствіи ими переполнились рудники и заводы Острова. Какъ въ Вѣнѣ важнымъ факторомъ соціалистическаго движенія стали чешскіе рабочіе, такъ въ Силезіи—рядомъ съ чешскими—на первый планъ выдвинулись польскіе. Къ быстро растущему движенію мало-по-малу присоединялись на югѣ словинцы, сербо-хорваты и итальянцы,—на крайнемъ востокѣ украинцы (русины) и румыны. Такимъ образомъ австрійское соціалистическое движеніе къ началу текущаго столѣтія стало явленіемъ такимъ же разношерстымъ, какъ и та территорія, на которой этому движенію приходилось развиваться.

По мѣрѣ усиленія и роста соціалистическаго движенія оно видоизмѣняется и пріобрѣтаетъ своеобразный характеръ въ зависимости отъ того, въ какой изъ провинцій оно развивается. И тутъ опять національный моментъ играетъ первостепенную роль. Не только большая или меньшая степень промышленнаго развитія данной провинціи, не только роль въ ней крестьянскаго населенія, но и національныя отношенія отражаются на судьбахъ мѣстнаго движенія. Такъ какъ почти каждая изъ «коронныхъ земель» Австріи представляетъ изъ себя совершенно своеобразный міръ, не похожій на совокупность условій сосѣдней провинціи, то и соціалистическому движенію въ каждой изъ послѣднихъ приходится приноравливаться къ ихъ специфическимъ условіямъ. Такъ, напр., ирредентистское движеніе въ южномъ Тиролѣ, въ Истріи и Тріестѣ является для итальянскихъ соціалъ-демократовъ этихъ мѣстностей самымъ животрепещущимъ вопросомъ, хотя для ихъ нѣмецкихъ или чешскихъ товарищей ирредентизмъ—одинъ пустой звукъ. Для польскаго соціалиста въ Краковѣ все то, что происходитъ въ сосѣднихъ промышленныхъ раіонахъ Царства Польскаго и въ Варшавѣ, представляетъ интересъ несравненно болѣе крупный, нежели все чешское движеніе вмѣстѣ со словинскимъ и итальянскимъ. Точно такъ же событія въ Кіевѣ и Екатеринославѣ гораздо сильнѣе волнуютъ украинскаго соціалъ-демократа во Львовѣ нежели самыя крупныя событія рабочей жизни австрійской Штиріи или Каринтіи.

Если вы станете читать органы австрійскихъ соціалъ-демократовъ, выходящіе въ различныхъ провинціяхъ монархіи Габсбурговъ, то васъ несомнѣнно поразитъ то обстоятельство, что нигдѣ вы не найдете отраженія общей картины движенія. Даже вѣнская «Arbeiter Zeitung», въ подзаголовкѣ которой фигурируетъ титулъ *«центральный»* органъ австрійской соціалъ-демократіи—даже эта прекрасно редактируемая ежедневная газета не заключаетъ въ себѣ и десятой доли свѣдѣній, на основаніи которыхъ можно было бы получить хотя до нѣкоторой степени полное представленіе о чешскомъ или польскомъ соціалистическомъ движеніи въ предѣлахъ Австріи. Каждая изъ мѣстныхъ газетъ занята прежде всего своими «національными» интересами. Въ вѣнской «Arbeiter Zeitung»

мѣстные антисемиты съ Люэгеромъ во главѣ играютъ такую же важную роль, какъ и общегосударственные вопросы. Въ пражскомъ „Pravo Ludu" статьи противъ младо-чеховъ чередуются съ выпадами противъ «національныхъ-соціалистовъ». Краковскій «Naprzod» удѣляетъ все мѣсто, оставшееся у него свободнымъ отъ статей о русской Польшѣ, борьбѣ съ національ-демократами и католическимъ центромъ—съ партіями, о которыхъ чешскіе, нѣмецкіе и итальянскіе соціалъ-демократы Австріи никогда и не слыхали, по всей вѣроятности.

Мѣстная „національная" соціалъ-демократическая печать должна была неминуемо привести къ извѣстному разъединенію соціалистическаго лагеря Австріи. Это и понятно. Пока единственной ежедневной соціалъ-демократической газетой во всемъ государствѣ была вѣнская „Arbeiter Zeitung", ее читали въ цѣлой Австріи не только руководители движенія, но и простые рядовые, хотя для послѣднихъ это подчасъ бывало и очень трудно. Съ возникновеніемъ мѣстныхъ чешскихъ, польскихъ, итальянскихъ ежедневныхъ органовъ печати, „Arbeiter Zeitung" потеряла громадное большинство своихъ подписчиковъ въ Галиціи, Богеміи и т. д. Ее перестаютъ читать и вожаки движенія, по крайней мѣрѣ, среди рабочихъ, которыхъ удовлетворяетъ мѣстная газета. Такимъ образомъ суживался и кругъ вопросовъ, которыми интересовался рабочій, читавшій кромѣ мѣстнаго еженедѣльнаго листка и ежедневную вѣнскую газету, и центръ тяжести передвинулся въ сторону мѣстныхъ „національныхъ" вопросовъ. Этотъ процессъ былъ прямымъ слѣдствіемъ роста движенія.

Точно такимъ же слѣдствіемъ роста соціалистическаго движенія было расчлененіе по національностямъ существовавшихъ организацій и возникновеніе новыхъ на чисто національныхъ основаніяхъ. Въ Вѣнѣ еще лѣтъ двадцать тому назадъ соціалъ-демократическая организація имѣла чисто нѣмецкій характеръ. Всѣ пришлые элементы, начиная съ довольно многочисленныхъ чеховъ и кончая горстью итальянцевъ, утопали въ нѣмецкой массѣ и, подвергаясь сильному вліянію нѣмецкой среды и культуры, воспринимаемой, между прочимъ, въ ея соціалистической формѣ, онѣмѣчивались. Однако, со временемъ этотъ процессъ замедлился и прекратился. Возникаютъ самостоятельные чешскіе Bildungsverein'ы, потому что не прекращавшійся притокъ чешской иммиграціи выбрасывалъ на мостовую Вѣны и такіе элементы, которые совсѣмъ не знали нѣмецкаго языка и поэтому не могли пользоваться услугами говорящихъ по-нѣмецки агитаторовъ и организаторовъ. А между тѣмъ, агитировать между ними и организовать ихъ было необходимо, потому что только этимъ путемъ можно было превратить ихъ изъ «штрейкбрехеровъ» въ сознательныхъ товарищей. За эту работу принимаются члены нѣмецкой соціалъ-демократіи, чехи по происхожденію, такъ какъ только они могли воздѣйствовать на

своихъ темныхъ земляковъ. По мѣрѣ того, какъ иммиграція чешскихъ рабочихъ увеличивается, къ агитаціи среди нихъ переходятъ всѣ имѣющіяся на лицо чешскія агитаціонныя силы. И вотъ всѣ чешскіе соціалистическіе элементы Вѣны обособляются въ самостоятельныя организаціи, созываются спеціальные чешскіе митинги, на нѣмецкихъ собраніяхъ выступаютъ чешскіе ораторы, возникаетъ сначала еженедѣльная, а потомъ ежедневная чешская соціалъ-демократическая газета въ Вѣнѣ.

По такой же—въ общихъ чертахъ—схемѣ выдѣлялись иноязычныя организаціи и въ другихъ мѣстностяхъ. Такъ, въ Силезіи изъ общей (т. е., въ сущности, нѣмецкой) организаціи выдѣлилась сначала чешская, а затѣмъ и польская. Въ Восточной Галиціи изъ польской организаціи выдѣлилась украинская и т. д. Въ Вѣнѣ въ настоящее время, кромѣ нѣмецкой и чешской, существуютъ польская, словинская, украинская и итальянская организаціи.

Такимъ образомъ, съ національнымъ вопросомъ австрійская соціалъ-демократія впервые лицомъ къ лицу встрѣтилась въ области организаціонныыхъ отношеній. Выдѣленіе національныхъ организацій и обособленіе этихъ послѣднихъ являлось результатомъ чисто элементарнаго процесса, противодѣйствовать которому значило бы обрекать себя на неминуемое пораженіе и, въ то же самое время, вызвать національную борьбу въ средѣ борющейся за одни и тѣ же соціальные и политическіе идеалы соціалъ-демократіи. Вожаки австрійской соціалъ-демократіи съ Викторомъ Адлеромъ во главѣ поняли это и рѣшили воспользоваться опытомъ жизни для принципіальнаго разрѣшенія національнаго вопроса въ организаціонномъ уставѣ партіи.

На пражскомъ конгрессѣ австрійской соціалъ-демократіи послѣдняя была преобразована на національныхъ основахъ. Нѣмецкая, чешская, польская, юго-славянская, итальянская и украинская организаціи получаютъ полную внутреннюю самостоятельность во всѣхъ отношеніяхъ. Каждые два года съѣжаются на національный конгрессъ представители соціалъ-демократической партіи данной національности, каждые два года долженъ состояться общеавстрійскій конгрессъ, на которомъ рѣшаются дѣла, касающіяся соціалъ-демократіи Австріи, какъ цѣлаго. Во главѣ общегосударственной организаціи стоитъ исполнительный комитетъ, въ составъ котораго входятъ представители отдѣльныхъ національныхъ организацій. Въ вѣнскомъ парламентѣ соціалистическіе депутаты образуютъ одну общую фракцію.

На національныхъ конгрессахъ присутствуютъ представители всѣхъ организацій данной національности, независимо отъ территоріи. Такъ, напримѣръ, на чешскомъ съѣздѣ, рядомъ съ представителями организацій Богеміи, Моравіи и Силезіи мы видимъ уполномоченныхъ отъ чешскихъ организацій въ Вѣнѣ, Линцѣ и т. д. На польскомъ съѣздѣ присутствуютъ делегаты вѣнской организаціи поль-

скихъ рабочихъ. На національномъ конгрессѣ пренія ведутся, конечно, на одномъ языкѣ, за исключеніемъ привѣтственныхъ рѣчей, произносимыхъ на языкѣ той національной организаціи, которую представляетъ данный делегатъ. На общегосударственномъ конгрессѣ въ принципѣ всѣ языки пользуются равноправностью, и каждый делегатъ можетъ говорить на своемъ родномъ языкѣ, его рѣчь сейчасъ же переводится на нѣмецкій. На практикѣ обыкновенно не по-нѣмецки произносятся только привѣтственныя рѣчи, да и то представителями не всѣхъ національностей. Къ этому прибѣгаютъ словинцы и итальянцы, а кромѣ нихъ чехи. Что же касается послѣднихъ, то они послѣдовательно пользуются возможностью осуществить равноправность чешскаго языка съ нѣмецкимъ. Громадное большинство чешскихъ делегатовъ говоритъ по-чешски, послѣ чего каждая ихъ рѣчь переводится на нѣмецкій языкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ чехи требуютъ, чтобы нѣмецкія рѣчи переводились на чешскій языкъ. Вслѣдствіе такого образа дѣйствій чеховъ пренія общегосударственныхъ конгрессовъ сильно затягиваются, что вызываетъ неудовольствіе остальныхъ участниковъ этихъ съѣздовъ. Однако, чехи, которыхъ на общегосударственныхъ конгрессахъ бываетъ почти столько же, сколько нѣмцевъ, не соглашаются сойти со своей принципіальной позиціи, хотя именно среди чешскихъ делегатовъ больше всего лицъ, владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ.

Большинству приходится мириться съ этими мелкими, конечно, неудобствами, которыя, однако, гарантируетъ единодушность политической дѣятельности организацій всѣхъ національностей въ смыслѣ исполненія принятыхъ на конгрессахъ рѣшеній. И слѣдуетъ подчеркнуть тотъ фактъ, что преобразованіе организаціи на національныхъ основаніяхъ совершенно прекратило тѣ мелочныя стычки и дрязги, которыя возникали въ мѣстныхъ организаціяхъ на національной почвѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что та извѣстная натянутость отношеній, которая несомнѣнно существуетъ между чешскими и нѣмецкими рабочими, привела бы къ плачевнымъ результатамъ, если бы во-время не состоялось выдѣленіе организацій обѣихъ національностей въ особыя группы. И теперь на общественныхъ съѣздахъ между чешскими и нѣмецкими делегатами дѣло доходитъ иногда до очень горячаго обмѣна мнѣній, но обыкновенно все улаживается къ обоюдному согласію, при содѣйствіи делегатовъ другихъ національностей, и въ повседневной работѣ и борьбѣ съ общимъ врагомъ взаимныя «обиды» быстро забываются.

Итакъ, въ области организаціонныхъ отношеній австрійской соціалъ-демократіи удалось вполнѣ удачно разрѣшить національный вопросъ. Пессимисты, которые первоначально опасались, что реорганизація партіи на національныхъ основаніяхъ поведетъ къ расколу, къ разложенію и даже къ полному паденію вліянія и престижа соціалистическаго движенія въ Австріи, превратились въ на-

стоящее время въ рѣшительныхъ, подчасъ страстныхъ защитниковъ національнаго принципа въ организаціи соціалъ-демократіи.

Однако, задача австрійской соціалъ-демократіи не исчерпывалась пробразованіемъ внутренняго строя партіи. Мало было упорядочить внутреннія отношенія, слѣдовало еще дать движенію спеціальную національную программу, которая, съ одной стороны, разрѣшала бы вопросъ съ соціалистической точки зрѣнія, а съ другой— могла бы имѣть практическое значеніе для всѣхъ безъ исключенія населяющихъ Австрію національностей. Перваго достигнуть было не трудно, такъ какъ принципіально національный вопросъ разрѣшается въ духѣ соціалистическаго ученія очень просто: уничтожая всякій гнетъ, соціализмъ въ то же время уничтожитъ и національный гнетъ. Однако, такая теоретическая формула, вполнѣ удовлетворяющая соціалистическую партію въ государствѣ съ однороднымъ этнографическимъ населеніемъ, не можетъ удовлетворить практическимъ потребностямъ такого государства, какъ Австрія, гдѣ съ національными проблемами приходится считаться на каждомъ шагу, гдѣ на каждомъ шагу нужно давать отпоръ націоналистическимъ выходкамъ и гдѣ соціалистамъ всѣхъ національностей приходится то и дѣло встрѣчаться съ обвиненіемъ въ національномъ предательствѣ, въ поддержкѣ враговъ данной національности и т. д. Національный вопросъ въ Австріи—это вопросъ злободневный, эксплуатируемый политиками всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ, это вопросъ, на который всякій политикъ, а въ томъ числѣ, конечно, и политикъ соціалистическаго лагеря, обязанъ реагировать не абстрактными формулами, а совершенно реальной программой.

Австрійскіе соціалъ-демократы очутились въ довольно затруднительномъ положеніи. Въ области вопросовъ соціально-экономическихъ и большей части политическихъ они могли пользоваться громаднымъ запасомъ опыта и богатой литературой западно-европейскихъ товарищей. Что же касается національнаго вопроса, то тутъ приходилось самимъ проторить дорогу, такъ какъ ни у великихъ учителей,—Маркса и Энгельса,—ни у практическихъ дѣятелей соціалистическаго лагеря Германіи, Франціи, Англіи нечему было учиться.

У Маркса и Энгельса можно было найти очень много мыслей относительно одного изъ національныхъ вопросовъ, именно польскаго. Однако, та точка зрѣнія, изъ которой при этомъ исходили законодатели научнаго соціализма, совершенно не годилась австрійскимъ соціалистамъ. Марксъ и Энгельсъ считали необходимымъ возстановленіе исторической Польши въ полномъ ея составѣ, съ портами въ Ригѣ и Либавѣ *). Для нихъ возстановленіе Польши въ предѣлахъ, охватывающихъ милліоны украинскаго, бѣлорусскаго, литовскаго, латышскаго и нѣмецкаго населенія, было задачей не на-

*) Марксъ „Revolution und Kontrrevolution", стр. 60 нѣм. изданія.

ціональной, а чисто государственной политики, стремящейся къ учрежденію между Европой и Россіей державы, которая бы успѣшно противодѣйствовала всѣмъ посягательствамъ восточнаго деспотизма. Что же касается чеховъ и другихъ національностей Австріи, то и у Маркса, и у Энгельса австрійскіе соціалисты могли найти указанія самаго курьезнаго характера.

Вотъ, какъ, напр., писала «Neue Rheinische Zeitung» о чехахъ, 17 іюня 1848 г.: «Больше всего, однако, приходится жалѣть мужественныхъ чеховъ. Побѣдятъ ли они или будутъ побѣждены, ихъ погибель не подлежитъ сомнѣнію. Четырехсотлѣтній гнетъ, продолженіемъ котораго является уличная борьба въ Прагѣ, загналъ ихъ въ объятія Россіи. Въ великой боробѣ между Востокомъ и Западомъ Европы, въ борьбѣ, которая вспыхнетъ въ ближайшее время, быть можетъ, уже черезъ нѣсколько недѣль, злосчастная судьба ставитъ чеховъ рядомъ съ русскими, рядомъ съ деспотизмомъ, противъ революціи. Революція побѣдитъ и подчинитъ первыхъ же чеховъ. Эта погибель чеховъ...» и т. д.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Энгельсъ говоритъ о чехахъ съ настоящей ненавистью. Онъ утверждаетъ, что у нихъ никогда не было революціонной эпохи, что всю свою культуру они заимствовали у нѣмцевъ, что чехи, точно такъ же какъ и югославяне, не могутъ мечтать о самостоятельности, такъ какъ это противорѣчитъ интересамъ революціонной Германіи. Онъ заявляетъ, «что ненависть къ Россіи была и есть первой революціонной страстью у нѣмцевъ, что со времени революціи къ этой ненависти присоединилась еще ненависть къ чехамъ и хорватамъ, и что мы (т. е. нѣмцы) вмѣстѣ съ поляками и мадьярами можемъ обезпечить судьбу революціи только путемъ самаго рѣшительнаго террора противъ этихъ славянскихъ національностей.» Въ концѣ концовъ онъ возвѣщаетъ предающему революцію славянству «безпощадную борьбу не на животъ, а на смерть, борьбу вплоть до уничтоженія и рѣшительный терроръ—не въ интересахъ Германіи, а въ интересахъ революціи» *).

Понятно, что австрійскимъ соціалистамъ нельзя было ссылаться на подобныя теоріи въ виду той роли, какую рядомъ съ нѣмцами и поляками играли въ австрійскомъ соціалъ-демократическомъ движеніи чехи, юго-славяне и т. д., не только не склонные къ исчезновенію и гибели въ угоду абстрактной «революціи», но заявляющіе самымъ рѣшительнымъ тономъ о своихъ правахъ на самостоятельность. Желая создать вполнѣ реальную программу, австрійскіе соціалисты должны были стать на почву полной равноправности всѣхъ національностей и считаться съ стремленіемъ мелкихъ народностей, точно такъ же какъ и съ политическими вожделѣніями крупныхъ національныхъ единицъ. Мало того, они должны были

*) Gesammelte Schriften, III T. стр. 264.

считаться и съ тѣмъ фактомъ, что Австрія, какъ государственный организмъ, признается многими въ соціалистическомъ лагерѣ явленіемъ временнымъ, преходящимъ. Ни поляки, ни итальянцы, ни украинцы, ни нѣмцы не считаютъ себя связанными на вѣки вѣчные съ судьбой искусственно созданной Австрійской имперіи. На томъ же общегосударственномъ съѣздѣ, на которомъ устанавливалась реорганизаціи партіи на основаніи національныхъ отношеній, делегаты польскихъ соціалъ-демократовъ заявили, что они не могутъ связывать себя такъ же тѣсно съ австрійской соціалъ-демократіей, какъ ихъ товарищи другихъ національностей, потому что для нихъ интересы движенія въ русской и прусской Польшѣ имѣютъ первостепенное значеніе. У чеховъ одно время наблюдалось довольно сильное тяготѣніе къ программѣ чешскаго государственнаго права *). Нѣмецкіе соціалъ-демократы Австріи никогда не скрывали, что граница, отдѣляющая ихъ отъ нѣмецкихъ товарищей въ Германіи, является для нихъ большой помѣхой для развитія движенія. Пернерсторферъ, д-ръ Адлеръ и Каутскій (австрійскій соціалъ-демократъ, переселившійся въ Германію и живущій тамъ постоянно) неоднократно высказывались въ этомъ духѣ. У итальянскихъ соціалъ-демократовъ Тріеста и Тироля можно было замѣтить довольно сильныя симпатіи къ ирредентизму **).

Однако, всѣ соціалисты, смотрящіе на Австрію какъ на временное пристанище, понимали, что какъ ни какъ, а въ этомъ пристанищѣ нужно жить, можетъ, еще долгіе годы, вслѣдствіе чего непремѣнно слѣдуетъ выработать національную программу, годную для этого ближайшаго періода времени. Исходя изъ такой точки зрѣнія, эта часть соціалистическаго лагеря Австріи желала создать національную програму, удовлетворяющую требованіямъ настоящаго момента, такую программу, которая могла бы быть противопоставлена въ качествѣ платформы всего соціалистическаго лагеря разнообразнымъ національнымъ программамъ грызущихся между собой буржуазныхъ партій различныхъ народностей.

Между тѣмъ, среди австрійскихъ соціалъ-демократовъ были и такіе, которые смотрѣли на національную программу соціалъ-демократіи, какъ на панацею, которая, въ случаѣ ея умѣлаго примѣненія, можетъ создать новую, жизненную, способную къ дальнѣйшему развитію, могущественную Австрію. Если для первыхъ—«пессимистовъ»—важны были интересы національностей, и именно въ интересахъ этихъ національностей необходима была національная программа, то для вторыхъ—«оптимистовъ»—главную роль играли интересы австрійскихъ государствъ и національный вопросъ долженъ былъ быть разрѣшенъ такъ, чтобы отъ этого выиграла прежде всего

*) См. „Neue Zeit“ 1898 г.

**) Часть итальянскихъ соціалъ-демократовъ въ Тріестѣ откололась отъ партіи и соединилась съ ирредентистами.

Австрія. И вотъ мы видимъ, что въ поискахъ за національной программой въ лагерѣ австрійскихъ соціалъ-демократовъ сталкиваются оба эти взгляда. Характерно, что въ практическомъ разрѣшеніи вопроса перевѣсъ былъ всегда за «пессимистами», въ то время какъ въ литературѣ «оптимисты» умѣли выставить гораздо больше аргументовъ.

«Оптимисты» пріобрѣли недюжиннаго теоретика въ лицѣ Рудольфа Шпрингера, посвятившаго національной проблемѣ въ Австріи и Венгріи цѣлый рядъ сочиненій, между которыми первое мѣсто занимаетъ книга «Der Kampf der oesterreichischen Nationen um den Staat» (1902). Шпрингеръ (псевдонимъ)—чиновникъ, состоящій на государственной службѣ. Это не позволяетъ ему принять непосредственное участіе въ движеніи, однако, онъ сотрудничаетъ въ вѣнской «Arbeiter Zeitung» и, какъ публицистъ, пользуется извѣстнымъ вліяніемъ въ партійныхъ сферахъ, хотя его взгляды иногда очень далеки отъ соціалистической ортодоксальности.

Шпрингеръ, прежде всего, австрійскій патріотъ. Онъ глубоко убѣжденъ, что Австрія является вполнѣ нормальнымъ и исторически необходимымъ государственнымъ организмомъ. Стоитъ ее только преобразовать по предложеному имъ плану, и она будетъ существовать чуть ли не до конца міра. Онъ увѣряетъ (однако, безъ доказательствъ), что Австрія состоитъ изъ провинцій, экономически связанныхъ между собой, и прямо не понимаетъ, «куда бы могли дѣться дунайско-карпатскія національности, если онѣ выйдутъ изъ состава этого придунайскаго государства» (стр. 96). Если эти народности получаютъ самостоятельность въ своихъ національныхъ дѣлахъ, то «для нихъ не будетъ лучшаго отечества, чѣмъ это придунайское государство. Что касается чеховъ, поляковъ, украинцевъ, словинцевъ, сербо-хорватовъ, то «намъ не надо этого и доказывать» — говоритъ Шпрингеръ, а объ итальянцахъ и нѣмцахъ онъ забываетъ. Онъ такъ ослѣпленъ своимъ австрійскимъ патріотизмомъ, что совершенно не замѣчаетъ тяготѣнія почти всѣхъ австрійскихъ національностей къ центрамъ внѣ Австріи.

Исходя изъ интересовъ не національностей, а государства, Шпрингеръ предлагаетъ соціалистамъ включить въ программу самоуправленіе не національныхъ территорій, а искусственно созданныхъ національныхъ корпорацій, потому что первыя могутъ угрожать опасностью государству, въ то время какъ послѣднія внѣ области національно - культурныхъ отношеній вполнѣ безпомощны. Шпрингеръ предлагаетъ создать по образцу вѣроисповѣдныхъ національныя корпораціи. Каждая такая корпорація охватываетъ всю Австрію. Къ данной корпораціи принадлежатъ всѣ члены одной изъ девяти австрійскихъ національностей *), независимо отъ населен-

*) Нѣмецкой, чешской, польской, украинской, словинской, сербской, хорватской, итальянской и румынской.

ной ими территоріи. Эти корпораціи пользуются самоуправленіемъ въ чисто національныхъ дѣлахъ, къ которымъ принадлежитъ, прежде всего, народное образованіе, а затѣмъ все то, что связано съ развитіемъ наукъ, литературы, искусствъ, языка. Для удовлетворенія этимъ національнымъ потребностямъ у каждой національности имѣется свой особый парламентъ и свой министръ, назначаемый императоромъ и отвѣтственный передъ этимъ національнымъ парламентомъ. Депутаты въ національный парламентъ избираются на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія въ округахъ со сплошнымъ однороднымъ населеніемъ, точно такъ же какъ и меньшинствомъ данной національности въ смѣшанныхъ округахъ.

Самоуправленіе въ національныхъ дѣлахъ осуществляется и въ общинѣ, и въ округѣ. Община считается смѣшанной въ національномъ отношеніи не на основаніи статистическихъ данныхъ, всегда недостаточно точныхъ, а на основаніи сознательной жизненности даннаго меньшинства. Если оно выразитъ желаніе и будетъ въ состояніи содержать свою народную школу, то община признается оффиціально смѣшанной. Въ округѣ такимъ критеріемъ является желаніе и возможность содержать среднее учебное заведеніе. Въ общинѣ и въ округѣ каждая изъ двухъ имѣющихся налицо національностей выбираетъ для себя спеціальный совѣтъ, который устанавливаетъ подати на національныя цѣли и въ вѣдѣніи котораго находятся всѣ національныя учрежденія данной мѣстности. Національный парламентъ играетъ ту же роль, но уже въ предѣлахъ всей корпораціи. Онъ устанавливаетъ налоги на общенаціональныя цѣли, на высшія учебныя заведенія, музеи, академіи наукъ и искусствъ, которые находятся въ вѣдѣніи національнаго министра. Послѣдній заботится также о своихъ землякахъ, разсѣянныхъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ слишкомъ мало для созданія оффиціальнаго меньшинства. Министръ располагаетъ тамъ делегатами, которые являются переводчиками, защитниками и посредниками между земляками и мѣстными властями.

Рядомъ съ національной организаціей существуетъ общегосударственная и мѣстная административная организація, изъ вѣдѣнія которой изъяты только національныя дѣла. Мѣстное самоуправленіе покоится на принципѣ пропорціональности. Въ общинныхъ и окружныхъ совѣтахъ количество ихъ выборныхъ членовъ соотвѣтствуетъ количеству членовъ одной и другой мѣстной національности. Старосты выбираются общинными совѣтами независимо отъ ихъ національности. Окружные начальники назначаются точно такъ же центральнымъ правительствомъ. Членовъ парламента выбираетъ все населеніе безъ различія національностей.

По проекту Шпрингера, общегосударственные органы играютъ гораздо болѣе важную роль, нежели органы національнаго самоуправленія. Даже въ области школьнаго дѣла послѣдніе сильно

ограничены, такъ какъ общегосударственное законодательство устанавливаетъ минимальныя программы и наблюдаетъ за школами съ помощью спеціальныхъ ревизоровъ и экзаменаторовъ. Да и все національное самоуправленіе тщательно контролируется государствомъ. Такъ, напр., распоряженіе національнаго окружного или общиннаго совѣта можетъ быть исполнено только по утвержденіи его старостой или окружнымъ начальникомъ. Раздѣленіе государства на области, округа, общины совершенно не зависитъ отъ національныхъ отношеній; этотъ вопросъ регулируется соображеніями экономическаго и стратегическаго характера. Національность получила бы, такимъ образомъ, полную свободу въ области удовлетворенія своихъ чисто культурныхъ (вѣрнѣе, просвѣтительныхъ) потребностей, но при этомъ государство не должно быть стѣснено рѣшительно ничѣмъ. Только такимъ образомъ удастся достигнуть двухъ цѣлей: съ одной стороны—мира между отдѣльными національностями Австріи, а съ другой—ея укрѣпленія, нормальнаго развитія и политическаго преуспѣванія.

Въ общихъ чертахъ теоріи Шпрингера были развиты въ изданной имъ подъ псевдонимомъ Sinopticus'a въ 1898 г. брошюрѣ. Идея экстерриторіальной автономіи національностей была съ симпатіей принята на югѣ Австріи, гдѣ соціалистическимъ агитаторамъ приходится сталкиваться съ живущими въ перемежку словинцами, итальянцами, сербами и хорватами, гдѣ итальянскіе города помѣщаются на словинской или хорватской территоріи и гдѣ, такимъ образомъ, созданіе чистыхъ въ національномъ отношеніи территорій почти не возможно.

Одинъ изъ вожаковъ юго-славянской соціалъ-демократіи Австріи—Этбинъ Кристанъ—развилъ теорію культурной автономіи австрійскихъ національностей въ чешскомъ ежемѣсячникѣ «Akademie», а исполнительный комитетъ юго-славянской соціалъ-демократіи Австріи внесъ на брюннскій общегосударственный соціалъ-демократическій конгрессъ 1899 г. формальное предложеніе въ этомъ духѣ.

Брюннскій конгрессъ долженъ былъ окончательно выработать національную программу австрійской соціалъ-демократіи. На немъ появились два проекта: юго-славянскаго и общепартійнаго исполнительныхъ комитетовъ.

Общепартійный исполнительный комитетъ предложилъ слѣдующую формулу:

«1) Австрію необходимо превратить въ демократическое союзное государство.

2) Историческіе коронныя земли замѣняются автономными національными территоріями, по возможности точнѣе пріуроченными къ границамъ языковъ. Законодательство и администрація этихъ территорій находятся въ вѣдѣніи національныхъ парламентовъ, выбираемыхъ на основаніи всеобщей, прямой и равной подачи голосовъ.

3) Всѣ территоріи одной и той же національности составляютъ вмѣстѣ компактный національный союзъ, которой вполнѣ автономно управляетъ своими національными дѣлами.

4) Права національнаго меньшинства должны быть гарантированы спеціальнымъ постановленіемъ общегосударственнаго парламента.

5) Конгрессъ не признаетъ никакихъ національныхъ привилегій, поэтому онъ отвергаетъ требованіе государственнаго языка; общегосударственный парламентъ рѣшитъ, будетъ ли необходимъ одинъ языкъ для международныхъ сношеній въ предѣлахъ государства».

Этой формулѣ, рѣшительно высказывавшейся въ пользу территоріальной автономіи, юго-славянскіе делегаты противопоставляли другую, замѣняющую второй и третій пункты вышеприведенной формулы слѣдующими:

«2) Всякая національность, живущая въ Австріи, независимо отъ территорій, на которыхъ живутъ ея члены, представляетъ автономную группу, которая совершенно самостоятельно вѣдаетъ свои національныя (по языку и культурѣ) дѣла.

3) Территоріальное дѣленіе имѣетъ чисто административное значеніе и не оказываетъ никакого вліянія на національныя отношенія».

Въ пользу юго-славянской формулы, защищаемой Кристаномъ, который былъ докладчикомъ, высказался одинъ только Элленбогенъ. Делегаты - чехи предлагали вообще не вдаваться въ подробности и подчеркнуть необходимость демократизаціи Австріи и полной равноправности всѣхъ національностей. Громадное же большинство членовъ конгресса, и въ томъ числѣ самые видные вожаки партіи, горячо защищали предложеніе общепартійнаго исполнительнаго комитета. Д-ръ Викторъ Адлеръ доказывалъ необходимость создать національные кантоны, Дашинскій говорилъ, что всякая національность, желающая защищать свое разсѣянное по всему государству меньшинство, должна прежде всего обзавестись «собственнымъ домомъ» на опредѣленной территоріи. Въ томъ же духѣ говорилъ отъ имени соціалистовъ-украинцевъ изъ Галиціи ихъ делегатъ Ганкевичъ. Пернерсторферъ, Винарскій и многіе другіе рѣзко критиковали недочеты культурной автономіи. Въ коммиссіи, куда были отосланы обѣ формулы, была принята предложенная общепартійнымъ исполнительнымъ комитетомъ, но выраженіе 2-го пункта «автономныя національныя территоріи (Gebiete)» было замѣнено словами «national abgegrentzte Selbstvewaltungskörper», выражающими, собственно, то же самое, но въ менѣе точной, оставляющей мѣсто различнымъ толкованіямъ, формѣ.

Проектъ, выработанный коммиссіей, былъ принятъ конгрессомъ единогласно и сталъ обязательной для всѣхъ членовъ партіи программой. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что делегаты двухъ націо-

нальностей—польской и украинской—внесли на конгрессъ заявленіе, въ которомъ они подчеркиваютъ, что у нихъ есть еще, кромѣ австрійскихъ, общенаціональныя задачи, обязывающія и въ національномъ вопросѣ къ солидарности съ товарищами въ Пруссіи и Россіи. Національной задачей польскихъ соціалъ-демократовъ является освобожденіе и соединеніе въ одно цѣлое всѣхъ частей Польши, такой же задачей украинскіе соціалъ-демократы считаютъ возсоединеніе съ закордонной Украйной австрійскихъ частей украинской территоріи. И польское, и украинское заявленія были приняты конгрессомъ, какъ нѣчто само собой разумѣющееся.

Національная программа брюннскаго конгресса вполнѣ удовлетворила всѣ національныя организаціи соціалистическаго лагеря Австріи. Любопытно, однако, что почти никто не усматривалъ въ этой программѣ средства увѣковѣчить политическое существованіе Австріи, содѣйствовать развитію ея могущества и жизненности. Программѣ національнаго самоуправленія народностей Австріи почти никто не приписывалъ цѣлебныхъ свойствъ «оптимиста» Шпрингера. Она была оцѣнена такъ, какъ о ней писалъ Карлъ Каутскій въ статьѣ «Die Krisis in Oesterreich»:

«Соціалъ-демократическая программа является единственнымъ дѣйствительнымъ разрѣшеніемъ національнаго вопроса въ Австріи. Но эту программу защищаетъ одна только соціалъ-демократія—и поэтому нѣтъ шансовъ на ея осуществленіе до тѣхъ поръ, пока пролетаріатъ не завоюетъ политической власти въ Австріи. Ибо эта программа обозначаетъ разложеніе Австріи, какъ централизированнаго государства съ общей арміей и бюрократіей, превращеніе ея въ родъ Швейцаріи, въ союзъ національностей, состоящихъ изъ свободно самоуправляющихся мелкихъ кантоновъ или округовъ и общинъ. Такое превращеніе можетъ быть осуществлено только путемъ революціи, которая бы убила старую Австрію. Но кому же было бы нужно призывать Австрію къ новой жизни, разъ она уже будетъ убита? Существованіе Австріи является въ настоящее время результатомъ безвыходности положенія, а не внутренней необходимости. Пока Австрія существуетъ, ея жители, въ томъ числѣ и соціалисты, должны стараться сдѣлать ее жизнеспособной, потому что они должны въ ней жить. Однако, въ тотъ моментъ, когда старая Австрія умретъ, вслѣдствіе ли катастрофы или же отъ собственной старческой дряблости, ея элементы станутъ свободными и, не ища далеко новыхъ формъ совмѣстной жизни, они постараются по возможности отдѣлиться. Это касается составныхъ частей старыхъ, историческихъ народовъ: нѣмцевъ, поляковъ, итальянцевъ. Присоединятся ли и остальные къ сосѣднимъ родственнымъ государствамъ (украинцы, румыны, сербы), или попытаются создать собственныя государства (чехи, мадьяры),

---

*) „Neue Zeit“ № 2—3 1903 г.

или же, наконецъ, предпочтутъ основать новую Австрію на почвѣ автономіи національностей, трудно на эти вопросы отвѣтить положительно, такъ какъ тутъ ничего нельзя предвидѣть. Можно только сказать, что процессъ, который приведетъ къ окончательной національной консолидаціи теперешній хаосъ юго-восточной Европы, навѣрное не будетъ ни очень несложнымъ, ни мирнымъ».

Когда появилась вышеупомянутая книга Шпрингера, на нее обратили вниманіе въ соціалистическомъ лагерѣ, и «Neue Zeit» помѣстила двѣ статьи, отзывающіяся о теоріи Шпрингера съ большими похвалами. Однако тѣ, для кого она предназначалась непосредственно, австрійскіе соціалисты, руководящіе практической борьбой партіи, отнеслись къ ней совершенно равнодушно. Главные центральные органы партіи: «Arbeiter Zeitung», «Pravo Ludur», «Naprzod» даже не обмолвились о книгѣ Шпрингера, которая за то пріобрѣла громадную популярность въ сіонистскомъ лагерѣ, такъ какъ предлагаемая Шпрингеромъ форма самоуправленія какъ нельзя лучше примѣнима именно къ еврейскому населенію, не обладающему нигдѣ собственной территоріей.

Холодный пріемъ книги Шпрингера со стороны практическихъ дѣятелей соціалистическаго движенія Австріи не заставилъ его сойти съ намѣченной дороги. Онъ продолжалъ разрабатывать вопросъ о національныхъ отношеніяхъ имперіи Габсбурговъ и занялся въ частности дѣлами Венгріи.

На венгерскій вопросъ должны были обратить самое серьезное вниманіе руководители австрійскаго соціалистическаго движенія, такъ какъ венгерскій кризисъ и вызванныя имъ осложненія угрожали полнымъ застоемъ внутренней жизни Австріи. Соціалъ-демократической партіи необходимо было занять вполнѣ опредѣленную точку зрѣнія по вопросу объ австро-венгерскомъ дуализмѣ, и вотъ общегосударственный конгрессъ австрійской соціалъ-демократіи, состоявшійся въ ноябрѣ 1903 г., занялся австро-венгерскими отношеніями.

Докладчикомъ по этому вопросу былъ одинъ изъ редакторовъ вѣнской «Arbeiter Zeitung»—Фр. Аустерлицъ. Онъ доказывалъ, что существующій въ настоящее время дуализмъ прежде всего вреденъ для Австріи. Во-первыхъ, потому, что необходимымъ условіемъ его существованія является слабость австрійскаго парламента, такъ какъ только въ этомъ случаѣ корона можетъ спокойно договариваться съ сильнымъ венгерскимъ сеймомъ, не допускающимъ никакихъ серьезныхъ уступокъ въ пользу австрійской части монархіи. Затѣмъ, самое существованіе общихъ делегацій, въ составъ которыхъ входятъ представители самыхъ реакціонныхъ фракцій парламента, въ высшей степени ограничиваетъ права парламента въ области бюджета и военнаго дѣла. Давленіе сильнаго венгерскаго сейма на корону заставляетъ послѣднюю добиваться уступокъ у могущественныхъ партій австрійскаго парламента пу-

темъ подачекъ, отъ которыхъ нѣтъ никакой пользы народнымъ массамъ. Представители послѣднихъ должны поэтому добиваться уничтоженія дуализма—тѣмъ болѣе, что и всѣ мадьярскія партіи стремятся къ тому же. Резолюція, предложенная докладчикомъ и затѣмъ принятая единодушно конгрессомъ, осуждаетъ и отвергаетъ дуализмъ въ качествѣ системы, существующей единственно въ интересахъ династіи и ея политическаго вліянія, за которое народамъ Австріи приходится раскошеливаться въ пользу мадьяръ. Выражая убѣжденіе, что выгодный для обѣихъ сторонъ экономическій выходъ будетъ найденъ только тогда, когда обѣ части государства получатъ полную самостоятельность, резолюція настаиваетъ на томъ, что только устраненіе дуализма позволитъ Австріи свободно рѣшить свою собственную судьбу, урегулировать національный вопросъ и создать условія, при которыхъ пролетаріатъ пріобрѣтетъ должное политическое вліяніе.

Эта точка зрѣнія раздѣлялась всѣми делегатами, при чемъ опять оказалось, что среди нихъ существуютъ «оптимисты», вѣрящіе въ возможность дальнѣйшаго нормальнаго развитія Австріи послѣ улаженія венгерскаго вопроса, и «пессимисты», считающіе расторженіе связи съ Венгріей еще однимъ шагомъ по пути къ разложенію монархіи Габсбурговъ. Вѣнскій делегатъ Винарскій (нѣмецъ по національности) заявилъ: «Я не вѣрю, чтобы, какъ говоритъ товарищъ Аустерлицъ, послѣ исчезновенія Великой Австріи, возникла Малая Австрія; я полагаю, что упраздненіе дуализма освободитъ центробѣжныя стремленія въ Австріи, станетъ шагомъ по пути къ разложенію Австріи. А такъ какъ я думаю, что разложеніе этого государства является условіемъ естественнаго развитія пролетаріата, то, по моему мнѣнію, мы должны готовиться ко дню ликвидаціи, чтобы тогда и нашъ голосъ обладалъ должной силой».

Резолюція конгресса 1903 г. свидѣтельствовала о побѣдѣ «пессимистовъ», и Шпрингеръ, который выступилъ наканунѣ конгресса въ вѣнскомъ обществѣ «Zukunft» съ проектомъ замѣны дуализма австро-венгерскимъ союзнымъ государствомъ, опять потерпѣлъ пораженіе, что, однако, не помѣшало ему продолжать работать въ томъ же направленіи.

На дняхъ появился новый трудъ Шпрингера, посвященный тому же вопросу и доказывающій необходимость созданія придунайской федераціи изъ теперешнихъ провинцій Австріи и Венгріи *). По мнѣнію Шпрингера, монархія Габсбурговъ представляетъ географически и экономически одно цѣлое, ограниченное съ запада и сѣвера Альпами, Судетами и Карпатами **). Изреченіе «Tu, felix,

*) Галиція никакъ не укладывается въ эти рамки, поэтому Шпрингеръ не считаетъ ее органической частью этого цѣлаго, утверждая, что Галиція только временно „зимуетъ“ въ Австріи.

**) Rudolf Springer. Grundlagen und Entwickelungsziele der Oeterreichisch-Ungarischen Monarchie. Wien-Leipzig. 1906.

Austria, nube», утверждающее, что теперешнее государство Габсбурговъ обязано своимъ возникновеніемъ бракамъ различныхъ членовъ этой династіи, не имѣетъ глубокаго смысла. Вѣдь путемъ бракосочетанія Габсбурга пріобрѣли и Нидерланды, и Испанію, а между тѣмъ, эти государства были ими вскорѣ потеряны, тогда какъ Альпійскія провинціи, Богемія и Венгрія такъ за ними и остались, потому что тутъ дѣйствовали естественныя, политическія и экономическія причины. Далѣе Шпрингеръ очень пространно доказываетъ, что, собственно говоря, до договора 1867 г. не было венгерскаго «государства» въ настоящемъ его видѣ. Воеводство Семиградія, Военная граница, Хорватія-Славонія были вполнѣ независимы отъ Будапешта. Только пораженіе войскъ Габсбурговъ въ прусской и итальянской кампаніяхъ заставили династію пойти на уступки мадьярамъ для достиженія внутренняго спокойствія—единственнаго средства вернуть Австріи ея прежнее значеніе. Договоръ 1867 г. является договоромъ короля съ мадьярами, которымъ были выданы съ головой милліоны словаковъ, румынъ, нѣмцевъ, украинцевъ и юго-славянъ. Одновременно съ этимъ созданная Цислейтанія не протестуетъ и, такимъ образомъ, санкціонируетъ разложеніе одного государства на два.

Да и протестовать-то было некому. Единственно зрѣлыми политически и политически дѣятельными сферами въ Цислейтаніи были: нѣмецкая буржуазія и нѣмецкая же бюрократія. Эти сферы давно уже должны были отказаться отъ мечты германизировать Венгрію, поэтому онѣ охотно вошли въ соглашеніе съ мадьярами, предоставивъ имъ мадьяризировать своихъ инородцевъ взамѣнъ за полное невмѣшательство въ германизаціонную систему въ Австріи. Мадьяры подѣлились до извѣстной степени своимъ преобладаніемъ съ исторической, политически сознательной національностью—хорватами; въ Австріи то же самое было сдѣлано по отношенію къ полякамъ. И хорваты, и поляки въ Галиціи получили автономію, всѣ же остальныя національности были обречены на уничтоженіе путемъ мадьяризаціи въ Венгріи, германизаціи — въ Австріи. Договоръ 1867 г. отражалъ тогдашнее взаимоотношеніе національныхъ силъ, являвшееся результатомъ относительнаго экономическаго развитія отдѣльныхъ провинцій и національностей. Въ настоящее время австро-венгерскій дуализмъ, по мнѣнію Шпрингера, совершенно не соотвѣтствуетъ положенію вещей.

За послѣднія десятилѣтія, въ эпоху индустріализаціи Австро-Венгріи, классовой укладъ и монархіи Габсбурговъ, и отдѣльныхъ національностей, входящихъ въ ея составъ, измѣнился коренымъ образомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли и условія, на которыя опирался въ 1867 году дуализмъ. Тогда въ Австріи (если не принимать во вниманіе обладающихъ историческо-государственными традиціями, поляковъ) нѣмецкая буржуазія вмѣстѣ съ нѣмецкой интеллигенціей, дѣйствительно, являлась представительницей національныхъ интере-

совъ, точно такъ же, какъ въ Венгріи мадьярскіе магнаты, поддерживаемые мелкимъ дворянствомъ, были несомнѣнными представителями націи. Остальное разношерстое населеніе обѣихъ частей монархіи Габсбурговъ стояло (за исключеніемъ поляковъ и хорватовъ) на слишкомъ низкой ступени общественнаго развитія и политическаго самосознанія, чтобы оно могло оказать значительное давленіе на ходъ политическихъ событій. Это были дремавшія пока что силы, по большей части крестьянскія.

Въ настоящее время эти крестьянскія массы различныхъ національностей Цислейтаніи уже превратились въ сознательные національные организмы со сложными соціальными процессами, развивающимися внутри каждой изъ этихъ національностей. У чеховъ, словинцевъ, украинцевъ и т. д. возникло собственное городское сословіе, собственная интеллигенція и собственный пролетаріатъ, что породило, съ одной стороны, возникновеніе націонализма, а съ другой — соціалистическое движеніе у каждой изъ этихъ національностей. Эта эволюція отражается и въ австрійскомъ парламентѣ, гдѣ появляются новые элементы, для которыхъ соглашеніе, заключенное съ Венгріей нѣмецкой бюрократіей и интеллигенціей въ угоду династическимъ интересамъ Габсбурговъ, не представляетъ ничего симпатичнаго.

Въ Транслейтаніи развивается, правда, гораздо медленнѣе, тотъ же процессъ. Нѣмцы, словаки, румыны, сербы перестаютъ мадьяризоваться, возникаютъ націоналистическія движенія не-мадьярскихъ народностей Венгріи и, мало-по-малу, несмотря на всѣ ухищренія мадьяръ, соглашеніе 1867 г. начинаетъ терять свой престижъ.

Очень скоро, особенно если реформа избирательнаго закона въ Венгріи призоветъ къ участію въ законодательной работѣ государства массы словаковъ, румынъ, нѣмцевъ, сербовъ и украинцевъ, договоръ 1867 г. будетъ и въ Венгріи признанъ такимъ же анахронизмомъ, какимъ его уже считаютъ въ Австріи. И вотъ тутъ-то, по мнѣнію Шпрингера, наступитъ моментъ, когда вмѣсто неестественнаго дуализма можно бы создать придунайскую федерацію національностей Австріи и Венгріи, пользующихся культурно-національной автономіей. Австрія должна опереться на стремленіяхъ не-мадьярскихъ національностей Венгріи и, освобождая ихъ отъ мадьяризаціи, привлечь на свою сторону. Только такимъ путемъ всѣ народности, входящія въ составъ обѣихъ частей монархіи Габсбурговъ, создадутъ свое экономическое, политическое и національное благополучіе, и Австрія-федерація станетъ привлекать къ себѣ всѣ мелкія народности европейскаго Юго-Востока.

Мы передали здѣсь содержаніе новой книжки Шпрингера въ самыхъ общихъ чертахъ. Она изобилуетъ массой въ высшей степени интересныхъ и поучительныхъ доводовъ экономическаго и историческаго характера, подобранныхъ такъ умѣло, что этимъ маскируется вся тенденціозность взглядовъ Шпрингера, стремящагося

во что бы то ни стало «спасти» Австрію отъ той плачевной участи, которою угрожаетъ ей дальнѣйшее обостреніе внутреннихъ національныхъ отношеній и внѣшняго австро-венгерскаго кризиса. Сомнительно, однако, чтобы тѣ, для кого прежде всего предназначается сочиненіе Шпрингера, австрійскіе соціалисты, прониклись его убѣжденіями. Для нихъ, сторонниковъ реальной политики, отвѣчающей интересамъ рабочихъ массъ и освободительнымъ тенденціямъ національностей, «придунайская федерація» не можетъ быть тѣмъ идеаломъ, какимъ она является въ глазахъ Шпрингера — горячаго австрійскаго патріота прежде всего, несмотря на его соціалъ-демократическія симпатіи.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

Безъ руля и безъ вѣтрилъ.

— Правительсво «считаетъ себя обязаннымъ не стѣснять свободно высказываемаго общественнаго мнѣнія, будь то печатнымъ словомъ или путемъ общественныхъ собраній», но будетъ безпощадно истреблять «революцію» и всякое проявленіе «революціонныхъ идей»...

Такъ объявлено въ правительственномъ сообщеніи 24 августа. И хотя это сообщеніе имѣло цѣлью мотивировать и оправдать устройство особо скорострѣльныхъ судовъ, однако, правительство постаралось не опредѣлять, что оно называетъ революціей и что революціонными идеями. И не трудно понять, почему оно уклонилось отъ своей, казалось бы, прямой обязанности объяснить, какая разница между «свободно высказываемымъ общественнымъ мнѣніемъ» и «революціонной идеею», и съ какой стати «мнѣніе» нельзя подвергать скорострѣльному суду, а «идею» не только можно, но и должно.

Еще римляне считали всякое опредѣленіе опаснымъ для самого опредѣляющаго. И опаснымъ не только съ логической стороны, не только потому, что взявшійся за опредѣленіе демонстрируетъ весь свой научный багажъ и всѣ свои мыслительныя способности. Правительство—не академія наукъ. Отъ него не требуется опредѣленій по существу. Ему не нужно, напримѣръ, оцѣнивать революцію, какъ постоянно дѣйствующій и совершенно необходимый коррективъ, вносимый человѣческою личностью въ логику правовыхъ, бытовыхъ и экономическихъ отношеній. Задача правительства го-

раздо проще и азбучнѣе. Оно спокойно могло бы ограничиться оцѣнкой явленія исключительно съ точки зрѣнія существующаго права. Съ правовой же точки зрѣнія, революція по своимъ цѣлямъ есть дѣяніе, предусмотрѣнное 129 статьею уголов. ул. Это—стремленіе ниспровергнуть узаконенный государственный строй и замѣнить его строемъ другимъ. Съ правовой точки зрѣнія, революція по своимъ средствамъ есть политическое дѣйствіе, совершаемое умышленно неправомѣрнымъ порядкомъ. И, ставши на эту точку зрѣнія, правительство избавлялось отъ опасной для него необходимости обнажать свой научный багажъ и свои мыслительныя способности. А слѣдовательно, логическая опасность была не такъ ужъ велика.

Но есть другая опасность—практическая. И мы ее легко поймемъ, если вспомнимъ хотя бы слѣдующее: «Революція, по своимъ средствамъ, есть политическое дѣйствіе, совершаемое умышленно неправомѣрнымъ порядкомъ». Съ правовой точки зрѣнія, это опредѣленіе неизбѣжно. И если отказаться отъ него, то надо признать революціонные поступки ненаказуемыми. Но вотъ какъ разъ за нѣсколько дней до 24 августа газетный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ пожелалъ, наконецъ, отвѣтить на обвиненія, что «премьеръ» Столыпинъ постоянно нарушаетъ «основные законы» 25 апрѣля 1906 г. Отвѣтъ былъ опубликованъ въ сборникѣ трудовъ департамента, сжедневно выходящемъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Россія», въ такихъ, приблизительно, выраженіяхъ:

— Да, правительство нарушаетъ основные законы. И считаетъ своимъ долгомъ нарушать ихъ, разъ они не соотвѣтствуютъ «требованіямъ жизни»...

Конечно, мы ни на одну секунду не можемъ признать, будто г. Столыпинъ правомоченъ и способенъ опредѣлять «требованія жизни». Это отвѣтственное и сложное занятіе во всѣхъ отношеніяхъ не по плечу г. Столыпина и его «кабинета». Но если оставить въ сторонѣ вопросъ о компетенціи, то по существу «идея», опубликованная въ трудахъ газетнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, вполнѣ правильна: конечно, законы, не соотвѣтствующіе потребностямъ жизни, можно и должно нарушать. Но— увы!—это «революціонная идея». Это умышленно неправомѣрное политическое дѣйствіе. И за него, на основаніи правительственнаго сообщенія 24 августа, надо и самого г. Столыпина и его апологетовъ изъ газетнаго департамента предать скорострѣльному военно-полевому суду.

Вспомнимъ вкратцѣ кое-какіе другіе факты. Разумѣется, всѣмъ памятны слова манифеста 17 октября:

«На обязанность правительства возлагаемъ Мы... установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы».

Пока правительство дѣлало видъ, что желаетъ идти правомѣрно,

оно регулировало «послѣманифестныя» общественныя отношенія путемъ такъ называемыхъ «временныхъ правилъ». Но потомъ ему показалось, что этого «вида» можно не дѣлать. И, между прочимъ, 25 апрѣля, ровно за 48 часовъ до открытія Государственной Думы, «воспріяли силу» основные законы. Однако и въ этомъ неправомѣрномъ политическомъ памятникѣ стояли слова, что во время парламентской сессіи «никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта». Но какъ разъ въ день открытія Думы, 27 апрѣля, послѣдовалъ «новый законъ» о подчиненіи всѣхъ военныхъ и гражданскихъ властей въ Петербургѣ, Москвѣ и въ императорскихъ резиденціяхъ дворцовому коменданту, т. е. въ замаскированномъ видѣ введена была диктатура дворцоваго коменданта. 29 апрѣля, черезъ 48 часовъ послѣ открытія Думы, «послѣдовалъ новый законъ» о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, справедливо названный печатью откровеннымъ возвратомъ къ крѣпостному праву. Затѣмъ въ томъ же неправомѣрномъ порядкѣ, въ нарушеніе не только манифеста 17 октября, но и «основныхъ законовъ» 25 апрѣля, «новые законы» «слѣдовали» одинъ за другимъ. И въ ихъ число попали и такіе принципіально важные, какъ майская новелла о печати и указы о казачьихъ земляхъ.

Сначала эти законы помѣчались стыдливою датою: «26 апрѣля», которая какъ бы предназначалась молчаливо увѣрять «населеніе»:

— Всетаки «мы», дескать, не всѣ «основные законы» нарушаемъ. И законодательною дѣятельностью, независимо отъ Думы и Совѣта, во время ихъ засѣданій не занимаемся.

Однако дата: «26 апрѣля» повторялась ужъ слишкомъ часто. Шутники стали увѣрять, что если рабочій день законодателя считать въ 8 часовъ и раздѣлить на количество опубликованныхъ узаконеній и распоряженій «отъ 26 апрѣля», то на каждый «законъ» придется не болѣе 15 минутъ. 26 апрѣля начало уступать мѣсто другимъ числамъ. Одинъ спеціальный законъ (о частичной отмѣнѣ вексельнаго права) былъ даже откровенно датированъ: «9 іюня» *). И хотя въ «Рѣчи» по этому поводу была помѣщена «громадная статья» подъ заглавіемъ: «Нарушеніе основныхъ законовъ» **), но никакихъ другихъ послѣдствій это происшествіе не имѣло. Послѣ разгона Думы хронологическія указанія стали и болѣе точными, и болѣе откровенными. При этомъ обнаруживаются весьма любопытныя подробности. Такъ, напр., 25 августа въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» опубликованъ законъ «объ исключеніи города Орѣхова, Таврической губерніи, изъ списка городскихъ поселеній съ упрощеннымъ общественнымъ управленіемъ». Оказывается, законоположеніе это предварительно обсуждалось въ

*) Опубликованъ въ „Прав. Вѣстн." 14 іюня 1906 г.
**) См. № 100 „Рѣчь". 1906 г.

совѣтѣ министровъ; *28 мая 1906 г.* «государь императоръ на положеніе совѣта высочайше соизволилъ», а *13 іюня 1906 г.* «министръ внутреннихъ дѣлъ донесъ о семъ правит. сенату для распубликованія».

Кстати, подчеркнутыя даты тоже не лишены интереса. 28 мая—это какъ разъ то время, когда Дума обсуждала «наказъ», «долженствующій укрѣпить конституціонное устройство», а «Рѣчь» именно въ этотъ день писала въ редакціонной передовой статьѣ:

— Теперь «освободительное движеніе, въ общемъ, на твердомъ и вѣрномъ пути. Если оно еще можетъ оборваться», то единственно по винѣ «русской революціонной интеллигенціи».

А 13 іюня, когда г. Столыпинъ отправлялъ въ сенатъ для распубликованія «одобренное совѣтомъ министровъ», но совершенно неизвѣстное Думѣ, «законоположеніе», г. Родичевъ «съ трибуны Таврическаго дворца» произносилъ одну изъ своихъ, какъ извѣстно, «историческихъ», рѣчей:

«Россійская имперія управляется на точныхъ основаніяхъ законовъ. На точномъ основаніи закона должно состояться всякое высочайшее повелѣніе, и, когда состоялось повелѣніе, несогласное съ закономъ, мы обращаемся къ министрамъ и на нихъ возлагаемъ отвѣтственность за незаконность. Мы говоримъ: Государь не можетъ дѣлать зла. Зло и несправедливость происходятъ не отъ него»... («Рѣчь», 14 іюня, 1906 г., № 99).

Затѣмъ «Россійская имперія» продолжала «управляться на точныхъ основаніяхъ законовъ», по счастливому, хотя и совершенно не оригинальному, выраженію г. Родичева. Былъ, между прочимъ, указъ о роспускѣ Думы, вопреки «основнымъ законамъ» 25 апрѣля не назначившій новыхъ выборовъ. Былъ указъ о новомъ займѣ въ 50 милліоновъ рублей, займѣ, проектъ котораго былъ послѣдовательно отвергнутъ и Государственной Думою, и Государственнымъ Совѣтомъ. Былъ указъ о продажѣ удѣльныхъ земель крестьянскому банку. Былъ указъ о казенныхъ земляхъ. Появились скорострѣльные суды, уничтожившіе основное право каждаго человѣка, признанное даже русскими законами,—право доказывать свою невинность, и освободившіе обвинительную власть отъ ея опять-таки признанной законами обязанности: доказывать обвиненіе. А до нынѣшнихъ «основныхъ законовъ» былъ сорокалѣтній періодъ «управленія Россійской имперіи на точномъ основаніи секретныхъ циркуляровъ», которыми удалось свести почти на нѣтъ, напр., судебные уставы 1864 г. Не далѣе, какъ въ прошломъ 1905 году, мы видѣли на протяженіи 8 мѣсяцевъ удивительныя метаморфозы. Сначала правительство объявляло намъ, что считаетъ «законы—единственной въ самодержавномъ государствѣ опорой». Насъ увѣряли, что «отнынѣ» всѣ законы будутъ появляться не иначе, какъ въ установленномъ порядкѣ, по обсужденію въ Государственномъ Совѣтѣ. А 6 августа 1905 года появилось булыгинское «положеніе

о Государственной Думѣ», вопреки установленному порядку и помимо Государственнаго Совѣта. Правда, газетамъ не позволялось въ ту пору отмѣчать столь непостижимое противорѣчіе. Но этотъ запретъ лишь доказываетъ, что правительство совершаетъ свои шаги отнюдь не безсознательно.

Такъ было, есть и, навѣрное, будетъ. Путь правительства можно понимать лишь, какъ рядъ политическихъ дѣйствій умышленно неправомѣрныхъ. Это съ правовой точки зрѣнія—революціонный путь. И если бы въ Россіи кто-либо серьезно захотѣлъ разстрѣливать именно революціонеровъ, то ему пришлось бы начать—увы!—съ авторовъ правительственнаго сообщенія отъ 24 августа.

II.

Я вовсе не берусь утверждать, будто г. Столыпинъ сталъ революціонеромъ изъ платонической любви къ искусству. Безъ сомнѣнія, ему навязана эта профессія по причинѣ цѣлаго ряда совершенно конкретныхъ соображеній. Не оцѣнивая всѣхъ, отмѣчу лишь одно изъ нихъ, о которомъ въ настоящее время много говорятъ.

Теперь происходитъ усиленная покупка помѣщичьихъ земель крестьянскимъ банкомъ. Скуплено до 2 милліоновъ десятинъ, по средней цѣнѣ — 126 рублей за десятину. Въ руки крестьянскаго банка брошено уже до 2 мил. дес. удѣльной земли. И еще, если вѣрить газетнымъ слухамъ, предполагается бросить столько же. По газетнымъ же извѣстіямъ, назрѣваютъ какія-то операціи за счетъ кабинетскихъ земель. Ни для кого не секретъ, что этою лихорадочною дѣятельностью крестьянскаго банка подготовляется и осуществляется переходъ отъ натуральнаго землевладѣнія къ ипотечному. Не составляетъ секрета и смыслъ этого перехода: благодаря ему, удастся избѣжать отчужденія земельной ренты, удастся сохранить ренту въ тѣхъ же рукахъ, которыя и нынѣ ее получаютъ. Къ сожалѣнію, точныхъ данныхъ, которыя позволяли бы судить о прибыляхъ этой операціи, у насъ нѣтъ. Но если принять банковскую цѣну—126 р. за десятину, какъ нормальную, то разсчетъ получится слѣдующій.

Въ круглыхъ цифрахъ, у насъ дворянскихъ 80 мил. десятинъ, удѣльныхъ 8 мил. и кабинетскихъ 53 мил. Помножьте эти цифры послѣдовательно на 126, и получатся капитальныя суммы, за которыя дворянскія, удѣльныя и кабинетскія земли могутъ быть переданы банку. Останется лишь опредѣлить съ этихъ суммъ 6-процентный годовой доходъ именныхъ свидѣтельствъ крестьянскаго банка. По такому разсчету земельной ренты придется ежегодно: на долю дворянъ около 605 мил. руб., удѣламъ около $60\frac{1}{2}$ мил. руб., кабинету 402 мил. р., а всѣмъ вмѣстѣ до 1070 мил.

Конечно, это разсчетъ слишкомъ грубый, чрезвычайно поверхностный и совершенно непригодный для сколько-нибудь точныхъ выводовъ. Но за неимѣніемъ лучшаго, и онъ показываетъ, какую реальную цѣль преслѣдуетъ политика, стремящаяся превратить натуральное землевладѣніе въ ипотечное. Рѣчь идетъ, если не о милліардахъ, то, во всякомъ случаѣ, о сотняхъ милліоновъ рублей ежегоднаго дохода. И было время, когда эта колоссальная реальность давалась въ руки сама, прямо таки даромъ. При Александрѣ III, напримѣръ, и даже въ первые 6—7 лѣтъ нынѣшняго царствованія ее можно было получить правомѣрнымъ путемъ, безъ хлопотъ и огорченій. Но правительство благопріятнымъ временемъ не воспользовалось. Оно окончательно взялось за умъ лишь въ нынѣшнемъ году. И теперь ему приходится пробивать дорогу къ земельной рентѣ сквозь «неслыханную смуту», чрезъ манифестъ 17 октября, сквозь «основные» и «вспомогательные» законы, сквозь наслѣдство, оставленное бывшей Думой, и сквозь обѣщаніе созвать 20 февраля 1907 г. Думу новую. Между тѣмъ, необходимо время, хотя бы только для совершенія формальностей, безъ которыхъ нельзя обмѣнять землю на свидѣтельства государственнаго земельнаго банка, изъ приличія называемаго крестьянскимъ. Предпріятіе огромное. Времени нужно много. А 20 февраля не за горами. Правда, этотъ срокъ можно удлиннить; можно, напримѣръ, и будущей Думѣ предоставить заниматься говореніемъ, а настоящую законодательную работу сосредоточить въ совѣтѣ министровъ. Но, во всякомъ случаѣ, правомѣрный путь не возможенъ. Отказаться отъ революціоннаго пути—значило бы отнять у самого себя единственное средство для рѣшенія поставленной цѣли, и при томъ, повторяю, цѣли, отнюдь не платонической, но измѣряемой величинами вполнѣ реальными.

Да и вообще, помимо этой основной причины, правительству было бы затруднительно объявить войну настоящимъ революціонерамъ. Ибо кто теперь не революціонеръ? 31 августа въ «Странѣ» была напечатана любопытная замѣтка о томъ, какъ въ Екатеринодарѣ офицеры Урупскаго полка подъ предводительствомъ своего командира воевали съ редакціей газеты «Заря». Офицеры требовали, чтобы редакція впредь ничего не смѣла печатать о нихъ, а все раньше напечатанное объявила ложнымъ. Редакція на это не согласилась. Тогда полковой командиръ заявилъ: «ваша сила въ словѣ, а наша въ кулакѣ», и прервалъ «дипломатическіе переговоры». Началась война. Командиръ поставилъ въ типографію «Зари» взводъ ввѣренныхъ ему казаковъ съ строгимъ приказомъ: «не позволяйте выпускать ни одного номера». Въ концѣ концовъ редакція пошла на уступки. И «воюющія державы» кое-какъ уладили «конфликтъ» путемъ мирныхъ переговоровъ.

Вотъ другой случай. Въ Ялтѣ офицеры 16 стрѣлковаго императора Александра III полка обратились къ населенію съ особаго

рода манифестомъ, въ которомъ объявляли, приблизительно, слѣдующее:

— Мы приговорили къ смертной казни 27 человѣкъ, по особо составленному нами списку, и приведемъ нашъ приговоръ въ исполненіе, если будетъ совершено покушеніе на кого-либо изъ насъ.

А вслѣдъ затѣмъ какое-то «общее собраніе» офицеровъ бакинскаго гарнизона опубликовало точь въ точь такую же угрозу «всѣмъ вообще элементамъ» города Баку. И уже одна повторяемость подобныхъ актовъ свидѣтельствуетъ о безукоризненно благожелательномъ отношеніи къ нимъ со стороны центральной власти.

Третій случай. Дѣвушка Смирнова идетъ въ Петербургѣ по улицѣ со своимъ знакомымъ и говоритъ ему нѣсколько словъ о русскихъ неудачахъ во время японской войны. Эти слова слышитъ какой-то кавалергардскій офицеръ (фамилія его, къ сожалѣнію, газетами не названа). Этого достаточно. Офицеръ приказалъ дѣвушку арестовать. Доставилъ ее въ казарму и здѣсь, по словамъ газетъ, приговорилъ къ смертной казни черезъ изнасилованіе:

— Пользуйтесь дѣвицей,—приказалъ онъ солдатамъ.

Солдаты отказались исполнить приказаніе. Тогда офицеръ понизилъ наказаніе на нѣсколько степеней. И дѣвица Смирнова была высѣчена плетьми.

Случай этотъ взволновалъ общественное мнѣніе всей Европы. Коллеги же г. Столыпина, если вѣрить газетнымъ свѣдѣніямъ, выразили лишь неудовольствіе, что дѣвушка высѣчена плетьми безъ участія с.-петербургскаго градоначальника.

Случай четвертый. Въ вагонѣ желѣзной дороги ѣдутъ десятка полтора солдатъ, только что уволенныхъ въ запасъ. Въ этотъ же вагонъ попадаетъ священникъ. Батюшкѣ почему-то не понравилось поведеніе «нижнихъ чиновъ», и онъ высказалъ это вслухъ. Солдаты немедленно «арестовали» его, устроили «военно-полевой судъ» и приговорили къ смертной казни черезъ повѣшеніе. На голову священника уже накинули петлю, когда поѣздъ подошелъ къ станціи. И только сбѣжавшійся на крики о помощи станціонный людъ спасъ «преступника» отъ неминуемой смерти. Благо ему, этому батюшкѣ, спасенному отъ смерти, что его «судьи» были запасные, а не на дѣйствительной службѣ, и что поэтому у нихъ не было оружія.

Доказывать, что всѣ эти дѣянія революціонны, врядъ-ли нужно. Передъ нами самое обыкновенное захватное право суда и расправы. И это право практикуется отнюдь не отдѣльными лицами. Вернитесь на минуту къ злосчастному священнику, случайно спасенному отъ повѣшенія. Представьте, въ самомъ дѣлѣ, что ему пришлось бы имѣть дѣло не съ запасными, а съ дѣйствительными солдатами. Представьте, далѣе, что тотъ же станціонный людъ сбѣжался бы на крики человѣка, надъ которымъ совершаютъ

смертную казнь, и, къ своему несчастію, вздумалъ бы вмѣшаться въ это дѣло. Вотъ вамъ и преступленіе, которое «петербургскимъ телеграфнымъ агентствомъ» квалифицируется, какъ «нападеніе на войска». А къ чему это ведетъ — свидѣтельствуютъ гекатомбы Бѣлостока и Сѣдлеца.

Бѣлостокъ и Сѣдлецъ—памятники армейскаго захватнаго права суда и расправы. Но Бѣлостокъ и Сѣдлецъ—дѣло оптовое, поражающее человѣка чрезмѣрнымъ скопленіемъ жертвъ на небольшомъ пространствѣ. Приглядитесь къ дѣламъ болѣе мелкимъ. Жертвъ, быть можетъ, они даютъ не меньше. Только жертвы эти разсѣяны по огромному полю и потому не такъ замѣтны. Теперь безпрерывно судятъ людей за такъ называемую пропаганду въ войскахъ. Процессы этого рода предусмотрительно велѣно слушать при закрытыхъ дверяхъ. И весь ужасъ ихъ будетъ постигнутъ вполнѣ, лишь когда вскроются прокурорскіе застѣнки и архивы. Но почувствовать этотъ ужасъ до нѣкоторой степени можно и теперь.

Процессы о пропагандѣ складываются по опредѣленному шаблону: «агитаторъ» сталъ смущать солдата Иванова, солдатъ Ивановъ «представилъ» его по начальству, и тотъ же солдатъ Ивановъ является на судѣ въ качествѣ свидѣтеля, и тому же солдату Иванову полагается награда за каждаго пойманнаго и обвиненнаго судомъ «агитатора». Случаются удивительные эпизоды. Рѣшаюсь передать одинъ, со словъ очевидца.

На скамьѣ подсудимыхъ человѣкъ съ типично не русскимъ лицомъ. Солдатикъ свидѣтель подробно передаетъ, какъ «вотъ этотъ самый» «противъ присяги бунтовалъ». Подсудимый срывается съ мѣста и начинаетъ говорить. Говоритъ, волнуясь, размахивая руками, тряся головою: видимо, ему страстно хочется, чтобы его, наконецъ, поняли. Но, увы! — онъ почти ни одного слова не говоритъ по-русски. Его странная—не то чухонская, не то латышская—рѣчь остается совершенно не понятой. Растерянный предсѣдатель даетъ подсудимому кончить. Защитникъ обращается къ солдату:

— Свидѣтель, вы поняли, что сейчасъ говорилъ подсудимый?

— Такъ точно, понялъ.

— А что онъ говорилъ?

— Такъ что насчетъ политики.

— А поняли вы, къ какой подсудимый принадлежитъ партіи?

— Такъ точно, понялъ.

— Къ какой же онъ партіи принадлежитъ?

— Такъ что къ черносотенной.

Судьи еще болѣе растеряны. Даже защитникъ озадаченъ.

— А вы знаете, — рѣшается онъ задать вопросъ, — что такое черная сотня?

— Такъ точно, знаю.

— Что же это такое?

— Такъ что это которые государя императора.

Солдатикъ, видимо, начинаетъ понимать, что дѣло оборачивается не совсѣмъ удобно для него. Онъ слегка краснѣетъ. Его глазки смущенно бѣгаютъ.

— А сколько вамъ за поимку агитатора полагается?—задаетъ защитникъ послѣдній вопросъ.

— Такъ точно, полагается... Должонъ, значитъ, я 5 рублей получить, — заявляетъ онъ тѣмъ же тономъ, какимъ обыкновенно свидѣтели-крестьяне дѣлаютъ суду свое «послѣднее показаніе»:

— А еще, господа правосудіе, желаю я получить прогоны.

Какъ и слѣдуетъ въ нашъ революціонный вѣкъ, судъ призналъ не то чухонца, не то латыша виновнымъ въ пропагандѣ среди войскъ на языкѣ, не понятномъ суду и, очевидно, не понятномъ солдатамъ. Поимщикъ такимъ образомъ получилъ плату свою. И, признаться, я въ послѣднее время стараюсь, по возможности, не ходить возлѣ солдатскихъ казармъ. Ибо знаю, что самое появленіе мое возлѣ казармы тяжко искушаетъ ближняго моего; вѣдь не одна, чай, «живая душа» разсуждаетъ: «эхъ, схватить развѣ этого штатскаго за шиворотъ? пять рублей—деньги». А если одинъ изъ малыхъ сихъ соблазнится и схватитъ меня за шиворотъ, то вѣдь я ужъ ничѣмъ не спасусь отъ тюрьмы, а онъ—отъ лжесвидѣтельства. Въ самомъ дѣлѣ: какой смыслъ имѣетъ эта такса—5 рублей? Въ сущности, вѣдь это не что иное, какъ приглашеніе: «поймай, кого хочешь, но докажи, что онъ агитаторъ». Для святости присяги, которая такъ нужна начальству, это смертный приговоръ: ибо пятирублевая такса сама по себѣ искушаетъ дать «ложную присягу» на судѣ. Для воинской дисциплины это самоубійство, ибо деморализуетъ армію. Самая мысль объ учрежденіи платы за поимку агитаторовъ могла появиться лишь въ головѣ, безнадежно потерявшей вѣру въ благонадежность арміи и безнадежно забывшей о правовыхъ устояхъ общественной жизни.

Но такса за лжесвидѣтельство—сравнительно, пустяки. У насъ есть болѣе краснорѣчивый въ этомъ смыслѣ «институтъ»: солдатская такса за убійство «революціонера», широко практиковавшаяся, между прочимъ, въ Варшавѣ. Вдумайтесь, какъ фактически осуществляется этотъ институтъ. Стоитъ солдатъ на улицѣ и думаетъ: «какъ бы мнѣ нынче 10 рублей заработать». И высматриваетъ, нѣтъ ли прохожаго, который по всѣмъ признакамъ «не иначе, какъ революціонеръ...» И вдругъ—слава Богу, одинъ есть. Приложился,—бацъ. Хватай трупъ и волоки къ городовому:

— Такъ что, г. городовой, вотъ вамъ одного прикончилъ. Пожалуйте мнѣ квитанцію. Да поскорѣича. Думаю, значитъ, пойтить,— не клюнетъ ли еще на мое счастье...

Если такой солдатъ и отличается отъ наемнаго убійцы, то лишь тѣмъ, что наемному убійцѣ заранѣе указываютъ опредѣленное

лицо; наемный убійца лишь исполняетъ чужой приговоръ; солдату же опредѣленно указываютъ лишь сумму, съ тѣмъ, чтобы онъ, если желаетъ заработать ее, взялъ на себя роль сыщика, судьи и палача.

Конечно, настроеніе арміи, сдѣлавшее возможными такіе институты, подобно всякой вообще выброшенной изъ правовыхъ рамокъ соціальной силѣ, обоюдоостро. Вчера настроеніе хотя бы тѣхъ же урупцевъ обрушивалось на голову начальства. Нынѣ они расправляются съ редакціей «Зари». И Богъ вѣсть, съ кѣмъ захотятъ расправляться завтра. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ умышленно неправомѣрными политическими поступками.

Возьмемъ другую организацію: такъ называемый «союзъ русскаго народа». Эта организація, говорятъ, очень дружественна г. Столыпину. По никѣмъ не опровергнутому свидѣтельству горнопромышленника Львова, г. Столыпинъ принималъ живѣйшее участіе въ ея дѣлахъ еще въ Балашовѣ, будучи саратовскимъ губернаторомъ. И еще тогда въ Саратовѣ подъ просвѣщеннымъ покровительствомъ г. Столыпина печаталась «погромная литература», снабженная стереотипнымъ штемпелемъ: «съ благословенія епископа Гермогена». Нынѣ же «союзъ русскаго народа» идетъ еще болѣе откровеннымъ аллюромъ. Въ Петербургѣ на гробъ кн. Шаховскаго, смертельно раненаго при покушеніи на того же г. Столыпина, союзъ водрузилъ надпись: «Мстители живы». И такая же надпись, если вѣрить газетамъ, была водружена на гробъ г. Мина и красовалась тамъ, не смущаясь присутствіемъ на похоронахъ высокихъ особъ и «всего генералитета». Въ Одессѣ союзъ русскаго народа, такъ сказать, оффиціально объявляетъ градоначальнику Григорьеву: «жидовскому батькѣ Григорьеву смерть». А въ своемъ оффиціальномъ органѣ «Руск. Знамя» безъ стѣсненія объявляетъ: ежели министры «дадутъ евреямъ равноправіе, то 100 тысячъ истинно-русскихъ людей возьмутся за бомбы» (Цитирую по «Странѣ», 2 сентября). Правда, почти одновременно съ этимъ, «Правит. Вѣст.» напечаталъ программу «союза», и тѣмъ недвусмысленно призналъ свою близость къ нему. Но отъ этого дѣянія «союза», революціонно террористическія по существу, не перестали быть революціонными и террористическими. И врядъ-ли кто-нибудь станетъ надѣяться, что г. Столыпинъ подвергнетъ преслѣдованію своихъ пріятелей изъ «союза русскаго народа».

Слова: «революція» и «революціонныя идеи» въ правительственномъ сообщеніи 24 августа можно разсматривать, какъ редакціонную неточность, и только. Фактически же дѣло сводится къ преслѣдованію людей не потому, что они революціонеры, а потому, что они по тѣмъ или инымъ причинамъ не удобны, лишни, мѣшаютъ. Въ концѣ августа сталъ мѣшать г. Демчинскій. Его подвергли преслѣдованію по 1 п. 129 статьи угол. улож. Такимъ образомъ, человѣкъ, котораго еще вчера, наукѣ вопреки, правитель-

ство оффиціозно объявляло своимъ собственнымъ метеорологомъ, нынѣ наперекоръ здравому смыслу, оффиціально объявленъ революціонеромъ. Быть можетъ, черезъ нѣкоторое время опредѣлится, что г. Демчинскій «больше не мѣшаетъ»,—и тогда почему бы не вступить съ нимъ въ такое же соглашеніе, какое «имѣло мѣсто» относительно его коллеги по «Новому Времени», г-на Сыромятникова. Въ концѣ августа подвергнуты преслѣдованію к.-д. Ихъ партійный съѣздъ не разрѣшенъ. Однако, это сдѣлано не сразу, а послѣ довольно продолжительныхъ и въ общемъ дружескихъ переговоровъ между г. Мухановымъ и г. Столыпинымъ. При этомъ г. Муханову, во время покушенія на Аптекарскомъ островѣ, пришлось даже взять на себя роль ангела-хранителя и оберегать министра, пока не явились чины охраннаго отдѣленія. Повидимому, значеніе к.-д. партіи именно для даннаго момента старательно взвѣшивалось: мѣшаетъ она или не мѣшаетъ? Вредна или полезна? Въ данное время рѣшено, что мѣшаетъ. Но за будущее, и, быть можетъ, очень недалекое, ручаться нельзя. Положимъ, что придется объявить выборы въ Думу. К.-д. такъ блестяще доказали свою способность создавать вокругъ Думы конституціонный миражъ, развлекать народное недовѣріе и народную подозрительность, что правительству прямо-таки нѣтъ разсчета отказываться отъ силы, которая помогаетъ выигрывать время. И если г. Столыпинъ не вовсе лишенъ здраваго смысла, то, безъ сомнѣнія, вернется къ той же «политикѣ терпимости», какой держались по отношенію къ партіи «народной свободы» гг. Витте и Дурново.

Но если даже отказаться отъ учета возможностей, если даже признать просто факты, что тотчасъ послѣ 24 августа подверглись карамъ гг. Демчинскій и Мухановъ, то всетаки кабалистическія на первый взглядъ слова правительственнаго сообщенія: «мнѣніе» не стѣснять, «идею» преслѣдовать—пріобрѣтаютъ вполнѣ опредѣленный смыслъ. Въ переводѣ съ кабалистическаго жаргона на языкъ фактовъ, это значитъ: «кого хочу, того люблю, кого хочу—повѣшу». Это очень туманно и сбивчиво редактированный оффиціальный и окончательный отказъ отъ правовыхъ, закономѣрныхъ устоевъ власти, и столь же оффиціальное, хоть и не вполнѣ откровенно мотивированное выступленіе на революціонный путь. А учрежденіе особаго революціоннаго трибунала, подъ названіемъ «военно-полевые суды», лишь иллюстрируетъ и поясняетъ то, что словесно изображено на бумагѣ. Если прежде неправомѣрныя дѣйствія власти облекались въ форму секретныхъ приказовъ, въ видѣ, напримѣръ, внушеній, предрѣшающихъ судебные приговоры до начала суда, если до сихъ поръ власть старалась показать, что стоитъ на правовой почвѣ, отдѣлывалась молчаніемъ по поводу повсемѣстныхъ «административныхъ смертныхъ казней» и норовила выставить напоказъ свою гуманность, то теперь

«смыты краски и стерты румяна»... Маски сброшены. Маскарадъ, слава Богу, конченъ.

III.

У насъ весьма часто «революцію» считаютъ синонимомъ «освободительнаго движенія». Исторически такое пониманіе правильно. Въ Россіи долгое время революціонеромъ откровенно называлъ себя лишь тотъ, кто хотѣлъ неправомѣрными, съ точки зрѣнія существующихъ законовъ, способами освободить родину отъ ига абсолютизма. Въ Западной Европѣ борьба соціальныхъ силъ, называемая революціей, въ большинствѣ приводила къ побѣдѣ освободительныхъ идей. И хотя революціонно дѣйствовавшіе Наполеонъ I и Наполеонъ III даютъ примѣръ обратнаго порядка, все-таки смѣшеніе революціи съ освободительнымъ движеніемъ исторіей подсказывается и оправдывается. Но, по существу, вандейцы такіе же революціонеры, какъ и якобинцы, Шарлота Кордэ революціонна не меньше Марата. И выводъ историка, что «въ 1789 г. во Франціи чѣмъ революціоннѣе былъ человѣкъ, тѣмъ онъ болѣе былъ монархистомъ» *), отнюдь не парадоксъ. И отнюдь не будетъ парадоксомъ выводъ будущаго историка, что для «ниспроверженія общественнаго строя», который въ 1905 и 1906 гг. почему-то назывался «существующимъ», колоссальную работу произвели Сергѣй Витте, Петръ Дурново, Иванъ Горемыкинъ, Петръ Столыпинъ и прочее «правительство».

Въ самомъ дѣлѣ. Возьмите «область верховнаго управленія». У насъ оно опредѣлялось старыми «основными законами». Плохи или хороши эти законы,—вопросъ иной. Но правительство систематически ниспровергало ихъ въ порядкѣ конфиденціальномъ. И, наконецъ, ниспровергло. Путемъ страшныхъ усилій и громадныхъ моральныхъ жертвъ, ему удалось написать и опубликовать новые «основные законы», какъ будто для того, чтобы систематически ихъ ниспровергать, сначала секретно, а потомъ открыто и даже съ цинической прямотою:

— Да, нарушаемъ, и будемъ нарушать, ибо находимъ, что это для насъ нужно.

И надо либо умышленно закрывать глаза, либо вовсе не имѣть ихъ, чтобы писать, подобно проф. Герье въ «Нов. Вр.»:

«Первая въ Россіи попытка приложить къ дѣлу новую конституцію оказалась неудачною. Главная причина неудачи несомнѣнна. Она заключается въ томъ, что Государственная Дума не захотѣла держаться въ рамкахъ, отведенныхъ ей основными законами.»

*) Оларъ, „Политическая исторія фран. рев.“, стр. 7. Москов. изд. 1902 г.

Если даже забыть, что слово «конституція» въ примѣненіи къ «закону» 25 апрѣля звучитъ въ высшей степени иронически, то всетаки остается вопросъ: какъ г. Герье сможетъ держаться «рамокъ», которыя хотя и опубликованы, но тотчасъ же правительствомъ уничтожены, и фактически не существовали и не существуютъ?

Возьмите «область провинціальнаго управленія». Плохъ ли, хорошъ ли былъ механизмъ, но онъ существовалъ. Каждая губернія была тѣснѣйше и закономѣрно связана съ центромъ. Было, пусть нелѣпое, но единство. Теперь у насъ система генералъ-губернаторствъ. Переѣхавшій изъ Саратовской губерніи въ Ставропольскую попадаетъ словно въ другое государство, съ другими порядками и законами. Даже, если живешь въ одномъ мѣстѣ, нельзя разобрать, какого, въ сущности, «порядка» держаться. Въ Тверской, напр., губерніи полиція запрещаетъ ученикамъ пѣть «Боже, царя храни», а учебное начальство требуетъ, чтобы пѣли (Новое Время). Въ Кременчугѣ генералъ-губернаторъ требуетъ одного, а полицеймейстеръ другого. И свое разногласіе они опубликовываютъ во всеобщее свѣдѣніе въ видѣ ожесточенно-полемическихъ приказовъ. Въ Одессѣ градоначальнику Григорьеву нужно одно, ген.-губ. Карангозову другое. А Каульбарсъ требуетъ третьяго и объявляетъ Карангозова больнымъ. Общеимперскаго уголовнаго и гражданскаго права не существуетъ. Скалонъ судитъ такъ, Скрыдловъ иначе, а Сухотинъ опять-таки иначе. Суды замѣнены революціонными трибуналами.

Освободительному движенію нѣтъ нужды «ниспровергать» «учрежденіе губернское», изображенное въ т. II «свода законовъ российской имперіи», ибо эта работа уже произведена правительствомъ. «Губернское учрежденіе» не только уничтожено, но психологически и практически даже расчищена почва для областного самоопредѣленія на федеративныхъ началахъ въ любую сторону.

Пока жизнь нашихъ областей опредѣляется олигархическимъ порядкомъ. Воронцовъ, напр., опредѣлялъ жизнь Кавказа въ одну сторону. Создался какой-то офицерскій комплотъ, и Воронцовія превратилась въ Алиханію. Завтра народятся новые олигархи, низвергнутъ прежнихъ и направятъ жизнь еще куда-нибудь. Послѣ завтра, можетъ быть, Кавказъ всѣмъ архонтамъ свернетъ шею и самоопредѣлится по собственному вкусу, а можетъ быть и то, что найдется предпріимчивый человѣкъ, который сумѣетъ объявить себя независимымъ владѣтелемъ. Механизмъ, объединявшій Россію, разбитъ. Государственно-правовая связь правящаго центра съ имперіей разрушена. И осталась связь лишь чисто личныхъ знакомствъ и отношеній. Скалонъ близокъ и лично преданъ—значитъ, ему можно вручить Польшу, Воронцовъ близокъ и лично преданъ,—можно вручить Кавказъ, Меллеръ-Закомельскій близокъ и пре-

данъ,—вручить Сибирь. А Старосельскій и Урусовъ не преданы лично, и имъ поэтому нельзя вручать.

Эта чрезвычайно тонкая, ежеминутно могущая оборваться, нить личной близости и личной преданности и есть та «цѣпь», которая «сковываетъ» необъятную Россію и создаетъ подобіе единства. Нѣкогда мощная бюрократія распалась. Сейчасъ въ Россіи своеобразная олигархія,—правленіе кружка лицъ, объединяемыхъ личными отношеніями. При этомъ олигархи не только не стараются закрѣпить свое положеніе сколь-нибудь прочными правовыми нормами, но, наоборотъ, замѣтно стараются расшатать и упразднить даже послѣдніе остатки права, уцѣлѣвшіе при всеобщемъ крушеніи, и тѣмъ освободить себя отъ какихъ бы то ни было ограниченій.

Вѣдь для самихъ же олигарховъ было бы полезно укрыться, напр., за «институтъ частной собственности». Частная собственность—фундаментъ, на который до сихъ поръ спѣшило опереться всякое правительство. И тѣмъ не менѣе г. Скалонъ не затруднился революціоннымъ порядкомъ присвоить себѣ право конфискаціи частныхъ имуществъ. Правда, едва это право было пущено въ ходъ, какъ обнаружилось, что его присвоить нѣсколько легче, нежели осуществить. Изъ-за каждаго конфискованнаго дома, оказывается, нужно вести пренепріятные разговоры съ земельными банками, съ владѣльцами закладныхъ, и выслушивать цѣлыя лекціи о какихъ то капиталахъ, вложенныхъ въ какой-то ипотечный кредитъ. Но лишь только это стало до нѣкоторой степени извѣстно даже г. Скалону, олигархъ сѣдлецкій приказалъ безъ всякой нужды, а единственно по причинѣ собственной фантазіи разстрѣливать дома пушками. Это была, конечно, не новая въ Россіи, но по ходу событій чрезвычайно эффектная демонстрація противъ «какихъ-то» капиталовъ, вложенныхъ въ «какой-то» ипотечный кредитъ. Конечно, демонстраціи подобнаго рода не рѣдкость. Достаточно вспомнить вятскаго вице-губернатора, который отмѣнилъ вексельное право и приказалъ арестовать явившагося къ исполненію служебныхъ обязанностей судебнаго пристава, хотя тотъ всячески увѣрялъ, что дѣйствуетъ «по указу его императорскаго величества». Но то-то и характерно, что это не единичные случаи. Когда стало извѣстно, что министръ внутреннихъ дѣлъ г. Дурново рекомендовалъ сжигать и уничтожать «крамольныя имущества», сколько словъ было истрачено, чтобы доказать, что такою мѣрою правительство отмѣняетъ права частной собственности не только для «крамольниковъ», но и для третьихъ лицъ. Однако, г. Дурново остался при своемъ. А преемникъ его г. Столыпинъ мѣру «Петра Николаевича» углубляетъ и расширяетъ. Оно и понятно. Признаніе частной собственности всетаки связывало бы и ограничивало власть хотя бы того же г. Скалона.

Повторяю, для разрушенія «существующаго государственно

правового строя» правительство сдѣлало очень много. Пусть на русской биржѣ фонды законности никогда не стояли высоко. Нашъ чиновникъ «не клалъ охулки на руку», если ему приходилось расправиться съ закономъ по свойски. Но всетаки нѣкоторый декорумъ до послѣдняго времени старались сохранить, хотя бы лишь настолько, чтобы можно было, не слишкомъ краснѣя, сказать «политическому преступнику»:

— Ты—бунтовщикъ, ибо возсталъ противъ закона.

Теперь дѣло гораздо проще...

Недавно мнѣ пришлось присутствовать при любопытномъ разговорѣ околоточнаго надзирателя съ обывателемъ, нѣсколько причастнымъ къ литературѣ. Околоточный попался изъ добрыхъ, но забитыхъ людей. Онъ говорилъ о прочитанной имъ нелегальной брошюркѣ.

— Не спорю,—справедливаго тутъ много, — говорилъ онъ.— Много справедливаго. Но въ общемъ одобрить не могу. По совѣсти не могу. А не то что тамъ на счетъ службы... Возьмите, напримѣръ, что онъ, сочинитель этотъ, на счетъ 1-го марта пишетъ... Помилуйте, восхваленіе убійства! Подъ судъ за это надо. На каторгу. По совѣсти говорю...

Обыватель порылся въ столѣ, оттуда досталъ старый номеръ «Московскихъ Вѣдомостей» и подалъ околоточному.

— А вотъ, молъ, прочтите эту штуку.

Это была статья г. Юзефовича о «страшной опасности», какой подвергалась Россія, благодаря «конституціи» Лорисъ-Меликова. Но—пишетъ г. Юзефовичъ — «Божіимъ Промысломъ былъ нанесенъ ударъ этому покушенію». И «ударъ» былъ нанесенъ «Божіимъ промысломъ въ тотъ именно моментъ, когда Александромъ II заложенъ былъ первый камень шаткаго политическаго зданія государственнаго самоуправленія, *къ счастью* для Россіи такъ и оставшагося, *за его кончиной*, не построеннымъ».

— Знаете что,—посовѣтовалъ обыватель.—Сообщите о семъ по начальству. Юзефовичъ этотъ самый живетъ въ Кіевѣ. Адресъ его департаменту полиціи, навѣрное, хорошо извѣстенъ. А редактора «Московскихъ Вѣдомостей» Грингмута вы, быть можетъ, и сами знаете... Пусть ихъ, въ самомъ дѣлѣ, отдадутъ подъ судъ и сошлютъ на каторгу.

Околоточный прочиталъ газету. Смущенно положилъ ее на столъ и сказалъ:

— Господи, хоть бы поскорѣе у насъ конституцію ввели... Повѣрите ли, — не знаешь, чему служить. Умъ за разумъ заходитъ...

И если «умъ за разумъ заходитъ» у полицейскаго чина въ Петербургѣ, то что же дѣлается «тамъ, во глубинѣ Россіи», гдѣ на жалобу потерпѣвшаго отъ грабежа, воровства, разбоя «участковому начальству» приходится отвѣчать откровенно:

— Это дѣло не политическое. . Насъ не касающее *).

Да хотя бы и «политическій» грабежъ и разбой? Какъ къ нему относиться? Нельзя преслѣдовать всякій грабежъ и разбой, ибо исторія Курлова, Нейдгардта, Подгоричани, Шереметьева бѣлостокскаго, удостоеннаго, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, перевода въ Петербургъ, и другихъ многихъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что иные грабежи и разбои не преступленіе, но служебный подвигъ. Или взять хотя бы аграрные погромы. Съ одной стороны, это какъ будто преступленіе. А съ другой—цѣлый рядъ газетныхъ корреспонденцій свидѣтельствуетъ, что чинамъ полиціи приходится въ порядкѣ служебныхъ командировокъ подстрекать крестьянъ къ погрому крамольныхъ имѣній.

Общее понятіе законопреступнаго исчезло. Получилось такъ: полицейскій приставъ Ермоловъ, убившій въ Москвѣ приватъ-доцента Воробьева, достоинъ особаго покровительства, и ему до сихъ поръ, по словамъ газетъ, выдаютъ «изъ казны» жалованье, а 19-лѣтняго мальчика Звѣрева, который контузилъ въ той же Москвѣ городового, надо повѣсить; многократно изобличенный въ беззаконіи черниговскій жандармъ Рудовъ достоинъ повышенія по службѣ, а земскій служащій Гужовскій въ той же Черниговской губерніи никакого беззаконія не совершилъ, но пользуется среди крестьянъ и казаковъ вліяніемъ, поэтому его надо сослать на всякій случай въ Нарымскій край. Если ты сыщикъ, и съ тобою желаетъ побесѣдовать товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Макаровъ, то онъ говоритъ просто:

— Пригласите ко мнѣ филёра имя рекъ.

Но если ты не сыщикъ, а г. Макаровъ всетаки имѣетъ къ тебѣ надобность, то тебя сначала сажаютъ въ тюрьму, а потомъ ведутъ къ его превосходительству.

«Дѣйствія правительства» до того лишены даже намека на законность, что обыватель, повидимому, рѣшительно перестаетъ понимать разницу между правительственнымъ агентомъ и обыкновеннымъ жуликомъ. Помню, въ прошломъ году мною было получено потрясающее письмо изъ Нѣжина, Черниговской губерніи. Авторъ письма коротко передавалъ, какъ погибла семья, ошибочно принявшая полицейскихъ за ночныхъ грабителей. По его разсказу, дѣло сложилось такъ. Ночью старшій сынъ семьи услышалъ, какъ кто-то ломаетъ дверь съ чернаго хода. Онъ поспѣшно разбудилъ другихъ. Между тѣмъ, дверь уже была сбита и слышно было, какъ предполагаемые грабители тихонько крадутся въ комнаты. Старшій сынъ закричалъ и выстрѣлилъ изъ револьвера. Въ отвѣтъ раздались также выстрѣлы. Потомъ команда: «бей». Лязгъ оружія. Стоны, крики... Женщины пытались выскочить изъ оконъ. Ихъ встрѣтили съ улицы новыми выстрѣлами и сабельными ударами. Въ нѣсколько

*) „Око“, № 5.

минутъ «все было кончено». Оказалось, «это полиція». Полицейское начальство явилось произвести обыскъ, окружило домъ «охраной», а дабы «захватить улики», рѣшило взломать черную дверь и забраться въ домъ, прежде чѣмъ его обитатели проснулись.

Признаюсь, я не рѣшился тогда вполнѣ довѣриться этому письму, хоть авторъ его — человѣкъ, лично мнѣ извѣстный и не имѣвшій привычки говорить о непровѣренныхъ фактахъ. Можетъ быть, думалось мнѣ, чины охраны не въ такой ужъ степени давали поводъ смѣшивать ихъ съ ночными грабителями? Быть можетъ, погибшая семья имѣла какія-нибудь особыя причины отстрѣливаться именно отъ полиціи? Словомъ, годъ назадъ даже мнѣ, давно привыкшему смотрѣть на россійскую администрацію безъ всякихъ иллюзій, нѣжинскій случай казался единичнымъ и нѣсколько невѣроятнымъ. Теперь же все такъ просто и ясно, какъ нижеслѣдующая телеграмма правительственнаго «петербургскаго» агентства отъ 31 августа изъ Чернигова. «Восемь злоумышленниковъ, одѣтыхъ въ жандармскую форму, явились къ купцу Ребенко въ Марнихиной Будѣ, Глуховскаго уѣзда, произвели обыскъ, забрали около 4,000 руб. и на неизвѣстную сумму процентныхъ бумагъ». Поди, разбери, на какомъ основаніи петербургское агентство считаетъ неизвѣстныхъ ему и доселѣ не пойманныхъ «злоумышленниковъ» только «одѣтыми въ жандармскую форму», а не настоящими жандармами.

Не менѣе ясно и убѣдительно извѣстіе изъ Тельшевскаго у., Ковенской губ., напечатанное въ № 153 «Рѣчи»:

«На-дняхъ въ мѣстечкѣ Куршаны *мѣстный урядникъ и уличный сторожъ* забрались, подъ предлогомъ обыска оружія, въ домъ Брундза и похитили 250 руб. денегъ и золотыя вещи».

А вотъ еще «случай» въ томъ же Тельшевскомъ у.: въ имѣніе Беркиньяны прибыли, подъ предлогомъ обыска, два человѣка; одинъ назвалъ себя полицейскимъ чиновникомъ, другой агентомъ тайной полиціи; они такъ стали «обыскивать» столы и шкафы, что встревоженная хозяйка имѣнія послала за батраками; по приходѣ батраковъ, личность «обыскивателей» удалось установить: одинъ оказался «переодѣтымъ урядникомъ, а другой извѣстнымъ всему околотку хулиганомъ» («Рѣчь»).

«Оказывается, — пишетъ другой корреспондентъ «Рѣчи»,— что всѣ грабежи послѣднее время у насъ въ Екатеринославѣ дѣлались агентами мѣстнаго сыскного отдѣленія. Грабежи происходили во всѣ часы дня и ночи». Замѣчательно при этомъ, что екатеринославское сыскное отдѣленіе, называвшее себя почему-то «анархистами-коммунистами», грабило не только частныхъ лицъ, но и казенныя, правительственныя учрежденія. Для горожанъ истинныя занятія сыщиковъ давно уже не составляли секрета. Но только по настоянію ограбленныхъ казенныхъ учрежденій начальство согласилось, наконецъ, «признать фактъ». И даже опубликовало въ

екатеринославскихъ газетахъ «распоряженіе»: «Агенты сыскного отдѣленія, которые предъявятъ карточки, удостовѣренныя бывш. начальникомъ сыскного отдѣленія Капари и его помощникомъ Кнолемъ, должны быть обязательно арестованы и препровождены въ распоряженіе сыскного отдѣленія».

Мораль для сыщиковъ ясна: «вообще—можно, но лѣзть въ казенныя учрежденія опасно». Для обывателей же начинается прямотаки кошмаръ:

— Если сыщику, при исполненіи имъ «служебныхъ обязанностей», окажешь «сопротивленіе», то тебя будутъ судить военно-полевымъ порядкомъ. А если сопротивленія не окажешь и «карточки» не потребуешь, то тебя тоже могутъ наказать за «неисполненіе законныхъ требованій начальства». Спрашивается, какъ же, на основаніи какихъ признаковъ можно опредѣлить разницу между жуликомъ по профессіи и вахмистромъ по должности?

А разницу между россійскими сановниками, съ одной стороны, и «вахмистрами по воспитанію и погромщиками по убѣжденію»—съ другой,—мы уже давно отчаялись найти. И если прежде у этихъ «вахмистровъ» были слуги, въ родѣ гг. Урусова, Муханова, Кутлера, Старосельскаго, которые наивно мнили, будто служатъ «дѣлу», закону, а не лицамъ, то теперь для такихъ иллюзій мѣста не осталось. И если прежде участники освободительнаго движенія думали, что надо ниспровергать существующій строй, то нынѣ для нихъ должно быть ясно, что никакого строя нѣтъ. Если прежде въ глазахъ инертной массы, созерцающей событія въ качествѣ зрителя, была борьба защитниковъ стараго, традиціоннаго, и всетаки коечто обезпечивающаго порядка съ сторонниками порядка новаго, который «неизвѣстно еще, какимъ будетъ», то теперь и отъ этого необходимаго для нихъ «ореола» вахмистры освободились. Борющіяся стороны отказались отъ всякихъ условностей. И борьба по необходимости принимаетъ личный характеръ, быть можетъ, наиболѣе понятный массамъ, но и наиболѣе ожесточенный, и врядъ-ли дающій надежду на сколько-нибудь прочное заключеніе мира: ужъ слишкомъ много жертвъ принесено и съ той, и съ другой стороны.

Въ настоящее время, олигархія бьетъ не преступниковъ,—преступленія въ юридическомъ смыслѣ не можетъ быть въ странѣ, гдѣ упразднены фактически законы; она бьетъ лицъ: X, У, Z, которыя ей мѣшаютъ. Освободительное движеніе борется уже не противъ идеи автократизма; эту идею самъ г. Столыпинъ не осмѣливается защищать открыто. Борьбу приходится вести противъ опредѣленной группы лицъ: X, У, Z, которыя мѣшаютъ осуществить правовую государственность. И, что всего важнѣе, этотъ взглядъ на задачи освободительнаго движенія начинаетъ замѣчаться въ самыхъ глухихъ захолустьяхъ.

IV.

Не такъ давно псковской корреспондентъ «Товарища» сообщалъ, что «господамъ» стало въ деревняхъ жить «слободнѣе» и безопаснѣе. Глухое, безпредметное и уже по одному этому стихійное деревенское недовольство, готовое ежеминутно обрушиться на голову перваго встрѣчнаго барина, на томъ единственно основаніи, что онъ баринъ, вдругъ начало кое-гдѣ сосредоточиваться на болѣе опредѣленной цѣли. Оно замѣтно адресуется въ тѣ надзвѣздныя для деревни сферы, гдѣ обитаетъ г. Столыпинъ. А такъ какъ мужицкой рукѣ до этихъ сферъ не достать, то она, въ ожиданіи будущаго, сводитъ счеты съ ближайшими къ ней «агентами правительственной власти». Такъ что, если нѣсколько мѣсяцевъ назадъ отъ страха передъ деревенскимъ гнѣвомъ трепетали «баре», то теперь приходится трепетать «мундирамъ».

Дѣйствительно ли въ Псковской губерніи «господамъ» стало «слободнѣе»—это оставляю на отвѣтственность псковскаго корреспондента. Но что «мундирной публикѣ» приходится плохо, это подтверждаютъ извѣстія изъ многихъ мѣстъ. Въ Мологскомъ, напр., уѣздѣ, Яросл. г., вмѣсто 4 земскихъ начальниковъ, осталось было только два: старый да молодой, но и тѣ не уцѣлѣли. Старый, «какъ затравленный заяцъ, боится показаться одинъ даже въ собственномъ участкѣ; судебныя дѣла разбираетъ не иначе, какъ подъ охраной казаковъ и стражниковъ, и, говорятъ, даже избѣгаетъ носить форменную фуражку». А молодой прослужилъ лишь $1^1/_2$ мѣсяца: «на него такъ подѣйствовало возбужденное настроеніе крестьянъ, что онъ лишился разсудка; предметъ помѣшательства—казнь, которой, будто бы, хотятъ предать его крестьяне: постепенное отравленіе по куску его тѣла. Въ письмѣ къ знакомому онъ умоляетъ замѣнить ему эту пытку повѣшеніемъ. На-дняхъ несчастный отправленъ въ больницу». По словамъ «Товарища», откуда я беру эти цитаты, «вообще по Ярославской губ. ощущается сильная убыль земскихъ начальниковъ. Вакантныя мѣста пока еще пополняются, хотя больше юношами или дряхлыми старцами. Но скоро и такихъ не найдется».

Въ Воронежской губерніи «исправники и становые стараются какъ можно рѣже выступать на сельскихъ сходахъ и вообще меньше имѣть дѣло съ «міромъ». Въ случаѣ какихъ-нибудь недоразумѣній исправникъ посылаетъ въ деревню сначала урядника, потомъ станового и затѣмъ выѣзжаетъ самъ, подъ усиленной охраной стражниковъ и казаковъ... Охрана увеличивается тамъ, гдѣ власти успѣли проявить «твердость характера» при усмиреніи» («Рѣчь»).

Въ такой крайности губернскому начальству пришлось уже прибѣгать къ оригинальному методу, который нѣсколько напоминаетъ

политику базарныхъ скупщиковъ. Какъ извѣстно, предпріимчивые скупщики избѣгаютъ посылать однихъ и тѣхъ же молодцовъ въ одни и тѣ же мѣста. Такъ что, если Иванъ скупалъ хлѣбъ въ Петровкѣ, а Петръ въ Ивановкѣ, то на слѣдующій базарный день Ивана посылаютъ въ Ивановку, а Петра въ Петровку: «авось, молъ, народушко Божій не такъ скоро нашихъ признаетъ». Сообразно съ этимъ, въ Воронежѣ, напримѣръ, «почти каждый номеръ «Губернскихъ Вѣдомостей» испещренъ приказами губернатора: то исправники, «ради пользы службы», переводятся одинъ на мѣсто другого, то смотритель тюрьмы увольняется по болѣзни «согласно прошенію», то становые пристава перемѣщаются съ одного конца губерніи на другой—тоже «ради пользы службы», то какой-нибудь «не имѣющій чина» назначается исполняющимъ должность надзирателя или причисляется къ губернскому правленію, или просто увольняется и т. д., и т. д.». Точно также начальство, по мѣрѣ силъ перетасовываетъ урядниковъ и стражниковъ («Рѣчь»). Къ сожалѣнію, задача скупщика гораздо благодарнѣе, ибо онъ имѣетъ дѣло съ базаромъ, составъ котораго въ значительной мѣрѣ каждый разъ мѣняется. Губернаторамъ же приходится имѣть дѣло все съ однимъ и тѣмъ же населеніемъ, которое уже достаточно пріучено «узнавать нашъ».

Пожалуй, скажуть: «ну и пусть узнаютъ, а мы будемъ бить...» Хорошо «будемъ бить». Деревня, вполнѣ сознательно опредѣляющая свои отношенія къ правительству, будетъ выслѣживать и бить «нашихъ». А «наши» будутъ бить «ихнихъ». Били, бьемъ и будемъ бить. Но помимо сплошного побоища, есть еще просто жизнь, которая складывается изъ обычныхъ будничныхъ отношеній: изъ работы, знакомствъ, связей, купли-продажи и многаго прочаго, что въ повседневномъ обиходѣ полагается. До нынѣшней «неслыханной смуты» эти повседневныя отношенія регулировались властью съ необыкновенною тщательностью.

Возьмемъ хотя бы религіозную область. Въ «Извѣстіяхъ Томскаго Университета» за 1901 г. приводится, между прочимъ, характерный фактъ, какъ томское начальство по особому приказу разыскивало старца Варѳоломея, «проживающаго гдѣ-то въ лѣсныхъ горахъ, куда для богомолья приходятъ къ нему какіе-то люди», и другого старца Паисія, «устроившаго себѣ помѣщеніе въ кедровомъ дуплѣ, среди неприступныхъ скалъ», гдѣ никого не бываетъ. Старцы Варѳоломей и Паисій никакого преступленія не совершили. Но правительство сочло недопустимымъ, чтобы они жили «гдѣ-то въ лѣсныхъ горахъ» и «среди неприступныхъ скалъ». «А вдругъ, молъ, они, безъ разрѣшенія начальства, станутъ угодниками Божіими». И это было резонно. Въ самодержавномъ государствѣ, дѣйствительно, нельзя допускать, чтобы появлялись угодники, не аппробированные начальствомъ. Плохо или хорошо, но до «неслыханной смуты» правительство понимало, что ему нужно, и что

ему не нужно, что полезно, и что вредно. Но что оно понимаетъ теперь?

Недавно кишиневскій отдѣлъ «союза русскихъ людей» «дерзаетъ» телеграммою на высочайшее имя протестовать противъ отмѣны процентной нормы при пріемѣ евреевъ въ учебныя заведенія и «умолять Тебя, Государь, судить министра народнаго просвѣщенія». Такъ пишутъ «истинно-русскіе люди» на высочайшее имя послѣ манифеста 9 іюля, въ которомъ даже Государственной Думѣ поставлено было въ вину, что она занималась осужденіемъ дѣйствій «поставленныхъ властей». Казалось бы, что это обвиненіе всѣ лица, болѣе или менѣе близко стоящія къ правительству, должны признавать чрезвычайно вѣскимъ, значительнымъ и вполнѣ достаточнымъ даже для роспуска законодательнаго собранія. Тѣмъ не менѣе, кишиневскій «союзъ», по слухамъ наполовину состоящій изъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ, отказывается признавать вѣскость и значительность мотива, приведеннаго въ манифестѣ. А г. Столыпинъ вслѣдъ за этою телеграммою поспѣшно опубликовалъ «правительственное сообщеніе», въ которомъ оправдываетъ министра народнаго просвѣщенія ссылками на «законы» и обстоятельства, продолжая относиться къ кишиневскому союзу съ прежнею благожелательностью. Иначе говоря, одинъ изъ мотивовъ роспуска Думы оффиціально признанъ несущественнымъ. А вотъ другой случай того же порядка:

Кіевскій губернскій съѣздъ землевладѣльцевъ особымъ письмомъ настоятельно рекомендуетъ предсѣдателю совѣта министровъ немедленно «измѣнить выборный законъ», въ пользу помѣстнаго землевладѣнія и въ порядкѣ государственнаго переворота, нарушивши основные законы. И это опять-таки послѣ манифеста, въ которомъ даже Государственной Думѣ поставлено въ вину, что она «указывала на несовершенство законовъ основныхъ». Такъ свидѣтельствуетъ во всеуслышаніе съѣздъ землевладѣльцевъ Кіевской губерніи о своей вѣрѣ въ основательность мотивовъ, которыми свыше оправданъ роспускъ Думы. Человѣкъ, способный сколько-нибудь думать, не нуждается въ объясненіяхъ, что это страшный ударъ по моральному престижу власти. А что же власть? Увы! по газетнымъ свѣдѣніямъ, самъ генералъ-губернаторъ призналъ постановленіе съѣзда правильнымъ и благонамѣреннымъ и тѣмъ съ своей стороны не преминулъ усугубить ударъ по власти, питающей его. Вслѣдъ за кіевскими землевладѣльцами съ такимъ же по существу предложеніемъ выступили «объединенные дворяне». Оно было подхвачено «Россіей», «Новымъ Временемъ» и «Русскимъ Знаменемъ». Правительственные публицисты съ необыкновеннымъ жаромъ принялись разрабатывать вопросъ о наиболѣе выгодномъ для нихъ способѣ ниспровергнуть основные законы. Выходитъ такъ, словно само правительство распорядилось, чтобы

возможно старательнѣе были дискредитированы основанія для роспуска Думы, приведенныя въ манифестѣ. И это занятіе считается дѣломъ, соотвѣтствующимъ видамъ «Верховной Власти». Но если кто-либо напечатаетъ статью о соціализмѣ,—о!—тогда г. Столыпинъ приходитъ въ ужасъ. Если появится перепечатка о сѣдлецкомъ погромѣ, если гимназистъ запоетъ невзначай «Варшавянку», власть приходитъ въ сильнѣйшее негодованіе. Отечество немедленно объявляется въ опасности, — газету подъ арестъ, редактора подъ судъ, гимназиста въ тюрьму etc., etc.. До такой степени безнадежно утрачена мѣра вещей даже въ такихъ культурныхъ центрахъ, какъ Кіевъ, даже на вершинахъ правительственныхъ сферъ.

Судите сами, до какой, стало быть, степени мѣра вещей утрачена въ деревнѣ. Въ деревнѣ для начальства есть своего рода жупелы, которые подлежатъ искорененію. Начальство гоняется за «агитаторами» и «пропагандистами», искореняетъ «митинги»; приходитъ въ ужасъ, если сходъ заговоритъ о крестьянскомъ союзѣ; истребляетъ «вольныя» книжки и газеты и продѣлываетъ все прочее, что полагается въ Россіи человѣку, который по долгу службы нюхаетъ и рыщетъ. Но помимо тѣхъ предметовъ, которые возбуждаютъ въ немъ нервные припадки, есть еще цѣлый кругъ явленій. Есть, напримѣръ, волостные сходы, куда еще недавно даже десятидворники приходили неохотно и черезъ силу. Теперь мѣстами приходятъ всѣ, кому только есть возможность,—бабы наравнѣ съ мужиками; нѣсколько своеобразно, но, во всякомъ случаѣ, весьма широко, волость начинаетъ осуществлять «непосредственную демократію». Въ деревняхъ появляются учрежденія, о которыхъ годъ назадъ наша интеллигенція не рѣшалась даже мечтать вслухъ. Есть, оказывается, особо выборные «отъ обчества» лица, которыя обязаны путемъ непосредственныхъ сношеній съ «знающими людьми», а также изъ газетъ и книжекъ, узнавать, что «дѣлается на свѣтѣ» и докладывать «обчеству» «по всей правдѣ», чтобы, значитъ, всякому ясно было, «куда гнутъ министры, и чего хотятъ соціалисты». И что это дѣлается не зря, можно судить уже потому, что на расходы столь оригинальныхъ комитетовъ общественнаго освѣдомленія мѣстами сходъ отпускаетъ отъ 50 до 100 рублей: деньги, для деревни не малыя. Есть, оказывается, не менѣе оригинальные «комитеты по воинской повинности», и на ихъ обязанности лежитъ подготовлять новобранцевъ («чтобы въ народъ не стрѣляли») и допрашивать запасныхъ, по возвращеніи ихъ со службы на родину. И къ этому дѣлу деревня относится серьезно.

«Возвращающихся въ нашу Черниговскую губ.—писалъ, напр., корреспондентъ «Вѣсти»—солдатъ встрѣчаютъ по особому. Спрашиваютъ: «Гдѣ былъ, кого усмирялъ, много-ль душъ загубилъ?» Слышны и такія нравоученія: «Ты, сынокъ, чужого батьку сѣкъ и чужую сестру безчестилъ, а тутъ солдаты пришли и твоего батьку

пороли и твою сестру безчестили». Одинъ солдатикъ вернулся въ родную деревню со значкомъ за усмиреніе Польши. Односельчане его заявили: «Если ты этого знака не снимешь, то уходи отъ насъ прочь».

А въ Саратовской губерніи, между прочимъ, «Прив. Кр.» зарегистровываетъ такой случай:

«31-го августа, рыбушанскій сельскій сходъ отклонилъ просьбу односельчанина, запаснаго солдата, вернувшагося по болѣзни съ Кавказа, о выдачѣ удостовѣренія о несостоятельности для полученія пенсіи. Сходъ заявилъ, что такъ какъ солдатъ этотъ участвовалъ въ карательныхъ экспедиціяхъ и стрѣлялъ въ народъ, добывавшій земли и воли, то односельчане не желаютъ имѣть съ нимъ никакого дѣла и оказывать ему какую бы то ни было помощь, хотя бы даже и выдачей простого удостовѣренія».

По случаю «Думы», деревня отправляла ходоковъ слѣдить за депутатами, что никакими законами не предусмотрѣно, и чего даже въ просвѣщенныхъ Европахъ не бываетъ. По случаю повсемѣстныхъ грабежей, она устраиваетъ свои караулы и дозоры. По случаю неплатежа податей, изобрѣтаетъ «средствія», чтобы избавиться отъ распродажи имущества съ торговъ. И при томъ средствія, порою прямо-таки неожиданныя. Недавно въ газетахъ разсказывалось, какъ въ м. Толочинѣ, Могилевской губ., крестьянскіе уполномоченные разыскивали, гдѣ находится «Бундъ». Послѣ нѣкоторыхъ мытарствъ, имъ удалось найти, кого нужно, и вступить въ переговоры. Вкратцѣ заявленіе уполномоченныхъ сводилось къ слѣдующему:

— Наше имущество описано за подати. И будетъ тогда-то продаваться. Такъ вотъ вы и прикажите, господа бунды, вашимъ евреямъ, чтобы они на торги не приходили. А наши крестьяне тоже не придутъ. Такъ что если ваши евреи будутъ за насъ, то и мы будемъ за васъ...

Къ слову сказать, «господа бунды приказали своимъ евреямъ». Начальству, дѣйствительно, пришлось отложить торги, такъ какъ на нихъ никто не явился. И меня нисколько не удивляетъ, что даже «Новое Время», перепечатавшее замѣтку о переговорахъ крестьянъ съ бундистами, не порекомендовало начальству «пресѣчь крамолу». Вѣдь подъ «крамолой» у насъ понимаютъ «прокламацію», «агитацію», бомбу, браунингъ, «с.-р.», «с.-д.», «к.-д.», крестьянскій союзъ. А тутъ только всего торги, обыкновенное житейское дѣло, которое даже издали не походитъ на революцію. Вблизи же оно совсѣмъ просто: мужики хотятъ, чтобы ихъ имущество не было продано съ молотка; но кто же этого не хочетъ? И если самъ г. Меньшиковъ, который всетаки о мужицкомъ гнѣвѣ судитъ лишь по наслышкѣ, не взываетъ къ консуламъ, то земскому начальнику, «власти, къ народу близкой», достаточно народомъ напуганной, и подавно можно не волноваться:

— А чортъ, молъ, съ вами! Дѣлайте, что хотите, лишь бы «тихо было». Лишь бы мнѣ написать въ отчетѣ: «агитаторы своевременно принятыми мѣрами были переловлены, а потому рѣзкихъ проявленій революціоннаго движенія во ввѣренномъ мнѣ участкѣ не наблюдалось».

Правда, земскій можетъ, когда ему это придетъ на умъ, заволноваться; можетъ арестовать, засѣчь, посадить въ тюрьму, сослать, предать «военно-полевому суду». Можетъ устроить погромъ, подобный тому, какой устроилъ на дняхъ астраханскій губернаторъ въ слободѣ Николаевской, а новоявленный генералъ Литвиновъ устраиваетъ во всей Ставропольской губерніи, разстрѣливая села и деревни пушками. Но вѣдь въ томъ-то и трагедія правительства, что пушки умѣютъ раззорять и истреблять, но совершенно не умѣютъ устраивать. Пушка до нѣкоторой степени помогаетъ тамъ, гдѣ вслѣдъ за нею идетъ право, порядокъ, тотъ или иной, но приспособленный къ народному міропониманію и народнымъ потребностямъ регуляторъ жизни. За пушками же гг. Литвинова и Столыпина ничего не идетъ. Г. Литвиновъ оставляетъ послѣ себя пустое мѣсто, предоставляя каждому, кто остался въ живыхъ, устраиваться, какъ онъ знаетъ, какъ хочетъ, какъ ему удобнѣе.

Пушка помогала, пока существовали правовые устои жизни. Пушка истребляла «враговъ существующаго порядка», оставляя самый порядокъ. А теперь, что она оставляетъ, когда никакого строя не существуетъ, когда правовые устои жизни и психологически, и фактически исчезли при благосклонномъ содѣйствіи самòго правительства? Жить-то вѣдь надо. Значитъ, такъ или иначе надо налаживать общественныя отношенія и такъ или иначе регулировать ихъ своими средствами, по своему разуму и примѣнительно къ своимъ потребностямъ. Пушку привозятъ. Она стрѣляетъ. Ее увозятъ. А жизнь остается по прежнему безъ руля и безъ вѣтрилъ. И дворяне устраиваютъ ее на дворянскій ладъ, мужики на мужицкій, мѣщане на мѣщанскій, каждый по своему, въ мѣру внѣшней возможности и внутренней потребности. А къ чему это устройство, самопроизвольное и неизбѣжное, приведетъ,—всего меньше знаетъ правительство, уподобившееся уже теперь въ нѣкоторыхъ вещахъ младенцу несмысленному, который весело улыбается огню и горько плачетъ, увидѣвши согрѣвающую его мамину шубу.

V.

Разумѣется, я далекъ отъ мысли обрисовывать хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ типы, по которымъ въ силу необходимости самопроизвольно устраивается нынѣ русская жизнь. Да и врядъ ли вообще сейчасъ возможно такое занятіе. Въ сущности вѣдь

до насъ доходятъ лишь отрывочныя и случайныя свѣдѣнія. И притомъ всего чаще о фактахъ разрушительнаго свойства, которые рѣзко бросаются въ глаза, бьютъ по нервамъ и заставляютъ кричать. Творческая же работа совершается тихо, незамѣтно, касается такихъ повседневныхъ и обычныхъ вещей, что даже тѣмъ, кто непосредственно въ ней участвуетъ, она кажется дѣломъ мелочнымъ и особаго вниманія не стоющимъ. Ну, смѣнили, въ самомъ дѣлѣ, старшину, велѣли Ивану Кобылину «всю правду насчетъ политики узнать» и на это дали ему 25 руб., выбрали своихъ судей, чтобы къ земскому не обращаться, прочитали міромъ нравоученіе новобранцамъ... Не велика важность. А людей, которые способны остановиться именно передъ такими «не великими важностями» и понять ихъ потрясающій смыслъ, не такъ уже въ Россіи много.

А если и есть такіе люди, то не все, что знаютъ они, удобно для оглашенія. Вѣдь бывало уже такъ: нѣсколько волостей подрядъ вводятъ одинъ и тотъ же порядокъ; названіе одной волости съ надлежащими комментаріями случайно попадаетъ въ газеты, и вслѣдъ затѣмъ въ нее посылаются казаки; а сосѣди хоть и дѣлаютъ то же, но не «пропечатаны», а потому живутъ безъ казаковъ. Жизнь лишь вырабатываетъ новыя формы, но пока совершенно не имѣетъ органа для ихъ защиты. Поэтому и отношеніе къ творческой работѣ должно быть особо бережное, особо осторожное.

Рисовать детально картину теперь во всѣхъ смыслахъ не время. Но кое-что пора вспомнить и понять. И прежде всего пора понять, что правительства, какъ организаціи, которая закономѣрно регулируетъ общественныя отношенія, сейчасъ въ Россіи нѣтъ. Г. Столыпинъ занятъ чѣмъ угодно: сыскомъ, самозащитою, борьбою съ к.-д., борьбою съ с.-р., устройствомъ собственныхъ дѣлъ, но не государственною дѣятельностью въ настоящемъ значеніи этого слова. Отсюда уже a priori слѣдовало, что народная масса вмѣсто исчезнувшихъ правительственныхъ регуляторовъ станетъ ставить свои, пусть временные, но по своему значенію, быть можетъ, не менѣе рѣшающіе и глубокіе, чѣмъ тѣ, какіе дала Франціи муниципальная революція 1789 г. Факты подтверждаютъ, что эта апріорная возможность на нашихъ глазахъ становится дѣйствительностью. И эта дѣйствительность, наростающая на нашихъ глазахъ, быть можетъ, очень скоро заставитъ сводить съ собою счеты гораздо серьезнѣе, чѣмъ дѣлалось до сихъ поръ.

Борьба правительства съ освободительнымъ движеніемъ должна когда-нибудь кончиться. И, навѣрное, это произойдетъ скоро. Но пути, которые приведутъ къ концу, Богу единому вѣдомы. Если отбросить вѣроятность международныхъ вмѣшательствъ въ русскую жизнь, то обыкновенно конецъ борьбы представляютъ въ видѣ быстрой хирургической операціи. По наиболѣе распространенному

предсказанію, народное негодованіе, безпрерывно разжигаемое безумствами Литвиновыхъ и Скалоновъ, накопитъ такой могучій и такой героическій запасъ воли, что она, не взирая на пушки, пулеметы, бронированные поѣзда и бронированные автомобили, «грянетъ и раздавитъ». Обыкновенно «конецъ» обрисовывается въ видѣ баррикадъ, залповъ, колебанія войскъ, провозглашенія временнаго правительства и прочаго, что полагается по этому традиціонному представленію. Не берусь судить, какъ скоро накопится достаточный запасъ воли, чтобы совершить это, идя по линіи наибольшаго сопротивленія. Да и не о томъ собственно дѣло, чтобы онъ накопился. Такой запасъ воли, быть можетъ, уже есть. Гораздо сложнѣе другое: сумѣетъ ли эта воля достаточно организоваться? И сложность такого вопроса тѣмъ больше, что для запаса народной воли, кромѣ пути хирургическаго, по линіи наибольшаго сопротивленія, есть еще путь, такъ сказать, органическій, который диктуется не героизмомъ, готовымъ на самопожертвованіе ради общаго блага, а потребностью.

«Жизнь безъ руля и вѣтрилъ»... Это значитъ, что каждому человѣку, въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ—въ городѣ и въ деревнѣ, въ крѣпости и въ казармѣ—надо поставить хоть какое-нибудь вѣтрило и хоть какой-нибудь руль. Безъ руля и вѣтрилъ не можетъ жить даже разбойничья шайка. Даже шайка разбойниковъ, въ интересахъ хотя бы только самосохраненія, такъ или иначе, но опредѣляетъ взаимоотношенія своихъ членовъ. Тѣмъ паче безъ регулированія общественныхъ отношеній не можетъ обойтись мирное населеніе. Полагаютъ, будто нѣкоторыя группы, напр., солдаты, могутъ и не чувствовать такой потребности. Думаю, однако, что новобранцы нынѣшняго года, своими глазами видѣвшіе, какъ допрашиваютъ запасныхъ, будутъ на этотъ счетъ другого мнѣнія.

Правительство, освободившее жизнь отъ руля и отъ вѣтрилъ, тѣмъ самымъ совершило фактически призывъ къ народу: «самоопредѣляйся».

И народъ въ силу необходимости самоопредѣляется. Но въ томъ то и трагизмъ положенія, что творческая работа народа усиливаетъ правительственныя репрессіи. А правительственныя репрессіи, попирающія законъ и право, обостряютъ потребность въ творческой работѣ. И какъ разрѣшится эта трагическая коллизія, можно предвидѣть лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Всего вѣроятнѣе, что ближайшія событія опредѣлятся комбинаціей нѣсколькихъ возможностей и пойдутъ по равнодѣйствующей нѣсколькихъ силъ. Безъ сомнѣнія, свою долю внесетъ героизмъ,—онъ уже не разъ вносилъ и вноситъ ее. Свою долю внесетъ готовность къ самопожертвованію во имя идеи народнаго блага. Возможны и, пожалуй, даже неизбѣжны «центральныя аттаки»: слишкомъ много накоплено горючаго матеріала; трудно надѣяться, что онъ не вспыхнетъ. Свою долю внесетъ деревенское раздраженіе противъ

«мундирной публики». Но свою долю должна внести, не можетъ не внести и властная необходимость такъ или иначе регулировать свои отношенія въ государствѣ, поставленномъ правительствомъ внѣ закона. А какова будетъ эта доля, объ этомъ, навѣрное, жизнь вскорѣ заставитъ говорить.

А. Петрищевъ.

Изъ исторіи одного уѣзда.

I.

Начиная съ декабря 1905 года, въ газетахъ стали встрѣчаться извѣстія изъ Изюмскаго уѣзда (Харьк. губ.) о самовольныхъ порубкахъ крестьянами казенныхъ и частновладѣльческихъ лѣсовъ, о разгромѣ усадебъ, увозѣ хлѣба, — извѣстія, идущія по сей день изо всѣхъ губерній Россіи.

Настоящія аграрныя волненія, являющіяся результатомъ малоземелья, нищеты и глубокой вѣры крестьянства, что рано или поздно вся земля отойдетъ ему, ибо принадлежитъ «обществу», не должны, конечно, разсматриваться сами по себѣ, внѣ зависимости отъ событій, предшествовавшихъ текущимъ «безпорядкамъ». События же эти имѣютъ свою долгую исторію, такъ какъ много десятилѣтій волнуются уже крестьяне, требуя элементарныхъ правъ человѣка и захваченныхъ помѣщиками, казной и другими земель «общественныхъ». Въ различныхъ мѣстахъ Россіи крестьянское движеніе имѣетъ свой особый, мѣстный характеръ, но основное требованіе крестьянства одинаково для всей страны и формулируется кратко, удивительно сильно: «земли и правъ», «земли и воли».

Совершенно случайно автору этого очерка удалось набрести на интересные документы, которые могутъ дать нѣкоторое историческое объясненіе аграрнымъ волненіямъ въ Изюмскомъ уѣздѣ. Какъ бы малъ, сравнительно со всей Россіей, этотъ уѣздъ ни былъ, — событія, происходящія теперь въ немъ, могутъ служить наглядной иллюстраціей общаго положенія вещей и потому заслуживаютъ вниманія. Документы, по которымъ мы прослѣдимъ жизнь уѣзда за сто лѣтъ, — слѣдующіе: записки, письма и отчеты, посылавшіеся помѣщику крѣпостнымъ-управляющимъ, найденный среди документовъ отчетъ того же управляющаго о «бунтѣ» и цѣлый рядъ судебныхъ дѣлъ: по обвиненію крестьянъ о «самовольствѣ» во всѣхъ

его видахъ, тяжебныхъ дѣлъ съ помѣщиками и дѣлъ старозаимочныхъ.

Въ одномъ изъ своихъ «отношеній» крѣпостной-управляющій сообщаетъ помѣщику свою біографію, несомнѣнный интересъ которой заставляетъ насъ подѣлиться ею съ читателемъ. Автобіографія посвящается «господину моему, да будетъ извѣстна ему жизнь и дѣянія раба Бугаева». Оставшись на шестнадцатомъ году сиротой, Бугаевъ приблизительно въ 1770—1775 г. отправился въ Кіевъ разыскивать родственниковъ Тамъ юношу пріютилъ у себя монахъ Кіево-Печерской лавры Савва, «содѣлавшій» Бугаева «келейникомъ». Обязанности келейника, главнымъ образомъ, состояли въ приводѣ къ монаху «дѣвъ-прелестницъ въ нощи». Одна изъ этихъ дѣвъ продала смиренному старцу Саввѣ свою шестнадцати-лѣтнюю племянницу за двадцать пять «сребренниковъ». Келейникъ влюбился въ «юную дѣву» и съ ней убѣжалъ къ «малороссіянамъ», гдѣ скоро невѣдомо какимъ образомъ превратился въ крѣпостного одного изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ юга—П. Съ теченіемъ времени Бугаевъ «вошелъ въ довѣріе» и былъ назначенъ управляющимъ въ одну изъ деревень П. Оттуда-то и слалъ онъ господину своему донесенія. Языкъ послѣднихъ—испорченный славянскій, которому Григорій, очевидно, научился, живя въ монастырѣ, а сами донесенія изобилуютъ многочисленными цитатами изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ и псалмовъ Давида.

По времени первое «доношеніе» относится къ 1809 году. Весной этого года былъ большой разливъ Торца *), которымъ смыло посѣянное зерно. «Зима была люта и хладна», пишетъ Бугаевъ, «а весна дождемъ сильна...,—чего ради Торецъ аки Нилъ Египетскій наводнился»... Бурная рѣка не только уничтожила озимые, но даже мельницу, «велику, подобно столпу вавилонскому—сокруши». Уничтоженіе посѣвовъ вызвало голодъ; о существованіи послѣдняго можно судить по многочисленнымъ письмамъ управляющаго къ помѣщику съ просьбой помочь «вѣрнымъ рабамъ» — крѣпостнымъ. Такъ какъ письма датированы октябремъ и февралемъ,—ясно, что П. «вѣрнымъ рабамъ» и не думалъ помочь. Черезъ три года голодъ повторяется и, наконецъ, въ 1816 году въ имѣніяхъ П. дѣла принимаютъ совсѣмъ дурной оборотъ, такъ что Бугаевъ пишетъ своему господину «утѣшеніе», которое приводимъ полностью. «Господину моему И. П. П., властителю деревни Иванополья, повелителю народовъ, на рѣкѣ Торцѣ живущихъ, и обладателю земель Булавинскихъ и Балелуцкихъ и что въ нихъ и на нихъ и что въ водахъ и подъ землею, единаго отъ рабъ твоихъ именующагося Григорьемъ Бугаемымъ утѣшеніе. Доколѣ забудеши мя до конца, доколѣ, такъ воспѣлъ Давидъ вначалѣ. Въ другомъ мѣстѣ сказано: Богъ даде,

*) Небольшая рѣка въ Изюмскомъ уѣздѣ, протекаетъ недалеко отъ Славянска.

Богъ и отыме, сирѣчь не има дождя, токмо суслу, того ради воздѣланныя нивы трудами твоими и потомъ бразды орошенныя не дали плода своего и пшеница твоя прозябе и изсохше. Но, господинъ мой, пріими сіе за благая, не сѣтуй и сердце твое не заражай печалью, тако подобаетъ быть, ибо премудрый Соломонъ пишетъ: человѣкъ насаждаетъ, а Богъ произрастаетъ. И паки реку: радуйся и не сѣтуй, уповай на Бога и люби Его всѣмъ сердцемъ, за что дастъ тебѣ Богъ на будущее лѣто жатву сторицею и на землѣ твоей изыде медъ и млеко, елей, вино, пшеница, жито, а и вся блага бысть тебѣ и людемъ твоимъ и скотамъ твоимъ. Еще инде сказано: Богъ злыхъ наказуетъ, а добрыхъ испытуетъ, а потому сіе и пріими за милость Его, а между тѣмъ послѣ слаже восчувствуешь благодать Его и изъ скудости будетъ изобиліе. О, како пріятно человѣку, испивши прежде горькая, вкусить послѣ сладка. Молю тебя, пріими сіе утѣшеніе отъ раба твоего, испытавшаго вся суета мірская, а нынѣ увядающаго отъ старости и повергающаго къ стопамъ услуги моя, за что не порицай мя».

Неурожай былъ полный, крестьяне голодали и убѣгали; цѣлый рядъ краткихъ сообщеній за 1816 и 1817 годы свидѣтельствуютъ о бѣгствѣ «холоповъ невѣдомо куда». Констатируется этимъ бѣгствомъ и тотъ фактъ, что при неурожаяхъ помѣщики мало думали о прокормленіи своихъ «вѣрныхъ рабовъ».

Прошло восемь лѣтъ, не успѣли еще крѣпостные П. оправиться отъ прошлыхъ неурожаевъ, какъ въ 1824 году на голову крестьянъ свалилась новая бѣда: саранча поѣла весь хлѣбъ. Въ длинномъ рапортѣ Бугаевъ сообщаетъ помѣщику объ этомъ несчастьѣ. «Налете», пишетъ онъ, «четверокрылое насѣкомое, штукою длинновато, мастею сѣро и зеленовато, симъ раздѣляется мужескій и женскій полъ, со главою, аки лошадиною, о шести ногахъ, величиною, маю *), меньше воробья, и сіе чудо сараною именуется и видѣніе очамъ страшное, а сердцу несносное». Образно описывая, какъ поѣла саранча «труды рукъ твоихъ, господинъ», Бугаевъ попутно сообщаетъ и о способахъ борьбы съ «симъ непріятелемъ: по приближеніи сараны ударяли въ набатъ и клепали въ косы и тазы, производили крикъ велій, отъ котораго горы и холмы потрясались»... Всѣ эти способы борьбы со злымъ врагомъ оказались безрезультатными. «Хотя всѣ предосторожности взяты были», добавляетъ Бугаевъ, «...но не могоша отвратить толикихъ бѣдъ и напастей», что объясняется тѣмъ, что «противу полчища сего и храбрость ничтожна бѣ». «Мечъ человѣческій», философствуетъ далѣе управляющій, «остеръ, однако не всегда разитъ, что восхощетъ, но мечъ сараны, сирѣчь зубы ея, истребляютъ, что восхотятъ».

Среди крѣпостныхъ П. начинается голодъ; сначала боязливо,

*) Думаю, полагаю

а затѣмъ все болѣе настойчиво Бугаевъ напоминаетъ объ этомъ помѣщику. Въ послѣднемъ письмѣ за злосчастный годъ читаемъ: «Какія мѣры предпринять въ такомъ разѣ, когда хлѣбъ худо родитъ, да и тотъ сарана съѣдоша, а монеты сребной, ниже мѣдной не имаши. О, горе намъ!» Что отвѣтилъ помѣщикъ рабу,—изъ бумагъ не видно, но, надо полагать, ни «сребной», ни мѣдной монеты на покупку хлѣба не далъ, такъ какъ крестьяне начинають убѣгать десятками.

И, наконецъ, доведенные до отчаянія голодомъ, непомѣрнымъ трудомъ и всѣми тягостями положенія крѣпостныхъ, крестьяне подняли бунтъ. Трудно дать полное описаніе этого возстанія, ибо единственный документъ, свидѣтельствующій о немъ, не столько говоритъ о самомъ бунтѣ, сколько описываетъ участіе въ немъ Григорія Бугаева, написавшаго покаянное «признаніе» по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Недалеко отъ Иванополья, гдѣ жилъ Бугаевъ, находилось многолюдное и шумное село Карповка. Въ карповскій кабакъ сходились крестьяне окрестныхъ деревень «купить», по образному выраженію Бугаева, «веселіе и сладость сердца человѣческаго—хлѣбное вино». Дѣятельное участіе во всѣхъ выпивкахъ принималъ нѣкій Василій Андреевскій, карповскій крѣпостной. Однажды въ кабакѣ начался разговоръ объ указѣ, позволяющемъ «свободнымъ людямъ переселяться на китайскую границу». Бесѣда коснулась рабскаго положенія крестьянъ, ихъ работы и мечтаній о свободѣ. Съ тѣхъ поръ кабакъ превратился какъ бы въ политическій клубъ, при чемъ Андреевскій каждый день говорилъ о необходимости бороться за свободу. Черезъ двѣ недѣли Андреевскій уговорилъ Бугаева принять участіе въ возстаніи, съ цѣлью свергнуть крѣпостное иго. Въ одно изъ обычныхъ собраній въ кабакѣ, Андреевскій, наливъ въ стаканъ водки, всталъ на стулъ и обратился къ крестьянамъ съ призывомъ возстать. «Почто мы спимъ, пришелъ часъ бдѣнію нашему», говорилъ онъ. Затѣмъ, подозвавъ Бугаева, обратился къ нему: «Гряди, Георгій, въ сосѣднія страны и проповѣдуй свободу самарянамъ *), сирѣчь малороссіянамъ, исторгни ихъ отъ рабства помѣщиковъ, аки Моисей, изведшій израильтянъ отъ рабства египетскаго...» Большой психологъ,—Андреевскій рисовалъ Бугаеву блестящія перспективы, увѣряя его, что крестьяне послѣдуютъ за предводителемъ, «аки овцы и козлища», а Бугаевъ «сдѣлается обладателемъ народовъ многихъ и прославитъ имя свое въ родѣ родовъ». Тутъ же, въ кабакѣ, Бугаевъ поклялся, что онъ «сдѣлаетъ народъ самарійскій свободнымъ». Андреевскій выработалъ планъ возстанія, и, согласно послѣднему, Бугаевъ въ тотъ же

---

*) Самара—небольшая рѣка, въ нынѣшнемъ Александровскомъ уѣздѣ. Надо думать, что „самарянами“ Андреевскій называлъ жителей р. Самары.

день убѣжалъ изъ Иванополья и направился на сѣверъ въ лѣса помѣщика Ш. Послѣ двухъ дней скитанія, Бугаевъ нашелъ въ лѣсу пчельника Никиту Гуцало, которому объявилъ, что отнынѣ онъ, Гуцало, какъ и всѣ крѣпостные, дѣлаются свободными. По приказу Бугаева, Гуцало отправился въ село Ивановское и оповѣстилъ всѣхъ крестьянъ о дарованной свободѣ. Съ быстротой молніи разнеслась по окружнымъ деревнямъ вѣсть о долго жданной свободѣ, и тысячи людей «съ дарами и виномъ» стали приходить къ Бугаеву, «моляша, како освободитися имъ отъ рабства царей ихъ — помѣщиковъ». Хотя здравый смыслъ и инстинктъ протестовали противъ крѣпостной зависимости, но Бугаевъ сознавалъ необходимость ссылки на авторитеты, предъ которыми преклонялись бы массы. По этой причинѣ ловкій начетчикъ ссылками на св. Писаніе убѣждалъ крестьянъ, что человѣкъ не можетъ не быть свободнымъ. Своей огромной аудиторіи Бугаевъ говорилъ: «Не имамы царя, токмо кесаря, сирѣчь императора, ибо и въ писаніи св. Павла къ галатамъ писано въ пятой главѣ: «Свободою убо стойте и никако подъ иго рабства не дерзайте, вы бо на свободу званы бысте, братіе»... Очень краснорѣчиво говорилъ Бугаевъ крестьянамъ, что на свѣтѣ не должно быть бѣдныхъ и богатыхъ, на которыхъ работали бы сотни имъ подобныхъ, ибо «всякъ человѣкъ работать долженъ». Это понимали уже въ древности, такъ какъ на первой страницѣ св. Писанія объ этомъ говорится: «Послушайте Бытія чтеніе», въ немъ же сказано: «Въ потѣ твоемъ снѣси хлѣбъ твой...»

Призывъ къ освобожденію отъ рабства, подкрѣпленный ссылками на авторитетъ св. Писанія, собралъ вокругъ Бугаева тысячи крѣпостныхъ, и черезъ два дня крестьяне нынѣшнихъ Бахмутскаго и Изюмскаго уѣздовъ бросили помѣщиковъ и пошли за проповѣдникомъ свободы. Но уже на третій день власти принялись за «усмиреніе» мятежа. Лѣсъ, куда ушли крестьяне встрѣтить крѣпостныхъ другихъ деревень, былъ окруженъ войсками, Бугаевъ и другіе вожаки схвачены, а крестьянъ плетями погнали въ деревни. Плѣнниковъ доставили въ Бахмутъ въ земскій судъ, — и началось «разслѣдованіе»...

Повидимому, арестованныхъ жестоко истязали, такъ какъ Бугаевъ упоминаетъ о «карѣ лютой», постигшей его, и о своей «горькой участи». Боясь «казни злой», Бугаевъ прибѣгъ къ покровительству малорусскаго магната (Шабельскаго, которому онъ послалъ изъ тюрьмы слѣдующее письмо: «вѣрую, что ты еси христіанинъ и твориши ежедневно молитву сію: «и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникамъ нашимъ», чего ради изведи изъ темницы душу мою и помилуй человѣка, сотворившаго тебѣ зло. Чаю воскресенія мертвыхъ, сирѣчь прощенія твоего»... Шабельскій, человѣкъ весьма вліятельный, къ тому же одинъ изъ «пострадавшихъ» отъ бунта, сжалился надъ Бугаевымъ и принялся за хлопоты. Послѣднія увѣнчались успѣхомъ: Шабель-

скій упросилъ судъ, «да не изобьютъ спины Григорія плетями, но лозою накажутъ».

Черезъ нѣсколько дней наказаніе было приведено въ исполненіе, какъ о томъ кратко сообщаетъ Бугаевъ: «се восприяхомъ», наказанный выпущенъ изъ тюрьмы и доставленъ къ своему господину.

Высѣкли многихъ крестьянъ, и финальный актъ «бунта», добыванія свободы закончился.

Проходитъ нѣсколько десятилѣтій; періодически черезъ каждыя пять-шесть лѣтъ вспыхиваютъ въ Изюмскомъ уѣздѣ «бунты» и подавляются съ жестокостью временъ Николая I. Наконецъ, послѣ безконечнаго числа мѣстныхъ возстаній, послѣ потоковъ крови «даруется» свобода, и крестьянство получаетъ землю. Какъ происходило надѣленіе крестьянъ землею и какою землею—извѣстно всякому. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ не лишнимъ привести письмо землевладѣльца Изюмскаго уѣзда къ своему повѣренному въ дѣлахъ, письмо, иллюстрирующее процессъ надѣленія землей. «Покорно прошу», пишетъ землевладѣлецъ, «взять мое дѣло. Я долженъ Б., но этотъ долгъ—условный. Когда Б. былъ мировымъ посредникомъ, то *навязалъ мнѣ двѣ лошади за 1100 р.* съ тѣмъ, чтобы *уплата* за нихъ была произведена, *когда получу выкупъ»* *). Другими словами, мировой посредникъ получаетъ взятку, а помѣщикъ отводитъ землю крестьянамъ «по желанію». Приводимый фактъ, конечно, очень мелокъ, но, повторяемъ, характеренъ при выясненіи вопроса о томъ, какъ иногда надѣлялись крѣпостные землею. Въ Изюмскомъ уѣздѣ число дворовыхъ составило при надѣленіи 35% всего числа крѣпостныхъ, а у нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ дворовыхъ оказалось до 70%. Такимъ образомъ, въ уѣздѣ сразу же образовался огромный кадръ крестьянъ-пауперовъ. Но и «крестьяне», т. е. надѣленные землей, мало чѣмъ отличались отъ безземельныхъ. Въ песчаныхъ мѣстахъ уѣзда надѣлъ въ 4 дес. 200 кв. саж. былъ надѣломъ нищенскимъ; сплошь да рядомъ онъ былъ ниже нормы, указанной въ уставныхъ грамотахъ, сѣнокосовъ крестьяне почти не получили, выгоновъ также: уставныя грамоты безмолвно объ этомъ свидѣтельствуютъ.

Не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ недостатокъ земли началъ уже сказываться, и крестьяне потребовали «прирѣзки». У одного повѣреннаго, дѣла котораго я имѣлъ возможность осмотрѣть, имѣются десятки процессовъ, затѣянныхъ крестьянскими обществами съ землевладѣльцами въ 1870, 1871 и 1872 годахъ. Довѣренности, данныя повѣренному, всѣ до одной,—а ихъ много десятковъ,—гласятъ: «Крестьяне села N., Z—ской волости, ... уѣзда, на сельскомъ сходѣ, бывшемъ ... мѣсяца ... дня ... года, съ согласія всѣхъ домохозяевъ приговоромъ своимъ, явленнымъ въ... воло-

---

*) Курсивъ нашъ.

стномъ правленіи ... мѣсяца ... числа ... года, занесеннымъ въ книгу подъ № ... уполномочили и т. д. ходатайствовать относительно прирѣзки имъ недостающаго количества земли, слѣдуемой имъ по уставной грамотѣ и другимъ документамъ отъ землевладѣльца (—ицы)...» Вплоть до конца семидесятыхъ годовъ тянутся эти тяжелыя дѣла. Изюмскій окружной судъ разсматривалъ ихъ и... отказывалъ крестьянамъ въ искахъ. Нѣкоторыя крестьянскія общества, наученныя горькимъ опытомъ, не обращались въ судъ, а просили землевладѣльцевъ отдать имъ недорѣзанныя земли.

Жители слободы Калиновской, напримѣръ, обращались къ землевладѣльцу А. Оболонскому со слѣдующей просьбой: «Отрѣзанная вами отъ нашего участка на правой сторонѣ рѣчки Гороховатки земля въ настоящее время крайне для насъ необходима. И въ нашемъ быту безъ огородовъ и коноплянниковъ, которыхъ вы лишаете насъ, обойтиться совершенно невозможно»...

Крестьяне предлагали помѣщику отдавать третью часть урожая, утверждая, что большаго дать никакъ нельзя, но г. Оболонскій чувствовалъ свою силу. Онъ обѣщалъ дать землю въ пользованіе, но съ тѣмъ, «чтобы каждый хозяинъ, обрабатывающій его землю, привезъ въ его экономію половину урожая». «На другія же условія—заканчивалъ г. Оболонскій свой отвѣтъ—я не согласенъ и, какъ владѣлецъ земли, пахать ее не дозволяю»... Болѣе года упрашивали крестьяне помѣщика согласиться на ихъ условія, но тотъ былъ не преклоненъ. Крестьяне подали въ судъ, и дѣло проиграли...

А надѣлы съ каждымъ годомъ мельчали, земли крестьянъ-собственниковъ дробились, расла нужда, и одновременно съ ростомъ послѣдней увеличивалось желаніе заполучить земли, «свои земли»... Крестьяне уѣзда находились какъ бы въ заколдованномъ кругу, изъ котораго нельзя выбраться... И, наконецъ, выплываютъ такъ называемыя старозаимочныя дѣла.

II.

Южная часть Курской, Харьковская и Екатеринославская губерніи, носившія въ XVII—XVIII ст. названіе Слободской Украйны, были, какъ извѣстно, заселены казацкой вольницей и православными выходцами изъ польскаго королевства. Поселившись на новыхъ земляхъ, казаки, послѣ присоединенія Малороссіи къ Московскому царству, владѣли землями, согласно жалованнымъ грамотамъ, даннымъ царями. Но уже спустя сорокъ лѣтъ послѣ присоединенія малороссійское казачество было взволновано упорными слухами объ отобраніи земель въ казну. Въ Москву были отправлены представители отъ казацкихъ полковъ провѣрить, справедливы ли слухи. Послѣ переговоровъ и ходатайствъ въ 1685 году

была опубликована грамота, которой разъяснялось, что, въ огражденіе казацкихъ льготъ и правъ на землю, «служилымъ и никакимъ людямъ въ помѣстье дикихъ поль и никакихъ порожнихъ земель и выморочныхъ помѣстій и всякихъ угодій безъ ихъ государскихъ указныхъ грамотъ... владѣть не велѣно»... Но, не смотря на это разъясненіе, волненіе среди казачества расло, и Софья, затѣвавшая Крымскій походъ, опасалась, чтобы казаки, столь полезные въ войнахъ съ турками и татарами, не измѣнили Москвѣ въ рѣшительный моментъ. Считаясь съ настроеніемъ казаковъ, Софья въ слѣдующемъ—1686 году, отъ имени царей Іоанна и Петра издаетъ грамоту, которая категорически заявляла: «...Нынѣ вѣдомо великимъ государямъ учинилось, что въ сумнѣніи Изюмскаго и иныхъ Черкасскихъ полковъ въ городѣхъ приказные люди вамъ, черкасскимъ полковникамъ и полковъ вашихъ урядникамъ и казакамъ и мѣщанамъ прежними вашими землями, заимками и пасѣками и хуторы и сѣнными покосы и всякими угодьи владѣть не велѣли и говорили вамъ, будто земли ваши и всякія угодья велѣно мѣрить, а ихъ, великихъ государей, указу о томъ къ нимъ изъ Разряду не послано... а по ихъ, великихъ государей, указу вамъ, черкасскимъ полковникамъ и полковъ вашихъ урядникамъ и казакамъ и мѣщанамъ въ тѣхъ городѣхъ и уѣздахъ, кто гдѣ живетъ, землями и пасѣками и сѣнными покосы и всякими угодьи, которые вы заняли себѣ по своимъ заимкамъ, велѣно владѣть по прежнимъ вашимъ черкасскимъ обыкностямъ..., ..а воеводамъ и приказнымъ людямъ того дѣлать и въ такія дѣла вступаться отнюдь не велѣно».

На основаніи этихъ и другихъ грамотъ населеніе Слободскихъ полковъ владѣло землею по своимъ «черкасскимъ обыкностямъ». Согласно этимъ «обыкностямъ», въ Слободской Украйнѣ установилось владѣніе землею «по старымъ заимкамъ», при чемъ, наряду съ землями, такъ или иначе перешедшими въ собственность отдѣльныхъ лицъ, были и земли, находившіяся во владѣніи всего крестьянскаго, мѣщанскаго и казацкаго населенія цѣлаго округа— села, сотни и даже полка. Съ установленіемъ и развитіемъ крѣпостного права крестьянскія земли перешли въ руки помѣщиковъ, но казаки продолжали владѣть своими «заимками», какъ личными, такъ и общественными, вплоть до распространенія на Слободскую Украйну обще-русскихъ порядковъ и учрежденій, и вплоть до этого момента правительство признавало за казаками право собственности на всѣ эти земли.

Этотъ порядокъ, однако, измѣнился послѣ уничтоженія въ Слободской Украйнѣ казацкихъ полковъ и переименованія казаковъ въ государственныхъ крестьянъ. Начальство стало трактовать земли новыхъ государственныхъ крестьянъ, какъ земли казенныя, и постепенно такой взглядъ все болѣе укрѣплялся въ административныхъ сферахъ. Въ моментъ же освобожденія крестьянъ и по-

слѣдовавшаго надѣленія государственныхъ крестьянъ землею потомкамъ бывшихъ казаковъ Слободскихъ полковъ были выдѣлены по установленнымъ нормамъ надѣлы изъ принадлежавшихъ нѣкогда имъ земель и за эти надѣлы назначенъ былъ на общемъ основаніи выкупъ.

Къ восьмидесятымъ годамъ крестьяне и казаки Изюмскаго уѣзда совершенно обнищали и, проигравъ процессы изъ-за земли съ помѣщиками, обратили вниманіе на огромныя казенныя земли въ уѣздѣ. Изъ разсказовъ стариковъ, изъ легендъ и пѣсенъ, распѣваемыхъ кобзарями, да изъ немногочисленныхъ документовъ, имѣвшихся въ ихъ рукахъ, крестьяне знали, что нѣкогда вся земля уѣзда принадлежала ихъ предкамъ-казакамъ, что она «неправильно захвачена» помѣщиками и казной, и рѣшили «добиться правды». Крестьяне очень много говорили о «бумагѣ», которая говорила «правду»: паны и министры отобрали ее и «сховали». Въ дѣйствительности такъ и было, такъ какъ всѣ эти «бумаги» были отобраны и переданы въ казенныя палаты. Итакъ, было рѣшено «добиться правды».

Правда же, какъ вѣрилъ до послѣдней минуты русскій крестьянинъ, живетъ въ Петербургѣ; и вотъ многія деревни выбрали ходоковъ и послали ихъ въ столицу. Тѣ ходили по «панамъ», обивали пороги пріемныхъ, совали швейцарамъ послѣдніе полтинники и, намаявшись должнымъ образомъ, вернулись домой съ заявленіемъ, что «такъ—земли не дадутъ». И опять сходы принялись за обсужденіе стараго вопроса: «какъ быть?» Толковали долго, волновались, спорили—и обратились къ адвокатамъ. Съ большимъ трудомъ, затративъ большія суммы, адвокаты раздобыли, наконецъ, копіи съ жалованныхъ грамотъ, высочайшихъ указовъ, реестровъ изюмской полковой канцеляріи, актовъ межеванія и др. Тщательно были изучены матеріалы, и по долгомъ размышленіи были предъявлены иски. Мотивы исковъ были слѣдующіе: согласно жалованнымъ грамотамъ, земли въ Изюмскомъ уѣздѣ принадлежали Изюмскому полку, который часть земель отвелъ въ пользованіе монастырямъ. Какъ обще-казацкая собственность, земля не могла перейти къ кому бы то ни было безъ обще-полкового разрѣшенія, и, дѣйствительно, не существуетъ ни одного акта о продажѣ или безплатной уступкѣ въ собственность земель ни казнѣ, ни монастырямъ, ни частнымъ лицамъ. Истцы—потомки казаковъ, что удостовѣрялось семейными документами и актами генеральнаго межеванія, въ которыхъ упоминаются фамиліи предковъ истцовъ съ указаніемъ «бывшій казакъ Изюмскаго полка (имя рекъ)...» Иски были колоссальны: крестьяне требовали возвращенія земель («старыхъ заимокъ», отчего и дѣла называются—старозаимочными), возвращенія полученныхъ казной доходовъ и процентовъ на доходы.

Трудно описать, что творилось съ истцами наканунѣ разбора дѣла... Взрослые и малолѣтки, мужчины и женщины покинули до-

ревни и явились «до суда, послухати правду». И правда была сказана: въ первой инстранціи иски были признаны подлежащими удовлетворенію. Радости крестьянъ не было границъ: звонили въ колокола, служили молебны, деревни имѣли праздничный видъ... Рѣшился, наконецъ, старинный споръ огромной матеріальной цѣнности, а главное—«нашли правду» и не въ Петербургѣ, а тутъ же дома, въ судѣ... На судейскихъ крестьяне смотрѣли съ уваженіемъ, называя ихъ «настоящими чоловіками...» Но радость была непродолжительна: по высочайшему (Александра III) повелѣнію дѣло было «пріостановлено впредь»...

Лишь черезъ двадцать лѣтъ старозаимочнымъ дѣламъ былъ опять данъ ходъ, опять окружный судъ призналъ иски крестьянъ подлежащими удовлетворенію, и опять послѣдовало высочайшее повелѣніе «пріостановить впредь до...» Это «впредь до» существуетъ до настоящей минуты.

Мы предлагаемъ читателю самому воспроизвести картину настроенія деревни послѣ полученія извѣстія о сущности высочайшаго повелѣнія. Это было горе, отчаяніе людей, не знающихъ, куда дѣться, что предпринять... Крестьяне дѣлаютъ послѣднюю попытку и вновь начинаютъ тягаться съ землевладѣльцами изъ-за межеванія и черезполосныхъ кусочковъ земли, но дѣла опять проигрываются, и, въ отчаяніи, буквально умирая съ голоду, крестьяне рѣшаются на крайнее средство: переселеніе въ Сибирь. Объ этомъ переселеніи, о томъ, какъ крестьянамъ живется на новыхъ земляхъ,—говорилось уже не мало; интересующійся переселенческимъ вопросомъ можетъ найти у г. Кауфмана послѣднія «страшныя» цифры.

Въ Изюмскій уѣздъ приходили «живыя» письма. «Голодаемъ, дѣти мрутъ, больны, холодно, нѣтъ людей, земля «непонятная», тяжко»... Переселеніе прекратилось, росъ голодъ, малоземелье увеличивалось,—и начинается эпилогъ: «самовольныя дѣйствія». 1884 годомъ открывается эра порубки лѣсовъ и потравъ, совершаемыхъ не отдѣльными только лицами, но и цѣлыми деревнями, а затѣмъ поджоги помѣщичьяго добра. Первое такое дѣло—«поджогъ крестьянами села Гусаровки 600 копенъ соломы, принадлежащихъ надв. сов. Лонгинову». Изюмскій окружный судъ десятками разбираетъ дѣла по обвиненію крестьянъ въ поджогахъ и порубкахъ, главнымъ образомъ, латифундій графа Рибопьера.

Крайне характерно, что одно и то же преступленіе различно квалифицируется. Вначалѣ виновныхъ обвиняютъ «въ пріобрѣтеніи шпалъ и сосенъ», затѣмъ уже въ «самоуправствѣ», далѣе, въ «похищеніи сосенъ», въ «кражѣ сосенъ», наконецъ, въ «кражѣ лѣсныхъ матеріаловъ»... «Для острастки» увеличивается тяжесть наказаній, тѣмъ болѣе, что сплошь и рядомъ приходится судить «рецидивистовъ», арестъ замѣняется тюрьмой, исправительными арестантскими отдѣленіями, но ничто не помогаетъ: «преступленія» растутъ изъ года въ годъ...

Въ настоящее время въ уѣздѣ пылаютъ усадьбы, рубятся лѣса, запахиваются помѣщичьи поля, скашивается помѣщичій хлѣбъ... Черезъ день-два въ деревню являются драгуны, засѣкаютъ до смерти «бунтовщиковъ», засаживаютъ ихъ въ тюрьмы и... отправляются въ сосѣднюю деревню, гдѣ также существуетъ крамола, которую надо лѣчить испытаннымъ средствомъ блаженной памяти Чингисъ-Хана и Тилли.

«Земли!» — вотъ крикъ измученныхъ крестьянъ уѣзда. «Мы умираемъ голодной смертью». И имъ даютъ по триста плетей и бросаютъ въ тюрьмы...

Такова исторія одного уѣзда за сто лѣтъ, исторія мучительнаго процесса борьбы крестьянства за право быть свободнымъ и сытымъ.

— Когда будетъ конецъ нашему лиху?—спрашивалъ у меня старый мужикъ Изюмскаго уѣзда. Онъ разсказывалъ о томъ, какъ семья живетъ «десятиной», какъ растутъ налоги, какъ болѣютъ дѣти отъ «худого хлѣба», качалъ головой и все допытывался:

— Когда будетъ конецъ нашей мукѣ?

И вѣдь со всѣхъ концовъ нашей необъятной родины несется этотъ крикъ измученныхъ людей, у которыхъ никто не смѣетъ отнять права кричать отъ боли и ставить «начальству» вопросъ:

— Когда будетъ конецъ нашей мукѣ?

Будемъ надѣяться, — скоро, независимо отъ того, хочетъ ли «начальство» или не хочетъ.

П. Я. Р—ъ.

Нѣмецкій крестьянинъ и его союзы.

(*Письмо изъ Германіи*).

I

Крестьяне, престолъ и отечество.

Вопросъ о среднемъ сословіи или «Mittelstand» уже давно красуется въ программахъ не только консервативныхъ, но и либеральныхъ бюргерскихъ партій Германіи, а также святого католическаго центра. Стремясь къ поддержкѣ крупнаго землевладѣнія, и центръ, и аграріи вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно заигриваютъ съ мелкимъ и среднимъ крестьянствомъ, такъ какъ именно въ немъ за-

ключается необходимый резервуаръ сельской рабочей силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ политической власти.

Уже добрый старый Риль рисовалъ крестьянина, какъ «консервативную потенцію государства, какъ грубое, но не поддѣльное зерно нѣмецкой сущности». И это необходимо такъ должно быть, ибо крестьянинъ, по его мнѣнію, прежде всего «историченъ»; какимъ онъ былъ въ XII вѣкѣ, такимъ остался до сихъ поръ; онъ вросъ въ отдѣльныя скалы и глыбы своей родины; до сихъ поръ сохранилъ онъ въ Гессенѣ длинный профиль средне-вѣкового гессенца, какъ въ скульптурахъ Марбурской Елизаветинской церкви до сихъ поръ читаетъ онъ въ Лаузицѣ вендскую или славянскую библію и не только хранитъ старыя саги, языческіе суевѣрія и костюмы, но и весь складъ «наивнѣйшаго и первоначальнѣйшаго» существа. Удивительно трогателенъ крестьянинъ въ изображеніи такого патріота, какъ Риль. Вотъ онъ красуется передъ нами въ шварцвальдской мѣховой шапкѣ, въ компаніи деревенской красавицы, надѣвшей штукъ двадцать юбокъ одна на другую. Такой крестьянинъ считаетъ дни по календарнымъ святымъ и свято хранитъ дѣдовскія традиціи. Въ его семьѣ наслѣдственно имя Гансъ: самъ онъ Гансъ II, его дѣдушка Гансъ I, его внучекъ Гансъ IV, цѣлая династія Гансовъ! Обычаи управляютъ всей его жизнью, въ силу обычая ругается онъ и дерется, изъ рода въ родъ наслѣдуетъ онъ вражду съ сосѣднею деревней. Однихъ именуетъ онъ въ силу традиціи «рейнскими слизняками» и бьетъ ихъ аккуратно каждый праздникъ, другихъ титулуетъ онъ «кукушками» и тоже дерется съ ними по праздникамъ. Старшина въ Таумусѣ запираетъ въ свиной хлѣвъ особенно дерзкихъ драчуновъ, и этотъ милый обычай также освященъ «традиціей». Съ трудомъ поднимается въ своемъ сознаніи крестьянинъ отъ семьи къ общинѣ, отъ общины къ государству. Къ одной функціи государства онъ, однако, въ силу того же обычая, питаетъ исключительное пристрастіе: это къ судамъ. Онъ судится десятилѣтіями, судится съ непостижимымъ упорствомъ и цѣпкостью, тягается «за честь», а не изъ-за «корысти». Удивительна эта регулярность и устойчивость крестьянина, поразительна его косность. Про одного нассаускаго крестьянина изъ Вестервальда Риль разсказываетъ чувствительнѣйшую исторію: когда деревенскаго парня забрали въ солдаты и помѣстили въ казарму, онъ сталъ ревѣть благимъ матомъ и два раза дезертировалъ. Что же оказалось? Бѣдняга отродясь не спалъ на кровати, и казарменная койка показалась для него такой роскошью, какую онъ никакъ даже не могъ выдержать,—столь упорна была его привязанность къ грязному вонючему хлѣву!

Общеизвѣстно далѣе, что крестьянинъ въ высокой степени религіозенъ. Однако «религія для него не догма, а также обычай». Религіозность выражается у него въ его праздникахъ, пѣсняхъ, поговоркахъ и даже костюмѣ. Онъ живетъ со своими святыми, какъ

съ добрыми друзьями и знакомыми, и не удивительно, что въ опредѣленные дни онъ обязательно наряжаетъ ихъ статуи въ свои парагнѣйшіе костюмы. Онъ склоненъ въ лучшемъ случаѣ къ сектантству, но и въ религіи онъ такъ же консервативенъ, какъ и во всемъ остальномъ, и только въ самое послѣднее время удалось всяческому «просвѣщенію» убѣдить крестьянина въ томъ, что религія есть дѣло индивидуальнаго убѣжденія. Въ семейной жизни крестьянинъ весьма мало преданъ чувствамъ. Онъ женится по разсчету «и въ дѣлахъ сердца часто прямо-таки грубъ». «Это умѣлъ изобразить съ потрясающею истиной одинъ лишь Іеремія Готхельдъ, при чемъ, конечно, муза поэта должна была по щиколки утопать въ навозѣ». «Для крестьянина семья священна; но нѣжной родительской, сестринской и супружеской любви мы будемъ напрасно у него искать». Безпримѣрное неуваженіе взрослыхъ дѣтей къ старымъ родителямъ въ особенности отличаетъ собою крестьянскую среду и встрѣчается почти всюду, гдѣ родители передаютъ при жизни свою судьбу дѣтямъ». На бракъ смотритъ крестьянинъ также очень трезво: жена нужна для работы, и въ первые же годы молодая женщина попадаетъ въ такую каторгу, что быстро старѣетъ и увядаетъ. Ни о какой романтикѣ здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго представленія.

Но за то чѣмъ хорошъ нѣмецкій крестьянинъ, это своимъ нежеланіемъ уйти изъ своей среды, «благородной гордостью своего сословнаго духа». Въ немъ нѣтъ зависти къ другимъ привилегированнымъ классамъ. Напротивъ, онъ смотритъ свысока на всѣхъ образованныхъ, считаетъ ихъ «вѣтренными и не солидными». «Et äss äser ener»—это одинъ изъ нашихъ—говоритъ онъ про своихъ съ великимъ самодовольствомъ. «И если-бъ мы не были крестьянами, вамъ нечего было бы ѣсть». Въ такомъ самодовольномъ крестьянинѣ, упорно держащемся за свой плугъ, имѣется, однако, «полная мѣра не испорченной нервной силы». И если «соціальныя фантазіи въ значительной степени коренятся въ испорченной нервной системѣ нашихъ горожанъ вплоть до пролетарія», то имъ воистину можно противопоставить селянина. Его смѣло можно противопоставить «нашимъ отчаявшимся въ своей собственной силѣ и стремящимся ко всеобщему уравненію соціалистическимъ рабочимъ». Старая крестьянская поговорка гласитъ: «самъ есть человѣкъ». Въ этомъ изреченіи, какъ говоритъ Риль, «лежитъ сила нервовъ». Но не надо думать, что крестьянинъ силенъ мускулами, это не вѣрно. У него нѣтъ особенно эластичныхъ мускуловъ, онъ обладаетъ скорѣе крѣпкими костями, неиспорчеными нервами и въ силу этого цѣпкой выносливостью. Когда одинъ крестьянскій мальчикъ оказался настолько «плохъ», что не могъ видѣть крови, и не пошелъ поэтому въ мясники, тогда только отецъ съ огорченіемъ отдалъ его въ юристы. Крестьянинъ, обладаетъ, далѣе, сметкой, и хотя она отказывается ему служить въ новой или чуж-

дой средѣ, дома она снабжаетъ его увертками и штуками, которыя ставятъ въ тупикъ любого адвоката.

Таковъ нѣмецкій крестьянинъ. Повсюду обычай—его высшій законъ. По опредѣленію Риля, онъ «историченъ» и онъ же представляетъ изъ себя «охранительную силу въ нѣмецкомъ народѣ»!..

И такого мнѣнія о немъ далеко не одни только старые изслѣдователи. Если мы раскроемъ хотя бы краткій Эльстеровскій словарь политической экономіи (1898 г.), мы найдемъ тамъ въ статьѣ профессора Іеринга о землевладѣніи слѣдующія строки: «Каждая нація, которая обладаетъ многочисленнымъ и состоятельнымъ крестьянствомъ, пріобрѣтаетъ, благодаря этому, чрезвычайную степень хозяйственной и политической силы и способности сопротивленія. Крестьянство образуетъ ядро средняго сословія, къ нему примыкаютъ многія другія группы, а его потомки даютъ городскому населенію многочисленныя, хорошо приспособленныя и воспитанныя къ плодотворной работѣ силы. Если только крестьяне не слишкомъ задолжены, они пользуются вообще обезпеченнымъ доходомъ, добытымъ собственнымъ трудомъ, а изъ этого вытекаетъ истинная независимость и самостоятельность образа мыслей. Наслѣдуемыя изъ рода въ родъ усадьбы создаютъ мѣстопребываніе лучшей, семейной и общинной, жизни. Дисциплинированные въ строгомъ порядкѣ семейнаго трудового строя, закаленные при помощи своего, укрѣпляющаго силы, призванія, крестьянскіе сыновья образуютъ особенно цѣнную составную часть войска»... «Мелкіе и мельчайшіе участки являются посредниками для перехода къ неимущимъ. Наличность множества маленькихъ мѣстъ и положеній даетъ возможность способнымъ и бережливымъ рабочимъ подняться въ средніе классы общества». И Германія, согласно замѣчанію того же автора, «пользуется очень счастливымъ распредѣленіемъ сельскаго землевладѣнія» или, другими словами, она именно въ силу наличности «многочисленнаго и состоятельнаго крестьянства» обладаетъ въ высокой степени «экономической и политической силой».

Если мы перейдемъ теперь отъ ученыхъ произведеній къ политическимъ программамъ и руководствамъ, то найдемъ подобныя воззрѣнія у всѣхъ, такъ называемыхъ, охранительныхъ партій. Въ политическомъ руководствѣ для націоналъ-либеральныхъ избирателей мы читаемъ, напримѣръ, слѣдующія строки: «сельскія занятія, или иначе работа на свѣжемъ воздухѣ поддерживаетъ мощную человѣческую природу. Вслѣдствіе этого сельскія мѣстности поставляютъ относительно самое большее число годныхъ рекрутъ, и при томъ наилучшихъ по ихъ тѣлесному развитію... Общественный организмъ былъ бы скоро лишенъ своихъ здоровыхъ силъ и соковъ, если бы тѣ части народа, которыя заключены на фабрикахъ и дышатъ городскимъ воздухомъ, не освѣжались постепенно притокомъ необходимой для нихъ здоровой крови, и если бы, въ противность исполненной наслажденій жизни города, не сохранялась въ

деревнѣ болѣе простая и умѣренная жизнь. «Въ соціальномъ отношеніи и то имѣетъ значеніе, что, въ противность безпокойному блужданію населенія въ городахъ и промышленныхъ областяхъ, селянинъ представляется факторомъ устойчивости и, когда представляется необходимымъ, самаго упорнаго пассивнаго сопротивленія. Такъ же должно быть отмѣчено, что крестьянское сословіе гораздо менѣе, чѣмъ другія, содѣйствуетъ увеличенію пролетаріата. Всѣ главнѣйшія средства существованія крестьянинъ получаетъ по большей части отъ своей собственной работы. Даже въ самыя тяжелыя времена это обстоятельство защищаетъ крестьянство отъ того вида нужды, которое, какъ результатъ непроизвольной безработицы, посѣщаетъ наемнаго рабочаго, равно какъ промышленное среднее сословіе въ городахъ».

Реакціонная «азбука» союза сельскихъ хозяевъ вызываетъ изъ гроба даже тѣнь Бисмарка. Какъ оказывается, князь-канцлеръ называлъ себя «нѣмецкимъ крестьяниномъ». Въ 1884 году Бисмаркъ говорилъ въ рейхстагѣ: «Потрясеніе въ сельскомъ хозяйствѣ есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ потрясеніе въ какой-нибудь вновь возникшей индустріи; такое потрясеніе можетъ быть также велико, однако-же оно мѣстное и ему можно помочь при помощи пособій; потрясеніе же сельскаго хозяйства сказывается на народномъ организмѣ, и его болѣзнь заставляетъ хворать все тѣло народа. Если болѣзнь очень серьезна, то народъ гибнетъ; съ погибелью сельскаго хозяйства гибнетъ и народъ». Къ этому консервативная азбука прибавляетъ: «Вотъ что исповѣдывалъ князь Бисмаркъ, величайшій нѣмецкій крестьянинъ. Онъ исповѣдывалъ воззрѣнія, что сельское хозяйство есть неизсякаемый вѣчный источникъ всякаго здороваго преуспѣянія, и что всякій народъ съ необходимостью гибнетъ, если только онъ предоставляетъ разрушенію свое сельское хозяйство». Такимъ образомъ, чѣмъ мы болѣе двигаемся направо, тѣмъ болѣе интересы крестьянъ утопаютъ въ интересахъ «сельскаго хозяйства». Чтобы надлежащимъ образомъ понять государственное значеніе крестьянъ въ нѣмецкой жизни, намъ необходимо возвратиться къ нашему Рилю и посмотрѣть, какъ онъ живописуетъ подвиги крестьянъ во время 1848 г.

«Только пассивное сопротивленіе крестьянъ, по словамъ этого авторитета, спасло въ мартѣ 1848 г. нѣмецкіе троны». «Въ соціальныхъ бояхъ нашихъ дней крестьянинъ сыгралъ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ большинство предполагаетъ, такъ какъ именно онъ образовалъ естественную плотину противъ наводненія низшихъ слоевъ народа французскимъ революціоннымъ ученіемъ. Говорятъ, что революція остановилась передъ трономъ. Это не совсѣмъ вѣрно: крестьяне остановились передъ трономъ. И эта ихъ косность была не случайной, она вытекала скорѣй изъ всего существа нѣмецкаго крестьянина... И если только мы не дадимъ ростовщикамъ ободрать крестьянскій пролетаріатъ, то намъ не за-

чѣмъ очень ужъ боятся промышленнаго и литературнаго пролетаріата....» Революція 1848 г. доказала на дѣлѣ, «что консервативная сила государства лежитъ въ крестьянствѣ».

Съ чувствомъ умиленія рисуетъ Риль революціонныя похожденія нѣмецкихъ крестьянъ. Благоразумнѣйшимъ образомъ онъ умалчиваетъ о великой крестьянской революціи въ Германіи 1525 г. и о предшествовавшихъ ей крестьянскихъ движеніяхъ. И это нельзя не признать весьма предусмотрительнымъ. Какъ извѣстно, уже въ XV вѣкѣ порядочно-таки пострадали «попы и дворяне» отъ нѣмецкихъ «консервативныхъ» крестьянъ. Уже въ 1476 году подъ кровомъ вюрцбургскаго пастыря былъ сожженъ на кострѣ, въ качествѣ еретика, Пфейферъ изъ Никласгаузена, который съ евангеліемъ въ рукахъ проповѣдывалъ коммунизмъ и возстаніе противъ духовныхъ господъ. Въ 1492 г. поднялись уже крестьяне Кемптенскаго аббатства, а также голландскіе «сырохлѣбники», украсившіе свои знамена сыромъ и хлѣбомъ; подобнымъ же образомъ шло дѣло и въ Эльзасѣ, и на верхнемъ Рейнѣ, и въ Вюртембергѣ, и въ Каринтіи. Вездѣ крестьянскій «консерватизмъ» выразился въ кровавыхъ возстаніяхъ, которымъ предшествовала тайная, частью астрологическая, частью пророческая, народная литература, и которыя окончились при яркомъ свѣтѣ евангелическаго церковнаго бунта. Не упоминаетъ Риль и о движеніи «лапотниковъ» 1524 г., охватившемъ собою всю верхнюю Швабію, которое было увѣковѣчено въ знаменитыхъ 12 статьяхъ, содержащихъ крестьянскую конституцію съ освобожденіемъ отъ рабства и съ отмѣною всѣхъ привилегій церковно-феодальнаго строя. Отъ Эльзаса до Штиріи, отъ Боденскаго озера до Гессена и курфюршества Саксоніи бушевало тогда крестьянское море «евангелическихъ сконищъ», и одна за другой падали передъ ними и монастырскія колокольни, и башни рыцарскихъ замковъ. Городская демократія въ Ротенбургѣ, Вюрцбургѣ и Мюльгаузенѣ поддержала объятыхъ священнымъ негодованіемъ мужиковъ, а Ѳома Мюнцеръ провозгласилъ свое божеское царство. Многіе изъ рыцарей тогда отдали свой мечъ на службу крестьянскому дѣлу, и рядомъ съ наемникомъ и авантюристомъ въ родѣ Геца-фонъ-Берлихинngена поднялась тогда благородная фигура Флоріана Гейера, заплатившаго жизнью за свою помощь крестьянскому освобожденію. Какъ и всегда, крестьяне были побѣждены. Заработала висѣлица, чтобы водворить въ нихъ надлежащій «консерватизмъ». При Фрунсбергѣ имъ былъ нанесенъ послѣдній ударъ, и болѣе 100.000 своихъ сыновъ отдало тогдашнее крестьянство въ залогъ своего грядущаго «консерватизма». Риль не разсказываетъ намъ этой исторіи. Онъ знакомитъ насъ сразу съ вѣрноподданнымъ нѣмецкимъ крестьянствомъ въ эпоху революціонныхъ бурь XVIII—XIX вв. Когда перекинулись въ Германію первыя искры великой французской революціи, то въ нѣкоторыхъ саксонскихъ деревняхъ собра-

лись сельскіе люди и понаписали прошенія своимъ господамъ не о всеобщихъ правахъ человѣка, но о новомъ распредѣленіи полей, луговъ и лѣса. Когда эти «бурныя петиціи» вызвали со стороны господъ угрозу солдатами и кутузкой, крестьяне немедленно попрятались и притихли. Съ торжествомъ заявляетъ Риль: «Крестьянинъ тогда имѣлъ еще полный респектъ передъ авторитетомъ своего господина». Мало того, республиканская проповѣдь французскаго генерала Кюстина не только не имѣла никакого успѣха, но даже—это было въ 1792 г.—приводила къ обратнымъ результатамъ. Крестьяне Нассаускихъ горъ прогнали отъ себя французовъ-освободителей, а вѣрноподданные мужики князя Нассау-Идштейна проявили такую добродѣтель, что добровольно (?) заплатили за своего господина 300.000 гульденовъ контрибуціи. Чего не вынесетъ крестьянская спина!

Іюльская революція отдалась въ Германіи нѣсколько чувствительнѣе. Поднялись «маленькія» крестьянскія возстанія. Крестьяне разбивали таможни на дорогахъ, рвали въ клочки гербовую бумагу, въ однихъ мѣстахъ преслѣдовали господскихъ кабановъ, въ другихъ—управляющихъ! Никакой организаціи и единства въ движеніи не было. Эти бунты были не опасны. Какъ откровенно признаетъ нашъ соціологъ, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ крестьянинъ, продолжаются и вѣчные безпорядки изъ-за уплаты податей, отправленія повинностей и барщины. До революціи было еще далеко. Но вотъ насталъ мартъ 1848 года. Въ мелкихъ западно-нѣмецкихъ городахъ появились массы революціоннаго крестьянства. Баденскій, гессенскій и нассаускій крестьянинъ были именно той силой, передъ которой сразу же капитулировали всяческія власти и начальство. Но опять таки, какъ утѣшаетъ насъ охранительный историкъ, крестьянское движеніе было слишкомъ разбросано, чтобы сразу поднять всю крестьянскую массу отъ Нѣмецкаго моря до Шварцвальда, а отсюда вплоть до баварскаго плоскогорія. Мало того, уже съ самаго начала крестьяне Помераніи и Бранденбурской марки «образовали моральный операціонный базисъ въ борьбѣ противъ революціи, какъ для генераловъ, такъ и для министровъ». Движеніе было не только разрознено, но порою отличалось комическими чертами. Такъ, тирольскіе крестьяне не ждали ничего добраго отъ конституціи, такъ какъ «очень ужъ господа радуются этой штукѣ». Въ Вестервальдѣ крестьяне, по преданію, разспрашивали съ озабоченной миной на счетъ того, изъ какого рода оружія будетъ состоять парламентъ: «изъ инфантеріи или изъ кавалеріи?»

Приведенные анекдоты не мѣшаютъ, однако, признать и самому Рилю, что «не кавалерійскій парламентъ», а совсѣмъ нѣчто другое бросило крестьянъ въ революціонную борьбу. «Идея передѣла всякой собственности быстро разгорѣлась среди крестьянъ, а скоро стала единственной приманкой, которою могли апостолы революціи привлекать къ себѣ учениковъ изъ крестьянства. И не

только пролетаріи, но и состоятельные крестьяне по большей части были ослѣплены надеждой на передѣлъ». «Настоящій крестьянинъ по общему правилу думалъ не о всеобщемъ раздѣленіи благъ въ смыслѣ коммунистической міровой реформы, не о необходимости новшества,—«передѣлъ» былъ для него историческимъ воспоминаніемъ. Золотой вѣкъ фантазіи крестьянина лежалъ именно въ тѣхъ условіяхъ, когда каждый членъ общины безплатно получалъ изъ общиннаго лѣса столько дерева, что онъ кромѣ своего употребленія могъ еще часть продавать; когда общинныя угодія были настолько доходны, что послѣ уплаты сельскихъ податей каждому члену общины приходился въ концѣ года еще кусочекъ золота...... Таковъ идеалъ большинства крестьянства. Подъ раздѣломъ они понимали по большей части такое распредѣленіе государственныхъ имуществъ, главнымъ же образомъ государственныхъ лѣсовъ, для общиннаго пользованія, чтобы каждый...... могъ получить даровой лѣсъ, даровыя луга и еще сверхъ того нѣсколько денегъ». Не отрицаетъ далѣе Риль, что въ «испорченныхъ» крестьянскихъ кругахъ и «коммунизмъ» имѣлъ успѣхъ, при томъ еще «въ самой грубой формѣ». Здѣсь «передѣлъ» понимали совершенно въ иномъ смыслѣ. Здѣсь приняли «новое ученіе всей душой». Впрочемъ, Риль спѣшитъ забросать грязью этихъ испорченныхъ мужиковъ, которые такъ грубо нарушили его теорію о мирномъ консервативномъ крестьянствѣ, невѣжественномъ вплоть до кавалерійскаго парламента и развѣ во снѣ мечтающемъ о воскрешеніи общинныхъ порядковъ. «Большая часть жестокостей и дикого нарушенія мира въ сельскихъ мѣстностяхъ падаетъ именно на такія испорченныя пролетарскія деревни; онѣ доставили изобильныя массы солдатъ для баденскихъ взрывовъ, для сентябрьскаго возстанія во Франкфуртѣ и для подобныхъ «битвъ». Обнищалый пролетаризованный мужикъ пошелъ такъ далеко, какъ никогда не осмѣливался на это, насколько мы знаемъ, городской пролетаріатъ: онъ сжигалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ипотечныя и закладныя книги. Подобная демонстрація достаточно ясна, она показываетъ намъ лучше, чѣмъ дюжина статей, къ чему приходитъ крестьянинъ, если подъ его ногами начинаетъ колебаться твердая почва землевладѣнія, если онъ становится невѣрнымъ надежному руководству обычая, если водка разрушаетъ его нервную силу и его естественная грубость вырождается въ звѣрство».

Если мы обратимся теперь отъ испорченныхъ крестьянъ къ неиспорченнымъ, врядъ ли мы найдемъ особенно большую разницу въ ихъ коммунистической и соціалистической подкладкѣ. Вотъ какъ, по описанію того же авторитета, воспользовались «настоящіе» крестьяне нѣмецкихъ западныхъ государствъ мѣсяцемъ полной свободы, выпавшей на ихъ долю въ 1848 г. Прежде всего крестьяне набросились на священныя мѣста господской охоты и по мѣрѣ силъ и возможности перестрѣляли и выловили дичь ихъ свѣтлостей и

высокоблагородій. Лѣса были обращены въ общее пользованіе, а вмѣсто дичи въ нихъ загулялъ крестьянскій топоръ. Уплату податей и повинностей крестьянинъ немедленно пріостановилъ точно такъ же, какъ уплату всякихъ арендъ и оброковъ въ пользу помѣщиковъ. Назначенные правительствомъ старшины, шульдгейсы и другіе крестьянскіе и земскіе начальники были упразднены при помощи самаго простого средства, а именно: крестьяне образовали свои крестьянскія республики, а чиновниковъ и назначенныхъ отъ правительства старшинъ подвергли бойкоту. Значительныя лѣсныя дачи помѣщиковъ и государства были подвергнуты корчеванію, распаханы и подѣлены между общинами. Въ отдѣльныхъ ландтагахъ крестьяне образовали свои особыя крестьянскія или трудовыя группы, которыя съ трудомъ подходили подъ шаблонъ парламентской топографіи, несмотря на то, что въ общинахъ они ввели у себя чисто демократическій строй на основѣ всеобщей подачи голосовъ. Такъ дѣйствовали нѣмецкіе «неиспорченные» крестьяне, но вскорѣ оказалось, что крестьяне могутъ дѣйствительно исправиться.

Такое исправленіе началось довольно быстро тамъ, гдѣ, подобно Вестфаліи и Тиролю, католическое духовенство сумѣло взять крестьянское движеніе въ свои руки. Помогли дѣлу также и еврейскіе погромы, которыми съ большимъ азартомъ занялись въ мартовскіе дни нѣкоторые южно-нѣмецкія и, въ частности, баденскія общины. Больше всего, однако, успокоенію крестьянъ содѣйствовали, съ одной стороны, временное удовлетвореніе острой соціальной нужды, а съ другой—полная неспособность нѣмецкаго просвѣщеннаго бюргерства понять смыслъ и значеніе крестьянскаго движенія. Какъ ни-какъ, а сбросивъ съ себя страшную тяжесть экономическаго гнета, крестьянинъ почувствовалъ себя успокоеннымъ и пожелалъ немедленно использовать плоды своей побѣды; о будущемъ, о дальнѣйшемъ укрѣпленіи своихъ завоеваній онъ не заботился. Онъ чувствовалъ себя въ своемъ правѣ и не помышлялъ о возможности реакціи. Парламентскій либерализмъ былъ для него чѣмъ то отвлеченнымъ и непонятнымъ, а революціонные болтуны 1848 г. позаботились о томъ, чтобы охладить крестьянина еще болѣе. Не удивительно послѣ этого, что во второй половинѣ сумасшедшаго года крестьяне настолько поостыли, что революція могла быть задушена. Развѣ не классическій отвѣтъ дали оберландскіе крестьяне звавшему ихъ въ бой Геккеру: «У насъ нѣтъ теперь времени сражаться, мы должны обрабатывать теперь свои поля». Этимъ было все сказано. И когда сѣверные крестьяне въ солдатской формѣ были приведены на усмиреніе южныхъ, дѣло обошлось легко и скоро: крестьянскія республики были уничтожены, священныя права собственности возстановлены......

Только странное дѣло, по мѣрѣ того, какъ прекращалась «политическая» неблагонадежность крестьянства, росла его «уголовная»

преступность. Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія обнаружилась особая порода «развращеннаго крестьянства». Преступленія, «предполагающія полное нравственное паденіе», возросли «въ ужасающей степени». Убійства, ограбленія церквей, ограбленія кладбищъ и поджоги стали повсемѣстными въ деревнѣ. Надругательство надъ правительственными чиновниками, въ особенности надъ полицейскими, опустошеніе и уничтоженіе чужого имущества изъ зависти, изъ мести и корысти были въ порядкѣ дня въ это время «анархіи». Г. Риль, конечно, сразу постигъ основную причину такого страшнаго паденія крестьянской нравственности: всему причиною — пролетаризованный школьный учитель, который былъ «злымъ демономъ», прямо «Мефистофелемъ» опустившихся крестьянъ: «онъ указалъ крестьянину пути и цѣли его звѣрству, онъ принялъ на себя по большей части ту роль, которую сыгралъ въ городахъ разъяренный, пропившійся литераторъ. Общеизвѣстна вѣдь дѣятельность значительнаго числа баденскихъ сельскихъ учителей при подготовленіи и осуществленіи баденскаго возстанія.» Такъ, въ одномъ герцогствѣ Нассау, лѣтомъ 1850 г., на всѣхъ уголовныхъ заключенныхъ страны пришлось не менѣе 8% учителей. И при этомъ Риль не считаетъ тѣхъ, которые были наказаны административно въ качествѣ «политическихъ или религіозныхъ подстрекателей».

До сихъ поръ мы знали одну лишь великолѣпную фигуру прусскаго школьнаго учителя, побѣждающаго развратныхъ французовъ на кровавыхъ поляхъ Мэца и Седана; теперь мы познакомились съ другимъ сельскимъ учителемъ, съ тѣмъ, который такъ ужасно развратилъ баденскихъ крестьянъ... Странно, почему они его такъ слушались?

II.

Крестьянская страда.

Послѣ того, какъ мы познакомились съ невѣроятнымъ, можно сказать, консерватизмомъ нѣмецкаго крестьянина, мы можемъ теперь обратиться къ вопросу о томъ, какъ жилось и живется этой опорѣ отечества на его благословенной родинѣ. Здѣсь мы можемъ воспользоваться интереснымъ трудомъ проф. Руланда. Слѣдующими чертами рисуетъ этотъ ученый другъ землевладѣнія наступленіе капиталистической эры въ Германіи или, вѣрнѣе, процессъ «первоначальнаго накопленія», жертвой котораго стали и кое-какъ уцѣлѣвшіе на феодальной почвѣ крестьяне.

Послѣ Вестфальскаго мира въ Германіи оказалось, помимо 296 большихъ и меньшихъ государствъ, еще не менѣе 1500 непосредствено-подданнаго рыцарства, всякихъ священныхъ обителей и учрежденій, всякихъ имперскихъ деревень, изъ которыхъ каждая

изображала изъ себя суверенное государство. Еще въ XV вѣкѣ въ Германіи, въ особенности на сѣверѣ, появились крупные торговые и ростовщическіе капиталы, которые отнюдь не скрывали своихъ цѣлей. Когда Яковъ Фуггеръ въ Аугсбургѣ получилъ предложеніе отъ своего компаніона Іорга Турцо бросить по его примѣру дѣло наживы, такъ какъ надо-же оставить что-нибудь и другимъ, то Фуггеръ ему отвѣтилъ, что «онъ имѣетъ совсѣмъ другія намѣренія: онъ желаетъ пріобрѣтать до тѣхъ поръ, пока только можетъ». Разнокалиберные германскіе владыки немедленно поспѣшили вступить съ крупными капиталистами въ сдѣлку за счетъ своихъ подданныхъ. «Капитализмъ побѣдилъ, — говоритъ г. Руландъ, — скоро поднялись отовсюду ожесточенныя жалобы противъ монополій, денежныхъ компаній и союзовъ, Фуггеровъ, Вельзеровъ и Гохштеттеровъ въ Аугсбургѣ, Имгофовъ, Эбнеровъ и Фолькмаровъ въ Нюрнбергѣ, Руляндовъ въ Ульмѣ. Они взвинтили всѣ цѣны согласно своей корысти и жадности. Мартинъ Лютеръ говорилъ: «Эти взбадриватели цѣнъ, перепродавцы и монополисты, являются публичными ворами, разбойниками и ростовщиками. Было-бы справедливо все отобрать отъ нихъ и выгнать ихъ вонъ изъ страны. Всѣ товары у нихъ въ рукахъ, и по своему произволу они поднимаютъ и сбиваютъ цѣны. Развѣ можно добиться правыми средствами, чтобы одинъ человѣкъ могъ такъ обогатиться въ короткое время, чтобы онъ былъ въ состояніи закупить королей и императоровъ?». Эразмъ Ротердамскій вторитъ Лютеру въ характеристикѣ первыхъ представителей нарождающагося капитализма. По его мнѣнію, это люди, «которые повсюду лгутъ, всѣхъ развращаютъ, обкрадываютъ и надуваютъ, а сами, благодаря своимъ деньгамъ, постоянно пробираются впередъ». И, дѣйствительно, процессъ одного служащаго, фирмы Амврозія Гохштетера въ Аугсбургѣ обнаружилъ факты «удивительнѣйшаго накопленія». Такъ, денежный вкладъ въ 900 гульденовъ принесъ въ теченіе 6 лѣтъ 30,000 гульденовъ доходу.

Всѣ попытки остановить подобный процессъ при помощи ограниченія капитала для торговыхъ компаній или установленія принудительныхъ цѣнъ оказались не осуществимыми, несмотря на постановленія рейхстаговъ. Подкупъ дѣлалъ свое дѣло, реформація вмѣстѣ съ католической церковью уничтожила средневѣковое запрещеніе процентовъ старое ограниченіе числа рабочихъ въ предпріятіяхъ было забыто. Попытка городского средняго класса, открытаго нападеніямъ сверху, защитить себя снизу путемъ введенія принудительнаго зачисленія въ цехи и вмѣстѣ ограниченія ихъ состава привела только къ образованію городского пролетаріата, а когда доступъ въ городскія сословія сельскимъ жителямъ былъ затрудненъ, то скоро развился пролетаріатъ и въ деревнѣ; его изобиліе повело къ своеобразному капиталистическому предпріятію.

Богатства, сосредоточенныя въ городахъ, оказались завлекатель-

ной приманкой для приложенія стратегическихъ и тактическихъ способностей безчисленныхъ нѣмецкихъ деспотовъ. Война и завоеванія стали ихъ специфическимъ доходнымъ промысломъ. Крупные городскіе ростовщики въ свою очередь весьма охотно вкладывали свои, добытые грабежомъ, капиталы въ разбойничьи предпріятія князей. Эти послѣдніе въ свою очередь на занятыя деньги нанимали достаточное количество «рабочихъ рукъ» изъ свободнаго запаса городского и сельскаго пролетаріата. Созданныя изъ пролетаріата, вооруженныя стада служили тому, кто больше дастъ. Съ 1557 до 1620 г., мы видимъ въ Германіи почти непрерывныя войны съ грабительскими цѣлями, и эти войны въ свою очередь повели къ безконечнымъ государственнымъ банкротствамъ. И если крупный ростовщическій и торговый капиталъ экспропріировалъ гильдіи и цехи стараго времени, то, въ свою очередь, этихъ экспропріаторовъ экспропріировали вооруженные бандиты въ видѣ государей тогдашней Германіи.

Во время тридцатилѣтней войны военный грабежъ достигъ высшаго своего напряженія и повергъ Германію въ глубокую нищету. Ея населеніе уменьшилось съ 18 на 6 милліоновъ. Вюртембергъ потерялъ 365,000 человѣкъ. Въ Пфальцѣ изъ 500,000 уцѣлѣло только 50,000. Баварія и курфюршество Пфальцъ потеряли почти до 90 процентовъ. Аугсбургъ и Нюрнбергъ 50 процентовъ населенія. Торговля и промышленность были уничтожены. Въ Аугсбургѣ изъ 6000 ткачей не уцѣлѣло и 500; болѣе 18,000 деревень было сожжено и разграблено. Отъ всего запаса въ живомъ инвентарѣ уцѣлѣло едва 20 процентовъ. Абсолютизмъ могъ безъ сопротивленія укрѣпиться на обезсиленномъ, окровавленномъ тѣлѣ нѣмецкаго народа. Два столѣтія понадобились для того, чтобы залѣчить эти раны, нанесенныя странѣ военнымъ хозяйствомъ «первоначальнаго накопленія».

Тяжелѣе всего за подвиги господъ, водворенныхъ «божіей милостью» въ Германіи, пришлось платиться крестьянамъ. И если въ XV вѣкѣ не почиталось зазорнымъ закладывать ростовщикамъ непосредственные аттрибуты своего величества, то подавно считалась вполнѣ допустимымъ дѣломъ распродажа и отдача въ залогъ княжескихъ правъ государей надъ крестьянами. Не только на сѣверѣ къ востоку отъ Эльбы, но и къ западу отъ нея эти права продавались городамъ и дворянамъ за соотвѣтственную цѣну. Благодаря такой правовой сдѣлкѣ, крестьяне переходили въ частное подданство тѣмъ лицамъ, которыя могли больше заплатить. Само собой разумѣется, далѣе, что всякій, купившій себѣ право фогта и судьи надъ крестьянами, пользовался этимъ для того, чтобы возможно скорѣе и больше обогатиться за счетъ закрѣпленныхъ ему крестьянъ. Образованные на римскомъ правѣ юристы, конечно, были при этомъ великолѣпными помощниками господъ. Поборы и повинности крестьянъ росли съ каждымъ днемъ, а

новыя юридическія основанія служили къ установленію опять-таки новыхъ повинностей и новыхъ налоговъ. При помощи, такъ называемаго, «катящагося процента» неисправный должникъ и недоимщикъ получалъ за каждый день опозданія удвоеніе процента, такъ что для крестьянъ не было ни малѣйшаго спасенія отъ всевозраставшаго гнета неоплатнаго долга. Общинныя владѣнія на лѣсныя угодія и луга были безъ дальнѣйшихъ разговоровъ отобраны отъ крестьянъ, только право пользованія было кое-гдѣ оставлено за тяжелыя повинности. Такъ было въ XV вѣкѣ. Въ началѣ XVI, крестьяне поднялись противъ господъ съ оружіемъ въ рукахъ. Но послѣ того, какъ возстаніе было задушено въ крови, старая политика угнетенія продолжалась дальше. Крестьяне были, попросту говоря, обращены въ крѣпостное состояніе, и если остались сидѣть на землѣ на югѣ и западѣ Германіи, то уже съ обрѣзанными личными правами и въ самыхъ нищенскихъ условіяхъ.

Еще хуже сложились обстоятельства на сѣверѣ Германіи къ востоку отъ Эльбы. Здѣсь въ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка дворянство и города были въ состояніи продавать избытокъ въ хлѣбѣ и скотѣ за границу, и при томъ по хорошимъ цѣнахъ. Въ виду этого здѣсь наиболѣе выгоднымъ представлялось для всякаго господина возможно шире развить свое собственное хозяйство, чему, однако, мѣшала наличность сидящихъ на землѣ крестьянъ. Крестьянское хозяйство здѣсь мѣшало барскому. И ясное дѣло, что господа въ виду крупныхъ барышей помѣщичьяго хозяйства нисколько не поцеремонились со своими «подданными» крестьянами и экспропріировали ихъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Крестьяне были выгнаны вонъ изъ ихъ жилищъ и хижинъ, откупленныя у государей права были использованы мѣстными владыками для взаимнаго округленія владѣній, и если на югѣ кое-гдѣ уцѣлѣли государственныя права князей, то на востокѣ они были цѣликомъ замѣщены правами помѣщиковъ, создавшихъ себѣ крупныя и объединенныя вотчины. Здѣсь не могло быть и рѣчи о встрѣчаемой на югѣ черезполосицѣ, столь характерной для откупленныхъ у государей намѣстническихъ правъ. На сѣверо-востокѣ, конечно, не были изгнаны абсолютно всѣ крестьяне, иначе не осталось бы рабочихъ рукъ для обработки помѣщичьихъ вотчинъ. Но точно также было естественно, что оставленныя на приплодъ и работу двуногія существа изъ крестьянской породы были вдвойнѣ обременены барщиной, ихъ дѣти обращены на обязательную дворовую службу, а сами они поступили въ полное рабство.

Только на одномъ сѣверо-западѣ страны условія сложились нѣсколько иначе. Первоначальный управляющій феодальнаго господина сталъ здѣсь постепенно наслѣдственнымъ арендаторомъ, и по этому образцу здѣсь уже очень рано образовались вѣчночиншевыя отношенія, распространившія свои дѣйствія на всю массу крестьянства. Княжеская власть въ своихъ непосредственныхъ

интересахъ явилась защитницей наслѣдственнаго, недѣлимаго крестьянскаго владѣнія, обложеннаго неизмѣннымъ оброкомъ въ пользу господина и государства. Надо, однако, замѣтить, что, въ концѣ концовъ, крестьянское владѣніе на указанныхъ правахъ оказалось своего рода привилегій для болѣе состоятельнаго крестьянства, не доступной для остальной массы.

Что Германія не особенно торопилась съ освобожденіемъ крестьянъ, объ этомъ и говорить нечего. Въ до-наполеоновское время были проведены реформы только кое-гдѣ относительно государственныхъ крестьянъ, да въ старыхъ прусскихъ провинціяхъ были предприняты опыты защиты крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ освобожденіе въ цѣляхъ успѣшнаго комплектованія прусскихъ войскъ здоровыми и сильными рекрутами. Въ послѣ-наполеоновское время освобожденіе было предпринято лишь въ области личныхъ правъ, и только революція 1848 г. этому освобожденію придала хозяйственный, соціальный характеръ. На сѣверо-западѣ, какъ, напримѣръ, въ Ганноверѣ, освобожденіе отъ власти частнаго господина было закончено уже въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка, но только въ семидесятыхъ годахъ было уничтожены оброчныя отношенія всего крестьянства къ мѣстному монарху. На югѣ и въ средней Германіи личное освобожденіе крестьянъ было результатомъ конституціонныхъ хартій, тогда какъ хозяйственное освобожденіе было куплено только цѣною мартовской гекатомбы и междуусобной рѣзни. Благодаря возстанію, крестьяне заплатили здѣсь несравненно меньшій выкупъ, чѣмъ на сѣверо-западѣ и на сѣверо-востокѣ. Уничтоженіе патримоніальной власти относится такъ же по большей части къ 1848 г.

Насколько освобожденіе крестьянъ улучшило положеніе ихъ, показываетъ хотя бы ходъ эмансипаціи въ Пруссіи, гдѣ просвѣщенная королевская власть предала крѣпостныхъ крестьянъ на потокъ и разграбленіе своему благородному дворянству. Какъ я писалъ уже по этому вопросу въ историческомъ введеніи къ германской конституціи относительно прусскаго освобожденія, здѣсь дворянство крѣпко держалось за свои интересы и пользовалось всѣми правдами и неправдами, чтобы освободить крестьянъ не столько для жизни, сколько для голодной смерти. И дворянство добилось своего. Благодаря прусской декларацін 1816 г., дѣло освобожденія крестьянъ было предоставлено вполнѣ на милость и благоусмотрѣніе помѣщиковъ. «Благодаря освобожденію крестьянъ, широкая масса мелкихъ землевладѣльцевъ, т. е. такихъ, которые не имѣли собственной упряжки, попали изъ огня да въ полымя. Они не могли ни укрѣпить своего права владѣнія, ни освободиться отъ феодальныхъ оброковъ, барщины и повинностей. Напротивъ того, личная свобода дѣлала ихъ теперь вполнѣ свободными для прихоти юнкера. Ограниченія, которыя были установлены въ XVIII вѣкѣ противъ срытія крестьянскихъ дворовъ, исчезли совсѣмъ. Юнкеръ дѣлалъ съ крестья-

ниномъ, «не имѣвшимъ упряжки», все, что хотѣлъ. Онъ присвоивалъ себѣ ихъ мѣста «съ вознагражденіемъ за какое-либо существующее право владѣнія», онъ покупалъ эти мѣста, отказывалъ въ нихъ, или просто пользовался незнаніемъ крестьянъ, чтобы побудить ихъ къ отказу отъ ихъ «какихъ-либо правъ»...

Послѣ этого помѣщики «разграбили меньшинство, имѣвшихъ запряжку крестьянъ, въ другой формѣ»... Эти крестьяне, «съ не вполнѣ твердымъ правомъ владѣнія, были регулированы; чтобы обезпечить свое право на землю, а также освобожденіе отъ всѣхъ феодальныхъ повинностей, они, смотря по твердости своихъ правъ, отдавали юнкеру треть или половину своего поля. При этомъ, очень большая часть этихъ крестьянъ, благодаря двусмысленнымъ статьямъ закона, была исключена изъ регулированія... и предана произволу помѣщиковъ. Въ силу этого массы крестьянскихъ дворовъ были обращены въ фольварки господина. Массы крестьянъ были такимъ образомъ экспропріированы дворянствомъ, и въ провинціяхъ Помераніи, Силезіи, Бранденбурга, Познани и Пруссіи уцѣлѣло всего на всего 70,582 крестьянина-собственника. Самый выкупъ крестьянскихъ повинностей шелъ до крайности медленно, и не болѣе 10 подобныхъ регулированій происходило въ годъ. Если первоначально крестьянинъ выкупалъ себя путемъ отдачи 1/3 своей земли, то скоро уже былъ установленъ размѣръ выкупа въ видѣ 25 кратной суммы тѣхъ оброковъ и повинностей, которые подлежали выкупу. Благодаря этой удачной операціи, помѣщики получили болѣе полутора милліона моргеновъ крестьянской земли, болѣе 18½ милліоновъ талеровъ капитала, болѣе полуторамилліона талеровъ ежегодной ренты и около 300,000 шефелей натуральныхъ продуктовъ. Такой цѣной выкупили себя свободные крестьяне Пруссіи...

Какъ говоритъ Энгельсъ, «можно считать, что за освобожденіе отъ незаконно наложенныхъ повинностей крестьяне уплатили дворянству и фиску сумму въ 300 милліоновъ талеровъ, если не цѣлый милліардъ марокъ. Милліардъ марокъ за возвращеніе свободной отъ повинностей и при томъ ничтожной части той земли, которая незаконно захвытавалась въ теченіе 400 лѣтъ! И именно, ничтожной части, такъ какъ громадную часть земли дворянство и фискъ удержали за собой въ видѣ маіоратовъ, рыцарскихъ имѣній и доменовъ».

Нѣтъ ничего удивительнаго, что такимъ путемъ освобожденные крестьяне стали немедленно жертвой всяческой эксплуатаціи, какъ съ стороны крупнаго землевладѣнія, такъ и со стороны свободнаго капитала. Однако, положеніе мелкой крестьянской собственности и на западѣ отъ Эльбы не могло быть особенно лучше. Ее прямо задавилъ процессъ капиталистическаго хозяйства, а мелкихъ собственниковъ превратилъ или непосредственно въ батраковъ, работающихъ на городской капиталъ, или же въ мелкихъ сельско-

хозяйственныхъ предпринимателей, которые, находясь въ вѣчной зависимости отъ капиталиста, сами работаютъ при помощи жестокой эксплуатаціи обезземеленнаго сельскаго пролетаріата. Если мы возьмемъ даже такого умѣреннаго писателя, какъ Зомбартъ, и заглянемъ въ его описаніе «нѣмецкаго народнаго хозяйства въ XIX вѣкѣ», то мы найдемъ тамъ самыя неутѣшительныя картины. Освобожденный отъ барина, нѣмецкій крестьянинъ отъ кабалы не ушелъ. Онъ нашелъ только себѣ другого господина—это безличный и безжалостный, неуловимый и вмѣстѣ все охватывающій «капиталъ».

Патріархальное сообщество работы въ крестьянской семьѣ давно рушилось. Съ 1882 года по 1885 г. почти на полъ-милліона уменьшилось число членовъ крестьянскихъ семействъ, которые работаютъ вмѣстѣ съ родными въ деревнѣ. Въ то же время число батраковъ и работницъ увеличилось съ 1.589.088 до 1.718.885; значительная часть этой наемной арміи приходится на болѣе крупныя крестьянскія хозяйства. Уменьшились въ то же время подсобные домашніе промысла, а новая индустрія стянула свою дѣятельность въ отдаленные и мощные центры. Вмѣстѣ съ тѣмъ все крѣпче охватываетъ крестьянина мелкій торговый капиталъ различныхъ перекупщиковъ, торговцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кулаковъ. Крестьянинъ продавецъ и покупатель попадаетъ въ крѣпкую сѣть объединенныхъ хлѣботорговцевъ и поставщиковъ удобренія, скотопромышленниковъ и мясниковъ, скупщиковъ различныхъ продуктовъ крестьянскаго сельско-хозяйственнаго производства. И грандіозное мошенничество, которое свило себѣ крѣпкое гнѣздо во всѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ съ крестьянами, переходитъ непосредственно въ самую ужасную эксплуатацію и ростовщичество.

Въ 1887 г. союзъ для соціальной политики произвелъ не безъинтересную анкету по вопросу «о ростовщичествѣ въ деревнѣ». Она раскрыла просто невѣроятныя вещи относительно всевозможныхъ денежныхъ ростовщиковъ, ростовщиковъ на скотѣ, ростовщиковъ на спекуляціи по поземельной продажѣ, ростовщиковъ на товарахъ и т. д. Приведемъ картину изъ описанія баварско-рейнскаго Пфальца: «Чѣмъ бѣднѣе мѣстность, говоритъ отчетъ, тѣмъ безстыднѣе развивается ростовщичество. Отдаленные мѣстности и дворы снабжаются деньгами и другими жизненными припасами, но они должны за это дорого заплатить своимъ попечителямъ. Эти послѣдніе дѣлятъ между собою мѣстность, чтобы устранить конкурренцію между собою. Каждый изъ нихъ господинъ въ своей мѣстности. Онъ посредничаетъ во всѣхъ продажахъ и покупкахъ скота и хлѣба, корма и земли. Достаточно часто онъ является единственнымъ продавцомъ и покупателемъ всѣхъ этихъ предметовъ для соотвѣтственной мѣстности»... И къ этому прибавляетъ центральный сельско-хозяйственный институтъ рейнской области: «Окончательный результатъ—по большей части абсолютная

экономическая зависимость должниковъ отъ ростовщика. Послѣднему принадлежитъ въ дѣйствительности и дворъ, и домъ бѣднаго крестьянина, а весь заработокъ его самого и его близкихъ исчезаетъ въ карманѣ его кредитора. Покуда можно еще добыть подобный заработокъ, ростовщикъ остерегается затянуть петлю и лишить свою жертву двора и дома при помощи продажи съ публичнаго торга, такъ какъ часто цѣна наличности значительно ниже сочиненнаго долгового требованія. Только тогда, когда все уже настолько высосано, что нѣтъ уже никакихъ видовъ на добычу, тогда дѣлу полагается конецъ, и крестьянинъ съ женою и дѣтьми покидаетъ нищимъ свой очагъ. Однако, какъ ни парадоксально это звучитъ, это еще лучшій исходъ дѣла. Гораздо хуже, если крестьянинъ удерживается въ этой зависимости, вполнѣ равной крѣпостному состоянію, изъ которой къ тому же нѣтъ выхода. Согласно полученнымъ отчетамъ, число подобныхъ существованій далеко не мало. Съ внѣшней стороны тутъ представляется все въ наилучшемъ порядкѣ. Крестьянинъ хозяйничаетъ на своемъ дворѣ, имѣетъ инвентарь и скотину, но все, однако, принадлежитъ ростовщику, самъ онъ ни что иное какъ поденщикъ, который часто еще счастливъ, что онъ не выставленъ къ позорному столбу».

Баденскій министръ финансовъ Бухенбергеръ подобными же чертами рисуетъ положеніе вещей въ Баденѣ. Онъ разсказываетъ про удивительнѣйшія операціи баденскихъ ростовщиковъ, «у которыхъ избранная жертва неизбѣжно погибаетъ. При этомъ денежное высасываніе должника до полнаго его истощенія не менѣе распространено, чѣмъ тѣ невѣроятныя моральныя униженія, которымъ онъ обычно предоставленъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ изъ числа сообщенныхъ личная свобода должника представляется почти что уничтоженной, а самъ онъ осужденнымъ на положеніе лишеннаго всякой воли крѣпостного своего кредитора: онъ работаетъ только для этого послѣдняго, а чѣмъ болѣе онъ старается освободиться отъ петли, тѣмъ крѣпче умѣетъ ростовщикъ подчинить его своей власти... Одинъ изъ подобныхъ, безжалостно цѣлыми годами терзаемыхъ мелкихъ крестьянъ, въ концѣ концовъ, не нашелъ никакого другого выхода въ своемъ отчаяніи, какъ добровольную смерть при помощи самоубійства»...

Изслѣдуя, далѣе, «горя и радости» сельскаго и, въ частности крестьянскаго хозяйства въ Германіи, профессоръ Зомбартъ указываетъ на зависимость этого хозяйства отъ мірового рынка и рисуетъ намъ ту силу, которая не только лежитъ роковою глыбой на каждомъ крестьянинѣ, но и держитъ въ своей власти самого всемогущаго ростовщика. Капиталистическая игра цѣнъ на хлѣбномъ рынкѣ и колебаніе цѣнъ на землю съ соотвѣтственнымъ ростомъ и паденіемъ арендной платы; порожденное этимъ неизбѣжное задолжаніе землевладѣнію, бѣгство сельскаго населенія изъ деревни и, въ концѣ концовъ, вздорожаніе сельскихъ рабочихъ рукъ—

вотъ тѣ факты, которые создаютъ непрестанный и безвыходный аграрный кризисъ, отъ котораго пытаются спасти на почвѣ частной собственности всевозможные Руланды и тѣмъ обезпечить здоровую жизнь нѣмецкому крестьянству.

Какъ извѣстно, еще въ пятидесятыхъ, шестидесятыхъ и въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ продолжалось то чрезвычайное повышеніе цѣнъ на всѣ земледѣльческіе продукты, которое отмѣчаетъ собою начало XIX вѣка. Однако, уже съ конца семидесятыхъ годовъ міровой рынокъ сказалъ свое рѣшающее слово, и съ того времени до середины девяностыхъ годовъ продолжалось паденіе цѣнъ почти на всѣ сельско-хозяйственные продукты, которое достигло устрашающихъ размѣровъ. Еще въ 1879—1883 г., тонна хорошей баварской пшеницы средняго качества стоила 215,3 марки. Въ 1894 г. цѣна пала до 155, 8 марки и въ 1895 поднялась не выше 164,3 марки. Въ то же самое время цѣна за тонну ржи съ 174, 6 марокъ опустилась на 122,5 марокъ и улучшилась только до 134,7 марокъ. Еще ярче выяснится это паденіе, если мы возьмемъ нѣкоторыя другія данныя. Такъ, согласно даннымъ гамбургскаго торгово-статистическаго бюро, въ 1871 — 1875 г. двойной центнеръ пшеницы стоилъ 24,46 марокъ, къ 1900 г. эта цѣна упала до 13,6 марокъ. За то же время на рожь она понизилась съ 16,27 марокъ до 10,38 марокъ. На ячмень съ 16,44 м. до 9,29 марокъ. На овесъ съ 15,79 марокъ до 11,09 марокъ. На рапсъ съ 32,54 м. до 21,97 м. На льняное сѣмя съ 83,6 м. до 59,89 м., а на шерсть съ 346,62 м. до 147,81 м. Причины такого всеобщаго паденія цѣнъ общеизвѣстны: онѣ лежатъ въ конкурренціи другихъ странъ, обладающихъ дѣвственными пространствами земли и работающихъ на значительно болѣе дешевыхъ основаніяхъ. Къ этому присоединилось удешевленіе и улучшеніе транспорта, которое, конечно, не остановится на сегодняшнемъ днѣ.

Какъ мало помогаетъ постоянное повышеніе ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ сравнительно съ грандіознымъ наводненіемъ дешевымъ хлѣбомъ Германіи, показываютъ хотя бы цифры хлѣбнаго ввоза, приведенныя у д-ра Минтропа. Въ 1891 г., когда ввозная пошлина достигала 50 марокъ съ тонны, ввозъ равнялся 2.593.389 тоннамъ и превосходилъ вывозъ хлѣба на 2.588.646 тонны. Въ 1893 году, когда пошлина съ тонны равнялась 35 маркамъ, ввозъ спустился до 2.022.401 тоннъ, при чемъ ввозъ превосходилъ вывозъ хлѣба на 2.013.326 тонны. Если мы возьмемъ теперь 1900 г., то найдемъ, что въ это время ввозъ поднялся до 3.431.006 тонны съ перевѣсомъ надъ ввозомъ на 2.923.495 тоннъ, а въ 1903 г. дошелъ до 4.799.256 тоннъ ввозу и 4.281.934 тоннъ перевѣса ввоза надъ вывозомъ. Другими словами, ввозъ хлѣба въ Германію, несмотря на введеніе пошлины, нисколько не остановилъ своего побѣдоноснаго теченія, а пониженіе пошлины съ 5 марокъ на 3 марки 50 пфениговъ отнюдь не содѣйствовало какому-нибудь осо-

бому развитію ввоза. На цифрахъ, которыя приводитъ авторъ за разные годы, можно видѣть, насколько безсильна хлѣбная пошлина въ дѣлѣ борьбы съ хлѣбнымъ импортомъ и пониженіемъ цѣнъ на хлѣбъ внутри страны. За время съ 1868 по 1876 г., когда не было никакихъ пошлинъ, цѣна на пшеницу равнялась 223 марки за тонну и 173 марки за рожь. За время же съ 1892—1900 г., когда дѣйствовала пошлина въ 3 м. 50 пф., цѣна на хлѣбъ понизилась до 155 мар. за пшеницу и до 131 за рожь.

Вполнѣ естественно, что подъ вліяніемъ неизбѣжнаго пониженія цѣнъ на хлѣбъ прозошло и то паденіе цѣнъ на землю, которое самымъ тяжелымъ образомъ отразилось на землевладѣніи. Арендная плата, по даннымъ Зомбарта, стала понижаться уже съ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія. За время съ 1878 г. по 1887 г. арендная плата за гектаръ въ Баденѣ держалась на уровнѣ 90,7 мар., въ слѣдующемъ десятилѣтіи она опустилась до 85,6 мар. Неудивительно, что результатомъ подобнаго паденія цѣнъ на землю было безмѣрное увеличеніе поземельнаго долга, которое довело многихъ землевладѣльцевъ до полнаго раззоренія.

Обратимся теперь спеціально къ крестьянскому хозяйству и посмотримъ, насколько отразились на немъ всѣ имъ пережитыя горя и бѣды, начиная съ раззорительной эмансипаціи и кончая паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ и введеніемъ пошлинъ на кормъ для скота въ пользу крупныхъ аграріевъ? Наилучшимъ показателемъ здѣсь является цифра крестьянской задолженности, которая возрастаетъ съ каждымъ годомъ безъ всякой надежды на улучшеніе. По даннымъ того же д-ра Минтропа, задолженность сельскаго хозяйства возрастаетъ ежегодно круглымъ числомъ на 200 милліоновъ марокъ. Долговая тяжесть, которая и безъ того гнететъ теперь нѣмецкое крестьянство, равняется ни болѣе, ни менѣе, какъ 10 милліардамъ марокъ, а если причислить къ этому личные долги крестьянъ, то указанная цифра должна возрасти, по крайней мѣрѣ, до 15 милліардовъ. Если принять, что съ этой суммы крестьянинъ долженъ уплачивать только 4%, то и въ такомъ случаѣ мы получимъ грандіозную сумму въ 600.000 милліоновъ марокъ. Если же, далѣе, припомнить, что въ массѣ случаевъ крестьянинъ платитъ не 4, а 5 и больше процентовъ, то не покажется преувеличеніемъ, если принять, что сумма, которую получаютъ кредиторы землевладѣнія, доходитъ круглымъ счетомъ до 3/4 милліарда марокъ. Цифра этой колоссальной задолженности воистину способна повергнуть въ изумленіе всякаго добросовѣстнаго наблюдателя. Въ особенности, если принять во вниманіе, что, согласно анкетамъ сельско-хозяйственныхъ камеръ и управленій, въ лучшемъ случаѣ и при образцовомъ хозяйствѣ, хозяинъ получаетъ всего два процента со вложеннаго въ землю и хозяйство капитала.

III.

Спасеніе крестьянъ.

Какъ спасти крестьянъ отъ, казалось бы, неминуемой и неизбѣжной ихъ гибели? Вотъ вопросъ, за рѣшеніе котораго берутся всѣ благодѣтели и покровители сельскаго хозяйства, начиная отъ аграрія и кончая «христіанскими» партіями антисемитизма и центра. Аграріи, наивно отождествляя свои классовые интересы съ интересами всего сельскаго хозяйства, ищутъ спасенія въ запретительныхъ пошлинахъ на хлѣбъ. Какъ показываетъ статистика (1895 г.) изъ общаго числа гектаровъ, находящихся подъ земледѣльческой культурой, 24,08 процентовъ принадлежатъ ничтожному меньшинству крупныхъ хозяйствъ, представляющихъ собою 0,45 процента всѣхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій. Мелкіе крестьяне, владѣющіе менѣе 5 гектаровъ на душу и составляющіе 76,51 процентовъ всѣхъ хозяевъ, обрабатываютъ всего только 15,67 процентовъ всей занятой культурою земли. И какъ заявилъ имперскій канцлеръ, князь Гогенлоэ, они меньше всего имѣютъ интереса въ охранительныхъ пошлинахъ. То же подтвердилъ для Бадена докторъ Морицъ Гехтъ, который доказалъ, что 49,2 процента всѣхъ земледѣльческихъ семействъ Бадена покупаютъ нужный имъ хлѣбъ, а 21,5 процента тѣхъ же семействъ прикупаютъ хлѣбъ для своего потребленія, такъ какъ своего хлѣба имъ не хватаетъ. Только 14,6 процентовъ производятъ хлѣбъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ самимъ нужно, и слѣдовательно, могутъ получить выгоду отъ охранительныхъ пошлинъ. Если даже принять, что расширеніе ввозныхъ пошлинъ на мясо и другіе продукты скотоводства и могутъ пойти на пользу среднему и мелкому земледѣльцу, то за то на хлѣбныхъ пошлинахъ они столько теряютъ въ пользу крупнаго землевладѣнія, что, въ концѣ концовъ, оказываются не въ выгодѣ, а въ убыткѣ. Проводя всѣми силами увеличеніе пошлинъ на хлѣбъ, аграріи вмѣстѣ съ тѣмъ точно такъ же стремятся къ повышенію пошлинъ на весь ввозимый изъ-за границы кормъ для скота. А между тѣмъ, въ одномъ 1901 г. цѣнность ввоза кормовыхъ средствъ дошла до 58.029.800 марокъ. Въ 1902 г. одного маиса было ввезено круглымъ счетомъ 9 милліоновъ центнеровъ, и это при такомъ скромномъ потребленіи маиса на одну штуку скота, которое не доходитъ до половины того, что потребляетъ Англія и Данія. Аграріи—естественные враги мелкаго и средняго крестьянства и, однако же, имъ удалось увлечь за собою темныя крестьянскія массы подъ общимъ знаменемъ пресловутаго союза «сельскихъ хозяевъ».

Еще въ 1885 г. экономіи совѣтникъ Кнауеръ-Греберсъ и фонъ-Плетцъ основали «нѣмецкій крестьянскій союзъ», который долженъ

былъ стремиться, съ одной стороны, къ вліянію на законодательство и управленіе въ интересахъ крестьянства, а съ другой—къ осуществленію общественной взаимопомощи землевладѣльцевъ при посредствѣ организаціи различныхъ кредитныхъ установленій, потребительныхъ товариществъ и т. д. Однако съ самаго начала этотъ союзъ превратился въ орудіе политической агитаціи для консерваторовъ, которые этимъ путемъ желали захватить въ свою пользу голоса мелкихъ и среднихъ землевладѣльцевъ въ прусскихъ провинціяхъ на востокъ отъ Эльбы. Само собою разумѣется, что доминирующую роль въ этомъ «крестьянскомъ» союзѣ играли крупные землевладѣльцы. Однако, очень скоро была сброшена «крестьянская» маска, и уже въ 1893 г. мѣсто крестьянскаго союза занялъ открытый политическій союзъ прусскихъ аграріевъ подъ названіемъ «союзъ сельскихъ хозяевъ». Характерно, что когда въ 1895 г. антисемиты попробовали возродить старый крестьянскій союзъ въ восточно-эльбскихъ провинціяхъ, то правительство подъ давленіемъ аграріевъ немедленно же запретило своимъ чиновникамъ принимать участіе въ антисемитскомъ крестьянскомъ союзѣ (въ Познани), такъ какъ этотъ послѣдній «обращаетъ свое оружіе противъ крупнаго землевладѣнія и офицерскаго сословія, а этимъ вноситъ смуту въ соціальныя отношенія и сѣетъ недовольство среди крестьянскаго сословія».

Что касается «союза сельскихъ хозяевъ», то, какъ извѣстно, онъ обратился исключительно въ политическую организацію, которая отъ стараго крестьянскаго союза унаслѣдовала только очень незначительные остатки товарищеской взаимопомощи. За то агитація противъ торговаго договора съ Россіей и за безмѣрное повышеніе хлѣбныхъ пошлинъ велась союзомъ съ такой наглостью на почвѣ узко-классовыхъ интересовъ, что вызвала даже высочайшее неодобреніе императора Вильгельма, который все время очень поддерживалъ дѣятельность прусскихъ феодаловъ. И надо отдать справедливость союзу сельскихъ хозяевъ. Чувствуя за собой поддержку всѣхъ монархическихъ и консервативныхъ элементовъ, стоя, вмѣстѣ съ тѣмъ, на открыто экономической почвѣ, онъ ознаменовалъ себя рѣдкой беззастѣнчивостью, какъ по отношенію къ неудобнымъ ему представителямъ власти, такъ и всѣмъ другимъ партіямъ. Въ опьяненіи чисто аграрными интересами, союзъ неоднократно воевалъ даже противъ своего высокаго покровителя и проваливалъ правительственныя предложенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не стѣснялся выступать противъ крестьянскихъ союзовъ запада и юга и отбивать у нихъ депутатскія мѣста. Съ проведеніемъ высокихъ хлѣбныхъ пошлинъ по новому тарифу союзъ въ значительной степени выполнилъ свою задачу, но не пересталъ существовать на дѣлѣ. На послѣднихъ выборахъ 1903 г. ему удалось провести четырехъ своихъ депутатовъ. На выборахъ онъ поддерживалъ всѣхъ, кто согласенъ былъ принять отъ него императивный мандатъ въ пользу

хлѣбныхъ пошлинъ. Въ самомъ парламентѣ союзъ образовалъ особое экономическое соединеніе, бывшее настражѣ чисто аграрныхъ интересовъ. Заслуживаетъ замѣчанія то обстоятельство, что изъ четырехъ прошедшихъ въ парламентъ представителей союза, 3 выбраны отъ вюртембергскихъ округовъ зажиточнаго крестьянства, а одинъ посланъ мелкими и средними помѣщиками Пфальца. Въ Пруссіи отъ союза шли прямо консерваторы.

Наравнѣ съ консерваторами за дѣло крестьянскаго спасенія взялись «христіанскіе» элементы страны. Католическій магнатъ баронъ Шорлемеръ-Альстъ явился піонеромъ въ этомъ отношеніи. Въ 1862 г. началось сперва очень небольшое движеніе, которое первоначально объединило всего 37 членовъ. Въ статутѣ этого перваго крестьянскаго соединенія значилось, что оно учреждено для того, чтобы объединить «среднее и мелкое, т. е. крестьянское землевладѣніе въ товарищество, опирающееся на свободное самоопредѣленіе его членовъ, проникнутое ихъ взаимностью и имѣющее цѣлью способствовать религіозному, интеллектуальному и соціальному поддержанію членовъ, а также охранѣ ихъ матеріальныхъ интересовъ». Молодое общество добивалось корпоративныхъ правъ, однако прусское правительство отнеслось къ нему враждебно и отказало въ этомъ. Въ 1864 г. появилась брошюра барона Шорлемера «о положеніи крестьянскаго сословія въ Вестфаліи и о томъ, что ему нужно». По образцу крестьянскаго союза въ Штейнфуртѣ, основаннаго Шорлемеромъ въ Вестфаліи, создался затѣмъ цѣлый рядъ другихъ крестьянскихъ союзовъ, но въ 1871 г. когда правительство объявило вестфальскіе союзы политическими и запретило ихъ взаимную связь, они добровольно покончили свое существованіе, а на ихъ мѣсто въ Мюнстерѣ въ томъ же году былъ созданъ новый крестьянскій союзъ уже для всей провинціи Вестфаліи на основаніи новаго статута.

Статутъ этотъ—мы пользуемся изданіемъ 1898 г. — содержитъ въ себѣ слѣдующія постановленія. Союзъ стремится къ тому, чтобы во 1) возвысить соединившихся въ немъ крестьянскихъ землевладѣльцевъ въ нравственномъ, духовномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ; во 2) объединить ихъ въ мощное крестьянское сословіе, въ 3) сохранить крестьянское землевладѣніе. Средствами для достиженія цѣли союза является: во 1) обсужденіе и постановленія членовъ въ собраніяхъ въ цѣляхъ охраны ихъ интересовъ, отвращенія вреда, грозящаго землевладѣнію, устраненія вредныхъ привычекъ, злоупотребленій и расточительности; во 2) поощреніе образованія и знаній, соотвѣтствующихъ интересамъ крестьянскаго состоянія;въ 3) примиренія противорѣчащихъ интересовъ, улаженія мирнымъ путемъ споровъ и процессовъ, въ особенности же при помощи учрежденныхъ союзомъ примирительныхъ камеръ и третейскихъ судовъ; въ 4) основаніе общихъ благотворительныхъ учрежденій на благо землевладѣнію и сельскому хозяйству; въ 5) для предотвращенія

задолженности, раздробленія и продажи крестьянскихъ владѣній: попеченіе о заблаговременномъ внесеніи всѣхъ пригодныхъ къ тому дворовъ въ списки крестьянскихъ недѣлимыхъ имуществъ, а также забота о заблаговременномъ совершеніи завѣщательныхъ распоряженій или договоровъ между живыми съ тою цѣлью, чтобы крестьянскія владѣнія переходили всегда къ одному сыну или родственнику безъ тяжелаго отягощенія его выплатой наслѣдственныхъ долей. Дѣйствительными членами союза могутъ быть лица, которыя принадлежатъ къ одному изъ двухъ христіанскихъ исповѣданій, исполняютъ ихъ предписанія и ведутъ нравственный и трезвый образъ жизни; обладаютъ гражданскимъ полноправіемъ; имѣютъ самостоятельную поземельную собственность и занимаются сельскимъ хозяйствомъ или даже состоятъ арендаторами, пользователями или даже управляющими сельскихъ недвижимыхъ имуществъ, такъ же какъ братьями и сыновьями землевладѣльца съ правомъ наслѣдованія, которые посвящаютъ себя сельскому хозяйству, и отъ коихъ можно ожидать, что они будутъ способствовать цѣлямъ союза. Несовершеннолѣтнимъ изъ числа послѣдней категоріи также позволяется быть членами безъ права голоса, разъ они достигли 18 лѣтъ и не состоятъ болѣе учениками. То же самое разрѣшается и вдовамъ умершихъ членовъ, но также безъ права голоса.

Управленіе союза принадлежитъ общему собранію, союзной управѣ и правленію. На мѣстахъ членами управы и правленія могутъ быть созываемы мѣстныя собранія. Ни въ одномъ изъ собраній союза не разрѣшается говорить «о политикѣ или религіи».

Этотъ статутъ послужилъ образцомъ для другихъ нѣмецкихъ крестьянскихъ союзовъ съ нѣкоторыми ничтожными измѣненіями. Мы отмѣтимъ ихъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, теперь же обратимся къ дѣятельности вестфальскаго союза за все время его существованія. Одной изъ первыхъ задачъ вестфальскаго союза было содѣйствовать введенію единонаслѣдія въ крестьянскихъ дворахъ, чѣмъ предотвращалось безграничное раздробленіе крестьянскихъ усадебъ между наслѣдниками; и въ этомъ отношеніи вестфальскій союзъ много содѣйствовалъ изданію особаго закона для Вестфаліи, которымъ облегчалось для крестьянъ установленіе нераздѣльности въ наслѣдованіи ихъ имуществъ. Затѣмъ союзъ прибѣгнулъ къ подачѣ цѣлаго ряда петицій по самымъ различнымъ поводамъ высшимъ законодательнымъ и административнымъ учрежденіямъ. Такія петиціи были поданы, между прочимъ, относительно податного законодательства, повышенія охранительныхъ пошлинъ, денежной валюты, устраненія свободы обязываться векселями, введенія законовъ противъ ростовщичества, проведенія заборовъ на поляхъ, привлеченія представителей промышленности къ участію въ поддержаніи дорогъ, относительно воскреснаго отдыха, сберегательныхъ кассъ и т. д. Съ самаго начала существованія союза онъ вступилъ, далѣе, въ особые договоры со всевозможными обществами

страхованія, чтобы этимъ путемъ доставить своимъ членамъ наиболѣе дешевые и удобные способы обезпеченія отъ всякихъ опасностей. Такіе договоры были заключены съ обществами страхованія отъ огня, страхованія отъ града, страхованія жизни, при чемъ въ особенности благотворнымъ оказалось массовое страхованіе жизни членовъ общества, что очень поддержало благосостояніе крестьянскихъ семействъ. Въ 1883 вестфальскій союзъ создалъ для своихъ членовъ особое потребительное общество для пріобрѣтенія сообща всяческаго сельско-хозяйственнаго сырья, искусственнаго удобренія, корма для скота, сѣмянъ, а также сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій. Дополненіемъ къ этому должна была служить особая химическая испытательная станція, за которой вскорѣ слѣдовала станція для испытанія сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій. Не менѣе замѣчательна была дѣятельность союза и въ области кредита. Онъ въ высокой степени содѣйствовалъ основанію «кредитнаго земскаго общества провинціи Вестфаліи», которое обезпечило крестьянамъ самый широкій и дешевый поземельный кредитъ. Личный кредитъ былъ обезпеченъ учрежденіемъ Раффайзеновскихъ сберегательныхъ и ссудныхъ товариществъ, которыя были учреждены по отдѣльнымъ общинамъ. Для разрѣшенія споровъ между членами были установлены особые посредническіе суды и выработана особая для нихъ инструкція. Въ цѣляхъ распространенія сельско-хозяйственнаго образованія былъ основанъ рядъ сельско-хозяйственныхъ зимнихъ школъ, которыя предназначались для юношей, окончившихъ уже курсъ первоначальнаго обученія. Точно такъ же была основана школа для дѣвушекъ, въ которой онѣ могутъ изучать домашнее и сельское хозяйство. Въ качествѣ органа союза издается ежемѣсячникъ подъ названіемъ «Вестфальскій Крестьянинъ». Такъ выглядѣлъ союзъ въ 1877 г.

Для того, чтобы имѣть представленіе о дѣятельности вестфальскаго крестьянскаго союза, не лишнее будетъ привести нѣкоторыя данныя, которыя показываютъ, насколько онъ развился за время своего существованія. Въ 1862 г. союзъ началъ свою дѣятельность съ 37 членовъ, въ ноябрѣ того же года было уже 215 членовъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ вестфальскіе союзы охватывали уже 10.000 человѣкъ. Въ 1890 г. ихъ было 20.500, въ 1902 болѣе 28.000, въ настоящее время значительно болѣе 30.000 членовъ участниковъ союза. Когда въ 1890 г. въ уставѣ опредѣлялось имущество союза, оно простиралось до 175.000 м. По даннымъ д-ра Фасбендера отъ 1887 г., союзъ тогда обладалъ 2516 полисами страхованія отъ града, а имущество его членовъ было застраховано въ 10.606.538 м. Въ то же время была застрахована жизнь 229 членовъ въ 208.700 марокъ. Что касается дѣятельности по покупкѣ и продажѣ удобренія и корма для скота, то перваго въ 1887 г. весною было куплено на 187.543 м. и осенью на 144.700 м; второго зимою на 183.000 м. Дѣятельность союза по кредиту вырази-

лась въ томъ, что при его помощи изъ земскаго кредитнаго общества до 1887 г. было выдано подъ ипотеку до 30 милліоновъ марокъ, а сельская центральная ссудо-сберегательная касса, охватывающая собой дѣятельность мѣстныхъ кассъ, имѣла за 1887 г. обороты въ 2.400.984 марокъ. Если мы теперь перейдемъ къ тѣмъ даннымъ, которыя приведены въ юбилейномъ изданіи вестфальскаго союза по поводу открытія памятника его основателю барону Шорлемеру, то мы найдемъ здѣсь слѣдующую характеристику состоянія союза къ началу текущаго столѣтія. Въ 1899 г. центральная ссудная касса закончила свой оборотъ въ 58.725.606 марокъ. Въ учрежденной въ 1890 г. испытательной станціи для сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій было изслѣдовано въ одномъ первомъ полугодіи 1901—1902 г. машинъ на 22.779.031 марокъ. Въ 1891 г. при союзѣ было учреждено особое строительное отдѣленіе для помощи совѣтомъ и указаніями членамъ союза. Въ 1902 г. кромѣ архитектора-руководителя въ этомъ отдѣленіи было занято 20 служащихъ. Точно такъ же было создано и лѣсное отдѣленіе для веденія правильнаго лѣсного хозяйства въ предѣлахъ союза. Въ 1896 г. члены союза образовали общество взаимнаго страхованія, въ особенности противъ опасностей, грозящихъ занятымъ въ сельскомъ и лѣсномъ хозяйствѣ лицамъ. За самое короткое время существованія къ этому обществу присоединилось 7500 членовъ и, не смотря на низкія преміи, собрано около 130.000 марокъ запасного капитала. Въ 1899 г. союзъ основалъ центральное товарищество для продажи и покупки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и матеріаловъ. Это центральное общество охватило собой (къ 1902 г.) около 100 крестьянскихъ товариществъ для покупки и продажи продуктовъ, 3 молочныхъ хозяйства, 18 ссудо-сберегательныхъ кассъ, 2 участковыхъ союза и т. д. Оборотъ товарищесьва въ 1902 г. достигъ 6 милліоновъ марокъ.

Въ отчетѣ за 1905 г. мы встрѣчаемъ уже слѣдующія цифры. Общество взаимнаго страхованія охватываетъ собой 12,270 членовъ; поступленій было круглымъ числомъ 91,000 марокъ, а капиталъ достигъ величины 370,000 марокъ. Союзъ сельскихъ товариществъ въ Вестфаліи насчитываетъ 719 различныхъ товариществъ и касссъ (изъ нихъ 513 ссудо-сберегательныхъ, 170 товариществъ для продажи и покупки, 21 для разведенія племенного скота и т. д.). Сельская центральная касса имѣла оборотъ въ 106 милліоновъ марокъ—на 14 милліоновъ больше, чѣмъ въ предыдущемъ году. Центральное товарищество для продажи и покупки продуктовъ имѣло оборотъ въ 870,852 марокъ. Собственное имущество товарищества превосходитъ 250,000 марокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо упомянуть о чрезвычайномъ развитіи дѣятельности строительнаго и лѣсного отдѣленія, а также испытательной станціи. Къ сельско-хозяйственнымъ зимнимъ курсамъ были присоединены курсы для кузнецовъ и т. д.

На той же основѣ христіанско-католической опеки и покровительства былъ основанъ въ 1882 г. въ Кемпенѣ рейнскій крестьянскій союзъ. На Рейнѣ, подобно Вестфаліи, нашелся также благочестивый католическій магнатъ, который рѣшилъ спасти крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ пріобрѣсти себѣ неувядаемый вѣнецъ на небесахъ нѣмецкаго центра. Баронъ фонъ-Лоэ былъ основателемъ рейнскаго союза, который сразу же получилъ широкое распространеніе и въ концѣ 1888 г. насчитывалъ болѣе 29,000 членовъ.

Статутъ рейнскаго союза, сравнительно съ вестфальскимъ, представляется болѣе подробнымъ и многорѣчивымъ. Здѣсь прямо указываются добродѣтели, «украшающія крестьянское сословіе». Таковыя суть: «прилежаніе, бережливость, трезвость, любовь къ родному плугу, отеческому дому и отечеству, вѣрность императору и имперіи». Нейтральность союза въ политическихъ дѣлахъ обусловливается особымъ запрещеніемъ союзу «принимать участіе въ партійной политикѣ, также какъ участіе въ выборахъ въ пользу политическихъ партій. Точно также въ общихъ собраніяхъ запрещается говорить о религіи». Членскіе взносы здѣсь пропорціональны размѣрамъ собственности или аренды, самъ же союзъ распадается на мѣстные и окружные союзы. Кромѣ особыхъ окружныхъ и мѣстныхъ правленій, въ союзѣ имѣются еще коммиссіи, образуемыя подобно первымъ по выборамъ, но для спеціальныхъ цѣлей. Органомъ союза является журналъ подъ названіемъ «Рейнскій Крестьянинъ» (Rheinischer Bauer).

Изъ послѣдняго отчета союза за 1905 г. видно, что кромѣ главнаго бюро при немъ состояли отдѣленія юридической помощи, строительное отдѣленіе, станція для испытанія машинъ, молочное отдѣленіе, сѣмянное отдѣленіе, типографія, взаимное страхованіе, страхованіе для скота, биржа труда и коммиссіонное отдѣленіе для покупки и аренды недвижимостей. Всѣ эти учрежденія находятся въ Кёльнѣ, кромѣ нихъ имѣется еще опытная станція въ Кемпенѣ. На службѣ союза имѣется цѣлый рядъ техническихъ сотрудниковъ, обязанныхъ также дѣлать доклады и устраивать чтенія по интересующимъ союзъ вопросамъ. Кассовые обороты возрастали за время его существованія слѣдующимъ образомъ. Союзъ началъ свою дѣятельность (въ 1883 г.) съ 13,094,85 марокъ прихода и 962,86 м. расхода. Въ 1885 г. у него было: 60,137,24 марокъ дохода и 52,104,57 м. расхода. Черезъ 10 лѣтъ—въ 1895 г.—приходъ достигалъ 110,820,37 м., а расходъ 113.721,81 марокъ. Наконецъ, въ 1905 г. эти цифры уже доходятъ до милліона. Приходъ въ 928,286,84 м., а расходъ въ 930,166,81 марокъ. Число членовъ расло въ подобной же пропорціи. Въ 1883 г. ихъ было 12,757 человѣкъ, въ 1885 г. — 22,688 чел., въ 1895 г. — 40,333 человѣкъ, въ 1905 г. — 53,106 человѣкъ. Коммиссія правовой помощи подала совѣтъ въ 1905 г. въ 1924 случаяхъ. Третейскіе

суды учреждены въ Кельнѣ, Кобленцѣ и Гельдернѣ. Особая юридическая коммиссія, заключающая въ себѣ около 20 адвокатовъ, дала въ 1905 г. 3641 устныхъ совѣтовъ. На опытной станціи число изслѣдованій въ 1905 г. достигло 8785, тогда какъ въ 1884 г. изслѣдованій было всего 570. Кромѣ этой химической станціи дѣйствовала также испытательная станція для машинъ и орудій, которая изслѣдовала машинъ цѣнностью въ 308.034,61 марку. Молочное отдѣленіе имѣло оборотъ спеціально на молочныхъ машинахъ и орудіяхъ въ 127.670,56 м. Строительное отдѣленіе въ 1905 г.—на второй годъ своего существованія—выработало проектовъ на постройки стоимостью въ 1 съ четвертью милліоновъ марокъ. Сѣмянное отдѣленіе работало также очень успѣшно, и въ 1905 г. его обороты по пріобрѣтенію сѣмянъ дошли до 53384,06 марокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были созданы особые базары для непосредственной продажи публикѣ произведеній огороднаго хозяйства со стороны самихъ производителей. Надо замѣтить, что за первые 4 мѣсяца 1906 г. оборотъ сѣменного отдѣленія дошелъ до 100.000 марокъ. По взаимному страхованію балансъ общества достигъ 151.266,76 марокъ. Страхованіе скота въ томъ же году выразилось въ слѣдующихъ данныхъ: въ теченіе 1905 г. было застраховано 438 лошадей и 1483 штукъ рогатаго скота стоимостью въ 812.670 марокъ. Въ цѣляхъ страхованія отъ града союзъ вступилъ въ особое соглашеніе съ сѣверно-нѣмецкимъ обществомъ и на выгодныхъ для себя условіяхъ застраховалъ въ одномъ 1905 г. поля 4791 своихъ членовъ. Страхованіе жизни въ средѣ членовъ союза выразилось сравнительно въ небольшихъ размѣрахъ. Въ 1905 г. къ 374 полисамъ на сумму 2.474.500 марокъ присоединилось всего 30 полисовъ на сумму 181.500 марокъ.

Рейнскій союзъ, подобно вестфальскому, очень часто прибѣгалъ къ подачѣ петицій и общественной агитаціи въ цѣляхъ вліянія на законодательство. Такая агитація за время 1904 — 1905 гг. была поднята по слѣдующимъ вопросамъ: относительно торговыхъ договоровъ, участковъ общественной охоты, средне-нѣмецкаго канала, отмѣны нѣкоторыхъ параграфовъ гражданскаго уложенія, вздорожанія мяса, школьнаго законопроекта и т. д. Нечего говорить, что, находясь подъ вліяніемъ и предводительствомъ аграріевъ, союзъ во всѣхъ этихъ случаяхъ преслѣдовалъ самыя консервативныя, а вмѣстѣ христіанскія цѣли.

Остается сказать нѣсколько словъ объ основанныхъ союзомъ товариществахъ; изъ нихъ «союзъ рейнскихъ товариществъ», объединяющій въ себѣ 500 ссудо-сберегательныхъ кассъ, 65 товариществъ для покупки и продажи продуктовъ, 58 молочныхъ товариществъ, 32 винодѣльныхъ товарищества и 26 другихъ товариществъ, охватывалъ круглымъ числомъ 62,000 членовъ, издавалъ свой особый журналъ и работалъ при собственномъ бюджетѣ въ 58,000 м., тогда какъ одвѣ объединенныя имъ ссудо-сберегатель-

ныя кассы имѣли годовой оборотъ въ 100.690.000 марокъ. Упомянемъ также, что оборотъ молочныхъ товариществъ дошелъ до 18.029.000 марокъ, а винодѣловъ до 3.000.000 марокъ. Другимъ установленіемъ союза является рейнская крестьянская товарищеская касса съ общимъ оборотомъ въ 131.125.816 марокъ; ссудосберегательный союзъ рейнскаго крестьянскаго союза съ оборотомъ въ 2.645.066,73 марокъ и главное товарищество рейнскаго крестьянскаго союза для пріобрѣтенія и сбыта сырыхъ продуктовъ съ общимъ оборотомъ въ 7.059.533 марокъ.

Таково это капиталистически основанное и состоящее подъ капиталистическимъ руководствомъ соединеніе крестьянъ, дѣлавшихъ когда-то революцію 1848 г.

Что касается Трирскаго крестьянаго союза, то мы особенно останавливаться на немъ не будемъ, такъ какъ, съ одной стороны, онъ является копіей вестфальскаго и рейнскаго союзовъ, съ другой же— онъ развилъ далеко не полную дѣятельность, такъ какъ мѣстныя условія принуждали его въ особенности къ борьбѣ противъ ростовщичества. Нѣкоторое своеобразіе придаетъ этому союзу то обстоятельство, что онъ основанъ въ мѣстности, которая почти исключительно живетъ скотоводствомъ и его продуктами. Паденіе цѣнъ на хлѣбъ, сопровождавшееся паденіемъ цѣнъ на скотъ, значительно понизило доходность рейнскихъ крестьянъ и бросило ихъ почти цѣликомъ въ руки ростовщиковъ-перекупщиковъ. Почти все количество скота, откармливаемаго крестьянами, принадлежитъ не имъ, а поставляется скототорговцами, которые не только умѣютъ за счетъ крестьянина выкормить свою скотину, но и, въ концѣ концовъ, лишаютъ его даже той ничтожной части заработка, которая ему причитается при продажѣ откормленныхъ животныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ контракты, заключаемые перекупщиками съ крестьянами, были такого рода, что въ случаѣ малѣйшей непокорности крестьянъ они положительно раззорялись при помощи судебнаго процесса. И это указывалось, между прочимъ, въ резолюціи, принятой на собраніи трирскихъ крестьянъ въ 1884 г. передъ основаніемъ союза: «Крестьяне трирской мѣстности особенно нуждаются въ помощи противъ ростовщичества. Въ мѣстности, въ которой живутъ основатели рейнскаго крестьянскаго союза, это бѣдствіе не существуетъ въ такихъ размѣрахъ и съ такимъ угрожающимъ характеромъ, какъ въ трирской землѣ». Далѣе упоминались въ резолюціи особыя климатическія условія трирской области и отдаленность ея отъ центра рейнскаго союза, и этимъ оправдывалась необходимость учрежденія самостоятельнаго союза, спеціально для трирской области. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же была указана двоякая цѣль трирскаго союза. Съ одной стороны, образованіе учрежденій дешеваго и доступнаго кредита, съ другой—юридической помощи для веденія безчисленныхъ процессовъ противъ ростовщиковъ, скотопромышленниковъ и торговцевъ скотомъ.

Уже начальная стадія развитія трирскаго ферейна показываетъ, какъ энергично взялся союзъ за достиженіе вышеуказанныхъ цѣлей. Только за первые 3 года своего существованія союзу пришлось вести не менѣе 400 процессовъ противъ ростовщиковъ при наличности въ то время не многимъ болѣе 10.000 членовъ. Основаніе сельско-хозяйственнаго банка въ 1885 г. должно было принести крестьянамъ финансовую помощь, и уже въ 1888 г. этотъ банкъ обладалъ капиталомъ въ 12.000 марокъ. Къ операціямъ этого банка принадлежали не только покупка скота и продажа его въ разсрочку на весьма удобныхъ началахъ крестьянамъ, но и пріобрѣтеніе просроченныхъ закладныхъ на крестьянскія усадьбы, съ цѣлью возвращенія ихъ владѣльцамъ. Въ одномъ 1887 г. было пріобрѣтено банкомъ проданныхъ съ публичнаго торга усадебъ на 193.078 марокъ. Застрахованіе скота было однимъ изъ главныхъ дѣлъ трирскаго союза, и въ 1885 г. было уже учреждено соотвѣтстственное товарищество.

На подобіе вышеуказанныхъ союзовъ на Рейнѣ мы встрѣчаемъ еще союзъ гессенскій, учрежденный въ 1883 г. по иниціативѣ мѣстныхъ помѣщиковъ, высшихъ чиновниковъ, католическаго и евангелическаго духовенства прирейнскаго Гессена. Здѣсь мы не встрѣчаемъ никакихъ особенностей сравнительно съ указанными уже нами союзами. То же самое мы можемъ сказать и относительно нассаускаго (Нассау-Гессенскаго) крестьянскаго союза, основаннаго въ 1881 г. и имѣвшаго въ 1888 г. болѣе 3000 членовъ. Въ нассаускомъ союзѣ преобладаютъ мелкіе винодѣлы, и въ виду этого его дѣятельность, главнымъ образомъ, обращена на образованіе товариществъ, какъ для страхованія виноградниковъ, такъ и для обезпеченія сбыта выработаннымъ продуктамъ. Что касается сельско-хозяйственныхъ произведеній, то союзъ не только установилъ непосредственныя связи съ военнымъ интендантствомъ, но и установилъ у себя машины для чистки зерна. Мы не будемъ говорить объ остальныхъ учрежденіяхъ союза, подобныхъ вышеуказаннымъ, отмѣтимъ только, что лишь въ февралѣ мѣсяцѣ 1906 г. была образована центральная сельско-хозяйственная касса товариществъ союза. По десятое іюля ея оборотъ равнялся круглымъ счетомъ 339.000 марокъ; изъ нихъ было получено прибыли 6.603 мр. На почвѣ христіанскихъ союзовъ крестьянъ были, далѣе, организованы союзы Эйхсфельдскій, Эрмлендскій, Эльзасъ-Лотарингскій и Силезскій. Изъ этихъ союзовъ уставъ Эльзасъ-Лотарингскаго положительно поражаетъ чрезвычайнымъ расширеніемъ своей «нравственной» части, при чемъ здѣсь къ крестьянскимъ добродѣтелямъ еще присоединяется «попеченіе о развитіи семейнаго духа». Изъ этихъ союзовъ остановимся нѣсколько ближе на Силезскомъ и на Эрмлендскомъ, такъ какъ они лежатъ уже въ иной части Германіи, при чемъ послѣдній находится даже «на востокъ отъ Эльбы».

Силезскій союзъ основанъ въ 1881 г. въ верхней Силезіи при

наличности 3700 членовъ. Къ 1887 г. ферейнъ насчитывалъ уже 8500 членовъ. Статутъ ферейна въ общемъ заимствованъ у вестфальскаго и рейнскаго статутовъ. Въ моихъ рукахъ изданіе статута отъ 15 октября 1905 г. Органъ союза—ежемѣсячный журналъ подъ заглавіемъ «Ежемѣсячникъ Силезскаго крестьянскаго союза» выходитъ на двухъ языкахъ, по-нѣмецки и по-польски, и его дополняетъ еженедѣльникъ подъ названіемъ «Schlesischer Bauer». Изъ отчета за 1904 г. отмѣтимъ слѣдующія данныя: на службѣ союза состоятъ 1 странствующій учитель, въ машинномъ отдѣлѣ инженеръ, въ молочномъ—инструкторъ, кромѣ служащихъ въ центральныхъ учрежденіяхъ. Доходы союза въ 1904 г. простирались до 26.823,42 марки, расходы до 25.769,86 мр. Число мѣстныхъ группъ возрасло съ 414 на 436, число членовъ достигло до 20 тысячъ человѣкъ. Число товариществъ, присоединенныхъ къ союзу, достигаетъ 350; изъ нихъ 252 ссудо-сберегательныхъ кассъ, 9 молочныхъ товариществъ, 79 товариществъ для покупки и продажи, 7 товариществъ для молотьбы и одно огородническое. Оборотъ въ кассахъ достигъ 40 милліоновъ марокъ, а въ центральной кассѣ 72 милліоновъ. Центральное товарищество покупки и продажи имѣло оборотъ въ 3 милліона марокъ. Оборотъ товаровъ на складахъ достигъ цѣнности въ 1 милліонъ марокъ. Учрежденный въ 1904 г., новый отдѣлъ продажи хлѣба въ томъ же году посредничалъ при продажѣ 20.000 центнеровъ хлѣба стоимостью въ 175.000 марокъ. Машинный отдѣлъ доставилъ членамъ за тотъ же годъ машинъ на 160.000 марокъ. Учрежденный въ 1904 г., молочный отдѣлъ открылъ 4 молочныхъ заведенія; черезъ нихъ прошло въ томъ же году 1.185.000 литровъ молока. Центральное бюро по продажѣ масла въ первые же мѣсяцы своего учрежденія продало 6000 ф. масла. Строительное бюро союза содѣйствовало постройкѣ зданій цѣною въ 153.000 марокъ. Агрономическое отдѣленіе помимо совѣтовъ устроило 18 лекцій при помощи ученаго агронома. При союзѣ учрежденъ особый союзъ землевладѣльцевъ-свеклодѣловъ.

При союзѣ дѣйствовалъ, далѣе, юридическій отдѣлъ, давшій 268 совѣтовъ за годъ, и особый третейскій судъ. Страхованіе отъ огня было организовано по соглашенію съ провинціальнымъ товариществомъ, страхованіе отъ градобитія — съ сѣверно-нѣмецкимъ обществомъ (застраховано было въ 1904 г. 1388 членовъ на 9 милл. марокъ). Страхованіе отъ несчастій—съ обществомъ въ Штутгартѣ; кромѣ того, на началахъ взаимопомощи организовано страхованіе свиней отъ трихины и страхованіе скота.

Эрмлендскій союзъ образовался изъ бывшаго восточно и западно-прусскаго союза. Статутъ его образованъ по образцу Вестфальскаго. Послѣ долгихъ колебаній Эрмлендскій союзъ объединилъ мелкихъ крестьянъ только одного округа, отъ котораго онъ и получилъ свое названіе. Сдавленный со всѣхъ сторонъ крупными

владѣніями, онъ въ настоящее время охватываетъ 6700 членовъ и въ лучшемъ случаѣ можетъ дойти тысячъ до девяти. Доходы такъ же, какъ расходы союза, достигаютъ 9000 мр. Въ союзѣ хозяйственныхъ товариществъ Эрмланда находится 69 ссудо-сберегательныхъ кассъ, одно главное товарищество для продажи и покупки съ отдѣленіями и центральная касса союза.

Нѣсколько инымъ характеромъ, чѣмъ всѣ эти организаціи, отличается Баденскій крестьянскій союзъ, который, несмотря на свои «христіанскія» основы и проникнутый добродѣтелями статутъ, тѣмъ не менѣе съ самаго начала сталъ проводить демократическіе принципы и встрѣтилъ въ силу того серьезную оппозицію со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ мѣстности. Баденскій союзъ основанъ въ видѣ «средне-баденскаго» въ 1885 г. Съ самаго начала онъ объединилъ вокругъ себя мелкихъ крестьянъ, занимавшихся, преимущественно, техническими отраслями сельскаго хозяйства. Въ 1888 г. этотъ союзъ считалъ около 4000 членовъ, а по отчету за 1905 г. онъ обнимаетъ собой 56.951 членовъ. Къ 17 января 1906 г. число членовъ достигло 57.000, а къ 1 марта 59.000. Въ составѣ союза находится 886 соединеній. Общій оборотъ центральной кассы былъ 4.072.973,87 марокъ; въ кассѣ союза—404.205,6 марокъ, и въ кассѣ по полученію и продажѣ товаровъ—3.668.768,27 марокъ. Имущество союза оцѣнивается въ 102.821 мр., оборотный капиталъ—181.094,86 мр. Отдѣленіе машинъ посредничало въ покупкѣ 170 машинъ, цѣною въ 56.983,76 мр. Оборотъ кредитныхъ союзовъ охватываетъ собою милліонъ съ четвертью марокъ.

Наконецъ, совершенно особое мѣсто среди крестьянскихъ союзовъ занимаетъ Баварскій крестьянскій союзъ, преслѣдующій въ отличіе отъ всѣхъ вышеуказанныхъ, главнымъ образомъ, политическія цѣли и ведущій борьбу противъ гегемоніи католическаго центра въ Баваріи. Въ своей аграрной программѣ онъ стремится къ передачѣ въ руки государства всего хлѣбнаго ввоза, къ устраненію земельныхъ налоговъ, поскольку они вызваны превращеніемъ натуральныхъ повинностей въ денежныя въ 1848 г.; наконецъ, къ выкупу заложенныхъ крестьянскихъ имуществъ за счетъ государства. Національ-либералы не скупятся въ сильныхъ выраженіяхъ по адресу Баварскаго союза и прямо приравниваютъ его стремленія къ революціоннымъ требованіямъ возставшихъ «лаптей» XIV вѣка. Въ политическомъ отношеніи борьба союза идетъ очень успѣшно, и въ 1903 г. ему удалось провести въ рейхстагъ своихъ 3 депутатовъ. Однако, заслуживаетъ вниманія и хозяйственная дѣятельность союза, отчетъ центральнаго комитета коего за 1905 г. лежитъ передъ нами. Какъ видно изъ него, у союза было 19 техниковъ спеціалистовъ, которые безплатно снабжали членовъ своими совѣтами. Въ средѣ этихъ спеціалистовъ имѣется и особые эксперты для финансовыхъ, административныхъ и правовыхъ вопросовъ. За годъ было подано 943 совѣта въ самой подробной формѣ. Въ

особомъ отдѣлѣ союза было составлено и издано болѣе 25.000 экземпляровъ различныхъ брошюръ по экономическимъ и политическимъ вопросамъ. Было разослано также болѣе 75.000 агитаціонныхъ листковъ. Въ дѣлѣ страхованія союзъ съорганизовалъ взаимное общество и заключилъ договоры съ другими обществами. Учрежденное при союзѣ товарищество для продажи и покупки возрасло чрезвычайно, и въ 1905 г. дошло до оборота товаромъ въ 51.045.000 килограммовъ. Кассовый оборотъ достигъ 5.621.643,97 мр.

Таковы установленія, которыя должны спасти нѣмецкое крестьянство отъ грядущей ему гибели подъ напоромъ новаго капитализма... Не смотря на весь успѣхъ «христіанскихъ» союзовъ крестьянства, нельзя сразу же не видѣть, какъ ничтожны ихъ силы и какъ микроскопичны ихъ успѣхи по сравненію съ тѣмъ колоссальнымъ гнетомъ, который лежитъ па нѣмецкомъ мелкомъ землевладѣніи.

Важнѣе, однако, другое. Христіанскіе союзы проникнуты дудухомъ религіозной нетерпимости, въ нихъ чувствуется отрыжка стараго антисемитизма, который такъ печально оттѣнилъ пламенемъ еврейскихъ погромовъ ясную зарю 1848 г. И если въ XVI вѣкѣ «лапотники» и «сырохлѣбники» подняли знамя прежде всего противъ поповъ, то какъ разъ именно этихъ самыхъ поповъ теперь встрѣчаемъ мы въ качествѣ главныхъ вдохновителей и духовныхъ руководителей крестьянскихъ союзовъ. Лицемѣрный іезуитскій центръ сумѣлъ овладѣть движеніемъ средняго и частью мелкаго нѣмецкаго крестьянства и создалъ изъ его союзовъ не только экономическую силу, но и духовно-политическій факторъ перваго разряда.

Объединенное религіозной нетерпимостью и непосредственнымъ матеріальнымъ интересомъ, союзное крестьянство пріобрѣтаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря своему постепенному обогащенію, характеръ привилегированнаго, коллективнаго хозяина, который въ свою очередь является полнымъ владыкою въ своей мѣстности и по отношенію къ сельскому батрачеству вступаетъ во всѣ права крупнаго феодальнаго землевладѣльца.

Еще больше ухудшаетъ положеніе то обстоятельство, что «христіанскіе» союзы—за исключеніемъ Баденскаго—съ величайшей слѣпотою и рабской покорностью слѣдуютъ сами за крупными аграріями и представляютъ изъ себя тотъ «народъ», ту массу «сельскохозяйственныхъ производителей», то «здоровое нѣмецкое крестьянство», которое ежегодно изливаетъ свои чувства въ массѣ вѣрноподданническихъ телеграммъ на имя ихъ святѣйшествъ и величествъ, преосвященствъ и превосходительствъ, свѣтлостей и даже высокородій, которые благосклонно обдираютъ добраго Михеля и спереди и сзади. Гораздо хуже другое обстоятельство: когда Бюловъ и Подбѣльскій проводятъ хлѣбныя пошлины, и вся страна кричитъ противъ нихъ, они идутъ къ крестьянскимъ союзамъ и тамъ получаютъ восторженную поддержку «600.000» организован-

ныхъ въ «христіанскіе» союзы нѣмецкихъ крестьянъ. Когда страна голодаетъ подъ вліяніемъ искусственнаго мясного голода, и со всѣхъ сторонъ на правительство сыплятся обвиненія и попреки, Подбѣльскій и Гаммерштейнъ отправляются къ тѣмъ же союзамъ и у нихъ, этихъ «истинныхъ выразителей интересовъ крестьянской Германіи», получаютъ опять и одобреніе, и благодарность, и восторги!

М. Рейснеръ-Реусъ.

Политика.

Французскія церковныя дѣла.—Съѣздъ епископовъ въ Парижѣ.—Ихъ окружное посланіе.—Роль Ватикана.—Признаки схизмы.—Роль правительства.—Мнѣніе католическихъ нотаблей.—Русскія событія и заграница, политики и биржевики.—Текущія событія: персидская конституція; китайскія реформы; австрійская избирательная реформа; норвежскіе выборы; междуусобіе на Кубѣ и Соединенные Штаты; здоровье турецкаго султана.

I.

Кромѣ русскихъ дѣлъ, продолжающихъ удручать и ужасать весь цивилизованный міръ, самымъ крупнымъ историческимъ движеніемъ современности являются французскія церковныя дѣла. Въ прошлой нашей бесѣдѣ мы привели всю отнынѣ знаменитую папскую энциклику *Gravissimo*, въ которой всѣмъ вѣрнымъ сынамъ католической церкви во Франціи воспрещалось самымъ категорическимъ образомъ всякое признаніе закона 11 декабря 1905 года объ отдѣленіи церкви отъ государства во Франціи и предписывалось ни въ коемъ случаѣ не образовывать вѣроисповѣдныхъ обществъ (associations cultuelles), предусматриваемыхъ этимъ закономъ. Въ теченіе года, т. е. до 11 декабря 1906 года, законъ сохраняетъ status quo, но къ этому сроку всѣ приходы и епархіи и вся французская церковь должны организоваться въ вѣроисповѣдныя общества и затѣмъ продолжать свое дальнѣйшее существованіе, развитіе и управленіе на основѣ статутовъ этихъ вѣроисповѣдныхъ обществъ. Государственный совѣтъ (conseil d'état), высшее апелляціонное и кассаціонное административное учрежденіе (въ родѣ нашего перваго департамента сената), уполномоченъ слѣдить, чтобы эти статуты не нарушали французскихъ законовъ и чтобы сами вѣроисповѣдныя общества возникали въ составѣ, соотвѣтствующемъ предписаніямъ закона. Всѣ протестантскія и ев-

рейскія общины во Франціи уже организовались въ вѣроисповѣдныя общества, а потому и ихъ имущество утверждено за ними неотъемлемо, такъ же, какъ и свобода публичнаго богослуженія. Католическіе приходы еще не организовались въ вѣроисповѣдныя общества, а потому и ихъ имущество принадлежитъ имъ временно до 11 декабря 1906 года (недвижимость до 11 декабря 1907 г.), когда они вмѣстѣ съ тѣмъ потеряютъ право публичнаго богослуженія и свободу священниковъ отъ воинской повинности.

Таковы тѣ испытанія, которыя Пій X счелъ необходимымъ возложить на французскую католическую церковь! Для чего? Чтобы подойти къ отвѣту на этотъ вопросъ, мы изложимъ жизнь французской церкви за истекшій мѣсяцъ, полную подавленнаго смятенія.

Однако, сначала напомнимъ нѣкоторые факты изъ недавняго прошлаго. Издавна отношенія между католической церковью во Франціи и французскимъ правительствомъ регулировались конкордатомъ, т. е. договорами между римскою куріей и французскимъ правительствомъ. Конкордатъ гарантировалъ французской церкви положеніе государственной господствующей церкви, а французскому духовенству полное матеріальное обезпеченіе за счетъ государства. Съ другой стороны, тотъ же конкордатъ подчинялъ французское духовенство свѣтской власти, которая могла удалять епископовъ и патеровъ; могла лишать ихъ содержанія; могла ихъ штрафовать; имѣла право контроля надъ проповѣдями и всякими иными публичными актами духовенства; имѣла право контроля надъ епархіальными семинаріями, приготовляющими будущихъ патеровъ, и надъ всякими другими просвѣтительными и благотворительными учрежденіями, епархіальными и приходскими. Въ конкордатѣ была еще третья сторона, прежде, быть можетъ, самая важная, но съ теченіемъ времени потерявшая всякое значеніе. Мы говоримъ о такъ называемомъ «галликанизмѣ», или автономіи французской (галльской) церкви по отношенію къ римской куріи. Эта автономія, какъ ее установилъ конкордатъ еще при Людовикѣ XIV, гарантировала французской націи самобытное французское развитіе церковныхъ дѣлъ, сообразное и нравамъ, и чувствамъ, и воззрѣніямъ французскаго народа. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ 1870 г., ватиканскій соборъ провозгласилъ догматъ папской непогрѣшимости и этотъ новый догматъ былъ покорно признанъ французскою церковью, галликанизмъ пересталъ существовать. Что бы ни было написано въ конкордатѣ, духовенство Франціи обязано безпрекословнымъ послушаніемъ непогрѣшимому папѣ. Ни автономіи, ни національнаго духовнаго развитія, ни соотвѣтствія съ настроеніями народа, но неуклонное исполненіе инструкцій римской куріи,—вотъ къ чему постепенно свелась жизнь французской церкви. Умѣренная политика предшественника нынѣшняго папы, Льва XIII, отсрочила катастрофу. По воцареніи Пія X, ультрамонтанское на-

правленіе, господствовавшее на ватиканскомъ соборѣ 1870 года, снова возобладало, и конфликтъ сталъ вопросомъ времени.

На ряду съ этою эволюціею всемірнаго католицизма, совершалась и въ самой Франціи церковная эволюція, все болѣе сливавшая французское духовенство съ французскими роялистами, съ непримиримыми врагами существующаго государственнаго строя. Опасность этой эволюціи для церкви предвидѣлъ Левъ XIII и охотно поощрялъ возникновеніе и развитіе республиканскаго католическаго движенія.

Новая курія, воцарившаяся вмѣстѣ съ Піемъ X, не одобрила этого нововведенія. Не одобряла она и терпимости со стороны французскаго духовенства по отношенію къ республиканскому правительству. Уклонявшихся отъ акта нетерпимости порицали изъ Рима. Было нѣсколько случаевъ смѣщенія духовныхъ лицъ за примирительное отношеніе къ свѣтскимъ властямъ. По существу, это было самымъ дерзкимъ нарушеніемъ конкордата, категорически воспрещающаго римской куріи вмѣшательство въ дѣла управленія французской церкви и предоставляющаго назначеніе и удаленіе духовныхъ лицъ исключительно французскимъ же прелатамъ (удаленіе въ извѣстныхъ случаяхъ и правительству). Однако, съ іезуитизмомъ, нынѣ господствующемъ въ совѣтахъ Ватикана, римская курія не находила никакого нарушенія конкордата, потому что не было папскихъ декретовъ о назначеніяхъ и смѣщеніяхъ, формально объявляемыхъ подлежащими французскими прелатами, или безъ всякихъ декретовъ, покорно исполняемыхъ смѣщаемыми.

Такое положеніе было нетерпимо, и французское правительство прервало дипломатическія сношенія съ Ватиканомъ, послѣ чего нарушенный куріей конкордатъ былъ объявленъ потерявшимъ силу, и приступлено къ разрѣшенію вопроса объ отдѣленіи церкви отъ государства. 11 декабря 1905 года это отдѣленіе стало закономъ. Оно должно стать совершившимся фактомъ не позже 11 декабря настоящаго года.

Таковы историческіе факты, приведшіе къ настоящему историческому положенію.

II.

Законъ о раздѣленіи церкви и государства обнародованъ въ декабрѣ 1905 года. Онъ обсуждался въ теченіе года съ лишкомъ. Къ нему всѣ были готовы. Французское духовенство его не желало. Въ Римѣ видѣли въ немъ новое оскорбленіе, прибавленное къ обидѣ дипломатическаго разрыва и отмѣны конкордата... Протесты противъ новаго закона были вполнѣ естественны. Ихъ ожидали и ихъ увидѣли. Въ февралѣ 1906 года Пій X обнародовалъ

дициклину «Vehementer», въ которой рѣзко осуждалъ законъ о раздѣленіи церкви и государства, осуждалъ его принципъ и способъ его проведенія (безъ переговоровъ съ главою церкви), но при этомъ не было никакого указанія на практическую программу, на позиціи, которыя должна занять французская церковь по отношенію къ новому закону. Чтобы выяснить эти вопросы, происходили въ Римѣ и во Франціи многочисленныя совѣщанія. Непримиримые много шумѣли, но общее мнѣніе склонялось къ тому, что все обойдется мирно и что шумъ объясняется не столько церковными дѣлами, сколько парламентскими выборами. Выборы кончились, клерикалы потерпѣли рѣшительное пораженіе, и оставалось только подчиниться закону, хотя бы и очень непріятному. Dura lex sed lex,— это всѣ прелаты и аббаты учили еще въ школѣ. Выборы этотъ законъ санкціонировали въ половинѣ мая и французское духовенство было приглашено папою собраться на конгрессъ для обсужденія положенія дѣлъ. Почему не собрано было оно въ мартѣ послѣ энциклики «Vehementer?» Очевидно, и въ Римѣ, и въ непримиримыхъ клерикальныхъ кругахъ Франціи питали иллюзіи насчетъ исхода выборовъ, а слѣдовательно, и насчетъ возможной отмѣны закона 11 декабря 1905 года. Майскіе выборы разсѣяли эти иллюзіи. Надо приспособляться къ новымъ условіямъ, и кардиналы, архіепископы и епископы Франціи съѣхались въ Парижъ на совѣщанія, которыя происходили 30 и 31 мая и 1 іюня этого года. Изъ Ватикана было предписано хранить совѣщанія въ тайнѣ, но постепенно ихъ предметъ сталъ извѣстенъ, и теперь уже имѣются подробные отчеты засѣданій конгресса прелатовъ (тщательно римскою куріею избѣгалось называть эти совѣщанія «соборомъ», concyle).

Засѣданія происходили въ парижскомъ архіепископствѣ. Утромъ 30 (17) мая въ 10 часовъ утра прелаты собрались въ капеллѣ для богослуженія, откуда они перешли въ большую залу архіепископскаго дворца, предназначенную для засѣданій конгресса. Мѣсто каждому прелату было заранѣе назначено. Передъ каждымъ на столѣ находились: запечатанный пакетъ съ программою совѣщаній, билеты съ оттиснутою на машинѣ надписью «да» на однихъ и «нѣтъ» на другихъ, текстъ закона 11 декабря 1905 года и нѣсколько брошюръ, въ томъ числѣ изъ болѣе важныхъ, проектъ архіепископа безансонскаго Фюльбера-Пти устава вѣроисповѣдныхъ обществъ, секретный докладъ архіепископа руанскаго Фюзе и брошюра маркиза де-Борегара о «лептѣ».

Только теперь прелаты ознакомились съ программою ихъ совѣщаній, потому что, до этого она, по предписанію изъ Рима, составляла строгую тайну. Программа заключалась въ слѣдующемъ: 1) Отвѣтъ на энциклику (февральскую), обращенную его святѣйшествомъ къ епископамъ, духовенству и народу Франціи; 2) вопросъ о вѣроисповѣдныхъ обществахъ. Оставляя окончательное

рѣщеніе святому престолу, прелаты должны разсмотрѣть, возможно ли образованіе вѣроисповѣдныхъ обществъ при условіи сохраненія существенныхъ правъ церкви и церковной іерархіи. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, разрѣшить вопросы: отъ образованія этихъ обществъ можетъ ли церковь ожидать практическихъ выгодъ; и на основѣ какихъ правилъ и съ какими предосторожностями могутъ быть образуемы сказанныя общества? Въ случаѣ же отрицательнаго отвѣта: какія слѣдуетъ принять мѣры для блага французской церкви?

Къ этой обязательной программѣ разрѣшалось присоединить, по желанію, еще вопросы: объ администраціи культа, о пенсіяхъ священнослужителей и о средстахъ, коими можно обезпечить содержаніе духовенства.

Засѣданіе открылось чтеніемъ письма Мери-дель Валя, государственнаго секретаря Пія X. Письмо предписывало безусловную тайну совѣщаній, угрожало взысканіями за нарушеніе этой тайны и устанавливало порядокъ голосованія. Длинная рѣчь парижскаго архіепископа кардинала Ришара была дифирамбомъ Пію X. Адресъ папѣ былъ изготовленъ кардиналомъ Леко, архіепископомъ бордосскимъ. Принятъ адресъ единогласно. Онъ заключалъ присоединеніе прелатовъ Франціи къ энцикликѣ «Vehementer» (февр.), благодарность папѣ, обѣщаніе повиновенія и просьбу благословенія. Это обычная фразеологія, которая уже никого не обманываетъ, кромѣ развѣ самихъ получателей подобныхъ адресовъ, и то изъ менѣе умныхъ. Эти формальности заняли все первое засѣданіе (утреннее) 30 мая. На вечернемъ началось обсужденіе вопроса о вѣроисповѣдныхъ обществахъ. Разномысліе оказалось очень существенное, и дебаты были оживленные, но никакого рѣшенія не было принято. Интересъ всего епископскаго совѣщанія сосредоточился на засѣданіяхъ 31 (18) мая.

Приводимъ по краткому отчету въ «Le Temps» существенную часть этихъ историческихъ засѣданій.

На второй день совѣщанія, 31 мая, засѣданіе открылось чтеніемъ телеграммы Мери-дель-Валя въ отвѣтъ на адресъ епископовъ 30 мая. Затѣмъ архіепископъ Альбійскій получилъ слово по существу вопроса. Главною задачею его рѣчи было доказать, что очень легко согласовать при организаціи вѣроисповѣдныхъ обществъ требованія закона и предписанія католической дисциплины. Надо только, чтобы статуты ясно формулировали обязанность всякаго члена общества подчиняться власти папы и епископа, признаваемаго папою. Архіепископъ—викарій Парижа—Аметъ произнесъ рѣчь въ томъ же духѣ.

Архіепископъ Безенсона—Пти, въ качествѣ главнаго автора проекта статутовъ католическихъ вѣроисповѣдныхъ обществъ, произнесъ рѣчь въ защиту этого проекта. Онъ ясно показалъ необходимость образованія вѣроисповѣдныхъ обществъ и привелъ при-

мѣры, какъ мнѣніе многихъ авторитетныхъ католиковъ, сначала враждебное вѣроисповѣднымъ обществамъ, теперь склоняется въ ихъ пользу.

Были прочтены проектируемые статуты. На ихъ критику отвѣчалъ Пти и безъ труда устранилъ доводы противниковъ. Онъ указывалъ, между прочимъ, что эти общества будутъ называться не вѣроисповѣдными (cultuelles), но попечительными (fabriciennes), что они составятся изъ членовъ бывшихъ приходскихъ попечительствъ въ числѣ пятнадцати до двадцатипяти, смотря по численности населенія религіозной общины, и что, слѣдовательно, это будетъ система, аналогичная предположенной законодателями, но не та самая.

Голосованіе, заключившее собою это обсужденіе, происходило въ вечернемъ засѣданіи того же дня. Среди торжественнаго и напряженнаго молчанія, былъ провозглашенъ результатъ: изъ 74 прелатовъ, составлявшихъ присутствіе, 48 дали утвердительный отвѣтъ и 26 отрицательный. Такимъ образомъ, большинствомъ 22 голосовъ прелаты Франціи объявили организацію вѣроисповѣдныхъ обществъ не только «возможной при условіи сохраненія существенныхъ правъ церкви и церковной іерархіи», но и желательною въ виду того, что отъ этой организаціи «церковь можетъ ожидать практическихъ выгодъ». Такъ были формулированы вопросы, на которые призваны были отвѣтить и отвѣтили прелаты Франціи приведеннымъ голосованіемъ 31 (18) мая.

Послѣ этого голосованія нѣкоторое время продолжалось обсужденіе третьяго и послѣдняго вопроса, поставленнаго съѣзду: «на основѣ какихъ правилъ и съ какими предосторожностями могутъ быть образуемы сказанныя общества». Проектъ архіепископа Безенсонскаго предлагалъ отвѣтъ. Этотъ проектъ былъ одобренъ единогласно.

Единогласно же постановили прелаты, что они вторично соберутся, какъ только получатся инструкціи отъ папы, чтобы сообща установить практическія мѣропріятія въ интересахъ религіи. Покамѣстъ же надо поспѣшить организовать въ каждой епархіи «лепту церковную» (denier du culte), предложенную маркизомъ де-Берегаромъ. Этотъ же вопросъ занималъ прелатовъ и въ засѣданіи 1 іюня (19 мая). Въ заключеніе они рѣшили, по предложенію Латти, епископа шалонскаго, составить постоянную коммиссію, которая собиралась бы кардиналами по мѣрѣ надобности, а въ частности, послѣ полученія отвѣта папы для подготовленія новаго общаго собранія прелатовъ.

Таковы были мнѣнія французскихъ прелатовъ. Извѣстіе, что епископы значительнымъ большинствомъ высказались за вѣроисповѣдныя общества, было принято въ Ватиканѣ съ крайнимъ неудовольствіемъ. Самъ Пій, не стѣснявшійся всячески вліять въ пользу непримиримаго сопротивленія закону, гнѣвно воскликнулъ:

«Они голосовали противъ меня..., они голосовали, какъ французы!» И онъ прибавилъ, что вовсе не намѣренъ считаться съ ихъ мнѣніями. «Непогрѣшимый» Пій, какъ извѣстно, именно и поступалъ, сообразно этому заявленію. Какъ вполнѣ непогрѣшимый, онъ даже передѣлалъ голосованіе прелатовъ Франціи и заявилъ, что, запрещая организацію вѣроисповѣдныхъ обществъ, онъ только утверждаетъ «своей апостольскою властью почти единогласно принятое мнѣніе» въ собраніи французскихъ прелатовъ. Эту вторую (іюльскую) энциклику, получившую по обычаю названіе Gravissimo по первому слову ея текста, мы привели цѣликомъ въ прошломъ обозрѣніи (въ августовской книжкѣ «Русскаго Богатства»).

Энциклика Gravissimo предписала категорическое непризнаніе закона 11 дек., запретила образованіе вѣроисповѣдныхъ обществъ и всякихъ другихъ обществъ, которыя были бы одновременно каноническими и законными, и возложила на епископатъ Франціи выработать планъ обезпеченія французской церкви правильнаго функціонированія. Это предписаніе столь противорѣчитъ указанной задачѣ, что съ перваго взгляда непонятно, какъ можно было ихъ помѣстить въ одномъ документѣ, дѣлая ихъ одинаково обязательными и непреложными. Однако, и тутъ можно найти объясненіе и даже многія объясненія.

Прежде всего, такъ называемые «вѣрные католики» Франціи изъ міряпъ состоятъ въ значительной степени изъ роялистовъ и бонапартистовъ, которые все еще мечтаютъ низвергнуть республику и для которыхъ острое столкновеніе церкви и государства представляется шансомъ привлечь на свою сторону болѣе или менѣе значительную часть католическаго населенія. По большей части, это знатные, богатые и образованные люди, всячески вліявшіе въ Ватиканѣ въ пользу непримиримости. Люди вліятельные въ клерикальныхъ кругахъ, они много способствовали рѣшенію, принятому Піемъ.

Второй могущественный элементъ, дѣйствовавшій въ томъ же направленіи, это все французское монашество, недавно поголовно изгнанное изъ Франціи. Съ огромною эрудиціей, съ тонкимъ знаніемъ французскихъ дѣлъ, но съ еще болѣе страстнымъ желаніемъ подготовить свое возвращеніе во Францію, изгнанные монахи, окружающіе папу и пользующіеся огромнымъ авторитетомъ, единодушно дѣйствовали въ пользу разрыва и непримиримой борьбы съ свѣтскою властью Франціи. Вмѣстѣ съ французскими герцогами, маркизами и графами, эти черные прелаты добивались и добились энциклики Gravissimo, послѣдствіемъ который можетъ быть нарушеніе религіознаго мира во Франціи, а далѣе? Далѣе одни мечтаютъ о монархіи; другіе о побѣдномъ возвращеніи, но отнюдь не объ интересахъ французской церкви или католической религіи. Дѣйствительные интересы церкви и религіи защищали прелаты Франціи, но не заслужили одобренія римской куріи.

Надо помнить еще, что Сарто, превратившійся затѣмъ въ непогрѣшимаго Пія, не получилъ сколько-нибудь удовлетворительнаго образованія. Онъ не знаетъ французскаго языка, ни французской исторіи, ни литературы, ни національнаго характера. Вполнѣ неосвѣдомленный, онъ тѣмъ легче поддается вліянію французской знати и французскихъ монаховъ. Деспотической по натурѣ и злопамятный, онъ возмущенъ самостоятельнымъ мнѣніемъ французскихъ прелатовъ и съ радостью приготовляетъ затрудненія французскому правительству, противъ котораго онъ затаилъ мстительное чувство за дипломатической разрывъ и за отмѣну конкордата.

И папа не очень думаетъ объ интересахъ церкви и католической религіи во Франціи!

Наконецъ, за спиною этого мелкаго и слабаго пониманіемъ, хотя деспотическаго и упрямаго человѣка, стоятъ шефы ультрамонтанства, этого ученія, не потерявшаго надежды весь міръ обратить въ католичество, а всѣхъ католиковъ—въ послушное стадо, направляемое и управляемое католическою іерархіей. Повернуть всемірную исторію – такова химера этихъ умныхъ, искусныхъ и ученыхъ фанатиковъ. Для нихъ конфликтъ съ свѣтскою властью свободомыслящей Франціи всегда желателенъ. Несомнѣнно. прелаты ультрамонтанскаго направленія были тоже совѣтниками нетерпимости и борьбы.

Во французской печати указывалось еще на одно вліяніе. Извѣстно, что Сарто былъ выбранъ папою, благодаря вліянію тройственнаго союза, къ которому сохраняетъ неизмѣнную благосклонность, нерѣдко преклоняя свой слухъ совѣтамъ изъ Вѣны и Берлина. Извѣстно также, что Вѣна и Берлинъ съ неудовольствіемъ смотрятъ на давно установившійся фактъ, что Франціи принадлежитъ протекторатъ надъ всѣми католиками Востока. Добрая ссора между Франціей и Ватиканомъ, конечно, прекратила бы этотъ протекторатъ. Поэтому предполагаютъ, что изъ Вѣны и Берлина совѣты едва ли были примирительные.

Мелкая мстительность Пія X, французскіе роялисты, изгнанные монахи, фанатики, ультрамонтаны, завидущая политика тройственнаго союза,—все соединилось, чтобы привести къ энцикликѣ Gravissimo съ ея нетерпимостью и съ ея неразрѣшимыми задачами. Однако надо разрѣшить...

III.

Второй конгрессъ французскихъ прелатовъ былъ призванъ дать это рѣшеніе, это согласованіе несогласимаго. Собраніе прелатовъ состоялось въ Парижѣ 4—6 сентября (22—24 августа). Сначала предполагалось сдѣлать засѣданія гласными и сообщать пе-

чати отчеты о совѣщаніяхъ, но изъ Рима пришло категорическое и строгое запрещеніе. Прелаты снова замкнулись въ строжайшемъ молчаніи.

Первое засѣданіе (80 прелатовъ) было очень короткое. Молебенъ и адресъ папѣ съ выраженіемъ полной покорности. Второе засѣданіе (того же 4 сентября) открылось рѣчью кардинала Ришара, архіепископа парижскаго, въ которой ораторъ предлагаетъ прелатамъ обязаться хранить строгую тайну совѣщаній. Напомнивъ нѣкоторые факты оглашенія дебатовъ собранія, Ришаръ полагаетъ, что никто не долженъ никому сообщать никакихъ фактовъ, ни документовъ, кромѣ тѣхъ, которые собраніе найдетъ возможнымъ огласить.

На эту рѣчь отвѣчалъ Фюзе, архіепископъ руанскій. Признавая добрыя намѣренія почтеннаго кардинала, онъ полагаетъ, что собраніе не въ правѣ постановлять по этому вопросу какія-либо рѣшенія. Кромѣ папы, только совѣсть каждаго прелата можетъ быть судьею его поступковъ. Ришаръ заявляетъ, что онъ не желалъ сказать ничего обиднаго, и тѣмъ эта попытка еще болѣе связать языки членовъ собранія и кончилась.

Затѣмъ собраніе переходитъ къ обсужденію главнаго вопроса объ обезпеченіи безпрепятственнаго существованія церкви, духовенства, богослуженія.

Лекамю, епископъ Ла-Рошели, излагаетъ собранію планъ, имъ лично уже осуществленный въ епархіи. Никто не допускается къ таинствамъ, если не внесетъ суммы, опредѣленной епископомъ сообразно достоянію каждаго Эти взносы поступаютъ въ епархіальную кассу и епископомъ распредѣляются между приходами и учрежденіями. Такъ какъ при этомъ нѣтъ никакихъ обществъ, союзовъ, собраній и т. п., то правительство не будетъ имѣть никакого права вмѣшиваться въ это дѣло Бовэ, епископъ Дуэ, высказывается за планъ Лекамю. Онъ самъ примѣнилъ аналогичную систему у себя въ епархіи и получилъ наилучшіе результаты.

Возражаетъ епископамъ Ларошели и Дуэ архіепископъ Безансона, Фюльберъ-Пти. Система эта является какъ бы возвращеніемъ къ церковной десятинѣ (dîme), учрежденію, очень непопулярному во Франціи. Если въ началѣ дѣло и пошло бы на ладъ, то это было бы непрочно и не долговѣчно. Чтобы быть живучими, учрежденія должны быть законны Далѣе Фюльберъ-Пти предлагаетъ возвратиться къ проекту вѣроисповѣдныхъ и каноническихъ обществъ, принятому 31 мая, но войти въ переговоры съ правительствомъ, не согласится ли оно на нѣкоторыя поправки въ законѣ, которыя устранятъ препятствія.

Епископъ Орлеанскій Тушэ говоритъ, что, несмотря на серьезное недомоганіе, онъ счелъ необходимымъ присутствовать на засѣданіи, чтобы поддержать предложеніе Фюльбера-Пти, потому что безъ соглашенія съ свѣтскою властью невозможно сохранить религіоз-

ный миръ во Франціи. Затѣмъ епископъ Орлеанскій выражаетъ увѣренность, что папа, какъ глава церкви, проститъ перенесенныя обиды, лишь бы обезпечить благоденствіе французской церкви. Съ другой стороны, онъ не видитъ основанія считать правительство нетерпимымъ. Поэтому онъ полагаетъ, что надо вступить въ переговоры. Не невозможно, что эти переговоры приведутъ къ возобновленію сношеній французскаго правительства и Ватикана.

Рѣчи Фюльберъ-Пти и Тушэ вызвали горячіе протесты. Дебаты были страстные. Рѣшеніе отложено до одного изъ слѣдующихъ засѣданій.

О засѣданіяхъ 5 сентября стало извѣстно только, что пренія продолжались и никакого опредѣленнаго рѣшенія принято не было. Ожидалась телеграмма изъ Рима. Вечеромъ эта телеграмма была получена. Въ двѣнадцати строчкахъ она дважды костатировала покорность прелатовъ и посылала благословеніе. Затѣмъ состоялось четыре засѣданія, о которыхъ въ печать не проникло никакихъ свѣдѣній. Нѣкоторые епископы частнымъ образомъ видѣлись съ нѣкоторыми министрами. Прелаты разъѣхались, не повѣдавъ своихъ рѣшеній. Они отосланы въ Римъ. Слово за Ватиканомъ.

Это слово, вѣроятно, уже произнесено, но не гласно. Окружное посланіе французскихъ епископовъ къ паствѣ наводитъ на это предположеніе. Болѣе непримиримаго и нетерпимаго документа трудно было бы составить. Тутъ есть все, и протесты, и обвиненія, и угрозы, и жалобы, но и тутъ нѣтъ программы. Очевидно, ее нельзя и придумать... Переговоры съ правительствомъ? Если не покорность закону, то только переговоры могли бы еще уладить дѣло. Собраніе не начало само переговоровъ и никому не поручило. Значитъ, или оно само отвергло предложеніе епископовъ Безансонскаго и Орлеанскаго, или не получило на то разрѣшенія изъ Рима. Не хочетъ ли самъ Римъ вести переговоры? Но это и труднѣе, и медленнѣе, особенно при указанныхъ выше вліяніяхъ... Да и правительство французское, вѣроятно, было бы снисходительнѣе и внимательнѣе, вступая въ соглашеніе съ своими прелатами, чѣмъ съ ему враждебнымъ и іезуитски вѣроломнымъ Святымъ Престоломъ непогрѣшимаго Пія. Сочтетъ ли оно даже возможными такіе переговоры?

Что же думаетъ дѣлать французское правительство?

IV.

Статьи закона 11 дек. 1905 года, касающіяся вѣроисповѣдныхъ обществъ, включены въ этотъ документъ съ цѣлью дать возможность церкви спокойно и безмятежно перейти отъ одного положенія въ совершенно другое. Въ настоящее время все имущество, движимое и недвижимое, которымъ пользуется церковь для своихъ

надобностей, является собственностью государства, частью считается собственностью городскихъ и сельскихъ обществъ. Завѣдываютъ этимъ имуществомъ, въ хозяйственномъ отношеніи, попечительства, приходскія и епархіальныя (fabriques), подъ общимъ руководствомъ патеровъ и епископовъ. Эти попечительства продолжаютъ еще функціонировать, но 11 дек. этого года они прекратятъ свое существованіе, при чемъ движимое имущество (огромные капиталы, приносящіе 18 милліоновъ годоваго дохода) должно быть немедленно (т. е. 11 дек.) сдано или вѣроисповѣднымъ обществамъ, или, если этихъ обществъ не будетъ, государству, городамъ и селамъ, по принадлежности, а недвижимое останется въ пользованіи духовенства еще одинъ годъ. Въ случаѣ же образованія вѣроисповѣдныхъ обществъ, законъ уполномочиваетъ передать немедленно все движимое и недвижимое имущество въ ихъ полную неотъемлемую собственность. Отказываясь отъ организаціи вѣроисповѣдныхъ обществъ, церковь какъ бы предлагаетъ правительству конфисковать церковныя имущества. И для правительства прежде всего ставится вопросъ: какъ быть въ этомъ случаѣ? Постановленія закона совершенно ясны и не сомнительны, но законъ можно измѣнить и времени для этого до 11 декабря еще достаточно.

Желая облегчить духовенству переходное время, законъ 11 декабря постановилъ части духовенства, дольше служившей, даровать пожизненную пенсію, а всему остальному духовенству обезпечить субсидію изъ государственныхъ средствъ на четыре года; въ маленькихъ приходахъ на восемь лѣтъ. Эта субсидія первый годъ (1907) должна равняться жалованью, которое эти духовныя лица получали до сего времени; на второй годъ составляютъ двѣ трети содержанія, на третій—половину и на четвертый—одну треть. Кромѣ этого постепеннаго сокращенія субсидіи, законъ, не требуя того же для пожизненныхъ пенсіонеровъ, обусловливаетъ полученіе субсидіи продолженіемъ службы. Священникъ, оставившій свой приходъ, епископъ—свою епархію, преподаватель—свою семинарію и т. д. лишаются субсидіи. Такимъ образомъ, администрація, чтобы выдать субсидію, должна удостовѣриться въ непрерывномъ продолженіи даннымъ духовнымъ лицомъ его служенія. Эти удостовѣренія, по закону, выдаются соотвѣтственно мѣсту служенія мѣстнымъ вѣроисповѣднымъ обществомъ. Однако, если вѣроисповѣдное общество не образовано, то не можетъ быть и такихъ удостовѣреній. Нельзя, стало быть, получить и дарованную субсидію.

По оффиціальнымъ даннымъ, эти пенсіи и субсидіи должны быть дарованы, *пенсіи*:

Епархіальнымъ архіепископамъ и епископамъ . .	59
Викаріямъ епархіальнымъ	109
Каноникамъ	76
Священникамъ-настоятелямъ (кюре)	2466
Прочимъ священникамъ (дессервантамъ и викаріямъ)	14026
Всего	16690

духовнымъ лицамъ на общую сумму круглою цифрою *одиннадцать милліоновъ* франковъ въ годъ.

Субсидіи:

Четырехъ-лѣтнія.

Епархіальнымъ архіепископамъ и епископамъ . .	12
Викаріямъ епархіальнымъ	64
Каноникамъ	4
Священникамъ-настоятелямъ	741
Остальнымъ священникамъ	7363
Восьми-лѣтнія.	
Священникамъ-настоятелямъ	120
Остальнымъ священникамъ	12975

всего субсидій (обоихъ сроковъ) 21279 духовнымъ лицамъ на общую сумму круглою цифрою *восемнадцать милліоновъ франковъ* въ первый годъ субсидіи (1907 г.) и не менѣе *пятидесяти милліоновъ* за весь срокъ субсидіи.

Это второй вопросъ, поставленный правительству французскою церковью вмѣстѣ съ отказомъ организовать вѣроисповѣдныя общества. Воспользоваться ли необходимостью для субсидируемыхъ представлять удостовѣренія не существующихъ обществъ и сберечь французской казнѣ 50 милліоновъ? Или измѣнить законъ, установить другой способъ удостовѣреній и выдачею субсидій облегчить переходъ къ новому порядку, какъ того желалъ законъ? Но законъ имѣлъ въ виду мирный переходъ, а церковь, по приказу непогрѣшимаго враждебнаго странѣ иностранца, вступила на путь раздора и войны. Можно ли давать явнымъ врагамъ, торжественно объявившимъ непримиримую борьбу, такія огромныя средства? И если видоизмѣнять законъ, то не слѣдуетъ ли отмѣнить и пенсіи?

Онѣ проектированы для мирныхъ много послужившихъ духовныхъ, а теперь пенсіонеры превращаются въ непримиримыхъ враговъ, слѣпыхъ исполнителей злой воли чужестранца!

Среди законодателей Франціи сказываются оба эти теченія. Одно желаетъ ослабить конфликтъ, имѣть на своей сторонѣ (хотя бы втайнѣ) большую часть французскаго духовенства и постепенно привести и римскую курію къ необходимости мира. Другіе

думаютъ, что этотъ миръ возможенъ только подъ условіемъ не дѣлать никакихъ уступокъ, исполнять законъ и не давать государственныхъ средствъ духовенству, объявившему войну, хотя и по приказанію изъ Рима.

Какой же путь намѣрено избрать французское правительство?

11 сентября (29 августа) состоялся совѣтъ министровъ по вопросу объ отношеніи правительства къ положенію, созданному энцикликой Gravissimo и присоединеніемъ къ ней покорнаго папѣ французскаго епископа. Министръ исповѣданій, Аристидъ Бріанъ, изложилъ свой взглядъ на положеніе. По его мнѣнію, отказъ отъ образованія вѣроисповѣдныхъ обществъ не требуетъ немедленно принятія правительствомъ какихъ либо мѣръ. Понадобятся ли такія мѣры впослѣдствіи, когда 11 декабря перестанутъ законно существовать попечительства и другія прежнія вѣроисповѣдныя учрежденія? Закрытіе попечительствъ и отсутствіе вѣроисповѣдныхъ обществъ, которымъ попечительство должно передать имущество, должно ли повлечь закрытіе церквей? «Не должно», — отвѣтилъ Бріанъ. Статья 13 гласитъ: «недвижимыя имущества, служившія для отправленія богослуженія, въ томъ случаѣ, если въ теченіе двухъ лѣтъ со дня обнародованія закона никакимъ вѣроисповѣднымъ обществомъ не будутъ затребованы, могутъ быть изъяты изъ посвященныхъ культу зданій декретомъ правительства». Изъ этой статьи слѣдуетъ, что изъять какія-либо церкви изъ числа зданій, посвященныхъ богослуженію, иначе говоря, прекратить въ нихъ богослуженіе, правительство не могло бы, если бы даже пожелало, ранѣе 11 декабря 1907 года. Кромѣ того, изъ той же статьи слѣдуетъ, что и по истеченіи этого срока подобное изъятіе даже церквей, принадлежащихъ городскимъ и сельскимъ общинамъ, зависитъ не отъ муниципалитетовъ, но только отъ правительства.

Каково же положеніе будетъ 11 декабря 1906 г.? Возможно, что секвестръ имущества попечительствъ окажется необходимымъ. Однако, этотъ секвестръ не распространится на предметы, необходимые для богослуженія. Словомъ, если сами священники не покинутъ своихъ храмовъ и не прекратятъ богослуженія, ничто не нарушитъ установившагося привычнаго порядка.

Однако, публичное богослуженіе будетъ ли законнымъ, если не будетъ санкціонировано образованіемъ вѣроисповѣднаго общества? Строго юридически, оно не будетъ законно, но отъ правительства будетъ зависѣть его терпѣть или запретить. Самъ Бріанъ высказывается за терпимость.

Совѣтъ министровъ рѣшилъ, что законъ о раздѣленіи долженъ быть примѣняемъ регулярно, но что немедленныхъ мѣропріятій не требуется. Правительство будетъ ждать.

Спрошенный о намѣреніямъ правительства, Клемансо отвѣтилъ только сообщеніемъ своего мнѣнія. «Пока я въ составѣ министер-

ства,—сказалъ онъ,—церквей закрывать и отнимать не будутъ, но и никакихъ переговоровъ съ Ватиканомъ».

Кромѣ французскаго духовенства и французскаго правительства, энциклика Gravissimo задѣла интересы и совѣсть всѣхъ католиковъ Франціи. Поскольку эти вѣрные сыны церкви суть роялисты, бонапартисты, они ультрамонтаны, они апплодируютъ папской непримиримости. Однако, даже въ средѣ епископовъ 31 мая нашлось большинство за миръ. Оно должно быть еще значительнѣе въ низшемъ духовенствѣ и того еще значительнѣе среди міранъ. И эти элементы не могутъ оставаться совсѣмъ безъ вліянія. Съ одной стороны, папѣ редижированъ адресъ за подписью многочисленныхъ католическихъ нотаблей, въ которомъ приводятся возраженія противъ энциклики и заключается просьба отмѣнить ея велѣнія. Съ другой стороны, въ семи сельскихъ обществахъ въ разныхъ мѣстахъ Франціи образованы священниками и прихожанами вѣроисповѣдныя общества. Это уже схизма? Суждены ли этому движенію значительные размѣры, или это будутъ единичныя исключенія?

Положеніе католическихъ общинъ очень сложное и тягостное. Покорность папѣ—значитъ банкротство. Покорность закону—значитъ схизма. Давленіе на папу съ цѣлью отмѣны запрета учреждать вѣроисповѣдныя общества—средній путь, но приведетъ ли онъ къ искомому рѣшенію?

Роялисты торжествуютъ и полны снова иллюзій и мечтаній, но католики Франціи, всѣ тѣ, которые только католики и французы, глубоко удручены и смущены, и энциклика Gravissimo является огромнымъ ударомъ папскому престижу?

V.

Волнуется прекрасная свободная Франція, угрожаемая тиранніей злого и невѣжественнаго монаха. Продолжаетъ волноваться и несчастная Россія... Волнуется ея бѣдствіями и весь цивилизованный міръ. Сочувствіе новой свободной Россіи будущаго сказывается повсемѣстно. Отвращеніе къ режиму насилій и произвола всюду сопровождаетъ это сочувствіе. Отношеніе финансовыхъ и политическихъ сферъ къ русскимъ бѣдствіямъ проявляется и въ словахъ, и въ фактахъ.

Вотъ факты финансовые: на парижской биржѣ русскіе фонды котировались:

	19 августа.	16 сентября.
3% заемъ 1891 года	59,90	58,80
» » 1896 »	58,50	57,10
4% » 1901 »	72,20	69,00
5% » 1906 »	82,15	80,20
Рента	72,40	70,95

Имѣя въ виду, что на французскомъ финансовомъ рынкѣ обращается русскихъ государственныхъ бумагъ на круглую сумму 10 милліардовъ франковъ нарицательной стоимости, потери французскихъ держателей русскихъ фондовъ за этотъ неполный мѣсяцъ могли достигнуть 200 милліоновъ.

Это краснорѣчіе цифръ, говорящее о все падающемъ довѣріи къ русскому правительству, о паденіи послѣ паденія, казалось бы безпримѣрнымъ... «Эта паника послѣ роспуска Думы временная, все оправится», тогда говорили намъ. Паники теперь нѣтъ, а недовѣріе дѣловыхъ отнюдь не сентиментальныхъ сферъ все возрастаетъ. «Изъ Россіи все тѣ же извѣстія»,—пишетъ умѣренный «Le Temps» Они резюмируются уже давно въ трехъ словахъ: казни, бомбы и обѣщанія.» Обѣщанія остаются неисполненными и никому уже не внушаютъ довѣрія, а казни и бомбы удручаютъ весь міръ.

Финансисты это видятъ и понимаютъ. Фонды падаютъ.

Не хуже того видятъ это и политики. Теперь уже не тайна, что еще весною въ политическихъ кругахъ Франціи шла борьба по поводу русскаго займа. Клемансо и Бріанъ были противъ выпуска новаго русскаго займа безъ согласія народнаго представительства. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Леонъ Буржуа, напротивъ того, отстаивалъ необходимость выручить союзника и вѣрилъ обѣщаніямъ русскаго правительства. Онъ успѣлъ склонить министерство къ этому дружественному, по отношенію къ русскому правительству, шагу. Послѣдствія не оправдали его довѣрчивости. Французскіе капиталисты понесли огромныя потери (свыше 2 милліардовъ франковъ) и, главнымъ образомъ, именно благодаря этому займу, вооружившему бюрократію для борьбы съ націей, а слѣдовательно, и съ финансами страны. Очень недовольны неудачною политикою Леона Буржуа и политическіе круги, гдѣ считаютъ, что эта поддержка стараго режима не достойна свободной Франціи и ей невыгодна, потому что ослабила и разорила союзника. Все это подготовляетъ перемѣны въ министерствѣ. Вмѣстѣ съ Леономъ Буржуа, вѣроятно, выйдетъ изъ кабинета министръ финансовъ Пуанкарэ, устроившій заемъ. Говорятъ и о выходѣ самого премьера, Саррьена. Въ такомъ случаѣ Клемансо займетъ мѣсто премьера. Все это показываетъ и отношеніе политическихъ и финансовыхъ круговъ Франціи къ событіямъ въ Россіи.

Въ Англіи тоже не ладно. Корреспондентъ «Neue Freie Presse» бесѣдовалъ съ англійскимъ премьеромъ Баннерманомъ Кэмпбелемъ о разныхъ международныхъ дѣлахъ, объ англо-французскомъ соглашеніи, между прочимъ. Премьеръ говорилъ о трудностяхъ, сопровождавшихъ это соглашеніе, и прибавилъ:

— Оно должно получить свое завершеніе въ соглашеніи съ Россіей.

— Вы, однако, говорите не о той Россіи,—прервалъ его корреспондентъ,—въ которой топчутъ ногами свободу и не могутъ установить порядка?

— Само собою разумѣется,—отвѣтилъ англійскій премьеръ,—само собою разумѣется, въ настоящій моментъ, когда въ Россіи нѣтъ настоящаго прочнаго правительства, мы не можемъ ничего предпринять.

— Въ Европѣ,—замѣтилъ корреспондентъ,—произвело превосходное впечатлѣніе, когда вы сказали на международной конференціи: La Douma est morte, vive la Douma.

— Симпатіи англійскаго народа,—продолжалъ премьеръ,—цѣликомъ на сторонѣ тѣхъ, кто стремится къ созданію въ Россіи конституціоннаго порядка. Когда же онъ водворится, то исчезнутъ всѣ препятствія къ соглашенію съ нею.

Да, уже не церемонятся съ нашими правителями... Прежде только о туркахъ такъ осмѣливались говорить оффиціальныя лица.

Успѣхъ англійскаго адреса бывшей Думѣ и паденіе русскихъ фондовъ на лондонской биржѣ, даже большее, нежели на парижской, тоже обнаруживаютъ отношеніе разнообразныхъ круговъ, политическихъ и финансовыхъ въ Англіи, къ русскимъ событіямъ. Высказались и англійскіе рабочіе. 3 сентября открылся конгрессъ делегатовъ трэдъ-уніоновъ, т. е. профессіональныхъ союзовъ.

Послѣ привѣтственныхъ рѣчей, предсѣдатель произнесъ рѣчь, въ которой коснулся Россіи:

«Конгрессъ, являющійся представителемъ организованныхъ рабочихъ Англіи и Ирландіи, проникнутъ симпатіей къ русскому народу, борющемуся такъ мужественно за свободу. Мы глубоко сожалѣемъ о страданіяхъ, которыми въ настоящее время переполнена несчастная страна, и искренне надѣемся, что скоро будетъ положенъ конецъ настоящему положенію вещей созывомъ парламента, основаннаго на принципѣ представительнаго правленія.»

Делегатъ Секстонъ сказалъ, что русское правительство имѣло возможность прекратить терроръ въ Россіи, но упустило ее. Для англійскихъ рабочихъ, живущихъ въ свободной странѣ, является священнымъ долгомъ выразить солидарность русскому народу и привѣтствовать его словами Кэмпбеля-Баннермана: «Да здравствуетъ Дума»!

Предложенная предсѣдателемъ резолюція была принята, причемъ делегаты почтили это рѣшеніе вставаніемъ.

По поводу забастовокъ въ Россіи, въ докладѣ коммиссіи сказано: «На засѣданіи, 15 ноября 1905 г., коммиссія выработала резолюцію, которая была послана русскимъ профессіональнымъ союзамъ: «Парламентская коммиссія тредъ-юніонистскаго конгресса, являющаяся представительницей двухъ милліоновъ организованныхъ рабочихъ Великобританіи, шлетъ братскій привѣтъ преслѣдуемымъ профессіональнымъ организаціямъ Россіи. Коммиссія выражаетъ свое преклоненіе передъ геройскимъ самопожертвованіемъ русскихъ рабочихъ въ ихъ борьбѣ за свободу».

Такъ смотритъ Европа, правящая, политическая, финансовая

и рабочая, на русскія дѣла... Это не революціонеры, которыхъ сочувствіе русскихъ революціонерамъ можно приписывать партійности. Мы привели факты биржевые. Мы привели мнѣнія несомнѣнныхъ друзей Россіи, но далекихъ революціи... И только за мѣсяцъ! Мы приводили раньше много аналогичнаго..

О русскихъ дѣлахъ уже давно во всемъ цивилизованномъ мірѣ нѣтъ двухъ мнѣній.

VI.

Персія становится конституціоннымъ государствомъ. 4 (17) сентября въ Тегеранѣ обнародовано утвержденное шахомъ положеніе персидской Государственной Думы, устанавливающее слѣдующія правила: избирательнымъ правомъ пользуются всѣ грамотные персидскіе подданные мужского пола въ возрастѣ отъ 30 до 70 лѣтъ, не состоящіе на государственной службѣ и не опороченные судомъ. Персія раздѣлена на 12 округовъ, избирающихъ каждый отъ 6 до 19 депутатовъ, смотря по населенности, кромѣ Тегерана, составляющаго отдѣльный округъ съ 60 депутатами. Число провинціальныхъ депутатовъ 96, а всего депутатовъ 156. Выборы двухстепенные въ провинціи и прямые въ Тегеранѣ и производятся подачей бюллетеней въ запечатанныхъ конвертахъ въ мѣстные избирательные комитеты, ведущіе подсчеты голосовъ. Срокъ депутатскихъ полномочій—двухлѣтній. Депутаты пользуются неприкосновенностью личности, кромѣ случаевъ совершенія преступленія. Ихъ сочиненія и рѣчи изъяты отъ цензуры, хотя не исключается отвѣтственность передъ судомъ за преступленія противъ религіи, нравственности и общественнаго порядка. Подобные случаи разсматриваются самой Думой. Депутатское вознагражденіе предоставлено самой Думѣ. Президентъ, оба вице-президента и 4 секретаря избираются на 1 годъ. Дума открывается немедленно послѣ избранія депутатовъ отъ Тегерана, не ожидая результата провинціальныхъ выборовъ. Первое засѣданіе состоится подъ предсѣдательствомъ шаха.

Въ октябрѣ ожидается созывъ персидскаго парламента.

Эта реформа была куплена, конечно, не безъ борьбы. Эксцессы деспотизма и хищеній, достигшіе въ послѣднее время самыхъ чудовищныхъ размѣровъ, вызвали въ Тегеранѣ мятежъ народа и протесты высшаго духовенства. Незначительность персидскихъ вооруженныхъ силъ не позволила персидскому правительству опереться на грубую силу. Шахъ разстался съ министрами, призвалъ европейски образованнаго Али-Эса и даровалъ конституцію.

Если считать, что Россія имѣетъ конституцію, то введеніе конституціоннаго режима въ Персіи является пріобщеніемъ къ этому режиму послѣдняго индо-европейскаго народа, еще не пользовавшагося благами этого государственнаго строя. Незадолго до персовъ

этотъ строй получили черногорцы. Повидимому, въ Черногоріи въ самомъ дѣлѣ воцарилась конституція. Въ ближайшемъ времени мы, вѣроятно, увидимъ такое же ея воцареніе и въ Персіи среди талантливой націи, съ древнею культурою и блестящею литературою. Чего мы дождемся въ ближайшемъ времени здѣсь, въ Россіи, кто можетъ предвидѣть? Теперь, конечно, конституція не дѣйствуетъ, какъ и турецкая, созданная въ 1876 году и формально не отмѣненная.

Послѣдуемъ ли и мы турецкому примѣру и явимъ міру единственную независимую индо-европейскую націю, сохраняющую всевластіе бюрократіи?

Не только индо-европейскіе народы вступаютъ на путь государственныхъ реформъ. Японія уже давно организовалась на началахъ народнаго права и политической свободы. Теперь пробуетъ вступать на тотъ же путь и «недвижный» Китай. Экономическое разозреніе, какъ послѣдствіе властнаго хозяйничанія европейцевъ въ странѣ, вызываетъ среди китайцевъ стремленіе освободиться отъ этой эксплуатаціи. Стремленіе это привело въ 1900 году къ боксерскому движенію, этой попыткѣ силою избавиться отъ непрошенныхъ европейскихъ гостей. Попытка потерпѣла полную неудачу, но не уничтожила въ сердцѣ китайцевъ совершенно естественнаго желанія добиться тѣмъ или инымъ путемъ экономическаго освобожденія. Въ однихъ слояхъ сохраняется прежнее боксерское настроеніе, готовое всегда перейти въ открытое нападеніе на иноземцевъ. Въ другихъ слояхъ лучше сознаютъ опасность такихъ взрывовъ боксерскаго настроенія и полагаютъ бороться съ европейцами ихъ же оружіемъ, европеизируя свои учрежденія, науку, жизнь. Отсюда стремленіе къ реформамъ, проникшее даже въ высшія правящія сферы. Реформы намѣчаются китайцами въ конституціонномъ направленіи. Сообщается, что примѣръ Японіи доказалъ имъ, что желтая раса, стоящая на высотѣ цивилизаціи, можетъ освободиться и политически, и экономически отъ ига бѣлыхъ. Они поэтому и рѣшили пойти по стопамъ Японіи. Первымъ шагомъ на этомъ пути была командировка въ Японію для обученія въ разныхъ школахъ многихъ молодыхъ китайцевъ, которые, вернувшись на родину, заняли высокіе посты и доказали, что японское воспитаніе дало хорошіе результаты. Китай отправилъ въ Японію также много молодыхъ офицеровъ для изученія въ японской арміи военнаго искусства, и теперь эти офицеры вводятъ много преобразованій въ формирующейся китайской арміи.

Ободренные этими успѣхами, китайцы рѣшили идти еще дальше по пути реформъ, и недавно императоръ, подъ давленіемъ націоналистической агитаціи, командировалъ въ Европу и Америку, съ цѣлью изученія на мѣстѣ различныхъ конституцій, спеціальную коммиссію, результатомъ совѣщаній которой и явился недавній эдиктъ о близкомъ введеніи въ Китаѣ конституціи. Однако, не

дожидаясь ея, китайцы-націоналисты уже теперь ведутъ дѣятельную борьбу съ европейцами по всѣмъ флангамъ: они стараются повсюду если не изгнать европейцевъ совершенно, то, по крайней мѣрѣ, умалить ихъ политическое значеніе и вытѣснить ихъ экономически. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время китайскіе капиталисты всячески стараются добыть необходимыя средства, чтобы самимъ эксплуатировать свои національныя богатства. Они выкупають первую вѣтвь желѣзной дороги Кантонъ—Ханькоу, концессія на которую была взята однимъ американскимъ синдикатомъ, и выкупаютъ ее за дорогую цѣну, такъ какъ имъ приходится вести борьбу съ англійскими, французскими и бельгійскими синдикатами, которые также предлагаютъ хорошія условія. Они также стараются пріобрѣсти въ свою собственность китайскія копи и фабрики. На ряду съ этимъ они пытаются вытѣснить европейцевъ съ административныхъ должностей, до сихъ поръ по обычаю занимаемыхъ европейцами. Сорокъ лѣтъ должность главнаго начальника таможенъ была предоставлена англичанину, и такое замѣщеніе (изъ европейцевъ только англичаниномъ) упомянута даже въ англо-китайскомъ трактатѣ. Отставка англичанина Роберта Гарта, послѣдовавшая вслѣдствіе старости и болѣзненнаго состоянія, открыла вакансію, и этотъ важный постъ былъ замѣщенъ китайцемъ.

Если нельзя еще говорить о вступленіи Персіи и Китая въ группу европейски-цивилизованныхъ націй, то, во всякомъ случаѣ, можно утверждать, что эти старокультурныя націи, цивилизованные въ тѣ времена, когда европейцы, не исключая классическаго античнаго міра, были совершенными дикарями, вступили на путь усвоенія нѣкоторыхъ важныхъ и существенныхъ сторонъ западной цивилизаціи. Огромное всемірно-историческое значеніе этихъ событій не подлежитъ сомнѣнію. Они приближаютъ человѣчество къ объединенію на почвѣ взаимнаго признанія и взаимнаго пониманія. Отсюда совсѣмъ недалеко и до вѣчнаго всеобщаго мира.

Въ Европѣ тоже продолжается прогрессивное движеніе, недавно смѣнившее царившій было застой. Избирательная реформа въ Австріи привлекаетъ прежде всего вниманіе въ числѣ фактовъ этого движенія. 12 сентября (30 августа) парламентская коммиссія по разработкѣ избирательной реформы возобновила свои занятія. Министръ-президентъ фонъ-Бекъ привѣтствовалъ коммиссію и указалъ на необходимость закончить работы въ самомъ непродолжительномъ времени и довершить великое дѣло избирательной реформы. На коммиссіи, указалъ фонъ-Бекъ, лежитъ обязанность создать для государства лучшее будущее и обезпечить народамъ Австріи ихъ права на самоопредѣленіе.

Коммиссія энергически взялась за дѣло, и скоро законопроектъ былъ представленъ въ вѣнскій парламентъ. За нимъ обезпечено большинство, но меньшинство старается его исказить или хотя бы затормазить. Такъ какъ обсужденіе отсрочено на двѣ недѣли, т. е.

до начала октября по н. ст., то покуда не извѣстно, какіе результаты принесетъ этотъ походъ враговъ всеобщаго избирательнаго права.

Изъ другихъ событій того же значенія слѣдуетъ отмѣтить законопроектъ объ ирландскомъ гомрулѣ, проектъ уничтоженія бюджета культа въ Швейцаріи (т. е. отдѣленіе церкви отъ государства) и антиклерикальное движеніе въ Испаніи.

Въ Норвегіи происходили первые генеральные выборы въ парламентъ послѣ прекращенія уніи со Швеціей. Благодаря тому обстоятельству, что консерваторы стояли за короля и за унію, т. е. за шведскую гегемонію, которую огромное большинство норвежцевъ не желали терпѣть, консервативная партія терпѣла на выборахъ пораженіе за пораженіемъ, и ея численность въ парламентѣ была незначительна. Лѣвые провели упраздненіе уніи, добились соглашенія объ этомъ со шведами и при содѣйствіи консерваторовъ избрали короля. Помощь консерваторовъ была необходима министерству лѣвыхъ, потому что въ средѣ лѣвыхъ была немалочисленная фракція, не желавшая короля и проводившая республику. Паденіе уніи, которая отвращала избирателей отъ консервативныхъ кандидатовъ, и распаденіе лѣвыхъ на монархистовъ и республиканцевъ являлись двумя фактами, которые могли только повліять на исходъ выборовъ.

Дѣйствительно, консервативная партія значительно усилилась. Усилились и соціалисты (11 вмѣсто 5). Лѣвые, однако, не нарушали солидарности на выборахъ и сохранили большинство: лѣвыхъ 64, правыхъ 47, соціалистовъ 11. Къ этому надо прибавить, что составъ большинства полѣвѣлъ, вслѣдствіе чего министерство Михельсена замѣняется министерствомъ Левланда, стоявшаго за республику, но лояльно принявшаго рѣшеніе въ пользу монархіи. Надо ожидать демократическихъ реформъ. Тѣмъ болѣе, что на этомъ пути кабинетъ Левланда встрѣтъ поддержку соціалистовъ, опираясь на большинство: 75 противъ 47, вполнѣ достаточное, чтобы не бояться сюрпризовъ голосованія. Такіе сюрпризы возможны по вопросамъ управленія и администраціи, гдѣ коалиція консерваторовъ и соціалистовъ всего на шесть голосовъ меньше министерскаго большинства.

Отчетный мѣсяцъ занесъ въ свои лѣтописи еще междоусобіе на островѣ Кубѣ. Годы и десятилѣтія проносились надъ этимъ благодатнымъ краемъ, а кровь продолжала увлажнять его землю. Кубинцы боролись за свою независимость съ испанцами. Наконецъ, Соединенные Штаты вмѣшались въ это дѣло и объявили войну Испаніи. Одержавъ рѣшительную побѣду, американцы отняли въ свою пользу отъ Испаніи архипелагъ Филлиппинскихъ острововъ въ восточно-азіатскихъ водахъ и островъ Порто-Рико въ Мехсиканскомъ заливѣ. И островъ Куба былъ формально уступленъ испанцами тоже Соединеннымъ Штатамъ, но, начавъ войну съ Испаніей

изъ-за свободы Кубы, американцы не рѣшались ихъ приравнять филлипинцамъ и пэрторичанамъ, зачисливъ просто своими подданными. Послѣ трехлѣтнихъ колебаній, они даровали имъ полунезависимость, обусловивъ самостоятельность новой республики своимъ правомъ вмѣшательства. Четыре года Куба пользовалась этою самостоятельностью и пришла къ междоусобію.

Что вызвало революцію на Кубѣ—сказать съ точностью трудно. Куба отвоевала себѣ независимость отъ Испаніи при помощи Соединенныхъ Штатовъ. Она выработала для себя конституцію, въ которую включила резолюцію американскаго парламента, извѣстную подъ названіемъ «Поправки Платта». По смыслу этой поправки Соединеннымъ Штатамъ предоставляется право вмѣшательства въ дѣла Кубы, когда какія-нибудь внѣшнія или внутреннія событія грозятъ ея независимости. Президентомъ республики былъ избранъ Эстрада Пальма, агитировавшій въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1895—1898 г., во время войны съ Испаніей, за независимость Кубы.

Освобожденіе отъ испанскаго владычества скоро дало себя почувствовать. Новая республика оправилась отъ войны, завязала торговыя сношенія съ Англіей, главнымъ образомъ съ Соединенными Штатами и, можно сказать, начала процвѣтать. На вторыхъ выборахъ президента на 1906 — 1910 г. былъ снова выбранъ Эстрада Пальма, кандидатъ умѣренной партіи. Но либеральная оппозиція осталась недовольна этими выборами, на которыхъ, какъ она утверждаетъ, ее лишили избирательныхъ гарантій, и кандидатъ ея, генералъ Гомесъ, обратился за помощью къ Соединеннымъ Штатамъ. Тѣ отказались. Тогда Гомесъ и его сторонники начали вести агитацію, какъ въ Кубѣ, такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, противъ «олигархіи» умѣренныхъ. Къ нимъ примкнули ветераны борьбы за независимость Кубы, недовольные тѣмъ, что при назначеніи на оффиціальныя должности и обложеніи налогомъ на уплату войску, съ ними поступили несправедливо. Затѣмъ, на ихъ сторону перешли также лица, заинтересованныя въ успѣхахъ торговли Америки, недовольныя тѣмъ, что Куба заключила во вредъ имъ торговый договоръ съ Англіей. Наконецъ, консерваторы, купцы и креольское населеніе, видящіе для себя больше интереса въ полномъ присоединеніи Кубы къ Соединеннымъ Штатамъ, также вооружены противъ Пальмы.

Всѣ эти элементы въ настоящее время и участвуютъ въ возстаніи. Въ виду такого состава либеральной оппозиціи, нѣкоторые видятъ въ нынѣшней революціи интригу Соединенныхъ Штатовъ, чтобы имѣть поводъ вмѣшательства и усилить свое торговое вліяніе въ Кубѣ.

Возстаніе началось въ концѣ іюля и за полтора мѣсяца имѣло довольно серьезные успѣхи, такъ что большая часть острова оказалась въ рукахъ инсургентовъ, но столица и окружающая страна

(самая населенная и богатая) оставалась въ рукахъ правительства. Небольшая правительсгвенная армія тоже оставалась вѣрна президенту Пальмѣ. Исходъ борьбы трудно было предвидѣть, но убытки, которые междоусбіе приносило американской торговлѣ, послужили поводомъ къ вмѣшательству Соединенныхъ Штатовъ. Туда были посланы военныя суда и выѣхали для посредничества уполномоченные Штатовъ: военный министръ Тафтъ и товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Бэконъ. Изъ Вашингтона отъ 12 (25) сентября сообщали, что дѣлаются величайшія усилія, чтобы увеличить составъ американской пѣхоты въ кубинскихъ водахъ. Немедленно собраны 1,000 человѣкъ морской пѣхоты на Атлантическомъ берегу для отсылки въ Гаванну. Броненосцы «Indiana» и «Kentucky», отправлены изъ Провинстоуна въ Массачузетсѣ въ Кубѣ, захвативъ съ собою всѣхъ морскихъ солдатъ, безъ которыхъ можетъ обойтись сѣверо-атлантическая эскадра.

Отъ 13 (26) сентября сообщалось, что Рузвельтъ обратился къ президенту Пальмѣ съ телеграммой, въ которой онъ взываетъ къ патріотизму Пальмы и убѣдительно проситъ его принять условія, поставленныя мятежниками кубинскому правительству, такъ какъ только такимъ способомъ возможно возстановленіе спокойствія.

Тафтъ и Бэконъ также обратились къ президенту Пальмѣ и къ кубинскому правительству съ письмомъ, въ которомъ предлагаютъ Пальмѣ оказать имъ содѣйствіе для улаженія неурядицъ на основаніи поставленныхъ мятежниками условій и взываютъ къ патріотизму Пальмы.

Отъ 14 (27) сентября изъ Гаванны телеграфировали, что правительственная (такъ называемая «умѣренная») партія рѣшила назначить коммиссію для веденія переговоровъ съ инсургентами объ условіяхъ мира. Рѣшающій голосъ во всѣхъ спорныхъ пунктахъ предоставленъ военному министру Штатовъ Тафту и помощнику государственнаго секретаря штатовъ Бэкону. Умѣренная партія отказалась при этомъ отъ своихъ первоначальныхъ требованій, а именно, чтобы инсургенты до начала переговоровъ о мирѣ сложили оружіе.

Дѣло, какъ будто налаживалось, но затѣмъ отъ 16 (29) сентября изъ Гаванны получилось сообщеніе, что Соединенные Штаты рѣшили возстановить порядокъ при помощи своихъ агентовъ и своихъ войскъ. Американское временное правительство вступило во владѣніе Кубою. Военный министръ Тафтъ формально провозгласилъ себя губернаторомъ. Онъ заявилъ, что американское правительство считается только съ необходимостью, вытекающею изъ нынѣшняго положенія, и что единственная цѣль его—возстановленіе мира, порядка и общественнаго довѣрія, до сформированія постояннаго правительства. 15 сент. высадился на берегъ отрядъ американскихъ моряковъ, назначенный для охраны государственнаго казначейства.

Послѣ этого становится довольно вѣроятно, что возстаніе началось съ благословенія изъ Вашингтона. Оккупація Кубы наканунѣ президентскихъ выборовъ (въ ноябрѣ этого года) можетъ явиться сильнымъ козыремъ въ рукахъ республиканской партіи и ея кандидата Рузвельта.

Султанъ Абдулъ-Гамидъ неизлѣчимо боленъ. Проф. Бергманъ изъ Берлина констатировалъ ракъ и при томъ уже настолько развившимся, что операція не возможна. Султану остается лишь нѣсколько мѣсяцевъ повелѣвать правовѣрными. Перемѣна правленія въ Турціи всегда имѣетъ огромное значеніе. Кто будетъ султаномъ, это тоже неизвѣстно, такъ такъ султану приписываютъ желаніе назначить своимъ преемникомъ одного изъ младшихъ сыновей. Надо ждать важныхъ и серьезныхъ извѣстій изъ Константинополя.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Тактическій кризисъ.—II. Разница между „взять“ и „получить“.—III. Что значитъ взять волю снизу?—IV. Можно ли это сдѣлать?

I.

Всю предыдущую «Хронику» я посвятилъ к.-д. партіи. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ она занимала авансцену русской жизни, привлекала къ себѣ общее вниманіе, сосредоточивала на себѣ обывательскія надежды. Съ занятымъ ею положеніемъ должны были считаться всѣ другія общественныя группы, и даже партіи, отрицательно относившіяся къ к.-д. тактикѣ, вынуждены были перенести борьбу на ту арену, какую облюбовали для себя к.-д. Такъ, соціалъ-демократическая партія, въ составѣ которой рѣшительный перевѣсъ взяли сначала сторонники бойкота, къ концу избирательной кампаніи приняла въ ней дѣятельное участіе и даже образовала свою фракцію въ Государственной Думѣ. Партія соціалистовъ-революціонеровъ до конца воздержалась отъ участія въ выборахъ, но и она должна была видоизмѣнить свою тактику, считаясь съ наличностью «кадетской» Думы и созданнымъ ею положеніемъ. Партія не только временно пріостановила дѣятельность своей боевой организаціи, но и нашла необходимымъ принять участіе въ борьбѣ, какая происходила въ стѣнахъ самой Думы. Правда, своей фракціи она не образовала, хотя для этого въ составѣ депутатовъ и нашлось бы достаточное число соціалистовъ-революціо-

ціонеровъ. Но послѣдніе приняли участіе въ выборахъ вопреки партійной дисциплинѣ и прошли въ Думу въ качествѣ безпартійныхъ. Поэтому, быть можетъ, партія и предпочла другую тактику: она приняла участіе въ думской борьбѣ при посредствѣ трудовой группы, въ значительной своей части состоявшей изъ лицъ, принадлежавшихъ къ одному съ партіей с.-р. направленію. Еще болѣе видное мѣсто обѣ соціалистическія партіи заняли въ борьбѣ, какая происходила не внутри, а вокругъ Государственной Думы. Полагаю, что мнѣ нечего напоминать ту агитацію, которую онѣ вели въ широкихъ кругахъ населенія, опираясь на трудовую и рабочую группы. Отмѣчу лишь, что даже свою организаціонную работу соціалистическія партіи считали возможнымъ поставить въ связь съ Государственной Думой, хотя непрочность этой опоры, казалось бы, не трудно было предвидѣть. Такъ, соціалъ-демократы предприняли попытку сорганизовать рабочія массы путемъ выборнаго отъ нихъ представительства для участія въ совѣщаніяхъ съ соціалъ-демократической фракціей. Еще шире расчитывали поставить свою организаціонную работу соціалисты-революціонеры: не только городскую, но и деревенскую Русь они надѣялись покрыть сѣтью особыхъ «бюро содѣйствія трудовой группѣ», которыя должны были начать широкую организацію трудящихся массъ, хотя бы на самой короткой платформѣ. Такимъ образомъ Государственная Дума заставила революціонныя партіи видоизмѣнить и, во всякомъ случаѣ, осложнить свою тактику, а вмѣстѣ съ тѣмъ подала имъ надежду укрѣпиться на новыхъ позиціяхъ. Но перестроиться въ новый боевой порядокъ эти партіи не успѣли...

Роспускъ Государственной Думы знаменовалъ собою, прежде всего, крушеніе, конечно, к.-д. тактическихъ плановъ. Партія, занимавшая авансцену жизни,—если употребить образное выраженіе,—какъ бы провалилась въ тартарары. Произошло это съ феерическою быстротою. Чувствуя, что почва, на которой она стояла, ускользнула изъ-подъ ногъ, к.-д. растерялись и нѣкоторые изъ нихъ, повидимому, думали даже, что имъ придется на время совсѣмъ оставить политическую сцену. Во всякомъ случаѣ, въ к.-д. средѣ явилось желаніе «умыть руки».

— «Мы свое дѣло сдѣлали, пусть теперь дѣлаютъ другіе»... Такія рѣчи можно было слышать отъ нѣкоторыхъ к.-д., когда они ѣхали въ Выборгъ, при чемъ подъ «другими» ими разумѣлись, конечно, революціонеры. Положеніе к.-д. партіи оказалось въ высшей степени затруднительнымъ, и впопыхахъ она, какъ я выразился прошлый разъ, перескочила на революціонную тропку. Это еще болѣе затруднило ея положеніе. Правительство воспользовалось «незакономѣрностью» совершеннаго акта, чтобы поставить к.-д. внѣ закона. Еще вчера они были «благоразумнымъ большинствомъ», еще вчера имъ улыбалась власть... Нынѣ же они оказываются нелегальными или, по крайней мѣрѣ, живущими по фаль-

шивому паспорту» *)... Въ настоящее время трудно, конечно, предвидѣть, какъ разрѣшится этотъ тактическій кризисъ, который должна пережить к.-д. партія. Вѣроятнѣе всего, что она опять «съ камешка на камешекъ» цѣликомъ переберется на «почву права», какую представляли для нея россійскіе основные законы. По крайней мѣрѣ, лидеры партіи, полемизируя съ оффиціозными газетами, намекаютъ въ «Рѣчи», что только цензурныя условія мѣшаютъ имъ доказать лойяльность выборгскаго воззванія... Возможно, однако, что к.-д. партіи придется осложнить свою тактику и, въ частности, «вскрывая наиболѣе полно и точно свое *конституціонное* содержаніе» *), признать, что таковое не можетъ умѣститься въ рамкахъ россійской закономѣрности...

Необходимо, однако, имѣть въ виду, что роспускъ Государственной Думы поставилъ въ критическое положеніе не только к.-д. Соціалистическія партіи такъ же должны были пережить потрясеніе. Само собой понятно, что онѣ должны были немедленно очистить позиціи, которыя заняли было около Думы. Съ поспѣшностью, которая наблюдателю представляются даже не вполнѣ понятною и которую можно объяснить себѣ развѣ только тѣмъ, что руководители этихъ партій ясно не представляли себѣ положенія страны, онѣ не только вернулись на старыя позиціи, но и сдѣлали попытку немедлено предпринять общее «выступленіе». «Общаго» выступленія, однако, не получилось... Прежняя тактика при измѣнившихся условіяхъ не дала ожидавшихся отъ нея результатовъ. И хотя въ воздухѣ продолжаютъ еще звучать старые лозунги, но какъ будто только потому, что нѣтъ новыхъ. Нѣкоторые вопросы—укажу хотя бы вопросъ объ отношеніяхъ къ новой Думѣ—остаются вовсе безъ отвѣта. Революціонныя партіи и организаціи находятся, повидимому, въ недоумѣніи и чувствуютъ потребность подвергнуть общему пересмотру свою тактику. Въ ихъ средѣ идутъ уже усиленные разговоры о съѣздахъ. Такъ или иначе, по созданный роспускомъ Думы тактическій кризисъ не разрѣшился и едва ли можетъ разрѣшиться простымъ возвратомъ ихъ на прежнія позиціи.

Одна изъ характерныхъ особенностей переживаемаго нами момента, какъ я думаю, и заключается въ томъ, что всѣ важнѣйшія партіи и организаціи, ведущія освободительную борьбу, не въ состояніи сейчасъ предложить съ достаточною увѣренностью сколько-нибудь опредѣленныхъ тактическихъ плановъ. Этимъ и объясняется, конечно, наступившее въ борьбѣ затишье. Что же дальше?—не въ смыслѣ задачъ, а въ смыслѣ дѣйствій—вотъ вопросъ, который неотступно стоитъ передъ всѣми.

Чтобы уяснить себѣ характеръ и размѣры этого кризиса, мы

*) «Свобода и Жизнь», 11 сентября.
*) «Русскія Вѣдомости», 13 сентября.

должны нѣсколько ближе присмотрѣться къ тактикѣ различныхъ общественныхъ группъ,—и, главнымъ образомъ, къ той, которая практиковалась и практикуется крайними лѣвыми организаціями.

II.

«... Трудовое крестьянство должно свои дѣла взять въ свои руки. Ему не дали земли и воли. Оно само должно взять волю, смѣстивъ всѣ правительственныя власти и замѣнивъ ихъ выборными. Оно само немедленно должно взять всю землю, но не расхватывать ее безпорядочно, а передать ее во временное распоряженіе своихъ выборныхъ, волостныхъ и уѣздныхъ властей впредь до выработки новаго земельнаго закона всенародными избранниками»... Съ такимъ «Манифестомъ», вслѣдъ за роспускомъ Государственной Думы, обратились «ко всему россійскому крестьянству» комитеты трудовой группы и соціалъ-демократической фракціи, крестьянскій и желѣзнодорожный всероссійскіе союзы и центральные комитеты двухъ соціалистическихъ партій (с.-р. и с.-д.). По существу это былъ, какъ я уже сказалъ, возвратъ на прежнія позиціи,—съ тою лишь разницею, что тактическая линія была проведена на этотъ разъ рѣзче и опредѣленнѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ удлиннена, будучи продолжена за предѣлы «воли» *).

Населеніе само должно взять волю и землю... Эта программа дѣйствій существенно разнится, конечно, отъ той, которая проводилась все время конституціонно-демократическою партіею, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всею «кадетскою» Думою. Если выразиться кратко, то к.-д. разсчитывали *получить* землю и волю; революціонныя орга-

---

*) Къ захвату „земли"—по крайней мѣрѣ, къ немедленному захвату—до этого времени не рѣшалась призывать ни одна изъ подписавшихъ „Манифестъ" организацій. Правда, нѣкоторыя мѣстныя организаціи партіи с.-р. уже прошлою осенью сдѣлали кое-гдѣ попытку взять землю, „не расхватывая ее безпорядочно", но партія въ цѣломъ въ то время еще не имѣла на этотъ счетъ какого-либо опредѣленнаго рѣшенія. На партійномъ съѣздѣ, состоявшимся въ концѣ декабря и началѣ января, выяснилось, что „революціонная экспропріація земель признается всѣми", но призывать къ немедленному захвату съѣздъ не рѣшился; предложеніе коммиссіи, поддерживавшееся докладчикомъ Рощинымъ, „объявить черезъ мѣсяцъ призывъ къ революціонному захвату земель весною" было отвергнуто, и большинствомъ 39 голосовъ противъ 19 было принято другое мнѣніе, внесенное тою же коммиссіей и поддерживавшееся докладчикомъ Тучкинымъ, согласно которому слѣдовало готовиться къ возможности аграрнаго взрыва, не предрѣшая его, однако, заранѣе и не призывая поэтому крестьянъ къ захвату. Что касается другихъ, подписавшихъ „Манифестъ", организацій, то нѣкоторыя изъ нихъ, какъ можно было думать, являлись до этого времени даже принципіальными противниками „захвата" земли, по крайней мѣрѣ, въ той его формѣ какая предложена въ „Манифестѣ".

низаціи въ своемъ «Манифестѣ» указываютъ на необходимость *взять* ихъ. Въ этомъ, конечно, и заключается главная разница двухъ тактикъ.

Не слѣдуетъ, однако, черезчуръ огрублять ее, такъ какъ въ данномъ случаѣ приходится имѣть дѣло не съ простою антитезою. Въ предѣлахъ «получить», съ одной стороны, и «взять»,—съ другой, имѣется нѣсколько ступеней,—и каждая изъ нихъ можетъ послужить основой для особой тактики. Расходясь крайними своими ступенями, «получить» и «взять» настолько сближаются между собою другими, что переходъ между ними представляется почти незамѣтнымъ. Чтобы пояснить свою мысль, отмѣчу наиболѣе важныя подраздѣленія охватываемой указанными словами тактической скалы.

«Получить» что-нибудь можно въ видѣ дара, и при томъ безъ какихъ бы то ни было «выступленій» со стороны одаряемыхъ, просто благодаря любвеобильному сердцу дарителя. Къ услугамъ обывателей, расчитывающихъ получить землю и волю такимъ путемъ, имѣется совершенно опредѣленная тактика: они могутъ сидѣть у моря и ждать погоды. Авось, и проглянетъ красное солнышко... Въ исторіи русскаго общества не разъ уже бывали случаи, когда «безсмысленныя мечтанія» охватывали довольно широкіе его слои; такими же «безсмысленными мечтаніями» жила главнымъ образомъ до послѣдняго времени и народная масса.

На слѣдующей ступени требуется уже нѣкоторая активность. Въ основѣ тактики лежитъ та же надежда на милость, но милостивцу начинаютъ досаждать всеподданнѣйшими просьбами. Путь ходатайствъ также не разъ увлекалъ русское общество; къ посылкѣ ходоковъ прибѣгали, когда становилось не въ мочь, и крестьяне. Но ходатайства обыкновенно оставлялись безъ отвѣта, если не считать за таковой раздававшагося подъ часъ суроваго окрика; съ ходоками же поступали и того проще — ихъ просто-на-просто «не пущали».

Указанными формами не исчерпываются, однако, способы «получить» что-либо. Есть еще путь «моральнаго убѣжденія». Нужную вещь можно не только вымолить; можно еще доказать владѣющему ею, что отдать ее необходимо и даже для него выгодно. Такова была въ общемъ тактика общеземскихъ съѣздовъ, завершившаяся посылкой общеземской депутаціи. Кн. С. Н. Трубецкой, выступившій тогда въ качествѣ главнаго парламентера и получившій такимъ путемъ всероссійскую извѣстность, «былъ—по словамъ П. Н. Милюкова — однимъ изъ послѣднихъ, которые еще вѣрили, что общественную борьбу можно вести доводами моральнаго убѣжденія». Само собой понятно, что для простого народа этотъ путь былъ недоступенъ вовсе: кто же, въ самомъ дѣлѣ, мужичьи доводы станетъ выслушивать?!

Но «получить» что-либо можно еще путемъ судебнаго процесса.

Таковой и надѣялась выиграть при посредствѣ Государственной Думы к.-д. партія. «Борьба за право на почвѣ права» — такова, по истолкованію партійныхъ теоретиковъ, сущность к.-д. тактики. «Почвой права» для партіи служили, какъ я уже замѣтилъ, основные законы Россійской имперіи, при чемъ европейское мнѣніе и общія конституціонныя начала она стремилась использовать въ качествѣ апелляціонной инстанціи. На случай же неудачнаго исхода процесса, какой затѣяли к.-д., въ ихъ душѣ, несомнѣнно, таилась все время надежда на кассацію его въ народномъ сознаніи. Къ участію въ дѣлѣ была привлечена и крестьянская масса, но по своему невѣжеству она, нужно думать, не вполнѣ разбиралась во всѣхъ процессуальныхъ тонкостяхъ и, быть можетъ, даже смѣшивала присяжныхъ ходатаевъ съ заправскими ходоками...

Судъ — не единственное, конечно, средство, чтобы «получить» вещь, которую не желаютъ отдать добровольно. Можно принудить къ тому же, обратившись за содѣйствіемъ непосредственно къ силѣ. Послѣдняя можетъ быть примѣнена при этомъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Иногда достаточно бываетъ угрозы—демонстраціи своей силы. На этой тактикѣ особенно усердно настаивали въ первый періодъ движенія соціалъ-демократы, и она, несомнѣнно, сыграла потомъ крупную роль, когда ею удалось увлечь массы.

Соціалисты-революціонеры первые, не ограничиваясь бряцаньемъ, обнажили оружіе. Принудительное значеніе примѣненной въ этой формѣ силы сказалось уже тогда, когда къ ней стали прибѣгать немногія единицы...

Наконецъ, «получить» что-либо можно, не ожидая, что нужная вещь по доброй волѣ или въ силу принужденія будетъ отдана. Есть еще способъ—самоуправство. По отношенію къ вольностямъ онъ широко былъ использованъ уже въ прошломъ году: свободы—сначала союзовъ, потомъ собраній и, наконецъ, печати—были осуществлены впервые, какъ извѣстно, явочнымъ порядкомъ и притомъ въ болѣе широкихъ предѣлахъ, чѣмъ потомъ удалось отстоять ихъ, когда дѣло дошло до законодательныхъ актовъ. Революціонныя организаціи своимъ «Манифестомъ» предложили примѣнить ту же тактику по отношенію къ землѣ и власти...

Мнѣ нечего, конечно, говорить, что этотъ набросокъ различныхъ тактикъ страдаетъ схематичностью и всѣми связанными съ ней недостатками. Не стану я останавливаться и на томъ, что одни и тѣ же тактическіе пріемы могутъ имѣть разный смыслъ и разнообразное значеніе: петиція, напримѣръ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ получить характеръ демонстраціи, а забастовка, помимо демонстративнаго значенія, почти всегда наноситъ болѣе или менѣе чувствительные удары врагу, т. е. играетъ роль обнаженнаго оружія. Мнѣ хотѣлось лишь отмѣтить, что тактическая скала имѣетъ подъемъ довольно отлогій: я миновалъ нѣкоторыя

изъ ступеней, но и за всѣмъ тѣмъ, какъ видѣли читатели, мы почти незамѣтно отъ «дара» дошли до «захвата».

Этою легкостью перехода и объясняется то обстоятельство, что общество въ цѣломъ и различныя общественныя группы въ отдѣльности нерѣдко мѣняютъ свою тактику. Еще легче и свободнѣе могутъ передвигаться со ступени на ступень отдѣльныя лица. По отношенію къ нѣкоторымъ общественнымъ дѣятелямъ это можно прослѣдить съ особою наглядностью. Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы г. Родичева, уже довольно давно пребывающаго на общественной аренѣ. Я не рѣшусь, конечно, утверждать, что онъ когда-нибудь сидѣлъ «въ кельѣ подъ елью», ожидая неизреченныхъ щедротъ отъ любвеобильнаго сердца. Но и за всѣмъ тѣмъ я смѣло могу сказать, что г. Родичевъ неоднократно мѣнялъ свои тактическія позиціи. Въ эпоху «безсмысленныхъ мечтаній» мы видѣли его на знакомой ему еще съ начала 80-хъ годовъ ступени всеподданнѣйшихъ моленій. Адресъ тверского земства, который онъ взялся тогда представить, ни въ коемъ случаѣ нельзя вѣдь было считать демонстраціей. Правда, «бѣлые арапы», какъ ихъ въ былое время называли въ Тверской губерніи, или «черносотенцы», какъ ихъ называютъ теперь повсемѣстно въ Россіи, желая провалить этотъ адресъ, стремились доказать, что въ немъ имѣется намекъ на конституцію. Но я сошлюсь на самого г. Родичева, который, со свойственной только ему экспрессіей, гордо имъ тогда же бросилъ:

— Тверское земство никогда не унижалось до намековъ!..

Потомъ мы видѣли г. Родичева на слѣдующей «моральной» ступени: онъ ѣздилъ въ составѣ земской депутаціи, чтобы представить «доводы». Никакихъ намековъ или недомолвокъ и въ этотъ разъ, конечно, не было. Правда, многое изъ того, что потомъ вошло въ програму к.-д. партіи и даже партіи мирнаго обновленія, сказано не было, но вѣдь недосказанное—какъ потомъ выразился графъ Гейденъ—само собою подразумѣвалось... Вообще, депутаты ушли тогда «вполнѣ удовлетворенные, съ сознаніемъ, что успѣшно выполнили свою миссію».

Легко и свободно «взбѣжалъ» вслѣдъ затѣмъ г. Родичевъ на слѣдующую ступень. Присяжный повѣренный и стряпчій, онъ принялъ дѣятельное участіе въ к.-д. процессѣ и думскомъ судоговореніи. Ему, между прочимъ, поручено было представить апелляцію Европѣ. Во время его отсутствія и состоялся разгонъ Думы. Быть можетъ, это только обстоятельство и помѣшало ему сказать въ первомъ русскомъ парламентѣ финальную рѣчь Мирабо, для которой онъ, казалось, былъ предназначенъ самою судьбою. Говорю: «финальную», такъ какъ несомнѣнно, что ею г. Родичевъ русской революціи не началъ бы. Онъ всегда становился выше зауряднаго обывателя, за что и попадалъ, какъ, напримѣръ, въ эпоху «безсмысленныхъ мечтаній», въ опалу; но онъ никогда изъ оппозиціи

не переходилъ въ революцію. Вѣроятно, и въ этотъ разъ, бросивъ съ экспрессіей знаменитую фразу: «мы уступимъ только силѣ штыковъ», г. Родичевъ предпочелъ бы затѣмъ сдержанно удалиться изъ залы, при появленіи въ ней перваго околоточнаго. «Сдержанность—говорилъ онъ на к. д. съѣздѣ—есть лучшее доказательство силы». Впрочемъ, онъ, можетъ быть, потребовалъ бы, какъ это сдѣлалъ, будучи уже депутатомъ, въ засѣданіи Вольно-Экономическаго общества, чтобы околоточный назвалъ свое имя, «дабы его знала исторія»...

Я не случайно взялъ для примѣра г. Родичева, такъ легко взбѣгавшаго до извѣстнаго предѣла со ступеньки на ступеньку. При всей отлогости подъема, между ступенями тактики есть, однако, грани, и о каждую изъ нихъ можно запнуться. Наиболѣе выдается между ними, повидимому, та, которая проходитъ между ступенькой, на которой стояли к.-д., и той, на которую съ самаго начала встали с.-д. Въ самомъ дѣлѣ, есть вѣдь принципіальная разница между тѣмъ, когда вы получаете что-нибудь путемъ просьбы или убѣжденія, при содѣйствіи хотя бы третьихъ лицъ въ родѣ европейскаго мнѣнія (вѣрнѣе сказать, международныхъ банкировъ), и тѣмъ, когда то же самое отдаютъ вамъ, считаясь съ вашей собственной силой. Эта черта, какъ я думаю, и представляетъ ту границу между «взять» и «получить», которую мы ищемъ и которая раздѣляетъ два рода тактикъ. Попытки свести разницу между ними къ закономѣрности, которая свойственна-де оппозиціи и не свойственна революціи, едва ли могутъ считаться удачными. Какая, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть закономѣрность, если самые законы составляются беззаконно? Манифестомъ 17 октября было установлено «незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы», между тѣмъ, сколько послѣ того помимо Думы законовъ было издано и всѣ они воспріяли силу, и только одинъ законъ—тотъ, который былъ одобренъ Думой, остался безсильнымъ! Почему, далѣе, к.-д. считали необходимымъ дѣйствовать въ рамкахъ «основныхъ законовъ», если эти законы, по ихъ собственнымъ словамъ, были «вѣроломно» изданы? Дѣло, очевидно, не въ закономѣрности... Не болѣе удачными представляются мнѣ и ссылки на «право», хотя бы «конституціонное право», которыми среднія партіи желаютъ обосновать свою тактику, ибо что такое конституція, какъ не соотношеніе реальныхъ силъ, имѣющихся въ странѣ? Право же народовъ на революцію не отъемлемо, и ни одинъ изъ нихъ не замедлитъ совершить ее, разъ только въ его средѣ имѣются достаточныя для этого силы.

Всякая революція сводится въ концѣ концовъ къ вопросу о силѣ. Поэтому и тѣ,—по существу своему, несомнѣнно революціонныя,—задачи, которыя стоятъ сейчасъ передъ Россіей, не могутъ быть разрѣшены иначе, какъ силой. Этимъ, конечно, не предрѣшается еще вопросъ, въ какихъ она можетъ и должна быть примѣнена

формахъ. Какъ я уже сказалъ, эти формы крайне разнообразны, и нѣкоторыя изъ нихъ даже въ настоящее время могутъ быть «закономѣрны». Когда власть перейдетъ къ учредительному собранію, то всѣ народныя силы получатъ возможность отлиться въ дѣйствительно закономѣрныя формы, до тѣхъ же поръ «закономѣрность» ни больше, ни меньше, какъ нѣкоторая случайность, которою можно и должно пользоваться, но на которой нельзя строить какихъ-либо плановъ. Суть же не въ ней... Чтобы быть цѣлесообразной, тактика должна опираться на силу. И съ этой точки зрѣнія, несомнѣнно, правы авторы «Манифеста», когда они говорятъ, что нужно «взять» волю и землю. Попытка «получить» ихъ русскимъ народомъ сдѣлана,—и не разъ уже сдѣлана. Результатъ ея извѣстенъ. Пора уже понять, что для него нѣтъ другого пути, какъ «взять» то, что ему нужно.

Соглашаясь въ этомъ отношеніи съ авторами «Манифеста», я долженъ, однако, отмѣтить, что они приглашаютъ имъ всѣ революціонныя силы собраться на крайней изъ ступеней, какая имѣется въ предѣлахъ охватываемой словомъ «взять» тактики. Я не буду сейчасъ останавливаться на томъ, насколько цѣлесообразнымъ и необходимымъ представляется въ данный моментъ перенесеніе на эту ступень центра тяжести. Напомню лишь то, что мнѣ неоднократно уже приходилось высказывать. Нужна, конечно, рѣшительная тактика, но въ своихъ формахъ она должна быть достаточна разнообразна и ни въ одной изъ нихъ не должна быть перегружена. И въ данномъ случаѣ, какъ я думаю, не трудно было бы предвидѣть, что тотъ высокій діапазонъ, съ какимъ революціонныя организаціи считали возможнымъ возобновить борьбу, заключаетъ въ себѣ не малую опасность. Можетъ быть, и не трудно вскочить на самый верхъ, но не всегда можно звать сюда общественныя силы. Всѣ тактическія ступени въ предѣлахъ «взять» должны быть заняты, иначе собранныя на самомъ верху и не поддержанныя на болѣе низкихъ ступеняхъ силы легко могутъ провалиться. Но оставимъ это... Въ настоящее время несравненно важнѣе для насъ остановиться на другой особенности указанной въ «Манифестѣ» тактики.

III.

Между тактикой, какой держались к.-д., и тактикой, которую предложили революціонныя организаціи въ своемъ «Манифестѣ», кромѣ указанной въ предыдущей главѣ разницы, имѣется и еще одно различіе,—не такъ рѣзко бросающееся въ глаза, но имѣющее тѣмъ не менѣе, какъ я думаю, существенное значеніе. Постараюсь и его въ двухъ словахъ формулировать.

К.-д. разсчитывали получить землю и волю, оперируя исключительно *вверху*. Низы, по ихъ мнѣнію, могли и должны были оста-

ваться спокойными. Авторы «Манифеста», наоборотъ, считаютъ возможнымъ взять землю и волю *внизу*. Что касается верховъ, то они какъ будто сами «образуются». На этой особенности предложенной въ «Манифестѣ» и вообще характерной для нашихъ революціонныхъ организацій тактики я и считаю необходимымъ остановиться.

«Крестьянство само должно взять волю»... «Оно само немедленно должно взять всю землю»... Что это значитъ? Попытаемся такой захватъ представить себѣ въ конкретныхъ формахъ.

Предо мною лежитъ прокламація «Главнаго бюро южнаго раіона Всероссійскаго Крестьянскаго Союза». На ней эпиграфъ: «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое». «Пусть въ каждой деревнѣ— читаемъ мы въ этой прокламаціи—собираются сельскіе сходы, если нельзя, то пусть собираются тайно сознательные крестьяне. Пусть на этихъ сходахъ или тайныхъ собраніяхъ принимаютъ участіе и женщины, и молодежь обоего пола, не моложе двадцати лѣтъ. На сходахъ, на этихъ собраніяхъ нужно всѣмъ сообща выяснить: сколько при деревнѣ есть надѣльной земли, сколько собственной крестьянской, церковной, казенной, сколько есть удобной, пахотной земли, сѣнокосу, толоки, сколько подъ садами, виноградниками, а гдѣ есть и подъ другими угодьями. Затѣмъ, сколько земли у ближайшихъ помѣщиковъ и какой земли. Потомъ слѣдуетъ потолковать о томъ, какъ поступить съ землей: передать ли ее въ пользованіе тѣмъ, кто будетъ обрабатывать ее своими руками, или подѣлить всю землю между ними въ собственность, съ правомъ купли-продажи. Рѣшивъ эти вопросы, а также выяснивъ, сколько есть жителей на всей этой землѣ, каждая деревня пусть выберетъ по одному выборному. Выборные отъ всѣхъ деревень волости составятъ волостной земельный комитетъ. Выбирать этихъ выборныхъ должны всѣ мужики и бабы, дѣвки и парни, но понятно не тѣ, кому меньше 20 лѣтъ. Выборными могутъ быть не только мужчины, но и женщины и дѣвушки, если сходъ или собраніе сознательныхъ найдетъ ихъ достойнымя для такого важнаго дѣла. Выборные тѣ должны съѣхаться въ условленномъ мѣстѣ, если нельзя въ томъ селѣ, гдѣ волость. Собравшись, выборные отъ каждой деревни должны разсказать, какъ у нихъ порѣшено съ землею. Если не у всѣхъ одинаково порѣшено и выйдетъ, значитъ, по какому-нибудь вопросу разногласіе, то придется принять для волости такое рѣшеніе, за какое больше голосовъ будетъ»...

Эту схему не трудно, конечно, продолжить. Выборные отъ волостей соберутся въ условленномъ мѣстѣ, если нельзя будетъ въ городѣ, и образуетъ уѣздный комитетъ. Выборные отъ уѣздовъ образуютъ комитетъ губернскій, а тамъ и верхи образуются: соберутся «всенародные избранники» и составятъ учредителеное собраніе. Вмѣстѣ же съ тѣмъ и общее рѣшеніе получится, «за какое больше голосовъ будетъ»...

Я долженъ, однако, оговориться. Прокламація, которую я цитирую, рекомендуетъ изложенную схему организаціи въ сущности для того только, чтобы «потолковать» и «разсказать». «Рѣшеніе», которое «придется принять для волости», приводить въ исполненіе не требуется. Прокламація предлагаетъ его только написать, подписать всѣмъ членамъ волостного комитета и послать въ Петербургъ въ Таврическій дворецъ въ Государственную Думу на имя какого-нибудь изъ членовъ трудовой группы, напримѣръ, Аладьина, Аникина, Онипко, Ульянова. Если это трудно сдѣлать, то надо эту бумагу переслать черезъ вѣрнаго человѣка въ Одессу, въ бюро крестьянскаго союза, и оно уже отправитъ бумагу въ Петербургъ»...

Такимъ образомъ, рѣчь въ данномъ случаѣ шла объ образованіи явочнымъ порядкомъ тѣхъ земельныхъ комитетовъ для обсужденія аграрной реформы, какіе проектировались трудовой группой и были забракованы к.-д партіей. Фактически же дѣло должно было свестись къ еще меньшему. Судя по тому направленію, какое даетъ ему въ концѣ концовъ прокламація, все могло ограничиться въ сущности «поддержкой», какую крестьяне оказывали Думѣ посредствомъ приговоровъ и наказовъ. Въ случаѣ захвата земли и воли дѣло должно будетъ получить, конечно, болѣе серьезный оборотъ. Рѣшенія сельскихъ и волостныхъ комитетовъ должны быть приведены въ исполненіе...

Произойдетъ, стало быть, слѣдующее. Въ деревнѣ Заплатовѣ соберется сельскій сходъ, а если нельзя, то тайно соберутся сознательные крестьяне. Такъ или иначе, но трудовое крестьянство рѣшитъ «само взять волю, смѣстивъ всѣ правительственныя власти и замѣнивъ ихъ выборными». Такъ или иначе оно приведетъ свое рѣшеніе въ исполненіе. Въ результатѣ получится Заплатовская республика. То же должно будетъ произойти въ Дырявинѣ, Разутовѣ, Знобишинѣ, Горѣловѣ, Неѣловѣ, Неурожайкѣ—тожъ. Представители всѣхъ этихъ деревенскихъ «республикъ» съѣдутся въ условленномъ мѣстѣ и образуютъ федеративную республику Пустопорожней волости. Представители волостыхъ штатовъ договорятся затѣмъ объ образованіи такой же республики уѣзда Терпигорева. Потомъ будетъ учреждена федерація Подтянутой губерніи, отъ которой, если миновать области, останется одинъ шагъ до всероссійской «демократической республики». Такъ, если представлять себѣ въ конкретныхъ формахъ, долженъ происходить захватъ воли, производимый снизу.

Землю я оставлю въ сторонѣ. Захватъ ея по указанной схемѣ, когда статистика собирается на тайныхъ собраніяхъ и вопросъ о томъ, отдать ли землю въ пользованіе или подѣлить въ собственность, рѣшается силами отдѣльныхъ деревень, чреватъ такими опасностями, что къ нему мнѣ придется вернуться особо. Кромѣ того, и усложнять картину мнѣ сейчасъ не хотѣлось бы. Ограничимся поэтому пока одной волей.

Самую схему ради простоты и наглядности я прикинулъ въ ея полномъ видѣ. Я допустилъ, что уже деревни начинаютъ приводить свои рѣшенія въ исполненіе. Въ дѣйствительности возможенъ, конечно, предварительный сговоръ между ними и даже волостями. Всероссійскій сговоръ едва ли, однако, возможенъ. Во всякомъ случаѣ, авторы «Манифеста» не вводятъ его въ свой разсчетъ. Допустимъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ окажется возможнымъ предварительное соглашеніе даже по цѣлой губерніи. Какъ бы то ни было, осуществленіе плана должно начаться съ образованія многихъ независимыхъ республикъ и съ отложенія каждой изъ нихъ отъ остальной Россіи. Это-то именно я и желалъ возможно рѣзче подчеркнуть, прикидывая схему въ ея полномъ, не урѣзанномъ видѣ.

Посмотримъ теперь, какъ пойдутъ дѣла въ этихъ независимыхъ при ихъ возникновеніи «республикахъ». Возьмемъ хотя бы такой случай. Деревня Заплатова приняла извѣстное рѣшеніе и привела его въ исполненіе. Но потомъ, когда ея представители явились въ волостное федеральное собраніе, то оказалось, что «не у всѣхъ одинаково рѣшено, и вышло, значитъ, по данному вопросу разногласіе». Выходъ, конечно, есть: «придется принять для волости такое рѣшеніе, за какое больше голосовъ будетъ». Но вѣдь дѣло не въ рѣшеніи только, но и въ исполненіи. Деревня Заплатова то, что она сдѣлала, должна будетъ передѣлать заново. Представьте же себѣ, что, рѣшая національный и религіозный вопросы, она признала необходимымъ всѣхъ евреевъ повѣсить. Не погромъ это былъ и не революціонная борьба, когда какъ никакъ всетаки имѣетъ силу чувство отвѣтственности; заплатовцы сдѣлали свое дѣло въ законодательномъ порядкѣ или въ порядкѣ верховнаго управленія. И, конечно, не легко такое дѣло будетъ передѣлать,— для этого недостаточно вѣдь будетъ вынуть повѣшенныхъ изъ петли. Если этотъ примѣръ вамъ не нравится, возьмите другой,— не людей, а землю. Представьте себѣ, что заплатовцы подѣлили ее въ собственность и уже осуществили въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ доставшееся имъ такимъ путемъ право купли-продажи; въ волостномъ же собраніи будетъ рѣшено отдавать землю не иначе, какъ въ пользованіе. Чтобы привести это рѣшеніе въ исполненіе, придется вновь прибѣгнуть къ захвату. Правда, подписавшія «Манифестъ» организаціи предлагаютъ передать землю «во временное распоряженіе своихъ выборныхъ, волостныхъ и уѣздныхъ властей впредь до выработки новаго земельнаго закона всенародными избранниками». Но вѣдь Заплатовская республика, пока она не вошла въ составъ федераціи, будетъ суверенна, и, стало быть, отъ нея будетъ зависѣть, какіе вопросы подвергнуть не временному только, но и окончательному рѣшенію. Вполнѣ возможно, что подписавшія «Манифестъ» организаціи, даже всѣ вмѣстѣ, окажутся не въ состояніи провести на заплатовскомъ

сходѣ свою программу,—и не легко, конечно, будетъ потомъ привести въ исполненіе рѣшеніе, какое по большинству голосовъ будетъ принято въ волости.

Между тѣмъ, на волостномъ собраніи дѣло вѣдь не кончится. Когда представители волостныхъ штатовъ съѣдутся въ уѣздный городъ, то тамъ большинство голосовъ можетъ оказаться на сторонѣ первоначальнаго заплатовскаго рѣшенія или какого-нибудь иного, и, стало быть, передѣланное еще разъ придется передѣлывать. Не придется ли вынутыхъ изъ петли людей вновь повѣсить и дважды захваченную землю вновь подѣлить въ собственность? Между тѣмъ, и эта передѣлка можетъ оказаться еще не послѣднею. Вѣдь отъ уѣзднаго рѣшенія до общегосударственнаго далеко еще...

Я взялъ наиболѣе рѣзкіе примѣры и, быть можетъ, очень сильно утрировалъ то, что можетъ произойти въ дѣйствительности. Но основная моя мысль—невозможность не обсуждать, конечно, а *рѣшать* общенародные вопросы снизу—думаю, понятна. Въ такомъ случаѣ пришлось бы пережить не одну, а нѣсколько революцій,—и при томъ революцій, направленныхъ не противъ тѣхъ, кто находится сверху, а противъ тѣхъ, кто уже совершилъ ихъ внизу. Чтобы избѣгнуть этой опасности, не придется ли отдѣльнымъ деревнямъ, волостямъ, уѣздамъ и губерніямъ предоставить такъ много автономіи, что въ концѣ концовъ для всенароднаго рѣшенія ничего не останется? Съ другой стороны, не будетъ ли слишкомъ великъ соблазнъ для каждой деревни, въ случаѣ чего, отказаться отъ участія въ федераціи и остаться въ качествѣ независимой республики? Не придется ли тогда силою оружія создавать единую и нераздѣльную республику,—сначала волостную, потомъ уѣздную и т. д. вплоть до всероссійской? Въ исторіи такіе примѣры бывали: напомню хотя бы гражданскую войну между сѣверными и южными Штатами въ Америкѣ. Рабовладѣльческія же деревни и даже цѣлыя области могутъ найтись и у насъ. Съ этою опасностью и при другомъ методѣ рѣшенія вопросовъ, вѣроятно, придется еще считаться; воспользоваться же рекомендованнымъ въ «Манифестѣ» способомъ—значило бы, закрывши глаза, броситься ей на встрѣчу.

Демократизмъ, доведенный до своего логическаго конца, мыслитъ, конечно, каждую деревню автономной. На этой платформѣ стоятъ, между прочимъ, анархисты-общинники. Возможно ли, однако, при данныхъ историческихъ условіяхъ такъ далеко провести линію демократизма? Если же возможно, то не лучше ли въ такомъ случаѣ сразу поставить опредѣленную цѣль—анархію?

Но допустимъ, что я преувеличилъ указанную мною опасность. Допустимъ, что ея удастся избѣгнуть, и что вопросы, требующіе всенароднаго рѣшенія, сами собою дойдутъ до общегосударственнаго представительнаго собранія, и лишь послѣ того принятыя по нимъ рѣшенія будутъ приводится въ исполненіе. Имѣется другая опасность въ предложенномъ «Манифестомъ» тактическомъ планѣ.

Серьезныя сомнѣнія можно вѣдь предъявить и на счетъ демократичности, создаваемой по указанному въ немъ способу, хотя бы и временной, хотя бы и предварительной, государственной организаціи. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, какъ озабочено «Главное бюро южнаго раіона» производствомъ выборовъ по пятичленной формулѣ и особенно допущеніемъ къ нимъ молодежи и женщинъ,— «парней и дѣвокъ». Забота, конечно, не напрасная, такъ какъ далеко нельзя быть увѣреннымъ, что всѣ деревни даже одной Пустопорожней волости, будучи предоставлены самимъ себѣ, пожелаютъ осуществить пятичленную формулу. На практикѣ же эту формулу, независимо даже отъ желаній населенія, несомнѣнно, пришлось бы урѣзать, и, въ частности, для дальнѣйшихъ инстанцій, весьма вѣроятно, пришлось бы отказаться, напримѣръ, отъ прямого голосованія. Не будемъ, однако, заглядывать черезчуръ далеко и останемся въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ схема «Главнаго Бюро» развернута. Можно ли назвать выборы всеобщими, если ихъ произведутъ на «тайныхъ собраніяхъ» «сознательные крестьяне»? Можно ли ихъ назвать равными, если каждая деревня, независимо отъ своихъ размѣровъ, «выберетъ по одному выборному»? Допустимъ, что схема, которую попыталось дать «Главное Бюро» неудачна и что можно предложить несравненно лучшую. Однако и за всѣмъ тѣмъ легко понять, какъ много можетъ возникнуть всякихъ вопросовъ, которые крайне трудно, а то и вовсе не возможно сколько-нибудь правильно разрѣшить путемъ самоопредѣленія отдѣльныхъ деревень, волостей и уѣздовъ.

Само собой понятно, что чѣмъ дальше будетъ подвигаться эта строющаяся снизу государственная организація, тѣмъ больше въ ней будетъ искривленій и неправильностей. И когда образуются «верхи», когда соберется то или иное общегосударственное представительное собраніе, то болѣе, чѣмъ сомнительно, чтобы въ немъ оказались дѣйствительные «всенародные» избранники. Трудно предугадать, какой подборъ, въ концѣ концовъ, получится, но несомнѣнно, что созданное такимъ путемъ собраніе рискуетъ оказаться крайне одностороннимъ и далеко не выражающимъ воли всего народа. Оно можетъ оказаться даже болѣе однобокимъ, хотя бы и съ другой стороны, чѣмъ Булыгинская, Горемыкинская или Столыпинская дума. Будетъ ли оно въ состояніи разрѣшить, согласно съ желаніями страны, основные государственные вопросы,—хотя бы вопросъ объ организаціи народнаго представительства? И не рискуетъ ли такимъ путемъ революція, если ей даже удастся избѣжать столкновеній внизу, поднявшись къ самому верху, оказаться въ конфликтѣ съ народомъ?

IV.

Я понимаю, конечно, что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о созданіи не нормальной, а революціонной организаціи. И если я остановился на архитектурныхъ неправильностяхъ предложеннаго въ «Манифестѣ» плана, то лишь для того, чтобы сразу же устранить ссылку, — а таковая, конечно, возможна, — на красоту и стройность создаваемой снизу государственной организаціи. Дѣло, конечно, не въ красотѣ и не до нея сейчасъ. Положеніе страны представляется въ настоящій моментъ столь тяжелымъ и тотъ или иной выходъ изъ него столь нужнымъ, что необходимо, быть можетъ, идти на самый крупный рискъ, не останавливаясь даже передъ возможностью гражданской войны или передъ диктатурой горлановъ. Претендовать на красоту и стройность революція не можетъ. Исторія знаетъ примѣры, когда временное правительство провозглашалось уличной толпой и, тѣмъ не менѣе, оно оказывалось способнымъ начать новую эру въ жизни народа. Недемократичная по формѣ, новая организація власти можетъ оказаться достаточно демократичной по существу. Не въ обычное время живемъ мы, когда несовершенство формы можетъ роковымъ образомъ повліять на содержаніе. Въ странѣ бушуетъ буря, и она наполнитъ революціоннымъ духомъ даже несовершенныя формы. Создадимъ то, что возможно, не смущаясь уродливостями,—потомъ перестроимъ и исправимъ. Не будемъ останавливаться даже передъ рискомъ, что зданіе потомъ развалится: сейчасъ важно создать хотя бы временное пристанище...

Встанемъ на эту точку зрѣнія. Въ такомъ случаѣ вопросъ о правильности даннаго тактическаго плана теряетъ свое значеніе; самымъ важнымъ является вопросъ объ его осуществимости. Но и съ этой стороны онъ вызываетъ, какъ я думаю, большія сомнѣнія.

Попытки со стороны населенія отдѣльныхъ мѣстностей самому взять волю были вѣдь уже сдѣланы, и методъ образованія «республикъ» былъ уже испробованъ. Мы имѣли Пятигорскую «республику», Читинскую, Красноярскую, Дебальцевскую... Было нѣсколько волостныхъ и деревенскихъ. Видѣли мы и очень серьезныя попытки въ этомъ родѣ, хотя бы «республику латышскую». Но всѣ такого рода отложившіяся отъ самодержавной Россіи мѣстности были очень скоро, какъ извѣстно, вновь покорены самодержавнымъ правительствомъ. Счастливое исключеніе въ данномъ случаѣ представила Финляндія, но и ея «волю» нельзя вѣдь считать обезпеченной. На фонѣ многихъ другихъ неудачъ, это исключеніе, быть можетъ, только подтверждаетъ общее правило. Воля—сказалъ я—должна быть взята народомъ. Несомнѣнно, однако, что это можетъ

сдѣлать цѣлый народъ, а не отдѣльныя деревни и даже не области.

Во всякомъ случаѣ, путь экстенсивнаго возстанія, — захвата воли отдѣльными мѣстностями — уже испробованъ. Изъ горькаго опыта, чтобы онъ не пропалъ даромъ, можно и должно, какъ я думаю, сдѣлать «поучительные выводы».

Нѣкоторые изъ нихъ очень ужъ просты и даже дѣлать ихъ, казалось бы, не къ чему. Нужно ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить, что нельзя отдѣльныя, предоставленныя самимъ себѣ, мѣстности противопоставлять врагу, который можетъ обрушиться на нихъ тяжестью цѣлой государственности? Яркій примѣръ неизбѣжнаго въ такихъ случаяхъ пораженія дала Москва во время декабрьскаго возстанія... Силы ея могли быть больше, но онѣ, во всякомъ случаѣ, были ограничены и рано или поздно неизбѣжно должны были оказаться исчерпанными. Правительство изъ трехъ округовъ стянуло тогда войска, но оно могло бы стянуть ихъ въ еще большемъ количествѣ. Его силы, по сравненію съ силами повстанцевъ, представлялись прямо-таки безпредѣльными.

— Если бы Петербургъ поддержалъ въ декабрѣ Москву, то обстоятельства могли бы сложиться иначе...

На этомъ, въ сущности, и строятъ свой планъ сторонники захвата воли снизу. Не на деревню Заплатову, а на весь народъ они въ конечномъ счетѣ возлагаютъ надежды. Такова же была и психологія самаго возстанія. Учреждая «республику», какое нибудь Дебальцево было, конечно, увѣрено, что за нимъ стоитъ вся Россія.

Но это была «игра въ темную». По отношенію къ декабрьскимъ событіямъ данное выраженіе можетъ быть употреблено въ его почти буквальномъ смыслѣ. Желѣзнодорожная и почтово-телеграфная забастовки, изолировавъ отдѣльныя мѣстности, окутали ихъ мракомъ неизвѣстности. Приходилось жить воображеніемъ и слухами, между тѣмъ люди находились подъ впечатлѣніемъ крупнаго октябрьскаго выигрыша. Обстоятельства такимъ образомъ сложились необыкновенно благопріятно для азарта и риска. Вполнѣ естественно поэтому, что нашлись люди и цѣлыя мѣстности, которыя стали «играть въ темную».

Въ свое время газеты передавали, что изъ Харькова была пущена кѣмъ-то телеграмма о всеобщемъ возстаніи, которая и вызвала появленіе «временныхъ правительствъ» чуть ли не на всѣхъ станціяхъ одной изъ желѣзнодорожныхъ линій. Мнѣ пришлось слышать разсказъ про желѣзнодорожный постъ, весь штатъ котораго состоялъ изъ телеграфиста, дорожнаго мастера и стрѣлочника. Телеграмма и тамъ вызвала образованіе временнаго правительства. Собравшись на митингъ, обитатели поста низложили телеграфиста и провозгласили начальникомъ сына дорожнаго мастера.

«Манифестъ», который мы обсуждаемъ, представляетъ въ сущности такую же телеграмму, разсчитанную на то, что люди повѣрятъ въ начинающееся общее возстаніе. Несомнѣнно, что это та же «игра въ темную». Не на организованныя силы страны — такихъ силъ, чтобы осуществить всеобщее возстаніе, въ настоящее время конечно, нѣтъ, — а на стихію авторы возлагаютъ свои надежды. Можетъ быть, поднимется буря, которая охватитъ широкое пространство. Но, можетъ быть, пронесется лишь смерчъ, который захватитъ узкую полосу, сорветъ нѣсколько крышъ, вырветъ нѣсколько деревьевъ и затѣмъ замретъ, какъ бы убѣдившись въ собственномъ безсиліи.

Стихійныя силы въ великой борьбѣ должны быть, конечно, использованы. Можетъ быть—и даже навѣрное—ими, главнымъ образомъ, русская революція и будетъ произведена. Когда почву, заросшую вѣковымъ лѣсомъ, піонеръ желаетъ обратить въ культурную ниву, то онъ раньше сохи пускаетъ огненную стихію. И не противъ обращенія къ стихійнымъ силамъ я возражаю. Но... разсчитывая очистить страну огнемъ, необходимо предварительно убѣдиться, что въ ней имѣется достаточно горючаго матеріала. Прежде, чѣмъ поднести спичку, нужно убѣдиться, что дуетъ вѣтеръ, который поможетъ огню охватить все предназначенное для выжиганія пространство. Иначе получится не лядина, которую можно будетъ обратить въ ниву, а костеръ, который оставитъ по себѣ лишь ни на что не нужную плѣшину. Хуже того: получится костеръ, какъ бы спеціально устроенный для самосожженія.

Я не буду сейчасъ останавливаться на томъ, имѣется ли въ странѣ достаточно горючаго матеріала, чтобы могъ произойти общій пожаръ. Будемъ пока исходить изъ факта: еще недавно мы видѣли вспышки въ Свеаборгѣ, въ Кронштадтѣ, на «Памяти Азова», но общаго пожара не получилось. Помимо всего прочаго, какъ я думаю, въ данномъ случаѣ сыграло свою роль и отсутствіе подходящаго вѣтра, который бы раздувалъ и разносилъ пламя.

Послѣ каждой неудачной вспышки вѣроятность, что одновременно произойдетъ какое-нибудь «общее выступленіе»—а къ этому въ сущности и сводится разбираемый нами планъ тактики,—становится, какъ я думаю, все меньше и меньше. Необходимымъ условіемъ такого неорганизованнаго общаго выступленія является, какъ мы видѣли, вѣра въ общую поддержку. И вотъ эта-то вѣра рядомъ неудачныхъ вспышекъ въ значительной части дѣйствующихъ силъ уже подорвана. Нѣтъ былого увлеченія и непосредственности,—меньше стало и охоты играть въ темную.

Россія велика и мѣстности, способныя вспыхнуть въ ней, конечно, еще найдутся. Можетъ быть, найдутся и обширныя еще пространства, на которыхъ огонь могъ бы разгорѣться достаточно сильнымъ, что-бы не быть погашеннымъ, пламенемъ. Но не слу-

чайно революціонныя организаціи обращаютъ свои взоры въ данномъ случаѣ къ деревнѣ: въ значительной своей части она не пережила еще своей непосредственности и не потеряла способности къ увлеченію. Участвовавшія же въ борьбѣ силы простой «телеграммой» теперь въ дѣло, пожалуй, не двинешь.

Наглядный и яркій примѣръ, какъ измѣняется въ этомъ отношеніи массовая психологія, даютъ намъ всеобщія забастовки. Припомните великую октябрьскую забастовку. Какъ быстро и какое громадное пространство она захватила. Желѣзнодорожный союзъ бросилъ тогда спичку. Не думайте, что это была какая-нибудь могучая организація, — число членовъ союза было тогда очень не велико и даже теперь, послѣ всѣхъ ужасныхъ репрессій, какія онъ пережилъ, ихъ насчитывается, какъ говорятъ, больше. Но онъ былъ силенъ тогда вѣрой въ него. Теперь, тотъ же самый союзъ, обращается «ко всему россійскому крестьянству» съ предложеніемъ начать возстаніе, и не рѣшается начать въ собственной средѣ даже забастовку. Очевидно, онъ чувствуетъ, что уже нѣтъ былого обаянія.

Ноябрьская всеобщая забастовка оказалась несравненно менѣе удачной и ограничилась почти однимъ Петербургомъ. На это были, конечно, свои причины: и то, что рабочіе далеко еще не оправились послѣ октябрьскаго выступленія, и то, что поводы, вызвавшіе эту забастовку, военное положеніе въ Польшѣ и военный судъ надъ матросами въ Кронштадтѣ—были для массы, можетъ быть, не достаточно ясны. Какъ бы то ни было, тогдашняя неудача, наложила свою печать на психологію даже наиболѣе сознательнаго петербургскаго пролетаріата. Декабрьская всеобщая забастовка оказалась еще болѣе неудачной, іюльская, которую предприняли соціалъ-демократы послѣ роспуска Думы, — и совсѣмъ жалкой. Теперь нужны, по общимъ отзывамъ, исключительныя обстоятельства, чтобы всеобщая забастовка могла осуществиться. И прежде всего нужна, конечно, вѣра, что забастовка будетъ всеобщей, — иначе каждый заводъ и каждая мастерская будутъ дѣйствовать съ оглядкой, выжидая, пока начнутъ другіе, а мы-де поддержимъ. Тѣмъ болѣе нужна такая вѣра, чтобы могло стихійно осуществиться такое общее «выступленіе», какъ повсемѣстный захватъ «воли». Возродить эту вѣру,—вѣру въ то, что воля будетъ взята не заплатовскимъ только трудовымъ крестьянствомъ и не петербургскимъ только пролетаріатомъ, а всѣмъ трудовымъ народомъ,— и представляется необходимымъ. Только при этомъ условіи можно цѣлесообразно использовать стихію.

Съ этой точки зрѣнія, можетъ быть, не лишне будетъ сдѣлать кое-какіе и другіе поучительные выводы изъ горькаго опыта.

Выше я уже упомянулъ, что при бывшихъ до сего времени вспышкахъ каждая мѣстность неизмѣнно оказывалась предоставленной своимъ собственнымъ силамъ. Не только никакихъ планомѣр-

ныхъ попытокъ стянуть силы изъ другихъ мѣстъ обыкновенно не предпринималось, но и никакого тяготѣнія ихъ туда, гдѣ онѣ были нужны, замѣтно не было. Въ самомъ дѣлѣ: Петербургъ не могъ поддержать Москвы не только баррикадами, но и забастовкой; но онъ могъ бы, казалось, поддержать ее личными силами. Въ то время, какъ правительство стягивало къ Москвѣ войска, и революція могла вѣдь двинуть туда добровольческіе отряды. Въ дѣйствительности, однако, изъ Петербурга въ Москву поѣхали только семеновцы, революціонный же Петербургъ до конца остался въ роли зрителя...

На ряду съ этимъ отсутствіемъ какого бы то ни было стремленія къ концентраціи силъ, крайне характернымъ представляется другой фактъ. «Вспышки» обыкновенно кончались раньше, чѣмъ горючій матеріалъ, имѣвшійся въ данной мѣстности, бывалъ израсходованъ. Надлежащаго упорства въ отстаиваніи разъ начатаго дѣла не оказывалось. Приходится, такимъ образомъ, констатировать крайнюю неустойчивость психики въ возникавшихъ до сего времени «республикахъ».

Причины этой неустойчивости были, конечно, сложны, но въ числѣ ихъ далеко не послѣднее мѣсто, какъ я думаю, занимала недостаточная авторитетность учреждавшейся явочнымъ порядкомъ власти. Въ началѣ ей склонны бывали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подчиняться даже губернаторы, но очень скоро обыкновенно въ ея правомочности начинали сомнѣваться даже тѣ, которыми она была установлена. Не столько, быть можетъ, физической, сколько моральной не хватало ей силы.

Въ одномъ изъ сибирскихъ городовъ имѣлъ мѣсто, какъ разсказываютъ, такой случай. Желѣзнодорожный баталіонъ, дѣйствовавшій въ полномъ согласіи съ рабочими и даже участвовавшій черезъ своихъ представителей въ комитетѣ, который исполнялъ роль мѣстной власти, заявилъ однажды, что онъ переходитъ опять на сторону правительства.

— «Безъ правительства жить нельзя»,—только и могли объяснить солдаты.

Я думаю, что можно и должно понять эту психологію. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ, что народъ долженъ взять «волю», то ни въ коемъ случаѣ не должны упускать изъ виду, что это слово имѣетъ два смысла. Взять волю—это значитъ взять власть и свободу. Но это разныя вещи, и едва ли ихъ можно взять однимъ и тѣмъ же способомъ. Личную свободу можно осуществлять явочнымъ порядкомъ,—революціонное право каждаго человѣка и, стало быть, каждой общественной группы въ этомъ отношеніи безспорно. Но въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о захватѣ совсѣмъ другой «воли». Представьте же себѣ, что деревня Заплатова начинаетъ осуществлять народную волю въ смыслѣ власти. Ея право лишь въ томъ случаѣ могло бы быть признано безспорнымъ, если бы она въ серьезъ

отложилась отъ остальной Россіи. Тогда населеніе деревни Заплатовой представило бы изъ себя «народъ», который и могъ бы осуществить свою волю. Но въ дѣйствительности вѣдь этого быть не можетъ. Сознаніе общенароднаго единства остается, и, стало быть, волю деревни Заплатовой ни въ коемъ случаѣ нельзя отождествить съ волею народа. Изъ этого слѣдуетъ, что какія бы власти ни были учреждены въ отдѣльныхъ городахъ и весяхъ и сколь бы совершеннымъ способомъ онѣ ни были избраны,—разъ онѣ учреждены для данныхъ только мѣстностей—выразительницами народной воли онѣ быть не могутъ. Правительство можетъ быть узурпаторскимъ, но, оставаясь олицетвореніемъ народа и дѣйствуя его именемъ, оно неизбѣжно будетъ давить на психику не только массъ, но и самихъ революціонеровъ.

Взять волю—это значитъ учредить совсѣмъ другую власть, не заплатовскую, а общенародную. И лишь такая власть можетъ сдѣлаться центромъ, къ которому будутъ стекаться силы. Только тогда революція пріобрѣтетъ центростремительный, а не центробѣжный, какъ теперь, характеръ. И, быть можетъ, лишь съ появленіемъ такой власти возродится вѣра, что воля будетъ взята всѣмъ народомъ.

Между тѣмъ, въ тактическомъ планѣ, который мы сейчасъ обсуждаемъ, вопросъ о правительствѣ отсутствуетъ вовсе. Правда, въ «Манифестѣ» упоминается объ учредительномъ собраніи, но именно такъ, какъ будто оно само «образуется». Въ этомъ и заключается, какъ я думаю, основной дефектъ разбираемаго нами тактическаго плана. Ошибка, которую допускаютъ авторы «Манифеста», пожалуй, не меньше той, какую допускаютъ к.-д., хотя и противоположна ей. Тѣ надѣются получить волю безъ поддержки снизу; эти разсчитываютъ взять ее, не объединенной сверху.

Я уже сказалъ, что считаю к.-д. тактику ошибочной. Я не вѣрилъ ей даже тогда, когда к.-д. министерство казалось вѣроятнымъ, для самихъ же к.-д. даже несомнѣннымъ. Но я думаю, что они правы, когда желаютъ начать съ правительства. Только такимъ путемъ народъ можетъ взять свою волю. Если же я не вѣрилъ и не вѣрю въ успѣхъ ихъ тактики, то только потому, что считаю ихъ не способными «взять» волю, хотя они и знаютъ, гдѣ она находится. Они вѣдь, «на почвѣ права, ведутъ борьбу за право», они разсчитываютъ получить власть на законномъ основаніи. Если бы они сдѣлались министрами, то еще тщательнѣе, конечно, закутались бы въ тогу своей лояльности...

Совершили ли бы они въ такомъ случаѣ революцію?—а вѣдь она сверху до низу должна быть кѣмъ-либо произведена. Раскассировали ли бы они немедленно полицію?—конечно, нѣтъ, потому что воры имъ все еще кажутся страшнѣе погромщиковъ. Довѣрили ли бы они общественную безопасность самочинно сложившимся въ борьбѣ за свободу организаціямъ?—едва-ли, ибо революціонеры

имъ показались бы, можетъ быть, страшнѣе грабителей. Сдѣлавшись министрами, к.-д., вѣроятнѣе всего, занялась бы не революціей, а реформами. Они стали бы пересматривать штаты и «на законномъ основаніи» проводить законы. Они дѣлали бы это, конечно, съ знаніемъ дѣла, съ толкомъ, и съ разстановкой,—съ неизбѣжной для нихъ разстановкой, какъ бы они ни спѣшили. Они стали бы ждать нужныхъ «волеизъявленій». Сдѣлавшись министрами, они не сдѣлались бы правительствомъ. Правительство осталось бы прежнее... Не въ закономѣрности, какъ я уже сказалъ, тутъ было бы дѣло,—она, какъ была, такъ и осталась бы декораціей. Въ дѣйствительности, к.-д. просто-на-просто не рѣшились бы опереться на революціонныя силы народа. А безъ нихъ никакой революціи получиться не можетъ.

Но малонадежной представляется мнѣ и тактика, рекомендуемая въ «Манифестѣ». К.-д. не рѣшились бы смѣлымъ взмахомъ молота, если бы таковой даже достался имъ въ руки, раздробить существующую организацію власти и отдать страну во власть народа. Революціонныя организаціи, наоборотъ, какъ будто полагаютъ, что народную волю можно собрать изъ осколковъ власти, въ то время, какъ самодержавіе будетъ бить по нимъ остающимся въ его рукахъ молотомъ...

Въ мою задачу, какъ обозрѣвателя, не входитъ, конечно, проектированіе тѣхъ формъ, въ какихъ могло бы возникнуть народное правительство. Исторія же пользовалась для этого разными. Старое правительство низвергалось и новое учреждалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ улицей: основной вопросъ рѣшался, такимъ образомъ, однимъ ударомъ. Таковы были революціи XIX вѣка во Франціи. Въ другихъ случаяхъ новое правительство возникало рядомъ съ прежнимъ и гражданская война рѣшала споръ между ними. Достаточно было въ нѣкоторыхъ случаяхъ высадки небольшого отряда, чтобы вопросъ о правительствѣ въ странѣ сдѣлался спорнымъ. Бывали въ исторіи и всякія другія формы,—не столь рѣзкія, почти мирныя. Мыслима и та форма, которую, слѣдуя нѣкоторымъ западно-европейскимъ образцамъ, желали, но не могли использовать к.-д. Но я не припомню ни одного случая, когда бы новое правительство выростало снизу,—на манеръ кораллового острова. И я боюсь, что такимъ путемъ не только цвѣтущаго материка въ бурномъ океанѣ, какой представляетъ изъ себя Россія, но даже достаточно твердаго подводнаго рифа, о который могъ бы разбиться корабль нынѣшней государственности, пожалуй, и то не получится...

— «Учредительное собраніе не созывается, а *учреждается*»—говорилъ и подчеркивалъ на теріокскомъ митингѣ г. Аладьинъ.

Лишь условно можно согласиться съ этимъ. Въ дѣйствительности, учредительное собраніе, хотя бы и не въ качествѣ таковаго, всегда созывалось правительствомъ. Создать для этого новое пра-

вительство или заставить это сдѣлать старое,—въ этомъ и заключается задача. Во всякомъ случаѣ, нельзя ждать, что учредительное собраніе просто-на-просто «явится» изъ деревни Заплатовой.

Тактическій кризисъ, о которомъ я упомянулъ въ самомъ началѣ, поскольку дѣло касается революціонныхъ организацій, и заключается, по моему мнѣнію, въ неосуществимости плана, въ основѣ котораго лежалъ разсчетъ на неорганизованное «общее выступленіе». Сознаніе этой неизбѣжности неизбѣжно должно было явиться въ средѣ революціонныхъ партій, и онѣ остановились теперь какъ бы на распутьи. Въ связи съ этимъ, какъ можно думать, находится и нѣкоторая заминка въ общественной борьбѣ. Остановка, конечно, продлится недолго и революціонныя силы двинутся. Но отъ того пункта, на которомъ онѣ сейчасъ находятся, можно идти въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, можно сдѣлать борьбу совсѣмъ эксцентричной или, какъ теперь принято выражаться, партизанской; съ другой стороны, можно попытаться, въ той или формѣ, сконцентрировать силы.

Какая изъ этихъ тактикъ или какая комбинація ихъ при данныхъ условіяхъ представляется наиболѣе цѣлесообразной? Какая изъ нихъ при данной организаціи революціонныхъ силъ представляется наиболѣе возможной? Чтобы уяснить себѣ это, мы должны войти въ кругъ совсѣмъ другихъ фактовъ и соображеній, чѣмъ съ какими имѣли дѣло на предыдущихъ страницахъ,—и бесѣду на эту тему я отложу до слѣдующаго раза.

---

26 августа въ Берлинской санаторіи скончался писатель Михаилъ Рафаиловичъ Гоцъ (Рафаиловъ),—одинъ изъ видныхъ дѣятелей партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Предполагавшійся къ напечатанію въ настоящей книгѣ некрологъ покойнаго, вслѣдствіе внезапной болѣзни автора П. Ф. Якубовича, будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ номерѣ.

А. Пѣшехоновъ.

Новыя книги.

Борисъ Лазаревскій. Повѣсти и разсказы. Изданіе М. М. Зензинова. Москва. 1906. Стр. 340. Цѣна 1 р. 25 к.

«Таланту подражать нельзя, потому что каждый настоящій талантъ есть нѣчто совершенно своеобразное. Золота искусственнымъ путемъ не сдѣлаешь». Это замѣчаніе Чехова сохранилъ въ воспоминаніяхъ о своемъ любимомъ писателѣ г. Лазаревскій. Замѣчаніе было бы жестоко, если бы было правильно; но оно слишкомъ категорично, чтобы быть правильнымъ. Бываютъ небольшіе таланты, подражательные, однако настоящіе; не возможно назвать ихъ совершенно своеобразными, но не возможно и совершенно отрицать ихъ. Типичнымъ образцомъ талантовъ этого рода представляется намъ дарованіе г. Лазаревскаго. Читаешь его съ интересомъ и иногда съ удовольствіемъ чувствуешь: это хорошо, это правда. Но иногда вдругъ въ серьезномъ мѣстѣ улыбнешься — до такой степени все копируетъ Чехова. Г. Лазаревскій воспроизводитъ не только внѣшнюю манеру чеховскаго изложенія; его темы перепѣваютъ Чехова, его герои повторяютъ чеховскихъ героевъ, онъ самъ, изображая ихъ, проникается настроеніемъ, которое мы иначе не назовемъ, какъ чеховскимъ. Это не школа Чехова, не вліяніе Чехова: это именно воспроизведеніе. Школа оставляетъ слѣды на индивидуальности, но воспитываетъ самостоятельнаго творца; вліяніе не исключаетъ своеобразія. Кольцовъ повліялъ на Никитина, но Никитинъ былъ самъ по себѣ; Альбовъ вышелъ изъ Достоевскаго, но Альбова не смѣшаешь съ Достоевскимъ. Разсказъ г. Лазаревскаго можно выдать за разсказъ Чехова, слабый и странно неудачный,— какъ будто Чеховъ, однако и не Чеховъ; удивительный случай литературной мимикріи. Обмануться можно, конечно, не надолго; всякая имитація разсчитана на поверхностный взглядъ, но въ этихъ предѣлахъ подражательная манера г. Лазаревскаго исполняетъ свою роль безукоризненно. Сознательнаго въ этомъ подражаніи, конечно, не много: хотѣлось взять въ техникѣ большого писателя то, что казалось въ ней сильнымъ, хотѣлось усвоить его міровоззрѣніе, пассивно-скептическое, гуманно-всепрощающее, благодушно-безразличное; привлекательной и нужной казалась смѣлость, съ которой любимый писатель трактовалъ нѣкоторыя положенія, какъ будто запретныя для стыдливой русской литературы: и въ погонѣ за всѣмъ этимъ молодой писатель отдалъ изъ своей индивидуальности больше, чѣмъ слѣдовало; и то, что у Чехова было творчески самобытнымъ, стало у г. Лазаревскаго перепѣвомъ. У него нѣтъ

своего стиля—и стиль Чехова сталъ у него манерой: быть можетъ, недостатокъ характера больше, чѣмъ таланта.

Чеховъ былъ несравненнымъ мастеромъ «анализа безконечно малыхъ». Знаменитыя большія уши, которыя Анна Каренина увидала у своего мужа только тогда, когда полюбила другого,—самый подчеркнутый и общеизвѣстный образецъ этихъ психологическихъ и бытовыхъ мелочей, безконечно мелкихъ и безконечно важныхъ въ изображеніи жизни и неуловимыхъ для всѣхъ, кромѣ настоящаго художника. Чеховъ схватывалъ ихъ съ поразительной наблюдательностью и безстрашно складывалъ изъ нихъ самую суть своего разсказа. Г. Лазаревскій также охотно отмѣчаетъ эти мелочи, и останавливаетъ на нихъ вниманіе читателя. Но одна черточка отличаетъ ихъ отъ чеховскихъ: онѣ не убѣдительны, не необходимы; какъ трель или cadenza ad libitum у виртуоза вытекаетъ не изъ сущности передаваемаго имъ произведенія искусства, а изъ потребности его техники, такъ не нужны и навязчивы психологическія и бытовыя подробности въ разсказѣ г. Лазаревскаго. Дѣйствіе разсказа «Вавочка» происходитъ на театрѣ минувшей войны; героиня уѣхала туда съ сестрой вслѣдъ за мужемъ. «Коля уѣхалъ со своей частью въ воинскомъ поѣздѣ, а мы съ Надей побыли въ Москвѣ еще цѣлыхъ полторы недѣли. Посмотрѣли «Вишневый садъ», который произвелъ на меня страшное впечатлѣніе, кое-что купили и выѣхали въ воскресенье съ экспрессомъ». Героиня разсказа «Ученица» разсказываетъ, какъ она ѣхала съ матерью въ Крымъ: «Мама боялась моря и потому отъ Севастополя до Ялты мы ѣхали въ ландо. Копыта четырехъ лошадей слегка топали по известковой пыли. *Побрякивало привязанное подъ кузовомъ ведро*. Рокотали рессоры. Дремалось». Въ разсказѣ «Урокъ» вниманіе читателя останавливается на томительно-неопредѣленномъ настроеніи созрѣвающей дѣвушки: «Дина съ нетерпѣніемъ ждала Пасхи и лѣта. Теперь, въ посту, чувствовалось особенно тоскливо, и единственнымъ развлеченіемъ была постная пища. Иногда она съѣдала по цѣлой коробкѣ маринованной осетрины и любила вымазывать бѣлымъ хлѣбомъ *острый, немного пахнущій жестью, сокъ»*.

Это случайные примѣры—есть, вѣрно, болѣе яркіе,—но надо вчитаться въ разсказы г. Лазаревскаго, чтобы видѣть, до какой степени не нужны ни для дальнѣйшаго движенія разсказа, ни для «настроенія», ни для «характеровъ» эти детали, до какой степени притянуты безъ основанія и этотъ «Вишневый садъ», и бряканье ведра подъ кузовомъ, и пахнущій жестью сокъ маринованной осетрины. А вѣдь въ разсказѣ — такъ училъ г. Лазаревскаго покойный Чеховъ — «какъ на палубѣ военнаго корабля, не должно быть ничего лишняго». Менѣе всего способенъ г. Лазаревскій исполнить этотъ завѣтъ Чехова: коротокъ или длиненъ его разсказъ, онъ всегда водянистъ, всегда растянутъ ненужными под-

робностями. Непосредственно за афоризмомъ о военномъ кораблѣ г. Лазаревскій разсказываетъ, какъ онъ встрѣтилъ однажды Чехова: поразительный примѣръ того, какъ безслѣдно прошли для ученика слова учителя. «Въ апрѣлѣ 1900 года въ нашъ городъ пріѣхалъ московскій художественный театръ. Для глубокой провинціи это было огромнымъ событіемъ. Я отправился къ зданію театра съ цѣлью во что бы то ни стало достать для себя и для жены билеты, хоть на «Чайку», которая была анонсирована на 13-е число. Съ трудомъ, но мѣста были куплены, и я довольный вышелъ изъ кассы. Смотрю, на лавочкѣ, у самаго входа въ театръ, сидитъ Антонъ Павловичъ. Мы поздоровались. Чеховъ спросилъ, отчего я такъ плохо выгляжу. Я отвѣтилъ, что усталъ и что у меня было сильное разлитіе желчи». И такъ далѣе на протяженіи страницъ: существенное въ нихъ является исключеніемъ; остальное— такія же ненужныя сообщенія г. Лазаревскаго о себѣ. Ненужныя не потому, что г. Лазаревскій говоритъ о себѣ. Лирикъ тоже говоритъ о себѣ, но намъ кажется, что онъ говоритъ и о насъ. Въ томъ же, что Чеховъ добылъ для г. Лазаревскаго два билета на «Одинокихъ» у г. Немировича, который «ходитъ въ цилиндрѣ», нѣтъ ничего интереснаго ни для кого.

Да, трудно воспроизводить Чехова въ главномъ, легко подражать ему во внѣшнемъ: въ неожиданныхъ философски-пессимистическихъ размышленіяхъ героевъ, въ легкомъ скептическомъ тонѣ, въ особомъ вниманіи къ половой природѣ героевъ. Все это было у Чехова, но было полно содержанія; здѣсь оно сдѣланно, ненужно, иногда пошло. Г. Лазаревскій охотно останавливается на женской психологіи и охотно сближаетъ ее съ физіологіей. Разсказы, иногда написанные отъ имени женщинъ, выдвигаютъ физіологическія подробности мимоходомъ, но настойчиво. «Жарко, все бѣлье прилипаетъ», «я ходила грустная, въ легкомъ пеньюарѣ, надѣтомъ прямо на тѣло», «мнѣ нравилось также — героиня разсказываетъ, какъ она высоко взлетала на гигантскихъ шагахъ, — что въ это время товарищи моего брата Миши, восьмиклассники, смотрѣли на мои ноги», «я подошла къ зеркалу въ одной сорочкѣ, отстегнула на плечѣ пуговку и спустила ее».... Съ неизмѣнной монотоніей отмѣчается одна деталь: «Блондинка съ мало развитымъ бюстомъ» («Жизнь»), «шатенка съ хорошо развитымъ бюстомъ», «блондинка съ плоской грудью»; «тонкое кружево сорочки, а за нимъ почти вся, одна очерченная, какъ у Фрины на картинѣ Семирадскаго, вполнѣ сформировавшаяся грудь, которая спокойно то подымалась, то опускалась» («Урокъ»), «застегивала кофточку такъ, чтобы при дыханіи видно было кружево сорочки и кусочекъ тѣла» («Ученица»); «мокрая сорочка спустилась съ одного ея плеча и открыла художественно-очерченную грудь» («Egalité»). Безъ всякой pruderie: вѣдь это, наконецъ, скучно. Эти детали бываютъ нужны — но никогда не бываетъ нужно, чтобы онѣ лѣзли въ глаза, чтобы онѣ

повторялись изъ разсказа въ разсказъ. Цѣлый очеркъ посвященъ въ сборникѣ обличительному изображенію того, какъ толпа мужчинъ — гимназистовъ и взрослыхъ, чиновниковъ и солдатъ—смотритъ на купающуюся дѣвушку; разсказъ называется «Egalité» и мораль его въ томъ, что люди сравнялись въ грязи. «Я не циникъ—говоритъ разсказчикъ—и никогда имъ не былъ. Мнѣ невыразимо больно, до крика больно думать, что за всю мою жизнь я только однажды видѣлъ картину дѣйствительности, на которой люди были похожи на равныхъ». Хорошо бы сдѣлалъ г. Лазаревскій, если бы исключилъ изъ своего сборника и эту напыщенно-философскую «Egalité» и такіе очерки, какъ «Жизнь», «Эгершельдъ», «Она»—и сократилъ бы прочіе. Въ нихъ много лишняго—и объ этомъ не стоило бы говорить, если бы въ нихъ не было много цѣннаго. Не для того, чтобы смягчить все вышесказанное, но для того, чтобы усугубить его значеніе, мы рѣшительно настаиваемъ на томъ, что было говорено о г. Лазаревскомъ вначалѣ: у него есть талантъ. Онъ наблюдателенъ, онъ вдумчивъ; онъ такъ неестественъ въ роли скептика именно потому, что онъ по существу не скептикъ: у него есть милая, привлекательная чувствительность, которая ему къ лицу и которую онъ неумѣло и напрасно прикрываетъ горделивымъ à vol d'oiseau. И какъ хорошо и тепло, когда онъ,—какъ въ «Умершей»,—не дѣлаетъ этого. По этому пути надо идти г. Лазаревскому — надо не стыдиться себя, надо искать себя, надо стать собой.

Станиславъ Пшибышевскій. Заупокойная Месса. Книгоиздательство „Скорпіонъ". (Четвертая книга собранія сочиненій). Москва. 1906. Цѣна 1 рубль.

Маловѣры, улыбающіеся при мысли о незыблемости русскихъ свободъ, а въ частности—свободы русскаго печатнаго станка, нынѣ получаютъ усиленное доказательство свободы послѣдняго. Это—четвертая книга сочиненій Пшибышевскаго въ изданіи «Скорпіона»,—книга, которая, во-первыхъ, украшена обложкой Gidus'a, а во вторыхъ, содержитъ въ себѣ «Заупокойную Мессу» (отсюда общее заглавіе для всего тома).

И «Заупокойная Месса», и обложка имѣютъ за собой цѣлую «всеобщую» (австро-русскую) исторію, разсказанную издателями въ предисловіи. Оказывается, что «Заупокойная Месса» своевременно, при своемъ появленіи (въ 1901 г.) въ краковскомъ журналѣ «Krytyca», была конфискована австрійскими властями, а затѣмъ въ 1904 г. и русскими, когда книгоиздательство «Скорпіонъ» попыталось включить «Заупокойную Мессу» во II томъ собранія сочиненій Пшибышевскаго. Книга была арестована и вновь разрѣшена лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ съ изъятіемъ «Заупокойной Мессы». — То же самое произошло, но уже исключительно на

россійской территоріи, и съ обложкой нѣмецкаго художника Gidus'а. Обложка предназначалась не для «Заупокойной Мессы», а для «Homo Sapiens», была своевременно разрѣшена цензурой московской, но главное управленіе по дѣламъ печати тоже своевременно спохватилось, предназначенный къ выпуску романъ задержало и, по словамъ издателей, непремѣннымъ условіемъ выхода книги поставило—замѣну обложки другой... Вотъ какъ было прежде, не такъ теперь. Теперь, какъ видить читатель, никому невозбранно и прочесть «Заупокойную Мессу», обратившую на себя вниманіе литературно-полицейской стражи двухъ странъ, и полюбоваться обложкой отъ «Homo sapiens», которою издатели, по ихъ словамъ, сочли возможнымъ украсить «Заупокойную Мессу», въ виду того, что авторъ-художникъ, спеціально запрошенный по этому поводу, нашелъ, что его обложка можетъ такъ же хорошо иллюстрировать содержаніе «Заупокойной Мессы», какъ и содержаніе «Homo Sapiens». Съ своей стороны, мы думаемъ, что издатели напрасно безпокоили спеціальнымъ запросомъ автора-художника, такъ какъ его обложка является своего рода универсальной обложкой ко всѣмъ произведеніямъ Пшибышевскаго, вошедшимъ въ составъ четвертой книги. Во всѣхъ нихъ героемъ является душевно больной человѣкъ, фиксировавшій свою мысль на сферѣ половой жизни, и потому изображенный на обложкѣ голый, съ чернымъ лоскутомъ на плечѣ, человѣкъ нѣсколько библейскаго характера, съ энергіей мономана шагающій навстрѣчу кому-то или чему-то по тѣламъ совершенно обнаженныхъ женщинъ, среди потоковъ свѣта, брызжущихъ отъ какихъ-то фантастическихъ свѣтилъ, одинаково опредѣляетъ—или не опредѣляетъ —содержаніе и «Заупокойной Мессы», и «Въ часъ чуда», и «Города смерти».

Заупокойной мессой является самое содержаніе разсказа Пшибышевскаго. «Въ началѣ былъ полъ. Ничего, кромѣ него,—все въ немъ»,— по своему рѣшаетъ герой «Заупокойной Мессы» задачу Фауста, при чемъ подъ словомъ «полъ», мѣняя тѣсный смыслъ этого слова, разумѣетъ общеміровую силу, которая создала все бытіе съ его жаждой бытія. И пока, на самомъ дѣлѣ, ничего не было, кромѣ «пола», бытіе было цѣльнымъ и гармоничнымъ. Но вотъ біологическая жизнь (частный случай «пола») создала мозгъ, роль котораго, конечно, была тоже служить интересамъ біологической жизни (пола). Тѣмъ не менѣе «то, что должно было быть средствомъ, что должно было служить, стало самоцѣлью, властелиномъ»: мозгъ возсталъ, въ концѣ концовъ, противъ «пола», противъ цѣлостности стремленія жить. Законность стремленія жить и размножать жизнь не подлежитъ сомнѣнію въ глазахъ героя «Заупокойной Мессы»,— но тогда ему непонятно, почему же это стремленіе должно прятаться куда-то въ потемки отъ сознанія, отъ мысли? А если мысль «пожрала» въ немъ «полъ», какъ выражается герой «Заупокойной Мессы», то не обозначаетъ ли это безсиліе «пола» біологическаго приговора къ смерти? Герой Пшибышевскаго пытается насильственно

возстановить первичную цѣлостность своей души; онъ пытается бунтарскимъ путемъ уравнять въ себѣ права біологической и интеллектуальной сторонъ жизни, но оказывается безпомощнымъ и терпитъ въ своей попыткѣ тяжелое пораженіе. Не получается ничего, кромѣ пароксизмовъ бѣшенаго наслажденія и затѣмъ тяжкой мучительной расплаты за него передъ «душой»... Кромѣ смерти никакого другого средства удовлетворить жажду синтеза и гармоніи въ себѣ у героя Пшибышевскаго, надъ которымъ онъ и служитъ свою заупокойную мессу, не оказалось...

Пшибышевскій намѣренно избралъ въ качествѣ героя «Заупокойной Мессы» человѣка, утратившаго душевное равновѣсіе. По его словамъ—въ предисловіи къ «Заупокойной Мессѣ» — для современнаго художника-психолога цѣнны именно «тѣневыя полосы, которыя мономанія, психозъ (у современнаго человѣка) бросаютъ въ будущее (нормальнаго человѣка, какимъ онъ будетъ)»... ...«изъ жизни, ощущенія какого-нибудь тонко организованнаго алкоголика, мономана, страдающаго психозомъ ужасныхъ видѣній, можно вывести болѣе глубокія и тонкія заключенія о психологіи эпохи, о природѣ дѣйствительно индивидуальныхъ чертъ, чѣмъ изъ произведеній иного великаго литератора. — Большей частью это — величественныя откровенія самаго интимнаго и глубокаго въ человѣческой душѣ; это — сверкающія молніи, которыя бросаютъ яркій, хотя и мгновенный, свѣтъ въ великое невѣдомое, въ чуждую страну безсознательнаго.» — Эта теорія проникновенія въ будущее, если читатель раздѣлитъ ее, поможетъ, несомнѣнно, читателю превозмочь утомительныя до скучности подробности «Заупокойной Мессы». Если же читатель не соблазнится этой гипотезой, сближающей Пшибышевскаго съ первобытными анимистами (Пшибышевскій знаетъ это, заставляя своего героя констатировать, что ему «не хватаетъ объединяющей вѣры» и въ томъ числѣ «вѣрѣ въ Шарко и вѣры въ божественность одержимости бѣсами»), тогда онъ совершенно законно со своей точки зрѣнія отнесетъ весь четвертый томъ къ тому единственно-недопустимому, по Вольтеру, жанру въ литературѣ, который называется скучнымъ. Не измѣнитъ впечатлѣнія ни блестящій, колоритный языкъ; ни, поражающія многогранностью и яркостью сравненій, характеристики того, о чемъ въ томъ или другомъ случаѣ идетъ рѣчь, ни вкрапленныя въ философію «стихотворенія въ прозѣ», для чего-то вновь (отдѣльно) перепечатанныя въ концѣ книги. Въ цѣломъ всетаки угнетающее своимъ однообразіемъ нагроможденіе интересныхъ деталей, замысловато и причудливо связанныхъ. Это обстоятельство, несомнѣнно, гораздо больше помѣшаетъ широкимъ слоямъ читателей подчиниться «заражающему» вліянію философской беллетристики Пшибышевскаго, чѣмъ это сумѣли бы сдѣлать австрійскія и отечественныя литературно-полицейскія власти.

Поль и Викторъ Маргеритъ. Коммуна. Романъ. Пер. съ франц. Е. А. Кишкиной. Изд. Н. Глаголева. Спб. Стр. 435. Цѣна 80 коп.

Авторы — братья Маргеритъ. Тема—коммуна. И тѣмъ не менѣе, читателю приходится не читать романъ, а «одолѣвать» его. По словамъ авторовъ, ихъ романъ долженъ служить выраженіемъ ихъ «ужаса и ненависти къ самой возмутительной изъ войнъ». Въ то же время авторы-художники задавались спеціальной цѣлью— быть безпристрастными: ихъ романъ посвященъ одинаково «побѣдителямъ и побѣжденнымъ Коммуны... примиреннымъ въ смерти и забвеніи». Быть можетъ, эта сложность настроенія и задачи авторовъ и понизили общій тонъ въ романѣ. Въ романѣ совершенно не чувствуется страсти: нѣтъ именно того «ужаса» и той «ненависти», о которыхъ говорится въ посвященіи. Передъ читателемъ только люди, желающіе быть правдивыми въ передачѣ взаимнаго озвѣрѣнія «братьевъ-враговъ», какъ выражаются авторы. Но и это сдѣлано блѣдно. Для своихъ цѣлей авторы пользуются длинными и всесторонними характеристиками положенія, дѣлаемыми старымъ историкомъ, однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ, который старается все видѣть и все понять, такъ какъ именно въ качествѣ очевидца-историка «онъ долженъ былъ дать отчетъ всему (во всемъ?), что видѣлъ», какъ не совсѣмъ ясно опредѣляетъ побужденія 65-лѣтняго историка переводчица «Коммуны». Такія же длинныя характеристики—въ длинныхъ рѣчахъ другого дѣйствующаго лица, химика и стараго республиканца, который достаточно освѣдомленъ и въ рабочемъ вопросѣ, и въ дѣлахъ биржи, а когда заходитъ рѣчь о Тьерѣ, способенъ, «положивъ руку на плечо Марсіаля» (сына-скульптора), прочесть цѣлую передовицу о прошлой роли Тьера въ качествѣ государственнаго дѣятеля іюльской монархіи и объ его «будущей» роли въ качествѣ главы республики, которую, скрѣпя сердце, придется признать.. Въ результатѣ—длинный конспектъ по исторіи, который былъ бы, быть можетъ, менѣе затруднителенъ для чтенія, если бы подзаголовкомъ: «романъ» не обѣщалъ читателю того, чего онъ не можетъ дать—художественныхъ впечатлѣній.—Переводъ не свободенъ отъ погрѣшностей и въ отношеніи правильности передачи подлинника, и въ отношеніи правильности русской рѣчи.

П. И. Поповъ. Въ Америкѣ. Издательство О. Н. Поповой. Спб. 1906 г. стр. 322. Цѣна 1 р. 50 коп.

И въ подзаголовкѣ, и въ текстѣ книги авторъ не разъ указываетъ на то, что пробылъ въ Америкѣ двадцать три года. Онъ отправился туда послѣ прерванной тюремнымъ заключеніемъ университетской карьеры, получилъ за океаномъ медицинское образованіе и около четверти вѣка провелъ на новой родинѣ. О ея нравахъ и строѣ, текущей жизни и историческихъ воспоминаніяхъ

сообщалъ онъ отечественной прессѣ всѣхъ оттѣнковъ, отъ «Новаго Времени» до «Вѣстника Европы»; нынѣ «по совѣту своихъ друзей и знакомыхъ, въ свое время читавшихъ эти очерки и до сихъ поръ сохранившихъ о нихъ свое благопріятное воспоминаніе», онъ собралъ часть этихъ статей въ лежащемъ предъ нами томѣ.

Цементомъ, закрѣпившимъ это «благопріятное воспоминаніе» на столь продолжительное время, были несомнѣнно, не столько достоинства очерковъ г. Попова, сколько отмѣченныя имъ дружественныя связи. Ибо можно безъ скуки и не безъ пользы прочитать его сообщенія объ американской жизни, но нѣтъ основанія помнить ихъ дольше, чѣмъ помнятъ всякую корреспонденцію. Не надо быть въ Америкѣ, чтобы видѣть, что во время своего двадцати-трехлѣтняго пребыванія въ заатлантической республикѣ авторъ сумѣлъ видѣть поразительно мало, не говоря ужъ о томъ, что разсказалъ онъ о видѣнномъ довольно вяло и блѣдно. Содержаніе сборника г. Попова разнообразно не только по содержанію, но и по формѣ: не удовлетворяясь прозой, онъ излагаетъ свои наблюденія также въ видѣ беллетристическихъ очерковъ. Онъ разсказываетъ о быстромъ и безболѣзненномъ ростѣ небольшого городка, о силахъ и нравахъ американской періодической прессы, о національныхъ праздникахъ американцевъ, о гигантскихъ культурныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ освобожденными неграми за первое двадцати-пятилѣтіе ихъ эмансипаціи; онъ даетъ общую характеристику страны и ея своеобразнѣйшихъ типовъ—профессіональнаго политика, торговаго агента и репортера; едва ли первый у насъ онъ заговорилъ объ Уотѣ Уитманѣ, нынѣ знаменитомъ поэтѣ-символистѣ. Онъ сообщаетъ о безпорядкахъ въ Цинциннати и о морозѣ въ Нью-Іоркѣ; этотъ морозъ былъ въ 1881 году—нѣтъ основаній занимать имъ вниманіе читателей черезъ двадцать пять лѣтъ. Другіе очерки, конечно, болѣе значительны. Несомнѣнно, однако, что десятки книгъ, авторы которыхъ пробыли всего годъ-другой въ Америкѣ, даютъ о ней болѣе яркое и болѣе жизненное представленіе, чѣмъ разсказы г. Попова. Возможно, что при этомъ его книга основательнѣе и правдивѣе; но тѣмъ, кто привозилъ съ собой въ Америку устойчивое, сложившееся міровоззрѣніе, даръ прозрѣнія и изображенія, удавалось мимоходомъ бросить глубокій взглядъ на американскую жизнь, раскрыть ту или иную черту ея существа, чего никогда и нигдѣ не встрѣтишь въ очеркахъ г. Попова. Въ нихъ все на мѣстѣ, все чинно и аккуратно, но въ то же время все невыносимо плоско. Ихъ элементарность дѣлаетъ ихъ пригодными для той публики, которой нужны элементарныя свѣдѣнія; но и ей едва ли полезны тѣ элементарныя идеи, которыми г. Поповъ освѣщаетъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія.

Пановъ, А. В. Домашнія библіотеки. Изданіе III, дополненное. Спб. 1906. стр. 179. Ц. 40 коп.

Своевременно нашъ журналъ далъ отзывъ объ этой полезной книжкѣ. Успѣхъ ея оказался достойнымъ ея значенія: передъ нами лежитъ ея третье, дополненное изданіе. Къ величайшему сожалѣнію, оно дополнено уже не самимъ составителемъ, но вѣрными продолжателями его дѣла: ужъ третій годъ, какъ А. В. Панова нѣтъ въ живыхъ. Приложенныя къ новому изданію поминальныя статьи, при всей своей краткости, даютъ ясное представленіе о жизни и дѣятельности этого типичнаго провинціальнаго подвижника просвѣщенія, одного изъ тѣхъ многочисленныхъ освободителей родины, которыхъ такъ легко затираетъ и забываетъ наша жестокая жизнь. Сынъ деревенскаго дьячка, нелюбимый ребенокъ бѣдствующей семьи, въ шесть лѣтъ уже служащій «нянькой» въ крестьянской семьѣ, потомъ одинокій семинаристъ, ставшій въ старшихъ классахъ центромъ кружка «прогрессистовъ» и, наконецъ, выдающійся студентъ казанской духовной академіи, арестованный и уволенный изъ нея за семнадцать дней до полученія диплома, а затѣмъ, можетъ быть, и профессорской каѳедры: вотъ тотъ путь, по которому покойный труженникъ пришелъ къ самостоятельному міровоззрѣнію и самостоятельной дѣятельности. Эта дѣятельность слагалась изъ службы въ библіотекѣ, объединенія провинціальной интеллигенціи, работы въ газетахъ и журналахъ. Невольныя переселенія характеризуютъ въ достаточной степени направленіе, окрашивавшее эти просвѣтительныя стремленія; изъ Нижняго-Новгорода пришлось перебраться въ Самару, изъ Самары, за помѣщеніе въ «Правѣ» потрясающаго въ своихъ подробностяхъ отчета о громкомъ земельномъ процессѣ крестьянъ с. Боровки съ графомъ Орловымъ-Давыдовымъ, пришлось переселиться въ Саратовъ. Въ воспоминаніяхъ объ А. В. Пановѣ г. Гессенъ разсказываетъ трогательную исторію о томъ, какъ, несмотря на воспрещеніе отлучаться изъ Саратова, покойный привезъ на юбилей Н. К. Михайловскаго адресъ. Это былъ тотъ знаменитый адресъ, оригиналъ котораго былъ конфискованъ администраціей съ цѣлой серіей подписей, и копію котораго, наскоро изготовленную, не всѣ рѣшались везти въ Петербургъ. Но всѣ эти препятствія какъ бы не существовали для А. В. Панова. «Весь, безраздѣльно, онъ былъ поглощенъ заботою передать въ неприкосновенности юбилейный адресъ, который былъ покрытъ тысячами подписей, и въ которомъ, онъ надѣялся, ясно отразилось громкое біеніе пульса провинціальной жизни. Въ его рукахъ этотъ адресъ казался святыней, которую онъ и охранялъ со всѣмъ пыломъ своей души. Я слѣдилъ за А. В. на юбилейномъ обѣдѣ: на щекахъ горѣлъ чахоточный румянецъ, влажные глаза блестѣли, и весь онъ превратился въ слухъ, стараясь не проронить ни одного слова изъ рѣчей ораторовъ. Нужно было, какъ онъ потомъ пояснилъ мнѣ, все это пересказать пославшимъ его, сооб-

щить, что и здѣсь широко разливаются волны общественной жизни, что Петербургъ сливается съ провинціей въ общихъ желаніяхъ и стремленіяхъ. Въ тотъ же вечеръ А. В. пришлось покинуть Петербургъ». Получивъ право свободнаго передвиженія, онъ прежде всего перекочевалъ въ любимый имъ Нижній, гдѣ занялся изданіемъ уже составленнаго каталога «Домашнія библіотеки». Успѣхъ вознаградилъ его за труды, но второе изданіе ему пришлось заканчивать уже во время мучительной борьбы со смертью. «Личное вліяніе его было огромно. Память о немъ еще долго будетъ одушевлять всѣхъ знавшихъ его въ стремленіи работать для счастья народа».

Намъ кажется, что въ той работѣ по дополненію «Домашнихъ библіотекъ», которую приняли на себя продолжатели дѣла покойнаго, лежитъ надлежащій путь къ достойному увѣковѣченію его чистой памяти. Наша популярная литература растетъ съ чрезвычайной быстротой, которая, однако, едва ли превышаетъ ростъ читательскихъ слоевъ. Усиливается и ширится необходимость разобраться въ этой новой, по преимуществу, политической по содержанію и брошюрной по формѣ, литературѣ. Пусть же обзоръ ея и далѣе сосредоточивается вокругъ ядра, созданнаго «Домашними библіотеками». Пусть эта маленькая книжка, сохраняя имя первоначальнаго составителя и данное имъ заглавіе, выраститъ въ цѣлую книгу, въ исчерпывающій обзоръ, въ настольное руководство, для дѣятелей русскаго самообразованія, которыхъ ждетъ теперь столь широкая работа. Пусть при этомъ обновленная и расширенная книга А. В. Панова сохранитъ достоинства первоначальнаго опыта: его добросовѣстность и его широту, его идейный подъемъ и его самостоятельность.

В. Саводникъ. Очерки по исторіи русской литературы. Москва. 1906. Стр. V+501+III. Цѣна 1 р. 60 коп.

Г. Саводника вовлекли въ невыгодную сдѣлку. Министерство народнаго просвѣщенія, какъ всѣмъ извѣстно, не отстающее отъ прочихъ въ погонѣ за духомъ времени, издало новыя программы для своихъ среднихъ учебныхъ заведеній,—и г. Саводникъ поспѣшилъ составить курсъ, «примѣнительно» къ этимъ программамъ. Но его разсчеты, конечно, ошибочны. Прошли блаженныя времена, когда программы были незыблемы, какъ прочіе устои, и когда учебники, одобренные ученымъ комитетомъ, болѣе непогрѣшимымъ, чѣмъ ключарь св. Петра, въ теченіе десятковъ лѣтъ печатались наперекоръ стихіямъ со стереотипа, съ тѣми же нелѣпостями, тѣми же передержками и тѣми же опечатками. Примѣръ налицо: не успѣлъ г. Саводникъ изготовить свой благопристойный и «примѣнительный» учебникъ, устои шатаются, «новыя» программы пересматриваются и смѣняются «новѣйшими».

И не мудрено: работа г. Саводника съ особенной наглядностью показываетъ, какъ ничтожны, бездарны и безлюдны были попытки министерства въ тысячу первый разъ обойти общественное мнѣніе и ввести въ программы средней школы не ту новую русскую литературу, которую желало видѣть въ нихъ русское общество, а тѣ «избранныя мѣста» изъ этой литературы, которыя отнынѣ сочтены безопасными для взрослаго гимназиста.

По существу, г. Саводникъ исполнилъ свою задачу недурно: въ его книгѣ все на мѣстѣ; требованія министерства исполнены безъ ущерба для требованій здраваго смысла. Книга написана съ знаніемъ и съ искренностью—и если она не нужна гимназисту старшихъ классовъ, то въ этомъ виновато министерство больше, чѣмъ г. Саводникъ. Онъ сдѣлалъ, какъ полагается: раздѣлилъ свою книгу на двѣ части—до Гоголя и послѣ Гоголя, разсказалъ біографіи писателей, поговорилъ объ ихъ избранныхъ произведеніяхъ, оцѣнилъ по возможности таковыя и охарактеризовалъ героевъ. Изъ его книги хорошо списывать гимназическія сочиненія, но учиться по ней не годится.

Дѣло въ томъ, что исторія новой русской литературы, какъ предметъ преподаванія, существеннѣйшимъ образомъ отличается отъ прочихъ гимназическихъ наукъ. Математики и грамматики ученикъ не знаетъ: ему надо въ должномъ порядкѣ передать весь доступный и необходимый ему матеріалъ изъ этихъ областей знанія. Но въ новой русской литературѣ онъ знаетъ самое важное: онъ читалъ русскихъ классиковъ. Читалъ нелѣпо, съ безобразными пробѣлами, безъ толку, но всетаки читалъ—и это непосредственное знакомство съ богатырями художественной мысли, конечно, безконечно важнѣе всего того, что можетъ о нихъ сказать учебникъ. Въ этихъ условіяхъ задачей школы должно быть не столько сообщеніе знаній, сколько ихъ упорядоченіе, внесеніе смысла и послѣдовательности въ внѣшкольное чтеніе ученика. Въ этой трудной задачѣ роль учебника сводится къ крайнему минимуму: онъ не въ силахъ замѣнить то творческое, живое руководство, безъ котораго совершенно немыслимо преподаваніе родной литературы. Отвѣтить на это, что у насъ нѣтъ подходящихъ для этого преподавателей, значитъ не отвѣтить; созданіе такихъ преподавателей потребовало бы, во всякомъ случаѣ, меньше времени и усилій, чѣмъ было затрачено на ихъ истребленіе. Ибо въ шестидесятыхъ годахъ такіе преподаватели, несомнѣнно, были, и даже толстовская гимназія не искоренила ихъ до конца. Для такого преподавателя, какъ и для его ученика,—русская литература послѣ Гоголя не сводится, какъ у г. Саводника, къ *шести*—да, къ шести, это не ошибка,—писателямъ, изъ коихъ С. Т. Аксакова г. Саводникъ прибавилъ самовольно, «какъ одного изъ наиболѣе яркихъ представителей русскаго національнаго духа въ литературѣ». Къ учителю, желающему быть воспитателемъ мысли, приходитъ ученикъ, который кой

что уже читалъ, который—что еще важнѣе—знаетъ, что въ русской литературѣ послѣдней половины вѣка были не только пять звѣздъ, но было множество менѣе замѣтныхъ, но все же замѣчательныхъ писателей, были чрезвычайно важныя теченія, были выдающіеся истолкователи, имена которыхъ столь же извѣстны у насъ, какъ и имена большихъ поэтовъ. И что же? Ему ни слова не говорятъ не только о Лѣсковѣ, объ Алексѣѣ Толстомъ, о Григоровичѣ, о Рѣшетниковѣ, о Добролюбовѣ, но даже о Писемскомъ, объ Успенскомъ, о Некрасовѣ. Г. Саводникъ всѣмъ жертвовалъ, боясь допустить въ оцѣнкѣ разбираемыхъ литературныхъ явленій что-либо «спорное, узко-субъективное». Поэтому онъ «отказался отъ мысли дать общую картину литературнаго движенія во вторую половину XIX вѣка и ограничился изображеніемъ дѣятельности нѣкоторыхъ, наиболѣе выдающихся писателей и оцѣнкой ихъ важнѣйшихъ трудовъ, въ которыхъ съ наибольшей ясностью отразились характерныя особенности ихъ дарованія; впрочемъ, такое ограниченіе задачи стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіями министерской программы». Вотъ какъ хорошо вышло: конечно, требованіе авторитета столь высокаго, какъ министерскія программы, и не могли столкнуться съ требованіями здраваго смысла, а если бы и столкнулись, то горе слабѣйшему.

На самомъ дѣлѣ курсъ исторіи новой русской словесности для средней школы долженъ быть написанъ по иной программѣ. Не избѣгать «общей картины литературнаго движенія во вторую половину XIX вѣка» онъ долженъ, а наоборотъ—въ изображеніи этой общей картины его задача. Онъ долженъ раскрыть преемственность литературныхъ явленій, показать, что въ литературѣ было движеніе, а не безразличная смѣна славныхъ именъ и классическихъ произведеній: только это сдѣлаетъ его исторіей литературы, а не ея распространеннымъ каталогомъ. Онъ долженъ быть сводомъ тѣхъ фактовъ, знанія которыхъ школа въ правѣ требовать отъ своего ученика. Поэтому нельзя дѣлать такъ, какъ дѣлаетъ г. Саводникъ: устранить изъ обзора всѣхъ лириковъ, потому что «ознакомленіе съ ними всего лучше можетъ произвести самъ преподаватель, путемъ класснаго чтенія и разбора отдѣльныхъ поэтическихъ произведеній». Классная работа не замѣняетъ учебника, и учебникъ не замѣняетъ классной работы: его надо знать; поэтому онъ долженъ быть краткомъ—втрое короче книги г. Саводника—и полонъ существенныхъ фактовъ и руководящихъ обобщеній. Тогда онъ будетъ настоящимъ помощникомъ для учителя. Такому учебнику не будетъ страшна и субъективность, которой такъ ужасно боится г. Саводникъ. Напрасная боязнь—уже потому, что никакими оговорками въ предисловіи не оградишься отъ этой субъективности. И, дѣйствительно, вопреки обѣщаніямъ, вся книга г. Саводника въ оцѣнкахъ и критическихъ экскурсахъ субъективна: не потому, конечно, что то, что онъ говоритъ, недостойно высокаго званія объ-

ективной истины, но потому, что наравнѣ съ этими истинами о тѣхъ же предметахъ могутъ быть высказаны иныя, съ ними равноправныя. Г. Саводникъ, напримѣръ, усматриваетъ *главную идею* «Дворянскаго гнѣзда» въ томъ, что «смыслъ жизни состоитъ не въ исканіи личнаго счастья, а въ плодотворной работѣ на пользу общую». Очень хорошо и очень благородно; но, быть можетъ, г. автору извѣстно,что всякій вправѣ вложить въ истинно художественное произведеніе субъективное пониманіе, свою «главную идею»? Поэтому напрасно г. Саводникъ предполагаетъ ждать, пока на нѣкоторыя произведенія «установится опредѣленный взглядъ въ критикѣ». Неужто на «Гамлета» установился опредѣленный взглядъ? Неужто онъ когда-нибудь установится? И не будетъ ли это смертью «Гамлета»?

Краткій систематическій словарь всемірной литературы. Подъ редакціей *В. В. Битнера.* Часть первая. Съ рисунками. Изданіе „Вѣстника Знанія" (В. В. Битнера). Спб. 1906 г.

У насъ нѣтъ литературнаго словаря, и нужда въ такомъ пособіи не подлежитъ сомнѣнію. Въ Англіи есть Алибонъ, въ Италіи Губернатисъ, во Франціи Вапро и Лолье, въ Германіи—справочники Мейера и разнообразныя Goldene Bücher и т. п. Только нашъ читатель въ нуждѣ долженъ обращаться къ общимъ энциклопедіямъ, гдѣ онъ не всегда найдетъ необходимыя свѣдѣнія. При такихъ обстоятельствахъ, заглавіе пособія г. Битнера естественно привлечетъ къ нему всякаго, въ комъ интересъ къ литературѣ еще не затушенъ болѣе злободневными и насущными интересами. Къ сожалѣнію, всѣхъ, въ томъ числѣ и тѣхъ немногихъ, кого, какъ оказывается изъ предисловія, имѣлъ въ виду составитель,—ждетъ при ближайшемъ знакомствѣ съ произведеніемъ г. Битнера жесточайшее разочарованіе. Въ «Систематическомъ словарѣ всемірной литературы» г. Битнера нѣтъ ни словаря, ни системы. Это рядъ случайно надерганныхъ изъ разныхъ книгъ статеекъ, изуродованныхъ произвольными, безсмысленными вставками и, въ общемъ, дающихъ только картину того хаоса, который господствуетъ въ мысляхъ и намѣреніяхъ составителя. Достаточное представленіе объ этомъ хаосѣ даетъ, впрочемъ, и предисловіе редактора, предпосланное изданію. Оказывается, что «Словарь всемірной литературы» не былъ задуманъ самъ по себѣ: онъ является «дальнѣйшимъ развитіемъ предполагавшагося нами изданія сочиненія «Характеристика героевъ всемірной литературы». Какъ извѣстно, писатели и поэты разныхъ временъ и народовъ воплотили общечеловѣческое стремленіе къ истинѣ въ прекрасныхъ образахъ, таковы: Фаустъ, Донъ-Жуанъ, Прометей, Гамлетъ и т. д. Первоначальныя намѣренія составителя и ограничивались «собраніемъ критическихъ отзывовъ и характеристики, сдѣланныхъ лучшими авторами объ этихъ герояхъ». Затѣмъ оказалось необхо-

димымъ къ этимъ прекраснымъ образамъ изъ европейской литературы присоединить героевъ и искателей истины изъ русской литературы. Среди послѣднихъ авторъ называетъ Плюшкина, Чичикова и Хлестакова. При такой широтѣ воззрѣній, естественно, невозможно было остановиться на галлереѣ всемірныхъ и иныхъ Прометеевъ: «Характеристика того или иного героя, того или иного литературнаго типа не можетъ быть полною, если мы не укажемъ мѣста, занимаемаго самимъ авторомъ въ лицѣ тѣхъ или иныхъ его произведеній, какъ въ родной ему литературѣ такъ и»—и такъ далѣе. Такимъ образомъ, явился, «рядъ руководящихъ статей по вопросамъ исторіи литературы». Онѣ «расположены въ систематическомъ порядкѣ». Гдѣ же обѣщанный словарь? А очень просто: «Мы присоединимъ ко второй части Словарь-указатель, который, кромѣ указаній на страницы обѣихъ статей, будетъ заключать въ алфавитномъ порядкѣ и разныя краткія свѣдѣнія объ авторахъ, литературныхъ терминахъ, мелкихъ типахъ и пр.».

Развязности предисловія соотвѣтствуетъ вся книга; открывается она статьей «Міровой эпосъ»; статья выдернута изъ книги В. Ѳ. Корша и испещрена вставками изъ всякихъ сочиненій, случайно извѣстныхъ составителю, отъ Филонова до Буслаева и отъ Шерра до К. Аксакова; гдѣ кончается Шерръ и начинается Коршъ, неизвѣстно. По этому способу сдѣлана вся книга. Шерръ сдобренъ Арбузовымъ и Тихоновичемъ, Брандесъ Коганомъ, Шаховымъ, Брокгазомъ и Ефрономъ, Коганъ Ларусомъ, котораго составитель, кажется, считаетъ авторомъ всякой статьи, входящей въ Grand Dictionnaire. Все это сдѣлано безъ толку, безъ тѣни системы и литературной добросовѣстности; о систематичности можно судить по такому порядку главъ: «Средніе вѣка и возрожденіе» Кирпичникова; «Шекспиръ» Шерра; «Сатира» Брюнетьера; «Вѣкъ просвѣщенія» Самюэля; «Фаустъ» Шахова; «Донъ-Жуанъ» Когана; «Вѣчный жидъ» Шахова—и такъ далѣе. Въ заключеніе, «Гамлетъ» Когана.

Не совсѣмъ обыкновенной смѣлостью надо обладать, чтобы не только назвать эту мародерскую стряпню «систематическимъ словаремъ», не только выразить надежду, что эта книга «окажетъ значительную пользу учащимся», но и предпослать ей замѣчаніе, что «трудности составленія такой книги, очевидно, останавливали нашихъ педагоговъ, и до настоящаго времени у насъ такой работы не было». Конечно, не было: кто же могъ ее такъ составить, кромѣ всесторонняго г. Битнера.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ, экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ, контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Сочиненія ***А. П. Чехова.*** Т. XI. Разсказы и пьесы. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій ***Омулевскаго*** (И. В. Ѳедорова). Въ двухъ томахъ. Спб. 1906. Ц. 3 р.

Стихотворенія ***А. Н. Плещеева.*** Четвертое дополненное изд. Подъ ред. П. В. Быкова. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Евг. Тарасовъ. Стихи (1903—1905). Спб. 1906. Ц. 30 к.

Владиміръ Шуфъ. Въ край иной... Сонеты. Спб. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Анатолій Бурнакинъ. Вольныя пѣсни. Стихи 1906 г. Харьковъ. 1906.

Г. Галина. Предразсвѣтныя пѣсни. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Е. С. Левина-Сысоева. Разсказы и стихотворенія. Со статьею А. Я. Ефименко. Спб. 1906. Ц. 30 к.

П. Гейеръ. Элегія и другіе разсказы. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Въ деревнѣ. ***Евгеніи Ловецкой.*** Спб. 1906. Ц. 75 к.

Вл. Семеновъ. Бой при Цусимѣ. Спб. 1906. Ц. 50 к.

П. П. Кузьминскій. „Красный адмиралъ" (лейтенантъ Шмидтъ). Драма-быль. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Ѳ. А. Раговина. Исторія одной души (Елена Келлеръ). Спб. 1906. Ц. 80 к.

Маякъ. Литературно-публицистическій сборникъ. Изданіе А. Лугового. Спб. 1906. Ц. 1 р. 35 к.

Свободная совѣсть. Литературно-философскій сборникъ. Книга вторая. М. 1906. Ц. 1 р. 70 к.

Рудинскій. Записки земскаго врача. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Л. Г. Дейчъ. 16 лѣтъ въ Сибири (воспоминанія). 2-е исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи ***Ореста Миллера.*** Т. I. И. С. Тургеневъ и Ѳ. М. Достоевскій. Изд. четвертое. Т-во М. О. Вольфъ. Спб.—Москва. Ц. 1 р. 50 к.

В. А. Келтуяла. Курсъ исторіи русской литературы. Часть I. Книга первая. Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Вып. I. М. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

С. Ф. Либровичъ. Нерусская кровь въ русскихъ писателяхъ. Спб. 1906. Ц. 40 к.

В. Н. Крачковскій. Афоризмы. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Томасъ Карлейль. Прежде и теперь. Пер. съ англійскаго Н. Горбова. М. 1906. Ц. 3 р.

С. Н. Булгаковъ. Религія человѣкобожества у Л. Фейербаха. М. 1906. Ц. 30 к.

Алексѣй Боровой. Общественные идеалы современнаго человѣчества. Либерализмъ. Соціализмъ. Анархизмъ. (Книгоизд. „Идея"). М. 1906. Ц. 25 к.

Проф. Н. А. Умовъ. Эволюція живого и задача пролетаріата мысли и воли. Книгоизд. „Творческая Мысль". М. 1906. Ц. 30 к.

В. Блоссъ. Французская революція Пер. съ нѣмецкаго Н. С. Тютчева. Книгоизд. „Паллада". Спб. 1906. Ц. 65 к.

Н. Котляревскій. Декабристы. Кн. А. Одоевскій и А. А. Бестужевъ-Марлинскій. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Политическая энциклопедія. Ежемѣсячный журналъ подъ ред. ***Л. З. Слонимскаго.*** Т. I. Выпускъ 2. Спб. 1906. Ц. за 3 тома въ 12 вып. 9 р.

П. П. Мигулинъ. Аграрный вопросъ. Харьковъ. 1906. Ц. 1 р.

Алек. Калантаръ. Аграрныя проблемы. Тифлисъ. 1906. Ц. 10 к.

М. Томара. Къ аграрной реформѣ. М. 1906. Ц. 10 к.

Кн. Григорій Волконскій. Обязательная наслѣдственная аренда. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Михаилъ Туганъ-Барановскій. Національзація земли. Второе значительно дополненное и переработанное изд. Спб. 1906. Ц. 60 к.—Теоретическія основы марксизма. Третье изданіе. Спб. 1906. Ц. 75 к.

В. Твердохлѣбовъ. Обложеніе го-

родскихъ недвижимостей на Западѣ. Часть I. Одесса. 1906.

А. Ванюфферъ. Вѣчность человѣческой жизни (Къ вопросу о страхованіи рабочихъ). Харьковъ. 1906. Ц. 5 к.

А. Нечволодовъ. Отъ раззоренія къ достатку. Спб. 1906. Ц. 80 к.

Н. И. Кузнецовъ. Реорганизація земства (на основахъ всеобщаго избирательнаго права). Воронежъ. 1906. Ц. 10 к.

Г. М. Барацъ. О судебныхъ доказательствахъ по Русской Правдѣ (отдѣльный оттискъ изъ „Вѣстника Права"). 1906.—Повѣсти и сказанія древне-русской письменности, имѣющія отношенія къ евреямъ и еврейству (Отд. оттискъ изъ журн. „Кіевская Старина").

Книгоиздательство „Дѣло". *Р. Трейманъ.* Тираноборцы (Monarchomachen). Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ предисловіемъ М. А. Рейснера. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Книгоиздательство „Правда". Кіевъ. 1906. *Д-ръ В. Конштедтъ.* Аграрный вопросъ и соціалъ-демократія. Съ предисловіемъ Карла Каутскаго. Пер. съ нѣмецкаго. Ц. 60 к.—*Луи Бланъ.* Іюльскіе дни 1830 г. (Изъ „Исторіи десяти лѣтъ"). Пер. съ французскаго. Ц. 40 к.—*Вильгельмъ Либкнехтъ.* Безъ компромиссовъ. Пер. съ нѣмецк. Ц. 15 к.—*Карлъ Каутскій.* Революціонныя перспективы (на современныя темы). Ц. 20 к.—*Жанъ Жоресъ.* Интернаціонализмъ и патріотизмъ. Перев. съ французскаго. Ц. 12 к.—*Эдуардъ Вальянъ.* Рабочее законодательство и гигіена. Пер. съ франц. Ц. 10 к.—*Поль Кампфмейеръ.* Юнкеръ и крестьянинъ. Ц. 8 к.

Дешевая библіотека товарищества „Знаніе". Спб. 1906. № 231. *Ф. Фаньо.* Рабочее профессіональное движеніе въ Англіи. Перев. съ франц. подъ редакціей I. Гольденберга. Ц. 12 к.—№ 261. *Поль Лафаргъ.* Аграрная программа. Пер. съ франц. подъ редакціей I. Гольденберга. Ц. 5 к.—№ 274. *Э. Лиссагарэ.* Исторія парижской коммуны въ 1871 г. Съ французскаго полный перев. подъ редакціей В. Базарова. Ц. 70 к.

Книгоиздательство Л. О. Крумбюгеля и Н. Н. Худекова. М. 1906. *Элизе Реклю.* Богатство и нищета. Перев. съ франц. подъ редакціей Л. П. Никифорова. Ц. 10 к.—*Генри Джорджъ.* I. Всѣ могутъ быть богаты. II. Возрастающее значеніе общественныхъ вопросовъ. Пер. съ англійскаго Л. П. Никифорова. Ц. 5 к.

Книгоиздательство „Молотъ". *В. Гриневичъ.* Право контроля и бюджета. Спб. 1906. Ц. 8 к.

Книгоиздательство „Свободный Трудъ". *Ю. Стекловъ.* Историческое подготовленіе русской соціалъ-демократіи. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Книгоиздательство „Новое Товарищество". М. 1906. *Гатти.* Соціализмъ и аграрный вопросъ. Пер. съ франц. Биллита и Черновой. Ц. 50 к.—*Н. Барецкій-Бергфельдъ.* Борьба Венгріи за независимость. Ц. 25 к.—Популярная библіотека: № 4. *Шарль Ристъ.* Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи. Пер. съ франц. Швецовой. Ц. 1 к.—№ 5. „Разстрига". Ц. 3 к. — № 6. *В. Порфирьевъ.* „Жить стыдно". Ц. 2 к.—№ 13. *А. Чернова.* Какъ венгерцы борются за свои права. Ц. 4 к.—№ 14. *Матье.* Соціальный вопросъ во время французской революціи 1789 г. Ц. 5 к.—№ 16. *А. Будэ.* Командитъ и его общественная роль. Ц. 5 к.—№ 18. *Е. Звягинцевъ.* Земельное переустройство въ городахъ. Ц. 4 к.

Издательство О. Н. Поповой: Спб. 1906. № 24. *С. Сергѣевъ-Уенскій.* Убійство. Разсказъ. Ц. 2 к.—№ 78. *В. Гюго.* На баррикадѣ. Ц. 20 к.—Исторія и общественные вопросы: № 110. *Б. Вологдинъ.* Народная школа и рабочій классъ. Ц. 8 к.—*С. Лозинскій.* Революція 1848 года въ Венгріи. Ц. 12 к.—№ 112. *А. В. Мезіеръ.* Въ поискахъ правды и смысла жизни. Ц. 30 к.—Темы жизни: № 10. *М. Боголѣповъ.* 9 милліардовъ рублей. Русскій государственный долгъ. Ц. 5 к.— № 11. *Н. Коробка.* Свобода совѣсти. Ц. 5 к.—№ 12—13. *А. Ульяновскій.* Женщина въ процессѣ 50-ти. Ц. 50 к.

Книгоиздательство „Молодая Россія". М. 1906: *В. Лункевичъ.* Н. К. Михайловскій. Характеристика-этюдъ. Ц. 25 к.—Популярная библіотека: № 6. *А. Зиминъ.* Нужда крестьянская. Ц. 5 к.—№ 7. *Дм. Самойловъ.* О безработицѣ. Ц. 7 к.—№ 9. *Абрамова.* Враги ли намъ евреи. Ц. 2 к.— *А. Мирской.* Вѣчный инсургентъ. Огюстъ Бланки и революціонная Франція XIX в. Ц. 25 к.

Книгоиздательство „Трудъ и Воля". М. 1906: Классики общественной мысли. *I. Жанъ-Жакъ Руссо.* Общественный договоръ. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ А. К. Дживелегова. Ц. 40 к.—Проф. *Карлъ Диль.*

Соціализмъ, коммунизмъ и анархизмъ. Пер. съ нѣмецк. И. Д. Новика. Ц. 80 к.

Изд. „Библіотека для всѣхъ" О. Н. Рутенбергъ. Спб. 1906. ***Г. Плехановъ.*** 14-е декабря 1825 года. Ц. 8 к.—***Г. Плехановъ.*** В. Г. Бѣлинскій. Ц. 10 к.

Свободное знаніе. Собраніе общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб.—Москва. ***И. Н. Фирсовъ.*** Разиновщина, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни. Ц. 20 к.—***А. С. Догель.*** Кровь. Ц. 25 к.—***В. В. Сиповскій.*** Исторія литературы, какъ наука. Ц. 30 к.—***В. Шимкевичъ.*** Будущее человѣчество съ точки зрѣнія натуралиста. Ц. 30 к.

Изд. Н. Парамонова „Донская Рѣчь". Р. на Д. 1906: ***И. Н. Бѣлоконскій.*** Отъ деревни до парламента. Ц. 5 к.—Фейга. Ц. 3 к.—За что и почему? Разсказъ. ***П. Суздальцевъ.*** Англійскіе рабочіе прежде и теперь. Ц. 4 к.

Книгоиздательство „Трудъ и Воля". М. 1906: ***В. М. Хвостовъ.*** Значеніе и права народнаго представительства. Ц. 3 к.—***А. К. Дживелеговъ.*** О конституціи и конституціонномъ порядкѣ. Ц. 6 к.—***Н. Е. Кудринъ.*** Какъ организовать выборы. Ц. ? к.—***А. К. Дживелеговъ.*** Права и обязанности гражданъ въ правовомъ государствѣ. Ц. 7 к.—***Л. Гремяченскій.*** Какъ составляются законы. Ц. 8 к.—***Н. Ивановъ.*** Свобода собраній и народное представительство. Ц. 6 к.—***В. Львовъ-Рогачевскій.*** Печать и цензура. Ц. 20 к.—***Н. П.*** Всеобщее избирательное право. Ц. 6 к.—***А. М. Обуховъ.*** Что нужно для выборовъ. Ц. 6 к.—***Д-ръ А. С. Дурново.*** Приказный строй и народное хозяйство. Ц. 6 к.—***А. Михайловскій.*** Какъ лучше устроить городскую жизнь. Ц. 6 к. — ***Пр.-д. В. Н. Жиряевъ.*** О судѣ. Ц. 8 к. — ***Гр. Балицкій.*** Гражданская свобода и производительность труда. Ц. 10 к.—***Д. Г.*** Наша позиція. Ц. 6 к.—***Лосевъ.*** Профессіональные союзы.—Что намъ нужно? Ц. 10 к.—***Г. Балицкій.*** Забастовка и бойкотъ. Ц. 8 к.—***А. А. Николаевъ.*** Для чего нужно всеобщее обученіе. Ц. 10 к.—***А. Житковъ.*** О налогахъ. Ц. 6 к.—Смертная казнь. Ц. 10 к.—***Эдуардъ Вальянъ.*** Соціальное страхованіе. Пер. съ франц. Ц. 8 к.—***Др. Шертлинъ.*** Попеченіе о безработныхъ. Ц. 6 к. — ***О. В. Пайеръ.*** Прибавочный трудъ и прибавочная цѣнность. Пер. съ нѣмецк. Ц. 6 к.—***Л. Кожинъ.*** Современныя политическія партіи въ Россіи. Ц. 3 к.—***Ѳ. А. Вольнештейнъ.*** Право и произволъ. Ц. 8 к.—***Е. Зотова.*** Винные откупа и монополія. Ц. 6 к. — ***Н. Сибирякъ.*** Рабочій пролетаріатъ въ Россіи. Ц. 8 к.—***А. К. Дживелеговъ.*** Армяне въ Россіи. Ц. 10 к. — ***Левъ Гинзбургъ.*** Евреи въ Россіи. Ц. 12 к.—***Г. Балицкій.*** Фабричное законодательство въ Россіи. Ц. 15 к.—***Н. Флеровъ.*** Земледѣльческіе рабочіе въ Россіи. Ц. 10 к.—***Лосевъ.*** Торговые служащіе. Ц. 8 к.—***Г. Балицкій.*** Россія при Николаѣ. I. Ц. 8 к.—***Н. Ивановъ.*** Изъ русской старины. Ц. 8 к.—***Л. Дѣева.*** Великая крестьянская война. 1525—1526 г.—***Вернеръ Зомбартъ.*** Очерки изъ исторіи развитія Сѣверо-Американскаго пролетаріата. Пер. К. М. Ц. 30 к.—Возстаніе венгровъ (1848—49). Ц. 6 к.—***А. К. Дживелеговъ.*** Крестьянскія движенія на Западѣ. Ц. 6 к. ***Рауль Ге.*** Камеры соглашеній во Франціи. Пер. съ нѣмецкаго. Ц. 3 к.—***С. Ловинскій.*** Учредительное собраніе 1789 г. во Франціи. Ц. 8 к.—***Ольга Вольнештейнъ.*** Страна равенства и свободы. Ц. 10 к.—***Васильевъ.*** Рабочіе въ Японіи. Ц. 6 к.—***К. Каутскій.*** Карлъ Марксъ. Пер. съ нѣм. Ц. 8 к.—***Г. Занъ.*** Фердинандъ Лассаль и его время. Ц. 8 к.—***А. Дживелеговъ.*** Бисмаркъ и Лассаль. Ц. 8 к.—***Поль Луи.*** „Безработные". Пер. съ франц. Ц. 3 к.—***А. Бѣлевскій-Бѣлорусовъ.*** Бабы. Ц. 3 к.

Книгоиздательство „Сѣятель" Н.-Новгородъ: ***Н. Граціановъ.*** Народные университеты въ Западной Европѣ, Сѣверной Америкѣ и въ Россіи. Ц. 10 к.—***М. Оленина.*** Весна народовъ (Великая французская революція). Ц. 11 к.—***В. Черновъ.*** Къ вопросу о капитализмѣ и крестьянствѣ. 2-е изд. Ц. 50 к.

Библіотека „Юнаго Читателя". Спб. 1906: ***Э. Пименова.*** Эринъ. Зеленый островъ (очерки Ирландіи). Ц. 20 к.—Среди дикарей. Біографическій разсказъ ***Виктора Онса.*** Ц. 15 к.—Исторія молодой жизни. Романъ ***Отто Эрнстъ.*** Пер. В. Исполатовой. Ц. 20 к.—Долой оружіе! Романъ ***Берты Зуттнеръ.*** Перев. съ нѣмецкаго. Изданіе 4-е. Ц. 15 к.

Дж. Кеннанъ. Сибирь и ссылка. Книгоизд. „Логосъ". М. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Е. К. Ножинъ. Правда о Портъ-Артурѣ. Часть I. Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Л. Н. Никселовичъ. Къ вопросу

о тактикѣ кадетской фракціи въ Государственной Думѣ. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Д. Вейсманъ. Сіонизмъ и конституціонная Россія. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Е. Де-Турже-Туржанская. Современное положеніе женскаго и рабочаго вопросовъ. Смоленскъ. 1906. Ц. 35 к.—Искреннее слово русскому народу! Смоленскъ. 1906. Ц. 10 к.

К. Ѳ. Жаковъ. Очерки изъ жизни рабочихъ и крестьянъ на Сѣверѣ. Спб. 1906. Ц. 40 к.

А. И. Шерщенко. Правовое и экономическое положеніе иногороднихъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Выпускъ первый. Кубанская область. Екатеринодаръ. 1906. Ц. 1. р.

Ж. Бѣлозерскій. Слово и дѣло въ „Правдивомъ словѣ" г. Келлера. М. 1906.

Нижегородскій. Упадокъ правовыхъ въ Россіи. Екатеринбургъ. 1906. Ц. 7 к.

Исторія одного русскаго изобрѣтенія. М. 1906. Ц. 20 к.

С. М. Веллеръ. О міровомъ эѳирѣ. Тифлисъ. 1906. Ц. 30 к.

Проф. Р. Бернштейнъ и проф. В. Марквальдъ. Физика видимаго и невидимаго. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. В. Битнера. Спб. 1906.

Георгъ Липпсъ. Руководство къ психологіи. Пер. съ нѣм. М. А. Лихаревой. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Д-ръ *Н. Н. Баженовъ*. Психологія и политика. М. 1906. Ц. 10 к.—Психологія казнимыхъ. (Изъ „Сборника противъ смертной казни"). М. 1906. Ц. 15 к.

Ѳ. Е. Рыбаковъ. Границы психическаго здоровья и помѣшательства. М. 1906.

Н. Новомбергскій. Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи. Т. II. Спб. 1906. Ц. 3 р.—Т. III. Ч. II. Спб. 1906. — Колдовство въ Московской РусиXVIII-го столѣтія. Спб.1906.Ц. 1 р.

Д-ръ мед. С. Л. Сегаль. Вопросы жизни съ точки зрѣнія естествознанія. Новочеркасскъ. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Г. П. Задера. Л. Н. Толстой о медицинѣ и врачахъ. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Д-ръ медиц. К. А. Бари. Бѣшенство. М. 1906. Ц. 25 к.

Д-ръ Карлъ Грубе. Діэтическое и гигіеническое лѣченіе свѣдной болѣзни. Пер. съ нѣмецкаго. Спб.—М. 1907.

Моя система. 15 минутъ ежедневной работы ради здоровья. Соч. *І. П. Мюллера*. Спб.—М. 1907.

Проф. А. Гейльборнъ и проф. Л. Бергъ. Антропологія и этнографія. Пер. съ нѣм. подъ редакціей В. В. Битнера. Спб. 1906.

Проф. Пабстъ и проф. Зипертъ. Минералогія и геологія. Пер. подъ ред. В. В. Битнера. Спб. 1906.

Природа и населеніе Россіи. Составлено *М. К. Т.* Подъ редакціей В. В. Битнера. Спб. 1906.

Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи 1897 г. Численность и составъ рабочихъ въ Россіи. Т. I и II. Спб. 1906.

Комитетъ по землеустроительнымъ дѣламъ. Культурный уровень крестьянскаго полеводства на надѣльной землѣ и его значеніе въ земельномъ вопросѣ. Съ подробными данными по 48 губерніямъ Европейской Россіи. Изслѣдованіе *П. Н. Соковнина*. Спб. 1906.

П. Н. Соковнинъ. Культурный уровень крестьянскаго полеводства на надѣльной землѣ и его значеніе въ аграрномъ вопросѣ. Изд. Д-та Земледѣлія. Спб. 1906.

Статистическое отдѣленіе Псковской Губернской Земской Управы. Виды на урожай озимыхъ хлѣбовъ и травъ. Псковъ. 1906.

Пермская Г. З. У. отдѣленіе с.-хозяйственной статистики. Пермская губернія въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Выпускъ третій. 1906. Пермь. 1906.

Главное Управленіе землеустройства и земледѣлія. Труды сельскохозяйственной химической лабораторіи въ Спб. Подъ общей редакціей профессора *П. С. Коссовича*. Выпускъ IV. Результаты культурныхъ опытовъ за 1899—1903 годы. Спб. 1905.

Изданія А. Ф. Девріена: *П. И. Мемеричеръ*. Общедоступный курсъ машиностроительнаго черченія. Ц. 2 р. 50 к.—*Н. В. Петровъ*. Способы уборки и сохраненія сѣна въ дождевую погоду. Ц. 20 к.—*С. П. Фридолинъ*. О выборѣ молочной коровы при покупкѣ ея. Ц. 30 к.—*І. К. Окуличъ*. Молочное дѣло. Ц. 1 р. 25 к.—*И. И. Калугинъ*. Коза. Ц. 75 к. — *П. И. Каменоградскій*. Томатъ. Его культура и использованіе. Ц. 80 к.—*М. А. Дерновъ*. Омшанники. Ц. 60 к.—*Ив. Трубниковъ*. Совѣты по пчеловодству. 2-е изданіе. Ц. 40 к.—*І. К. Шульгинъ*. Розы. Ц. 50 к.—*П. Слезкинъ*. Агрономъ-практикантъ въ хозяйствѣ. Ц. 75 к. Спб. 1905—1906.

В. Нифонтовъ. О видахъ рус-

-скаго глагола. Пособіе для учащихся русскому языку. Юрьевъ. 1906. Ц. 25 к.

Баронъ Н. Н. Торнау. Атласъ по отечествовѣдѣнію. Ч. II. Сибирь и Туркестанъ. Спб. 1906. Ц. 1 р. 20 к.

Народная и дѣтская литература съ 1880 по 1905 г. Сборникъ сводныхъ отзывовъ. Подъ ред. ***А. А. Громбаха***. Выпускъ I. Географія. Изд. Московскаго Губернскаго Земства. М. 1906.

Русская стенографія. Практическое руководство для школъ и самообученія. Составилъ ***О. Н. Петерсонъ***. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Э. С. Шифферсъ. Самоучитель шахматной игры. Спб. 1906. Ц. 2 р.

Памяти С. Н. Кривенка.

Мои личныя воспоминанія о Сергѣѣ Николаевичѣ Кривенкѣ не обширны; я не взялся бы написать ни его біографію, ни литературную характеристику: послѣдняя представляется мнѣ весьма сложной и, по многимъ обстоятельствамъ, затруднительной и преждевременной... Но съ личностью покойнаго, глубоко-симпатичной и обаятельно-мягкой, стоявшей когда-то вмѣстѣ съ Салтыковымъ и Михайловскимъ во главѣ любимаго молодежью журнала, связано въ моей душѣ столько лучшихъ юношескихъ воспоминаній, что— признаюсь откровенно—во мнѣ болѣзненно дрогнула какая-то забытая струна, когда въ 7 № «Русскаго Богатства» я прочелъ некрологъ Кривенка, принадлежащій перу уважаемаго сотоварища моего по журналу С. Н. Южакова. Сводя во-едино черты жизни и писательской дѣятельности Кривенка, С. Н. Южаковъ, мнѣ кажется, упустилъ изъ виду нѣкоторые существенные факты, бросающіе совсѣмъ иной свѣтъ на весь идейный обликъ покойнаго писателя. Теперь, когда эпоха 80-хъ годовъ отошла въ область исторіи и умеръ самъ Кривенко, нѣтъ, я думаю, основаній скрывать, что покойный въ 1882—1883 г. имѣлъ близкое прикосновеніе къ центральной организаціи партіи «Народной Воли» и принималъ дѣятельное участіе въ тогдашней революціонной прессѣ: его именно перу принадлежала, напр., извѣстная брошюра «Въ ожиданіи коронаціи». Арестованный въ началѣ января 1884 года, Кривенко палъ одной изъ первыхъ жертвъ знаменитой судейкинско-дегаевской ликвидаціи... Такимъ образомъ, въ началѣ 80-хъ годовъ Кривенко находился не среди «умѣренныхъ и аккуратныхъ», а, напротивъ,—впереди наиболѣе неумѣренныхъ элементовъ интеллигентнаго русскаго общества.

Обстоятельство это придаетъ, я думаю, совершенно иное освѣщеніе и всей легальной литературной дѣятельности Кривенка перваго періода. Стѣсняемая страшными цензурными рамками, работа

легальныхъ писателей,—если то не были, конечно, исключительные таланты (Щедринъ, Михайловскій), искусно умѣвшіе обходить всякаго рода преграды, неизбѣжно должна была отличаться, въ большинствѣ случаевъ, и скромнымъ выборомъ темъ, и мягкой осторожностью тона; но что взгляды Кривенка тѣхъ временъ далеки были отъ какой-либо «узенькой и тѣсненькой программки»—порукой являются и сами «Отеч. Записки», два года имѣвшія его своимъ внутреннимъ обозрѣвателемъ, и нѣжная дружба его съ Н. К. Михайловскимъ, посвятившимъ ему, какъ извѣстно, одинъ изъ первыхъ томовъ своихъ сочиненій...

Эти нѣсколько словъ я хотѣлъ и считалъ необходимымъ сказать надъ могилою честнаго писателя и человѣка. Не всякому борцу даны могучія силы вынести всѣ испытанія, видѣть гибель лучшихъ товарищей—и сохранить до конца юношески-смѣлый взглядъ и бодрое стремленіе впередъ: утомленный взоръ нерѣдко видитъ пустыню тамъ, гдѣ уже появились ростки новой жизни. Потому же, быть можетъ, и Кривенко, вернувшись изъ Сибири, когда народовольческому движенію нанесенъ уже былъ смертельный ударъ, черезчуръ мрачными глазами взглянулъ на родную дѣйствительность, рѣшивъ, что нужно заново поднимать новь, забирая землю осторожной и неторопливой сохою... Но если вѣрно, что въ этотъ періодъ безвременья вокругъ имени Кривенка пыталась сплотиться умѣренная, «правая» струя нашего народничества, то изъ-подъ пера самого С. Н. Кривенка не вышло ни одной строки, которой могли бы стыдиться его друзья и соратники временъ «Отечественныхъ Записокъ».

Миръ его праху! И да не будетъ память его отдѣлена отъ славныхъ именъ его поколѣнія!

П. Якубовичъ.

По поводу письма г. Воронцова.

(*Отъ редакціи*).

Въ № 155 газеты «Рѣчь» появилось письмо В. П. Воронцова, озаглавленное «Поруганіе покойника», а въ № 156—дополненіе къ этому письму. «Поруганіе» г. Воронцовъ усматриваетъ въ некрологѣ С. Н. Кривенка, помѣщенномъ въ 7-й книжкѣ «Русскаго Богатства». Читатели, помнящіе некрологическую замѣтку, о которой идетъ рѣчь, согласятся навѣрное, что ею ни въ какой мѣрѣ не оправдывается заглавіе статьи г. Воронцова. Можно находить, что данная оцѣнка личности покойнаго не соотвѣтствуетъ его дѣйствительному литературно-общественному значенію, можно иначе относиться къ памяти умершаго и выше оцѣнивать его дѣ-

ятельность, и при этомъ «поруганіе» въ некрологѣ усмотрѣть трудно. При этомъ г-ну Воронцову угодно почему-то игнорировать тотъ фактъ, что некрологъ подписанъ полнымъ именемъ С. Н. Южакова. Нигдѣ ни словомъ не упоминая объ этомъ обстоятельствѣ, г. Воронцовъ все время говоритъ о «длинномъ некрологѣ журнала» или о «хроникерѣ журнала». Статья была подписана С. Н. Южаковымъ и появилась не въ хроникѣ. Вопросъ объ оцѣнкѣ значенія того или другого писателя не является вопросомъ, по которому всѣ члены редакціи должны быть непремѣнно солидарны, и, печатая теперь замѣтку по тому-же предмету другого изъ нашихъ ближайшихъ товарищей, иначе оцѣнивающаго значеніе покойнаго Кривенка, редакція не считаетъ, чтобы, такимъ образомъ, нарушилась ея внутреннее единство.

Затѣмъ, г. Воронцовъ касается упоминанія автора некролога о причинахъ ухода С. Н. Кривенко изъ журнала «Русское Богатство». Онъ находитъ, что г. Южаковъ (или «хроникеръ», такъ угодно выражаться В. П. Воронцову) эти причины «исказилъ». Мы не считаемъ умѣстнымъ и своевременнымъ входить здѣсь въ подробный разборъ отношеній покойнаго С. Н. Кривенка къ журналу, редакторомъ котораго онъ былъ вмѣстѣ съ Н. К. Михайловскимъ. Утрата обоихъ писателей еще слишкомъ свѣжа въ памяти ихъ друзей и приверженцевъ. «Каковы бы ни были, однако, непосредственныя причины ухода С. Н. Кривенко изъ редакціи «Русскаго Богатства»,—скажемъ и мы въ свою очередь,—всякому, кто заинтересуется этой страницей изъ исторіи нашей журналистики девяностыхъ годовъ легко прослѣдить наростаніе идейнаго разлада между двумя фракціями когда-то единаго направленія. Внутри редакціи тогдашняго «Русскаго Богатства» прошла трещина, раздѣлившая прежнихъ товарищей. Которая изъ двухъ вѣтвей единаго прежде направленія унесла съ собой истинные живые завѣты направленія, въ которой было болѣе элементовъ живой борьбы, и какая, наоборотъ, несла болѣе задатковъ примиренія съ дѣйствительностью,— это, конечно, вопросы, которые мы съ В. П. Воронцовымъ рѣшаемъ различно.

Но какъ бы ихъ ни рѣшать, неужели—спросимъ мы—можно считать оскорбленіемъ памяти писателя указаніе, что основныя причины расхожденія его съ сотоварищами по работѣ лежали въ *идейномъ* между нами разладѣ, а не въ какихъ-либо «привходящихъ обстоятельствахъ».

Редакторъ-издатель ***Вл. Г. Короленко.***